

Annotation

Когда специалист по безопасности Таннер Мирабель теряет клиента, погибшего от рук наемного убийцы по имени Арджент Рейвич, он отправляется в погоню, чтобы призвать Рейвича к ответу. Поиски приводят его в закрытый куполом Город Бездны на планете Йеллоустоун. Там он сталкивается со странными обитателями города — мутантами, ставшими жертвами нано-технологического вируса, и, в конечном счете, ему приходится противостоять собственным затаенным страхам и внутренним демонам. Автор «Космического Апокалипсиса» соединяет «черный» научно-фантастический роман с технотриллером, рисуя мрачную картину будущего.

- [Аластер Рейнольдс](#)

-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)

- [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
 - [Глава 40](#)
 - [Глава 41](#)
 - [Глава 42](#)
 - [Эпилог](#)
-

Аластер Рейнольдс

Город бездны

Уважаемый иммигрант!

Мы рады приветствовать Вас в системе Эпсилон Эридана.

Несмотря на все произошедшее, мы надеемся, что Ваше пребывание здесь окажется приятным. Данный документ составлен для того, чтобы объяснить Вам значение некоторых ключевых моментов нашей истории. Мы надеемся, что эта информация облегчит Вам адаптацию в культурной среде, которая может абсолютно не соответствовать представлениям, которыми Вы руководствовались, поднимаясь на борт корабля в пункте отправления. Важно, чтобы Вы поняли: мы опирались на опыт тех, кто прибыл сюда до Вас. Наша задача — свести к минимуму шок культурной адаптации. Мы считаем, что попытки приукрасить события, которые продолжают происходить и по сей день, в конечном счете вредны, равно как и преуменьшение их значимости. Статистика показала, что оптимальным подходом в подобных случаях является открытое и честное изложение фактов.

Мы прекрасно понимаем, что Вашей первой реакцией, скорее всего, будет недоверие, которое вскоре сменится гневом, а затем длительным периодом отторжения.

Важно осознать, что эти реакции нормальны.

Столь же важно осознать — уже сейчас, на ранней стадии, — что момент, когда Вы адаптируетесь и примете правду, наступит неизбежно. На это может уйти несколько дней, иногда даже недель или месяцев, но в большинстве случаев это обязательно происходит. Не исключено, что позже Вы вспомните об этом времени, сожалея, что не заставили себя адаптироваться быстрее, чем вы это сделали. Вы узнаете, что только по завершении этого процесса становится возможным нечто похожее на счастье.

Итак, начинаем процесс адаптации.

В силу действия фундаментальных законов скорость передачи информации не может превышать скорость света. В результате новости, которые распространяются в освоенном космосе, неизбежно устаревают прежде, чем преодолевают расстояние между планетными системами — иногда более чем на десятилетия. Ваше представление о главной планете нашей системы, Йеллоустоуне, почти наверняка основано

на устаревшей информации.

Не подлежит сомнению тот факт, что на протяжении более двухсот лет — фактически, до недавнего времени — на Йеллоустоуне царил эпоха, которую большинство современных наблюдателей обозначают термином *Belle Epoque*. Действительно, это был золотой век социального и технологического развития, а система управления, созданная на основе разработанной нами идеологической базы, до сих пор считается непревзойденной.

На Йеллоустоуне было положено начало многим проектам, включая создание дочерних колоний на других планетных системах, а также честолюбивым планам научных экспедиций на границы освоенного человеком космоса. В пространстве Йеллоустоуна и Блестящего Пояса проводились невероятные социальные эксперименты — достаточно вспомнить спорные, но, безусловно, новаторские работы Кэлвина Силвеста и его учеников. Деятельность великих художников, философов и ученых процветала, ибо на Йеллоустоуне для изысканий им были предоставлены поистине «оранжерейные» условия. Бесстрашно внедрялись технологии обогащения нервной системы. Большинство сообществ были склонны относиться к «объединившимся», или Конджойнерам, с подозрением. Но нас, демаркистов, не пугали некоторые аспекты их методик расширения сознания. Мы установили контакты с Конджойнерами, что позволило широко пользоваться их технологиями. Благодаря их двигателям для звездолетов мы заселили гораздо больше систем, нежели культуры, отдающие предпочтение менее развитым социальным моделям.

Это была воистину прекрасная эпоха. Вероятно, нечто подобное вы рассчитывали застать по прибытии.

Но, к сожалению, ситуация коренным образом изменилась.

Семь лет назад в нашей системе произошли некоторые события. Точно установить источник этой проблемы не представляется возможным даже сейчас. Можно с уверенностью утверждать, что споры эпидемии прибыли на борту корабля — возможно, в латентном состоянии и без ведома его экипажа. Маловероятно, что истинная причина когда-либо станет известна, — слишком много было уничтожено или забыто. Целые страницы истории нашей планеты, записанные в цифровом виде, были стерты или погублены эпидемией. В таких случаях остается рассчитывать лишь на человеческую память — но это не самое надежное хранилище информации.

Не будет преувеличением сказать, что Комбинированная Эпидемия

нанесла нашему обществу удар прямо в сердце.

Этот вирус нельзя назвать ни биологическим, ни компьютерным — это был чудовищный изменчивый гибрид из того и другого. Выделить штамм эпидемии так и не удалось. В чистом виде он должен напоминать некий нано-механизм, аналогичный молекулярным ассемблерам, которые были созданы нашими специалистами в области медицинских технологий. Его инопланетное происхождение не подлежит сомнению. Столь же очевиден тот факт, что все наши усилия по борьбе с эпидемией смогли лишь замедлить ее распространение. Зачастую наше вмешательство лишь ухудшало ситуацию. Эпидемия адаптируется к нашим атакам; она подчиняет себе наше оружие и обращает его против нас. Похоже, ею управляет некий глубоко скрытый разум. Мы не знаем, была ли эпидемия направлена против человечества, или нам просто ужасно не повезло.

Предшествующий опыт подсказывает нам, что в этом месте вы, скорее всего, сочтете данный документ мистификацией. Наш опыт также показывает, что отрицание этого факта сыграет роль небольшого, но статистически значимого фактора, который ускорит процесс Вашей адаптации.

Данный документ — не мистификация.

Комбинированная Эпидемия действительно имела место, и последствия ее были намного хуже, чем вы способны вообразить. Ко времени появления признаков эпидемии наши тела были переполнены триллионами крошечных механизмов. Эти бездумные, абсолютно послушные слуги обеспечивали нашу жизнь, обслуживали тело и разум, не требуя ни минуты внимания. Они неустанно сновали в нашей кровеносной системе. Они безостановочно трудились в наших клетках. Они пронизывали мозг каждого из нас, позволяя подключаться к демаркистской сети и почти мгновенно получать необходимую информацию. Мы двигались в виртуальной среде, сотканной посредством прямого воздействия на сенсорные механизмы мозга. Мы сканировали сознание каждого индивида и поместили в систему молниеносно мыслящего компьютера. Мы ковали и ваяли материю в планетарном масштабе, писали симфонии из материи, мы заставили ее плясать по нашему приказу, подобно прирученному пламени. Но только Конджойнерам подлинно удалось приблизиться на шаг к Божественному... и некоторые сочли, что мы должны следовать за ними.

Машины создали на орбитах наши города-государства из камня и льда, а затем оживили инертную материю в пределах собственных биомов. Мыслящие машины управляли этими городами-государствами,

они гнали это стадо из десяти тысяч обитателей Блестящего Пояса по орбите вокруг Йеллоустоуна. Машины превратили Город Бездны в то, чем он стал, придав его бесформенной архитектуре волшебную, фантасмагорическую красоту.

Все ушло.

Это было хуже, чем вы думаете. Если бы эпидемия убила лишь наши механизмы, вместе с ними погибли бы миллионы людей. Однако такая катастрофа была бы обратимой, от нее мы смогли бы оправиться. Но эпидемия вышла за рамки заурядного разрушения и вторглась в сферу, максимально приближенную к искусству, — пусть и к искусству уникально извращенного, садистского характера. Она побудила наши механизмы к неконтролируемой эволюции — неконтролируемой **нами** эволюции, к поиску новых причудливых симбиозов. Наши здания стали воплощением самых уродливых кошмаров, и мы оказались в ловушке прежде, чем смогли предотвратить эти смертоносные метаморфозы. Машины в наших клетках, в нашей крови и в наших головах разрывали оковы, вливаясь в нас, разрушая живую материю. Мы превратились в блестящие, ни на что не похожие сплавы плоти и механизма. Когда мы хоронили мертвых, их тела продолжали расти, расширяясь и сливаясь с городской архитектурой.

То было время ужаса.

Оно продолжается до сих пор.

И все же эпидемия проявила себя как вполне **разумное** образование. Паразит был достаточно аккуратен, чтобы не уничтожить население, которое играло для него роль хозяина-носителя. Погибли десятки миллионов людей — но десятки миллионов достигли убежищ, спрятавшись в герметически запечатанных анклавах в самом Городе или на орбите. Их механизмы получили срочные приказы на самоуничтожение и превратились в пыль, которая вымывалась из организма без всякого вреда для человека. Хирурги поспешно извлекали имплантаты из черепов, прежде чем проявлялись первые признаки поражения. Другие граждане, чересчур привязанные к своим механизмам, чтобы отказаться от них, выбрали «заморозку». Они предпочли быть погребенными в общинных криогенных склепах... либо покинули систему. Тем временем другие десятки миллионов бежали в Город Бездны с орбиты, спасаясь от разрушения, царящего в Блестящем Поясе. Среди них были богатейшие люди системы, но теперь они бедны, как любые беженцы, которых знает история. Вряд ли их утешило то, что они обнаружили в Городе Бездны...

Выдержка из ознакомительного документа для иммигрантов,

**доступная без ограничений в околопланетном пространстве
Йеллоустоуна, 2517 год**

Глава 1

Сгущалась темнота, когда мы с Дитерлингом прибыли к основанию моста.

— Вот первое, что тебе необходимо знать о Васкесе — Красной Руке, — сказал Дитерлинг. — Никогда не называй его так в глаза.

— Почему?

— Потому что это его бесит.

— А в чем проблема? — я резко притормозил и поставил нашу тачку в ряд разномастных машин, выстроившихся вдоль одной стороны улицы, затем опустил стабилизаторы; от перегретой турбины пахло, как из горячего ружейного ствола. — Обычно нас не слишком беспокоят чувства низших организмов.

— Да, но на этот раз немного осторожности не помешает. Возможно, Васкес не самая яркая звезда на криминальном небосводе, но у него есть приятели и некоторая склонность к садистским экспериментам. Так что будь хорошим мальчиком и веди себя примерно.

— Всенепременнейше.

— Да, и постарайся заодно не оставлять слишком много крови на полу, ладно?

Мы вылезли из кабины и вытянули шеи, чтобы разглядеть мост. Я не видел его до сего дня — это было мое первое появление в Демилитаризованной Зоне, не считая Нуэва-Вальпараисо, — и мост казался абсурдно большим, хотя мы находились в пятнадцати-двадцати километрах от города. Суон, раздутый и красный, с раскаленной точкой у сердцевины, опускался за горизонт, но света пока хватало, чтобы различить переплеты моста и крошечные бусины опускающихся и возносящихся в космос подъемников. Я уже гадал, не опоздали ли мы и не сел ли Рейвич на борт одного из них — но Васкес заверил нас, что тип, за которым мы охотимся, все еще находится в городе, где задействует свою финансовую паутину, опутавшую всю Окраину Неба, и переводит свои средства на долгосрочные счета.

Дитерлинг обошел нашу тачку — одноколесная машина с расположенными внахлест броневыми сегментами походила на свернувшегося в защитной позе броненосца — и открыл крошечный багажник.

— Черт. Чуть не забыл наши плащи, братишка.

— Вообще-то, я на это надеялся.

Он бросил мне один плащ.

— Надевай и перестань ныть.

Я накинул плащ поверх нескольких комплектов одежды, которые успел на себя натянуть, и одернул его. Полы плаща скользили по уличным лужицам грязной дождевой воды, но это вполне отвечало вкусам аристократов — попробуй наступи! Дитерлинг надел свой плащ и застучал пальцам по тисненым узорам на манжете, набирая опции. При виде каждого нового портновского изыска на его лице возникала гримаса отвращения.

— Нет. Нет... нет. Боже мой, нет. Опять нет. И это не пойдет.

Я вытянул руку и ткнул большим пальцем в одну из «клавиш».

— Вот. Будешь выглядеть сногсшибательно. А теперь заткнись и дай мне пистолет.

Я уже выбрал для своего плаща жемчужный тон, в надежде на то, что на его фоне пистолет будет максимально незаметен. Дитерлинг извлек маленькое оружие из кармана пиджака и предложил его мне так, словно это была пачка сигарет.

Пистолет был миниатюрным и полупрозрачным, под его гладкими люцитовыми плоскостями просматривался лабиринт крошечных деталей.

Он был снабжен заводным механизмом, а изготовлен целиком из углерода — в основном, из алмаза, — но с добавлением фуллерена для смазки и энергосбережения. Ни металлов, ни взрывчатых веществ, ни проводки — только сложные рычажки и шестерни, смазываемые фуллериновыми молекулами. Стреляет алмазными флекеттами со стабилизированным вращением, которые извлекают энергию спуска фуллериновых пружин, сжатых до предела прочности. Заводится ключом, подобно механической игрушке. Пистолет не был снабжен ни прицелами, ни стабилизирующими системами, ни устройствами, которые помогают наведению на цель.

Но все это не имело значения.

Я сунул пистолет в карман плаща, уверенный, что никто из прохожих ничего не заметил.

— Кое-что изящное, как и обещал, — сказал Дитерлинг.

— Сойдет.

— И только-то? Таннер, ты меня разочаровываешь. Эту вещицу отличает скрытая, зловещая красота. Я даже думаю, что она пригодна для охоты.

Мигуэль Дитерлинг в своем репертуаре. Он на все смотрит с позиции

охотника.

Я выдавил улыбку.

— Верну его тебе в целости и сохранности. А если не получится, то теперь я знаю, что подарить тебе на Рождество.

Мы зашагали к мосту. Это был наш первый визит в Нуэва-Вальпараисо, но это не имело значения. Его схема, как это бывает в большинстве крупных городов планеты, казалась хорошо знакомой — вплоть до названий улиц. Большинство зданий располагались в дельтовидных кварталах; каждая из улиц, образующих стороны треугольника, тянулась на сотню метров — до нового трехстороннего перекрестка. Обычно «ядро», или центральный треугольник, — самый маленький. Треугольники, которые его окружают, последовательно увеличиваются до тех пор, пока геометрический порядок не рассыпается паутиной пригородов и новостроек. Что касается центрального треугольника, то город поступал с ним как хотел, и обычно это зависело от того, сколько раз его занимали — или бомбили — за время войны. Лишь изредка можно было обнаружить признаки дельтовидного «челнока», вокруг которого возникло поселение.

Нуэва-Вальпараисо зародился именно таким образом. Улицы его имели обычные названия: Омдэрман, Норквинко, Арместо и так далее, — но центральный треугольник был погребен под сложной конструкцией моста, который оказался достаточно полезным для обеих сторон, чтобы выжить и даже почти не пострадать. Отвесно вздымаясь метров на триста с каждой стороны, мост чернел, словно корпус корабля, его нижние уровни, усеивали наросты отелей, ресторанов, казино и борделей. Но даже не видя моста с улицы, было очевидно, что мы находимся в старом районе, неподалеку от посадочной площадки. Некоторые здания строили, громоздя друг на друга грузовые отсеки кораблей. В них виднелись соты окон и дверей, которые за последующие два с половиной века украсились всяческими архитектурными причудами.

— Эй, — произнес голос. — Таннер... мать твою... Мирабель!

Он стоял в полутемной галерее, прислонившись к стене — с таким видом, будто от скуки ему осталось лишь наблюдать за ползущими мимо насекомыми. До сих пор мы общались только по телефону или видео — сводя наши разговоры к минимуму, — и я ожидал увидеть кого-то значительно более рослого и не столь похожего на крысу. Плащ на нем был тяжелым, как и мой, но выглядел так, будто вот-вот свалится с плеч. У него были желто-коричневые зубы, словно заточенные напильником, острая физиономия, обросшая неровной щетиной, и длинные черные волосы,

которые он зачесывал назад с узкого лба. В левой руке человек держал сигарету, которую периодически подносил к губам, при этом его правая рука пряталась в боковом кармане плаща, не проявляя желаний оттуда показываться.

— Васкес? — я постарался не выказать удивления — хотя он выследил Дитерлинга и меня. — Полагаю, ты проследил за нашим человеком?

— Эй, остынь, Мирабель. Этот парень без моего ведома даже не помочится.

— Он все еще улаживает свои дела?

— Ага. Ты знаешь этих богатых деток. У меня тоже дел хватает. Я бы на его месте уже летел по этому мосту, как дерьмо на колесах, — он ткнул сигаретой в сторону Дитерлинга. — Это кто, змеелов?

Дитерлинг пожал плечами.

— Как тебе угодно.

— Крутое дело — охотиться на змей, — не выпуская из руки сигарету, он сделал жест, словно целится и стреляет — несомненно, в какую-нибудь гамадриаду. — Не прихватишь меня с собой как-нибудь, поохотиться?

— Не знаю, — отозвался Дитерлинг. — У нас не в ходу двуногая наживка... Но я поговорю с хозяином и погляжу, что можно придумать.

Васкес — Красная Рука оскалил острые зубы.

— Шутник. Ты мне нравишься, Змея. Но ведь ты работаешь на Кагуэллу, поэтому должен мне нравиться. Кстати, как он поживает? Я слышал, ему досталось не меньше, чем тебе, Мирабель. По правде, до меня дошли скверные слухи — что он вообще никак не поживает.

Мы не планировали вот так, сразу объявлять о смерти Кагуэллы. Сначала стоило поразмышлять над совокупностью ее последствий — однако новость, очевидно, достигла Нуэва-Вальпараисо раньше нас.

— Я сделал все, что мог, — сказал я.

Васкес кивнул медленно и мудро, как будто услышал подтверждение какому-то священному постулату.

— Ага, я об этом слышал, — он положил левую руку мне на плечо, держа сигарету на расстоянии от жемчужной материи плаща. — Я слышал, что ты проехал через пол-материка без ноги только ради того, чтобы доставить Кагуэллу и его сучку домой. Это охрененный героизм, парень, даже для белоглазого. Ты как-нибудь расскажешь мне об этом за стаканчиком виски с содовой, а Змея внесет меня в список своей очередной полевой командировки. Верно, Змея?

Мы продолжали идти в сторону моста.

— Не думаю, что у нас есть время на выпивку, — заметил я.

— Не понимаю вас, ребята, — Васкес шагнул впереди, все еще держа руку в кармане. — Только скажите словечко — и Рейвич перестанет быть проблемой и станет пятном на полу. Предложение все еще в силе, Мирабель.

— Я должен прикончить его лично, Васкес.

— Ага. Я об этом слышал. Нечто вроде вендетты. У тебя что-то такое с бабенкой Кагуэллы, так?

— Тактичность не входит в список твоих достоинств, Красный.

Я заметил, как Дитерлинг скривился. Мы сделали еще несколько шагов прежде, чем Васкес остановился и уставился на меня.

— Что ты сказал?

— Я слышал, что тебя называют за глаза Васкесом — Красной Рукой.

— А тебе-то до этого какого хрена?

— Не знаю, — передернул я плечами. — С другой стороны, какое дело тебе до того, что было между мной и Гиттой?

— Ладно, Мирабель, — он глубже обычного затянулся сигаретой. — Думаю, мы друг друга поняли. Мне не нравятся одни вопросы, тебе не нравятся другие. Быть может, ты даже трахался с ней, не знаю, парень, — он явно заметил, как я напрягся. — Но, повторяю, это не мое дело. И больше об этом не спрошу. Даже думать об этом не буду. Но окажи мне одну услугу, ладно? Не зови меня Красной Рукой. Я знаю, что Рейвич паршиво поступил с тобой в джунглях. Слышал, что ты там едва концы не отдал. Но усеки одно: ты здесь в меньшинстве. Мои люди следят за тобой постоянно. Это значит, что ты не захочешь огорчить меня. А если огорчишь, то я устрою тебе такое, мать твою, что залипуха от Рейвича покажется тебе сраным пикником на лужайке.

— Кажется, нам следует поймать этого джентльмена на слове, — вмешался Дитерлинг. — Верно, Таннер?

— Скажем, мы оба задели друг другу чувствительное место, — сказал я, прервав наконец долгое напряженное молчание.

— Ага, — согласился Васкес. — Мне это нравится. Мы с Мирабелем парни горячие и должны уважать чувствительные места друг друга. Заметано. А теперь пойдем пропустим по паре коктейлей, а Рейвич пока делает свой ход.

— Не хотелось бы слишком удаляться от моста.

— Не проблема.

Васкес пробивал нам путь с безмятежной легкостью, расталкивая вечерних гуляк. С нижнего этажа одного здания, собранного из грузовых отсеков, доносились звуки аккордеона — медленные и величественные, как

реквием. Снаружи прохаживались парочки — в большинстве не аристократы, а местные жители, правда, одетые со всей доступной им роскошью. Молодые люди, раскованные, симпатичные, с улыбками на лицах, присматривали местечко, где можно было перекусить, поиграть на деньги либо послушать музыку. Скорее всего, война так или иначе коснулась каждого; быть может, многие из них потеряли друзей или любимых. Но Нуэва-Вальпараисо располагался достаточно далеко от фронтов, где гуляла смерть, так что война не занимала главенствующее место в мыслях этих людей. Трудно было не завидовать им; трудно не пожелать, чтобы и мы с Дитерлингом могли зайти в бар и выпить до беспамятства — так, чтобы забыть о заводном пистолете, забыть о Рейвике и о причине, которая привела меня на мост.

В этот вечер здесь были, разумеется, и другие. Например, солдаты в увольнении, одетые в гражданское, но мгновенно узнаваемые — с короткими агрессивными стрижками, гальванически накаченными мускулами, меняющими цвет татуировками на предплечьях и странным асимметричным загаром на лицах — пятно бледной кожи вокруг одного глаза, которым они обычно вглядываются в укрепленный на шлеме прицельный монокуляр. Здесь было не важно, на какой стороне ты воюешь. Солдаты всех армий и группировок и гражданские образовали пеструю смесь — как ни странно, не взрывоопасную, вероятно, благодаря присутствию в ней представителей милиции, которая патрулировала Демилитаризованную Зону. Патрульные были единственными, кому дозволялось носить оружие в пределах ДМЗ, и поэтому щеголяли в белых крахмаленных перчатках, выставляя напоказ пистолеты. На Васкеса они не покушались, даже если бы мы не шли рядом с ним, так что нам с Дитерлингом было не о чем беспокоиться. Мы, наверное, смахивали на горилл, на которых натянули приличную одежду. Однако нас трудно было принять за солдат, которые только что пришли с фронта. Каждый из нас приближался к тому возрасту, который принято считать серединой жизни. На Украине Неба это составляет сорок — шестьдесят лет — за историю человечества эти показатели почти не изменились.

Значит, остается еще столько же... Не густо.

Мы с Дитерлингом поддерживали форму, но не доводили себя до такого состояния, как местные вояки. Их мускулатура и прежде была гипертрофированной по обычным меркам, но с тех пор, как я сам был «белоглазым», ребята перешли границы разумного. Тогда эти перекаченные мускулы еще можно было оправдать необходимостью таскать на себе целый арсенал. С тех пор оружейники сделали не один шаг вперед, но тела

солдат, гуляющих по улице этим вечером, были словно нарисованы карикатуристом, склонным к абсурдным преувеличениям. Должно быть, на поле боя эффект усиливали облегченные винтовки, которые сейчас в моде. Представьте себе гору мышц, увешанную оружием, которое может поднять ребенок.

— Сюда, — сказал Васкес.

Его берлога располагалась в одной из построек, паразитирующих на основании моста. Васкес провел нас в короткий темный переулок, затем толкнул неприметную дверь, обрамленную голографическими изображениями змей. Внутреннее помещение оказалось огромной кухней, заполненной клубящимся паром. Щурясь и вытирая с лица пот, я еле успевал уклоняться от развешенной повсюду зловещего вида кухонной утвари. Интересно, применял ли ее Васкес для каких-либо других целей, помимо кулинарных.

— Почему он так не любит, когда его называют Красной Рукой? — шепнул я Дитерлингу.

— Это долгая история, — ответил Дитерлинг. — И дело не просто в руке.

То и дело из пара торопливо выныривал обнаженный по пояс повар с лицом, полускрытым пластиковой дыхательной маской. Пока Васкес говорил с кем-то из них, Дитерлинг проворно сунув пальцы в кастрюлю с кипящей водой, подцепил что-то — и принялся смаковать.

— Это Таннер Мирабель, мой друг, — сказал Васкес старшему повару. — Парень был белоглазым, так что не дури с ним. Мы побудем здесь немного. Принеси нам что-нибудь выпить. Виски с содовой. Мирабель, ты голоден?

— Не слишком. А Мигуэль, кажется, уже угощается.

— Хорошо. Но, по-моему, Змея, крысы сегодня не удались.

Дитерлинг пожал плечами.

— Поверь, мне случалось отведать и нечто похуже, — он бросил в рот еще один кусочек. — М-мм... В самом деле, вполне приличная крыса. *Norvegicus*, верно?

Васкес провел нас через кухню в пустой игорный салон. Вернее, мне показалось, что он пуст. Тускло освещенная комната была с подлинной роскошью отделана зеленым бархатом. Пьедесталы с булькающими кальянами расположены с точностью стратегических ракет, на стенах картины в коричневых тонах. Сначала я принял их за масляную живопись, но приглядевшись, понял, что они склеены из кусков дерева, которые тщательно подогнаны друг к другу. Некоторые куски слегка мерцали — это

указывало, что они вырезаны из коры дерева гамадриад. Все картины были посвящены одной теме — эпизодам жизни Небесного Хаусманна. Одна изображала пять кораблей Флотилии, летящих через космос от Солнечной системы к нашей. На другой — Тит Хаусманн с факелом в руке находит своего сына, сидящего в одиночестве и в темноте после Великого Затмения. Сцена, где Небесный посещает своего отца в госпитале на борту корабля — это случилось перед тем, как Тит умер от ран, полученных при защите «Сантьяго» от диверсанта. Был великолепно запечатлен миг преступления и славы Небесного Хаусманна — поступок, свершенный им ради того, чтобы «Сантьяго» достиг этого мира раньше других кораблей Флотилии: корабельные модули со «спящими» разлетаются по космосу, подобно семенам одуванчика. Самая последняя картина изображала наказание, которому люди подвергли Небесного — распятие.

Я смутно припомнил, что это случилось где-то неподалеку отсюда.

Однако комната не только служила святилищем Хаусманна. В нишах, расположенных по периметру, располагались обычные игральные автоматы. Кроме того, в комнате стояло несколько столов, за которыми позже начнется игра; сейчас на них никто не обращал внимания. Я слышал лишь шорох крыс где-то в темноте.

Но главной достопримечательностью комнаты был полусферический купол, идеально черный, не менее пяти метров в диаметре. Его окружали кресла с мягкой обивкой, водруженные на сложные телескопические цоколи, которые поднимали их на три метра над полом. Один подлокотник каждого кресла был снабжен игровыми рычажками, на другом размещалась целая батарея устройств для внутривенных вливаний. Примерно половина кресел была занята какими-то субъектами. Они сидели неподвижно, как неживые, — неудивительно, что я их даже не заметил, входя в комнату. Безвольные позы, запрокинутые головы, вялые лица, закрытые глаза. Их окружала неуловимая аура аристократического блеска — аура богатства и высокомерия.

— А это что? — спросил я. — Забыл их выкинуть, когда закрывался утром?

— Нет. Они тут практически постоянно, Мирабель. Они играют в игру, которая длится месяцами, — делают ставки на долгосрочные результаты наземных операций. Сейчас здесь затишье из-за муссонов. Как будто войны и в помине нет. Но видел бы ты их, когда начнется заварушка.

Что-то в этой комнате мне не нравилось. И не только экспозиция истории Небесного Хаусманна, хотя она вносила в это ощущение основной вклад.

— Не пора ли нам идти, Васкес?

— И остаться без выпивки?

Не успел я решить, что ему ответить, как вошел повар, толкая перед собой маленькую тележку, нагруженную напитками. Он был все еще в пластиковой маске и тяжело пыхтел. Пожав плечами, я пригубил писко, потом кивнул на картины.

— Похоже, Небесного Хаусманна здесь уважают?

— И куда больше, чем тебе кажется, парень.

Васкес что-то сделал, и полусфера ожила. Она перестала быть слитком черноты и теперь являла подробнейшую панораму одного из полушарий Окраины Неба. Обрамленная черной кромкой, она напоминала торчащий из пола глаз ящерицы. Россыпь огней на западном побережье Полуострова, которая виднелась сквозь щель в облаках, была Нуэвой-Вальпараисо.

— Да неужели?

— Местные жители могут быть весьма религиозны. Будь поделикатнее и думай, что говоришь, парень... а то еще нарвешься ненароком.

— Я слышал, они сделали из Хаусманна предмет поклонения. А больше я ничего не знаю, — я снова огляделся и впервые заметил на одной из стен нечто странное — череп дельфина, но весь в странных выпуклостях и бороздках. — А это что? Выкупил эту хибару у какого-нибудь чокнутого почитателя Хаусманна?

— Не совсем так.

Дитерлинг кашлянул. Я не обратил на него внимания.

— А как? Отделал комнату по своему вкусу?

Васкес затушил сигарету и ущипнул себя за переносицу, наморщив крошечный лоб.

— В чем дело, Мирабель? Ты пытаешься завести меня — или ты просто тупой мудила?

— Не знаю. Мне казалось, я поддерживаю светскую беседу.

— Ага, верно. А до этого назвал меня Красным, будто ненароком.

— Кажется, мы это уже обговорили, — я глотнул писко. — Я не пытался задеть тебя, Васкес. Но сдается мне, ты уж слишком чувствителен.

Он что-то сделал — еле заметный жест одной рукой, будто пальцами щелкнул.

Далее произошло нечто не уловимое глазом; мелькнул металл, и по комнате закружил ласковый ветерок. Позже, восстанавливая в памяти события, я пришел к выводу, что по всей комнате разом раскрылись множество отверстий — в стенах, в полу и потолке — выпуская летающие машины.

Это были самоуправляемые шершни-часовые — летающие черные шары. Из каждого торчало по три-четыре ствола, расположенных по экватору, и все были нацелены на нас с Дитерлингом. Шершни медленно кружили вокруг нас и жужжали, словно их и вправду переполняла злоба.

Несколько долгих мгновений никто из нас не дышал. Потом Дитерлинг решился заговорить:

— Полагаю, мы были бы покойниками, разозлишь ты на нас всерьез, Васкес.

— Ты прав, Змея, тонко подмечено. Безопасный режим! — он повысил голос и еще раз щелкнул пальцами. — Видишь, парень? Ведь ты не уловил разницу? Но комната ее уловила. Если бы я не отключил систему, она бы приняла это за приказ разделаться с каждым из присутствующим, кроме меня, включая этих жирных пердунов в креслах.

— Я рад, что ты ее отключил, — сказал я.

— Давай, смейся, Мирабель, — снова щелчок. — Похоже на прежнюю команду, верно? Но команда чуть-чуть другая. Это приказ трутням оторвать вам руки, по одной за раз. Эта комната запрограммирована на распознавание еще как минимум двенадцати жестов — и поверьте мне, после некоторых развлекухек я действительно могу разориться, оплачивая уборку помещения, — он пожал плечами. — Могу я считать, что довел до тебя свою мысль?

— Пожалуй, ты ее прояснил.

— Хорошо. Включить безопасный режим! Часовым возвратиться на место!

То же мельтешащее движение, тот же ветерок. Машины как будто растворились в воздухе.

— Классная система, правда? — спросил у меня Васкес.

— Не скажи, — ответил я, ощущая на лбу едкий пот. — Будь твоя система безопасности понадежней, ты профильтровал бы любого прежде, чем он сюда доберется. Но думаю, эти зверушки оживляют атмосферу на вечеринках.

— Ага, вот именно, — Васкес посмотрел на меня с любопытством. Он был явно доволен произведенным эффектом.

— Но это заставляет меня гадать о причинах твоей обидчивости.

— На моем месте ты был бы хрен знает во сколько раз обидчивее.

То, что он сделал, меня удивило. Он просто вынул из кармана руку — достаточно медленно, чтобы я увидел, что в ней нет оружия.

— Видишь это, Мирабель?

Не знаю, чего именно я ожидал, но стиснутый кулак, который он мне

показал, выглядел достаточно заурядно. Он не показался мне не то что деформированным, но и сколь-нибудь необычным.

— Рука как рука, Васкес.

Он сжал кулак посильнее, и тут произошло нечто странное. Из стиснутых пальцев начала сочиться кровь — вначале медленно, затем струйка стала гуще. Я смотрел, как она течет на пол — алое на зеленом.

— Вот почему меня так называют. Потому что у меня кровоточит правая рука. Чертовски оригинально, да? — он разжал кулак, приоткрывая истекающую кровью небольшую дырку примерно посередине ладони. — Вот так-то. Это стигмат наподобие знака Христа, — здоровой рукой он полез в другой карман, вынул платок, скомкал его и прижал к ране, чтобы остановить кровотечение. — Иногда я способен вызвать это просто усилием воли.

— Значит, до тебя добрались сектанты Хаусманна, — заметил Дитерлинг. — Небесного тоже распяли. И гвоздь ему вбили в правую ладонь.

— Не понимаю, — признался я.

— Сказать ему?

— Сделай одолжение, Змея. Парня явно стоит просветить.

Дитерлинг повернулся ко мне.

— За последнее столетие поклонники Хаусманна разделились на ряд разных сект. Некоторые из них прониклись идеями кающихся монахов и пытались причинить себе хоть немного той боли, которую испытал Небесный. Одни запираются и сидят в темноте до тех пор, пока у них не поедет крыша и не начнутся видения. Другие отсекают себе левую руку, некоторые даже распинают себя. Иногда они при этом умирают, — он сделал паузу и покосился на Васкеса, словно просил разрешения продолжать. — Но есть одна экстремистская секта, которая зашла еще дальше. Ее адепты распространяют послание не словесно и не письменно, а при помощи вирусов.

— Продолжай, — сказал я.

— Скорее всего, вирус разработали Ультра. Может, кому-то из сектантов довелось побывать у Трюкачей, а те, как ты знаешь, балуются нейрохимией. Это не важно. Важно лишь, что этот вирус весьма липучий, передается по воздуху и заражает почти всех.

— Превращая их в сектантов?

— Нет, — заговорил Васкес, отыскав себе новую сигарету. — Вирус действует на тебя, но не превращает в одного из них, понял? У тебя появляются видения и сны, а иногда тебе хочется... — Он помедлил и

кивнул на торчащего из стены дельфина. — Видишь тот рыбий череп? Он стоил мне ноги и руки, будь они неладны. Это череп Слика — знаешь, был такой на корабле. Стоит иметь под рукой такого рода хрень — знаешь, нервы успокаивает. Но не более того.

— А рука?

— Некоторые вирусы вызывают физические изменения, — продолжал Васкес. — Мне в некотором роде повезло. Есть вирус, который тебя ослепляет, другой заставляет бояться темноты, а третий заставляет твою левую руку отсохнуть и отвалиться. В общем, капля крови время от времени — это еще мелочи. Вначале, пока об этом вирусе знали немногие, это было круто. С помощью этой фигни получалось неплохо дурачить народ. Представь, заявляешься на переговоры и у всех на глазах начинаешь истекать кровью. Потом, правда, разобрались, что к чему — просекли, что меня заразили сектанты.

— И задумались — а вправду ли ты так крут, как говорят, — сказал Дитерлинг.

— Ага, верно, — Васкес посмотрел на него и скривился. — Такую репутацию, как у меня, за два дня не создашь.

— Не сомневаюсь, — согласился Дитерлинг.

— Да. И подобная мелочь, парень, может оказаться весьма досадной.

— А ты не пробовал лечиться? — спросил я, не обращая внимания на отчаянные сигналы Дитерлинга.

— Ага, Мирабель. На орбите у них полно всякой дряни, которая с этим справится. Но орбита в моем списке мест, безопасных для посещения, в данное время не числится.

— Ну, так и живи с этим вирусом. Ведь он уже почти не заразен, правда?

— Верно, тебе он не грозит. И никому не грозит. Я сейчас почти в порядке, — он снова закурил, и это его слегка успокоило. Кровотечение прекратилось. Васкес снова спрятал злополучную руку в карман и глотнул писко. — Только, знаешь, иногда я жалею, что не заразен... и не оставил про запас немного крови с той поры, как был инфицирован. Можно было бы сделать кому-нибудь подарочек на прощание — типа маленького укола в вену.

— Но это значит заниматься тем, чего от тебя добивались сектанты, — сказал Дитерлинг. — Распространять их веру.

— Ну да. Так что я лучше буду распространять веру в то, что если когда-нибудь я поймаю гниду, которая сделала это со мной... — он смолк, как будто его что-то отвлекло. Уставившись прямо перед собой, словно

человек в парализующем трансе, он проговорил: — Нет. Не пойдет, парень. Извини, не верю.

— Чему не веришь? — спросил я.

Голос Вакеса сделался почти не слышен, хотя я видел, как двигаются мышцы на его шее. Должно быть, он вышел на связь с одним из своих людей.

— Рейвич, — произнес он наконец.

— И что с ним? — осведомился я.

— Эта сволочь перехитрила меня.

Глава 2

Лабиринт темных, сырых коридоров соединял заведение Красной Руки с внутренними помещениями терминала моста, проходя прямо сквозь черную стену. Васкес вооружился факелом и повел нас по лабиринту, пинками разгоняя с дороги крыс.

— Двойник, — восхищенно сказал он. — Сроду не предполагал, что он подставит нам живца. А мы гонялись за этой сволочью столько дней! — он произнес последнее слово так, будто имел в виду месяцы, и весь этот период ему приходилось проявлять чудеса проницательности и производить самые тонкие расчеты.

— На что только не идут некоторые люди, — сказал я.

— Эй, остынь, Мирабель. Ведь это ты не хотел, чтобы мы кокнули парня, как только увидим. А это было бы легко организовать.

Он распахивал двери плечом одну за другой, проходя из коридора в коридор.

— Но это точно не Рейвич?

— Конечно. Мы провели экспертизу, поняли, что это не он — и взялись за поиски настоящего Рейвича.

— Парень в чем-то прав, — произнес Дитерлинг. — Как мне ни тяжело это признать.

— Очко в твою пользу, Змея.

— Да ладно, не бери в голову.

Васкес пинком отшвырнул в темноту очередную крысу.

— Так что же там приключилось, после чего ты стал одержим этой сраной вендеттой?

— Кажется, ты об этом и сам знаешь, — отозвался я.

— Да, мир слухами полнится. Особенно, когда сыграт в ящик такой тип, как Кагуэлла. Как говорится, вакуум власти, и прочее. Но меня удивляет, что вы оба выбрались из передряги живыми. Я слышал, что там, в засаде, было чертовски жарко.

— Меня ранило не слишком сильно, — сказал Дитерлинг. — Таннеру досталось куда круче. Он потерял ступню.

— Ничего особенного, — сказал я. — Прижег лучевиком рану и остановил кровотечение.

— Ну да, — согласился Васкес. — Просто еще одна дырка на брэнном теле. Не могу понять вас, парни, — вот чтоб мне сдохнуть, не могу.

— Прекрасно, но, может быть, сменим тему?

Моя сдержанность объяснялась не просто нежеланием обсуждать с Васкесом — Красной Рукой недавний инцидент. Помимо нежелания, немало значил тот факт, что у меня попросту вылетели из головы почти все подробности происшествия. То есть, возможно, я что-то помнил до курса коматозного лечения — во время которого мне заново вырастили ступню, — но теперь мне казалось, что все это случилось в далеком прошлом, а вовсе не каких-то несколько недель назад.

Впрочем, я искренне верил, что Кагуэлла выживет. Вначале казалось, что ему повезло: лазерный луч прошел сквозь тело и каким-то чудом не коснулся жизненно важных органов — словно его траектория была заранее рассчитана искусным хирургом. Но тут начались сложности. Не имея возможности добраться до орбитальной станции — он был бы арестован и отправлен на казнь, еще не успев покинуть пределы атмосферы, — Кагуэлла вынужден был пользоваться услугами черного рынка, самыми дорогими, какие мог себе позволить. Этого оказалось достаточно, чтобы вернуть мне ногу, но ранения такого типа на войне случаются каждый день. Множественные повреждения внутренних органов требовали, например, дополнительного обследования, и купить такое на черном рынке было просто невозможно.

Поэтому он погиб.

А я очутился здесь, охотясь за человеком, который убил Кагуэлла и его жену, — с намерением сразить его одной алмазной флекеттой из заводного пистолета.

Еще до того, как я стал экспертом по безопасности на службе у Кагуэллы — то есть когда был еще солдатом — поговаривали, что я настолько крутой снайпер, что могу вклеить пулю кому-нибудь в голову и попасть в область мозга с определенной функцией. Это не совсем так, но на меня никто никогда не жаловался. Просто я люблю выполнять задачу чисто, быстро и аккуратно.

Я от души надеялся, что Рейвич меня не подведет.

К моему удивлению, потайной коридор вывел нас прямо в сердце посадочной пристани терминала, в затененную часть главного вестибюля. Я оглянулся на барьер безопасности, который мы обошли, и увидел, как охранники сканируют пассажиров в поисках припрятанного оружия и проверяют удостоверения личности на случай, если планету попытается покинуть военный преступник. Удобно примостившийся в моем кармане заводной пистолет не проявился бы на их сканирующих устройствах, что и обусловило мой выбор. Теперь я ощутил легкую досаду оттого, что все мои

хлопоты пропали всуе.

— Господа, — произнес Васкес, задержавшись на пороге, — дальше я не пойду.

— А мне казалось, что это место тебе по вкусу, — проговорил Дитерлинг, оглядываясь. — Что случилось? Боишься, что тебе снова не захочется его покидать?

— Что-то вроде того, Змея, — Васкес похлопал нас по спинам. — Ладно. Идите и прихлопните этот мазок дерьма из анатомички, ребята. Но не говорите никому, что я привел вас сюда.

— Не беспокойся, — заверил Дитерлинг. — Твоя роль в мероприятии не будет преувеличена.

— Вот и славно. И помни, Змея... — он снова сделал жест, словно стрелял из пистолета. — Та охота, о которой мы говорили...

— Считай, что ты уже в списке — по крайней мере, в предварительном.

Он исчез в туннеле, а мы с Дитерлингом остались на терминале. С минуту ни один из нас не мог произнести ни слова. Это странное место ошеломляло.

Мы находились в холле поверхностного уровня — кольцеобразном зале, окружающем площадку посадки и высадки у основания спирали. Потолок вестибюля нависал над множеством ярусов, пространство между которыми пересекали во всех направлениях подвесные трапы и транзитные трубы, а в наружной стене размещались магазины, бутики и рестораны. Большинство из них были сейчас закрыты либо переоборудованы в маленькие молельни или лавки, где можно было приобрести предметы религиозного назначения. Здесь было малоллюдно — с орбиты добраться было нелегко, и лишь к подъемникам шагала небольшая группа отправляющихся. Вестибюль был освещен хуже, чем рассчитывали дизайнеры, потолок едва виднелся. В целом помещение напоминало кафедральный собор, в котором проводилась некая невидимая религиозная церемония — атмосфера, в которой не уместны спешка и громкие голоса. На пределе слышимости что-то тихо гудело, словно подвал, набитый генераторами. Или комната, набитая молящимися монахами, тянущими в унисон погребальное песнопение.

— Здесь всегда так? — спросил я.

— Нет. Вообще-то это место всегда было отстойником, но со времени моего последнего визита здесь все окончательно испортилось. С месяц назад было иначе. Народу — тьма. Большинство тех, кто садился на корабль, проходило именно здесь.

Здесь, в Окраене Неба, прибытие звездолета всегда было событием. Планета у нас бедная и довольно отсталая, если сравнивать с другими населенными мирами, и мы вряд ли вносим основной вклад в изменения ассортимента межзвездного рынка. Мы мало чего экспортируем — не считая опыта ведения военных действий и кое-каких никому не интересных биопродуктов из джунглей. Мы бы с радостью покупали всякую технологическую экзотику и соответствующие услуги, которые предлагают демаркистские миры, но лишь немногие толстосумы Окраены Неба могут это себе позволить. Когда какой-нибудь корабль удостоивает нас визитом, молва обычно объясняет это тем, что его владельца вытеснили с более процветающих рынков — маршрутов Йеллоустоун — Солнечная система или Фанд — Йеллоустоун — Гранд-Тетон, — либо корыту потребовался срочный ремонт. Это случалось примерно раз в стандартные десять лет, и они всегда обводили нас вокруг пальца.

— Хаусманн действительно погиб здесь? — спросил я Дитерлинга. Мы пересекали огромный гулкий вестибюль.

— Где-то неподалеку, — отозвался он. — Где именно — никто никогда не узнает, потому что в те времена не было точных карт. Но это случилось примерно в радиусе нескольких километров отсюда и наверняка в окрестностях Нуэва-Вальпараисо. Вначале тело собирались сжечь, но позже решили забальзамировать, чтобы легче было его выставлять — в качестве наглядного примера.

— Но культа тогда еще не было?

— Конечно, не было. Несколько чокнутых поклонников — но никакого религиозного психоза. Это началось позже. Экипаж «Сантьяго» состоял по большей части из людей светских, но психику человека не так-то просто избавить от религиозности. Они взяли деяния Небесного и соединили их с тем, что предпочли вынести из прежней жизни — сохраняя одно и выбрасывая другое по своему вкусу. Сменилось несколько поколений, пока они не продумали схему до мелочей, после чего остановить процесс стало невозможно.

— А когда был построен мост?

— К тому времени одна из сект поклонников Хаусманна завладела его мумией. Эти фанатики назвали себя «Церковью Небесного». И решили — исключительно удобства ради, — что он должен был умереть не просто у моста, а под ним. И что мост, по сути, надо считать не космическим подъемником — это его побочная функция, — а усыпальницей Господней, символом преступления и славы Хаусманна.

— Но мост спроектировали и построили люди.

— По воле Божьей. Разве ты не понимаешь? Спорить бесполезно, Таннер. Сдавайся и не пытайся оказать сопротивление.

Навстречу нам шли сектанты — двое мужчин и женщина. Не могу отделаться от ощущения, что где-то уже видел эту троицу — причем тогда они еще были «непосвященными». Все трое были одеты в просторные пепельные блузы. Независимо от пола, они предпочитали носить длинные волосы. На голове одного из мужчин красовался венец — судя по всему, какое-то устройство, причиняющее боль. У другого левый рукав был пустым и приколот к боку. На лбу у женщины можно было разглядеть татуировку в виде крошечного дельфина. Мне вспомнилось, что Небесный Хаусманн подружился с дельфинами на борту «Сантьяго» и коротал время в обществе этих созданий, которых чурался прочий экипаж.

Странно, что я вспомнил эти подробности. Может быть, мне кто-то об этом рассказывал?

— Пистолет у тебя наготове? — спросил Дитерлинг. — На всякий случай. Может, завернем за угол и обнаружим, как наш ублюдок стоит и завязывает шнурки.

Я похлопал по пистолету, дабы убедиться в его наличии.

— Не думаю, что сегодня нам повезет, Мигуэль.

Мы прошли в дверь, устроенную во внутренней стене вестибюля, и отчетливо слышали голоса монахов, тянущих в унисон какое-то песнопение — надо сказать, немного фальшиво.

Впервые с тех пор, как мы очутились на причале терминала, нашим взглядам предстала спираль. Посадочная площадка, на которую мы шагнули, являла собой огромное круглое помещение, окруженное балконом, на который мы вышли. Дно находилось в сотнях метров под нами, а спираль, исходя из потолка через дверь-диафрагму, спускалась вниз, к «причалу», где прятались обслуживающие механизмы, готовые обновлять и ремонтировать подъемники. Откуда-то снизу и доносилось молитвенное пение, и причуды местной акустики увлекали его звуки к самому потолку.

Мост — это хрупкая на вид цельная «жила» из структурированного алмаза, которая тянется от поверхности планеты до самой синхронной орбиты. Ее диаметр не превышает пяти метров — не считая последнего километра, где она накрывает терминал. Здесь ширина трубки составляет тридцать метров. Уходя наверх, она постепенно сужается. Этот излишек выполняет чисто психологическую функцию: слишком многие могли отказаться от путешествия на орбиту, увидев, насколько узка на самом деле нить, по которой они отправятся. Поэтому владельцы моста сделали

видимую часть терминала значительно более широкой, чем диктовала необходимость.

Подъемники прибывали и отправлялись каждые несколько минут, двигаясь с одного конца колонны на другой. Подъемник представляет собой гладкий цилиндр с выпуклым основанием, и удерживается внутри трубки при помощи магнитов. Каждый разделен на уровни для питания, отдыха и сна. Большинство подъемников скользили вверх и вниз порожняком, с неосвещенными пассажирскими отсеками. Лишь в каждом пятом или шестом подъемнике можно было заметить маленькие группы людей. Несомненно, это не говорило о том, что владельцы моста процветают, но серьезных проблем, кажется, пока не намечалось. Расходы на прогон пустых подъемников были ничтожны в сравнении со стоимостью моста и не влияли на график движения «населенных» подъемников. Издали их было не различить, и это порождало иллюзию оживления и благополучия — надежду на то, что такое однажды наступит, владельцы моста оставили с тех пор, как его арендовала Церковь. И хотя в сезон муссонов можно было подумать, что война прекратилась, кто-то продолжал составлять планы кампаний на новый сезон, а на компьютерах-симуляторах полководцев уже разыгрывались военные игры, отрабатывались направления ударов и тактики вторжения.

Хрупкий до головокружения прозрачный «язык» тянулся от балкона почти до самой спирали, оставляя достаточно места для прибывающего подъемника. Там уже собирались в ожидании посадки пассажиры с багажом. Среди них я заметил группу аристократов — они выделялись благодаря роскошной одежде. Но Рейвича среди них не было, равно как и людей, похожих на кого-нибудь из его помощников. Пассажиры болтали между собой или смотрели новости на экранах, которые плавали в пространстве помещения подобно плоским квадратным тропическим рыбам и мигали рыночными отчетами и интервью знаменитостей.

У основания языка находилась будка, где продавали билеты на подъемник; в ней за столом сидела скупающая женщина.

— Подожди здесь, — сказал я Дитерлингу.

Когда я подошел к столу, женщина подняла на меня глаза. На ней была мятая униформа Администрации моста, под налитыми кровью, опухшими глазами — лиловые полумесяцы.

— Да?

— Я друг Арджента Рейвича. Мне нужно срочно с ним связаться.

— К сожалению, это невозможно.

На большее я не рассчитывал.

— Когда он отправился?

Она говорила в нос, произнося согласные неразборчиво.

— К сожалению, я не могу сообщить вам подобную информацию.

Я кивнул с понимающим видом.

— К сожалению, я...

— Не беспокойтесь, хорошо? — перебил я, смягчая замечание любезной — надеюсь — улыбкой. — Извините, я не хотел бы показаться навязчивым, но дело очень срочное. У меня для него кое-что есть — ценная семейная реликвия Рейвичей. Могу я поговорить с ним, пока он поднимается? Или мне подождать, пока он достигнет орбиты?

Женщина заколебалась. Какую бы информацию она не сообщила в данных обстоятельствах, это будет нарушением протокола. Но я выглядел таким честным, так искренне переживающим из-за отсутствия моего друга... И таким богатым.

Она опустила глаза на дисплей.

— Вы сможете отправить ему сообщение и попросить связаться с вами по прибытии на орбитальную станцию.

Подразумевалось, что он еще не прибыл, что он был где-то надо мной, поднимался по нити.

— Пожалуй, я лучше последую за ним, — сказал я. — Тогда отсрочка получится минимальной. Мы встретимся на орбите. Я просто передам ему эту вещь и вернусь.

— Полагаю, в этом есть смысл... да, — она посмотрела на меня. Возможно, в моем поведении она уловила нечто странное, однако не настолько доверяла собственным инстинктам, чтобы остановить меня. — Но вам придется поспешить. Посадка вот-вот начнется.

Я бросив взгляд туда, где «язык» тянулся к спирали. Снизу, из технической зоны, уже скользил пустой подъемник.

— Тогда вам стоит продать мне билет.

— Полагаю, обратный билет вам тоже понадобится? — женщина потерла глаза. — Всего будет пятьсот пятьдесят астралов.

Я раскрыл бумажник и отсчитал деньги хрустящими купюрами южан.

— Безобразие, — заметил я. — Судя по количеству энергии, которая необходима для доставки меня на орбиту, цена должна быть в десять раз меньше. Но, наверное, часть денег прикарманивает Церковь Небесного.

— Не скажу, что это не так, но вам не следует отзываться плохо о Церкви, сэр. Хотя бы здесь.

— Я уже где-то об этом слышал. Но ведь вы — не одна из них?

— Нет, — ответила она, подавая мне сдачу мелкими купюрами. — Я

просто здесь работаю.

Сектанты захватили мост лет десять назад, после того как убедили себя, что именно здесь был распят Небесный. Однажды вечером терминал оказался заполнен последователями Хаусманна прежде, чем кто-либо осознал, что происходит. Они заявили, что заминировали весь мост контейнерами-сюрпризами, содержащими вирус их разработки, и угрожали взорвать все разом при первой же попытке очистить терминал. Вирус должно было разнести ветром, и половина Полуострова оказалась бы заражена — если эта дрянь действительно присутствовала на мосту в том объеме, о каком говорили сектанты. Возможно, они блефовали, но рисковать тем, что влияние секты распространится на миллионы людей, никому не хотелось. Поэтому мост оставили сектантам. Они позволили Администрации по-прежнему контролировать работу подъемников, хотя это и означало, что персоналу необходимы регулярные прививки. Учитывая, что антивирусная терапия давала побочные эффекты, это было не самое популярное место работы на Полуострове — тем более, что служащим приходилось постоянно слушать песнопения сектантов.

Женщина протянула мне билет.

— Надеюсь, что попаду на орбиту вовремя, — сказал я.

— Последний подъемник отправился всего час назад. Если ваш друг был на нем... — она помолчала, и я понял, что никаких «если» быть не могло. — Скорее всего, он еще будет на терминале, когда вы прибудете.

— Будем надеяться, мои хлопоты будут вознаграждены.

Она почти улыбнулась, но на полпути передумала. Это требовало слишком больших усилий.

— Я уверена, он будет в восторге.

Сунув билет в карман, я поблагодарил кассиршу — несмотря на ее убожество, я не мог не ей сочувствовать: еще бы, работать в таком месте! — и вернулся к Дитерлингу. Он по-прежнему стоял, прислонившись к низкой стеклянной стене, которая окружала «язык», и разглядывал сектантов. На лице у него было отстраненное, внимательное, спокойное выражение. Я вспомнил, как в джунглях он спас мне жизнь, когда на меня напала гамадриада. Тогда на лице у него было такое же выражение — абсолютно нейтральное, как у человека, играющего в шахматы с противником, который ему в подметки не годится.

— Ну что? — полюбопытствовал он.

— Он уже сел на подъемник.

— Когда?

— С час назад. Я купил себе билет. Теперь твоя очередь. Но делай вид,

будто мы путешествуем порознь.

— Может, мне не стоит идти с тобой, братишка?

— Тебе ничего не грозит, — я понизил голос. — Отсюда и до выхода с орбитального терминала ни одного контрольного эмиграционного пункта. Ты сможешь подняться и спуститься, и никто тебя не сцапает.

— Тебе легко говорить, Таннер.

— Да, но поверь мне, это безопасно.

Дитерлинг покачал головой.

— Быть может, но нам вряд ли имеет смысл путешествовать вместе, даже в одном подъемнике. Трудно сказать, насколько Рейвич позаботился о прикрытии.

Мне хотелось поспорить, но внутренне я признавал, что он прав. Как и Кагуэлла, Дитерлинг не мог покинуть Окраину Неба, не рискуя быть арестованным по обвинению в военных преступлениях. Оба занимали определенное место в базе данных этой планетной системы, за их головы была назначена солидная награда — невзирая на тот факт, что Кагуэлла мертв.

— Ладно, — согласился я. — Похоже, у тебя есть еще какой-то повод, чтобы остаться. Я вернусь в Дом Рептилий дня через три, не меньше. Думаю, там будет кому присмотреть за делами.

— Ты уверен, что справишься с Рейвичем в одиночку?

Я пожал плечами.

— Всего один выстрел, Мигуэль.

— И ты его сделаешь, — он явно испытывал облегчение. — Ну вот и чудно... а я вечером возвращаюсь в Дом Рептилий. И буду с нетерпением следить за выпусками новостей.

— Постараюсь не разочаровать тебя. Пожелай мне удачи.

— Удачи, — Дитерлинг пожал мне руку. — Будь осторожен, Таннер. Конечно, за твою голову не назначена награда, но это не значит, что тебе удастся смыться без помех. Доверяю тебе разработать план избавления от пистолета.

Я кивнул.

— Вижу, тебе его ужасно не хватает. Я куплю тебе такой же на день рождения.

Он долго смотрел на меня, словно собираясь что-то добавить, потом кивнул и зашагал прочь от спирали. Я увидел, как он покинул площадку и растворился в сумеречной тени вестибюля. Не сбавляя шага, он начал менять колер своего плаща. Он удалялся, и его широкоплечую фигуру окружал мерцающий нимб.

Я тоже отвернулся и стал ждать подъемника. И неприметно сунув руку в карман, ощутил алмазно-твердый холодок пистолета.

Глава 3

— Сэр? Ужин будет подан на нижней палубе через пятнадцать минут. Если вы желаете присоединиться к пассажирам...

Я подскочил. Я не слышал шагов по лестнице, ведущей на смотровую палубу, и полагал, что нахожусь здесь совершенно один. Все прочие пассажиры разошлись по своим каютам сразу после посадки — путешествие было слишком коротким, чтобы стоило распаковывать багаж... а я поднялся на смотровую палубу, чтобы понаблюдать за отправлением. Конечно, мне предоставили каюту, но распаковывать было нечего.

Подъем начался с нереальной плавностью. Вначале казалось, что мы вообще не двигаемся. Ни звука, ни вибрации — только жутковатое плавное скольжение вверх, еле заметное, но постоянно набирающее скорость. Я посмотрел вниз, пытаюсь разглядеть сектантов, но угол подъема позволял заметить лишь несколько случайных фигур — хотя прямо под нами должна была находиться масса народу. Мы как раз проходили через потолочную диафрагму.

Я обернулся. Голос, который меня напугал, принадлежал не человеку, а слуге. У него были телескопические руки и нарочито безликая голова. Туловище сходилось на конус, образуя осиную талию, но ниже — ни ног, ни колес. Он двигался благодаря прикрепленному к потолку рельсу, с которым был соединен с помощью торчащего из спины изогнутого стержня.

— Сэр? — начал он снова, на этот раз на языке норт. — Ужин будет подан...

— Ничего не нужно. Я понял тебя с первого раза.

После короткого раздумья я решил, что риск будет меньше, если я присоединюсь к остальным аристократам. Мое уединение вряд ли сочтут проявлением высокомерия. По крайней мере, сев с ними за стол, я смогу удовлетворить их любопытство, представ им в образе некоего вымышленного персонажа — и это лучше, чем позволить их воображению разыгаться, приписывая необщительному незнакомцу самые невообразимые качества на свое усмотрение. Я перешел на норт — практика не помешает — и добавил, что присоединюсь к остальным через четверть часа, так как хочу еще немного полюбоваться панорамой.

— Прекрасно, сэр. Я закажу для вас место за столом.

Робот развернулся вокруг оси и тихо выскользнул с палубы.

А я вернулся к иллюминатору.

Не знаю, что именно я собирался увидеть. Но зрелище, которое предстало моим глазам, оказалось совершенно неожиданным. Мы прошли сквозь потолок вестибюля посадочной площадки, но терминал был гораздо выше, так что мы продолжали подниматься сквозь верхнюю часть здания. Именно здесь, как я понял, можно было увидеть высшее выражение одержимости поклонников Небесного Хаусманна. После того как его распяли, сектанты сохранили тело, забальзамировав и покрыв особым составом, отливающим свинцовым зеленовато-серым блеском, а затем поместили его здесь, на гигантском конусообразном выступе, который торчал из одной стены, почти касаясь спирали. В результате труп Хаусманна напоминал резную фигуру под бушпритом гигантского парусника.

Небесный был обнажен до пояса, руки широко разведены в стороны. Он висел на крестовидной конструкции из металлического сплава. Голени были связаны, в кисть правой руки (не в ладонь: похоже, в программе вируса, вызывающего стигмат, была ошибка) вбит гвоздь, еще один металлический штырь пробивал отсеченную по локоть левую руку. К счастью, эти подробности, равно как и страдание, навсегда застывшее на лице Хаусманна, не слишком бросались в глаза благодаря обработке, которой подвергли тело. Но, хотя черты лица различить было невозможно, боль читалась в изгибе его шеи, в судорожно стиснутых челюстях, как бывает во время агонии у людей, пораженных электричеством. Лучше бы они убили его током, подумалось мне. Это было бы милосерднее, какие бы преступления он не совершил.

Впрочем, так было бы слишком просто. Ведь они казнили преступника, совершившего ужасные деяния, но прославляли человека, подарившего им весь мир. Распиная его, почитатели выражали свое обожание не менее горячо, чем свою ненависть.

Времена меняются, а люди остаются прежними.

Подъемник прошел лишь в нескольких метрах от Небесного, и я невольно содрогнулся. Я вдруг понял, что хочу удалиться отсюда как можно быстрее. Безмерный космос словно превратился в эхокамеру, заполненную отголосками бесконечной боли.

У меня зачесалась ладонь. Зажмурившись, я тер ее о поручень, пока мы не миновали причальный терминал, продолжая подниматься сквозь ночь.

— Еще вина, мистер Мирабель? — спросила супруга одного из аристократов, похожая на лисицу, сидящая напротив меня.

— Нет, — я вежливо промокнул губы салфеткой. — Если не возражаете, я удалюсь. Хочу полюбоваться видом, пока мы поднимаемся.

— Какая жалость, — сказала женщина, разочарованно поджимая губы.

— О да, — подхватил ее муж. — Мы будем скучать без ваших историй, Таннер.

Я улыбнулся. По правде говоря, я просто валял дурака, перманентно поддерживая светскую беседу в течение часа, пока мы ужинали. То и дело я оживлял разговор пикантным анекдотом — но лишь с целью заполнить неловкие паузы, которые повисали над столом всякий раз, когда тот или иной гость делал высказывание, способное, с точки зрения переменчивого аристократического этикета, показаться не деликатным. Не раз мне приходилось разрешать споры между северными и южными фракциями, выступая с речью от лица всей группы. Моя маскировка была не самой убедительной, поскольку даже северяне, кажется, поняли, что я не имею к южанам никакого отношения.

Но это едва ли имело значение. Я смог заставить билетершу принять меня за аристократа и сказать мне больше, чем кому бы то ни было. Эта маска позволила мне смешаться с аристократами — но рано или поздно я смогу отбросить ее. Ведь я не был в списке тех, кого разыскивают службы безопасности. Я просто человек с темным прошлым и несколькими сомнительными связями. Нет ничего плохого и в том, чтобы называть себя Таннером Мирабелем — это было куда безопаснее, чем пытаться смастерить из ничего правдоподобную аристократическую родословную. К счастью, это совершенно нейтральное имя, оно вряд ли вызовет какие-то ассоциации с историей аристократии или иными историческими событиями. В отличие от моих сотрапезников, я не смог бы проследить свое происхождение до высадки Флотилии. Скорее всего, Мирабелли появились на Окраине спустя полвека после этого. По меркам аристократии я был просто неотесанным выскочкой, но никто не позволит себе подобных нетактичных намеков. Все они были долгожителями, и их родословная восходила если не к Флотилии, то к временам пассажирского манифеста, с одним или двумя сомнительными поколениями — и вполне естественным было предположить, что я обладал столь же пышной генеалогией и доступом к тем же терапевтическим технологиям.

Но хотя Мирабелли и прибыли на Окраину Неба спустя много лет после Флотилии, они не принесли с собой никаких решений, позволяющих обеспечить долгую жизнь. Возможно, в первом поколении срок их жизни

превышал продолжительность жизни обычных людей, но этот признак не передался их потомкам.

Впрочем, мне это все равно было не по карману. Кагуэлла платил мне прилично, но не настолько, чтобы я мог позволить себе разоряться подобным образом, пополняя бюджет Ультра. Впрочем, это не имело значения — почти. Препаратами пользуется от силы один из двадцати жителей этой планеты. Остальные девятнадцать либо по уши погрязли в войне, либо собирают крохи на жизнь в ее закоулках. Главная проблема состоит в том, чтобы дожить до следующего месяца, а не до следующего века.

Вот почему я оказался в довольно щекотливом положении, едва разговор зашел о технологиях долгожительства. Я попытался непринужденно развалиться на стуле и позволить словам витать вокруг меня, но едва возникал спор, как мне навязывали роль судьи. То и дело кто-нибудь изрекал: «Таннеру это, конечно, известно», — и поворачивался ко мне, чтобы услышать окончательное суждение, которое выведет из тупика. Оставалось отговариваться общими фразами, например «Это непростой вопрос...», или: «Очевидно, это касается более глубоких аспектов проблемы», или: «С моей стороны было бы неэтично распространяться далее на эту тему, ввиду соглашений о конфиденциальности, и прочее. Ведь вы меня понимаете?..»

Где-то через час я созрел для того, чтобы уединиться.

Поднявшись из-за стола, я извинился и покинул компанию, после чего поднялся по винтовой лестнице, ведущей на смотровую палубу над жилым уровнем и столовой. Перспектива сбросить шкуру аристократа неожиданно показалась весьма заманчивой. Впервые за последние часы во мне затеплилось ощущение профессионального удовлетворения. Все под контролем. Очутившись наверху, я приказал слуге отсека приготовить мне «гвиндадо». Хмель слегка ударил в голову, но даже это не показалось мне неприятным. У меня еще масса времени, чтобы протрезветь: ясность ума и хватка наемного убийцы понадобятся мне не раньше, чем через семь часов.

Теперь мы поднимались быстро. Едва покинув «причал», подъемник увеличил скорость до пятисот километров в час, но ему все равно понадобится сорок часов, чтобы достичь орбитального терминала. Впрочем, за пределами атмосферы скорость возросла вчетверо — это случилось во время первой перемены блюд.

Смотровая палуба была в моем распоряжении.

Остальные пассажиры, покончив с ужином, разбредутся по пяти отсекам над помещением столовой. В подъемнике с комфортом могут

разместиться пятьдесят человек, и он не будет казаться переполненным, но сегодня нас было здесь всего лишь семеро, включая меня. Общее время подъема составляет десять часов. Движение станции по орбите Окраины Неба синхронизировано с обращением планеты. Таким образом, станция постоянно висит над Нуэва-Вальпараисо, то есть строго над экватором. Насколько мне известно, на Земле строили звездные мосты, уходившие на высоту тридцати шести тысяч километров. Но скорость вращения Окраины Неба чуть больше, а сила притяжения чуть слабее, и синхронная орбита находится на шестнадцать тысяч километров ниже. При всем при том длина нити составляет двадцать тысяч километров — представьте, какому напряжению подвергается верхний километр под весом девятнадцати тысяч километров, которые находятся ниже. Сама нить полая, ее стенки сделаны из структурированного алмаза — с уплотненной кристаллической решеткой, как у пьезокварца, — а вес, судя по тому, что я слышал, что-то около двадцати миллионов тонн. Я шагал по отсеку и размышлял о крошечном дополнительном давлении, которое создает каждый мой шаг. Потягивая коктейль, я гадал о том, насколько инженеры приблизились к предельному напряжению, конструируя лифт, и какой запас прочности заложили в эту систему. Затем более рациональная частица моего разума напоминала мне, что сейчас по нити движется лишь ничтожно малая доля транспортного потока, который она могла бы нести. И я, обходя палубу, почувствовал твердую почву под ногами.

Рейвич... Интересно, хватит ли сейчас ему духу выпить?

Панорама могла быть более впечатляющей, но даже там, где ночь еще не опустилась, Полуостров скрывался под пологом дождевых облаков. Поскольку орбита планеты была низкой и асимметричной, сезон дождей наступал каждые сто дней — такой здесь короткий год — и длился не меньше десяти-пятнадцати дней. Над резко закругленным горизонтом нежная голубизна неба сменялась густым ультрамарином. Я уже видел яркие звезды, а прямо над нами, на верхнем конце нити, неподвижно висела одинокая звезда орбитальной станции — до нее было все еще очень далеко. Я решил вздремнуть на пару часов. Солдатские годы научили меня почти звериной способности восстанавливать силы за час или два неглубокого сна. Усталость навалилась разом, словно прорвалась плотина. Я почти на месте, а посему не помешает чуточку расслабиться.

— Сэр?

Я снова вздрогнул, но на этот раз слегка, поскольку узнал голос слуги. Робот продолжал с обычной вежливостью:

— Сэр, вас вызывают с поверхности. Я могу переадресовать вызов в

вашу каюту, или вы желаете поговорить здесь?

Возможно, стоило вернуться в каюту, но мне не хотелось лишать себя такого прекрасного зрелища.

— Соединяй здесь, — сказал я. — Но прерви вызов, если кто-нибудь будет подниматься по лестнице.

— Слушаюсь, сэр.

Дитерлинг, разумеется, — больше некому. Он явно не в Доме Рептилий, но, по моей оценке, должен находиться где-то на полпути или даже ближе. Рановато для сеанса связи — честно говоря, я вообще не ожидал вызова, — но волноваться не о чем.

Однако появившиеся в окне подъемника лицо и плечи принадлежали Васкесу — Красной Руке. Камера, очевидно, находилась где-то в помещении; она состыковала изображение так, будто мы с ним стояли лицом к лицу, поскольку он смотрел мне прямо в глаза.

— Таннер... Послушай-ка меня, парень.

— Я слушаю, — отозвался я. Надеюсь, он не заметил невольного раздражения в моем голосе. — Стряслось нечто важное, из-за чего ты решил достать меня здесь, Красный?

— Заткнись, Мирабель. Через полминуты твоя улыбка исчезнет, — голос Васкеса предвещал неприятности, но угроза явно исходила не от него.

— В чем дело? Рейвич снова надул нас?

— Не знаю. Я приказал ребятам добыть дополнительную информацию и абсолютно уверен, что он находится на нити — на один или два подъемника впереди тебя.

— Но ты вызвал меня не поэтому.

— Да. Я вызвал тебя потому, что кто-то убил Змею.

— Дитерлинга? — машинально отреагировал я.

Как будто это мог быть кто-то другой.

— Ну да, — кивнул Васкес. — Один из моих парней нашел его с час назад, но не знал, с кем имеет дело, и поэтому новость пришла ко мне не сразу.

Казалось, мои губы произносят слова без сознательного участия мозга.

— Где он? Что случилось?

— Он был в твоей тачке — она все еще стоит на Норквинко. С улицы не видно, есть ли кто-нибудь внутри; нужно приглядеться внимательнее. Мой парень просто проверял машину и обнаружил в ней Дитерлинга. Он еще дышал.

— Что произошло?

— Кто-то застрелил его. Должно быть, поджидал неподалеку от того места, где стояла тачка, потом ошивался неподалеку, пока Дитерлинг не вернулся с моста. Дитерлинг сел в машину и собирался отъехать.

— Как его застрелили?

— Не знаю, парень. По-твоему, я тут распоряжаюсь судебно-медицинской клиникой? — Васкес прикусил губу, затем продолжал: — Кажется, из лучевика. На близкой дистанции, в грудь.

Я посмотрел на бокал гвиндадо, который еще держал в руке. Стоять и разговаривать о смерти моего друга, потягивая коктейль, точно на светской вечеринке... Абсурд. Но поставить бокал было некуда.

Сделав еще глоток, я ответил, удивляясь собственному спокойствию:

— Я тоже предпочитаю лучевик — но не для того, чтобы пришить кого-нибудь без лишнего шума. Луч дает более яркую вспышку, чем любое стрелковое оружие.

— Но не при выстреле в упор — это все равно что ударить ножом. Мне жаль, парень, но, похоже, так оно и случилось. Приставили ствол вплотную, ни вспышки, ни звука — и все шито-крыто. Вечером гуляли толпы людей. Кто-то устроил поджог у моста, так что для местных это был повод устроить веселую ночку. Не думаю, что кто-то заметил вспышку, Таннер.

— Дитерлинг не позволил бы подстрелить себя вот так, запросто.

— Может, его застали врасплох.

Я подумал об этом. Подсознательно я уже начал примиряться с фактом смерти, но для того, чтобы сделать выводы — не говоря уже о том, чтобы выйти из эмоционального шока, — нужно не в пример больше времени. Однако уже сейчас я мог заставить себя задать правильные вопросы.

— Если его застали врасплох, то он был невнимателен либо принял убийцу за кого-то знакомого. Говоришь, он все еще дышал?

— Да, но был без сознания. Не думаю, что мы могли бы сделать для него больше, Таннер.

— Ты уверен, что он ничего не сказал?

— Только не мне и не парню, который нашел его.

— А этот парень, случайно, не из тех, кого мы видели вечером?

— Нет, он из моих ребят, которые следили весь день за Рейвичем.

Так оно и будет продолжаться, подумал я. Васкес не проявлял желания углубляться в подробности, если только не выбивать из него ответы с пинками и бранью.

— И что? Как давно этот тип у тебя на службе? Дитерлинг когда-нибудь встречал его прежде?

Мучительно медленно, но до него начал доходить смысл моих вопросов.

— Да ты что, приятель! Мой человек никоим образом не мог быть в этом замешан. Клянусь тебе, Таннер!

— Я бы не стал снимать его со счетов. Это относится ко всем, кого мы встречали вечером — включая тебя, Красный.

— Я бы не стал его убивать. Я хотел, чтобы он взял меня охотиться на змей.

В этих словах было что-то трогательно-эгоистичное, а потому они вполне могли быть правдой.

— Что ж, ты упустил свой шанс.

— Я здесь не при чем, Таннер.

— Но Мигуэля убили на твоей территории, верно?

Он собирался ответить, а я собирался спросить его, что он сделал с телом и что намеревался сделать потом, но изображение Васкеса растворилось в помехах. В тот же миг вокруг нас словно разом вспыхнуло небо, и все вокруг потонуло в мертвенно-белом сиянии.

Это длилось лишь долю секунды.

Но ее вполне хватило. Жесткий разряд матово-белого света показался мне чем-то знакомым, как будто я видел его однажды раньше. А может, не однажды? Я порылся в памяти и вспомнил фейерверк из белых гвоздик на фоне звездной тьмы.

Ядерные взрывы.

Освещение на подъемнике мигнуло. На эту пару секунд я почувствовал, что стал легче, потом все стало по-прежнему.

Кто-то взорвал атомную бомбу.

По-видимому, нас зацепило электромагнитным импульсом. Я не видел ядерной вспышки с детства. Один из маленьких плюсов нашей войны состоит в том, что до применения оружия массового поражения дело обычно не доходит. Я не мог определить силу взрыва, не зная расстояния до вспышки, но отсутствие грибовидного облака указывало, что бомбу взорвали высоко над поверхностью планеты. Полная бессмыслица. Конечно, ядерный взрыв мог быть началом атаки — но сейчас не самое подходящее время для боевых действий. Высотные разряды? Еще меньше смысла — сети военных коммуникаций защищены от поражения электромагнитными импульсами.

Быть может, просто случайность?

Я раздумывал над этим еще несколько секунд, после чего услышал быстрые шаги вверх по винтовой лестнице между вертикальными

«штабелями» отсеков подъемника. Это был один из аристократов, с которыми я ужинал. Я не потрудился припомнить его имя, но левантийское сложение и золотисто-коричневая кожа почти наверняка выдавали в нем северянина. Он был одет весьма вычурно, его длинный, до колен, сюртук переливался всеми оттенками изумруда и аквамарина. Аристократ был взволнован. За его спиной, на последней ступеньке лестницы, замерла его похожая на лисицу жена, она настороженно поглядывала на нас обоих.

— Вы видели это? — спросил он. — Мы поднялись сюда, чтобы посмотреть — у вас тут наилучший обзор. Вспышка была довольно мощная. Она даже напомнила...

— Ядерный взрыв? — договорил я. — Думаю, так оно и было, — перед глазами у меня все еще плавали отпечатавшиеся на сетчатке призрачные розовые пятна.

— Слава Богу, что он не случился ближе.

— Посмотрим, что говорят общественные сети, — произнесла женщина, глядя на дисплей устройства, похожего на браслет. По-видимому, информационная сеть, с которой оно связывалось, была лучше защищена от помех, чем та, которой пользовался Васкес. На маленьком неброском экране замелькали изображения и текст.

— Ну как? — поинтересовался муж. — Есть какие-то предположения?

— Не знаю, но... — она умолкла и рассеянно уставилась в пространство, потом нахмурилась. — Нет. Этого не может быть. Просто не может быть.

— Что? Что они говорят?

Женщина посмотрела на мужа, потом на меня.

— Они говорят, что мост обстреляли. Говорят, что нить перебило взрывом.

Мы продолжали плавно подниматься, но мир начал казаться нереальным.

— Нет, — сказал аристократ. Он изо всех сил старался казаться спокойным, но у него выходило плохо. — Скорее всего, это какая-то ошибка. Я уверен, что это ошибка.

— Боже, я на это надеюсь, — произнесла его жена с дрожью в голосе. — Последний раз мне делали сканирование шесть месяцев назад...

— Шесть месяцев, черт, — проворчал аристократ. — Меня в этой декаде вообще не сканировали!

Женщина тяжело вздохнула.

— Что ж, несомненно, это ошибка. Ведь мы стоим здесь,

разговариваем — разве не так? А должны падать на планету, вопя от ужаса, — она снова недовольно взглянула на браслет.

— Что там говорят? — спросил муж.

— То же, что и минуту назад.

— Либо это ошибка, либо подлая ложь, вот и все.

Я прикинул, разумно ли будет нарушить конспирацию. Разумеется, я был не просто телохранителем. За годы службы у Кагуэллы я изучил эту планету до последнего камешка, хотя обычно удовлетворял свое любопытство не ради повышения боеспособности. Я даже не притворялся, будто разбираюсь в устройстве моста, но о производстве структурированного алмаза — искусственного углеродного аллотропа, — из которого он был сплетен, я кое-что знал.

— Вообще-то они могут быть правы, — заметил я.

— Но ничего ведь не изменилось! — воскликнула женщина.

— По-моему, ничего и не должно измениться.

Пытаясь успокоиться, я переключился на управление кризисной ситуацией — боевая привычка. Где-то в закоулках моего мозга истошно вопил страх, но я приложил все усилия, чтобы не обращать на него внимания.

— Даже если мост перебило — на каком расстоянии под нами, по-вашему, произошел обрыв? Думаю, не меньше чем в трех тысячах километров.

— А какое это имеет значение, черт подери?

— Огромное, — боюсь, в моих устах это прозвучало как юмор висельника. — Представьте себе нить. Она свисает с орбиты и натягивается собственным весом.

— Я думаю об этом, поверьте.

— Хорошо. Теперь представьте, что нить перерезали посередине. Та часть, которая находится выше, все еще свисает с орбитальной «втулки», а нижняя часть немедленно начнет падать на землю.

— Значит, мы в полной безопасности? — северянин заметно оживился. — Ведь мы наверняка выше разрыва, — он посмотрел вверх. — Отсюда и до самого орбитального терминала спираль цела. Это означает, что мы продолжаем подниматься. И мы доберемся, слава Богу.

— Я бы повременил благодарить Господа.

Он взглянул на меня с кислой миной, словно мое глупое замечание нарушало некую салонную игру.

— О чем вы?

— О нашей безопасности. Если вы разрежете натянутую веревку, ее

концы отпружинят в разные стороны.

— О да, — он посмотрел на меня с угрозой, словно я возражал ему назло. — Я понимаю. Но это, очевидно, не относится к нам, поскольку ничего не случилось.

— Пока не случилось. Я не говорил, что натяжение ослабнет немедленно и сразу по всей спирали. Даже если нить перебита прямо под нами, упругая волна доберется сюда через некоторое время.

— Сколько у нас времени? — теперь в его голосе слышался страх.

Точного ответа у меня не было.

— Не знаю. Скорость звука в структурированном алмазе примерно такая же, как в настоящем, — около пятнадцати километров в секунду. Если разрыв произошел в трех тысячах километров под нами, вначале нас ударит звуковая волна — примерно... секунд через двести после вспышки. Упругая волна движется медленнее... но она все же нас догонит — прежде, чем мы достигнем вершины.

Мой расчет оказался точным. Поскольку звуковой импульс последовал сразу за моими словами: резкий, внезапный удар, как будто подъемник подскочил на ухабе на скорости две тысячи километров в час.

— Но нам ничего не угрожает? — его жена была на волосок от истерики. — Если разрыв действительно под нами... О Боже, надо было записываться чаще.

Муж посмотрел на нее с усмешкой.

— Ведь ты сама сказала мне, что полеты в клинику для сканирования слишком дороги, чтобы ввести их в постоянную практику, дорогая.

— Тебе не следовало понимать это буквально.

Я повысил голос, заглушая перепалку.

— Боюсь, нам действительно грозят серьезные неприятности. Если волна пройдет строго вдоль нити, у нас есть шанс уцелеть. Но если спираль начнет делать захлесты, как плеть...

— Ты кто, черт тебя побери? — осведомился северянин, — инженер, что ли?

— Нет, я специалист несколько иного рода.

На лестнице снова слышались шаги, и появились остальные пассажиры. Похоже, толчок убедил их, что случилось нечто серьезное.

— Что происходит? — спросил один из южан, грузный мужчина, на фут возвышающийся над остальными.

— Мы летим по перебитой спирали, — ответил я. — Если не ошибаюсь, в подъемнике есть скафандры? Предлагаю влезть в них как можно быстрее.

Мужчина посмотрел на меня как на сумасшедшего.

— Ведь мы продолжаем подниматься! Мне плевать, что там происходит внизу — у нас все в порядке. Эта штука рассчитана на то, что мы можем вляпаться.

— Согласен, — ответил я. — Но не столь глубоко.

К этому времени прибыл и слуга, подвешенный к своему потолочному рельсу. Я попросил его проводить нас туда, где хранились скафандры. По большому счету, он должен был сделать это сам, но ситуация оказалась слишком нестандартной, чтобы он увидел в ней опасность для жизни своих двуногих подопечных. Интересно, дошла ли до орбитальной станции новость о том, что спираль перебита? Почти наверняка дошла — и почти наверняка сделать что-либо с подъемниками на спирали было невозможно.

И все же нам повезло больше, чем тем, кто оказался в нижней части спирали, отсеченной. Я представил себе тысячекилометровый отрезок ниже обрыва. Потребуется несколько минут, чтобы верхушка спирали обрушилась на планету — пока еще она продолжала висеть как заколдованная, словно в трюке с веревкой. Но все равно она будет падать, и нет в мире силы, способной остановить ее падение. Миллионы тонн спирали врежутся в атмосферу, отягощенные подъемниками, некоторые из которых заполнены пассажирами. Это будет медленная и весьма жуткая смерть.

Кто мог это сделать?

Слишком самонадеянно было бы полагать, что это не имеет отношения к моему путешествию. Рейвич перехитрил нас в Нуэва-Вальпараисо, и, не случись обстрела, я все еще пытался бы смириться с фактом смерти Дитерлинга. Трудно представить, что к взрыву причастен Васкес — Красная Рука, хотя я так и не вычеркнул его из списка подозреваемых в убийстве моего друга. Васкесу не хватило бы воображения, чтобы придумать подобное, — не говоря уже о средствах. К тому же идеологическая обработка со стороны сектантов не позволит ему даже подумать о том, чтобы нанести какой-либо ущерб мосту. Но кто-то все же пытается убить меня. Возможно, они подложили бомбу на борт одного из подъемников, следующих за нами, в расчете на то, я нахожусь в нем или в одном из тех, что окажутся ниже. А может, они выпустили ракету и ошиблись в расчетах. Технически Рейвич мог организовать подобное, у него были весьма влиятельные друзья. Но у меня в голове не укладывалось, что он способен на такое — мимоходом угробить несколько сотен невинных только за тем, чтобы обеспечить смерть одного человека.

Но человеку свойственно учиться.

Мы последовали за слугой к отсекам, в каждом из которых был заключен вакуумный скафандр. Ума не приложу, где они раскопали эти раритеты: в скафандр приходилось с усилием втискиваться, вместо того чтобы просто позволить ему «облепить» себя. Все они оказались мне малы примерно на размер, но я облачился довольно быстро — с легкостью человека, который привык носить броню. Я позаботился о том, чтобы заводной пистолет переключался в один из многочисленных вспомогательных карманов, предназначенных для сигнальных ракет.

Пистолета никто не заметил.

— Это не обязательно! — вспыхнул аристократ-южанин. — Нам ни к чему надевать эти проклятые...

— Послушайте, — сказал я. — Когда налетит волна компрессии — а это может случиться в любую секунду, — нас шарахнет так, что у вас не останется ни одной целой косточки. Вот почему вам необходимо надеть скафандр. Это может вас спасти.

Но может и не спасти, добавил я мысленно.

Пассажиры возились со скафандрами, проявляя различную степень ловкости. Я устремился на помощь, и через минуту-другую они были готовы, не считая великана, который продолжал сокрушаться по поводу размеров скафандра, словно у него была масса времени. Более того, он начал перебирать костюмы и рассуждать по поводу их размеров.

— У нас нет времени. Хотя бы загерметизируйтесь, а потом будете беспокоиться о синяках и царапинах.

Я представил себе безумное цунами, которое несется нам навстречу, пожирая километры. Сейчас волна уже миновала нижние подъемники. Интересно, хватит ли ей силы сбросить их?

Я все еще размышлял, когда волна обрушилась на нас.

Это оказалось куда хуже, чем я предполагал. Подъемник дернулся в сторону, и нас ударило о внутреннюю стену. Кто-то завопил — похоже, получив перелом, — но почти тут же нас швырнуло в противоположном направлении, на прозрачный купол смотрового окна. Слуга, сорвавшись с потолочного рельса, пролетел мимо нас, и его твердый стальной корпус кинжалом ударился в стекло. Оно тут же покрылось паутиной белых линий, но уцелело. Сила тяготения ослабела, когда подъемник замедлил движение по спирали; какой-то элемент его индукционного мотора был поврежден ударом.

Голова аристократа-южанина разлетелась вдребезги, словно перезревший плод, и превратилась в мерзкое красное месиво. Толчки становились все слабее, но его тело еще вяло перекачивалось по каюте.

Кто-то снова вскрикнул. В той или иной мере досталось каждому. Возможно, и мне, но адреналин напрочь заблокировал болевые ощущения.

Компрессионная волна миновала. Я знал, что в какой-то момент она достигнет конца нити и снова пойдет вниз, но на это потребуется несколько часов, и волна уже не будет такой мощной, поскольку растратит энергию.

Есть шанс, что нас это не коснется.

Затем я вспомнил о подъемниках, находящихся под нами. Они тоже должны потерять скорость — а может быть, их вообще сбросило. Может быть, сработали автоматические системы безопасности, но сказать наверняка было трудно. И если нижняя кабина все еще поднимается с прежней скоростью, она вот-вот врежется в нас.

Я сделал паузу и заговорил, поднимая голос над стонами раненых:

— Прошу прощения. Но я только что подумал о...

На объяснения не было времени. Они просто должны были последовать за мной — или пенять на себя, оставшись в подъемнике. Попасть в аварийный шлюз подъемника нам не успеть; потребуется не меньше минуты, чтобы пройти цикл всем семерым — теперь уже шестерым. Вдобавок, чем дальше мы окажемся от моста, тем больше у нас шансов уцелеть, когда подъемники столкнутся.

По сути, выбора не оставалось.

Я извлек из кармана на скафандре мой заводной пистолет, неуклюже сжимая его рукой в перчатке. Прицелиться сколько-нибудь точно было невозможно, но, к счастью, этого и не требовалось. Я просто навел пистолет в сторону паутины трещин, оставленной на стекле слугой.

Кто-то попытался остановить меня, не понимая, что мои действия могли спасти им жизнь, но я был сильнее, и мой палец нажал на курок. Механизм в пистолете сработал, выбросив мощный импульс связующей молекулы энергии. Из ствола вылетел рой флекетт. Они врезались в стекло, и паутина трещин стала шире. Оно напряженно выгнулось наружу, затем разлетелось мириадами белых осколков, образовав рваное отверстие. Воздушная буря вышвырнула нас в космос.

Я вцепился в пистолет, словно утопающий за соломинку. Лихорадочно оглядываясь, я пытался сориентироваться относительно других. Вихрь раскидал их в разных направлениях, точно осколки осветительной ракеты. Однако все мы падали вниз, хотя и по разным траекториям.

Под нами была только планета.

Медленно вращаясь, я снова увидел подъемник. Он все еще удерживался на нити, продолжая уходить вверх, уменьшаясь с каждой секундой по мере того, как я падал. Затем — это было как вспышка в

подсознании — я уловил движение второго подъемника, который двигался вверх по нити на нормальной скорости, и почти следом — ослепительная, точно ядерный взрыв, вспышка.

Когда вспышка погасла, не осталось ничего — даже нити.

Глава 4

Небесному Хаусманну было три года, когда он увидел свет.

Позже, в зрелые годы, он будет считать это своим первым отчетливым воспоминанием, которое можно соотнести со временем и местом и которое определенно имело отношение к реальному миру — в отличие от иллюзий, обитающих на призрачной границе, которая отделяет реальный мир от фантазий ребенка.

Родители запретили ему покидать детскую. Он проявил непослушание, отправившись в дельфинарий — это темное и сырое место в чреве гигантского корабля «Сантьяго» считалось запретным. Но, по сути, его соблазнила Констанца, которая провела его по лабиринту железнодорожных туннелей, проходов, пандусов и лестниц туда, где спрятали дельфинов. Констанца была лишь двумя-тремя годами старше Небесного, но казалась ему почти взрослой и такой же запредельно умной. Все говорили, что Констанца — гений, что однажды — возможно, когда Флотилия завершит свое долгое неспешное путешествие, — она станет капитаном. Это говорилось полушутя, но в то же время почти серьезно. Небесный мечтал, чтобы она назначила его своим помощником, когда этот день наступит. Чтобы они сидели вдвоем перед панелью управления в главной рубке, которую он никогда не видел. Мечта не казалась смешной: взрослые постоянно твердили ему, что он тоже необычайно одаренный ребенок. Даже Констанца иногда поражалась идеям, которые он высказывал. Но позже Небесный напоминал себе, что, несмотря на весь свой ум, Констанца не безупречна. Она знала, как добраться до дельфинария, не попадаясь никому на глаза, но едва ли знала, как вернуться незамеченными.

Впрочем, приключение того стоило.

— Взрослые их не любят, — сказала Констанца, когда они подошли к резервуару, в котором находились дельфины. — Они хотят, чтобы дельфинов вообще не было.

Они стояли на скользкой от воды дренажной решетке. Резервуар представлял собой высокий стеклянный аквариум, залитый мертвенно-бледным светом, и уходил на десятки метров в темноту трюма. Небесный взгляделся в полумрак. Дельфины казались далекими серыми тенями в бирюзовой толще воды, их силуэты постоянно исчезали, дробясь на части, и вновь возникали среди причудливой игры световых бликов. Они казались

не живыми существами, а, скорее, странными фигурами, отлитыми из мыла, — скользкими и не вполне реальными.

Небесный прижал ладонь к стеклу.

— Почему они их не любят?

— Знаешь, Небесный, с ними что-то не то, — сдержанно отозвалась Констанца. — Это не те дельфины, которые были на корабле, когда он улетел с Меркурия. Это их внуки, а может, правнуки — понятия не имею. Они никогда не видели ничего, кроме этого бассейна, и у них нет родителей.

— Я тоже не видел ничего, кроме этого корабля.

— Но ты не дельфин, тебе ни к чему просторы океана.

Констанца замолчала, потому что один из дельфинов поплыл к ним. Остальные его сородичи теснились в дальнем конце резервуара, возле устройства, состоящего из нескольких телевизионных экранов, на которых возникали какие-то изображения. Остановившись в толще прозрачной воды у самого стекла, животное неуловимо, но очевидно изменилось. Секунду назад оно казалось полупрозрачным миражом, а теперь это было крупное, потенциально опасное существо из мышц и костей. Небесный видел фотоснимки дельфинов в детской комнате, но это существо казалось незнакомым. Сетка тончайших хирургических шрамов опоясывала его череп, а вокруг глаз виднелись геометрически правильные выпуклости и борозды — контуры металлокерамических устройств, вживленных под кожу.

— Привет, — сказал Небесный, постучав по стеклу.

— Это Слик, — пояснила Констанца. — Во всяком случае, мне так кажется. Слик — один из самых старых.

Дельфин поглядел на него; челюсть изгибалась, точно в лукавой улыбке, взгляд казался одновременно и добродушным, и безумным. Потом он забился в воде, приблизив физиономию к лицу Небесного, и мальчик почувствовал, как стекло ощутимо завибрировало. Что-то появилось в воде перед Сликом, словно сотканное из пузырьков. Вначале это казалось узором завихрений, случайным, как пробные мазки на полотне художника, — но затем они начали обретать форму. Голова дельфина лихорадочно дергалась, как будто животное агонизировало, пораженное электричеством. Образ продержался лишь несколько секунд, но дельфин, несомненно, создал трехмерное изображение лица. Оно было не слишком детальным, но Небесный знал, что это не просто фантазия, созданная его подсознанием. Для этого изображение было слишком симметричным и пропорциональным. В нем присутствовало и чувство, скорее всего

отражающее страх или ужас.

Закончив «работу», Слик удалился, презрительно махнув хвостом.

— Они тоже ненавидят нас, — сказала Констанца. — Но ведь ты не можешь укорять их за это, верно?

— Зачем Слик это сделал? И как?

— В «дыне» — видел такую шишку у него между глаз? — есть механизмы. Их имплантируют дельфинам, когда они совсем маленькие. Обычно с помощью этой «дыни» они издают звуки, но механизмы позволяют им лучше направлять звук, поэтому они могут рисовать пузырьками. К тому же в воде есть крошечные существа — микроорганизмы, которые светятся от звуковых колебаний. Люди, создавшие этих дельфинов, хотели получить возможность общаться с ними.

— Кажется, дельфины должны быть за это благодарны.

— Может быть — если бы им не пришлось переносить операции. И если бы у них было, где плавать, кроме этого ужасного места.

— Да, но когда мы достигнем Конца Путешествия...

Констанца посмотрела на него печальными глазами.

— Будет слишком поздно, Небесный. Во всяком случае, для этих дельфинов. Их уже не будет в живых. Мы будем взрослыми, а наши родители постареют или умрут.

Дельфин вернулся с сородичем чуть меньших размеров, и оба начали рисовать что-то в воде. Рисунок напоминал человека, раздираемого на части акулами, но Небесный отвернулся прежде, чем окончательно в этом убедился.

— К тому же они слишком далеко зашли, Небесный, — добавила Констанца.

Небесный снова повернулся к резервуару.

— И все же, они мне нравятся. Они все равно прекрасны. Даже Слик.

— Они плохие, Небесный. Психопаты... так говорит мой отец, — она произнесла это с некоторой неуверенностью, словно стыдясь, что проболталась.

— Мне все равно. Я вернусь и увижу их снова, — он постучал по стеклу и крикнул громче: — Я вернусь, Слик. Ты мне нравишься.

Констанца по-матерински похлопала Небесного по плечу. Она была чуть выше ростом.

— Это ничего не изменит.

— Я все равно вернусь.

Обещание, данное не столько Констанце, сколько самому себе, было искренним. Ему действительно хотелось понять дельфинов, общаться с ними и хоть как-то смягчить их боль. Он представлял себе бескрайние океаны Конца Путешествия, залитые светом, — Клоун, его приятель из детской комнаты, сказал ему, что там будут океаны. Он представлял, как дельфины неожиданно покинут это темное, унылое место и окажутся на свободе. Ему виделось, как они плавают с людьми и создают радостные звуко-образы в воде, а воспоминания о времени, проведенном на борту «Сантьяго» угасают подобно душному кошмару.

— Поторопись, — сказала Констанца. — Нам пора идти, Небесный.

— Ты приведешь меня сюда еще раз, ладно?

— Конечно, если ты этого хочешь.

Они покинули дельфинарий и пустились в обратный путь, пробираясь по закоулкам в темной утробе «Сантьяго», словно отыскивая дорогу в заколдованном лесу. Раз-другой они встречали взрослых, но Констанца вела себя так уверенно, что ни у кого не возникало вопросов — до тех пор, пока дети не оказались на территории небольшого отсека, который был хорошо знаком Небесному.

Именно здесь их обнаружил его отец.

Тита Хаусманна обитатели корабля считали человеком суровым, но добросердечным, человеком, авторитет которого был основан скорее на уважении, чем на страхе. Он нависал над обоими беглецами, но Небесный не почувствовал в нем настоящего гнева; лишь облегчение.

— Твоя мать сама не своя, — произнес отец. — Констанца, ты меня разочаровала. Я всегда считал тебя благоразумной.

— Он просто хотел посмотреть на дельфинов.

— Ах, дельфинов? — отец казался удивленным, словно ожидал не совсем такого ответа. — А мне показалось, что тебя интересовали спящие. Наши возлюбленные «момио».

«И они тоже, — подумал Небесный. — Но в первую очередь дельфины».

— А теперь ты расстроен, — продолжал отец. — Потому что дельфины оказались не такими, как ты ожидал, верно? Мне тоже их жаль. Но Слик и другие не в своем уме. Самое лучшее, что мы могли бы сделать, — это усыпить их всех, но им по-прежнему разрешено воспитывать свою молодежь, и каждое последующее поколение будет...

— ...поколением психопатов, — пробормотал Небесный.

— Да, — отец посмотрел на него с любопытством. — Верно. Еще более опасных. Вижу, твой словарный запас растет не по дням, а по часам,

а потому стыдно было бы мешать процессу, не так ли? — он взъерошил Небесному волосы. — Я говорю о детской, юноша. Тебе не повредит побыть некоторое время в безопасности.

Не то чтобы Небесный ненавидел детскую, или она ему чем-то не нравилась. Но ссылка в детскую казалась настоящим наказанием.

— Я хочу видеть маму.

— Твоей мамы на корабле нет, Небесный. А если бы она была здесь, ты напрасно надеешься, что она изменит твою участь. Она скажет абсолютно то же самое. Ты проявил непослушание, и тебя придется наказать, — он повернулся к Констанце и покачал головой. — Что касается вас, юная леди, то мне кажется, вам обоим полезно будет некоторое время не играть вместе — не так ли?

— Мы не играем, — нахмурилась Констанца. — Мы разговариваем и исследуем.

— Да, — согласился Тит и тяжело глубоко вздохнул. — И посещаете отсеки, в которых вам строго запрещено появляться. Боюсь, это не может оставаться безнаказанным, — он заговорил мягче, как делал всегда, сообщая что-то действительно важное. — Этот корабль — наш единственный дом, и другого у нас не будет. Дом — это прежде всего убежище, безопасное место. Но и здесь есть места, куда ходить не следует. Не из-за каких-то чудовищ и прочих глупостей, а потому, что там опасно — и для взрослых тоже. Механизмы и энергетические системы. Роботы и отпускные колодцы. Поверь мне, я видел, что случается с людьми, которые посещают запретные места. Это не самое приятное зрелище.

Небесный ни на миг не усомнился в словах отца. Возглавляя службу безопасности корабля, где, по большому счету, сохранялось политическое и социальное равновесие, Тит Хаусманн занимался расследованием несчастных случаев и крайне редких самоубийств. И хотя Тит всегда оберегал мальчугана от конкретных описаний гибели, ожидающей на таком корабле, как «Сантьяго», воображение Небесного рисовало весьма яркие картины.

— Мне жаль, — сказала Констанца.

— Не сомневаюсь. Но это не отменяет того факта, что ты отвела моего сына на запретную территорию. Я поговорю с твоими родителями, Констанца, и не думаю, что они придут в восторг. А теперь беги домой, и, быть может, через неделю-другую мы пересмотрим ситуацию. Хорошо?

Она ничего не ответила — только кивнула — и ушла по одному из кривых коридоров, которые радиально расходились от перекрестка, где их встретил Тит. До жилища ее родителей было недалеко — жилые отсеки на

«Сантьяго» располагались достаточно плотно. Однако проектировщики корабля старались избегать прямых маршрутов, если не считать аварийных лазов и железнодорожных линий, ползущих вниз по «хребту» корабля. Змеящиеся коридоры общественных помещений создавали впечатление, что внутреннее пространство корабля куда обширнее, чем на самом деле. Две семьи могли жить бок о бок, полагая, что обитают в противоположных концах жилого сектора.

Тит вместе с сыном направился домой. Небесный сожалел, что матери нет на борту, поскольку она — что бы там ни говорил Тит — обычно предписывала не столь строгие наказания. Он смел надеяться, что она уже вернулась, завершив работы на корпусе до конца вахты, и уже ожидает, когда они придут в детскую. Но ее там не было.

— В детскую, — приказал Тит. — Поиграешь пока с Клоуном. Я вернусь часа через два-три и выпущу тебя.

— Я не хочу туда.

— Правильно. Если бы хотел, что бы это было за наказание?

Дверь детской комнаты открылась. Тит подтолкнул сына внутрь, а сам остался за порогом.

— Привет, Небесный, — сказал Клоун. Он уже поджидал мальчика.

В детской было много игрушек. Некоторые из них умели поддерживать что-то вроде диалога и на первый взгляд даже казались подлинно разумными. Небесный сознавал, что эти игрушки предназначались для детей примерно его возраста и задуманы в соответствии с картиной мира, которая складывается у типичного ребенка на третий год жизни. Но большинство игрушек начали казаться ему примитивными и глупыми уже после второго дня рождения. Клоун был другим — не совсем игрушкой, хотя и не совсем и личностью. Клоун был с Небесным давным-давно, он был частью детской, но не всегда там находился. Еще Клоун не мог трогать вещи или позволять Небесному трогать себя, а когда говорил, то звуки его голоса доносились не совсем оттуда, где он стоял, — или притворялся, что стоял.

При этом нельзя было сказать, что Клоун существует лишь в воображении. Он видел все происходящее в детской и пунктуально доносил родителям Небесного, когда тот делал нечто заслуживающее порицания. Именно Клоун сообщил родителям, что Небесный сломал кресло-лошадку и что в этом — невзирая на заверения мальчугана — не было вины ни одной из «умных» игрушек. Небесный возненавидел Клоуна за это предательство — но ненадолго. Даже Небесный понимал, что Клоун

был его единственным настоящим другом — если не считать Констанцы, и что он знал о существовании вещей, не доступных даже ее пониманию.

— Привет, — печально отозвался Небесный.

— Вижу, тебя заперли за посещение дельфинария.

Клоун одиноко стоял в строгой белой комнате, прочие игрушки были аккуратно спрятаны.

— Это было несправедливо, Небесный, ведь так? Я мог бы показать тебе дельфинов.

— Но не тех. Не настоящих. И ты мне их уже показывал.

— Но не таких. Смотри!

И внезапно оба они очутились в лодке, в море, под синим небом. Вокруг на гребнях волн, вспенивая воду, плясали дельфины, их спины блестели под солнцем, словно мокрые булыжники. Впечатление портили только узкие черные окна в одной из стен комнаты.

Однажды Небесный нашел в книге сказок картинку с изображением Клоуна в пестром наряде с буфами и большими белыми пуговицами. На его комичной физиономии, обрамленной взбитыми рыжими волосами под мягкой полосатой шляпой, постоянно сияла улыбка. Когда он дотронулся до картинки в книге, клоун шевельнулся и показал те же фокусы и забавные вещицы, что показывал его собственный Клоун. Небесный смутно помнил времена, когда эти трюки заставляли его смеяться и хлопать в ладоши, как будто ему не нужно было ничего на свете, кроме этих ужимок.

Теперь Клоун начинал ему понемногу надоедать. Он по-прежнему развлекал Небесного, но их отношения претерпели глубокие изменения, и пути назад не было. Отныне Клоун стал для Небесного объектом, который надлежало исследовать, анатомировать и тщательно измерить. Клоун чем-то напоминал рисунки пузырьками, которые создавали в воде дельфины, — правда, эта картинка была сделана скорее из света, чем из звука. И сейчас они были в лодке только понарошку. Под ногами был все тот же твердый и гладкий пол комнаты, куда его запер отец. Небесный не совсем понимал, как создается эта картинка, но она вполне могла сойти за реальность. Даже стены детской были невидимы.

— У дельфинов, которые живут в бассейне — у Слика и всех остальных, — есть какие-то механизмы, — сказал Небесный. Не мешает кое-что разузнать, пока он сидит в заключении. — Для чего им ультразвук?

— Чтобы помочь им фокусировать свой гидролокатор.

— Нет. Мне просто интересно, кто впервые придумал поместить их туда?

— А-а... Наверно, химерики.

— Кем они были? Они полетели с нами?

— Отвечая на второй твой вопрос — нет, хотя они очень этого хотели.

Голос Клоуна, чуть визгливый, дрожал и поэтому напоминал женский. Но в нем при любых обстоятельствах звучало бесконечное терпение.

— Не забывай: когда Флотилия покидала Землю, а потом орбиту Меркурия, чтобы выйти в межзвездный космос, в Солнечной системе все еще продолжалась война. Да, сражения к тому времени в основном закончились, но люди еще не договорились об условиях перемирия. Они еще ощущали себя «на тропе войны» и были готовы начать драку по первому сигналу. Были фракции, которым война казалась последним шансом что-то изменить. Некоторые из них к тому времени были просто организованными разбойничьими шайками, не более того. Химерики — точнее, те химерики, которые создали дельфинов, — определенно были из их числа. Вообще химерики достигли поразительных результатов в экспериментах с киборгами. Они сращивали себя и своих животных с механизмами. Но часть химериков пошла еще дальше. В итоге их стали избегать даже их соплеменники.

Небесный слушал и внимал тому, о чем рассказывал ему Клоун. Оценка воспитателем воспринимающих способностей Небесного была вполне адекватна. Клоун не углублялся в заумные рассуждения, одновременно заставляя Небесного сосредоточиваться на каждом слове. Небесный сознавал, что не все трехлетние малыши способны понимать подобные рассуждения, но это его ничуть не смущало.

— А дельфины?

— Они тоже созданы химериками. С какой целью — нам не известно. Возможно, химерики собирались завоевать океаны Земли и хотели сделать из них подводную пехоту. А может быть, это был просто эксперимент, который прервали из-за того, что война стала угасать. Как бы то ни было, агенты Южноамериканской Конфедерации отняли у химериков семейство дельфинов.

Небесный знал, что речь шла об организации, которая почти всю войну соблюдала нейтралитет. Ее интересы простирались далеко за тесные границы солнечной системы. Собрав себе в помощь горстку союзников, Конфедерация осуществила первую серьезную попытку человечества пересечь межзвездное пространство.

— И мы взяли Слика и остальных дельфинов с собой?

— Да, мы считали, что они пригодятся нам в Конце Путешествия. Но устранить искусственные образования, вживленные химериками, оказалось

гораздо труднее, чем казалось. И мы оставили все как есть. Затем родилось новое поколение дельфинов, и обнаружилось, что они не могут общаться со своими родителями обычным способом, — если их организм не изменить. Поэтому мы скопировали эти включения и имплантировали молодняку.

— Но в результате эти дельфины стали психопатами.

Клоун изобразил легкое удивление и чуть помедлил с ответом. Позже Небесный поймет, что он «застывает», когда обращается к одному из его родителей или кому-нибудь из взрослых и спрашивает, как лучше отреагировать.

— Да... — промолвил, наконец, Клоун. — Но мы вряд ли в этом виноваты.

— Как не виноваты? В том, что держим их в трюме, где воды — несколько несчастных кубометров?

— Поверь мне, условия их нынешнего содержания значительно лучше, чем в опытной лаборатории химериков.

— Но ведь дельфины не могут об этом помнить, верно?

— Здесь они более счастливы.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я — Клоун, — вечно улыбающаяся маска его физиономии растянулась уж совсем неестественно. — Клоун всегда все знает.

Небесный собрался было спросить, что он имеет в виду, как вспыхнул свет. Это произошло внезапно, но совершенно беззвучно, свет был очень ярким и исходил из узких окон в одной из стен. Зажмурившись, Небесный увидел на сетчатке отражение окна — четкий, розовый прямоугольник.

— Что случилось? — спросил он, продолжая моргать.

Но с Клоуном, а заодно и со всей комнатой, происходило нечто непостижимое. В момент вспышки его фигура приобрела уродливые очертания, застывшая физиономия растянулась в разные стороны и словно растеклась по стенам. Лодка, в которой они как бы стояли, странно изогнулась вместе с остальной картиной. Очертания начали расползаться, а потом изображение точно кто-то размешал палкой.

Хуже того: сияющие фигурки на стенах, которые освещали комнату, потемнели, а затем почернели. Комната погрузилась во мрак. Только из высоко расположенного окна еще исходило слабеющее молочное свечение. Но и оно вскоре исчезло, и Небесный остался в крошечной темноте.

— Клоун? — окликнул Небесный, вначале спокойно, затем чуть более настойчиво.

Ответа не последовало. В этом было что-то странное и

недоброжелательное. Небесный почувствовал, как что-то поднимается изнутри — волна парализующего страха и тревоги, нормальная реакция трехлетнего малыша на подобную ситуацию. Это ничем не напоминало проблески «взрослости» и прочие признаки раннего развития, которые обычно выделяли Небесного среди ровесников. Он вдруг стал просто одиноким маленьким ребенком, который потерялся в темноте и не понимает, что происходит.

Он снова окликнул Клоуна, на этот раз с отчаянием в голосе, — понимая, что Клоун уже ответил бы ему, будь это возможно. Нет, Клоун исчез. Детская, обычно залитая ярким светом, стала темной и холодной, вдобавок в ней воцарилась тишина, и он не слышал даже обычных шумов, наполняющих «Сантьяго».

Небесный направился туда, где должна была находиться стена, потом двинулся вдоль нее, надеясь найти дверь. Но когда дверь закрыта, она прилегает к стене вплотную, обеспечивая герметичность, и теперь он не мог нащупать даже тончайшей щели, чтобы обнаружить ее местонахождение. Внутри не было ни ручки, ни кнопки. Обычно — когда Небесный не был наказан — дверь открывал Клоун, стоило только попросить.

Но на ситуацию нужно как-то реагировать, причем адекватно, нравится ему способ реагирования или нет. И Небесный заплакал — чего не помнил за собой уже давно.

Мальчуган плакал до тех пор, пока не выплакал все слезы, а в глазах не защипало. Потом снова окликнул Клоуна, внимательно прислушался — и опять ничего не услышал. Он принялся кричать, но это не помогло. Попытки пришлось оставить, когда в горле стало першить.

Он пробыл в одиночестве не более двадцати минут, но ему казалось, что они растянулись в час, затем в два и, наконец, в долгие и мучительные десятки часов. Одиночество показалось бы ему долгим при любых обстоятельствах. Но он не понимал, что произошло на самом деле и подозревал, что отец затеял все это, чтобы наказать его построже. Время тянулось и тянулось, превращаясь в вечность. Потом мысль о том, что это затеял Тит, стала казаться ему нелепой. Тело его все еще дрожало, но мозг уже принялся перебирать еще более неприятные трактовки событий. Он представил себе, что детская неким образом отделилась от остального корабля и падает в космосе, удаляясь от «Сантьяго» и от Флотилии — а когда это обнаружится, будет уже поздно. Или, может быть, корабль захватили чудовища. Они бесшумно истребили на борту все живое, и только он один остался в живых, потому что чудовища его еще не нашли,

но со временем непременно найдут...

За одной из стен комнаты что-то зашуршало.

Разумеется, это были взрослые. Некоторое время они возились с дверью, пока не убедили ее открыться — а когда убедили, луч янтарного света протянулся к нему по полу. Первым вошел отец, а потом еще четверо или пятеро человек — Небесный не знал, как их зовут. Они были высокими, сутулыми и казались темными силуэтами, а свет фонарей делал их лица пепельно-серыми и хмурыми, точно у королей из книжки сказок. Вместе с ними в комнату ворвался воздух. Он был холодным, как никогда, и малыш задрожал еще сильнее. Взрослые резкими толчками выдыхали пар, точно огнедышащие драконы.

— Он цел, — сказал отец одному из взрослых.

— Ну, вот и славно, Тит, — отозвался тот. — Отвести его куда-нибудь в безопасное место... а потом начнем пробираться на корму.

— Иди сюда, Шайлер, — отец присел на корточки и протянул к Небесному руки. — Иди ко мне, мой мальчик. Все в порядке. Незачем так волноваться. Ты плакал, верно?

— Клоун ушел, — еле выговорил Небесный.

— Клоун? — переспросил кто-то.

Отец обернулся.

— Базовая образовательная программа детской комнаты. Вспомогательные процессы, похоже, накрылись первым делом.

— Заставь Клоуна вернуться, — сказал Небесный. — Пожалуйста...

— Попозже, — ответил отец. — Клоун... отдыхает, вот и все. Он вернется, не успеешь и оглянуться. Хочешь пить, сынок? Или поесть?

— Где мама?

— Она... — отец запнулся. — Сейчас она не может прийти, Шайлер, но она передает тебе привет.

Небесный увидел, как один из мужчин тронул отца за руку.

— Ему будет спокойнее с другими детьми, Тит. В главной детской.

— Он не такой, как другие дети, — возразил отец.

Вскоре они вывели Небесного из комнаты, на холод. Коридор уходил вправо и влево, в темноту, прочь от лужиц света, которые оставляли фонари взрослых.

— Что случилось? — спросил Небесный. Он впервые осознал, что поколеблен не только его внутренний космос. Что бы ни случилось, оно коснулось и мира взрослых. Он никогда прежде не видел корабль таким.

— Кое-что очень, очень плохое, — сказал отец.

Глава 5

Я вылетел из сна о Небесном Хаусманне, словно мне дали пинка. В первый момент мне показалось, что я попал в другой сон, главной особенностью которого было устрашающее ощущение потерянности в пространстве и времени.

Потом я понял, что это вовсе не сон.

Я бодрствовал. Правда, половина моего разума продолжала крепко спать — та его часть, где записано, кто я такой и что делаю в этом мире. Я даже не мог успокоить себя, разобравшись, как нынешняя ситуация связана с прошлым. Кстати, о прошлом... Я мысленно оглянулся назад, надеясь обнаружить в памяти какие-то зацепки — мое имя, предметы, которые укажут, кем я являюсь. Но это было все равно, что вглядываться в густой серый туман.

Правда, я мог назвать предметы, которые находятся вокруг. Значит, речь осталась сохранной. Я лежал на жесткой постели под тонким коричневым вязаным одеялом и чувствовал себя бодрым и отдохнувшим — но при этом абсолютно беспомощным. Я глазел по сторонам, ожидая «щелчка», после которого ситуация прояснится. Но — ни малейшего проблеска, ничего, что могло показаться хоть мало-мальски знакомым.

Я поднес к глазам руку и принялся изучать выпуклости вен на обратной стороне ладони. Рука тоже выглядела как-то странно.

Однако я довольно неплохо помнил подробности сновидения. Оно было поразительно ярким и походило не на обычный сон — череду бессвязных картин, в которой трудно усмотреть логическую связь, — а на отрезок хроники. Казалось, я незримо присутствовал при всех событиях, следуя за Небесным Хаусманном, точно назойливый призрак.

Потом я зачем-то повернул руку ладонью вверх.

Посредине ладони виднелось аккуратное ржавое пятнышко запекшейся крови. Осмотрев под собой простыню, я обнаружил еще несколько засохших капель — следы недавнего кровотечения.

Что-то материализовалось в тумане памяти — и было готово вот-вот приобрести ясные очертания.

Я вылез из постели, обнаженный, и осмотрелся. Я находился в комнате с шероховатыми стенами — но это был не тесаный камень, а материал наподобие высушенной глины, покрытый ослепительно белой штукатуркой. Вплотную к кровати стояли табурет и тумбочка из

неизвестного мне дерева. Нигде никаких украшений, если не считать маленькой коричневой вазы, стоявшей в стенной нише.

Я в ужасе уставился на эту вазу.

Это был совершенно иррациональный страх. Я мгновенно понял это, но ничего не мог с ним поделать. По-видимому, у меня произошло какое-то нервное расстройство. Я услышал собственные слова: у тебя сохранилась речь, но что-то нарушено либо в системе восприятия, либо в каком-то отделе мозга — в том, что отвечает за новообразование, которое впервые появилось у млекопитающих и называется «страхом». Разобравшись с происхождением своего страха, я понял, что ваза тут не при чем.

Дело было в нише.

Что-то пряталось в ней, что-то ужасное. Осознав это, я содрогнулся, сердце бешено заколотилось. Мне нужно выбраться из этой комнаты, сбежать от этого... Я знал что это бессмысленно, но при одной мысли о том, что там сидело, кровь леденела в жилах. В противоположном конце комнаты виднелась открытая дверь. Куда угодно — только поскорее выйти наружу.

Пошатываясь, я шагнул за порог.

Моих ног коснулась трава. Я стоял на росистой, тщательно подстриженной лужайке, окруженной с двух сторон зарослями и валунами. Позади меня стоял сельский домик, в котором я проснулся. Он прилепился к отвесному склону и, казалось, вот-вот исчезнет в зарослях. По мере подъема склон становился все круче, переходил в вертикаль... и у меня закружилась голова. Надо мной смыкался купол из зелени, похожей на ламинарию. Я находился внутри перевернутой чаши, стенки которой были густо оклеены листьями. Оценить расстояние было трудно, но «потолок» этого мирка, должно быть, находился в километре над моей головой. С противоположной стороны дно игрушечной долины слегка понижалось, а потом снова начинался подъем — пока где-то вдалеке противоположная сторона «чаши» не сравнивалась со склоном за моей спиной.

Границы этого мирка терялись среди все тех же зарослей и валунов, расплывчатые и окрашенные в туманную синеву воздушными массами. Из-за этого в первый момент мне показалось, что это жилище имеет цилиндрическую форму. Но это было не совсем так. «Берега» долины чуть заметно скруглялись и смыкались друг с другом, так что она напоминала лежащее на боку веретено — а мой домик находился как раз на экваторе.

Перебрав в памяти множество различных типов жилых конструкций, я не обнаружил ничего похожего. Решительно, это место было очень необычным.

Вдоль всей постройке тянулось ослепительно белое «волокно» — нечто вроде трубки, наполненной плазмой. Судя по всему, оно могло тускнеть, имитируя закат и наступление ночи. Крошечные водопады и грубые скальные поверхности, контрастируя с зеленью, оживляли пейзаж. Местный дизайнер явно имел вкус к японским гравюрам. На дальнем склоне долины я заметил пестрые декоративные садики, расположенные террасами, — мозаика, набранная из крошечных элементов. Повсюду, точно россыпь гальки, белели коттеджи, образующие что-то вроде поселков, и какие-то более крупные строения. Каменистые тропки петляли по долине, соединяя домики и поселки. Ближе к концам конусов, из которых состояло «веретено», построек становилось больше. Судя по всему, сила тяжести там слабее — хотя это могло быть только иллюзией. Возможно, именно с этой целью создатели этого обиталища выбрали такую форму.

Я погрузился в размышления. И тут что-то крадучись выбралось из зарослей и зашагало на поляну, переставляя совершенно немыслимые металлические ноги на шарнирах. Моя ладонь тут же сжала рукоять несуществующего пистолета, словно для его появления достаточно было простого сокращения мускулов.

Машина остановилась и тихонько застрекотала. Паучьи ноги поддерживали зеленое яйцевидное тело, украшенное светящимся голубым узором в виде снежинки.

— Таннер Мирабель?

Голос доносился из машины, и в этом было что-то подозрительное. Он не мог принадлежать роботу. Это говорила женщина, причем немного не уверенная в себе.

— Понятия не имею.

— О Боже, это все мой кастеллано... — последнюю фразу она произнесла на норте, но тут же снова перешла на мой родной язык и заговорила еще более смущенно: — Надеюсь, вы меня поймете. Мне не с кем говорить на кастеллано. И... м-м... надеюсь также, что вам знакомо ваше собственное имя. Таннер. Вот так: Таннер Мирабель... В общем, господин Мирабель. Вы понимаете?

— Вполне, — отозвался я. — Но мы можем общаться на норте, если вам так легче. И если вас не коробит мое косноязычие.

— У вас прекрасное произношение, Таннер. Не возражаете, если я буду называть вас «Таннер»?

— Боюсь, вы можете называть меня как угодно.

— Ах. Если не ошибаюсь, вы немного страдаете амнезией?

— Мягко говоря... да.

До меня донесся вздох.

— Что ж, для этого мы здесь и находимся. Именно для этого. Мы вовсе не желаем подобного нашим клиентам... но если, не дай Бог, это с ними приключается, то они попадают в наилучшие условия. Впрочем, едва ли у них бывает хоть какой-то выбор... Ах, я опять сбилась, верно? Я постоянно сбиваюсь. Вы и без того смущены. Видите ли, мы не ожидали, что вы встанете так скоро, поэтому вас никто не встретил, — снова вздох, но на этот раз более деловитый. Я так и видел, как она оправляет воротничок, приступая к работе. — Значит, так. Вы в безопасности, Таннер, но вам лучше оставаться возле дома, пока кто-нибудь не придет.

— Почему? Что со мной случилось?

— Ну, для начала, вы совсем голый.

Я кивнул.

— А вы не совсем робот, верно? Впрочем, извините, у меня не слишком изысканный юмор.

— Вам ни к чему извиняться, Таннер. Совсем ни к чему. Абсолютно правильно и закономерно, что вы чуточку дезориентированы — ведь вы так долго спали. Физически вы не пострадали — во всяком случае, насколько я вижу... — она замолчала, затем продолжала, словно стряхнув задумчивость: — Однако умственно... Впрочем, этого следовало ожидать. Такого рода кратковременная потеря памяти случается гораздо чаще, нежели они пытаются нам внушить.

— Я рад, что вы сказали «кратковременная».

— Обычно так оно и бывает.

Я улыбнулся. Интересно, она пытается меня утешить, или просто приводит факт, основанный на статистике?

— Кстати, кого вы подразумеваете под словом «они»?

— Разумеется, людей, которые вас сюда доставили. Ультра.

Присев на корточки, я покатал в пальцах травинку и измазал большой палец зеленой кашицей. Я понюхал ее. Если это имитация, то исключительно правдоподобная. Боевые симуляторы могут отдыхать.

— Ультра?

— Вы прибыли сюда на их корабле, Таннер. Вы были заморожены на время путешествия. А теперь у вас амнезия.

При этих словах один из осколков моей памяти кое-как встал на место. Кто-то говорил мне об «амнезии оживления» — то ли недавно, то ли очень давно. Похоже, и то, и другое могло быть правдой. Тогда моя собеседница — киборг из экипажа звездолета.

Я попытался вспомнить, о чем еще мне говорили, но это напоминало все то же блуждание в тумане, хотя на этот раз я ощутил уколы воспоминаний — хрупких, неживых деревьев, тянущих закопченные ветви в стремлении воссоединиться с прошлым. Рано или поздно я отправлюсь побродить по этой чаще.

Но пока я вспомнил лишь заверения в том, что со мной в любом случае не случится ничего страшного, что амнезия — это просто очередная байка и на самом деле такое происходит куда реже, чем говорят. Значит, имеет место как минимум некоторое искажение фактов. Правда, признание потери памяти почти нормальным явлением тоже внушает определенные подозрения.

— Не думаю, что ожидал подобного, — сказал я.

— Забавно, но почти никто не ожидает. Тяжелее всего с теми, кто даже не помнит, что имели дело с Ультра. Но ведь с вами не так?

— Верно, — подтвердил я. — И это меня, заметьте, весьма радует.

— Что именно?

— Мысль о том, что какому-то бедолаге пришлось еще хуже, чем мне.

— Хм-м, — протянула она с ноткой неодобрения. — Я не уверена, что такое отношение уместно, Таннер. С другой стороны, я не думаю, что ваше выздоровление потребует много времени. А теперь — почему бы вам не вернуться в дом? Там вы найдете подходящую одежду. Здесь, в хосписе, мы не слишком стыдливы, но вы можете простудиться и умереть.

— Я ненарочно, поверьте.

Любопытно, как бы она оценила мои шансы на скорое выздоровление, скажи я ей, что сбежал из дома, до полусмерти напуганный деталью интерьера?

— Не сомневаюсь, — согласилась она. — Но извольте одеться — а если одежда вам не понравится, мы сможем ее заменить. Я скоро приду вас проведать.

— Спасибо. Кстати, а кто вы такая?

— Я? Можно сказать, всего лишь крошечная шестеренка в огромном механизме, творящем милосердие. Сестра Амелия.

Ясно, что я не ослышался, когда она назвала это место хосписом.

— А где именно мы находимся, сестра Амелия?

— Ах да, конечно. Вы находитесь в хосписе Айджвилд, под присмотром святого ордена Ледяных Нищенствующих. Некоторые предпочитают называть это место «Отель Амнезии».

Как бы то ни было, это мне ни о чем не говорило. Я никогда не слышал

ни об Отеле Амнезии, ни о более формальном названии этого места — не говоря уже об ордене Ледяных Нищенствующих.

Я зашагал обратно к домику, робот следовал за мной на почтительном расстоянии. У двери я замедлил шаг. Как это ни глупо, но страх как будто дожидался за дверями, чтобы вцепиться в меня с прежней силой. Я посмотрел на нишу. Мне снова казалось, что неизвестная тварь затаилась там, свернувшись кольцами, и следит за мной с какими-то недобрыми намерениями.

«Просто оденься и выйди отсюда, — сказал я себе вслух — и отметил, что говорю на кастеллано. — А когда придет Амелия, скажи ей, что тебе необходима психотерапия. Она поймет. Такие вещи должны случаться постоянно».

Я осмотрел вещи, лежащие в комод. Ничего необычного — и абсолютно ничего знакомого. Одежда была простой и, похоже, ручной работы: черный джемпер с клиновидным вырезом, мешковатые брюки без карманов и пара мягких туфель, пригодных для прогулок по лужайкам, но не более. Одежда подошла мне идеально, однако казалась чем-то чуждым и непривычным.

Я обыскал комод в надежде найти какие-то личные вещи, но, кроме одежды, в нем ничего не было. Глубоко разочарованный, я сел на постель и тупо уставился на оштукатуренную стену, пока взгляд снова не сосредоточился на маленькой нише. После нескольких лет «заморозки» химия моего мозга, вероятно, пыталась вернуться в некоторое равновесное состояние. А я тем временем знакомился с ощущением психопатического страха. У меня было сильнейшее желание просто свернуться клубком и отгородиться от окружающего мира. Меня удерживало только одно — холодное понимание того, что я бывал и в худших ситуациях, сталкивался с опасностями под стать тем, которые мое больное воображение поселило в этой пустой нише, — и успешно со всем справлялся. Не важно, что на ум не приходило ни одного конкретного случая. Достаточно знать, что это происходило. Если сейчас я сдамся, я предам глубоко затаившуюся здоровую часть моего рассудка, сохранившую их в памяти.

Ждать возвращения Амелии пришлось недолго.

Она запыхалась и покраснелась, словно ей пришлось пробежаться вверх по склону, или даже преодолеть овраг, который я заметил во время прогулки. Но она улыбалась — похоже, разминка доставила ей удовольствие. Черное одеяние закрывало все, кроме лица и рук, на шее висела цепочка с подвеской в виде снежинки. Из-под подола хламиды торчали пыльные носки сапог.

— Ну, как вам одежда? — спросила она, кладя руку на яйцевидную голову сопровождающего робота. Возможно, она просто сохраняла равновесие — но это выглядело так, словно она ласково поглаживала машину.

— Будто на меня сшита. Спасибо.

— Вы уверены? Заменить ее совсем несложно, Таннер. Просто скиньте ее и... — ее улыбка стала более ясной, — в общем, моментально получите другую.

— Все в порядке, — заверил я, внимательно изучая ее лицо. Никогда раньше мне не приходилось видеть столь бледной кожи. Глаза тоже были почти лишены пигмента, а брови-ниточки точно поедены молью.

— О, прекрасно, — кажется, она в чем-то сомневалась. — Вы еще что-нибудь вспомнили?

— Кажется, вспомнил, откуда появился. Неплохо для начала.

— Только не торопите события. Даша — это наш специалист-невролог... она сказала, что скоро вы начнете вспоминать. Только не волнуйтесь, если на это потребуется время.

Амелия присела на край кровати, где всего несколько минут назад спал я. Поправив одеяло, я прикрыл кровавые пятнышки. Почему-то я стыдился этого и не хотел, чтобы Амелия увидела рану на моей ладони.

— Подозреваю, ждать придется долго.

— Но вы уже вспомнили, что сюда вас доставили Ультра. Большинству, как я говорила, даже это не удается. А вы помните, откуда прилетели?

— Кажется, с Окраины Неба.

— Правильно. Система 61 Сигни-А.

Я кивнул.

— Но мы привыкли называть наше солнце «Суон». Так гораздо проще.

— Верно, другие тоже так говорят. Пожалуй, мне стоит запоминать такие подробности... но люди попадают к нам отовсюду. Иногда я пытаюсь свести это в систему, но только запутываюсь.

— Понимаю. Но я до сих пор не понял, где мы находимся. И, видимо, не буду уверен, что понимаю, пока ко мне не вернется память. В любом случае, сомневаюсь, что когда-либо слышал о вашей организации...

— Ордене Ледяных Нищенствующих.

— Все равно не помню.

— Это объяснимо. Кажется, у нашего Ордена нет представительства в системе Суона. Мы действуем лишь в системах с оживленными внутренними и внешними коммуникациями.

Мне хотелось спросить у нее, в какой из них мы находимся, но воздержался. Надеюсь, со временем она скажет сама.

— Кажется, вы хотите рассказать мне чуть больше, Амелия.

— Не возражаю. Но вам придется извинить меня, если рассказ покажется заранее подготовленной речью. Боюсь, вы не первый, кому мне приходилось объяснять все это, — и не последний.

Она поведала мне, что Ордену Нищенствующих около полутора сотен лет — он основан в середине двадцать четвертого века. Примерно тогда межзвездные перелеты перестали быть прерогативой сверхдержав, вышли из-под исключительного контроля их правительств и стали едва ли не рядовым явлением. К тому времени Ультра объявили себя независимой фракцией. Они не просто использовали свои звездолеты для перемещения в пространстве. Они рождались и умирали на борту, а срок их жизни, благодаря эффектам растяжения времени, значительно превосходил срок жизни обычных людей. Ультра активно зарабатывали переброской пассажиров из системы в систему, но особой щепетильностью не страдали. Случалось, что они доставляли пассажиров туда, куда летели сами, и высаживали в системе, которая находилась за десятки светолет от желаемого места назначения. Иногда они использовали откровенно устаревшие технологии замораживания или выполняли замораживание так плохо, что пассажиры просыпались в пункте прибытия сильно постаревшими или с полной потерей памяти.

В сфере обслуживания образовалась своего рода лагуна. Именно ее и заполнили Ледяные Нищенствующие. Они основали хосписы во множестве систем и осуществляли помощь людям, чье «оживление» прошло не слишком гладко. Их клиентами становились не только пассажиры звездолетов. В основном они занимались людьми, которые ложились на десятки лет в криосклепы, чтобы пережить экономические рецессии или периоды политической нестабильности. Нередко на момент пробуждения выяснялось, что клиент лишился всех своих накоплений, его личное имущество конфисковано, а память нарушена.

— Кажется, теперь я понял, как вы меня заловили, — сказал я.

— Прежде всего вам необходимо понять: вас никто не ловил. Мы заботимся о вас, пока вы не поправитесь настолько, чтобы улететь. Если захотите покинуть нас раньше, мы не будем вас удерживать. Пожелаете побыть здесь дольше — пожалуйста, нам не помешает лишняя пара рук для работы в поле. Мы ничем вас не обязываем и никогда более не напомним о себе, если не понадобится снова.

— В таком случае как вы сводите концы с концами?

— Понемногу справляемся. Большинство наших клиентов после выздоровления делают пожертвования — абсолютно добровольно, и мы на это особенно не рассчитываем. Наши текущие затраты крайне незначительны, а за строительство Айдлвилда мы никому не должны.

— Такой анклав должен был обойтись недешево, Амелия. Все стоит денег, даже материя, которую плодят стада безмозглых роботов.

— Она обошлась гораздо дешевле, чем вы думаете, хотя нам пришлось пойти на некоторые компромиссы относительно базового проекта.

— Кстати, почему выбрана такая форма — веретено? Меня это заинтересовало.

— Я кое-что покажу вам, когда вы немножко поправитесь. Вы сами поймете.

Она умолкла и приказала роботу налить воды в маленький бокал.

— Пейте. Вас, верно, мучит жажда. Понимаю, вам хочется узнать о себе чуть больше. Хотя бы, как вы сюда попали и где именно находитесь.

Я принял бокал и с благодарностью осушил его. Вода имела странный привкус, но не показалась неприятной.

— Очевидно, я не в системе Суона. Но где-то неподалеку от главных транспортных путей — иначе вас бы здесь не было.

— Да. Мы на орбите Йеллоустоуна, система Эпсилон Эридана, — Амелия следила за моей реакцией. — А вы не слишком удивлены.

— Я примерно так и думал. Только не помню, что мне здесь понадобилось.

— Вы все вспомните. В некотором роде вам повезло. Некоторые наши клиенты идеально здоровы, но слишком бедны, чтобы позволить себе иммигрировать сюда на законных основаниях. Мы разрешаем им понемногу зарабатывать, пока они не смогут хотя бы оплатить маршрут до Ржавого Обода. Либо договариваемся о том, чтобы они отработали определенное время в какой-то другой организации — так быстрее, но куда менее приятно. Но вам не понадобится ни то, ни другое, Таннер. Судя по сумме, которая была при вас, вы человек обеспеченный. И... Весьма неординарная личность. Возможно, вам это безразлично, но Окраину Неба вы покидали героем.

— Неужели?

— Да. Там произошла катастрофа, и благодаря вам были спасены несколько человеческих жизней.

— Боюсь, не помню.

— Не помните Нуэва-Вальпараисо? Это случилось там.

В этом названии угадывалось что-то знакомое. Так бывает, когда в

памяти всплывет цитата из прочитанной давным-давно книги или пьесы. Но сюжет и главные действующие лица — не говоря уже о финале... Все покрыто мраком неизвестности.

— Увы, все равно не помню. Скажите хотя бы, как я попал сюда. Как назывался корабль?

— «Орвието». Он покинул вашу систему лет пятнадцать назад.

— Кажется, у меня был серьезный повод, чтобы лететь на нем. Я путешествовал один?

— Насколько нам известно, да. Мы все еще обрабатываем его груз. На борту находились двадцать тысяч спящих, и пока мы «отогрели» примерно четверть из них, не более. Однако вам некуда спешить. Если собираешься провести пятнадцать лет в космосе, можно не беспокоиться из-за нескольких недель проволоочки на старте... или на финише.

В этот миг я почувствовал, что мне необходимо что-то срочно сделать. Как будто сон, забытый после пробуждения, продолжал тревожить меня.

— Расскажите мне все, что знаете о Таннере Мирабеле.

— Далеко не все, что хотелось, но пусть это вас не беспокоит. На вашей планете идет война, Таннер — вот уже несколько веков. В корабельном архиве безумный беспорядок, наши не лучше. Ультра не интересуется, кого они везут, лишь бы было заплачено.

Имя казалось привычным, словно старая перчатка. Да и сочетание неплохое. Таннер — имя делового человека, который берет и делает. Что-то твердое и прямолинейное. Мирабель, по контрасту, звучит с намеком на аристократизм.

Таннер Мирабель так Таннер Мирабель. Жить можно.

— А почему в ваших досье путаница? Только не говорите мне, что вы тоже воюете.

— Нет, — осторожно возразила Амелия. — Нет, дело не в этом. Совсем не в этом. Мне показалось, или вас это действительно обрадовало?

— Я мог быть солдатом.

— Который сбежал с поля битвы, совершив зверские преступления?

— Я так похож на преступника и садиста?

Она улыбнулась, но лицо ее оставалось абсолютно серьезным.

— Вы не поверите, Таннер, но у нас кого только не бывает. Вы можете быть чем угодно и кем угодно — внешность не имеет к этому отношения, — она вдруг нахмурилась. — Погодите. Ведь в доме нет зеркала? Вы видели себя после того, как проснулись?

Я покачал головой.

— Тогда следуйте за мной. Маленькая прогулка пойдет вам на пользу.

Мы покинули домик и отправились по извилистой тропе на равнину. Робот Амелии бежал впереди, словно резвый щенок. Несомненно, она полностью контролировала его, но я не мог избавиться от неприятного чувства — будто она разгуливала с ядовитой змеей. И первой непроизвольной реакцией на его появление было выхватить оружие.

Это был не театральный жест, а движение, отработанное до рефлекса. Я почти ощутил в руке тяжесть пистолета, ладонь привычно обхватила несуществующую рукоять, и где-то в подсознании шевельнулись профессиональные навыки специалиста по баллистике.

Я разбирался в оружии и не любил роботов.

— Расскажите еще что-нибудь, — попросил я. — О том, как я сюда попал.

— Как я уже говорила, вас доставил сюда «Орвието», — ответила Амелия. — Он находится в системе, поскольку его все еще разгружают. Я покажу вам его, если хотите.

— Мне казалось, что вы хотели показать мне мое отражение.

— Мы это совместим, Таннер.

Тропа, петляя, спускалась в темную расселину, скрытую завесой буйной зелени. Должно быть, именно ее я видел в низине под своим домиком.

Амелия была права. Я добирался сюда несколько лет, так что можно подождать неделю-другую, пока восстановится память. И все же я не мог ждать. С момента пробуждения меня не оставляло беспокойство. Что-то надо было сделать — настолько срочно, что уже сейчас несколько минут могут оказаться решающими.

— Куда мы идем? — спросил я.

— В одно секретное место. Конечно, вас не следовало бы туда вести, но я не могу устоять перед искушением. Вы ведь никому не скажете?

— Я заинтригован.

Темная расселина привела нас на дно долины — в точку, наиболее отдаленную от оси Отеля Амнезии. Мы находились как раз на стыке двух конусов. Здесь сила тяжести достигла максимума, и движения требовали дополнительных усилий.

Робот Амелии остановился, яйцевидная голова повернулась на шарнирах, и он обратил к нам свою невыразительную физиономию.

— Что с ним такое?

— Он не пойдет дальше, потому что это запрещено программой.

Машина загоразивала нам тропу, поэтому Амелия шагнула в сторону

и побрела по колено в высокой траве.

— Он не хочет, чтобы мы шли дальше, потому что заботится о нашей безопасности, но не станет мешать, если мы его обойдем. Верно, малыш?

Я проворно обогнул робота.

— Вы что-то говорили о моем подвиге.

— Вы спасли пять жизней, когда обрушился мост в Нуэва-Вальпараисо. Репортаж передавали в новостях по всем сетям, даже здесь.

Снова что-то знакомое. Еще немного — и я вспомнил. Мост был рассечен ядерным взрывом в верхних слоях атмосферы, отчего нижняя часть спирали обрушилась на землю, а верхняя отпружинила. Официально ответственность возложили на какую-то амбициозную группировку, которая проводила в тот день учебные стрельбы. Одна из ракет потеряла цель и пробила защитный экран вокруг моста. Но мне почему-то показалось, что дело не только в этом. И то, что я в тот момент находился в подъемнике, не было просто совпадением.

— Что именно случилось?

— Подъемник, в котором вы находились, оказался выше места обрыва. Он остановился на нити и уцелел бы, но снизу мчался еще один. Вы поняли это и убедили своих спутников, что единственным шансом на спасение будет выпрыгнуть в космос.

— Выбора все равно не было. Тем более, они уже надели скафандры.

— Безусловно, но вы знали, что для них это шанс. Подъемник находился высоко над верхними слоями атмосферы, и вам предстояло падать более одиннадцати минут.

— Замечательно. Но что толку в лишних одиннадцати минутах, когда все равно умрешь?

— Жизнь — это дар Божий, Таннер. Целых одиннадцать минут... К тому же спасательным катерам этого хватило, чтобы подобрать вас. Конечно, им пришлось пошарить в атмосфере, но нашли всех до единого — даже человека, который уже был мертв.

Я пожал плечами.

— Наверно, я думал только о самосохранении.

— Возможно, но лишь настоящий герой способен признаться в подобных мыслях. Вот почему я думаю, что вы действительно Таннер Мирабель.

— Но сотни людей, должно быть, погибли, — сказал я. — Какое уж тут геройство.

— Вы сделали все, что могли.

Следующие несколько минут мы шли молча. Тропа казалась все более

заросшей и почти терялась в траве, пока не превратилась в узкую щель в дне долины. Постоянная перегрузка начинала изматывать.

Теперь я шел впереди. Амелия то и дело отставала, словно кого-то поджидая, потом обогнала меня и вышла вперед. Заросли сомкнулись у нас над головой, образовав сплошной полог — казалось, мы идем по темному туннелю. Амелия двигалась не в пример более уверенно. Вскоре она включила миниатюрный фонарик. Его узкий луч прорезал темноту, но я подозревал, что Амелия заботилась прежде всего обо мне. Что-то подсказывало мне, что она бывает здесь достаточно часто и помнит каждую ямку.

Спустя какое-то время необходимость в фонарике отпала. Впереди забрезжил молочный свет. Через равные промежутки времени он то затухал, то разгорался снова.

— Что это за место? — осведомился я.

— Старый строительный туннель, он остался еще со времен постройки Айдлвилда. Большинство их закупорили, но про этот, кажется, забыли. Я прихожу сюда часто, когда хочу поразмышлять в уединении.

— Благодарю за доверие.

Она посмотрела на меня, ее лицо почти растворилось во мраке.

— Вы не первый, кого я привела сюда. Но я действительно доверяю вам, Таннер. Это странно... и вряд ли связано с вашим подвигом. Но вы кажетесь добрым человеком. Вас окружает аура спокойствия.

— О психопатах говорят то же самое.

— Что ж, благодарю за жемчужину мудрости.

— Извините. Наверно, мне стоит заткнуться.

Мы продолжали путь молча. Еще несколько минут — и туннель закончился, и мы оказались в помещении, похожем на пещеру с искусственным плоским полом. Осторожно шагнув на его гладкую поверхность, я посмотрел под ноги. Пол был стеклянным, а под ним что-то двигалось.

Звезды. И миры.

«Веретено» вращалось, и меня под ногами плыла желто-коричневая планета, вокруг нее двигалась небольшая красноватая луна. Это было восхитительное зрелище. Теперь я знал, как возникают ритмичные вспышки света.

— Это Йеллоустоун, — пояснила Амелия, указывая на планету. — Луна с цепью больших кратеров — это Глаз Марко, она названа в честь Марко Ферриса, человека, который открыл Бездну.

Повинуясь внезапному порыву, я опустил на колени, чтобы

посмотреть внимательнее.

— Значит, мы совсем недалеко от Йеллоустоуна.

— Да. Мы в движущейся точке Лагранжа относительно луны и планеты — в точке гравитационного равновесия, на орбите Глаза Марко, в шестидесяти градусах позади. А вот причальная платформа — там стоит большинство кораблей.

Она умолкла.

— Смотрите, вон они.

Кораблей действительно было множество. Одетые оболочкой из алмаза и льда, они сверкали подобно ритуальным кинжалам. Каждый из них — это целый городок. Длина этих сооружений — от трех до четырех километров, но на таком расстоянии они напоминали крошечных тропических рыбок. Их стайка облепила плавающий в пространстве анклав, корабли поменьше щетинились на причале вокруг ее кромки подобно иглам морского ежа. Весь ансамбль находился в двух-трех сотнях километров от нас. Прежде чем Отель Амнезии повернулся вокруг своей оси, Амелия указала на один из кораблей.

— Вон тот, что с краю — кажется, «Орвието».

Я представил себе, как эта сверкающая игла пронзает межзвездное пространство. Корабль мчится с околосветовой скоростью, покрывая невообразимое расстояние от Окраины Неба до Йеллоустоуна. И все эти пятнадцать лет втиснуты в несколько субъективных мгновений беспробудного сна... У меня похолодело в животе.

— Назад пути нет, — заметил я. — Даже если один из этих кораблей сейчас полетит на Окраину Неба, а у меня найдутся средства оплатить место на борту. Кому нужен герой тридцатилетней давности? Возможно, про меня уже и не вспомнят. А в худшем случае... кому-нибудь придет в голову объявить меня военным преступником и казнить в момент моего пробуждения.

Амелия медленно кивнула.

— Вы правы. Мало кто возвращается домой. Даже если война закончилась — все равно, слишком многое изменилось. И большинство еще до отлета знают, что не вернуться.

— А я знал, как думаете?

— Не могу сказать, Таннер. Вы не такой, как все.

Неожиданно она оживилась.

— Смотрите! Сброшенная оболочка!

— Что?

Я проследил за ее взглядом и увидел пустую коническую «раковину».

Возможно, мне только показалось, но в нее мог поместиться любой из кораблей, пристыкованных к причалу.

— Я не очень разбираюсь в этих кораблях, Таннер. Я знаю, что они почти живые и способны со временем изменяться и совершенствоваться, а потому никогда не устаревают. Чаще это внутренние изменения, но иногда они влияют на форму корабля — например, он вырастает, или обводы становятся более сглаженными, чтобы корабль мог выйти на околотсветовую скорость. При этом кораблю проще скинуть старую алмазную оболочку целиком, нежели заменять по частям. Они называют это «линькой» — словно змея сбрасывает кожу.

— Понятно. А потом эту броню можно продать по сходной цене?

— Продать? Это никому и в голову не приходит. Они просто оставляют эту благодать вращаться на орбите, пока кто-нибудь в нее не врежется. Мы захватываем оболочку, стабилизируем орбиту... Одну такую мы обложили скальными породами с Глаза Марко. Потом пришлось подождать, пока не появилась еще одна, подходящего размера. Тогда мы соединили их и, наконец, сумели построить Айдлвилд.

— Выгодная сделка.

— Ах, работы было много. Но проект оправдывает себя. Во-первых, для заполнения цилиндрического анклава такой же длины требуется куда больше воздуха. А во-вторых... Как и все люди, мы стареем. Нам все тяжелее находиться там, где соединяются раковины, и выполнять свои основные обязанности. Мы все больше времени проводим на возвышенностях с низкой гравитацией и постепенно переселяемся к концам «веретена». Можно сказать, ближе к небесам.

— Надеюсь, не слишком близко.

— Наверху не так уж плохо, — улыбнулась Амелия. — Во всяком случае, наши «божьи одуванчики» с полным правом поглядывают на остальных сверху вниз.

Позади нас послышались тихие шаги. Я застыл — и моя рука снова сжала несуществующее оружие. Потом чья-то фигура, почти неразличимая в темноте, скользнула в пещеру. Я увидел, как насторожилась Амелия. На минуту пришелец замер, и я слышал только его дыхание. Я тоже молчал и терпеливо ждал, пока пещера снова осветится, и я смогу его рассмотреть.

Он заговорил первым.

— Амелия, ты знаешь, что тебе не следует сюда приходить. Это запрещено.

— Брат Алексей... — проговорила она. — Ты же знаешь: я не одна.

Эхо его смеха — фальшивого и наигранного — отразилось от стен

пещеры.

— Неплохо сказано, Амелия. Но я знаю, что ты одна. Ты не поняла, что я следил за тобой? И видел, что ты шла одна.

— Нет, не одна. Просто я шла последней. Я догадывалась, что ты следил за нами, но не была уверена.

Я молчал.

— Ты никогда не умела лгать, Амелия.

— Возможно. Но сейчас я говорю правду — верно, Таннер?

— Она говорит правду, — подтвердил я.

В этот момент свет снова хлынул в пещеру, и я увидел нашего собеседника. Судя по тому, как к нему обращалась Амелия, он тоже принадлежал к Нищенствующим, но был одет чуть иначе. Простую черную хламиду с капюшоном украшала эмблема снежинки, вышитая на груди — словно покоилась на скрещенных руках. Выражение лица трудно было назвать безмятежным. Похоже, парня сильно мучил голод. К тому же он был бледен как покойник, с заострившимся носом, под скулами залегли тени.

— Она говорит правду, — повторил я.

Он шагнул к нам.

— Дай-ка я на тебя погляжу получше, слякоть, — брат Алексей разглядывал меня, и его ввалившиеся глаза мерцали. — Давно проснулся, верно?

— Пару часов назад.

Я стоял неподвижно. Пусть поглядит, из какого теста я сделан. Он был выше меня, но весил примерно столько же.

— Наверно, это немного... но достаточно, чтобы понять: мне не нравится, когда меня называют слякотью. Это что, жаргон Ледяных Нищенствующих? Или вы не столь набожны, как притворяетесь?

Алексей ухмыльнулся.

— А ты почему знаешь?

Я шагнул к нему. За стеклом у меня под ногами медленно вращались звезды. Кажется, ситуация проясняется.

— Нравится донимать женщину? Наверно, получаешь удовольствие, когда ее выслеживаешь... А если бы ты застал ее одну, Алексей? Что бы ты стал делать?

— Побеседовал с ней о божественном, — ухмыльнулся он.

Теперь я понял, почему Амелия вела себя так настороженно, но позволила Алексею следить за собой. Он действительно решил, что она одна — именно этого она и добивалась. Именно сейчас ей было нужно,

чтобы он последовал за ней — потому что я был рядом. Сколько раз это происходило прежде? Как долго ей пришлось ждать, пока не оживили человека, которому она могла довериться?

— Осторожно, Алексей, — предупредила Амелия. — Этот человек — герой Нуэва-Вальпараисо, он спасал там людей. Это не какой-нибудь жалкий турист, который все стерпит.

— А кто же он?

— А кто меня знает, — ответил я за нее, после чего пересек отделяющие меня от Алексея два метра, притиснул его к стене пещеры. Его кадык лег мне в изгиб локтя, и я слегка надавил — так, будто хотел придушить парня. Движение было легким и плавным, как зевок.

— Перестань... — простонал он. — Пожалуйста... мне больно.

Из его руки выпал какой-то сельскохозяйственный инструмент с острой кромкой. Я отшвырнул его ногой.

— И кто из нас слякоть, а? Если взял в руки оружие, так не выбрасывай.

— Ты меня задушишь!

— Если бы я тебя душил, ты бы сейчас не разговаривал, а валялся в отключке.

Однако я чуть ослабил давление, а потом толкнул его в туннель. Парень запнулся и тяжело рухнул на пол. Что-то выкатилось из его кармана — видимо, очередное самодельное оружие.

— Пожалуйста...

— Послушай меня, Алексей. Это было предупреждение. Когда мы встретимся в следующий раз, я тебе лапы переломуаю, понял? Я не желаю тебя здесь видеть.

Подняв мотыжку, я швырнул ее Алексею.

— Займись-ка лучше прополкой, парень.

Под нашими взглядами, он поднялся на ноги, что-то пробурчал и исчез в темноте.

— И давно это происходит?

— Несколько месяцев.

Теперь она снова говорила спокойно.

Йеллоустоун и рой кораблей на причале, вращаясь, снова проплывали под нами.

— Он грозил... намекал... правда, этого никогда не происходило. Он только запугивал меня. Но каждый раз он заходит чуть дальше. Я боюсь его, Таннер. Я рада, что вы здесь, со мной.

— Так значит, вы нарочно все подстроили? Надеялись, что он сегодня

что-то устроит?

— Потом я испугалась, что вы убьете его. Ведь вы бы смогли, если бы захотели?

Я сам задавал себе этот вопрос... и ответ был очевиден. Убить Алексея не составляло для меня труда — просто чуть усилить локтевой захват. Для этого даже не потребовалось бы усилий... и я продолжал бы сохранять спокойствие, как и на протяжении всего этого инцидента.

— Легко, — подтвердил я и нагнулся за предметом, выпавшим у него из кармана. Это было не оружие — по крайней мере, я его так не воспринимал, — скорее, что-то вроде шприца для подкожных инъекций. Внутри темнела какая-то жидкость, не то черная, не то темно-красная — скорее, последнее.

— Что это?

— Это... нечто запрещенное в Айдлвилде. Отдайте его мне, ладно? Я прикажу это уничтожить.

Я охотно подчинился — мне оно было ни к чему, — и Амелия с отвращением сунула устройство себе в карман.

— Таннер, — проговорила она, — когда вы покинете нас, он снова примется за свое.

— Займемся этим позже. Мне торопиться некуда, верно? Тем более, с такой памятью.

Чтобы отвлечь ее от дурных мыслей, я напомнил, что она обещала показать мне мое лицо.

Неохотно кивнув, она выудила из кармана свой крошечный фонарик.

— Встаньте на колени, — сказала она, — и внимательно смотрите в стекло.

Когда Йеллоустоун и его луна ушли и в пещере опять стемнело, она направила луч мне в лицо. Я посмотрел на свое отражение в стекле.

Никакого шокирующего ощущения неузнаваемости. Да и откуда? Я уже сто раз ощупывал лицо с тех пор, как проснулся. Как и ожидалось, я оказался далеко не красавцем. Таким может быть не слишком популярный актер или какой-нибудь политик, которому заслуженно не доверяют. Темноволосый мужчина возрастом чуть за сорок... интересно, откуда я такой взялся? Но я знал, что примерно так же выглядел и на Украине Неба, поскольку в вопросах продления жизни мы лет на сто отстали от остального человечества.

Очередной осколок памяти со щелчком встал на место.

— Спасибо, — сказал я, наглядевшись досыта. — Думаю, это поможет. Едва ли моя амнезия продлится вечно.

— Она почти всегда проходит.

— Откровенно говоря, я вел себя легкомысленно. Так вы говорите, есть люди, к которым память так и не вернулась?

— О да, — произнесла она с нескрываемой грустью. — Как правило, они уже не восстанавливаются настолько, чтобы они могли переселиться на планету.

— И что с ними происходит?

— Они остаются здесь. Учатся помогать нам, возделывать террасы. Иногда даже вступают в Орден.

— Бедняги.

Амелия поднялась и поманила меня следом за собой.

— Ах, бывают судьбы еще печальнее, Таннер. Уж я-то знаю.

Глава 6

Ему было десять. Они с отцом шагали по вогнутому полированному полу грузового отсека, подошвы их сапог поскрипывали. Внизу, в глубине ослепительно блестящей поверхности, перевернутые вверх ногами, шли их темные двойники — мужчина и мальчик, которые вечно карабкаются по идеально ровному склону воображаемого холма.

— Мы выйдем из корабля? — спросил Небесный.

Тит посмотрел сверху вниз на сына.

— Почему ты так думаешь?

— Иначе бы мы сюда не пошли.

Тит промолчал, но возразить было нечего. Небесный еще никогда не бывал в грузовом отсеке — даже во время недозволенных прогулок с Констанцией по запретной территории «Сантьяго». Небесный помнил тот день, когда она взяла его поглядеть на дельфинов, помнил постигшее его наказание и то, что за этим последовало: вспышку света и бесконечно долгое одиночество, когда он сидел взаперти в детской, в холоде и кромешной темноте. Сейчас ему казалось, что это случилось очень давно. Однако кое-чего он не понимал даже сейчас. Отец, невзирая на все просьбы, отказывался объяснить, что же все-таки произошло в тот день. Это не было просто упрямством или стремлением избежать боли от воспоминаний о гибели матери Небесного. Мальчик еще не знал, что это называется «избирательная цензура» — более тонкий метод запрета на информацию, нежели простое замалчивание. Взрослые не притворялись, будто забыли тот день, когда корабль вдруг стал темным и холодным. Но никто не желал обсуждать события, которые так ярко запечатлелись в памяти Небесного.

После долгого томительного ожидания — теперь он знал, что это длилось несколько дней, — взрослые наладили систему освещения. Одновременно заработали воздухообменные установки, и Небесный снова услышал слабый гул — такой привычный, что прежде он даже не обращал внимания. Позже отец рассказал ему, что все это время они дышали не восстановленным воздухом, а обычным. По мере того как полторы сотни взрослых и детей выдыхали углекислый газ и поглощали кислород из атмосферы корабля, воздух постепенно становился все более затхлым. Еще несколько дней — и начались бы серьезные проблемы, но тут воздух посвежел, а потом корабль постепенно «отогрелся», и вновь можно было

ходить по коридорам, не дрожа от холода. Вспомогательные системы корабля, отключенные на время аварии, неохотно начинали работать. По «хребту» снова забегали вагонетки, развозя оборудование и техников. Теперь можно было запрашивать ранее молчавшие информационные сети корабля. Однако Небесный даже не заметил, как они перешли с аварийных пайков на привычную пищу.

И никто из взрослых не хотел сказать, что же все-таки произошло.

Наконец, когда на борту восстановилась привычная жизнь, Небесный ухитрился проскользнуть в свою детскую. Комната снова освещалась, но, к его удивлению, все осталось в том виде, в каком он ее оставил, — и даже Клоун находился в той же странной позе, что и в момент вспышки. Небесный подкрался поближе и принялся исследовать своего друга. Теперь он видел, что Клоун был просто узором из крошечных цветных квадратиков, которые покрывали стены, пол и потолок детской. Этот движущийся калейдоскоп собирался в нечто осмысленное только в той точке комнаты, где стоял Небесный. Казалось, что Клоун физически присутствовал в комнате, а не был просто нарисован на стене. Небесный увидел его ноги, изображенные на полу, — странно искаженные, они смотрелись абсолютно реальными, стоило мальчику вернуться на прежнее место. Если бы его взгляд двигался быстрее, чем цветные квадратики, этот трюк был бы разгадан. Но Клоун всегда намного опережал Небесного. Целых три года мальчик не сомневался, что Клоун реален, хотя тот не мог ни к чему прикоснуться и сам оставался «неприкасаемым».

Его родители переложили ответственность на иллюзию.

Но сейчас... Он был охвачен горячим порывом всепрощения, утрачен необъятными размерами грузового отсека и тем, что его ожидало, — и эти мысли просто вылетели у него из головы. Отсек казался еще больше из-за того, что они были здесь совсем одни, окруженные пятном света, которое двигалось вместе с ними. Границы помещения скорее угадывались по силуэтам грузовых контейнеров и вспомогательных механизмов, которые отступали в темноту по всей длине арочных переходов. Рядом замерли летательные аппараты. Вот одноместный буксир, вот «помело» — эти предназначались для полетов вблизи корабля... А вот летающие кэбы с герметичными кабинами, на них можно добраться до других кораблей Флотилии. Такой вагончик позволял совершить аварийную посадку на планете с плотной атмосферой, но вернуться в космос уже не мог. Крылатые шаттлы-дельталеты для многократных спусков на поверхность Конца Путешествия были слишком велики, чтобы поместиться в отсеках «Сантьяго», и пристыковывались снаружи. Увидеть

их могли только те, кто работал на корпусе корабля в составе дежурных команд, — как его мать перед смертью.

Тит остановился возле одного из маленьких кэбов.

— Ну вот, — произнес он. — Мы выйдем наружу. Думаю, тебе пора увидеть вещи в реальном свете.

— Какие вещи?

Вместо ответа Тит приподнял манжету униформы и спокойно произнес в наручный браслет:

— Обеспечьте экскурсионный транспорт 15.

Приказ был выполнен немедленно, без запроса о полномочиях. Кэб с клиновидным корпусом, мигая огнями, появился из темноты и приоткрыл дверь кабины на мягких шарнирах. Поддон, на котором он был установлен, повернулся, подавая дверь поближе и выравнивая вагончик на направляющей колее. Из отверстий по бокам кэба заструился пар, и Небесный услышал, как где-то в глубине корпуса нарастает рев турбин. Несколько секунд назад эта машина была мертвым куском гладкого металла, но теперь ее наполняла могучая, еле сдерживаемая сила.

Он потоптался у двери, но отец махнул ему рукой.

— После тебя, Небесный. Иди вперед и займи место слева от пульта управления. И ничего там не трогай.

Небесный запрыгнул внутрь. Пол под ногами ощутимо вибрировал. В кабине оказалось куда более тесно, чем казалось снаружи — корпус был обшит мощными слоями брони. Мальчику пару раз приходилось пригибаться, чтобы не задеть макушкой хрящевидные переплетения внутренних трубопроводов, прежде чем он добрался до пульта. Наконец, угнездившись в кресле, он занялся вороненой стальной пряжкой, чтобы потуже пристегнуть ремень безопасности. Перед ним мерцал дисплей, по холодному бирюзовому экрану непрерывно ползли цифры и замысловатые диаграммы. Выше изгибалось прозрачно-золотистое лобовое стекло. Слева от дисплея — панель управления: аккуратные рычажки, переключатели и джойстик с черной рукояткой.

Потом вошел отец и уселся в кресло справа. Дверь закрылась, и неожиданно наступила тишина — лишь монотонно гудела система внутренней вентиляции. Отец коснулся пальцем дисплея, узор диаграмм и цифр изменился, и Тит принялся изучать их, сосредоточенно прищурив глаза.

— Маленький совет, Небесный. Никогда не доверяй этим чертовым железкам, если речь идет о безопасности. Все проверь сам.

— Ты не веришь тому, что говорят машины?

— Однажды поверил, — отец подал вперед джойстик, и кэб заскользил по колее мимо колонн летательных аппаратов. — Но машины небезгрешны. Мы верили им, обманывая себя, потому что иначе можно было бы просто свихнуться. Здесь мы зависим от них целиком и полностью. К несчастью, наша уверенность не оправдалась.

— А почему ты изменил свое мнение?

— Скоро увидишь.

Небесный поднес к губам свой браслет — не столь многофункциональный, как у отца, — и попросил корабль соединить его с Констанцой.

— Ни за что не догадаешься, откуда я разговариваю, — произнес он, когда на дисплее появилось ее крошечное, ярко освещенное лицо. — Я лечу на прогулку.

— С Титом?

— Ага!

Теперь Констанце было тринадцать, однако ей, как и самому Небесному, нередко давали больше — и не из-за внешности. Констанца выглядела не старше своего возраста, а Небесный — даже младше. Маленького и бледного мальчугана трудно было представить взрослому. Однако оба были развиты не по годам, и Констанца уже работала в службе безопасности под руководством Тита, почти наравне со взрослыми. В ее обязанности входило не столько следить за порядком, сколько контролировать ход запутанных процедур, связанных с соблюдением безопасности, а также изучать и проигрывать сценарии операций — вполне естественно для корабля с немногочисленным экипажем. Эта работа, при всей ее серьезности и необходимости воспринимать феноменально сложный организм «Сантьяго» как единое целое, не требовала от Констанцы выхода за пределы корабля. С тех пор как она начала работать с его отцом, их дружба все более крепла — несмотря на то, что Констанца вошла в мир взрослых и была облечена ответственностью, которой не было у Небесного. И сейчас он вознамерился произвести на нее впечатление, чтобы вырасти в ее глазах.

Ответ оказался совершенно неожиданным.

— Мне жаль, Небесный. Я знаю, что тебе будет нелегко, но ты должен это увидеть.

— Ты о чем?

— О том, что собирается показать тебе Тит, — она выдержала паузу. — Я давно знала об этом, Небесный. С того дня, когда это случилось — когда мы смотрели дельфинов. Ладно, об этом не положено говорить. Когда

вернешься на корабль, поговорим... если захочешь.

Мальчуган вскипел: она говорит с ним не как друг, а как старшая сестра, так снисходительно! Отец окончательно сбил его с толку, положив ему руку на плечо, словно хотел успокоить.

— Она права, Небесный. Я хотел подготовить тебя, но потом решил, что не стоит. Констанца сказала тебе правду. Это не слишком приятно, но истина бывает разной — в том числе и очень горькой. Думаю, теперь ты к этому готов.

— Готов к чему? — он вспомнил, что линия с Констанцой все еще открыта: — Ты знала, что отец задумал?

— Она догадывалась, что я устрою тебе экскурсию, — вмешался отец, прежде чем девочка попыталась защититься. — Только и всего. Ты не можешь — и не должен — винить ее в этом. Это выход за пределы корабля, все сотрудники безопасности обязаны знать о нем. А поскольку мы не переправляемся на другой корабль, то и о цели полета.

— А какая цель?

— Узнать, что произошло с твоей матерью.

Пока происходил разговор, кэб двигался вперед и теперь достиг металлической стены грузового отсека. Круглый люк в стене распахнулся, и машина соскользнула с поддона в коридор, залитый багровым светом, длинный и не намного более широкий, чем сам кэб. С минуту они стояли там, пока из камеры с шипящим свистом уходил воздух, затем кэб резко качнулся и провалился в шахту. Отец торопливо наклонился к сыну и поправил ремни.

А потом они очутились снаружи. Вокруг была кромешная тьма — и лишь сверху мягко скругленный корпус корабля. Голова пошла кругом, хотя ничто не намекало на высоту.

Они падали. Это длилось лишь мгновение, но к горлу подступила тошнота. Нечто подобное Небесный переживал во время редких прогулок вблизи центральной оси корабля, где сила тяжести была почти нулевой.

Затем двигатели ожили, и вес вернулся. Отец ловко отвел машину от серой громады корабля, нависающей над ними. Его руки летали над клавишами, едва касаясь их, точно исполняли беззвучную пьесу на фортепиано.

— Меня тошнит, — сказал Небесный.

— Закрой глаза. Это скоро пройдет.

Небесного раздирали противоречия. Несмотря на тревожное чувство — из-за того, что их экспедиция каким-то образом связана со смертью матери, — он ощущал волнение, граничащее с восторгом.

Он был снаружи! Отстегнув пряжку пояса безопасности, мальчуган выбрался из кресла и отправился на поиски места с наилучшим обзором. Укоризненно кашлянув, отец приказал ему вернуться на место, но было ясно, что не особо на этом настаивал. Кэб развернулся, и их взору предстал огромный корабль, который они только что покинули.

— Вот дом, где ты прожил последние десять лет, Небесный, — отец улыбнулся. — Единственный, который я знаю. Можешь не скрывать своих чувств. Правда, корабль не слишком красив?

— Зато он большой.

— Еще бы — ведь это все, что у нас есть. Знаешь, я тебе немного завидую: по крайней мере, ты увидишь Конец Путешествия.

Небесный кивнул, но спокойная уверенность отца в том, что он к тому времени умрет, не могла не вызвать у него печаль.

Он снова посмотрел на корабль.

«Сантьяго» достигал в длину двух километров. Он превосходил любой морской корабль, когда-либо пересекавший океаны Земли и не уступал самым крупным космолетам, бороздившим Солнечную систему до отлета Флотилии. Правда, его корпус когда-то принадлежал старому грузовому кораблю на ядерной тяге и был переоборудован для путешествия в межзвездном пространстве. Другие корабли Флотилии, за небольшим исключением, создавались таким же образом.

Ближайшая звезда находилась еще слишком далеко, чтобы освещать корабль, и он был бы невидим, если бы не крошечные искорки иллюминаторов по всей длине корпуса. На носу корабля сияла огромная сфера — командный отсек и капитанский мостик, где экипаж проводил большинство рабочего времени. Там же находились навигационные и научные приборы, с самого первого дня полета нацеленные на конечную точку их путешествия — звезду, которую они назвали Суон. Небесный знал ее под более прозаическим названием «61 Сигни-А» — холодная красная звезда бинарной системы. Россыпь звезд, названная в древности созвездием Лебедя, уже давно утратила свои очертания. В конце путешествия «Сантьяго» развернется хвостом к Суону, и реактивная энергия двигателей заставит корабль остановиться.

Сфера была настоящим мозгом корабля. «Голова» крепилась на короткой толстой «шее» — цилиндрическом грузовом отсеке, откуда они только что вышли. За ним тянулся длинный тонкий «хребет», равномерно облепленный модулями. Он действительно напоминал позвонки гигантского динозавра. А на хвосте размещалась силовая система — сложнейшие двигатели, когда-то разогнавшие корабль до крейсерской

скорости. Настанет день — и они, как когда-то, снова извергнут грозное пламя...

Тогда Небесный уже будет взрослым.

Мальчик узнал все это, изучая голографические модели корабля, но кое-что ему предстояло увидеть впервые. Медленно и величаво огромный корабль вращался вокруг своей оси, создавая искусственное тяготение на изогнутых палубах. Небесный следил за его вращением. Огни появлялись, чтобы через несколько секунд исчезнуть из виду. В грузовом отсеке чернело крошечное отверстие — оттуда вылетел их кэб. Оно казалось почти точкой. Впервые Небесный мог окинуть взглядом весь известный ему мир. И даже больше: ведь сейчас он мал, и ему позволено исследовать лишь маленькую часть «Сантьяго». Но вскоре он непременно исследует весь корабль.

И тут он заметил нечто такое, чего не было ни на одной голографической модели. Когда корабль поворачивался, то одна сторона его почему-то казалась темнее другой.

Интересно, почему?

Эта мысль вылетела у него из головы прежде, чем заставила ощутить тревогу. Его восхищали гигантские конструкции корабля, идеальная четкость мельчайших деталей, характерная для обзора через многокилометровый вакуум. Мальчик увлеченно искал любимые закоулки, которые представляли ему в новом, непривычном виде. Прежде он никогда не забирался слишком далеко по «хребту», разве что во время авантюрных прогулок под руководством Констанцы. После одной из них его и поймал отец. Впрочем, это не считалось серьезным преступлением. Желание увидеть «мертвых» представлялось вполне естественным. Тем более, их местонахождение никто не скрывал.

Разумеется, они не были мертвы — просто заморожены.

Протяженность «хребта» составляла ровно километр — половина общей длины корабля. Вдоль каждой из шести его узких граней размещались по шестнадцать «спальных» модулей — диски, которые крепились к «хребту» гибкой пуповиной. Как нетрудно посчитать, всего девяносто шесть дисков, и в каждом по десять треугольных ячеек, вмещавших по одному спящему и огромное количество аппаратуры поддержания жизнедеятельности. Девятьсот шестьдесят замороженных пассажиров — почти тысяча человек, погруженных в ледяной сон, который будет длиться до прибытия на Суон. Излишне говорить, что спящие были самым ценным грузом корабля и единственной целью его существования. Экипаж из ста пятидесяти человек лишь обеспечивал сохранность спящих

и направлял корабль нужным курсом. И снова Небесный убедился, что знает о корабле совсем мало. Как много ему предстоит освоить в будущем, когда он станет взрослым! Даже круг его знакомств состоял из дюжины людей — его специально воспитывали в изоляции. Но скоро он познакомится и с остальными. Отец рассказал, что на борту находятся сто пятьдесят человек. Это что-то вроде магического числа, которое вычислили социологи. Такова средняя численность сельских общин, это число создает лучшие перспективы для достижения внутренней гармонии и общего благосостояния. Оно достаточно велико, чтобы позволить индивидам вращаться при желании в различных кругах — но не настолько, чтобы внутренние течения разорвали единство. В этом смысле Старик Бальказар был племенным вождем, а Тит Хаусманн, с его глубокими знаниями тайных обычаев и постоянной заботой о безопасности населения — главным шаманом или старшим охотником. В любом случае Небесный был сыном человека, облеченного властью. Взрослые называли его отца «кауидильо», то есть «большой человек» — и мальчугану было обеспечено приличное будущее. Взрослые открыто говорили, что капитан действительно стал стариком. В силу своей деятельности Старик Бальказар и отец очень сблизились. Капитан всегда был готов выслушать Тита и регулярно обращался к отцу Небесного за советом. Нынешняя прогулка тоже проходила с санкции Бальказара: летательными аппаратами «Сантьяго» не пользовались без крайней надобности, поскольку их потеря была бы невозможной.

За этими размышлениями Небесный не заметил, как кэб сбрасывает скорость. Искусственная гравитация снова начала слабеть.

— Смотри внимательней, — сказал Тит.

Они пролетали мимо двигателей — поражающего воображение лабиринта из цистерн, трубопроводов и расширяющихся колоколом отверстий, зияющих словно пасти оркестровых труб.

— Антивещество, — пояснил Тит, почему-то это слово прозвучало как ругательство. — Дьявольская штука, я тебе рассказывал. В этом шаттле мы храним самую малость — только чтобы запустить ядерный синтез, но меня уже от этого трясет. А сколько антивещества на борту «Сантьяго»... просто страшно становится.

Тит показал на две магнитные «бутыли»-резервуары на корме корабля. В этих огромных емкостях содержались микроскопические количества чистого антилития. Большой из двух резервуаров сейчас опустел: его содержимое было полностью израсходовано на стадии первичного ускорения, когда корабль разогнался до субсветовой скорости. Вторая

ничем внешне не отличалась, но по-прежнему была заполнена антивеществом. Оно висело внутри, не касаясь стенок, со всех сторон окруженное вакуумом, еще более чистым, чем тот, сквозь который летел огромный корабль. Разница в размерах резервуаров была объяснима: затормозить корабль легче, чем разогнать. Но и этого количества было довольно, чтобы держать в напряжении кого угодно.

Насколько было известно Небесному, никто и никогда не позволял себе шутить по поводу антивещества.

— Хорошо, — сказал отец. — А теперь возвращайся в кресло и пристегнись.

Когда пряжка была застегнута, Тит повернул рукоятку, и тяга возросла до максимума. «Сантьяго» уменьшался на глазах, пока не превратился в тонкую серебристую полоску, которая почти затерялась в россыпи звезд. Казалось, он застыл в неподвижности: трудно было поверить, что его скорость составляет восемь процентов световой. Ни один из управляемых космических аппаратов не достигал таких скоростей. И все же она была ничтожно мала для того, чтобы преодолевать безмерное межзвездное пространство.

Именно поэтому потребовалось заморозить пассажиров. Они спали криогенных коконах на протяжении всего путешествия, а три поколения экипажа, сменяя друг друга, проживали свои жизни, ухаживая за ними. За пассажирами закрепилось прозвище «мумии» — «момио» в переводе на кастеллано, который по-прежнему был основным языком общения.

— Видишь другие корабли? — спросил отец.

Небесный довольно долго всматривался в лобовое стекло, прежде чем нашел один из них. Корабль трудно было разглядеть, хотя за время полета зрение мальчугана успело привыкнуть к темноте. Впрочем, может, ему только почудилось?

Нет, вот он — крошечная сверкающая игрушка.

— Вон один, — Небесный ткнул пальцем в стекло.

Отец кивнул.

— Это, наверное, «Бразилия». «Палестина» и «Багдад» где-то рядом, но гораздо дальше.

— А ты его видишь?

— Погоди.

Руки Тита задвигались в темноте над пультом управления, и на стекле начали проступать цветные линии — словно черную доску космоса исчертили мелками. Вскоре они образовали квадрат, в котором, кроме «Бразилии», должны были находиться еще два корабля, летящих чуть

дальше. Однако лишь когда «Бразилия» начала вырастать, заслоняя небо, Небесному удалось разглядеть два серебристых клина рядом с ней. К этому времени «Бразилия» оказалась достаточно близко, чтобы стало очевидно, что она почти не отличается от его родного корабля — вплоть до дисков, облепивших «хребет».

Небесный вглядывался в стекло. Перекрестье цветных линий должно было указывать местонахождение четвертого корабля. Однако он ничего не нашел.

— А «Исламабад» за нами? — спросил он у отца.

— Нет, — тихо ответил отец. — За нами никого нет.

Его голос встревожил Небесного. Полутьма кабины смазывала черты его лица, и Небесный не мог понять его выражения. Оно показалось ему жестким.

— Тогда где же он?

— Его больше нет, — медленно произнес отец. — Его уже давно нет, Небесный. Осталось только четыре корабля. Семь лет назад с «Исламабадом»... кое-что случилось.

В кабине повисла тяжелая тишина. Наконец Небесный собрался с духом и спросил:

— А что случилось?

— Взрыв. Взрыв такой силы, что невозможно себе представить.

Отец замолчал, затем снова заговорил:

— Будто миллион солнц засияли в один миг. Один миг, Небесный... но, понимаешь, за этот миг тысяча людей обратилась в пепел.

Небесный вспомнил вспышку, которую видел в своей детской, когда ему было три года. Вспышка обеспокоила бы его сильнее, но ее заслонило другое событие — то, что случилось с Клоуном, было гораздо важнее. А потом еще один суровый урок — осознание того, что Клоун был всего лишь миражом из мигающих на стене пикселей. Это было похоже на предательство. Разве какая-то короткая яркая вспышка могла с этим сравниться?

— А кто в этом виноват?

— Не думаю, что были виноватые. Во всяком случае, я не вижу здесь умысла. Скорее всего, эксперименты.

— С двигателями?

— Знаешь, иногда я тоже так думаю, — отец заговорил тише, словно его могли услышать посторонние: — Наши корабли очень старые, Небесный. Я родился на борту этого корабля, как и ты. Мой отец — из первого поколения экипажа. Он был очень молод, когда мы покинули

орбиту Меркурия. Это было сто лет назад.

— Но корабль не стареет, — возразил Небесный.

— Верно, — подхватил Тит и кивнул. — Наши корабли почти столь же хороши, как в день постройки. Проблема в том, что они не становятся лучше. На Земле были люди, которые поддерживали нас и хотели помочь нам в пути. Они много лет усердно работали, проектируя наши корабли. Все было проработано до мелочей, чтобы облегчить нам жизнь. И позже они передавали нам сообщения — предлагали, как усовершенствовать системы жизнеобеспечения, как создать лучшие условия в отсеках для спящих. Мы потеряли десятки спящих в первые несколько десятилетий полета, Небесный, — но обновления помогли нам спасти остальных.

Это тоже было новостью. Небесный почувствовал, что мысль о гибели спящих не укладывается в голове. Он считал, что они отличаются от мертвых только тем, что в Конце Путешествия снова оживут. Но отец пояснил, что «момии» очень уязвимы. Некоторые процессы могут оказаться необратимыми, и разморозка уже не вернет их к жизни.

— Ситуация наладилась совсем недавно, — продолжал Тит, — уже при тебе. За последние десять лет было лишь два случая смерти.

Позже Небесный спросит себя, что случилось со спящими, которые... умерли окончательно. Может быть, корабль по-прежнему несет их? Взрослые трогательно заботились о момио, словно религиозная секта о предметах своего поклонения, хрупких драгоценных реликвиях.

— ...Но были и обновления иного рода.

— Двигатели?

— Да, — в голосе отца звучала нескрываемая гордость. — Теперь мы не используем двигатели — и не будем использовать, пока не достигнем пункта назначения. Но будь у нас способ их усовершенствовать, мы могли бы быстрее достичь Конца Путешествия. По сути, торможение необходимо начать за несколько световых лет до Суона. Но если модернизировать двигатели, мы могли бы дольше лететь с крейсерской скоростью и быстрее достичь цели. Даже частичное обновление, способное сэкономить несколько лет, стоит любых усилий... особенно если мы снова начнем терять спящих.

— А это случится?

— В ближайшие годы мы этого не узнаем. Но через пятьдесят лет мы будем у цели, и оборудование, которое поддерживает режим заморозки, начнет выходить из строя. Это одна из немногих систем, которые мы не можем обновлять и ремонтировать — слишком сложно, слишком опасно. Но экономия летного времени всегда полезна. Запомни мои слова — через

пятьдесят лет ты будешь рад выгадать даже пару месяцев полета.

— И люди, которые остались на Земле, придумали, как заставить двигатели работать лучше?

— Вот именно, — его сообразительность явно радовала отца. — Все корабли Флотилии, разумеется, получили сообщения, и всем нам удалось сделать положенные обновления. Вначале мы сомневались. Провели совещание капитанов Флотилии. Бальказар и еще трое полагали, что это опасно. Они напоминали об осторожности, говорили, что не мешает подождать сорок-пятьдесят лет, изучить проект и лишь потом принимать решение. А если Земля обнаружит ошибку в чертежах? Приказ прекратить работы будет догонять нас не один год. К тому же их разработки могли оказаться неподходящими для того, чтобы использовать их сейчас. Возможно, если бы мы последовали этому совету, все было бы иначе.

И снова Небесный вспомнил ослепительную вспышку.

— А что случилось с «Исламабадом»?

— Повторяю, мы никогда не узнаем наверняка. Совещание завершилось тем, что капитаны решили отложить работы до получения новой информации. Прошел год, и мы снова вернулись к этому вопросу по просьбе капитана Хана... а потом это случилось.

— Может, это была не авария?

— Возможно, — отец покачал головой, — возможно. Но потом... Взрыв не вызвал серьезных повреждений на других кораблях. Может быть, нам просто повезло. Хотя вначале мы думали иначе. Электромагнитный импульс выжег половину наших систем, в том числе жизненно важных. Даже те, что уцелели, заработали не сразу. У нас почти не осталось энергии — только на питание системы жизнеобеспечения спящих и магнитную защиту «бутыли». Ни в жилых отсеках, ни в носовой части корабля не осталось ничего. Не было даже энергии для работы установок очистки воздуха. Это могло убить нас, но в коридорах, к счастью, воздуха оставалось на несколько дней — достаточно, чтобы сделать фиксированные разводки цепей и воспользоваться запчастями. Постепенно мы наладили ситуацию. Конечно, оставались обломки — корабль не был полностью уничтожен взрывом. Они разлетелись с полусветовой скоростью и чудом никого не задели. Вдобавок, вспышка сожгла защиту корпуса, поэтому одна сторона корабля темнее другой.

Отец замолчал, но Небесный уже знал, что он сейчас скажет.

— Тогда погибла твоя мать, Небесный. Лукреция была снаружи, когда это случилось. Она работала с командой техников, осматривая корпус.

Он знал почти все — что мать умерла в тот день, что она была

снаружи, — но никто не говорил ему, как это произошло.

— И поэтому ты взял меня сюда?

— В том числе и поэтому.

Кэб накренился, разворачиваясь по широкий дуге, и устремился к «Сантьяго». Небесный ощутил легкий укол разочарования. Он не осмеливался даже подумать, что эта экскурсия продолжится на борту одного из других кораблей. Такая прогулка сама по себе была редким подарком. Небесный снова погрузился в размышления. Разговор о смерти матери был достаточно веским поводом для того, чтобы чуть-чуть поплакать — хотя он совсем не хотел поддаваться слабости. Насупившись, он терпеливо наблюдал, как тонкая черточка растёт, принимая очертания родного корабля, точно полоска берега в ночном море.

— Тебе следует кое-что понять, — наконец заговорил Тит. — «Исламабад» погиб, но это не означает, что успех нашей миссии под угрозой. Осталось четыре корабля — это почти четыре тысячи поселенцев. Мы достигнем Конца Путешествия, а создать колонию будет можно, даже если уцелеет только один корабль.

— По-твоему, только наш корабль может добраться до цели?

— Нет. Я как раз хочу сказать, что мы тоже можем не добраться. Ты должен понять, Небесный: у нас нет и не может быть незаменимых. Тогда ты поймешь схему действия Флотилии и сможешь принимать верные решения через пятьдесят лет, если ситуация станет хуже некуда. Достаточно уцелеть хотя бы одному кораблю.

— Но если взорвется еще один корабль...

— Конечно. Но на этот раз, думаю, обойдется без потерь. После взрыва «Исламабада» мы разнесли корабли значительно шире. Так безопаснее. Но это затрудняет перелеты между кораблями. И вообще я не в восторге от этой затеи. Начнутся взаимные подозрения, разговоры о враждебных замыслах — это не самые достойные мысли для человека. И будет куда легче задумать убийство, — голос Тита похолодел и стал холодным, почти чужим — но лишь на минуту. — Запомни, Небесный. Мы здесь все заодно. Что бы нас не ожидало.

— Думаешь, будут проблемы?

— Не знаю. Легче не станет, я почти уверен. Но к тому времени, когда это будет иметь значение, когда мы приблизимся к Концу Путешествия, тебе будет столько лет, сколько мне сейчас. Ты займешь какой-нибудь из ответственных постов — а может быть, станешь капитаном.

— Ты думаешь?!

— Я бы сказал точно — если бы не знал некую талантливую юную

леди по имени Констанца.

Тем временем «Сантьяго» значительно вырос. Теперь они приближались к нему с другой стороны, и сфера командного отсека напоминала миниатюрную серую луну в ущербе. Стыки панелей были хорошо видны, и от этого казалось, что рубку обмотали тонкими нитями, которыми привязаны «коробки» сенсорных модулей.

Отец напомнил Небесному о Констанце. Любопытно, произвело ли на нее впечатление, что он выходил наружу. Конечно, это не было для нее неожиданностью, как он рассчитывал. Но разве то, что ему показали и о чем рассказали, было таким уж тяжелым для восприятия?

Но это было еще не все.

— Смотри внимательно, — произнес отец, когда затемненная сторона сферы почти полностью загородила обзор. — Здесь работала инспектирующая команда твоей матери. Люди удерживались на корпусе при помощи магнитной «обвязки». Они работали прямо на обшивке. Корабль, разумеется, вращался — совсем как сейчас. Если бы им повезло, корпус корабля заслонил бы их от вспышки, когда взорвался «Исламабад». Но этого не произошло. Взрыв произошел прямо над ними. Все они были в легких скафандрах... Впрочем, их бы все равно ничто не спасло.

Весь предыдущий разговор был лишь прелюдией к этому.

Корабль должен был закрыть их, а получилось наоборот. Они сгорели мгновенно — даже не успев почувствовать боли, как он узнал позже. Все, что осталось — это семь светлых пятен на обожженном корпусе, точно тени в негативе. Семь человеческих силуэтов.

Их позы не выражали мучений — вспышка застала их за работой. Все они выглядели одинаково, и невозможно было понять, какая тень была отброшена его матерью.

— Ты знаешь, которая из них она? — спросил он.

— Да, — ответил Тит. — Разумеется, нашел ее кто-то другой. Но я действительно знаю тень, которая принадлежала твоей матери.

Небесный снова посмотрел на силуэты. Они вплавлялись в его мозг. Никогда более он не наберется мужества появиться здесь снова. Позже он поймет, что никому не пришло в голову отчистить обшивку. Их оставили в память не только о семи погибших рабочих, но и о тысячах, сгинувших в той вспышке, опалившей души людей. Клеймо на теле корабля...

— Ну? — спросил Тит с ноткой нетерпения в голосе. — А ты хочешь узнать?

— Нет, — ответил Небесный. — И не захочу.

Глава 7

На следующий день Амелия принесла в коттедж мои пожитки и предоставила мне возможность осмотреть их в одиночестве. Меня мучило любопытство, но сосредоточиться на новой задаче оказалось трудно. Мне снова приснился Небесный Хаусманн, и я снова был вынужден наблюдать события его жизни. В прошлый раз это произошло, скорее всего, во время «размораживания» — по крайней мере, это был первый сон о Хаусманне, который я отчетливо запомнил.

Теперь я увидел новый эпизод и, хотя между первым и вторым в его жизни был большой промежуток, они явно следовали в хронологическом порядке, как главы из книги.

И моя ладонь снова кровоточила. Рана покрылась жесткой коркой, капли крови испачкали простыню.

Не требовалось особого воображения, чтобы обнаружить связь между этим двумя явлениями. Я откуда-то вспомнил, что Хаусманн был распят, и отметина на моей ладони имитировала его рану. Я точно встречал человека с подобной раной — это было недавно и одновременно бесконечно давно. Кажется, того человека тоже мучили странные сновидения, от которых он не мог избавиться.

Может быть, вещи, принесенные Амелией, дадут ключ к разгадке? Я приказал себе на время забыть про Хаусманна и сосредоточился на другой задаче, не менее важной. Все, чем я владел сейчас, не считая имущества на Суоне, лежало в неприметном кейсе, прибывшем со мной на «Орвието».

Во-первых, валюта Окраины Неба в крупных банкнотах южан — около полумиллиона астралов. По словам Амелии — если она располагала достоверной информацией, — на моей планете это составляло приличное состояние. Но здесь, в системе Йелоустона, эта сумма считалась мизерной. Тогда зачем я взял деньги с собой? Ответ казался очевидным. Даже с учетом инфляции, которая произойдет за тридцать лет после моего отлета, эти деньги все еще будут кое-что стоить... по крайней мере, снять комнату на ночь я смогу.

Итак: раз я вез с собой деньги, значит, предполагал, что когда-нибудь вернусь домой. Значит, я не эмигрировал, а прибыл сюда по делам.

Чтобы выполнить какую-то работу.

Еще я обнаружил эксперименталии — палочки размером с карандаш, содержащие записи воспоминаний. Возможно, я планировал продать их по

возвращении к жизни. Если ты не торговец-ультра, который специализируется на всякой высокотехнологичной эзотерике, то эксперименталии — едва не единственный способ сохранить часть средств при пересечении межзвездного пространства... правда, это способ только для состоятельных людей. На эксперименталии всегда есть спрос, независимо от того, насколько продвинут или примитивен покупатель — главное, чтобы у него была хоть какая-то техника для их использования. В этом отношении на Йеллоустоуне проблем не возникнет. Последние два столетия эта планета лидировала на рынке крупных технологических и социальных разработок на территории всего освоенного космоса.

Эксперименталии были запечатаны в прозрачный пластик. Без воспроизводящего оборудования узнать об их содержимом не удастся.

Что еще?

Еще какие-то купюры, совершенно мне незнакомые: банкноты со странной структурой, портретами неизвестных людей и сюрреалистической деноминацией.

Я спросил о них у Амелии.

— Это местные деньги, Таннер. Валюта Города Бездны, — она указала на мужчину на одной стороне банкноты. — Кажется, это Лореан Силвест. А может быть, Марко Феррис. Кто-то из древних.

— Похоже, эти деньги прогулялись из Йеллоустоуна на Окраину Неба и обратно. Значит, им не менее тридцати лет. Они еще хоть что-нибудь стоят?

— Ах, немного. Я в этом не разбираюсь. Полагаю, этого достаточно, чтобы попасть в Город Бездны. Но вряд ли хватит на что-то большее.

— А как мне попасть в Город Бездны?

— Это несложно. Вы могли бы отправиться даже сейчас. Отсюда до Нью-Ванкувера, что на орбите Йеллоустоуна — на тихоходном шаттле, он делает регулярные рейсы. Там вы купите место на «бегемоте» — это транспорт, который спускается на поверхность. Думаю, ваших денег будет достаточно, если вы готовы воздержаться от некоторых излишеств.

— Например?

— Ну, скажем, от страховок.

Я улыбнулся.

— Что ж, понадеюсь на удачу.

— Но вы же не собираетесь немедленно покинуть нас, Таннер?

— Ну что вы. Пока нет.

Последнее, что обнаружилось в кейсе, — это два конверта: один темный, совсем плоский, другой — более объемистый. Когда Амелия

покинула меня, я вскрыл первый и высыпал содержимое на постель. Однако меня постигло разочарование: я рассчитывал найти какое-нибудь послание из прошлого, которое прояснило бы ситуацию. Наоборот: казалось, кто-то нарочно пытался меня запутать. Добрый десяток паспортов и ламинированных идентификационных карточек... Они были действительно в то время, когда я поднялся на борт корабля, и могли использоваться в некоторых районах Окраины Неба и ее космическом пространстве. Одни представляли собой просто листки картона, другие были снабжены встроенными компьютерными системами.

Я считал, что большинству людей достаточно одного-двух документов подобного рода — при наличии запретных для посещения зон. Изучив эту коллекцию, я понял, что они обеспечивали свободное посещение воюющих и нейтральных стран, территорий, контролируемых Южной милицией, а также доступ в зоны боевых действий и низкоорбитальное пространство. Документы принадлежали человеку, который хочет перемещаться без помех. Впрочем, я заметил некоторые странности. Например, мелкие несоответствия в личных данных — место рождения и прочее — и названиях посещаемых пунктов. В одних документах я числился бойцом Южной милиции, в других — тактическим специалистом Северной коалиции. В некоторых документах вообще не упоминалось, что я служил в армии. В одном я числился консультантом по личной безопасности, а в другом — агентом экспортно-импортной фирмы.

Неожиданно хаос обрывочных сведений принял ясные очертания, и я понял, что за человек я был.

Я тот, кому приходилось скользить через границы, подобно призраку, человек с десятком биографий и несколькими вариантами прошлого — каждый из которых был правдой и ложью одновременно. Риск был для меня нормой жизни, я наживал себе врагов так, как другие заводят себе приятелей, — и это, похоже, редко меня волновало. Я был человеком, который спокойно обдумывал убийство извращенца-монаха и воздержался от этого лишь по одной причине: овчинка не стоила выделки.

Однако в конверте были еще три вещицы. Возможно, их специально положили так, чтобы они не выпали. Я сунул пальцы в конверт и нащупал гладкую поверхность фотоснимков и осторожно извлек их.

На первом была женщина поразительной красоты, смуглая, с нервной улыбкой, запечатленная на прогалине у кромки джунглей. Фотоснимок был сделан ночью. Повернув снимок к свету, я разглядел силуэт мужчины, который сидел спиной к фотографу и чистил ружье — возможно, это был я сам.

— Гитта... — произнес я, без труда вспомнив ее имя. — Ведь ты — Гитта, верно?

На втором снимке человек в солдатской рубаше шел по перерытой просеке, которая когда-то была дорогой в джунглях. Он делал шаг навстречу к фотографу, на одном плече висел огромный автомат, на другом — патронташ. Он был примерно моих лет и сложен, как я, но на этом сходство заканчивалось. Позади я увидел упавшее дерево, которое перегородило дорогу. Из-под него торчал окровавленный обрубок, и большую часть дороги покрывала густая кровавая жижа.

— Дитерлинг, — произнес я. Снова имя всплыло само собой, непонятно откуда. — Мигуэль Дитерлинг.

Я уже знал: он был моим хорошим другом. И сейчас он был мертв.

Я посмотрел на третью фотографию и вначале ничего не почувствовал. Первый снимок вызывал волнение весьма интимного характера, второй — смесь гордости и тревоги. Судя по всему, человек даже не догадывался, что его снимают. Это был плоский снимок, сделанный с помощью дальномерной оптики. Мужчина торопливо шагал через мол, неоновые огни магазинов расплывались черточками из-за передержанной выдержки. Лицо человека тоже слегка расплылось, но оставалось достаточно четким, чтобы его опознать. И *прикончить*, подумалось мне.

Потом я вспомнил и его имя.

Второй конверт оказался неожиданно тяжелым. Я перевернул его над постелью. Фигурки причудливых форм с острыми кромками, казалось, просились сами, чтобы я собрал их в единое целое. Она должна сама прыгнуть мне в ладонь, когда это потребуется. Ее будет трудно разглядеть, она жемчужного оттенка, похожа на непрозрачное стекло.

Или на алмаз.

— Это блокирующий прием, — сказал я Амелии. — Смотрите, я обездвижен. Я выше и сильнее вас, но в этом положении не могу пошевелиться: любое движение вызовет сильную боль.

Она выжидающе посмотрела на меня.

— Что теперь?

— Теперь разоружайте меня, — я кивнул на садовый совок, который изображал оружие. Она мягко извлекла совок из моей ладони свободной рукой и отшвырнула в сторону, словно он был отравлен.

— Вы слишком легко уступили.

— Нет, — возразил я. — Вы так надавили на нерв, что я чуть сам его не выронил. Это простая биомеханика, Амелия. Думаю, с Алексеем вы

справитесь еще легче.

Мы занимались на лужайке перед коттеджем в хосписе Айдлвилд. Раскаленная трубка из белой становилась тускло-оранжевой — это означало закат. Странно наблюдать такой... закат без солнца. Источник света постоянно остается над головой, лишая тебя тех восхитительных возможностей, которые предоставляют длинные тени. Но нас это мало волновало. Последние два часа я показывал Амелия основные приемы самообороны. Весь первый час Амелия пыталась нападать на меня — попросту говоря, хоть как-то коснуться меня лопаткой садового совка. За первый час она ни разу не добилась успеха. Знала бы она, чего мне стоило «пропускать» ее удары! Я стискивал зубы и заставлял себя делать самые дурацкие ошибки, чтобы позволить ей выиграть, но этого так и не случилось. Преимущество в технике почти всегда обеспечивает победу, и даже наша тренировка являла собой доказательство этого принципа. Однако благодаря ее упорству дело сдвинулось с мертвой точки. На второй час мы поменялись ролями. Я тоже освоился — а может быть, в роли нападающего мне было проще сдерживать себя. Я двигался медленно и осторожно, чтобы Амелия выучила блокирующие приемы на каждую ситуацию. Надо сказать, она оказалась прекрасной ученицей и за этот час добилась того, на что у других обычно уходило дня два. В ее движениях пока не было пластики, они еще не закрепились в мускульной памяти, ее намерения легко угадывались... но «профессионалу» вроде брата Алексея хватит и такого.

— А вы не могли бы научить меня убивать?

Мы расположились на траве, чтобы немного отдохнуть — вернее, отдыхала Амелия, а я просто ждал, когда она восстановит силы.

— Вы уверены, что этого хотите?

— Нет, разумеется, нет. Я просто хочу, чтобы он прекратил.

Я разглядывал чашеобразную долину Айдлвилда. На террасах, на дальнем склоне, копошились крошечные фигурки, похожие на движущиеся запятые. Люди торопились закончить работу до темноты.

— Не думаю, что он примется за старое, — сказал я. — Тем более после того, что случилось... Но если что, вы с ним справитесь. Только голову даю на отсечение, он даже близко не подойдет к пещере. Я знаю таких людей, Амелия. Они ищут легкой добычи.

Она задумалась — возможно, о тех, кому пришлось пройти через то же испытание, что и мне.

— Я знаю, что так нельзя говорить, но я ненавижу этого человека. А завтра мы сможем еще поработать над этими приемами?

— Конечно. Более того, я на этом настаиваю. Вы еще слабоваты... хотя обгоняете время.

— Спасибо, Таннер. Вы не против, если я спрошу, откуда вам известны эти вещи?

— Я все-таки консультант по личной безопасности, — ответил я, вспомнив о документах, найденных в конверте, и грустно улыбнулся. Интересно, что бы она сказала о содержимом этого конверта. — Ну... и не только.

— Мне говорили, что вы были солдатом.

— Да, вероятно. Но любой, кто хочет выжить на Окраине Неба, так или иначе должен стать солдатом. А это входит в плоть и кровь. Если не решаешь проблему, становишься ее частью. Если не выступаешь за одну сторону, тебя по умолчанию считают приверженцем другой.

Разумеется, это было довольно грубо и упрощенно. Например, если у тебя именитая родня или толстый кошелек, ты запросто можешь купить себе право на нейтралитет. Но для среднего гражданина Полуострова ситуация складывалась примерно так, как я описывал.

— Кажется, вы уже многое вспомнили.

— Память начинает возвращаться. Похоже, полезно было пообщаться с личными вещами.

Она одобрительно кивнула, и я ощутил укол совести. Я все-таки солгал ей. Фотоснимки дали мне гораздо больше, чем просто воспоминания. Но в данный момент ей лучше думать, что у меня пробелы в памяти. Будем надеяться, что Амелия не настолько проницательна, чтобы разгадать мою уловку, но впредь не стоит недооценивать Нищенствующих.

Я действительно был солдатом. Но комплект паспортов и прочие детали позволяли сделать вывод, что мои возможности не ограничивались боевыми навыками — хотя они, несомненно, служили основой для всего остального. До кристальной ясности пока было далеко, но я уже знал гораздо больше, чем день назад.

Я родился в семье, принадлежащей к нижним слоям аристократии. Эти люди еще не дошли до вопиющей бедности и сознательно стремятся поддерживать иллюзию обеспеченности. Мы проживали в Нуэва-Иквике, на юго-восточном побережье Полуострова. Ветшающее поселение, отграниченное от войны неприступным горным хребтом, сонное и равнодушное даже в самые мрачные военные годы. Северяне нередко заплывали вниз по побережью и гостили в Нуэва-Иквике, не опасаясь расправы — даже когда мы официально считались врагами. Браки между потомками Флотилии не были редкостью. Я вырос со способностью читать

на гибридном языке противника почти столь же бегло, как на родном. Мне казалось странным, что наши вожди вдохновляли нас на ненависть к этим людям. Даже исторические книги указывали на то, что мы были едины, когда корабли покидали орбиту Меркурия.

Но с тех пор многое изменилось.

С возрастом я начал понимать, что, не имея ничего против генов или верований объединившихся в Северную коалицию, я все же считал их врагами. Они совершили целый ряд изуверских деяний... Впрочем, мы от них не отставали. Да, я не презирал их и не считал, что они должны быть уничтожены. Но мой долг состоял в том, чтобы сделать все для нашей победы — чтобы война закончилась как можно скорее. Поэтому в двадцать два года я вступил в ряды Южной милиции. Я не был прирожденным солдатом, но быстро учился. Поневоле будешь учиться, когда тебя бросают в бой через пару недель после вручения оружия. Я оказался хорошим снайпером. Потом, после надлежащих тренировок, я стал первоклассным снайпером — и мне ужасно повезло, что моей части были нужны снайперы.

Я помню свою первую жертву — вернее сказать, первые жертвы.

Мы засели на вершине холма, который торчал над джунглями, и глядели вниз на прогалину, где войска СК выгружали припасы из наземного транспорта. С безжалостным спокойствием я поднял оружие и прищурился в прицел. Потом поймал в перекрестье волосков одного из бойцов вражеского подразделения. Винтовка была заряжена субзвуковыми микропатронами — абсолютно бесшумными и запрограммированные на пятнадцатисекундную задержку детонации. Достаточно, чтобы вклепить в каждого находящегося на прогалине человека по заряду величиной с комара. Потом увидеть, как одним и тем же движением каждый из них лениво поднимает руку и почесывает шею, куда его укусило воображаемое насекомое. Восьмой, последний, что-то заподозрил, но было слишком поздно.

Солдаты падали в грязь с каким-то зловещим однообразием. Позже мы спустились с холма, чтобы реквизировать припасы для нашей части. Трупы, через которые мы переступали, были гротескно раздуты внутренними взрывами.

Так я первый раз пригубил смерти. Это было похоже на сон.

Иногда я гадал, что могло случиться, если бы задержка составляла меньше пятнадцати секунд, и первый солдат упал бы прежде, чем я наспиговал остальных. Хватило бы мне выдержки и холодной воли

настоящего снайпера продолжать, несмотря ни на что? Или шок от содеянного срикошетил бы по мне с такой силой, что я с отвращением выронил бы винтовку? Но я всегда повторял себе: нет смысла задумываться над тем, что *могло бы* случиться. Я знал лишь, что после первой серии нереальных расстрелов эта проблема исчезла навсегда.

Почти навсегда.

Особенность работы снайпера состоит в том, что враг для него — почти всегда просто мишень. Расстояние слишком велико, чтобы разглядеть выражение лица в тот момент, когда пуля находит свою цель. У меня почти никогда не возникало необходимости стрелять повторно. Какое-то время мне казалось, что я нашел безопасную нишу. Моей психике ничто не угрожает — а значит, я защищен от худшего, что может случиться на войне. Меня ценили в подразделении, оберегали словно талисман. Ни разу не совершив ничего героического, я стал героем благодаря чисто механическим навыкам. Можно сказать, что я был счастлив — если военное ремесло может сделать человека счастливым. А почему нет? Я видел мужчин и женщин, для которых война была возлюбленной, капризной и злой, которая мучила их, калечила их тела и души. Они уходили от нее — избитые, голодные — и все равно возвращались. То, что война делает несчастными всех без исключения, — это самая большая ложь, какую я когда-либо слышал. В таком случае, мы бы давно прекратили воевать, причем навсегда. Возможно, придется признать, что человеческая натура не столь благородна, как хотелось бы. Но почему война обладает неким странным, темным очарованием, почему мы всегда так неохотно оставляем ее ради мира? Дело тут далеко не в столь заурядном явлении, как привычка, когда военные действия становятся нормой повседневности. Я знал мужчин и женщин, которые получали от убийства врага настоящее сексуальное удовлетворение, более того — действительно видели в этом нечто упоительно-эротическое.

Впрочем, мои радости были не столь извращенного толка. Я просто радовался, что нашел себе лучшее место, на которое мог рассчитывать в данных условиях. Я делал то, что считал правильным, я следовал своему долгу — и одновременно почти ничем не рисковал. От смерти меня всегда отделяло расстояние выстрела снайперской винтовки, чего не скажешь о тех, кто постоянно находился на передовой. Я думал, что все будет продолжаться и дальше. Потом меня, наконец, наградят, и если я не останусь снайпером до конца войны, то потому лишь, что армия слишком ценит мой талант, чтобы рисковать им. Вероятно, меня переведут в одно из тайных подразделений ликвидаторов — риск, конечно, немалый, — но,

скорее всего, я стану просто инструктором в одном из тренировочных лагерей. Потом ранняя отставка и самодовольная убежденность в том, что я помог завершить войну — конечно, если я доживу до победы.

Но человек предполагает, а обстоятельства располагают.

Однажды ночью наша часть попала в засаду. Повстанцы взвода глубокого проникновения СК окружили нас, и через пару минут я понял, что на самом деле деликатно называют «рукопашной схваткой». Забудьте о лучевиках, действующих по линии визирования, и нано-боеприпасах с задержкой детонации. Солдату прошлого тысячелетия этот дух рукопашной схватки был несоизмеримо ближе и понятнее — дух вопящих от ярости двуногих, которые вдруг оказались рядом на крошечном пятачке земли. Единственные эффективные орудия, которыми можно уничтожить этого ненавистного другого, — заостренные металлические предметы, именуемые штыками и кинжалами, и собственные пальцы, которые смыкаются на глотке противника и впиваются ему в глазницы. А единственный способ выжить — это отключить все высшие мозговые функции и уподобиться зверю.

Я так и сделал. В тот день я усвоил одну глубокую истину: война наказывает тех, кто пытается с ней флиртовать. Стоит впустить в дверь зверя, и закрыть ее уже не удастся.

Я по-прежнему оставался великолепным стрелком, когда того требовала ситуация. Но я перестал быть просто снайпером. Ради этого пришлось притвориться, что я утратил хладнокровие и мне уже нельзя доверять решающие ликвидации. И они клюнули на этот обман. Снайперы до безумия суеверны — это своеобразный защитный механизм, который лишает их возможности действовать эффективно, когда возникает угроза психике. Меня переводили из подразделения в подразделение. В ходе операций мое новое подразделение перемещалось к передовой, а когда передвижение заканчивалось, я снова добивался перевода. Чем ближе становился фронт, тем лучше я дрался. Скоро я работал руками лучше, чем винтовкой. Я познал удивительную легкость — наверно, это же чувствует прирожденный музыкант, который способен заставить петь любой инструмент. Я добровольно участвовал в миссиях глубокого проникновения. Неделями мы находились в тылу врага, поддерживая свое существование тщательно отмеренными полевыми пайками. Биосфера Украины Неба в целом напоминает земную, но на уровне клеточной химии оказывается совершенно иной, так как почти не содержит микрофлоры; поэтому попытки утолить голод местными продуктами в лучшем случае будут безрезультатны, а в худшем приведут к анафилактическому шоку. В

долгие периоды одиночества я снова позволял своему внутреннему зверю выйти из спячки — это состояние поддерживало во мне безграничное терпение и позволяло переносить любые тяготы.

Я стал стрелком-одиночкой. Отныне приказы, которые я выполнял, приходили не по обычной цепочке от командира к подчиненному, а из засекреченных иерархий милиции, и мне даже не приходило в голову проследить их путь. Мои миссии становились все более странными, а задачи — все более непостижимыми. Иногда целью был какой-нибудь офицер СК среднего ранга, иногда — человек, выбранный, казалось бы, совершенно случайно... Во всяком случае, я даже не пробовал докопаться до истинной причины выбора. Достаточно было того, что мои действия были частью хитрой системы, созданной кем-то очень изобретательным. Я всаживал заряды в людей, которые носили такую же форму, что и я, — наверно, они были шпионами, потенциальными предателями. А может быть, и нет. Они были столь же преданны, как и я сам, но обязаны умереть, поскольку своим существованием мешали загадочной системе развиваться.

Прежняя задача — служить делу победы — была забыта. В конце концов я прекратил принимать приказы и начал промышлять ими, разрывая связи с иерархией и заключая контракты с любым, кто заплатит. Я перестал быть солдатом и стал наемником.

Именно тогда я впервые встретил Кагуэллу.

— Меня зовут сестра Даша, — представилась старшая из Нищенствующих, тощая неулыбчивая женщина. — Возможно, вы обо мне слышали — я невролог хосписа. И ваше состояние меня беспокоит, Таннер Мирабель. С вашим мозгом происходит нечто серьезное.

Даша и Амелия стояли в дверном проеме коттеджа. Всего полтора часа назад я сообщил Амелии о своем намерении покинуть Айдлвилд в течение суток. Теперь она выглядела смущенной.

— Мне очень жаль, Таннер, но мне пришлось сказать ей.

— Незачем извиняться, сестра, — перебила Даша, бесцеремонно протискиваясь мимо своей подчиненной. — Нравится это ему или нет, ты поступила правильно, сообщив мне о его планах. Итак, Таннер Мирабель... с чего мы начнем?

— С чего вам угодно, я все равно улетаю.

За спиной Даши появился яйцеголовый робот и, стуча ногами по полу, вошел в комнату. Я сделал движение, намереваясь покинуть постель, но Даша опустила мне на бедро крепкую ладонь.

— Нет, только без глупостей. Какое-то время вам придется побыть

здесь.

Я покосился на Амелию.

— А как насчет того, что я могу улететь когда угодно?

— Ах, вы вправе улететь, Таннер...

Это прозвучало не слишком убедительно.

— Он и сам не захочет, когда все узнает, — произнесла Даша, присаживаясь на постель. — Позвольте мне объяснить, хорошо? Когда вас «отогрели», мы тщательно осмотрели вас, Таннер — и прежде всего ваш мозг. Мы подозревали, что у вас будут наблюдаться проявления амнезии, и нам было необходимо убедиться в отсутствии серьезных повреждений. А также имплантатов, требующих замены.

— У меня нет никаких имплантатов.

— Нет, есть. И, боюсь, в них появился некий дефект.

Она щелкнула пальцами, и робот засеменил к кровати. Разумеется, ни на одеяле, ни на простыне ничего не было. Правда, минуту назад я занимался сборкой заводного пистолета, соединяя детали методом проб и ошибок. Половина деталей уже «срослась», когда я увидел Амелию и Дашу, которые пересекали лужайку за домиком. Детали тут же оказались под подушкой, где и лежали в настоящий момент. Боюсь, теперь они уж слишком напоминали оружие. Осматривая мои пожитки, сестры могли поломать головы над странными алмазными фигурками, но вряд ли поняли бы их назначение. Теперь их задача существенно упрощалась.

— Дефект? О чем вы говорите, сестра Даша?

— Сейчас вы сами увидите.

Раздался щелчок, и голова робота раскрылась, как будто развалилась его черепная коробка. Сходство усиливалось из-за шаровидного экрана, который оказался внутри: его заполняло медленно вращающееся объемное изображение мозга, почему-то сиреневого цвета. В его глубине клубились какие-то призрачные молочные облачка. Разумеется, это был мой мозг. Но мне проще было узнать себя на портрете кисти художника-абстракциониста.

Пальцы сестры Даши залетали над вращающимся шаром.

— Проблема в этих светлых пятнах, Таннер. Перед вашим пробуждением я ввела вам бромдеоксиуридин. Это искусственный аналог тимидина, одной из нуклеиновых кислот ДНК. Аналог поступает вместе с тимидином в новые клетки мозга, чтобы мы могли проследить течение нейрогенеза — образования новых мозговых клеток. Светлые пятна обозначают места скопления индикатора — места скопления недавно появившихся клеток.

— А я думал, нервные клетки не восстанавливаются.

— Этот миф похоронили пятьсот лет назад, Таннер, — но отчасти вы правы: для высших млекопитающих это весьма редкий процесс. На этом скане вы видите еще более необычное явление: концентрированные, обособленные участки свежего нейрогенеза, который продолжается до сих пор. Это функциональные нейроны, организованные в сложные структуры и связанные с вашими старыми клетками. Все тщательно продумано. Вы видите, что светлые пятна расположены вблизи ваших перцептивных центров? Простите, но это весьма характерный симптом, Таннер. Как и ваша рука.

— Моя рука?

— У вас на ладони рана, правда? Это симптом заражения одним из индоктринальных вирусов семейства Хаусманн, — она выдержала паузу. — Мы обнаружили этот вирус у вас в крови — вернее сказать, искали его целенаправленно. Вирус внедряется в вашу ДНК и заставляет ее генерировать новые нервные структуры.

Блефовать не имело смысла.

— Интересно, как вы с ним познакомились.

— За последние годы возможностей было предостаточно, — сказала Даша. — В каждой бочке слякоти... о, простите, в каждой группе спящих, которую мы получаем с Краины Неба, хотя бы один человек инфицирован. Вначале, конечно, мы были заинтригованы. Мы кое-что знали о культах Хаусманна. Излишне говорить, что мы не одобряем способ, которым они распространяют свою систему верований... Увы, мы потеряли много времени, пока распознали механизм вирусной инфекции и поняли, что эти люди скорее ее жертвы, нежели убежденные сектанты.

— Это блаженная досада, — вмешалась Амелия. — Но мы можем помочь вам, Таннер. Кажется, вам снится Небесный Хаусманн?

Я кивнул, но воздержался от комментариев.

— Так вот, мы можем выгнать вирус, — продолжала Даша. — Это нестойкий штамм, со временем он разрушится сам, но мы можем ускорить этот процесс, если захотите.

— Если захочу?! Я не понимаю, чего вы до сих пор ждали.

— Боже, мы бы этого никогда не сделали. Ведь вы могли быть инфицированы добровольно. В этом случае мы не имели бы права вмешиваться...

Даша хлопнула работа по блестящему корпусу. Тот хлопнул свой череп и удалился, пощелкивая на ходу. Он двигался на манер краба, только не в пример изящнее.

— ...но если вы хотите выгнать вирус, мы можем приступить к терапии немедленно.

— Сколько времени это займет?

— Пять или шесть дней. Как вы понимаете, нам бы хотелось проследить за процессом — иногда может потребоваться вмешательство.

— Тогда пусть вирус убирается своим ходом.

— Да будет на то ваша воля, — вздохнула Даша. Она поднялась и с раздраженным видом покинула домик. За ней послушно семенил робот.

— Таннер, я... — начала было Амелия.

— Давайте не будем об этом, хорошо?

— Мне пришлось сказать ей.

— Знаю. И нисколько не сержусь. Единственное — пожалуйста, не пытайтесь отговорить меня покинуть хоспис. Понятно?

Она промолчала, но мысль была усвоена.

После этого я еще с полчаса тренировал ее. Мы почти не разговаривали, и у меня было время поразмышлять о том, что мне показала Даша. К тому времени я вспомнил Васкеса — Красную Руку. Он свято верил, что уже не заразен. Но, скорее всего, от него я и подцепил эту дрянь. Впрочем... может быть, мне просто не повезло. Я довольно долго находился на мосту, наводненном сектантами Хаусманна.

Но Даша сказала, что штамм нестойкий. Может, она и права. Пока что я мог похвастаться только стигматом и парой тематических сновидений. Небесный Хаусманн не являлся мне при свете дня и не обращался ко мне, когда я спал, так что до одержимости дело еще не дошло. Меня не тянуло к вещицам, все значение которых сводилось к тому, что они имели какое-то отношение к Небесному, и не впадал при мысли о нем в религиозный экстаз. Он для меня был тем, кем был всегда, не больше и не меньше — историческим деятелем, человеком, который совершил жесточайшее преступление и понес столь же страшное наказание. Но он стоил того, чтобы его помнить, потому что подарил нам целый мир. В истории полным-полно таких людей. Их репутация окрашена поровну черным и белым... которые на расстоянии начинают сливаться, превращаясь в серую муть. Так почему я должен поклоняться Хаусманну? Только потому, что мне приснилась пара дней из его жизни? Я был сильнее этого.

— Не понимаю, почему вы так торопитесь покинуть нас, — сказала Амелия во время передышки, отбрасывая со лба влажную прядь волос. — Вам понадобилось пятнадцать лет, чтобы попасть сюда — что значат еще несколько недель?

— Наверное, я нетерпелив по натуре, Амелия.

Она недоверчиво посмотрела на меня. Пожалуй, требуется аргументация.

— Понимаете, этих пятнадцати лет для меня все равно что не было — будто я только вчера собирался сесть на корабль.

— Не убедительно. Сейчас или неделей-двумя позже — разница блаженно невелика.

Но все же она есть. Только она... блаженно огромна... нет, просто огромна. Но Амелии нельзя знать всю правду.

— Вообще-то... — я взял чуть небрежный тон, — у меня есть еще один повод поторопиться. В ваших архивах, наверно, не сохранились сведения о том, что я... путешествовал не один. Моего спутника, наверно, уже успели «отогреть».

— Пожалуй, это возможно, если тот человек сел на корабль раньше вас.

— Вот и я так думаю. По сути, он мог не проходить через хоспис, если у него не было осложнений. Его зовут Рейвич.

Мои слова удивили ее, но явно не вызвали подозрений.

— Я помню человека с таким именем. Он проходил через нас. Арджент Рейвич, верно?

— Да, это он, — улыбнулся я.

Глава 8

Арджент Рейвич.

Когда-то давно это имя для меня ничего не значило. Сейчас в это трудно поверить. Но слишком долго это имя — вернее, существование человека, носящего это имя, — было определяющим фактором моей личной Вселенной.

Впрочем, я хорошо помню, когда впервые услышал это имя. Это случилось в Доме Рептилий. Была ночь, и я учил Гитту обращаться с пистолетом. Примерно так же, как сегодня учил Амелию защищаться от брата Алексея. Аналогии обладают свойством воскрешать воспоминания.

Дворец Кагуэллы на Окраине Неба представлял собой длинное здание в виде буквы «Н», со всех сторон окруженное джунглями. На крыше дворца высилась одноэтажная надстройка. Она повторяла очертания строения, но была чуть уже, что позволило обнести ее низкой террасой, огороженной высоким барьером. Слов нет, позиция выигрышная, но полоса расчищенной территории примерно в сотню метров шириной, опоясывающая Дом Рептилий, совершенно не просматривалась, если только не стоять на стене, глядя через край. Казалось, высокие мрачные заросли вот-вот хлынут через стену террасы, подобно вязкому зеленому приливу, и погребут дворец в своих глубинах. Ночью джунгли превращались в море непроницаемой черноты. Все цвета исчезали, зато местные обитатели наполняли ее тысячами голосов, не похожих ни на что. На сотни километров вокруг не было ни одного человеческого жилья.

В ту ночь, когда я обучал Гитту, было необычайно ясно, звезды усеивали небо от верхушек деревьев до зенита. У Окраины Неба нет лун, а несколько ярких анклавов на орбите планеты опустились за горизонт, но террасу освещали десятки факелов, которые держали в пастях золотые гамадриады, выстроившиеся на каменных пьедесталах вдоль стены. Кагуэлла был помешан на змеиной охоте. Последней его навязчивой идеей было поймать себе почти взрослую гамадриаду — в пару к юной особи, которая в настоящий момент одиноко обитала где-то в недрах Дома Рептилий. Кагуэлла ухитрился изловить ее в прошлом году.

Моя служба у него только начиналась, когда я принял участие в той охотничьей экспедиции... и тогда же впервые увидел его жену. Кагуэлла дал ей одну из своих охотничьих винтовок, и она даже сделала пару выстрелов, но это явно были ее первые в жизни выстрелы. В итоге Кагуэлла попросил

меня дать ей несколько импровизированных уроков стрельбы, пока мы находились в лесу. Приказ есть приказ. Она даже кое-чему научилась, но было ясно, что из Гитты никогда не выйдет хорошего стрелка. Впрочем, это вряд ли имело значение: она не интересовалась охотой. Сохраняя стоическое спокойствие в течение всей экспедиции, она совершенно не разделяла восторгов Кагуэллы.

Вскоре даже Кагуэлла понял, что напрасно теряет время, пытаясь сделать из Гитты охотницу. Тем не менее он настоял на том, чтобы по возвращении мы продолжали уроки — пусть не столь интенсивно, но регулярно. Теперь целью была самооборона.

— Зачем? — спросил я. — Если вы нанимаете людей вроде меня, вам с Гиттой можно не беспокоиться.

Разговор происходил в одном из пустых помещений вивария. Мы были одни.

— Потому что у меня есть враги, Таннер. Ты молодчина, и твои люди тоже, но они не идеальны. Убийцу-одиночку вы не остановите.

— Да, — согласился я. — Если это профи, он сумеет прикончить любого из вас, прежде чем вы поймете, что происходит.

— Профи вроде тебя, Таннер?

Я представил себе защитную систему Дома Рептилий — внутреннюю и наружную. Я мог гордиться своими разработками.

— Нет, Кагуэлла. На голову выше меня.

— А что, такие есть?

— Всегда найдется кто-то лучше тебя. Вопрос в том, сколько стоят его услуги.

Он положил ладонь на один из пустых контейнеров для амфибий.

— Тогда ей это нужно как никогда. Один шанс лучше, чем ни одного.

Спору нет, в его словах присутствовала логика.

— В таком случае, я кое-чему научу ее — раз вы так настаиваете.

— Почему так неохотно?

— Огнестрельное оружие опасно в обращении.

Кагуэлла улыбнулся. Люминесцентные лампы, вмонтированные в пустые контейнеры, источали тусклый желтый свет.

— Что ж, это идея.

Вскоре мы начали упражняться. Гитта являла собой образец прилежания, но училась далеко не так быстро, как хотел Кагуэлла. Не то чтобы ей не хватало сообразительности — скорее, дело было в отсутствии моторных навыков и скверной от природы координацией между рукой и глазом. Если бы не настойчивость Кагуэллы, эти дефекты никогда бы не

проявились. Нельзя сказать, что она была безнадежна. Но самые примитивные вещи, который Амелия осваивала за час, требовали от Гитты целого дня мучительного труда. Будь она новобранцем в моей части, я никогда бы не взялся за подобную задачу. Куда эффективнее было подобрать ей какое-нибудь задание по способностям — скажем, сбор разведданных.

Но Кагуэлла захотел, чтобы Гитта научилась пользоваться оружием.

Впрочем, это была достаточно веская причина. Он хозяин, он в своем праве, а мое дело выполнять приказы. К тому же это было не самое неприятное времяпрепровождение. Супруга Кагуэллы была просто очаровательна: настоящая красавица, северянка по происхождению, с лепными скулами, гибкая и подвижная, с мускулатурой танцовщицы. До этих занятий я не то что не дотрагивался до нее — у меня не было даже повода заговорить с ней. Это оставалось лишь фантазиями.

Каждый раз, когда мне приходилось поправлять ей стойку, мягко надавливая то на предплечье, то на затылок или плечи, я чувствовал, что мое сердце начинает странно колотиться. Я старался выдерживать мягкий спокойный тон, в соответствии с ситуацией, но мой слух безжалостно отмечал в нем напряжение и смущение. Впрочем, если Гитта и заметила что-либо в моем поведении, она не подала виду. А может быть, она действительно была сосредоточена исключительно на том, чтобы выполнить задание.

Неподалеку на террасе я установил высокочастотный полевой генератор. Гитта щеголяла в очках-термовизорах, их процессор воспринимал излучение генератора. Это было стандартное военное учебное оснащение из арсенала Кагуэллы, который он собирал многие годы. Самая различная экипировка — краденая или приобетенная на черном рынке... Мне было из чего выбирать. Перед глазами Гитты, как на экране, появляются виртуальные «призраки», которые якобы движутся по террасе. Среди них есть враги и сторонники, но у нее будет лишь доля секунды, чтобы решить, в кого стрелять.

Вообще-то это просто игра. Как я уже говорил, надо быть настоящим профи, чтобы иметь некоторый шанс проникнуть в Дом Рептилий. И ни один из них не даст Гитте драгоценных мгновений на раздумье.

Уже к пятому уроку прогресс был уже очевиден. По крайней мере, девять из десяти мишеней были выбраны правильно — вполне допустимый уровень ошибок, с которым можно было смириться. По крайней мере, я мог надеяться, что не буду иметь несчастье оказаться тем десятым и не паду от рук своей ученицы.

Но до необходимой эффективности было еще очень далеко.

Мы работали с огнестрельным оружием — не потому, что лучевики были недоступны, а из-за того, что они были слишком громоздкими и тяжелыми, чтобы отрабатывать приемы самообороны. Ради безопасности окружающих — а также бесценных золотых «нагов», над которыми Кагуэлла буквально трясся, — я мог бы немного поколдовать, чтобы пистолет не срабатывал, когда на линии огня нахожусь я сам. Но я понимал, что в моменты, когда оружие не действует, урок теряет свою ценность. Вместо этого я заряжал пистолет «умными» патронами. В пуле сидит крошечный процессор, который получает информацию со стрельбища, как и термовизоры Гитты. Процессор управляет микровыхлопами, которые заставляют пулю свернуть, когда траектория становилась опасной. Если этого недостаточно, пуля самоуничтожается, превратившись в облачко металлического «пара». Это, конечно, не самая безопасная процедура, но лучше получить ожог, чем пулю в голову.

— Ну, как мои успехи? — спросила Гитта, когда мы перезаряжали оружие.

— Вы становитесь метким стрелком. Но все же старайтесь целиться ниже — лучше в грудь, чем в голову.

— Почему в грудь? Муж сказал, что вы можете убить человека одним выстрелом в голову, Таннер.

— У меня большой опыт.

— Это верно, однако... А правда, что когда вы стреляете в человека, то...

— Ну да, при этом я выбиваю зону мозга с определенной функцией. Не всем слухам следует верить, Гитта. Пожалуй, выбрать одно из двух полушарий я еще могу, но относительно прочего...

— И все же, у вас хорошая репутация.

— Да, неплохая. Но не более того.

— Если бы такое говорили о моем муже, он выдоил бы из этой ситуации все до капли, — она бросила настороженный взгляд на окна верхнего этажа. — Но вы всегда стараетесь держаться в тени. Мне это нравится больше, Таннер.

— Я стараюсь держаться в тени, чтобы не засветиться.

Она посмотрела на меня.

— Не думаю, что вам это грозит, Таннер. Ваша совесть может быть спокойна: все, что вы делаете, вы делаете для того, чтобы другой человек спокойно спал по ночам.

— Моя совесть не так уж чиста, поверьте.

— А у Кагуэллы ее, по-моему, нет вовсе...

Наши взгляды на миг встретились. Потом я опустил глаза и сделал вид, что разглядываю пистолет.

— А вот и он, легок на помине! — проговорила Гитта, повысив голос.

— Ну что, перемываете мне косточки? — Кагуэлла спустился на террасу с верхнего этажа здания. Что-то блестяло у него в руке... просто бокал с писко. — Ладно, как на это можно обижаться?.. Как продвигаются занятия?

— По-моему, вполне сносно, — сказал я.

— Не верь ни единому его слову, — вмешалась Гитта. — Я просто ужасна, а Таннер слишком вежлив, чтобы это подтвердить.

— Успех даром не дается, — заметил я, и добавил, обращаясь к Кагуэлле: — Теперь Гитта не только умеет стрелять, но и почти всегда знает, в кого. Никаких чудес — она добилась этого усердным трудом и заслуживает похвалы. Но если вам нужно нечто большее, то это будет нелегко.

— Пусть продолжает — ей это не повредит. Разумеется, под твоим чутким руководством, — он кивнул на пистолет, в который я только что вставил новую обойму. — Ну-ка покажи ей свой фокус.

— Который именно? — осведомился я, стараясь не раздражаться. Обычно Кагуэлла остерегался называть мои нажитые тяжким трудом навыки «фокусами».

Кагуэлла сделал глоток.

— Ты прекрасно знаешь, о чем я.

— Ладно, попробую угадать.

Я перепрограммировал пистолет, отключив корректировку траекторий. Если ему нужен фокус, он его получит — только пусть не пеняет на издержки.

Обычно, стреляя из маленького оружия, я принимаю классическую снайперскую стойку — ноги слегка расставлены для равновесия, одна рука сжимает рукоять, другая поддерживает ее снизу, руки подняты на уровень глаз и напряжены в ожидании отдачи, если стрельба ведется пулями, а не энергией. Но сейчас я держал пистолет в одной руке на уровне пояса, на манер старинного ковбоя с шестизарядником, и смотрел на пистолет сверху, а не вдоль ствола. Позиция была достаточно знакома, чтобы точно знать, куда полетит пуля.

Я нажал на спуск и вклеил заряд в одну из его королевских кобр.

Затем подошел и оценил результат... Вернее, нанесенный ущерб.

От попадания пули позолота на статуе растеклась как масло, вокруг

входного отверстия образовалась симметричная фигура наподобие лотоса. Принцип симметрии был задан изначально. Будь моей мишенью человек, я бы целился между глаз. Но череп гамадриады имеет несколько другое строение. Чтобы математически точно поместить пулю в соответствующее место, мне пришлось вогнать пулю ей в пасть.

— Браво, — похвалил Кагуэлла. — А ты представляешь, сколько стоит эта змея?

— Меньше, чем мои услуги, — отозвался я, поспешно восстанавливая на процессоре пистолета безопасный режим.

Еще на миг задержав взгляд на покалеченной статуе, он покачал головой и усмехнулся:

— Может, ты и прав. Да, реакция у тебя все та же, Таннер... — он щелкнул пальцами, подавая знак жене. — Ладно, урок окончен, Гитта. Нам с Таннером надо кое-что обговорить — собственно, я за этим я и пришел.

— Но мы только что начали, — возразила Гитта.

— Продолжишь в другой раз. Хочешь научиться всему сразу?

«Надеюсь, этого не случится — иначе нам станет незачем встречаться...»

Я одернул себя. Неужели я всерьез на что-то рассчитывал — да еще и здесь, в Доме Рептилий, под боком у Кагуэллы? Полнейший бред. Тем более до сего момента Гитта не выказывала мне никакого особенного расположения. Впрочем, кое-что из ее слов стоило взять на заметку. Но может быть, она просто скучает от одиночества в этом доме, затерянном среди джунглей.

Из-за спины Кагуэллы вышел Дитерлинг и увел Гитту в дом. Другой охранник уже разбирал полевой генератор. Мы с Кагуэллой направились к стене, окружавшей террасу. Воздух был теплым и липким, никакого намека на ветерок. Днем духота порой становилась невыносимой — ничего общего с мягким морским климатом Нуэво-Иквика, где я провел мое детство. Кагуэлла был рослым, широкие плечи облегалo черное кимоно с замысловатым узором в виде дельфинов, босые ноги попирали грубый камень, которым была вымощена терраса. Широкое лицо, губы, застывшие в раздраженной гримасе, — лицо человека, который никогда не сможет достойно принять поражение. Его густые волосы, как обычно, зачесанные назад, превратились в блестящие бороздки из чеканного золота, словно отражали жаркое сияние нагов. Он оцупал покалеченное изваяние, затем наклонился, чтобы поднять с пола несколько золотых осколков. Осколки были не толще папиросной бумаги, словно фольга, которой художники-иллюстраторы украшают священные тексты. Печально потеряв их в

пальцах, он попытался залепить рану на голове змеи. Статуя изображала гамадриаду, которая обвилась вокруг дерева, словно замерла в чувственном экстазе.

— Мои извинения, — сказал я. — Но вы сами просили показать фокус. Он покачал головой.

— Ерунда, у меня в подвале таких еще полсотни. Может, так и оставить на память?

— Скорее в качестве наглядного примера.

— Ну да. Затраты должны быть оправданы, верно?

Он понизил голос.

— Таннер, есть дело. Сегодня вечером нам с тобой надо кое-куда прогуляться.

— Сегодня? — было уже поздно, но у Кагуэллы довольно странный распорядок дня. — Собираетесь поохотиться ночью?

— Я бы с удовольствием, но как-нибудь в другой раз. У нас будут гости. Надо съездить и встретить их. В двадцати кликах отсюда, если ехать по старой дороге, есть прогалина. Вот туда мы и направляемся.

Я тщательно прикинул ситуацию, прежде чем задать следующий вопрос.

— Что за гости?

Он погладил раненого нага, точно любимую собаку.

— Очень необычные.

Через полчаса мы уже покидали Дом Рептилий в одном из наземных авто. Времени как раз хватило на то, чтобы Кагуэлла переоделся. Он был одет точно на охоту: рубашка и брюки цвета хаки, а сверху рыжеватая «разгрузка» с массой карманов. Осторожно петляя среди руин, заросших лозой, которые разбросаны в окрестностях Дома Рептилий, я выехал на старую дорогу — как раз там, где она уходила в лес. Еще несколько месяцев — и для подобных прогулок понадобятся огнеметы, просто чтобы расчистить проход. Джунгли быстро залечивают свои раны, даже если это рана в самое сердце.

Когда-то Дом Рептилий и его окрестности были частью зоопарка, построенного во время очередного перемирия. Оно продлилось всего лет десять, но тогда людям казалось, что война уже не возобновится. Иначе никто бы не стал строить зоопарк — сугубо гражданский объект, совершенно бесполезный с военной точки зрения. Идея заключалась в том, чтобы разместить рядом земных и местных тварей, чтобы продемонстрировать сходства и отличия между Землей и Окраиной Неба.

Но зоопарк так и не достроили. Ныне от него остался только Дом Рептилий, который Кагуэлла сделал своей резиденцией. Надо сказать, это был удачный выбор: это здание оказалось несложно превратить в неприступную крепость. Мой хозяин мечтал потешить свое самолюбие, пополнив коллекцию бывшего зоопарка собственноручно пойманными змеями. Главным украшением коллекции должна была стать взрослая гамадриада, за которой он сейчас охотился. В подвале уже содержалась молодая особь, так что Кагуэлле предстояло раскошелиться на постройку нового террариума — не говоря о расходах на доскональное научное исследование. Как содержать эту тварь, пока было неизвестно, поскольку ее биохимия сильно меняется по мере созревания организма. Помимо этого, дом был увешан охотничьими трофеями Кагуэллы — шкуры, зубы, кости... Он держал змей не потому, что питал к ним нежные чувства. Он просто демонстрировал их гостям как свидетельство своих талантов — очевидно, что для поимки живой твари требуется несравненно больше ловкости, чем для того, чтобы просто выследить ее и пристрелить.

Ветви и лианы хлестали по корпусу машины. Я гнал по дороге, и визг турбины заглушал все звуки на многие мили вокруг.

— Что за гости? — спросил я в ларингофон. Кагуэлла сидел рядом, но мог слышать мой голос лишь в наушниках, плотно прижимающих его уши к черепу.

— Скоро увидишь.

— Это их идея — встретиться на прогалине?

— Нет, моя.

— И они знают, какую поляну вы имели в виду?

— Им это не обязательно.

Он дернул головой вверх, и я рискнул поднять глаза. Когда полог леса ненадолго поредел, открывая небо, я увидел ослепительно яркий треугольный клин, который висел у нас прямо над головой — драгоценность, врезанная в небесный свод.

— Он следит за нами от самого дома.

— Непохоже на местные самолеты, — заметил я.

— Правильно, Таннер. Это космолет.

После часа езды сквозь заросли мы достигли выжженной прогалины. Она появилась несколько лет назад. Не удивлюсь, если изначальной целью ракеты, которая здесь взорвалась, был Дом Рептилий: у Кагуэллы хватало врагов, чтобы подобная гипотеза выглядела правдоподобно. К счастью, большинство из них только догадывались о его местонахождении. Прогалина уже начала снова зарастать, но не настолько, чтобы помешать

посадке летательного аппарата.

Космолет беззвучно висел над нами, как летучая мышь. Теперь его дельтовидная форма хорошо просматривалась. Когда он опустился ниже, я заметил, что его днище усеяно тысячами элементов, багровых, как раскаленный металл. При ширине пятьдесят метров он мог приземлиться без помех. Я ощутил волну тепла, затем ухо уловило чуть слышный гул.

Джунгли вокруг нас погрузились в молчание.

Космолет опустился еще ниже, с каждой из вершин треугольника свисала элегантная перевернутая полусфера. Теперь аппарат висел на уровне верхушек деревьев. Я уже взмок от жары, а яркий свет невыносимо слепил глаза, вынуждая прикрываться рукой.

Затем сияние потускнело до кирпично-красного оттенка, и космолет рухнул на площадку с высоты нескольких метров, словно перерезали невидимую нить. Полусферы мягко амортизировали, смягчая удар. Минуту стояла мертвая тишина. Затем из головной части аппарата языком выскользнул трап. Бело-голубой свет, которых хлынул из прямоугольного проема, превратил поляну в графический рисунок без полутонов. Боковым зрением я заметил каких-то тварей, которые поспешно скользнули в темноту.

В этот момент в проеме появились две фигуры. Они показались мне похожими на веретена, поставленные вертикально.

Кагуэлла отстранил меня и зашагал к трапу.

— Вы собрались подняться на борт этой штуковины?

Мой хозяин обернулся. Сияние за спиной превращало его в черный силуэт.

— Да, черт побери. А ты пойдешь со мной.

— Но я никогда не имел дела с ультра.

— Что ж, теперь у тебя появился реальный шанс.

Оставив машину, я последовал за ним. У меня был пистолет, но держать его в руке показалось нелепым. Я сунул его за пояс и не прикасался к нему на протяжении всей нашей встречи. Ультра молча поджидали нас наверху трапа, один из них со скучающим видом облокотился на косяк. На полпути Кагуэлла опустился на колени и пошарил в траве. Я поглядел ему через плечо и заметил нечто вроде мятого металлического листа, но не успел присмотреться внимательнее или удивиться. Кагуэлла заторопил меня:

— Шевелись. Они избытком терпения не страдают.

— Не думал, что на орбите болтается корабль ультра.

— Мало кто об этом знает, — Кагуэлла начал подниматься по трапу. —

Они предпочитают не светиться. Им надо провернуть кое-какие сделки, а если слишком многие узнают, что они здесь, вся их деятельность накроется.

Ультра оказались мужчиной и женщиной. Их тощие тела, почти лишенные мышц, были одеты в экзоскелеты — целую паутину аппаратов и протезов. Оба были бледны, как покойники, а высокие скулы, черные губы и глаза, словно обведенные углем, усиливали это сходство. Черные жесткие локоны были искусно уложены, образуя нечто вроде гадючьего гнезда. Руки у мужчины были из полупрозрачного материала вроде матового стекла и пронизаны светящимися микросхемами и пульсирующими питающими линиями, а в животе у женщины зияла продолговатая дыра.

— Не слишком на них пялься, — шепнул Кагуэлла. — Это они любят — показать что-нибудь этакое, чтобы ты отвлекся. Могу поспорить: эта парочка — самые экзотические особи в арсенале капитана.

— У них это неплохо получается.

— Доверься мне, я имел дело с ультра. Вообще-то они слабаки.

Мы поднялись по трапу. Женщина оторвалась от косяка, выпрямилась и уставилась на нас без всякого выражения.

— Вы Кагуэлла? — осведомилась она, разлепив тонкие губы.

— Ага, а это Таннер. Он со мной. Это не подлежит обсуждению.

Она осмотрела меня.

— Он вооружен.

— Разумеется, — согласился я, слегка раздраженный тем, что она разглядела под курткой пистолет. — А вы разве нет?

— У нас свои средства. Прошу вас подняться на борт.

— Пистолет не помешает?

Женщина усмехнулась — наконец-то хоть намек на эмоции.

— Если серьезно, то проблем не будет.

Едва мы поднялись на борт, как трап втянулся, и дверь закрылась. Обстановка напоминала больничную — все стерильно, пастельные тона и масса стеклянной аппаратуры. Вскоре я увидел еще двоих ультра. Они развалились в огромных креслах перед пультом, инкрустированным невероятным количеством дисплеев, среди которых робко торчали хрупкие контрольные рычажки. Пилоты сидели обнаженными, у обоих была лиловая кожа и невероятно проворные пальцы, а на голове такие же жутковатые прически, только повыше.

— Поднимайся как можно мягче, Пеллегрини, — проговорила женщина с дырой в животе. — Мы не хотим, чтобы наши гости потеряли сознание.

— Уже взлетаем? — шепнул я одними губами. Кагуэлла кивнул.

— Расслабься и получай удовольствие, Таннер. Бери пример с меня. И не слушай всяких кретинов: пусть болтают, что я еще не скоро вылезу с этой планетки... и что со мной даже ультра не хотят иметь дела.

Нас проводили к паре свободных кресел. Едва мы устроились в них и пристегнулись, как корабль взмыл вверх. Сквозь прозрачные квадраты вдоль стен я увидел, как прогалина в джунглях провалилась вниз и превратилась в одинокое светящееся пятно. В отдалении, почти у горизонта, мерцало еще одно — это был Дом Рептилий. Остальные джунгли были черны, как океан.

— Почему вы выбрали для встречи эту поляну? — спросила женщина-ультра.

— Потому что приземляться на верхушки деревьев — это глупость.

— Я не о том. Мы могли бы оборудовать посадочную площадку в любой точке с минимальными затратами. Но эта прогалина что-то для вас значила, верно? — казалось, она просто проявляет праздное любопытство. — Мы просканировали ее на подлете. Под ней захоронена какая-то аппаратура и — равностороннее пустое пространство. Нечто вроде камеры, наполненной механизмами.

— У каждого свои секреты, — отозвался Кагуэлла.

Женщина пристально посмотрела на него, потом махнула рукой, давая понять, что тема закрыта.

Корабль взмыл еще выше, и перегрузка вдавила меня в кушетку. Я делал нечеловеческие усилия, притворяясь, что не испытываю дискомфорта, но не уверен, что мне это удалось. Ультра казались мне замороженными. Они тихо перебрасывались фразами, изобилующими техническим жаргоном, — что-то о скорости воздушных потоков и векторах подъема. Те двое, что встречали нас, сидели в своих креслах, подсоединившись массивными серебряными «пуповинами» к какой-то аппаратуре — думаю, для стимуляции газообмена и кровообращения во время перегрузки. Шаттл уже выскочил за пределы атмосферы и продолжал подниматься. Мы летели над дневной стороной планеты. Одетая зелено-голубой дымкой, Окрина Неба выглядела хрупкой и обманчиво безмятежной. Наверно, такой она была в тот день, когда на его орбите появился «Сантьяго». Ничто не говорило о том, что внизу идет война — и лишь позже я разглядел у линии горизонта дым, похожий на комки черного кружева. Это горели нефтяные поля.

Я впервые наблюдал подобное зрелище. До сих пор мне не доводилось бывать в космосе.

— Беру курс на «Орвието», — доложил пилот, которого женщина называла Пеллегрино.

К нам быстро приближался главный корабль ультра — темный конус, массивный, точно спящий вулкан, и при этом удивительно изящный, длиной километра четыре. Типичный «субсветовик», как называли ультра свои космолеты, — стремительные, способные рассекать пространство на скорости, максимально приближенной к световой. У меня перехватило дыхание. Устройства, которые обеспечивали его полет, превосходили любую технику, о которой я слышал на Окраине Неба, все, что я мог себе вообразить.

Для ультра наша планета была чем-то вроде ископаемого, которое вдобавок сохранилось не самым лучшим образом, — местом, где можно было увидеть технологии и социальные системы, безнадежно устаревшие три или четыре века назад. Разумеется, вина за это лежала не только на нас. Когда в конце двадцать первого века Флотилия покидала Меркурий, ее корабли были воплощением последнего слова техники. Но путь до системы Суона занял целых полтора века. За это время в Солнечной системе произошел технологический прорыв — но не на борту кораблей Флотилии.

К тому времени, когда колонисты высадились на Суоне, уже были изобретены звездолеты, чья скорость приближалась к световой. В сравнении с их перелетами путешествие Флотилии выглядело жалким актом самоистязания.

Наконец волна прогресса докатилась и до нас. Субсветовые звездолеты приземлились на Окраине Неба. Их базы данных содержали сведения, достаточные, чтобы с их помощью мы сравнялись с остальным населенным космосом — стоило только захотеть.

Но у нас шли междоусобные войны.

Мы понимали, чего можно достичь, но нам не хватало времени и ресурсов для того, чтобы перенимать достижения других колоний, не хватало средств для того, чтобы покупать технические новинки у путешествующих торговцев. Мы раскошеливались лишь в тех случаях, когда наши приобретения можно было напрямую применять в целях обороны и нападения, но даже на этом мы едва не разорились. Вместо этого вот уже почти сто лет мы по-прежнему бросали в бой пехоту, танки и реактивные истребители, уничтожали друг друга при помощи химических и ядерных бомб и даже не мечтали о таких высотах, как оружие, действующее на кварковом уровне или созданное на базе нано-технологий.

Не удивительно, что ультра относились к нам с плохо скрываемым презрением. По сравнению с ними мы действительно были дикарями — и,

что хуже всего, воспринимали такое положение дел как само собой разумеющееся.

Тем временем мы совершили посадку во внутреннем ангаре «Орвието».

Внутри звездолет напоминал сильно увеличенную копию шаттла — тот же лабиринт извилистых переходов, те же пастельные тона, тот же запах антисептика и стерильная чистота. Искусственная гравитация создавалась за счет того, что корабль вращался внутри собственной обшивки. Гравитация была чуть выше, чем на Окраине Неба: создавалось впечатление, будто у тебя за плечами тяжелый рюкзак. Помимо всего прочего, субсветовик выполнял функции пассажирского лайнера. На борту уже находилось несколько аристократов, все были возбуждены и громко жаловались на неподобающие условия. Похоже, ультра это не волновало. Они уже получили с каждого из пассажиров кругленькую сумму — эти наивные простаки думали, что таким образом гарантируют себе прибытие в пункт назначения. Для ультра они все равно были дикарями — разве что почище и побогаче прочих аборигенов.

Нас провели к капитану.

Он сидел на огромном кресле — настоящий трон, подвешенный на штативе. Целая система гибких приводов перемещала эту конструкцию по всему объему рубки. При нашем появлении несколько таких же кресел поменьше предусмотрительно разъехались в стороны, и сидящие в них члены экипажа сделали вид, что изучают замысловатые диаграммы на дисплеях, вмонтированных в стены. Телескопический трап, огороженный низкими поручнями, на котором стояли мы с Кагуэллой, выдвинулся до центра рубки.

— Господин... Кагуэлла? — промолвил мужчина на троне. — Добро пожаловать на борт моего судна. Я капитан Оркагна.

Капитан не намного уступал в представительности своему кораблю. От шеи до колен он был облачен в блестящую черную кожу, которая незаметно переходила в голенища сапог с острыми носами. Руки, сложенные «пагодой» под подбородком, были обтянуты черными перчатками. Голова капитана торчала над высоким воротником черного мундира, гладкая, как яйцо, — в отличие от остальных членов своего экипажа, он был абсолютно лыс. Его гладкое бесстрастное лицо вполне могло принадлежать ребенку — или покойнику, а голос был высокий, почти женский.

— А вы? — он кивнул в мою сторону.

— Таннер Мирабель, — произнес Кагуэлла, не дав мне открыть рот. —

Мой личный инструктор по безопасности. Таннер повсюду со мной. Это не подлежит...

— ...обсуждению. О да, понимаю, — Оркагна рассеянно уставился перед собой на нечто, видимое ему одному. — Таннер Мирабель... да. Был солдатом, пока не перешел на службу к Кагуэлле. Скажите откровенно, Мирабель: у вас действительно отсутствуют этические критерии или вам просто ничего неизвестно о человеке, на которого вы работаете?

— Его задача — обеспечивать мне спокойный сон, — вновь ответил за меня Кагуэлла.

— Ну а если он узнает о некоторых причинах... Вашей бессонницы?

Оркагна снова взглянул на меня, но прочесть что-либо на его лице было невозможно. С равным успехом мы могли говорить с куклой, управляемой бестелесным разумом, который командовал кораблем через компьютерную сеть.

— Скажите мне, Мирабель... Вы сознаете, что кое-кто считает вашего работодателя военным преступником?

— Конечно. Лицемеры, которые рады купить у него оружие, пока он не продал его другим.

— Борьба на равных — лучший выбор, — произнес Кагуэлла. Это была его любимая пословица.

— Но вы не только торгуете оружием, — сказал Оркагна. Казалось, его глаза опять рассматривают невидимый дисплей. — Ради этого вы грабите и убиваете. Документально подтверждено, что вы замешаны как минимум в тридцати убийствах на Украине Неба, и все они связаны с черным рынком оружия. В трех случаях вы ответственны за перераспределение оружия, списанного на основании мирного соглашения. Косвенным образом вы виновны в затягивании... я бы сказал, повторном разжигании... четырех-пяти местных территориальных споров, находившихся на стадии урегулирования. Благодаря вашим действиям были потеряны десятки тысяч жизней.

Кагуэлла попытался запротестовать, но Оркагна не позволил перебить себя.

— Вы человек, который руководствуется исключительно заботой о личной выгоде, абсолютно чуждый этике — или незнакомый с фундаментальными понятиями о добре и зле. Вы одержимы коллекционированием рептилий — возможно, потому что в них вы видите собственное отражение. В душе вы бесконечно тщеславны...

Оркагна погладил подбородок и позволил себе вяло улыбнуться.

— Короче говоря, вы весьма похожи на меня... то есть, на человека, с

которым я могу иметь дело, — его взгляд уперся в меня. — Но вы, Мирабель, — почему вы работаете на него? Судя по вашей биографии, у вас мало общего с вашим работодателем.

— Он мне платит.

— И это все?

— Он никогда не заставлял меня делать что-то против моей воли. Я действительно специалист по безопасности, я защищаю его и тех, кто рядом с ним. Я принимаю за него пули. Или лазерные импульсы. Иногда я заключаю сделки и встречаюсь с потенциальными покупателями. Это действительно опасная работа. Но меня не касается, что происходит с оружием после того, как оно меняет владельцев.

— Мм... — он коснулся рта кончиком мизинца. — А должно бы касаться.

Я повернулся к Кагуэлле.

— Есть смысл продолжать разговор?

— Да, как обычно, — рявкнул Оркагна. — Потому что речь о торговой сделке, тупица. Иначе за каким чертом я рискую и терплю у себя на борту всякую планетарную заразу?

Прекрасно. Значит, у нас деловое совещание.

— Что вы продаете? — спросил я.

— Как обычно — оружие. Это единственное, что нужно от нас вашему хозяину. Таковы местные нравы. Время от времени мои торговые агенты предлагают вашей планете технологии продления жизни, которые доступны в других системах, но каждый раз вы выбираете в пользу дерьма, которое служит прямо противоположным...

— Поскольку за такую цену можно скупить три пятых Полуострова, — перебил Кагуэлла. — Скажу сразу, я такое не потяну.

— Что ж, если вы так цените свою жизнь... — протянул Оркагна, словно размышляя вслух. — Впрочем... Ваши похороны — это ваша забота. Только вот еще что: приглядывайте за товаром, который от нас получите, ладно? Было бы крайне неприятно, если оружие снова попадет в плохие руки.

Кагуэлла вздохнул.

— Бывает, что террористы грабят моих клиентов. С этим я ничего не могу поделать.

Инцидент, о котором шла речь, случился месяц назад, но черный рынок Окраины Неба до сих пор гудел слухами. Я заключил сделку с одной военной фракцией, которая существует на вполне законных основаниях и посему соблюдает все официальные соглашения. Обмен был проведен по

весьма замысловатой схеме через подставных лиц, так что Кагуэлле — первому звену этой цепочки — было обеспечено надежное прикрытие. Я лично присутствовал при передаче оружия. Обмен состоялся на прогалине в джунглях — наподобие той, где нас встретили ультра, — и на этом мое участие заканчивалось. Однако сведения о нашей сделке просочились наружу. В итоге члены другой фракции, не столь законопослушной, накрыли наших клиентов, когда те возвращались с товаром.

Кагуэлла окрестил этих ребят террористами, но это, откровенно говоря, было преувеличением. На войне, где правила сражений и определения преступности меняются еженедельно, законную группировку от незаконной зачастую отличает лишь юридический статус. Союзы то и дело перезаклучались, истории войн постоянно переписывались, чтобы стороны предстали в должном свете. Большинство обозревателей действительно называли Кагуэлла военным преступником, но лет через сто те же люди, возможно, выставят его героем... а меня — его верным оруженосцем.

Чего только на свете не случается.

Однако последствия были куда более скверными, чем само происшествие. Через неделю с помощью похищенного оружия был почти полностью перебит один аристократический клан в Нуэва-Сантьяго.

— Напомни их фамилию... Кажется, Рейвичи, — сказал Кагуэлла. — Но послушайте: эти террористы были зверьем, я согласен. При случае я бы сделал из их костей табуретки, а кожу пустил на обивку. Но это не значит, что я оплакиваю Рейвичей. Они были достаточно богаты, чтобы свалить отсюда давным-давно. Вся эта планета — просто куча дерьма. Хочешь жить в безопасности — в твоём распоряжении вся галактика.

— Наша разведка сообщила кое-что любопытное, — сказал Оркагна. — Младший из Рейвичей — Арджент — жив и поклялся отомстить вам.

— Поклялся отомстить? Это что за баллада о доблестном рыцаре? — Кагуэлла вытянул вперед растопыренную пятерню. — Эй, посмотрите. Я уже дрожу до кончиков пальцев.

— Это только слова, — вмешался я. — Если бы я счел, что стоит беспокоиться, вы бы об этом уже знали. Это также входит в мою работу. Так что не волнуйтесь, если какой-то... доблестный рыцарь точит на нас зуб.

— У нас несколько другие сведения, — Оркагна опустил глаза, словно разглядывал свои лакированные перчатки, и потянулся одними пальцами. Я уловил еле слышный щелчок. — Наша разведка полагает, что этот

господин... приобрел оружие у тех же... южан, которые перебили его семью. Технология тяжелых частиц, оружие, с которым можно взять любой укрепленный пункт. Правда, в активном состоянии оно оставляет очень характерные следы, — ультра сделал еще одну выразительную паузу и небрежно добавил: — Знаете, забавно: эти следы оружия ведут на юг Полуострова, к Дому Рептилий.

— Дайте мне координаты, — сказал я. — Встречусь с этим парнишкой и узнаю, что ему нужно. Может быть, он получит несколько единиц оружия и отстанет. Если вообще считает нас торговцами оружием.

— Ну да, — фыркнул Кагуэлла. — Он считает меня торговцем винами. Брось, Таннер. И на этот раз ты можешь отдохнуть. Ты слишком хорош, чтобы возиться с гнидой типа Рейвича. Мух не бьют ядерными ракетами.

Он повернулся к Оркагне:

— Так говорите, он на севере? Как далеко, в какой местности?

— Разумеется, мы можем предоставить вам информацию.

— Вот сраный кровосос, — на миг лицо моего хозяина перекошилось, но он тут же расплылся в улыбке и ткнул пальцем в сторону ультра.

— Вы мне нравитесь, честное слово. Этакая гнусная пиявка... Ваша цена. Можете не углубляться в подробности. Дайте позиционные координаты с точностью... допустим, сто километров. Иначе будет не смешно, а?

— Черт побери, о чем вы думаете? — мне было уже не до субординации. — Может быть, Рейвич сто раз любитель, но это ничего не значит. У него оружие, которым южане перебили весь его клан!

— Что ж, тем забавнее. Настоящее сафари. А заодно, может быть, поймает гамадриаду.

— Вы азартный человек, — с пониманием заметил Оркагна.

Ясно одно: Кагуэлла оказался на публике и был вынужден действовать соответственно. У себя в Доме Рептилий, он бы руководствовался логикой, а не эмоциями. Он, не моргнув глазом, приказал бы мне кому-нибудь из своих людей убрать Рейвича, потому что тратить время на подобную мелочь действительно было ниже его достоинства. Но на нас глазели ультра, и они не должны были видеть его слабым. Они должны были увидеть хищника.

Позже, когда наступила развязка, — когда наша операция провалилась, когда Гитта погибла вместе с Кагуэллой, а нас с Дитерлингом ранили, — я понял еще одну вещь.

Это была моя вина.

Если мне скажут, что я ни на что не годен, я соглашусь — потому что

допустил ее гибель. И гибель Кагуэллы. Эти смерти — две части ужасного целого. А Рейвич ушел невредимым — и по праву гордился собой, потому что у него на руках кровь человека, которому он поклялся отомстить, и его жены. Вообще-то, он надеялся, что Кагуэлла уцелеет, — у меня было больше шансов отправиться на тот свет. Но если бы Кагуэлла выжил, его жизнь все равно должна была превратиться в кромешный ад. И это было бы для Рейвича настоящей победой — знать, что до конца своих дней Кагуэлле суждено оплакивать Гитту. Я не знаю, какими словами можно передать боль этой утраты. Думаю, Гитта была единственным существом во вселенной, которое он любил.

Рейвич немного просчитался. Он отнял Гитту у меня.

Я хорошо помню, как смеялся Кагуэлла над клятвой Рейвича. От рыцарской доблести до абсурда — один шаг. Похоже, я его сделал. Я поклялся, что положу жизнь, но уничтожу Рейвича и отомщу за Гитту. Скажи мне тогда кто-нибудь, что моя смерть — непереносимое условие его гибели, я бы спокойно пошел на такую сделку.

В Нуэва-Вальпараисо он проскользнул у меня между пальцев. Тогда мне пришлось сделать самый сложный выбор — или оставить Рейвича в покое, или последовать за ним за пределы планетной системы.

Последнее оказалось проще, чем я думал.

— Не помню каких-то особенных проблем с господином Рейвичем, — сказала Амелия. — У него была временная амнезия, но слабее вашей — она длилась всего несколько часов, а затем он начал приходить в себя. Даша хотела оставить его для осмотра имплантатов, но он настоял на том, чтобы улететь немедленно.

— Вот как? — я изобразил удивление.

— Да. Бог знает, чем мы обидели его.

— Уверен, вы здесь ни при чем, — интересно, что у него с имплантатами... но об этом я спрошу позже. — Скорее всего, он уже на Йеллоустоуне или где-то в окрестностях. Мне не хотелось бы терять его из виду. Развлекаться все-таки лучше вместе.

Она изучающее посмотрела на меня.

— Вы были друзьями, Таннер?

— Вроде того.

— Значит, вместе путешествовали?

— Можно сказать и так.

— Понятно.

Ее лицо было безмятежным и бесстрастным, но я догадывался, о чем

она думает. Сомневаюсь, чтобы Рейвич упоминал о попутчиках. Соответственно, нашей дружбы не существовало в природе.

— Вообще-то, мы договаривались, что он меня дождется.

— Наверное, ему не хотелось напрасно занимать лазарет. Может быть, остаточная амнезия... Конечно, мы могли бы с ним связаться. Это не просто, но мы стараемся присматривать за теми, кого оживляем, — на случай осложнений.

Ну, и на случай, если кто-нибудь вознамерится поблагодарить Айдлвилд за гостеприимство и возместить расходы... а также заплатить за свою безопасность на Йеллоустоуне или за информацию о новоприбывших. Информация — это реальная власть.

— Благодарю вас, не стоит беспокоиться. Я предпочту встретиться с ним лично.

Она внимательно посмотрела на меня.

— Тогда вам стоит искать его на планете.

Я кивнул.

— Понимаю, как важно сохранить конфиденциальность, но...

— Он собирался в Город Бездны, — последнее слово Амелия изрекла с таким видом, словно речь шла о святотатстве или самой гнусной непристойности. — Это наше самое большое и самое старое поселение.

— Да, я уже слышал о Городе Бездны. А можно чуть подробнее? — спросил я, стараясь говорить как можно мягче. — Хотя бы район.

— Вряд ли я смогу помочь вам — он не сказал, куда именно направляется. Но можете начать с Кэнопи.

— Кэнопи?

— Я никогда там не бывала. Но говорят, что там стоит побывать.

Я покинул хоспис на следующий день. Несомненно, до полного выздоровления было еще далеко, но дальше тянуть нельзя, иначе шанс напасть на след Рейвича упадет до нуля. Некоторые компоненты моей памяти сошлись абсолютно четко, некоторые — еще нет, но этого было достаточно, чтобы выполнить мою задачу.

Когда я вернулся в коттедж, чтобы забрать свои вещи — документы, одежду, которую мне подарили, и полуразобранный алмазный пистолет, — мой взгляд сам собой устремился к той самой нише в стене, которая вызвала у меня такой панический страх в день пробуждения. Не могу сказать, что в коттедже мне спалось спокойно. Мои сны так или иначе были связаны с Небесным Хаусманном, что наглядно подтверждали пятна крови на простыне, которые я обнаруживал по утрам. Тогда я вспоминал разговор

с Дашей. Может быть, истинная причина моих страхов — индоктринальный вирус? Это он порождает у меня в мозгу те самые пресловутые структуры, а они создают лишние связи между мозговыми центрами. Но в этом я не был уверен.

Потом за мной зашла Амелия, и мы с ней отправились вверх по длинной извилистой дорожке, поднимаясь все выше и выше на «небеса» — к оконечности одного из конусов. Подъем был почти незаметен, поскольку вес уменьшался с каждым шагом. Казалось, кто-то легко ведет меня под руку, увлекая вперед. Удивительная легкость вызывала эйфорию.

Минут десять-пятнадцать мы шли молча. Потом я спросил:

— Вы действительно были когда-то одной из нас, Амелия?

— Вы имеете в виду — «спящей»? Да, но тогда я была совсем маленькой и едва умела говорить. На нашем корабле произошла авария, больше половины архива погибло. Рейс был транзитный, в каждой планетной системе брали пассажиров... так что теперь никто никогда не узнает, откуда я прилетела.

— Значит, вы даже не знаете, где родились?

— Ах, я могу только догадываться... Теперь мне уже все равно.

Подъем ненадолго стал круче, и Амелия вдруг устремилась вперед, обгоняя меня.

— Теперь мой мир здесь, Таннер. Он блаженно мал, но в этом тоже есть своя прелесть. И даже здесь еще много неизвестного.

— Не знаю. Здесь должно быть очень скучно.

— Ничуть. Все постоянно меняется, — она указала вдаль, где окоем обители изгибался. — Видите водопад? Он не всегда был здесь. А внизу когда-то была деревушка, но теперь мы создали там озеро. И так все время. Прокладывать новые дорожки... Это необходимость — чтобы предотвратить эрозию. И я помню, как это место выглядело год назад, два года. У нас есть времена года. Случается, что урожай не столь хорош, как обычно. Зато в другой раз Господь посылает нам изобилие. Всегда происходит что-нибудь интересное. К нам постоянно прибывают новые люди — и некоторые из них вступают в Орден... — она понизила голос. — И к счастью, не все они похожи на брата Алексея.

— Паршивая овца всегда найдется.

— О да. Знаю, что это нехорошо, но... после всего, чему вы меня научили, я почти уверена, что смогу посчитаться с Алексеем.

Как я понимал ее чувства!

— Сомневаюсь, что он примется за старое... но не хотел бы оказаться на его месте.

— Я буду с ним ласкова, не волнуйтесь.

Последовала напряженная пауза. Мы преодолели последний склон у оконечности конуса. Наверно, я весил раз в десять меньше, чем в коттедже, но пока еще не взлетал — хотя, кажется, был к этому близок. Впереди, среди спутанной поросли — при низкой гравитации деревца приобретали самые причудливые формы, — пряталась предусмотрительно замаскированная бронированная дверь — выход в камеру.

— Вы серьезно хотите улететь? — спросила Амелия.

— Чем быстрее я попаду в Город Бездны, тем лучше.

— Вас там многое ожидает, Таннер. Жаль, что вы не хотите остаться с нами еще ненадолго, чтобы мы смогли подготовить вас к... — она смолкла, очевидно понимая, что я не поддамся на уговоры.

— Не беспокойтесь, постепенно я все вспомню, — я улыбнулся, проклиная себя за эту ложь... но иного пути не было. — Спасибо за доброту, Амелия.

— Мне это было приятно, Таннер.

— Вообще-то... — я огляделся в поисках соглядатаев, но мы были одни. — Буду рад, если вы кое-что от меня примете.

Из кармана брюк я вынул полностью собранный заводной пистолет.

— Лучше не спрашивайте, почему он был при мне, Амелия. Но мне он больше ни к чему.

— Не думаю, что следует принять это от вас, Таннер.

— Тогда конфискуйте его, — я втиснул пистолет ей в руку.

— Пожалуй, я так и сделаю. Он действует?

Я кивнул. Вдаваться в подробности не было необходимости.

— Он поможет вам, если попадете в настоящую переделку.

Она спрятала пистолет.

— Я конфисковала его, — она пожала мне руку. — Вот и все. Храни вас Бог, Таннер. Надеюсь, вы отыщете своего друга.

Я отвернулся. Надеюсь, она не увидела моего лица.

Глава 9

Я шагнул за бронированную дверь. При виде коридора с полированными стальными стенами я понял, что отныне романтический Айдлвилд будет для меня лишь искусственной конструкцией, вращающейся в вакууме, и ничем больше. Далекий плеск крошечных водопадов сменился жужжанием вентиляции и силовых генераторов. В воздухе появился характерный запах больницы, которого не было минуту назад.

— Господин Мирабель? Нам сообщили, что вы улетаете. Пройдите сюда, пожалуйста.

Двое Нищенствующих уже поджидали меня. Один из них жестом пригласил меня следовать за собой по коридору; при каждом шаге нас подбрасывало, как на пружинах. Достигнув конца коридора, мы сели в лифт. За коротким подъемом к истинной оси вращения Айдлвилда последовал долгий путь в горизонтальной плоскости к выходу на поверхность, к точке нашего назначения. К моей несказанной радости, все это время никто из нас не раскрыл рта. Похоже, Нищенствующие давным-давно обсудили все мыслимые темы с «оживленными» и заранее представляли, что я отвечу на тот или иной вопрос, — поскольку это уже повторялось десятки раз.

А если они спросят у меня, чем я собираюсь заняться, а я отвечу правду?

Чем? Вообще-то, собираюсь кое-кого пришить .

Наверное, стоило так ответить хотя бы ради того, чтобы посмотреть на их физиономии. Но тогда они, пожалуй, еще примут меня за параноика, которого слишком рано выпустили на волю.

Тем временем лифт покинул внутренности Айдлвилда и теперь скользил по прозрачной трубке. Сила тяжести почти исчезла, и нам пришлось зацепиться руками и ногами за мягкие скобы, вшитые в стены лифта. Нищенствующим это удалось без труда, и они со спокойным изумлением наблюдали мои неловкие попытки «встать на якорь».

Впрочем, вид снаружи стоил усилий.

Теперь я отчетливее разглядел теснящуюся у причала стайку кораблей — то, что два дня назад показывала мне Амелия. Каждый из этих серебристых осколков на самом деле был величиной почти с Айдлвилд, но на таком расстоянии казался миниатюрным и сливался с массой себе

подобных. То и дело весь рой озарялся фиолетовым сиянием — один из звездолетов включал двигатели малой тяги, отделялся от остальных и лениво описывал дугу. Этот маневр мог быть данью этикету, сменой позиции или просто попыткой избежать столкновения. Зрелище завораживало своей красотой. Как можно не восхищаться этим творением рук человеческих — хрупкими песчинками, которые готовы потеряться в бескрайнем пространстве, но все равно бросают вызов расстоянию и времени? И неважно, будет ли то парусник, борющийся со штормовыми волнами или космолет с алмазным корпусом, который наперегонки со светом мчится от звезды к звезде.

Между скоплением кораблей и Айдлвилдом я заметил пару более ярких мазков. Это могли быть транзитные шаттлы — а может быть, подходили новые звездолеты. Вблизи «веретено» Айдлвилда — сужающийся конец конуса — казалось ажурным. Причалы, ремонтные доки, карантинные и медицинские зоны образовывали сложнейший трехмерный лабиринт. Поблизости болталась примерно дюжина разнокалиберных кораблей, и еще несколько стояли «на привязи» у хосписа. Большей частью это были маленькие служебные суда на реактивной тяге — чаще всего Нищенствующие использовали их для внешних ремонтных работ. Среди них выделялись две посудины покрупнее, но и они казались карликами в сравнении с любым субсветовиком на главном причале.

Первый был обтекаемой формы и напоминал акулу — скорее всего, он предназначался для спуска в атмосферу. На гладком корпусе, черном, словно всасывающем свет, ярко серебрилась эмблема — гарпия и nereida. Я сразу узнал шаттл, доставивший меня с вершины моста Нуэва-Вальпараисо на «Орвието» после нашего спасения. Шаттл был прикреплен к Айдлвилду прозрачной «пуповиной», внутри которой я увидел медленно движущийся поток спящих. Они все еще были «холодными», то есть находились в криогенных капсулах. По всей длине пуповины проходила судорога компрессионной волны. В этом было что-то непристойное — шаттл словно откладывал яйца... или испражнялся.

— Все еще разгружают? — спросил я.

— Нужно очистить еще несколько отсеков трюма со спящими, и корабль освободится, — пояснил первый Нищенствующий.

— Держу пари, вид этой «слякоти» у вас энтузиазма не вызывает.

— Я бы не сказал, — отозвался второй весьма унылым тоном. — На все воля Божья.

Корабль, к которому направлялся наш лифт, сильно отличался от

шаттла. Я бы сказал, что это просто груда хлама, которой каким-то образом придали устойчивую форму и пустили дрейфовать. Казалось, она еще не разлетелась по всей планетной системе только потому, что висит неподвижно.

— Я лечу на этой хрени?!

— «Стрельников» — хороший корабль, — возразил первый Нищенствующий. — Не переживайте. На нем куда безопаснее, чем кажется.

— Или гораздо менее безопасно? — вмешался его спутник. — Я все время путаю, брат.

— Я тоже. Может быть, проверим?

Он полез в складки своей хламиды. Не знаю, чего я ожидал, но только не появления на свет деревянной дубинки. Похоже, она была сработана из ручки садового инструмента и снабжена на узком конце кожаной петлей, а на другом — украшена несколькими любопытными царапинами и пятнами. Второй Нищенствующий вцепился в меня сзади, а его коллега принялся методично отрабатывать удары на моей физиономии. Я почти не мог сопротивляться: эти парни чувствовали себя в невесомости, как рыбы в воде, да и силы им было не занимать. Похоже, обошлось без переломов, но под конец вид моей физиономии полностью соответствовал моей фамилии. Я еле видел одним глазом, во рту плескалась кровь и кусочки отбитой зубной эмали.

— И как это понимать? — прошепелявил я, чувствуя себя полным идиотом.

— Прощальный подарок от брата Алексея, — пояснил Нищенствующий, убирая дубинку. — Ничего серьезного, господин Мирабель. Чтобы вы запомнили и впредь не лезли в наши дела.

Я выплюнул кровавый сгусток. Пунцовый шар, сохраняя форму, проплыл от одной стенки к другой и аккуратно размазался по светлому пластику.

— Не видать вам моих денег, как своих ушей, — сказал я.

Они красноречиво переглянулись, но решили, что с меня хватит. Подозреваю, что им не слишком хотелось иметь дело с таким неуравновешенным типом — не сомневаюсь, что они уже получили определенную информацию от сестры Даши. Я воспользовался паузой и попытался выразить им признательность, но получилось не слишком душевно.

Тем временем подъемник приближался к «Стрельникову». В такой

перспективе несчастная посуда выглядела еще менее выигранно. Она действительно напоминала брикет мусора длиной около двухсот метров. Множество жилых, контрольных и двигательных модулей были слеplены непонятно как. В глубине проглядывали изгибы топливных трубопроводов и раздутые цистерны, навевая воспоминание об анатомичке, конкретно — о вскрытой брюшной полости. От корпусной обшивки остались несколько обглоданных пластин. Одни блоки были покрыты блестящей оболочкой, похожей на смолу, и могли даже претендовать на аккуратность, а другие щеголяли кое-как приваренными металлическими заплатами, за которые местным ремонтникам следовало бы оторвать руки. Из шести-семи отверстий непрерывно струился газ, но это, кажется, никого не волновало.

Ладно, пусть выглядит как угодно, лишь бы по дороге это ископаемое не развалилось. Скорее всего, он уже сто раз летал в Блестящий Пояс — конгломерат анклавов на низкой орбите Йеллоустоуна — и обратно. На Окраине Неба подобные рейсы обслуживало десятка два контор. Скорость на этом маршруте почти не меняется — соответственно, нагрузка на детали минимальна. Корабль может сто лет ползать вверх-вниз по гравитационному колодцу, до тех пор пока не развалится на куски, наполнив пространство зловещими дрейфующими скульптурами. Накладные расходы тоже невелики. На пару пилотов-суперпрофи, которые гоняют шикарные шаттлы на скоростных маршрутах, приходилось с полдесятка ребят классом пониже, и так далее. Чем дальше, тем реже ремонтируются корабли и тем более заметно, что владельцы бьются не за скорость своих посудин, а за то, чтобы сэкономить на чем только можно. В самом низу этой пирамиды находятся транспорты на реактивной или ионной тяге. Неторопливость, с которой они перемещаются между орбитами, способна вымотать нервы любому. «Стрельников», конечно, не был воплощением изящества и комфорта, но по сравнению с этими развалюхами выглядел весьма недурно.

В любом случае, это был самый быстрый способ оказаться в Блестящем Поясе. Шаттлы на супертемпературных двигателях проходили тот же маршрут на большей скорости, но корабли такого типа даже не приближались к Айдлвилду. Не надо быть гением экономики, чтобы понять причину. Большинству клиентов хосписа едва хватало средств, чтобы оплатить собственное оживание, не говоря уже о перелете в Город Бездны — это было весьма дорогое удовольствие. Мне предстояло добраться до того причала с множеством кораблей и заказать билет на шаттл — без гарантии, что свободное место найдется сразу. Амелия отговорила меня садиться на супертемпературник. По ее мнению, *теперь* их уже не так

много как раньше, и время, которое я проведу в ожидании, сведет выигрыш в скорости в лучшем случае к минимуму.

Наконец лифт достиг соединительного прохода на «Стрельников», и мои друзья-Нищенствующие снова стали воплощением благожелательности. Теперь они расплывались в улыбках, словно синяки на моем лице были всего лишь психосоматическим проявлением вируса Хаусманна, а они были здесь совершенно не при чем.

— Желаем удачи, господин Мирабель, — Нищенствующий с дубинкой весело махнул мне рукой.

— Спасибо. Я вышлю открытку. А может быть, вернусь и расскажу, как прошло путешествие.

— Это было бы чудесно.

Я выплюнул последний кровавый сгусток.

— Уверен, вы меня *дождетесь* .

Впереди меня на борт загоняли стайку будущих иммигрантов, сонно бормочущих что-то на незнакомых наречиях. Потом нас долго вели через запутанный лабиринт узких лазов, пока мы не очутились в «ступице», глубоко в утробе «Стрельникова», где распределили по маленьким каютам. Спуск на Блестящий Пояс начался.

Добравшись до своего отсека, я почувствовал себя усталым и больным — зверем, который проиграл схватку и уполз к себе в берлогулизывать раны. Какая удача, что у меня не было соседей по каюте! Здесь не было благоухающей чистоты, равно как и особенной грязи — некое промежуточное состояние легкой запущенности и неряшливости. На «Стрельникове» не поддерживали искусственную гравитацию — тоже великолепно. Разумеется, это делалось с единственной целью не перегружать конструкцию, но кабинка была оборудована специальной нуль-койкой и всевозможными питающими и санитарными удобствами, необходимыми в условиях невесомости. Кроме того, я обнаружил любовно сохраненный сетевой пульт, который словно перекочевал сюда из музея кибернетики, на всех доступных плоскостях красовались выцветшие заляпанные таблички с подробными инструкциями относительно того, что можно и чего нельзя делать на борту, а также план аварийной эвакуации. Время от времени в системе громкой связи раздавался щелчок, и кто-то в очередной раз с ужасным акцентом сообщал, что «отправление корабля задерживается». Наконец содержание сообщения изменилось: нас поставили в известность, что корабль покинул Айдлвилд, двигатель включен, и мы спускаемся. Старт был таким мягким, что я даже не заметил.

Избавившись от осколков зуба во рту и тщательно исследовав

болезненные синяки — прощальный подарок Нищенствующих, — я постепенно погрузился в сон.

Глава 10

В тот день, когда проснулся пассажир, мир еще раз необратимо изменился.

Небесный в сопровождении двух его своих лучших друзей ехал в служебном вагончике, который с грохотом катился вдоль «хребта» «Сантьяго» по одному из вспомогательных туннелей, пронизывающих корабль от носа до кормы. Состав полз по рельсам медленно, как улитка, то и дело останавливаясь, чтобы позволить экипажу выгрузить припасы либо дождаться, пока другой поезд не освободит туннель впереди. Как обычно, спутники Небесного коротали время, рассказывая небылицы и бахвалясь друг перед другом. Небесному доставалась роль зануды, который не способен веселиться вместе с остальными и потому изо всех сил стремится испортить им настроение.

— Мне вчера Виглиетти такое рассказал! — крикнул Норквинко, стараясь перекрыть грохот поезда. — Сам он в это не верит — а другие верят! И дело касается Флотилии.

— Валяй, а мы посмеемся, — откликнулся Небесный.

— Простой вопрос: сколько кораблей было изначально, до гибели «Исламабада»?

— Разумеется, пять, — ответил Гомес.

— А если не пять? А вдруг шесть? Один взорвался — нам это известно. Но какой? Может быть, как раз «Исламабад» уцелел?

— А почему мы его не видим?

— Потому что он не подает сигналов. Он преследует нас, как призрак.

— Весьма убедительно, — фыркнул Небесный. — А у этого призрака, случайно, не было имени?

— Что касается имени, то...

— Я так и знал.

— Говорят, «Калеуче».

Небесный вздохнул. Путешествие, похоже, будет еще то. Когда-то много лет назад они втроем считали железнодорожную сеть корабля местом для игр — увлекательных и в меру опасных. Это была удивительная страна, где оживали истории о привидениях и приключениях. Там были заброшенные туннели, которые ответвлялись от основной линии: по слухам, они вели к засекреченным грузовым отсекам. По одной из версий, там находились тайники со спящими, которые были переправлены на борт

нелегально в последние минуты перед отлетом, потому что это были члены правительств-соперников. Небесный и его друзья знали места, где можно было, подзадоривая друг друга, выбираться на крышу поезда и ехать, едва не обдирая спину о потолок туннеля. Теперь он повзрослел и оглядывался на эти игры с лукавым изумлением, отчасти гордясь риском, на который они шли, отчасти ужасаясь грозившей им тогда зловещей смерти.

С тех пор прошла целая жизнь. Теперь им поручали куда более серьезную работу. Времена изменились. Ресурсы корабля начинали истощаться, и всем приходилось лезть вон из кожи. Небесный и его друзья были назначены сопровождающими грузов для бригад, работающих на «хребте» и в двигательном отсеке. Обычно это включало помощь при разгрузке, после чего груз приходилось тащить через лазы или спускать по смотровым колодцам туда, где он был необходим. В общем, работа оказалась далеко не такой простой, как они думали поначалу. Редкая смена обходилась без свежих царапин и синяков. Зато постоянные нагрузки помогли обзавестись великолепной мускулатурой — в других условиях на это можно было даже не надеяться.

Их компания была странной. Гомес пробивал себе путь к работе в двигательном отсеке, в «тайный орден» техников, обслуживающих силовые установки. Иногда он отправлялся на поезде прямо на корму и даже тайком заговаривал с кем-нибудь из техников, пытаясь произвести на него впечатление своим знанием физики герметичности и прочих тайн теории аннигиляторных двигателей. Временами, наблюдая за этими беседами, Небесный замечал: отнюдь не всегда техники безжалостно расправлялись с вопросами и ответами Гомеса. Изредка они даже выказывали сдержанное удивление и намекали, что однажды Гомесу будет позволено подняться вступить в их тишайшее братство.

Норквинко был существом совсем другого типа. Он обладал свойством с безоглядной одержимостью погружаться в любую проблему. Его могло увлечь что угодно, лишь бы явление было достаточно сложным и многоплановым. Он самозабвенно составлял списки и классификации, а серийные номера и схемы были наполнены для него глубоким очарованием. Не удивительно, что чудовищно сложная «нервная система» «Сантьяго» притягивала его внимание, как магнит. Компьютерные сети, которые пронизывают своими жилами корабль, бесконечно ветвятся... Их соержжание то и дело изменялось и переписывалось, подобно древним рукописям, начиная со старта корабля и до недавнего времени, когда случился аварийный сбой систем. Мало кто из взрослых, находящихся в здавом уме, не пасовал перед попыткой понять работу более одного

крошечного сегмента этой системы! А Норквинко был заморожен этим бесконечным многообразием. По мнению многих, это граничило с патологией, а некоторым внушало настоящий ужас. Техники, которые занимались сетями, на протяжении поколений отработывали способы устранения неполадок — и тут кто-то пытался объяснить им, как решить те же проблемы более эффективно! «Это оставит нас без работы», — таков был самый вежливый ответ неугомонному Норквинко. После этого он некоторое время держался от сетевиков подальше, чтобы не нарываться на неприятности, и путешествовал вместе с Небесным и Гомесом.

— «Калеуче», — повторил Небесный. — Интересно, что бы это значило.

— Еще бы не интересно, — презрительные нотки в голосе Небесного, похоже, заделли Норквинко. — Мои предки родом с одного острова. Так вот, там очень любили истории о привидениях. В том числе и о «Калеуче».

Норквинко уже увлекся, его обычные нервные интонации почти исчезли.

— И ты хотел поведать ее нам.

— Это был морской корабль-призрак.

— Забавно, а я бы не догадался.

— Послушай, — оборвал Гомес. — Заткнись и не мешай Норквинко рассказывать, ладно?

Норквинко кивнул.

— Когда люди слышали по ночам, как на «Калеуче» играет аккордеон, они все бросали и выходили в море. Иногда «Калеуче» даже заходил в порты и брал матросов с других кораблей. Там на борту пировали мертвецы, и этот пир никогда не кончался, а команда состояла из колдунов — брухос. Они окутали «Калеуче» облаком, которое двигалось вместе с ним. Иногда люди видели корабль, но не могли к нему приблизиться. Он погружался в волны или превращался в скалу.

— Так значит, этот корабль так и не могли рассмотреть как следует — потому что его скрывало облако, — и он мог заодно превращаться в камень, когда к нему приближались? Ну просто чудо из чудес, Норквинко.

— Я же не говорю, что э то действительно был корабль-призрак, — обиженно отозвался Норквинко. — Но сейчас... как знать? Сколько мифов описывают то, что потом становится реальностью.

— Так-то оно лучше.

— Да ладно тебе, — сказал Гомес. — Что ты прицепился к этому призраку? А вот кое в чем Норквинко прав. Хочешь сказать, нет? Вполне мог быть шестой корабль, но со временем про него просто забыли.

— Хорошо. Хотя по мне это просто корабельная байка. К старой истории приплели что-то новое, просто ради разнообразия, а может быть — чтобы не терять связи с прошлым. Я не стану с тобой спорить.

Тем временем поезд свернул в боковой туннель и загромыхал по индукционным рельсам.

Теперь они приближались к корпусу, и сила тяжести начала расти.

— А я знаю, в чем твоя проблема, — усмехнулся Норквинко. — Дело в твоём старике, верно? У него же такое крутое положение. У тебя в голове не укладывается, что он может не знать таких важных вещей?

— Может, он знает — это тебе в голову не приходило?

— Значит, ты признаешь, что шестой корабль на самом деле может существовать?

— Нет, вообще-то.

— Ну а я готов поверить, что шестой корабль был! — разгорячился Гомес. — Если смогли запустить пять кораблей — неужели шесть намного сложнее? Корабли набрали крейсерскую скорость, потом, скажем, случилась авария... ну, или еще какая-нибудь беда. Это могла быть случайность, могла быть диверсия — не важно. Но шестой корабль, по сути, погиб. То есть он до сих пор летит по инерции, но там все заброшено, экипаж мертв, спящие, наверно, тоже. Системы не работают, так что остаточной энергии вполне хватит на то, чтобы антивещество не разгерметизировалось.

— И о нем просто забыли? — спросил Небесный.

— Если другие экипажи приложили к этому руку... Что стоило поработать в архивах Флотилии? Лучший способ уничтожить улики — это скрыть сам факт существования жертвы. Экипаж мог дать клятву, что их потомки — то есть наши предки — никому ничего не расскажут.

Гомес с жаром кивнул:

— Поэтому нашему поколению достались только слухи — реальные события наполовину забылись и обросли легендами.

— Именно так, — сказал Норквинко.

Небесный покачал головой. Спорить было бесполезно.

Поезд остановился в грузовом отсеке, который обслуживал один из секторов «хребта». Все трое осторожно вышли, с хрустом припечатывая липкие подошвы ботинок к настилу. Сила тяжести почти не ощущалась, поскольку отсек находился у самой оси вращения. Предметы падали на пол, но как будто нехотя, а слишком энергичный шаг мог запросто обернуться чувствительным ударом головой о потолок.

Таких отсеков было множество, и они использовались в основном для обслуживания «момии». К каждому сектору «хребта» присоединялись по шесть модулей со спящими — в каждом по десять индивидуальных криогенных капсул. Однако к самим модулям вагонетки не подходили. Дальше почти все оборудование и материалы приходилось доставлять вручную, карабкаясь по лестницам внутри колодцев извилистых лазов. Хотя на корабле были грузовые лифты и роботы-доставщики, без крайней нужды ими старались не пользоваться. Технику приходилось регулярно ремонтировать, а роботы давно нуждались в перепрограммировании. Даже простейшие задания им приходилось повторять по слогам, словно слабоумным детям — быстрее было сделать работу самому. По этой причине в отсеках околачивалась толпа техников. Обычно они стояли со скучающим видом, облокотясь о штабеля поддонов, и покуривали самодельные сигареты или постукивали карандашами по учетным дощечкам, тщетно пытаясь изобразить кипучую работу мысли. Заняться действительно было нечем. По уставу техникам полагалось носить синие комбинезоны с секционными знаками отличия. Однако они украшали форму живописными дырами или аккуратно обшитыми разрезами, чтобы продемонстрировать грубые татуировки. Небесный, разумеется, знал их всех в лицо — на корабле, где сто пятьдесят человеческих созданий живут бок о бок, это неизбежно. Но он едва ли помнил их имена, не говоря уже о том, что не представлял, чем они занимаются на досуге. Освобождаясь со смены, техники предпочитали собираться в отведенных им помещениях «Сантьяго» и общаться только внутри своего круга — вплоть до заключения браков и зачатия детей. В этом кругу говорили на особом, тщательно засекреченном жаргоне.

Но сегодня что-то неуловимо изменилось.

Никто не слонялся по помещению, изображая занятость. Да и вообще, здесь было на удивление малоллюдно. Те, кто остались, явно нервничали, словно ожидали сигнала тревоги.

— Что случилось? — спросил Небесный.

Но человек, который осторожно вышел из-за ближайшего контейнера с оборудованием, не был техником. Остановившись, он оперся ладонью о хромированное плечо присевшего робота-разносчика, лоб блестел от пота.

— Отец? — произнес Небесный. — Что ты здесь делаешь?

— А ты? Снова по делу?

— Конечно. Разве я не говорил тебе, что мы иногда работаем на поездах?

Тит казался рассеянным.

— Да... говорил. Прости, вылетело из головы. Небесный, помоги людям разгрузить оборудование, а потом убирайся отсюда вместе со своими друзьями.

— Не понимаю, — Небесный взглянул на отца.

— Просто выполняй, ладно? — Тит повернулся к ближайшему технику, заросшему бородой типу, который стоял рядом. Его скрещенные на груди лапищи с буграми мышц напоминали окорока. — То же самое относится к тебе и твоим людям, Ксавьер. Убери отсюда всех лишних, и подальше. Мне необходимо эвакуировать отсюда всю двигательную секцию.

Он отдернул рукав и что-то зашептал в свой браслет. Скорее всего, рекомендации, подумалось Небесному, но Старик Бальказар обязательно последует совету Тита Хаусманна. Затем отец снова повернулся к Небесному и удивленно поднял брови.

— Сынок, кажется, я велел тебе пошевеливаться? Это не шутка.

Норквинко и Гомес не торопясь проводили двух техников к ожидающему поезду, вскрыли одну из грузовых упаковок и принялись извлекать аппаратуру, царапая о стенки контейнера костяшки пальцев. Техник принял груз, передал следующему... Ящики плыли по рукам, покидали отсек и уходили на нижние уровни, к капсулам спящих.

— Папа, что случилось? — спросил Небесный.

Ему казалось, что отец начнет ему выговаривать, но Тит только качнул головой.

— Не знаю. Пока еще не знаю. Но с одним из пассажиров что-то происходит, и это меня немного беспокоит.

— А что с ним такое?

— Чертов момио просыпается, — он промокнул платком лоб. — Этого не должно было случиться. Я спускался к ним в отсек и все равно не понял, что могло случиться. Меня это беспокоит, вот почему я хочу очистить эту территорию.

Что за чудеса, подумалось Небесному. Никто из пассажиров никогда не просыпался, а некоторые, наверно, совсем умерли. Но отца эта ситуация явно не радовала... точнее, серьезно беспокоила.

— А почему это плохо, папа?

— Да просто потому, что им не положено просыпаться. Если это произошло — значит, так было запланировано с первого дня. Еще до того, как мы покинули Солнечную систему.

— Но зачем очищать территорию?

— Из-за того, о чем меня когда-то предупредил мой отец, Небесный.

А теперь делай, что сказано, разгрузи состав и сматывайся отсюда к чертям, понял?

В этот момент еще один поезд вкатился в отсек с противоположной стороны и встал вплотную к тому, на котором прибыл Небесный. Из вагонетки вышли четверо охранников, подчиненных Тита, — трое мужчин и женщина — и начали облачаться в пластиковые доспехи, слишком громоздкие, чтобы путешествовать в них на поезде. Это была, в общем-то, служба безопасности корабля в полном составе, выполняющая все связанные с этим обязанности, а заодно и армия, которую можно было считать добровольческой. Проследовав вдоль поезда, отряд разгрузил стойки с блестящими белыми автоматами, с которыми они обращались с нервной осторожностью. Отец всегда твердил Небесному, что оружия на борту нет, но это звучало не слишком убедительно.

Со многими сторонами работы корабельной службы безопасности Небесному хотелось познакомиться получше. Эта маленькая, сплоченная и высокоэффективная команда вызывала у него настоящий восторг. Но Небесному никогда не будет позволено работать со своим отцом. По этому поводу Тит дал юноше убедительное объяснение: начальник не может оставаться беспристрастным и справедливым, если его сын работает под его началом — независимо от своих способностей. От этого пилюля не стала слаще. В результате задания, которые отец поручал Небесному, никоим образом не касались вопросов безопасности. Данная ситуация не должна и не может измениться до тех пор, пока Тит возглавляет службу безопасности, и оба это понимали.

Небесный присоединился к своим друзьям и принялся помогать им с выгрузкой припасов. Юноши работали быстро, без привычной ленцы. Друзья нервничали. Здесь творилось нечто действительно необычное: не в правилах Тита Хаусманна было придумывать проблему на пустом месте.

То и дело Небесный поглядывал на охранников.

Они уже натянули на бритые головы матерчатые подшлемники и постукивали пальцами по микрофонам, проверяя систему радиосвязи на разных частотах. Затем извлекли из вагонетки бронированные шлемы, надели их, а сверху прикрепили опускающиеся монокуляры. От каждого шлема к прицелам на автоматах тянулись тонкие черные шнуры — для того, чтобы прицелиться, было достаточно посмотреть в сторону противника. Вдобавок шлемы были оборудованы инфракрасными и звуковыми датчиками, которые могли пригодиться в тусклом освещении нижних уровней.

Закончив возиться со своей техникой, охранники подошли к его отцу, и

тот быстро и деловито отдал им какие-то указания. Небесный пытался читать по его губам. В присутствии подчиненных отец выглядел абсолютно спокойным. Иногда он скупно взмахивал рукой или кивал. С тем же успехом он мог читать им детский стишок. Даже пот у него на лбу, похоже, высох.

Вскоре Тит Хаусманн отпустил команду, вернулся к поезду, на котором прибыл Небесный, и достал из вагонетки еще один комплект вооружения, для себя. Вернее, только оружие. Ни брони, ни шлема — только автомат, такой же ослепительно-белый, как у других. Автомат был снабжен серповидным магазином и каркасным прикладом. В движениях отца читалось его отношение к оружию: никакой фамильярности, лишь спокойное уважение. Так человек обращается с ядовитой змеей, из которой только что выдоил яд.

И все это ради единственного проснувшегося пассажира?

— Папа... — произнес Небесный, понимая, что отвлекает отца. — Что на самом деле случилось?

— Тебе не о чем волноваться, — отозвался Тит.

Взяв с собой троих из команды, он оставил четвертого охранять грузовой отсек. Отделение исчезло в одном из вспомогательных колодцев, ведущих к отсекам спящих. Некоторое время оттуда доносился, постепенно стихая, звук их шагов. Убедившись, что отец его не услышит, Небесный подошел к часовому.

— Что происходит, Констанца?

Она резко подняла вверх монокуляр.

— А с чего ты решил, что я скажу тебе, если твой отец не сказал?

— Не знаю. Просто решил попытаться. Помнится, когда-то мы были друзьями.

Он узнал ее в ту минуту, когда прибыл поезд. С учетом относительно спокойной ситуации, она наверняка должна была принимать участие в операции.

— Извини, — сказала Констанца. — Мы просто чуточку нервничаем, понимаешь?

— Конечно, — он изучал ее лицо, по-прежнему красивое и сильное, и вдруг понял, что хочет провести по ее скулам кончиками пальцев. — Я слышал, что дело в пассажире, который проснулся слишком рано. Это правда?

— Вроде того, — неохотно процедила она.

— И поэтому вам понадобился целый арсенал, о котором я даже не подозревал?

— Решения в каждом отдельном случае принимает твой отец.

— Но он должен был что-то сказать. Что особенного в этом пассажире — кроме того, что он проснулся?

— Поверь мне, я не знаю. Просто этого не должно было случиться. Момио не полагается просыпаться так рано. Это просто невозможно, если только кто-то не запрограммировал капсулу заранее. Но никто не стал бы так рисковать без особой причины.

— Все равно не понимаю. С чего ему понадобилось просыпаться раньше?

— Чтобы сорвать миссию, — она понизила голос и нервно побарабанила ногтями по автомату. — Один-единственный спящий, который оказался на борту не в качестве пассажира, а в качестве бомбы замедленного действия. Доброволец-самоубийца — может, преступник, а может, тот, кому нечего терять. Тот, кто настолько ненавидит нас, что готов погибнуть, лишь бы нас уничтожить. Знаешь, чего стоило получить место на корабле Флотилии, когда она покидала Солнечную систему? Построив свой флот, Конфедерация нажила себе врагов не меньше, чем друзей. Думаю, найти смертника было нетрудно — дай только возможность с нами разделаться.

— Но проверить такое непросто.

— Конечно. Если забудешь заплатить кому следует.

— Наверно, ты права. Ты серьезно насчет бомбы?

— Нет, конечно. Впрочем... кажется, это не такой уж и абсурд. Что если им — кем бы они ни были — удалось поместить диверсанта на борт каждого из кораблей? Тогда первый из самоубийц проснулся на борту «Исламабада»... И предупредить их было некому.

— Боюсь, от предупреждений было бы мало пользы.

Она стиснула зубы.

— Именно это мы и узнаем. Может быть, просто капсула неисправна.

И в этот миг послышались первые выстрелы.

Событие происходило в десятках метров под уровнем грузового отсека, но стрельба звучала пугающе громко. Почти сразу послышались крики. Небесному показалось, что он расслышал голос отца, но сказать наверняка было трудно — акустика колодца придавала голосам металлический оттенок, делая слова неразборчивыми и размывая разницу тембров.

— Черт, — вырвалось у Констанцы. На мгновение девушка замерла, затем бросилась к вспомогательному колодцу. На полпути она обернулась и бросила на юношу бешеный взгляд.

— Стой здесь, Небесный!

— Я с тобой. Там внизу мой отец.

Выстрелы прекратились, но шум продолжался — перебранка, истерические вопли и грохот, словно кто-то крушил аппаратуру. Констанца еще раз проверила автомат, перебросила его через плечо и была уже готова спуститься по металлической лестнице в гулкую утробу колодца.

— Констанца...

Он вцепился в автомат и сорвал его с плеча девушки прежде, чем она успела среагировать. Констанца в ярости обернулась, но он уже шагнул к спуску, не то чтобы держа ее на прицеле — но дуло смотрело прямо в ее сторону. Он понятия не имел, как пользоваться автоматом, но по его решительному виду догадаться было невозможно. Констанца отстранилась, не сводя глаз с оружия. Оно все еще было связано с ее шлемом гибким проводом, который сейчас натянулся до предела.

— Дай мне твой шлем, — сказал Небесный.

— Ты нарываешься на неприятности, — предупредила она.

— Потому что пошел за отцом, когда ему грозила опасность? Не думаю. В худшем случае мягкое взыскание, — он дернул подбородком: — Шлем, Констанца.

С недовольной гримасой она стянула с себя шлем. Небесный надел его, не удосужившись попросить заодно и подшлемник. Шлем был ему чуть маловат, но времени на подгонку не было. Сдвинув на место монокуляр, он обрадовался, когда на дисплее появилась панорама, которую «видел» автомат. На характерном зеленовато-сером фоне светились перекрестье прицела, числовой указатель дистанции и статистические показатели оружия. Полная бессмыслица... пока, взглянув на Констанцу, он не обнаружил у нее на лице белый мазок вместо носа. Инфракрасное излучение — это все, что ему нужно знать.

Спускаясь в колодец, он чувствовал, что девушка следует за ним на почтительном расстоянии.

Крики уже прекратились, однако тишины не было. Теперь голоса звучали тише и по-прежнему встревоженно. Небесный отчетливо расслышал голос отца — интонации были какими-то странными. Юноша стоял в узловой точке сектора, отсюда можно было добраться до любой из десяти криогенных капсул. Проходы расходились радиально в десяти направлениях, но лишь одна из дверей, ведущих в отсеки с капсулами, была открыта. Из-за нее доносились голоса. Выставив перед собой автомат, Небесный двинулся туда. Обычно в коридоре царили полумрак и теснота, со всех сторон, переплетаясь между собой, извивались трубы. Сейчас коридор светился мертвенным серо-зеленым светом. Внезапно Небесный

понял, что боится. Страх появился куда раньше, но он обратил на него внимание только сейчас, когда оказался внизу, с оружием в руках. Чувство страха было ему почти незнакомо. Впервые он пережил его, когда оказался один в детской комнате, всеми покинутый и забытый. На стене, точно безумный призрак, кривлялась его полупрозрачная тень. Как было бы здорово, если бы рядом появился Клоун и сказал что-нибудь дружелюбное и назидательное. Снова оказаться в детской... Неожиданно эта мысль показалась ему соблазнительной. Маленький мирок, чей покой не омрачали байки о кораблях-призраках, диверсии и прочие опасности реальной жизни.

Коридор резко повернул — и раскрылся в капсулу. Огромная внешняя камера, заполненная аппаратурой, — и все это для одного спящего... Точно древняя усыпальница, такая же холодная и торжественная. Здесь и в самом деле было холодно: Небесный видел внутренности камеры в зеленовато-коричневых и черных тонах.

Позади послышался голос Констанцы.

— Отдай мне автомат, Небесный, и никто не узнает, что ты его брал.

— Мы еще не знаем, где опасность. Может, кто-то случайно выстрелил.

— И там, где вышла из строя капсула со спящим? О да.

Он вошел в помещение и увидел троих охранников и отца — группу бледно-зеленых призраков, разукрашенных белыми пятнами.

— Констанца, — произнес один из мужчин. — Кажется, тебе велели прикрывать... черт. С кем это я говорю?

— Это я. Небесный Хаусманн, — юноша сдвинул вверх монокуляр, и комната мгновенно потускнела.

— А где Констанца?

— Я отобрал у нее шлем и автомат... насильно, — он оглянулся в надежде, что девушка слышит, как он пытается ее оправдать. — Она сопротивлялась, поверьте мне.

Эта капсула вместе с еще девятью составляла тор, надетый на «снежинку» с десятью лучами-проходами. Со времени старта Флотилии ее посещали, может быть, пару раз. Своей сложностью система жизнеобеспечения не уступала аннигиляторным двигателям — и была столь же уязвимой. Одно неумелое действие — и авария была бы неизбежна. Лишь самые опытные специалисты обслуживали ее, подобно касте избранных жрецов, служителей египетских пирамид. И, как погребенные фараоны, спящие не ожидают вторжения в свой мир прежде, чем достигнут конца своего загробного путешествия — системы 61 Сигни-А. Здесь было не место живым людям.

Но куда более неуместным было зрелище, которое предстало глазам Небесного.

Тит Хаусманн лежал на полу, его поддерживал за плечи один из охранников. Грудь отца была залита темной, липкой жидкостью, и Небесный понял, что это кровь. На мундире отца чернели огромные дыры, через которые она вытекала, отвратительно булькая при каждом вздохе и собираясь лужицей на полу.

— Папа... — выдохнул Небесный.

— Все в порядке, — отозвался один из охранников. — Команда медиков уже на подходе.

Но Небесный знал уровень медицинского обслуживания на «Сантьяго». Пожалуй, уместнее было сразу вызывать священников... или похоронную бригаду.

Он посмотрел на капсулу спящего — длинный саркофаг на цоколе, облепленном приборами. Он заполнял собой почти всю камеру. В крышке зияла дыра с зазубренными краями, острые осколки стекла покрывали пол беспорядочной мозаикой. Такое впечатление, будто кто-то разбил крышку изнутри, пытаясь вырваться из капсулы.

И в ней что-то находилось.

Пассажир был мертв или должен был вот-вот умереть. На первый взгляд в его облике не было ничего необычного — если не считать того, что его обнаженное тело было изрешечено пулями и утыкано проводами мониторинга, шунтами и катетерами. А ведь он моложе большинства спящих, подумал Небесный. Тот самый возраст, когда легко становятся фанатиками. Все остальное — лысая голова, полностью расслабленное застывшее лицо — как у любого из тысяч момио.

Все, кроме оторванной по локоть руки.

Она лежала на полу — безжизненный предмет, похожий на брошенную перчатку. Но раструб из лохмотьев кожи казался пустым — ни обрывков мышц, ни кости, да и крови вытекло совсем мало. И сам обрубок... Живая плоть заканчивалась в нескольких дюймах ниже локтя. А на полу валялась омерзительная металлическая конструкция, побуревшая от крови, протез, у которого вместо пальцев — целый арсенал остро заточенных лезвий.

Небесный представил себе, что могло произойти.

Момио просыпается в своей капсуле — так было запланировано еще до того, как Флотилия покинула Меркурий. Его пробуждение должно остаться незамеченным. Вырвавшись на свободу, он начинает свою работу... то же самое, по версии Констанцы, произошло на борту

«Исламабада». Одиночка действительно способен причинить огромный вред, особенно если не заботится о том, чтобы уцелеть.

Однако этот план сорвался.

По-видимому, он уже просыпался, когда в кабину вошел отряд службы безопасности. Когда отец склонился над капсулой, чтобы осмотреть ее, спящий разбил стекло и напал на Тита. Даже пули остановили его не сразу, хотя охранники почти полностью разрядили в него магазины своих автоматов. Некоторые препараты, предназначенные для размораживания, обладают обезболивающим действием, и диверсант ничего не замечал, пока не потерял слишком много крови.

Как бы то ни было, его остановили слишком поздно.

Небесный опустился на колени подле отца. Глаза Тита были открыты, но не могли сосредоточиться.

— Папа? Это я, Небесный. Пожалуйста, держись, ладно? Скоро придет помощь. Все будет хорошо.

Один из охранников тронул Небесного за плечо.

— Он сильный, Небесный. Ты знаешь, что ему полагалось войти первым. Он поступал так всегда.

— То есть, поступает так всегда.

— Конечно. Он выживет.

Небесный хотел что-то сказать, слова уже сложились у него в голове, но неожиданно момио зашевелился — медленно, как во сне, а затем все более энергично. На миг юноша не мог поверить собственным глазам: ни одно живое существо не могло двигаться после таких ранений, тем более с таким чудовищным проворством и ожесточенностью.

Выкатившись из капсулы, момио с кошачьей грацией вскочил на ноги, шагнул к одному из охранников и изящно взмахнул уцелевшей рукой. Острое лезвие рассекло горло, охранник рухнул на колени, из раны фонтаном забила кровь. На миг момио застыл, выставив перед собой руку-оружие, затем сложный комплект лезвий застрекотал и защелкал — один из ножей втянулся, пуская на свое место другой, сверкающий голубым блеском хирургической стали. Пассажир следил за этим процессом с завораживающим спокойствием.

И шагнул к Небесному.

Руки юноши все еще сжимали автомат Констанцы, но страх был столь силен, что ему даже не пришло в голову угрожающе поднять оружие. Момио смотрел на Небесного, мышцы странным образом перекачивались, словно десятки дрессированных личинок ползали между кожей и черепными костями. Но вот их беспорядочное движение прекратилось, и

Небесному на мгновение показалось, что он смотрит в зеркало: лицо спящего казалось грубым подобием его собственного. Затем мышцы вновь задергались, словно по отражению пробежала рябь, и сходство исчезло.

Момио улыбнулся и ткнул Небесного в грудь сверкающим лезвием. Боли почему-то не было — казалось, спящий просто толкнул его под ребра. Задыхаясь, Небесный отшатнулся.

Сзади двое уцелевших охранников взяли оружие наизготовку.

Небесный сполз на пол, пытаясь втянуть легкими воздух. Вместо облегчения нахлынула нестерпимая боль. Нож пассажира почти наверняка проткнул легкое, а ребро оказалось сломанным при ударе. Но лезвие не задело сердце. И он может двигаться — значит, не поврежден и позвоночник.

Прошел еще миг. Почему охранники не открывают огня? Он видел спину пассажира — отличная мишень.

Разумеется, дело в Констанце. Момио стоит прямо между ней и охранниками. Слишком велик риск того, что пули, пробив тело диверсанта, заденут и ее. Она могла бы отступить, но двери, ведущие в соседние отсеки, герметично закрыты, и просто распахнуть их невозможно. Единственный путь — вверх по лестнице. Но диверсант тут же окажется у нее за спиной. Подниматься по лестнице с одной рукой — задача не из легких, но обычные представления о физических возможностях здесь едва ли уместны.

— Небесный... — произнесла Констанца. — У тебя мой автомат... и линия огня лучше, чем у них обоих. Стреляй же.

Все еще лежа и задыхаясь — воздух словно закипал у него в легких, — он поднял автомат и повел стволом в сторону пассажира, который спокойно шел к Констанце.

— Стреляй, Небесный.

— Я не могу.

— Сможешь. Ради безопасности Флотилии.

— Не могу.

— Стреляй!

Руки дрожали — он едва мог держать оружие, не говоря уже о том, чтобы стрелять прицельно. Небесный повернул дуло в сторону диверсанта, закрыл глаза, борясь с черной обморочной волной — и нажал на спуск.

Короткая очередь напоминала громкую отрывку. Звук выстрелов смешался с металлическим звоном, с которым пули вонзались... не в плоть, а в бронированную обшивку коридора.

Пассажир замер на месте, словно собираясь вернуться за чем-то

забытым, — и упал.

Позади него по-прежнему стояла Констанца.

Она шагнула вперед и пнула момио, но никакой реакции не последовало. Небесный выпустил автомат, пальцы безжизненно разжались. К нему уже подбежали оба охранника, продолжая целиться в пассажира.

Небесный с трудом перевел дух.

— Он мертв?

— Не знаю, — сказала Констанца. — Во всяком случае, никуда не спешит. Ты в порядке?

— Не могу дышать.

Она кивнула.

— Переживешь. Надо было застрелить его, когда я тебе сказала.

— Я застрелил.

— Нет, ты стрелял наугад, и тебе повезло с рикошетом. Ты мог бы перебить всех нас.

— Но не перебил.

Она наклонилась и подобрала с пола автомат.

В это время на лестнице появилась команда медиков. Разумеется, ни у кого не было времени вдаваться в подробности, и теперь они рассеянно озирались, не зная, кем заняться в первую очередь. Один из командующих тяжело ранен, ранения двух других членов экипажа также могут представлять опасность для жизни. Но был еще один раненый — тот, чей статус был еще выше, один из пассажиров, о ком их приучили заботиться с молодых ногтей. Тот факт, что момио выглядел не совсем обычно, почему-то ускользнул от их внимания.

Один из медиков склонился над Небесным и, бегло осмотрев юношу, прижал к его лицу респиратор. В легкие хлынул поток живительного кислорода, и черная обморочная волна откатилась назад.

— Помогите Титу, — проговорил Небесный, указывая на отца. — И, если можно, пассажиру.

— Ты уверен? — спросил медик, уже успевший разобраться в ситуации.

Прежде чем ответить, Небесный покрепче прижал к лицу маску. В его сознании, опережая события, уже рисовались картины того, что он сделает с пассажиром, — самые изощренные пытки, которым он подвергнет убийцу.

— Еще как уверен.

Глава 11

Когда при очередной попытке вырваться из паутины сна я очнулся, меня била дрожь. Снова Хаусманн. Перед глазами все еще стояла пугающе яркая картина: я был рядом с Небесным и наблюдал, как его раненого отца уносили из камеры. В тусклом освещении каюты я осмотрел свою руку — в центре правой ладони смоляным пятном чернела свернувшаяся кровь.

Сестра Даша говорила, что штамм нестойкий, но болезнь едва ли оставит меня сама по себе. Само собой, ждать мне некогда — надо догонять Рейвича. И все же я вспомнил, как сестра Даша предлагала мне провести еще неделю в Айдлвилде, чтобы выгнать вирус. Лучше бы я согласился и не рассчитывал на собственный организм. К тому же, что бы мне не говорили, — где гарантия, что активность вируса уже достигла пика?

Следующее ощущение было знакомым и не слишком приятным — тошнота. Я не слишком привык к невесомости, а Нищенствующие не позаботились снабдить меня таблетками на случай подобных ситуаций. Несколько минут я размышлял, стоит ли покинуть кабину или просто лежать, терпеливо перенося мучения, пока мы не доберемся до Блестящего Пояса. Доводы моего желудка оказались более убедительными, и я направился в кают-компанию. В одной из инструкций, которые украшали каюту, сообщалось, что я могу купить там препараты, снимающие приступы тошноты.

Путешествие оказалось куда более авантюрным, чем мне хотелось.

Это просторное сферическое помещение, обозначенное зачем-то как «герметичное», находилось где-то в носовой части корабля. Там можно было приобрести пищу, лекарства и кое-что еще, помогающее скрасить одиночество. Но путь лежал через лабиринты узких лазов, которые вились вокруг двигательной секции, точно клубок змей. Инструкции, с которыми я ознакомился еще в каюте, советовали «не задерживаться» в некоторых отсеках корабля, предоставляя пассажиру самостоятельно делать выводы о состоянии радиационной защиты на борту.

По дороге я вспоминал свой сон.

Что-то в нем меня настораживало. Прежде всего — мучительное несоответствие с тем, что я знал о Небесном Хаусманне. Я не такой уж великий знаток биографии Небесного, но если ты вырос на Окраине Неба, то не можешь не знать некоторых фактов. Например, что Небесный боялся

темноты после аварии на «Сантьяго», когда взорвался один из кораблей Флотилии. Все знали о том, каким образом при этом погибла его мать. Лукреция была прекрасной во всех отношениях женщиной, ее любила и уважала вся Флотилия. Тит тоже пользовался всеобщим уважением. Возможно, его побаивались, но в этом чувстве не было ненависти. Они звали его «каудильо» — большой человек. Небесного воспитывали не так, как остальных детей, но как бы то ни было, родители невиновны в его преступлениях.

Также общеизвестно, что друзей у Небесного было немного. История сохранила имена Норквинко и Гомеса — его соучастников... нет, пожалуй, равноправных участников дальнейших событий. Что еще? Тита тяжело ранил диверсант, который скрывался среди пассажиров. Отец Небесного умер несколько месяцев спустя: диверсант вырвался из корабельного изолятора, пробрался в каюту к выздоравливающему Титу и убил его.

Я был озадачен. Сон завел меня в какие-то дебри. Не помню, чтобы кто-нибудь делился со мной слухами о шестом корабле — «Калеуче», который следовал за Флотилией подобно своему легендарному призрачному тезке. Даже само название «Калеуче» мне ни о чем не говорило. Что происходит, черт возьми? Может быть, этот индоктринальный вирус достаточно осведомлен о жизни Небесного, чтобы рассеять мое прежнее невежество? Или мне посчастливилось подцепить какую-то пиратскую версию, и теперь я наблюдаю повороты истории, неизвестные большинству людей? И опять-таки, что это за образы — малоизвестные, но достоверные факты истории, или сочинение сектантов, которым понадобилось подбросить что-нибудь свеженькое своей пресыщенной пастве?

Сейчас я ничего не узнаю — но, пожалуй, в следующих снах мне предстоит познакомиться с дальнейшими событиями жизни Небесного, хочется мне этого или нет. Не могу сказать, что я был в восторге от такой перспективы — я бы предпочел сновидения иного рода — но не могу отрицать, что кое-какое любопытство во мне пробудилось.

А сейчас мне предстояло ползти по трапу. Посему стоит выбросить из головы сновидения и обратить мысли к конечному пункту маршрута «Стрельникова».

Блестящий Пояс.

Я слышал о нем еще на окраине Неба. Да и кто не слышал? Это был один из немногих миров, известность которых простиралась на другие планетные системы и манила к себе сквозь десятки световых лет. Для

обитателей множества заселенных миров Блестящий Пояс олицетворял безграничную щедрость, роскошь и свободу. Он был тем же, что и Город Бездны, но лишен его тягостной чопорности. Идею поселиться здесь хотя бы в шутку обсуждал каждый, кто заработал состояние или связал себя брачными узами с семьей, обладающей полезными связями. Во всей нашей системе не было столь шикарного мира. Многим он представлялся просто легендой — особенно тем, для кого шанс попасть сюда был ничтожен.

Но Блестящий Пояс существовал на самом деле.

Он представлял собой цепочку из десяти тысяч фешенебельных анклавов, которые выстроились кольцом на орбите Йеллоустоуна — восхитительная череда аркоидов, каруселей и городов-цилиндров, украсившая планету нимбом из сверкающих искр. Безусловно, Город Бездны можно назвать денежным мешком системы. Но, как всякий денежный мешок, он страдал консерватизмом — немудрено в трехсотлетнем возрасте — и подавляющим чувством собственной значимости. Блестящий Пояс, напротив, находился в состоянии непрерывного перерождения. Орбитальные станции то и дело выходили из состава формации, их место занимали другие; они демонтировались и строились заново. Субкультуры расцветали пышным цветом и увядали, когда их поборники решали попробовать что-нибудь новое. Искусство в Городе Бездны ограничивалось рамками традиционных форм — в Блестящем Поясе поощрялось все что угодно. Я знаю одного художника, чьи шедевры существуют лишь доли секунды, — ибо он творит их из кварк-глюонной массы, — а их восприятие порождено утонченной игрой на органах чувств. Другой мастер особым образом формировал атомные заряды и создавал «ядерные грибы», в очертаниях которых угадывалось портретное сходство с разными знаменитостями. Здесь процветали безумные социальные эксперименты. Например, тирания, установленная на добровольных началах, при которой тысячи людей с готовностью подвергали себя контролю диктаторской власти — ради того, чтобы избавиться от необходимости принимать решения и нести за них ответственность. Существовали анклавы, обитатели которых поголовно отключали у себя высшие мозговые функции — для того, чтобы жить подобно стаду под присмотром машин. На других станциях люди имплантировали свое сознание обезьянам или дельфинам и в буквальном смысле с головой уходили в перепитии борьбы за власть в джунглях или меланхолические сонарные грезы. И повсюду группы ученых, чьи мозги были прооперированы Трюкачами, углублялись в метаструктуру пространства и времени и замыслили невероятные опыты, которые

ставили под угрозу основы существования мира. Поговаривали, что однажды они откроют технологию сверхсветовых скоростей и передадут ее секрет своим союзникам, а те смонтируют на своих станциях необходимое оборудование. Разумеется, об этом станет известно не раньше, чем половина Блестящего Пояса бесследно исчезнет без всякого предупреждения.

Короче говоря, в таком местечке, как Блестящий Пояс, даже в меру любознательный человек запросто мог прожить половину жизни и сам того не заметить. Но вряд ли Рейвич застрянет там надолго прежде, чем спустится на Йеллоустоун. Его цель — как можно скорее оказаться в Городе Бездны и затеряться там.

Так или иначе, но я от него не отстану.

Продолжая бороться с тошнотой, я вполз в кают-компанию и обнаружил, что там уже собралось немало народу. Положение тела в пространстве правилами не регламентировалось (разумеется, пока двигатели тихохода выключены), но все пассажиры предпочли «закрепиться» одинаково. Найдя в стене свободную ремennую петлю, я сунул в нее локоть и принялся ненавязчиво изучать моих сотоварищей по путешествию. Сбившись в стайки по двое и по трое, они вполголоса разговаривали, а между ними медленно плавал слуга-сфероид с крошечными пропеллерами. Он перемещался от группы к группе, предлагая свои услуги. Время от времени на его экваторе начинали ритмично выдвигаться ящички, распределяя заказанные товары между пассажирами — ни дать ни взять беспилотный самолет в поисках цели, только беззвучный.

— Не нужно так дергаться, друг, — невнятно прохрипел кто-то на русише. — Это всего лишь робот.

Решительно, чутье начинает мне изменять: я даже не заметил, как этот тип ко мне подкрался. Лениво обернувшись, я посмотрел на него. Передо мной высилась гора мяса, загородившая пол-отсека. Розовая физиономия треугольной формы и шея, на вид потолще моей ляжки. От бровей до корней волос — сантиметра два, не больше, длинные черные волосы зачесаны назад и облепляют череп, напоминающий грубо обтесанный бульжник. Широкий рот, застывший в брезгливой гримасе, обрамляют густые черные усы, а по широченной челюсти пробегает узенькая черная бородка. Он висел передо мной, скрестив руки на груди, словно собирался сплясать «казачка». Невообразимо перекачанные мышцы, казалось, вот-вот разорвут сюртук — долгополый стеганный сюртук, на который кое-как

нашиты лоскуты жесткой блестящей материи, рассыпающие миллионы радужных бликов. Его глаза смотрели сквозь меня, не фокусируясь, словно сквозь стеклянную стену. В общем, неприятности гарантированы.

— Никто и не дергается, — отозвался я.

— Эй, ты любишь поговорить, друг, — тип закрепился рядом со мной. — Я тоже хочу поговорить, да?

— Ладно. Только разговаривай где-нибудь в другом месте.

— Почему ты такой невежливый? Не любишь Вадима, друг?

— Думай как хочешь, — я перешел на норт, хотя мог сносно общаться на русише. — А впрочем... нет. И пока мы не познакомились поближе, я тебе не друг. А теперь оставь меня в покое и не мешай. Мне надо подумать.

— Я тоже кое о чем думаю.

Возле нас по-прежнему вился слуга. Тупая машина, понятно, не замечала, что между нами летят искры. Она воспринимала нас как приятелей-путешественников и предлагала соответствующие товары. Прежде чем амбал в сюртуке успел произнести хоть слово или просто шевельнуться, я попросил у слуги инъекцию скополамина с декстрозой — старое доброе средство от тошноты, вдобавок самое дешевое из того, что было представлено в ассортименте. Как и у всех пассажиров, у меня была бортовая кредитная карточка, но я слегка сомневался, что моих средств хватит даже на этот «коктейль». Однако слуга повиновался, крышка распахнулась, и моему взору предстал одноразовый шприц.

Подхватив шприц, я закатал рукав и вонзил иглу в вену так, будто ожидал биологической атаки.

— Эй, а ты, похоже, *профи*. Не привык тянуть, — тип перешел на ломаный норт и еле выговаривал слова, но в его голосе звучало искреннее восхищение. — Ты часом не доктор?

Я прикрыл рукавом шарик, вспухающий на месте укола.

— Не совсем. Хотя больные тоже по моей части.

— Да?

— Буду рад доказать тебе на деле.

— Но я не болен.

— Поверь, это не проблема.

Любопытно, дошло ли до него, что он выбрал не самого лучшего собеседника, чтобы скоротать время. Я вернул использованный шприц слуге. «Коктейль» уже начинал действовать, тошнота понемногу прекращалась, осталось лишь легкое недомогание. Уверен, у них в арсенале имелись более эффективные средства от укачивания. Но они были мне явно не по карману.

— Крутой парень, — амбал покачал головой — а мне-то казалось, что его шея не приспособлена для подобных движений! — Мне это нравится. Но насколько ты крут на самом деле?

— Не думаю, что тебе это понравится. Но можешь проверить.

Слуга повисел возле нас еще пару минут, после чего решил отчалить к другой группе. В кают-компании появилось еще несколько пассажиров, они поглядывали по сторонам с тоской в глазах.

Я догадывался, что они чувствуют. Какая ирония: преодолеть десятки парсек, разделяющих звездные системы, — и только на борту этого тихоходного корыта впервые ощутить себя участником космического путешествия!

Амбал по-прежнему пялился на меня. Я почти слышал, как в черепе у него усердно вращаются маленькие шестеренки. Не сомневаюсь: других ему было куда легче запугать, чем меня.

— Повторяю, я — Вадим. Все зовут меня просто по имени. Я тот еще тип — как говорится, местная достопримечательность. А ты кто?

— Таннер, — сказал я. — Таннер Мирабель.

Он кивнул — медленно и с пониманием, словно мое имя ему что-то говорило.

— Что, серьезно?

— Да.

Меня действительно так зовут, но терять мне нечего. Вряд ли Рейвич знаком с этим типом, хотя наверняка подозревает, что *кто-то* висит у него на хвосте. Кагуэлла держал свои операции в строжайшем секрете и всегда скрывал имена своих людей. В лучшем случае Рейвич мог раздобыть у Нищенствующих список пассажиров «Орвието» — но что дальше? Кто из них охотник, а кто мирная птичка?

— Откуда ты, Мирабель? — спросил Вадим, стараясь изобразить дружеское участие.

— Тебе это ни к чему. Пойми, я действительно не хочу с тобой разговаривать, Вадим. Будь ты хоть сто раз достопримечательным.

— Но у меня к тебе деловое предложение, Мирабель. Думаю, ты должен его выслушать.

Он все пялился на меня одним глазом, словно сканером просвечивал. Другой глаз тупо и рассредоточено смотрел куда-то через мое плечо.

— Меня не интересует бизнес, Вадим.

— А жаль, — он понизил голос. — Мы направляемся в опасное место, Мирабель. И особенно оно опасно для новеньких.

— Что опасного на Блестящем Поясе?

Он ухмыльнулся, но тут же помрачнел.

— Блестящий Пояс... да. Это очень интересно. Уверен, что ты найдешь его немножко... неожиданным, — он замолчал и погладил свободной рукой щетинистый подбородок. — А ведь мы даже не упомянули Город Бездны, да?

— Опасность — понятие относительное, Вадим. Не знаю, как здесь, но у меня на родине оно означает чуть больше, чем извечный риск взять не ту вилку на званом обеде. Поверь, я как-нибудь разберусь с Блестящим Поясом. Да и с Городом Бездны тоже.

— Думаешь, тебе известно об опасности все? Да ты и понятия не имеешь, во что ввязался, Мирабель. По-моему, ты полный невежда, — он снова умолк, теребя жесткий лоскут на лацкане своего сюртука, и на кончиках его пальцев заиграли радужные сполохи. — Потому я и говорю сейчас с тобой, понял? Я для тебя словно *добрый самаритянин*.

Кажется, до меня дошло, куда он клонит.

— Хочешь взять меня под крылышко, верно?

— Какой грубый термин, — Вадим содрогнулся. — Пожалуйста, не говори больше так, ладно? Я бы предпочел поговорить о пользе *взаимного соглашения безопасности*, Мирабель.

Я кивнул.

— Давай поговорим, Вадим. Ведь на самом деле ты местный, и вовсе не сошел с корабля? И, если я что-то понимаю, ты — неотъемлемая часть этого корыта. Верно?

Он ухмыльнулся, быстро и нервно.

— Скажем, мне это корыто знакомо чуть лучше, чем среднему молокососу-размороженному из свежей бочки слякоти. И у меня есть дельные ребята в окрестностях Йеллоустоуна. Дельные и крепкие. Которые могут позаботиться о новичке, не допустить, чтобы он — или она — попали в беду.

— А что они делают, если новичок откажется от вашей помощи? Создают ему неприятности?

— Ты уж слишком циничен.

— Знаешь что, Вадим? — я широко улыбнулся. — По-моему, ты просто гнусный мелкий пройдоха. Никаких ребят на самом деле нет, правда? А сфера твоего влияния ограничена корпусом этой посуды — и даже тут ты *не имеешь особого веса*.

Он расцепил свои огромные лапы и вновь сложил их на груди.

— Полегче на поворотах, Мирабель, предупреждаю тебя.

— Нет, это я предупреждаю тебя, Вадим. Я мог тебя сто раз

прикончить, но ты просто зануда, и никто больше. Оставь меня в покое и попробуй свои трюки на ком-то другом, — я указал подбородком в сторону отсека. — Здесь навалом кандидатов. А еще лучше — ползи в свою вонючую каюту и чуточку поработай над своей речью. По-моему, тебе стоит придумать нечто поубедительнее, чем туманные ужасы, обитающие в Блестящем Поясе. А может, займешься рекламой модной одежды?

— Ты и впрямь не знаешь, Мирабель, сознайся!

— Не знаю о чем?

Он посмотрел на меня с жалостью, и на какой-то миг мне показалось, что я непоправимо ошибся в оценке ситуации. Но тут Вадим тряхнул головой, отчалил от стены отсека и пересек кают-компанию, точно фамильное привидение, хлопая полами сюртука. Наша посуда начала набирать скорость, что помогло Вадиму описать плавную дугу и весьма элегантно подлететь к новоприбывшему путешественнику-одиночке — низенькому лысоватому типу, бледному и на вид очень рассеянному.

Я увидел, как Вадим пожимает ему руку. Дубль два.

Ну что же, удачи. Вопрос, кому.

На борту в равных пропорциях смешались мужчины и женщины, представители всех генетических типов. Не сомневаюсь, здесь нашлась бы и парочка аристократов с Окраины Неба, но меня они не интересовали. Я вполуха прислушивался к их разговору, но скоро бросил это занятие: акустика превращала слова в кашу, из которой временами всплывали отдельные слова, когда кто-то из собеседников повышал голос. Однако я разобрал, что они говорят на норте. На Окраине Неба этим языком по-настоящему владеют считанные единицы, хотя почти каждый способен худо-бедно на нем объясняться: это единственный язык, который в ходу у всех фракций и потому используется при дипломатических переговорах и торговле с третьими сторонами. Южане говорят на кастеллано, наречии, которое прибыло сюда на борту «Сантьяго» — разумеется, с изрядной примесью других языков: состав Флотилии был разнообразен. На севере была в ходу устоявшаяся смесь из иврита, фарси, урду, пунджаби и старого предшественника норта, называемого английским, но с солидной примесью португальского и арабского. Обычно аристократы владеют нортом лучше среднего гражданина — это считается признаком утонченности. Мне пришлось освоить норт по несколько другой причине — по той же, по какой и на большинстве северных наречий... ну и, кроме того, я довольно неплохо говорю на русише и каназиане.

Я почти уверен: русиш и норт повсеместно используются на Блестящем Поясе и в Городе Бездны, даже при общении с помощью

машин. Но основным языком демаркистов, основавших Йеллоустоун, все-таки остается каназиан — скользкая смесь квебекского французского и диалекта жителей швейцарских кантонов. Говорят, каназиан толком не освоишь, если у тебя голова не набита лингвистическими процессорами — структура этого языка слишком непривычна и слишком противоречит жестким закономерностям грамматики, которые глубоко сидят в мозгах у каждого из нас.

Пожалуй, это и мне прибавило бы головной боли. Но, к счастью, демаркисты — закоренелые торгаши. Более двух веков Йеллоустоун был центром процветающей межзвездной торговой сети. За ее счет кормились многие молодые колонии — а потом она, точно вампир, высасывала свои вливания обратно, когда техническое развитие колоний достигало должного уровня. Для таких кровососов умение находить общий язык — и в буквальном смысле тоже — жизненная необходимость.

Само собой, путешествие не обещает быть безопасным. В этом смысле я полностью согласен с Вадимом... правда, это будут опасности несколько иного рода. Эти опасности нельзя увидеть и уничтожить. Их источник — я сам. Я не разбираюсь в тонкостях культуры этого мира, который обогнал мою планету в развитии как минимум лет на двести. Да, это не опасно для моего здоровья, для моей жизни. Под угрозой оказывается моя миссия.

Этого уже достаточно, чтобы быть осторожным. Но все равно, это не повод, чтобы покупать фальшивую «гарантию защиты» у головорезов типа Вадима — есть у него какие-то связи или нет.

Кстати, о Вадиме... Что-то привлекло мое внимание, а через секунду я понял, что именно этот тип оказался в эпицентре разборки.

Он сцепился с каким-то парнем, который, похоже, только что вошел в отсек. Противники тузили друг друга, продолжая при этом держаться за петли. Неужели Вадим встретил достойного соперника? Нет. Вскоре я уловил в движениях моего недавнего собеседника какую-то томную скуку. Вадим просто позволял противнику строить иллюзии относительно соотношения сил. Прочие пассажиры изо всех сил делали вид, что не замечают потасовки, и явно благодарили судьбу за то, что этот бандит наконец нашел себе жертву.

И тут у Вадима переменялось настроение.

В один миг притиснув новичка к стене, он принялся вдавливать свою мясистую пятерню в перекошенную от страха физиономию противника. Тот хотел что-то сказать, но Вадим надавил сильнее, загоня слова обратно в глотку, и все, что парень ел на обед, исторглось наружу. Брезгливо отодвинувшись, Вадим перехватил скобу чистой рукой и впечатал кулак в

живот пассажиру, чуть пониже грудной клетки. Парень хрипло кашлянул, его глаза налились кровью. Он попытался вдохнуть прежде, чем Вадим нанесет очередной удар.

Но Вадим решил, что с него хватит. Он помедлил лишь затем, чтобы вытереть руку о матерчатую обивку стены, потом отцепился и уже собирался оттолкнуться ногами, чтобы вылететь в один из дверных проемов.

Расчет траектории занял не больше секунды. Я сделал толчок первым. Восхитительный миг свободного падения — и я ткнулся в стену в метре от Вадима и его жертвы. Вадим потрясенно уставился на меня.

— Мирабель... Кажется, мы завершили переговоры?

— Я их только что возобновил, Вадим, — ответил я с лучезарной улыбкой.

Я закрепился получше и нанес удар с той же небрежной легкостью, с которой тот только что отделывал пассажира, и примерно в то же место. Вадим с тихим стоном сложился пополам, точно бумажная фигурка.

К этому времени остальные пассажиры успели забыть, чтоб должны изображать непричастность.

— Не знаю, кто из вас общался с этим человеком, — обратился я к окружающим, — но я сомневаюсь, что он на самом деле профессионал. По моему мнению, это только слова. Если вы заплатили ему за охрану, то почти наверняка выбросили свои деньги.

— Ты покойник, Мирабель, — сумел выдавить из себя Вадим.

— Значит, мне нечего бояться.

Я поглядел на его жертву. Пассажир успел чуть порозоветь и вытирал рукавом губы.

— Вы в порядке? Я не видел, как началась драка.

Ответ прозвучал на норте, но с грубым акцентом, который я не смог с ходу определить. Парень был невысок ростом и коренаст, как бульдог. Этим сходство с бульдогом не ограничивалось: к его физиономии точно приросла задиристая гримаса. Картину дополнял плоский нос и коротенький редкий «ежик», напоминающий щетину.

— Да... — он разгладил на себе одежду, — со мной все в порядке, спасибо. Этот олух начал угрожать мне, затем полез драться. Я рассчитывал, что кто-нибудь мне поможет, но вдруг почувствовал себя... куском мебели.

— Да уж, — я презрительно покосился на почтенную публику. — Однако вы дали ему отпор.

— Черта с два это мне помогло.

— Боюсь, Вадим не из тех, кто способен отдать должное благородному жесту. Вы уверены, что не ранены?

— Разве что немного тошнит, вот и все.

— Погодите.

Я щелкнул пальцами, подзывая слугу, который все это время висел в нескольких метрах от нас — теперь я знал, как выглядит кибернетический буриданов осел. Когда он приблизился, я попытался приобрести для спасенного порцию противорвотного «коктейля», но на этот раз мои финансы действительно были на нуле.

— Спасибо, — пассажир скупно улыбнулся, поджимая губы. — Но, думаю, у меня на счету достаточно средств.

Он обратился к роботу на каназиане — слишком быстро и тихо, чтобы я уловил смысл, — и тот выдал ему новый шприц с каким-то снадобьем.

Пока пассажир возился со шприцем, пытаюсь попасть в вену, я повернулся к Вадиму.

— У меня хорошее настроение, Вадим. Можешь катиться на все четыре стороны. Но мне не хотелось бы снова увидеть тебя в этой каюте.

Он посмотрел на меня, кривя губы. На усах, точно хлопья, висели капли блевотины.

— Наши переговоры не закончены, Мирабель.

Отцепившись от стены, он повис в воздухе и обвел взглядом комнату. Очевидно, он рассчитывал удалиться достойно. Однако я успел позаботиться, чтобы эта попытка потерпела крах.

— Погоди, — Вадим как раз напрягся, намереваясь оттолкнуться от стены. — Ты что, решил, что я позволю тебе убратся, не вернув все, что ты успел украсть?

Он замешкался, оглядываясь на меня.

— Я у тебя ничего не крал. И у вас, мистер Квирренбах...

— Это правда? — осведомился я у пострадавшего.

Квирренбах замялся и покосился на Вадима.

— Да... да. Он у меня ничего не украл. Я даже не успел с ним толком заговорить.

— А как насчет остальных? — я повысил голос, обращаясь к пассажирам. — Этот ублюдок успел у вас что-нибудь выманить?

Тишина. Примерно этого я и ожидал. Никто не решится признать первым, что его одурачила такая мелкая крыса — теперь, когда они увидели, что он за ничтожество.

— Видишь, здесь таких нет, Мирабель.

— Может быть, — я кивнул, выбросил вперед руку и схватил его за

грудки. Лоскуты жесткой материи были холодными и сухими и на ощупь поминали змеиную кожу. — А как насчет остальных пассажиров? У тебя были все шансы обтрясти человек десять с тех пор, как мы стартовали.

— Ну и что с того? — произнес он почти шепотом. — Это не твоя забота, верно?

Его тон менялся с каждой секундой. Казалось, он корчится и оплывает, точно восковая фигура над огнем. Я мог смять его руками и придать любую форму.

— Что тебе нужно за то, чтобы не соваться в это и оставить меня в покое?

— Хочешь дать мне на лапу? — рассмеялся я.

— Стоит хотя бы попробовать.

Во мне что-то щелкнуло. Я подтянул Вадима к себе и так шарахнул его о стену, что вышиб воздух у него из легких, потом еще и еще. Красная пелена гнева окутала меня теплым гостеприимным туманом. Я чувствовал, как под моими кулаками трещат его ребра. Вадим пытался отбиваться, но я был быстрее и сильнее — и не сомневался, что прав.

— Перестаньте! — послышался голос, донесшийся откуда-то с полпути до бесконечности. — Перестаньте, с него хватит!

Квирренбах оттаскивал меня от Вадима. Еще пара пассажиров подлетели поближе, изучая дело моих рук со смесью ужаса и изумления. Физиономия Вадима превратилась в омерзительный синяк, из уголков рта стекали блестящие алые струйки. Должно быть, я выглядел не лучше, когда меня отделали Нищенствующие.

— Хотите, чтобы я пожалел его? — спросил я.

— Вы уже по ту сторону жалости, — сказал Квирренбах. — Но не думаю, что его стоит убивать. Что, если он сказал правду и у него действительно есть друзья?

— Он ничтожество, — отозвался я. — И авторитета у него не больше, чем у нас с вами. Положим, у него есть дружки... но мы, кажется, направляемся в Блестящий Пояс, а не в какую-нибудь дыру у черта на рогах.

Квирренбах посмотрел на меня странным взглядом.

— Вы это серьезно? Вы действительно думаете, что мы летим на Блестящий Пояс?

— А разве нет?

— Блестящего Пояса не существует. Уже несколько лет. Мы направляемся совершенно в другое место.

Багрово-сизая маска — рожа Вадима — дернулась и породила

неопределенный звук: не то бульканье, словно он прополаскивал рот кровью, не то мстительный смешок.

Глава 12

— И как это понимать?

— Что именно, Таннер?

— Насчет того, что Блестящего Пояса не существует. Или так и будем говорить загадками?

Мы с Квирренбахом пробирались сквозь спутанные внутренности «Стрельникова» к логову Вадима. Это было нелегким делом, поскольку я прихватил с собой свой кейс. Мы были одни: Вадима я запер в своей каюте, едва он сообщил, где находится его собственная.

По логике, обыскав его жилище, мы могли бы найти то, что он выманил у других пассажиров. Для начала я завладел его сюртуком и не собирался спешить с возвратом.

— Ну, скажем, там кое-что изменилось, Таннер.

Квирренбах неуклюже следовал за мной. Сейчас он напоминал уже не бульдога, а таксу, которая лезет в барсучью нору.

— Но я об этом ничего не слышал.

— Правильно. Все это произошло недавно, когда вы уже летели сюда. Что поделать, неизбежный риск, связанный со спецификой межпланетных путешествий.

— Одна из его форм, — уточнил я, вспомнив, что физиономия у меня сейчас выглядит немногим лучше, чем у Вадима. — Так что там стряслось?

— Боюсь, там очень многое переменялось...

Он умолк, тяжело и хрипло дыша, потом заговорил снова.

— Знаете, мне жаль разом разрушать все ваши ожидания. Но вам придется смириться с очевидным: Йеллоустоун уже не тот, что был когда-то. И это еще мягко сказано, Таннер.

Я припомнил, как Амелия называла место, где я смогу найти Рейвича.

— А Город Бездны все еще существует?

— О да... да. Конечно, многое переменялось... но не *настолько*. Город на месте, по-прежнему населен... и по меркам этого мира, там все по-прежнему благополучно.

— Подозреваю, вам есть что добавить.

Я взглянул вперед. Лаз расширялся, превращаясь в цилиндрический коридор с рядом овальных дверей вдоль одной стенки. Здесь все еще было темно, и у меня на душе по-прежнему скреблись кошки.

— К сожалению... да, — ответил Квирренбах. — Город очень

изменился. Он почти неузнаваем и, наверное, то же происходит с Блестящим Поясом. Раньше Йеллоустоун окружали тысячи анклавов, подобно... простите, может быть, это нескромно, но мне проще говорить метафорами... подобно ожерелью из редкостных драгоценностей самой изысканной огранки — и у каждого камня свой блеск, своя игра.

Квирренбах перевел дух после столь длинной тирады.

— Теперь необходимая для жизни атмосфера поддерживается от силы в сотне станций. Остальные — заброшенные, заполненные вакуумом оболочки, молчаливые и мертвые, как сплавная древесина, а среди них плавают масса опасных обломков, которые затянуло на орбиту. Теперь все это называют Ржавым Ободом.

Я позволил своим мозгам переварить столь необычную информацию.

— А что случилось? Война? Или кому-то не понравилась... композиция?

— Нет, никакой войны не было. Может, оно было бы к лучшему. Всегда есть способ как-то прекратить войну. Прежде войны были не чета нынешним...

— Квирренбах...

Парень явно начинал испытывать мое терпение.

— Это была эпидемия, — торопливо отозвался он. — Причем весьма опасная. Но прежде чем задавать вопросы, вспомните, что я знаком с ситуацией не более вашего. Ведь я тоже здесь недавно.

— Вы знакомы с ситуацией куда лучше меня.

Миновав две двери, я подошел к третьей и сравнил номер с биркой на ключе, который дал мне Вадим.

— Что же это была за эпидемия, если она натворила таких дел?

— Это была *не просто* эпидемия. То есть, не в обычном смысле. Ее проявления были слишком... разнообразны. В них была изобретательность. Артистизм. Временами даже изощренность. Гм... мы уже пришли?

— Похоже, да. Это его каюта.

— Осторожнее, Таннер. Здесь могут быть какие-нибудь ловушки.

— Сомневаюсь. Вадим не похож на людей, которые привыкли думать вперед. Для этого в мозгах должны быть извилины.

Я всунул ключ Вадима в скважину и был просто счастлив, когда дверь открылась. Как только я переступил порог, включился свет, и нашим взорам предстала каюта в три-четыре раза больше моей. Освещение было тусклым из-за наслоений грязи, покрывавших лампы. Квирренбах сделал шаг следом за мной и замер в нерешительности. У него был вид человека, который вынужден спуститься в отстойник.

Впрочем, я его понимаю.

В комнате стояла невыносимая вонь немытого тела. Даже пластиковые поверхности засалились до желтизны. Едва мы вошли, на стенах ожили порнографические голограммы: двенадцать голых женщин изгибались немыслимым образом, принимая позы, невозможные с точки зрения анатомии. Одновременно хор из двенадцати томных контральто, почти неразличимых по тембру, принялся наперебой восхвалять сексуальные доблести Вадима. Слышал бы эти дифирамбы сам Вадим, который в данный момент сидел в моей каюте связанный и с кляпом во рту. Женщины продолжали болтать, но через некоторое время их жесты и намеки наскучили своим однообразием и уже не вызывали интереса.

— Судя по всему, эта комната нам и нужна, — заметил Квирренбах.

— Бездна вкуса.

— Не знаю — некоторые из пятен весьма любопытно расположены. Только зря владелец стилизовал интерьер под отхожее место — это уже не модно! — он оттянул в сторону маленькую задвижку рядом с собой, касаясь ее кончиками пальцев — и распахнул иллюминатор, изнутри покрытый слоем грязи, а снаружи исцарапанный микрометеоритами. — Однако, у него тут еще и вид из окна. Хотя вряд ли стоящий.

Некоторое время я молча смотрел в иллюминатор. Оттуда была видна часть корпуса корабля, по которой то и дело пробегали яркие фиолетовые вспышки. Даже на ходу бригада сварщиков продолжала ремонтные работы на корпусе «Стрельникова».

— Не стоит задерживаться здесь сверх необходимого. За дело. Каждый начинает от своей стенки, двигаемся друг другу навстречу — возможно, найдется что-нибудь занятное.

— Хорошая мысль, — отозвался Квирренбах.

Я последовал собственному совету. Вдоль всех стен и в нишах выстроились многочисленные шкафчики — очевидно, эта комната когда-то служила кладовой. Для тщательных поисков времени не было, однако в мой кейс и глубокие карманы Вадимова сюртука перекочевала масса вещей, которые показались мне мало-мальски ценными — как-то: горсть-другая драгоценных камешков и украшений, несколько информационных монокуляров, миниатюрных голо-фотокамер и брошей-переводчиков. Все это Вадим вполне мог вытянуть из пассажиров «Стрельникова», тех, что побогаче. Одним из моих трофеев стал любопытный экземпляр часов — путешественники предпочитают не брать их с собой, отправляясь в межзвездные рейсы. Помимо всего прочего, эти часы были калиброваны на время Йеллоустоуна и снабжены серией циферблатов в виде

концентрических орбит, по которым вместо стрелок толчками двигались крошечные изумрудные планеты.

Я застегнул браслет на запястье и с удовольствием ощутил их вес.

— Вы не можете просто так похищать его вещи, — вяло пробормотал Квирренбах.

— Вадиму никто не запрещает подать жалобу.

— Дело не в этом. То, чем вы занимаетесь, ничуть не лучше, чем...

— Вы всерьез вообразили, что он купил хоть одну из этих побрякушек? Все они украдены, и явно не только у наших попутчиков.

— Но кое-что могло быть украдено недавно. Нам следует приложить все усилия, чтобы вернуть эти вещи законным владельцам. Вы со мной согласны?

— В отдаленном будущем — теоретически да, — туманно отозвался я, не прекращая раскопки. — Но мы никогда не узнаем, кто был их владельцами. В кают-компании претендентов не нашлось. А если разобраться, вам-то какое дело?

— Это называется остаточными следами совести, Таннер.

— После того, как этот мордovorot вас чуть не угробил?

— Принципы остаются принципами.

— Ладно. Если боитесь, что не сможете спать спокойно, я сам разберусь с его барахлом. И в конце концов: я что, просил вас составить мне компанию?

— Пожалуй, нет... — на его физиономии отразилась мучительная борьба чувств. Глаза лихорадочно изучали содержимое какого-то ящичка, после чего он выудил оттуда носок и печально на него уставился.

— Черт побери, Таннер... Надеюсь, вы не ошиблись относительно его... реального веса.

— Думаю, об этом можно не беспокоиться.

— Вы точно уверены?

— Я достаточно знаком с преступным миром, поверьте.

— Ну что ж... Думаю, вы правы. В любом случае, это стоило обсудить.

И Квирренбах принялся без разбора распахивать по брючным карманам ту часть добычи Вадима, которая ему больше приглянулась — купюры, в основном, валюту стоноров, — нерешительно, а потом с возрастающим энтузиазмом. Я едва успел наложить руку на две запечатанных пачки.

— Благодарю, они мне весьма пригодятся.

— Я собирался поделиться с вами.

— Нисколько не сомневаюсь, — я провел пальцем по ребру пачки. — Эти бумажки что-нибудь стоят?

— Да, — неуверенно ответил он. — Во всяком случае, на Кэнопи. Понятия не имею, какая валюта ходит на Малче, но думаю, что эти деньги нам и вправду не помешают.

Я отправил в свой кейс еще несколько банкнот.

— Бери, пока дают — такова моя философия.

Продолжая копаться в грудах хлама и всевозможных безделушек, я обнаружил вещь, которая оказалась плеером для эксперименталий. Те модели, что мне доводилось видеть на Окраине Неба, не шли ни в какое сравнение с этим чудом техники. Благодаря ухищрениям разработчиков, его изящный, обтекаемый корпус в сложенном виде был не толще карманной Библии.

Я обнаружил, что один карман еще свободен, и сунул туда плеер заодно с прочими мелочами, которые могли иметь определенную ценность.

— Та эпидемия, о которой вы говорили... — начал я.

— Да?

— Не понимаю, почему она нанесла такой ущерб.

— Потому что она не была биологической — то есть, в общепринятом смысле, — Квирренбах перестал копаться в груде вещей и некоторое время задумчиво молчал. — Она поражала только машины, причем с определенного уровня сложности. Одни вовсе прекратили работать, у других... изменился принцип действия.

Я пожал плечами.

— Пока звучит не слишком пугающе.

— Разумеется. Вы, наверно, имеете в виду роботов или системы жизнеобеспечения вроде корабельной. Но дело было на Йеллоустоуне. Большинство устройств были микроскопическими и находились в организмах людей, тесно связанные с их разумом и плотью. То, что стряслось с Блестящим Поясом, — лишь один из симптомов. Что-то ужасное происходит в масштабах всего человечества. Ну скажем... представьте себе четырнадцатый век, по всей Европе гуляет черная оспа. Это вполне может показаться концом света.

— А можно подробнее?

— Опросите систему в своей каюте. Или хотя бы в этой.

— А почему бы вам самому не рассказать?

Он покачал головой.

— Нет, Таннер. Говорю вам: я знаю немногим больше вашего. Не забывайте, что мы прибыли сюда одновременно. На разных кораблях, да —

но оба мы летели сквозь звезды, когда это случилось. Времени на адаптацию у меня примерно столько же.

— А откуда вы прилетели? — тихо и спокойно осведомился я.

— С Гранд-Тетона.

Американо. Таких колоний несколько: Йеллоустоун, Йосмайт, Глэсиер и еще две-три, их названий я не помню. Все они были основаны четыре века назад по одной и той же схеме: первыми на планету высаживаются роботы, которые создают себе подобных и все необходимое для будущих колонистов. Ни одна из этих попыток не увенчалась успехом: через одно или два поколения колония пустела. Редко какой из ныне существующих кланов может похвалиться, что ведет свою родословную от первых поселенцев-американо. Большинство обитателей этих миров — потомки более поздних волн колонизации, поселенцев, прибывших на субсветовиках. Большинство этих колоний — демаркистские государства наподобие Йеллоустоуна.

Окраина Неба — совсем другое дело. Это единственный мир, заселенный экипажем первого поколения.

Иногда люди учатся на своих ошибках.

— Я слышал, что на Гранд-Тетоне живет неплохо, — сказал я.

— Да. Наверно, вам интересно, ради чего меня сюда понесло.

— Вообще-то нет. Это не мое дело.

Он снова прервал раскопки. Похоже, отсутствие интереса к его биографии было ему в новинку. Я перебирал вещи и мысленно считал секунды. Счет перевалил за дюжину, когда Квирренбах прервал молчание.

— Я музыкант... то есть, композитор. Я работаю над симфоническим циклом, это труд всей моей жизни. Вот что привело меня сюда.

— Музыка?

— Да, музыка — хотя едва ли можно назвать этим затасканным словечком то, что рождается в моем сознании. Моя следующая симфония... это должен быть шедевр, вдохновленный ничем иным, как самим Городом Бездны.

Он улыбнулся.

— Она задумывалась как возвышенный гимн этому городу, воплощению блеска Belle Epoque — сочинение, бурлящее жизненной силой и энергией. Но теперь, я чувствую, это будет что-то мрачное и торжественное, в духе Шостаковича. Тяжелые чувства, вызванные осознанием суровой действительности, — колесо истории вновь повернулось, и наши бранные мечты перемолоты в пыль. Симфония эпидемии.

— И ради этого вы проделали весь этот путь? Чтобы нацарапать несколько нот?

— Вот именно, нацарапать несколько нот. Почему бы и нет? Ведь кто-то должен это сделать.

— Но дорога домой займет у вас десятилетия.

— Удивительно, но сей факт успел отпечататься в моем подсознании раньше, чем вы любезно сделали это замечание. Мое путешествие сюда — всего лишь начало, а потраченное на него время — просто миг в сравнении с несколькими веками, которые пролетят до его завершения. Оно будет длиться почти столетие — в два, в три раза больше, чем прожил любой из великих композиторов. Разумеется, я посетю десятки миров. Я буду постоянно прокладывать новые маршруты, устремляясь туда, где происходят самые значительные события. Почти наверняка войны, эпидемии и смуты будут продолжаться — но также будут происходить чудеса и совершаться удивительные открытия. И все это будет питать мое грандиозное произведение. А когда я пойму, что оно завершено, и не почувствую при этом ни отвращения, ни разочарования... наверно, тогда я уже достигну заката своих дней. У меня, знаете ли, не хватает времени следить за новинками в технологии долгожительства — все силы надо отдавать работе. Так что остается прибегнуть к каким-нибудь общедоступным средствам — надеюсь, я успею завершить свое *выдающееся творение*. Затем я займусь окончательной шлифовкой. Я сведу грубые наброски разных времен в единое целое и, может быть, добавлю несколько легких штрихов, несомненно, к тому времени я достигну большего мастерства. И тогда я сяду на корабль и вернусь на Гранд-Тетон — если он еще будет существовать, — где объявлю о мировой премьере. Это будет действительно *мировая* премьеры... Конечно, она состоится лет через пятьдесят, а может быть, и больше. Все зависит от того, насколько расширятся к тому времени границы освоенного космоса. Новость должна достичь самых отдаленных колоний, а людям нужно добраться до Гранд-Тетона — все это требует времени. Подготовить концертную площадку — у меня есть на примете одно подходящее место, собрать достойный состав оркестра... может быть, применив клонирование — как получится. Все это время я буду спать. И когда минуют эти пятьдесят лет, я воспряну ото сна, шагну в свет прожекторов и встану за пульт, чтобы дирижировать своим опусом. Не важно, сколько мне останется после этого. Я буду купаться в лучах славы, которой не испытывал и не испытает ни один из ныне живущих музыкантов. Имена великих композиторов будут упоминаться лишь в связи с моим именем. Они

померкнут рядом с ним, точно россыпь крошечных звездочек рядом со звездой первой величины. Мое имя прозвучит в веках мощным неумирающим аккордом...

Он умолк.

— Что ж, вам есть к чему стремиться, — заметил я после длительной паузы.

— Наверное, вы решили, что я чудовищно тщеславен.

— Ну что вы, Квирренбах. У меня даже в мыслях такого не было...

Моя рука, шарившая в этот момент в недрах одного из выдвижных ящичков, наткнулась на что-то необычное. Откровенно говоря, я рассчитывал найти хоть какое-нибудь оружие, желательнее моего заводного пистолета. Однако Вадим, похоже, обходился без подобных игрушек. И вот теперь...

— А вот это уже интересно!

— Что вы нашли?

Я извлек на свет тускло-черную металлическую шкатулку величиной с сигарный ящик и открыл ее. В маленьких отделениях обнаружилось шесть алых пузырьков. И устройство наподобие изукрашенного стального шприца, но с рукояткой как у пистолета. Ее украшал изящный раскрашенный рельеф в виде кобры.

— Понятия не имею. Есть какие-то предположения?

— Да нет, пожалуй... — Квирренбах с искренним любопытством разглядывал пузырьки. — Одно могу сказать: это что-то... противозаконное, по крайней мере так выглядит.

— Знаете, я того же мнения.

Когда я протянул руку, чтобы взять у него шкатулку, Квирренбах поинтересовался, почему меня так интересует ее содержимое.

Причина была проста. Я вспомнил шприц, который выпал из кармана неумемного братца во время той памятной разборки в пещере. Не берусь утверждать — там было темно, — но Вадимовы пузырьки уж больно походили на содержимое шприца брата Алексея. Заодно я вспомнил еще кое-что: Амелия говорила, что эта дрянь действительно входит в разряд нелегальных, по крайней мере, для обитателей Айдлвилда. Значит, не только в хосписе Нищенствующих, но и во всей системе.

— Думаю, оно откроет для меня некоторые двери.

— Оно может открыть гораздо большее, — сказал Квирренбах. — Для начала, врата ада. Я кое-что вспомнил. Я слышал краем уха разговор на корабельном причале. Относительно черного рынка, где торгуют самыми опасными наркотиками, — он кивком указал на строй алых пузырьков, —

один из которых известен под названием «Горючее Грез».

— Думаете, это оно?

— Не знаю. Но не удивлюсь, если наш приятель Вадим приторговывает чем-то подобным.

— И как действует это «горючее»?

— Я ведь не эксперт, Таннер. Все, что мне известно, — это что оно дает какие-то неприятные побочные эффекты и что власти этой системы не поощряют его употребление, а заодно и хранение.

— Но его, разумеется, употребляют.

— Конечно. Но я даже не представляю, каким образом. Кстати, это приспособление называют «свадебным пистолетом».

Похоже, он заметил, как у меня вытянулась физиономия.

— По местному обычаю молодожены обменивались нейронным материалом, культивированным из мозга супруга. Они пользовались этой штукой — ну, свадебным пистолетом, — чтобы имплантировать друг другу клетки.

— Пользовались, то есть не пользуются?

— Кажется, перестали после эпидемии, — он печально вздохнул. — Но, если разобраться, после эпидемии перестали делать очень многие вещи.

Когда Квирренбах исчез со своими трофеями — надеюсь, он отправился работать над своей великой симфонией, — я подошел к сетевому терминалу, который обнаружился в каюте Вадима. Впервые с момента старта я мог насладиться привычным весом своего тела: «Стрельников» сделал резкий рывок, корректируя курс следования к Блестящему... Ржавому Ободу. Из недр корабля доносился тихий протестующий скрип какой-то конструкции. Похоже, корпус имел все шансы развалиться прежде, чем это корыто достигнет пункта назначения. Впрочем, вскоре стоны и поскрипывания уже воспринимались вполне естественно, и я смог сосредоточиться на более важных вещах.

Пульт терминала выглядел так, словно был списан из детского музея истории техники. Кнопки, окружавшие плоский экран, нажимались пальцами столько раз, что символы почти не читались. Ниже располагалась клавиатура с буквами и цифрами. Не знаю, каких высот достигла техника в системе Йеллоустоуна, но это чудо не дотягивает даже до стандартов Окраины Неба.

Ладно, сойдет за неимением лучшего.

Я нашел кнопку включения, экран замерцал серией приветственных

сообщений и реклам, затем продемонстрировал разветвленное древо опций. Информация о сервисе на борту. Трансляционные сети в реальном времени — паутина потоков данных в радиусе примерно световой секунды от «Стрельникова», которая даже позволяет нормально общаться. Дальние трансляционные сети с типичными задержками времени от пары секунд до десятков часов, в зависимости от сложности запроса. Доступа к сетям с большей задержкой, разумеется, не было. Чтобы дождаться ответа из сети анклавов, расположенных, скажем, в Поясе Куйпера, отправителю придется совершить не один рейс на борту этой старой посуды.

Войдя в меню для дальних сетей, я несколько секунд наблюдал, как по экрану деловито следует ряд рекламных сообщений. Наконец появилось древо каталогов. Так, сведения о прибытии и отправлении звездолетов... а вот и «Орвието». Система Йеллоустоуна оставалась оживленным межзвездным перекрестком, и это не стоит упускать из виду. Эпидемия разразилась меньше десяти лет назад, когда большинство этих кораблей уже были на пути сюда. Потребуется еще десятилетия, чтобы весть об эпидемии распространилась по всему населенному космосу.

Я пробежал глазами перечень опций.

Дальние трансляционные сети охватывали всю планетную систему. С их помощью поддерживалась двухсторонняя связь между многочисленными станциями на орбите газового гиганта. По большей части это были платформы для добычи руды и удаленные аванпосты, принадлежащие самым разным группировкам. Гнезда Конджойнеров соседствовали с анклавами угонщиков и полуавтоматическими военными или экспериментальными предприятиями. И ни слова об эпидемии. Иногда попадались материалы, посвященные «политике сдерживания» и «антикризисному управлению», но все, что касается эпидемии и ее последствий, похоже, стало столь неотъемлемой частью жизни, что не нуждалось в упоминании.

Из местных сетей я выудил чуть побольше. Пару раз о катастрофе упоминали напрямую. Оказывается, ее обозначали специальным термином, который звучал не слишком грозно, — «Комбинированная Эпидемия». Но большинство сообщений были рассчитаны на читателя, хорошо осведомленного об основных фактах случившегося. Тут же проскальзывали названия «Герметикс», «Кэнопи» и «Малч», которые упоминались в связи с какой-то «Игрой», но что это такое — нигде не объяснялось.

О Кэнопи я уже слышал. Там, по мнению Амелии, у меня будут все шансы отыскать Рейвича. Это один из районов Города Бездны.

Неужели она сказала меньше, чем мне показалось вначале?

Я установил на пульте режим передачи и запросил информацию об эпидемии — хотя бы ряд общих фактов, которые полагается знать иммигрантам. Не может быть, чтобы никто до меня не интересовался этим, отправляясь в дебри Ржавого Обода. Правда, не исключено, что мне просто не соизволят ответить. Например, потому, что ответить некому. Или все автоматические справочные системы давно не работают.

Я отправил запрос, потом несколько секунд смотрел на экран. С экрана на меня пялилась неподвижная рожа — мое отражение.

И больше ничего.

Разочарованный в своих поисках, я механически копался в карманах Вадимова сюртука и наконец извлек воспроизводящее устройство. Сбирать его было одно удовольствие: тонкие черные пластины с легкими щелчками становились на место — прямо как детали хорошей винтовки, и столь же точно подогнаны. Вскоре у меня в руках был черный каркасный шлем, усаженный полевыми генераторами и входящими портами и украшенный светящимися зелеными и красными кобрами. Спереди опускалась пара стереоскопических наглазников с ободками из материала, автоматически прилежавшего к коже вокруг глаз. Сходным образом функционировала пара наушников и даже особые носовые затычки для обонятельного сигнала.

Я взвесил шлем на руке и надел его.

Мой череп тут же стиснуло, словно в пыточных тисках. Маленькие наглазники встали на место и прилипли к глазницам. Я по-прежнему созерцал интерьер комнаты Вадима, но чуть заметная зернистость указывала, что это изображение, которое создается воспроизводящей системой с высоким разрешением. Чтобы добиться лучшего качества, понадобились бы нейронные имплантаты и более совершенная воспроизводящая система с обратной связью, которая посылает сигналы в мозг и считывает его импульсы — такие штучки есть в арсенале военных.

Я открыл свой кейс.

Мне нужен был пакет с эксперименталиями в прозрачном пластике, которые я прихватил с Окраины Неба. Разорвав пластик, я осмотрел шесть палочек, напоминающих авторучки. Ничего указывающего на содержимое записей. Что это — предмет торговой сделки или послание самому себе, составленное до того, как я потерял память?

В лобной части шлема имелся порт, явно предназначенный для металлического кончика «палочки». Я взял первую попавшуюся и вставил ее туда, украсив свой лоб подобием маленького рога.

Передо мной возникло меню с опциями загрузки всевозможных режимов симуляции и прочими художествами. Я принял опцию «по умолчанию», а остальные настройки выбрал методом тыка — в буквальном смысле этого слова. Шлем генерировал электрополе низкого уровня, в котором движение моего тела порождали возмущения, которые считывались системой. Для выбора опции мне было достаточно указать на нее пальцем.

Комната плавно растворилась в серых тонах, послышалось тихое шипение. Затем шум почти исчез, а заодно и все остальные звуки. Серая мгла посветлела, из тумана выступили призрачные силуэты, потом появились цветные пятна.

Я стоял на поляне в джунглях и стрелял во вражеских солдат.

Почему-то я был голым по пояс и раскочан так, что нынешние солдаты умерли бы от зависти. На груди у меня красовалась какая-то татуировка. В одной руке я держал винтовку-лучевик старого образца, а в другой — традиционный автомат, только уж больно маленький. Однако любой, кто хоть раз имел дело с подобным оружием, понимает, что стрелять из того и другого, удерживая их на вытянутых руках, физически невозможно. Стволы полыхали жаром. Я поливал огнем нескончаемый поток орущих врагов, которые вполне охотно бежали ко мне из зарослей, тогда как любой из них, хорошо прицелившись, мог снять меня из укрытия единственным выстрелом. Я тоже вопил как ненормальный — наверное, так мне легче было удерживать оружие.

Как ни смешно, я не сомневаюсь, что подобный товар пользуется спросом. Например, на Украине Неба — при том, что там продолжалась настоящая война.

Я заменил эксперименталию.

На этот раз я оказался сидящим в одноместной каркасной колыхаге и мчался по глинистой равнине. При этом не менее дюжины подобных колыхаг пытались проскользнуть мимо меня с обеих сторон. Войдя в эту опцию с выбранным наугад комплектом интерактивности, я мог управлять тачкой, разгонять и тормозить ее турбодвигатель. Несколько минут я развлекался, держась впереди стаи, пока не совершил грубой ошибки в оценке угла песчаной отмели и не потерял контроль. В мою машину врезалась другая. Последовали мгновения безболезненного крушения, после которого я вновь обнаружил себя запускающим двигатель на линии старта. Трудно предсказать спрос на эту игру. Ее могут смести с прилавка под маркой «уникального продукта с Украины Неба», а могут счесть непоправимо устаревшей.

Я проверил четыре оставшиеся эксперименталии, но результаты были столь же неутешительными. Две содержали мелодрамы на основе вымышленных исторических эпизодов. Первая повествовала о жизни Небесного Хаусманна на борту «Сантьяго» (только этого мне не хватало!), а вторая оказалась любовной историей. Действие разворачивалось во время заключения Небесного и завершалась судом и казнью, однако на этот раз Небесный был лишь фоновым персонажем. На двух остальных обнаружили записи о каких-то приключениях, причем их непременной деталью была охота на змей. Сценарист имел весьма смутное представление о биологии гамадриад.

Что и говорить, от своего прошлого я ожидал более богатого наследства... Возможно, какого-то особого послания. По сравнению с тем днем, когда я в первый раз проснулся в Айдлвилде, я успел многое вспомнить, но ряд моментов так и оставался неясным. Какие-то события упорно ускользали от меня. Я мог бы жить с этими пробелами, если бы моя охота на Рейвича происходила на знакомой территории. Но мне предстояло действовать в городе, о котором я знал, мягко говоря, маловато.

Я перешел к коллекции эксперименталий, позаимствованной у Вадима. На них тоже не было никакой маркировки, кроме крошечного серебряного значка на верхнем конце. Ну что ж... раз мне не удалось узнать ничего нового о себе, попробуем познакомиться с индустрией развлечений Города Бездны. Я вставил в порт одну из палочек.

Это было ошибкой.

Я ожидал увидеть порнографию или сцену бессмысленного мордобоя. Это крайности, но и в них человеческая натура остается узнаваемой. То, что мне передалось, было настолько странным, что я засомневался: может быть, эти эксперименталии не совместимы со шлемом, и он работает не с теми зонами мозга? Вряд ли. И шлем, и эксперименталии были взяты из одного арсенала: я нашел их в комнате Вадима.

Я стал другим.

Темнота, сырость... ощущение ужасающей заброшенности, пространство давит со всех сторон, вызывая ужас и панику. Череп как будто ссыхается, сдавливая мозг. Тело казалось совсем чужим — вытянутое, лишённое конечностей, бледное, мягкое и бесконечно уязвимое. Происхождение подобных ощущений оставалось для меня загадкой, пока устройство не просигналило древнему закоулку мозга, и тот не выдал воспоминания о «фильтрации» и плавании вместо ходьбы. Впрочем, я не был одинок, да и темнота не была непроглядной, как казалось вначале. Мое тело занимало теплую душную лауну внутри пространства, пронизанного

лабиринтами черных туннелей и камер. Где-то рядом были другие бледные вытянутые существа. Я не видел их — похоже, они находились в соседних камерах — но ощущал их присутствие, впитывал густой химический поток их эмоций и мыслей. Как ни удивительно, я был одновременно каждым из этих созданий, а они были мной. Они повиновались моим командам так же, как мои собственные руки и ноги, они чувствовали то же, что и я.

Замкнутость пространства пугает и подавляет, но одновременно внушает уверенность. По ту сторону непреодолимо твердого барьера, за которым мы содержится — разреженная пустота, о которой страшно даже думать. Эта пустота опаснее замкнутого пространства, и я точно знаю: это не та пустота, в которой нет ничего. Где-то в ней затаились молчаливые, бесконечно терпеливые враги.

И они приближаются.

Страх охватил меня с такой силой, что я заорал — и сорвал шлем. С минуту я плавал в каюте Вадима, еле переводя дух и пытался осознать, что такое мне довелось пережить. В течение бесконечно долгих секунд я не мог понять, чего боюсь больше — пустоты или замкнутого пространства. Меня качало от одного страха к другому — это походило на гаснущие удары зловещего колокола.

Дрожащими руками — хотя я начинал понемногу приходить в себя — я извлек палочку и внимательно ее рассмотрел. На этот раз особое внимание я уделил маленькой эмблеме возле ее кончика.

Она подозрительно смахивала на личинку.

Через иллюминатор в каюте Вадима я наблюдал, как мы приближаемся к Ржавому Поясу.

Теперь я кое-что знал о том, что меня ожидало. Меня еще трясло после истории с последней эксперименталией, когда на пульте раздался звонок, возвестивший, что на мой запрос отреагировали. Странно: обычно ответ или приходит сразу, или не приходит вовсе. Значит, информационные сети системы и вправду пострадали.

Послание оказалось скорее стандартным документом, нежели ответом, составленным по индивидуальному запросу. Похоже, программа решила, что этот документ автоматически ответит на большинство моих вопросов — вполне резонно.

Я принялся за чтение.

Уважаемый иммигрант!

Мы рады приветствовать Вас в системе Эпсилон Эридана.

Несмотря на все произошедшее, мы надеемся, что Ваше пребывание здесь окажется приятным. Данный документ составлен с целью объяснить Вам значение некоторых ключевых моментов нашей истории. Мы надеемся, что эта информация облегчит Вам адаптацию в культурной среде, которая может абсолютно не соответствовать представлениям, которыми Вы руководствовались, поднимаясь на борт корабля в пункте отправления. Важно, чтобы вы поняли: мы опирались на опыт тех, кто прибыл сюда до Вас...

Текст оказался длинным. Я пробежал его по диагонали, после чего перечитал не торопясь, а в паре мест остановился особо: они содержали информацию, которая могла помочь мне в охоте на Рейвича. О масштабах последствий пресловутой эпидемии мне уже сообщили. Возможно, кому-нибудь из «свежеразмороженных» этот документ показался бы шокирующим откровением. Однако бесстрастная холодность, с которой излагались подробности, производила жутковатое впечатление. Воображаю, каково читать такие вещи тем, кто прибыл на Йеллоустоун в поисках роскоши, а не кровного врага.

Нищенствующие предпочитали подольше держать своих подопечных в счастливом неведении, но я уверен: задержись я хоть ненадолго в хосписе, и они бы начали понемногу вводить меня в курс дела. В одном я был полностью согласен с авторами этого послания: существовали факты, с которыми необходимо ознакомиться как можно быстрее, сколь бы неприглядными они не показались.

Интересно, как долго я буду кувыркаться, пока не адаптируюсь в этой обстановке. Не хотелось бы оказаться в числе бедолаг, которым это так и не удалось.

Хотя — кто знает? Возможно, именно они сохранили здравый рассудок.

В иллюминаторе ватными хлопьями проплывали анклавы Ржавого Обода. Те, что побольше, начали приобретать четкие очертания. Хотел бы я посмотреть, как они выглядели семь лет назад, накануне эпидемии.

Блестящий Пояс составляли примерно десять тысяч станций, каждая из которых напоминала роскошный светильник, унизанный драгоценностями. Архитекторы явно выделялись кто во что горазд, руководствуясь не столько практическими требованиями надежности конструкции, сколько соображениями эстетики и престижа. Станции плыли вокруг Йеллоустоуна по низкой орбите, почти вплоты друг за другом, точно толпа разряженных аристократов — величаво, но вежливо

выдерживая дистанцию при помощи направленных микровыбросов энергии. От станции к станции по тонким серебряным нитям перекачивались бисерины коммерческих транспортов, отчего издали Пояс казался оплетенным мишурой. Эта паутина зримо отражала политическую обстановку. Одни станции были опутаны целым клубком и постоянно рассылали союзникам квантум-шифрованные лазерные импульсы, другие застыли в угрюмом одиночестве. Последнее — отнюдь не редкость. А стоит ли удивляться? Война — явление вездесущее, и то, что для нее нашлось место даже в такой структуре, как демаркистское общество, на самом деле закономерно. На этих тысячах станций уживалось все, чем может увлекаться человек — любые искусства, любые идеологии, любые извращения. Демаркисты разрешали все, включая эксперименты с политическими моделями, в корне противоречащими их основной парадигме — абсолютной демократии, отрицающей принцип иерархии. Это даже поощрялось — при условии, что все останется в рамках экспериментов. Запрещалась лишь разработка оружия и его накопление, если это не служило целям искусства. Именно здесь, на Блестящем Поясе, клан Силвест — один из самых влиятельных в системе — реализовал основную часть проектов, которые увековечили имя этой семьи. Именно здесь Кэлвин Силвест осуществил первую со времен Транспросвещения попытку нейронного сканирования. Дэн Силвест собирал здесь всю информацию по Странникам — работа, логическим продолжением которой стала роковая экспедиция к Завесе Ласкаля.

Но теперь все это осталось далеко в прошлом. Колесо истории повернулось, и слава Блестящего Пояса померкла... можно сказать, покрылась ржавчиной.

Когда разразилась пресловутая Комбинированная Эпидемия, Блестящий Пояс продержался дольше, чем Город Бездны: большинство станций успели объявить карантин, и эта мера себя вполне оправдала. К тому же некоторые станции были полностью автономны и настолько засекречены, что их десятилетиями никто не посещал.

Но даже они, в конечном счете, не были неуязвимыми.

Эпидемия проникла на одну-единственную станцию — и этого хватило. Спустя несколько дней большинство ее обитателей были мертвы, а самовоспроизводящиеся системы выходили из строя одна за другой. Потерявшая управление станция покинула свое место на орбите и поплыла, словно кусок метеорита. Обычно шансы на столкновение невелики, но... Блестящий Пояс был укомплектован столь плотно, что находился на волосок от катастрофы.

Первое правило столкновений между двумя телами, которые двигаются по орбите, звучит так: вероятность столкновения исчезающе мала — до тех пор, пока оно не произойдет. Тогда осколки разлетаются во все стороны, и вероятность нового столкновения значительно выше. Обычно долго ждать не приходится. Количество осколков растет... и теперь очередное столкновение практически неизбежно.

В течение ближайших недель почти каждая станция Блестящего Пояса получила осколочные ранения — увы, зачастую смертельные. Даже если все живое на борту не погибало при разгерметизации, осколки обычно несли заразу, которая погубила первый анклав. Мертвые станции плыли по орбите, темные и покинутые, точно сброшенные панцири гигантских ракообразных. Когда прошел год, уцелели от силы две сотни анклавов, в основном самые старые — с прочной конструкцией и оболочками из камня и льда для защиты от вспышек радиации. Кроме того, эти станции были оснащены батареями антиколлизийных лазеров, благодаря чему смогли уничтожить основную часть крупных осколков.

Это было шесть лет назад. С тех пор, по словам Квирренбаха, обстановка на Ржавом Ободе стабилизировалась. Почти все осколки удалось выловить и спрессовать, а потом огромные смертоносные глыбы были отправлены в кипящие недра Эпсилона Эридана. По крайней мере, теперь Пояс уже не рассыпается на части. Опустевшие анклавы тоже не остались без внимания: время от времени роботы-буксиры водворяли их на место. Но лишь малую толику удалось снова заселить, восстановив герметичность. И, разумеется, по всей системе ползали всевозможные слухи о зловещих обитателях заброшенных станций.

Вот и весь мой улов. Но воистину, лучше раз увидеть, чем сто раз услышать. Желтовато-бурая громада Йеллоустоуна уже заслонила полнеба. Теперь он куда сильнее напоминал покинутый мною мир, чем тот плоский бледный диск, который плыл на фоне звезд несколько часов назад. «Стрельников» заложил вираж и понесся к ближайшей станции, где собирался встать на причал. Я смотрел, как наискось по лику Йеллоустоуна уродливыми силуэтами проплывают мертвые станции — искореженные, обгорелые, испещренные «оспинами» и кратерами от чудовищных столкновений. Пожалуй, крови было достаточно, чтобы Блестящий Пояс заржавел. Когда начались столкновения, на многих станциях уже полным ходом шла эвакуация, но спасти миллион человек за столь короткое время просто невозможно.

Анклав, к которому мы направлялись, имел форму сигары и вращался вокруг продольной оси, как и Айдлвилд, что создавало искусственное

тяготение. Сестра Амелия называла это местечко Нью-Ванкуверской Каруселью. На грязно-сером ледяном панцире ярко сверкали пятна — следы недавних столкновений. Из невидимых отверстий то и дело беззвучно вырывались ленивые клубы пара, придавая станции сходство с гибридом осьминога и спиральной галактики. Сбоку к причалу прилип огромный космолет, похожий на ската с каймой крошечных сверкающих иллюминаторов по кромке крыльев. Но вот «Стрельников» устремился к ближайшему концу «сигары», и навстречу нам гостеприимно распахнулась змеиная пасть о трех челюстях. Мы нырнули в камеру, стены которой представляли собой переплетение трубопроводов и топливных баков. Я увидел еще несколько шаттлов, втиснутых в причальные доки: два обтекаемых атмосферных катера, напоминающих бутылочно-зеленые наконечники стрел, и пару близких родственников нашего тихохода — те же скругленные углы и торчащие наружу механизмы. Вокруг кораблей, болтаясь на «пуповинах», суетились фигуры в скафандрах и с ремонтными чемоданчиками. Среди них я заметил несколько роботов, но в основном ремонтом корпуса занимались люди или животные-киборги.

Похоже, мои прежние опасения подтвердились. Я ожидал, что окажусь в мире, который опередил мою планету почти во всех отношениях на несколько веков, и мне останется только хлопать глазами, точно деревенскому олуху, которого занесло в столицу. То, что я наблюдал сейчас, вполне могло происходить в отдаленном прошлом на моей планете... а то и во времена старта Флотилии.

Нас основательно потрянуло — «Стрельников» ткнулся в причал. Я прихватил свои пожитки — а заодно и то, что конфисковал у Вадима, — и полез наверх, к выходу из корабля.

— Что ж, попрощаемся, — промолвил Квирренбах, высовываясь из очереди ожидающих высадки на Нью-Ванкувер.

— Конечно.

Если он ожидал другого ответа, то ему не повезло.

— Я... заходил проведать Вадима.

— Такая мразь сумеет о себе позаботиться. Надо было выкинуть его из воздушного шлюза, пока была возможность, — я криво улыбнулся. — Правда, он называл себя местной достопримечательностью. Мне бы ужасно не хотелось быть последним, кто ее увидит.

— Вы здесь надолго? То есть, в НВ?

Я не сразу понял, что он говорит о Нью-Ванкувере.

— Нет.

— Значит, сядете на первый «бегемот» и отправитесь на планету?

— Вполне вероятно.

Я посмотрел через плечо туда, где толпа протискивалась через выход. В иллюминатор было видно, как рабочие прилаживают на место кусок обшивки «Стрельникова», которая отвалилась в процессе швартовки.

— Да, я тоже намерен как можно скорее оказаться на планете, — Квирренбах похлопал по своему кейсу, который прижимал к груди, словно ребенка. — Чем скорее я начну работать над моей «Симфонией эпидемии», тем лучше.

— Я уверен, ей обеспечен потрясающий успех.

— Благодарю. А вы? Может быть, я слишком любопытен... но вы уже решили, что будете делать там, внизу?

— О да, кое-что решил.

Уверен, он бы еще долго — и безрезультатно — пытался меня расколоть. Но внезапно в толчее перед нами образовалась разреженная область, и я незамедлительно втиснулся туда. Через пару минут я уже вышел из зоны досягаемости Квирренбаха.

Изнутри Нью-Ванкувер совершенно не походил на хоспис Айдлвилд. Ни искусственного солнца, ни общей атмосферы. Вся конструкция являла собой подобие пчелиного улья, где лепились друг к другу тысячи крошечных замкнутых ячеек, или внутренностей старинного радио. Я даже не надеялся, что Рейвич все еще ошивается где-то неподалеку. В Город Бездны ежедневно отправлялись не менее трех «бегемотов». Не сомневаюсь, что он покинул анклав при первой же возможности.

И все же не стоит терять бдительность.

Оценка Амелии оказалась безошибочной: валюты стоноров, которую я взял с собой, хватило как раз на рейс в Город Бездны. Путешествие на «Стрельникове» сократило мои ресурсы наполовину, а остаток должен был уйти на оплату приземления. Правда, я прихватил кое-какую мелочь у Вадима. Однако после подсчета обнаружилось, что сумма конфисканта не превышает остатка моих собственных финансов. Очевидно, его жертвы-иммигранты не принадлежали к числу толстосумов.

А теперь сверим часы.

Концентрические циферблаты на часах Вадима позволяли определить время для обеих временных систем Йеллоустоуна — для суток из двадцати шести и двадцати четырех часов. До старта шаттла около двух часов. Я решил прогуляться по НВ, чтобы скоротать время, а заодно разузнать что-нибудь из местных источников информации. Но вскоре выяснилось, что люди, летающие на столь убогом корыте, не должны осквернять станцию

своим присутствием. Пассажиры супертемпературников были отделены от нас стенами из бронированного стекла. Я отыскал местечко, присел и, потягивая скверный кофе (кажется, единственная общедоступная услуга), наблюдал за двумя потоками людей, разделенных прозрачной стеной. Место, где я сидел, было грязным проходным вестибюлем. Стулья и столы боролись за пространство с промышленными трубами метровой толщины, которые упирались в потолок и походили на деревья гамадриад. Главные артерии ветвились, изгибались, и вся конструкция подозрительно напоминала кишечник. Трубы беспокойно подрагивали, словно тонкий металл и крошащиеся заклепки чудом выдерживали титаническое давление. Кто-то попытался облагородить интерьер с помощью искусственных лиан, накрученных вокруг труб, но усилиям явно не доставало энтузиазма.

Я бы не сказал, что окружающие выглядели несчастными. Однако почти все расхаживали по вестибюлю с таким видом, словно желали оказаться подальше отсюда, и как можно скорее. Я узнал несколько пассажиров «Стрельникова» и кое-кого из хосписа, но в основном эти люди были мне незнакомы. Сомневаюсь, что все они прибыли из-за пределов системы Эпсилон Эридана. С тем же успехом НВ мог служить перевалочным пунктом для тех, кто перемещался внутри системы. Я даже увидел нескольких напыщенных ультра, щеголяющих причудливыми модификациями своих тел, но куда больше их собратьев находилось по ту сторону стекла.

Я вспомнил ультра, которых видел на борту «Орвието» — экипаж капитана Оркагны и женщину с дырой в животе, которая нас встречала. Кстати, откуда Рейвичу стало известно о нашей засаде? Не выдал ли нас в конечном счете сам Оркагна? Тогда не исключено, что моя посткриогенная амнезия — дело его рук: капитану захотелось сбить меня со следа.

А может, у меня просто началась параноя.

Вдруг я увидел за стеклом нечто еще более странное, чем пилоты субсветовиков. Если ультра напоминали мертвецов в черном, то эти походили на гробы, поставленные вертикально, которые пробирались сквозь толпу с какой-то зловещей грацией. Впрочем, окружающие не обращали на них никакого внимания — почти никакого, разве что осторожно уступали им дорогу. Я глотнул кофе. Некоторые из этих гробов были снабжены неуклюжими руками-манипуляторами. И в каждом на передней стенке темнело окошко.

— Похоже на паланкины.

Я узнал голос Квирренбаха и не смог удержать тяжкий вздох.

Композитор приземлился на соседний стул.

— Ага. Еще не закончили свою симфонию?

Он искусно притворился, что не расслышал.

— Мне рассказывали про эти паланкины. Там внутри люди, их называют герметиками. Они до сих пор ходят с имплантатами и не хотят от них избавляться. Каждый из этих шкафов — маленький замкнутый мирок, который вполне пригоден для путешествий. Как по-вашему, это действительно настолько опасно?

Я раздраженно поставил чашку.

— Откуда мне знать?

— Извините, Таннер... я просто пытаюсь поддерживать беседу, — он покосился на свободные стулья. — Кажется, вы не обременены спутниками?

— Возможно, но не впадаю по этому поводу в отчаяние.

— Ах, перестаньте, — он щелкнул пальцами, подзывая к нашему столу замызганного робота-официанта. — Нас кое-что связывает, Таннер. Обещаю, что перестану преследовать вас, как только мы доберемся до Города Бездны. Но пока — неужели вам претит быть со мной чуточку повежливее? Как знать, может, я чем-то сумею вам помочь? Согласитесь, я все-таки знаю об этих местах чуть больше вашего.

— Вот именно «чуть больше».

Он взял у робота кофе и предложил мне повторить заказ. Я отказался, стараясь казаться нарочито вежливым.

— Господи, какая гадость, — произнес он после пробного глотка.

— Ну вот, хоть в чем-то мы сошлись, — попытался пошутить я. — Теперь мне хотя бы известно, что течет в этих трубах.

— В этих трубах? — Квирренбах огляделся. — Ах, да... Нет, это паровые трубы, Таннер. И очень важные.

— Паровые?

— НВ использует собственный лед, чтобы не допустить перегрева. Мне рассказывал об этом кто-то на «Стрельникове». Лед из наружной оболочки измельчают до состояния кашицы и закачивают в трубы. Затем прогоняют его через все помещения между главными жилыми зонами — вроде этого. Снеговая кашица впитывает в себя избыток тепла, постепенно тает и закипает, так что трубы заполняются перегретым паром. А пар выбрасывают обратно в космос.

Я вспомнил о гейзерах на поверхности станции, которые заметил на подлете.

— Довольно расточительно.

— Так было не всегда. Раньше у НВ были гигантские радиаторы — словно крылья бабочки размахом в сотню километров. Но анклав их лишился, когда посыпался Блестящий Пояс. Доставка льда стала вопросом жизни и смерти. Теперь им приходится поддерживать постоянные поставки, иначе станция превратится в жаровочный шкаф. Они берут лед с Глаза Марко — это местная луна, там у полюсов есть постоянно затененные кратеры. Можно было бы завозить метановый лед с Йеллоустоуна, но это действительно слишком накладно.

— Вы много знаете.

Он просиял и похлопал по своему кейсу, который лежал у него на коленях.

— Подробности, Таннер. Подробности. Нельзя написать симфонию о месте, которое не знаешь досконально. У меня уже есть замысел для первой части. Вначале мрачные созвучия, играют только духовые, затем постепенно включается ритмическое *остинато*, — он прочертил пальцем в воздухе, словно обводя контуры невидимого пейзажа, — *Adagio— allegro energico*. Это будет олицетворять разрушение Блестящего Пояса. Знаете, я почти уверен, что оно само по себе заслуживает целой симфонии... а как по-вашему?

— Не знаю, Квирренбах. Я не силен в музыке.

— Но ведь вы образованный человек, верно? Вы говорите кратко, но вашими словами стоит глубокая мысль. Кто там говорил о том, что мудрец говорит, когда ему есть что сказать, а глупец говорит потому, что иначе не может?

— Не знаю. Но этот тип определенно не был болтуном.

Я посмотрел на свои часы — я уже воспринимал их как свои — загадав, чтобы положение зеленых камешков возвестило время отлета. Но с тех пор, как я смотрел на них последний раз, они словно не сдвинулись с места.

— Чем вы занимались на Окраине Неба, Таннер?

— Я был солдатом.

— Но в этом нет ничего особенного, верно?

Терять все равно нечего. Скуки ради я рискнул углубиться в подробности.

— Война вошла в нашу жизнь. От нее невозможно было спрятаться. Даже там, где я родился.

— И где это?

— В Нуэва-Иквике. Сонный прибрежный городок вдалеке от главных центров сражений. Но у каждого хоть кто-то да погиб — из родственников,

из знакомых. По идее, у каждого был повод, чтобы ненавидеть противника.

— А вы испытывали к врагу... личную ненависть?

— Я бы так не сказал. Для ненависти существует пропаганда... но если разобраться, по ту сторону фронта про нас тоже рассказывали всякие небылицы. Ну, конечно, кое-что было правдой. Не надо ничего придумывать — жестокости и грязи хватало и тем, и другим.

— А война действительно началась из-за того, что случилось во Флотилии?

— В общем, да.

— Так значит, дело было не столько в идеологии, сколько в территории?

— Меня это не интересует. Поймите, Квирренбах, все это — дела давно минувших дней.

— А что вы знаете о Небесном Хаусманне? Я слышал, что на вашей планете до сих пор живут его почитатели.

— Ну, кое-что знаю.

Мне попался заинтересованный собеседник. Я почти слышал, как он делает в голове пометки, отбирая материал для своей симфонии.

— Это входит в вашу систему воспитания?

— Не совсем так.

Мне действительно нечего терять. Я поднял руку и продемонстрировал Квирренбаху рану посередине ладони.

— Видите? Это знак того, что до меня добралась Церковь Небесного. Они инфицировали меня индоктринальным вирусом. Теперь я вижу сны о Небесном Хаусманне, даже когда мне этого не хочется. Я об этом не просил. В конечном итоге вирус, конечно, распадется, но очень нескоро. Так что пока придется пожить так. Я получаю дозу Небесного каждый раз, когда закрываю глаза.

— Это ужасно, — он изо всех сил старался держаться в рамках приличия, но его глаза сияли от восторга. — Но полагаю, что когда вы просыпаетесь, то хотя бы до некоторой степени остаетесь...

— В своем уме? Да, абсолютно.

— Я хотел бы узнать об этом побольше, — пробормотал Квирренбах. — Вы не против продолжить разговор?

Одна из громоздких труб рядом с нами с пронзительным свистом извергла струю едкого пара.

— Боюсь, он будет не слишком долгим.

— В самом деле? — похоже, он был обескуражен.

— Извините, Квирренбах... я предпочитаю работать в одиночку, —

мне хотелось, чтобы отказ прозвучал как можно мягче. — И вам тоже понадобится побыть наедине с собой, чтобы работать над вашими симфониями...

— Да, да... позже. К чему торопиться? Нам еще многое предстоит сделать, Таннер. Меня все же беспокоит эпидемия. Вы действительно считаете, что здесь опасно?

— Говорят, она еще не ушла окончательно. У вас есть имплантаты, Квирренбах?

Он явно не понял, о чем речь, и я пояснил:

— Сестра Амелия — женщина, которая ухаживала за мной в хосписе, — сказала мне, что иногда они удаляют имплантаты у иммигрантов, но тогда я не понял, зачем.

— Черт побери, — вырвалось у него. — Мне следовало удалить их еще на стоянке. Но я не решился — те, кто предлагал свои услуги, выглядели уж больно несимпатично. А теперь придется искать какого-нибудь живодера в Городе Бездны...

— Я уверен: в желающих помочь недостатка не будет. Мне, кстати, тоже придется поговорить с такими людьми.

Коротышка-композитор почесал свою жесткую щетину.

— Ах, и вам тоже? Но тогда нам есть смысл путешествовать вместе.

В тот миг, когда я подыскивал предлог, чтобы ему отказать, чьи-то руки сомкнулись вокруг моего горла.

Меня грубо стащили со стула и весьма чувствительно приложили об пол. Дыхание вырвалось из груди стайкой напуганных птиц. Я балансировал на грани обморока, не находя в себе сил отдышаться, тогда как все инстинкты вопили, что спасти меня может только движение.

Но Вадим уже склонился надо мной, придавив коленом мою грудную клетку.

— Сознайся, что не ожидал снова увидеть Вадима, Мирабель? Думаю, теперь ты жалеешь, что не убил Вадима.

— Я не... — прохрипел я, не в силах закончить фразу из-за нехватки воздуха в легких. Вадим разглядывал свои ногти, убедительно притворяясь, что его одолела скука. Поле зрения темнело по краям, но я видел Квирренбаха, который стоял со сведенными за спиной руками: какой-то тип крепко держал его. На заднем плане расплывчатыми пятнами проплывали пассажиры. Никто не обращал на нас ни малейшего внимания.

Он ослабил хватку, и я глотнул воздух.

— Продолжай, — милостиво произнес Вадим. — Валяй, говори, я весь внимание.

— Ты должен быть благодарен мне за то, что я не убил тебя, Вадим. И тебе это известно. Но подонков вроде тебя это не волнует.

Он сымитировал улыбку и снова надавил мне на грудь. Похоже, я ошибался на его счет. У него был напарник — тот тип, который держал Квирренбаха. Байки о широкой сети помощников начали приобретать реальные очертания.

— Подонок, вот как? Вижу, ты не побрезговал *умыкнуть* мои часы, гнусный воришка.

Вадим повозился с ремешком на моем запястье и с победной ухмылкой стащил часы. Потом поднес их поближе и прищурил один глаз. Сейчас он походил на часовщика, изучающего работу механизма.

— Надеюсь, ты их не поцарапал...

— Забирай на здоровье. Вообще-то я тут не при чем.

Вадим надел часы и покрутил рукой, любуясь возвращенной добычей.

— Хорошо. Хочешь сказать еще что-нибудь?

— Ага, еще кое-что.

Одна рука оставалась свободной, но я не пытался пустить ее в ход, и он не обращал на нее ни малейшего внимания. Я не успел вынуть ее из кармана, когда меня стащили со стула. Ну что же... может быть, у Вадима богатый опыт, но профессионализма ему не хватает. Я понял это, когда мы сцепились в кают-компании.

Теперь пора вынуть руку из кармана.

Движение было быстрым и плавным, словно атака королевской кобры. Понятно, что Вадим оказался к такому совершенно не готов.

Одна из его черных палочек-эксперименталий сама легла в кулак. Все было разыграно как по нотам. Когда моя рука пошла вверх, Вадим оказался как раз на таком расстоянии, чтобы я смог дотянуться до его физиономии. И изумленно раскрытый глаз — легкая цель, словно Вадим мне подыгрывал.

Именно туда я воткнул палочку.

Помню, я засомневался: этот глаз уж больно смахивал на искусственный. Но когда я увидел, как блестящий кончик эксперименталии вошел в глазницу, то понял, что он только *казался* стеклянным.

Вадим грохнулся навзничь и завопил, кровь хлестала из его глаза гаснущим осколком заката. Он безумно размахивал руками, не осмеливаясь поднять руку и коснуться инородного тела, которое сидело в его глазнице.

— Черт! — проговорил его напарник. Пока я с трудом поднимался на ноги, Квирренбах внезапно пнул его, а в следующий миг уже удирал прочь.

Мыча, Вадим повалился на наш столик. Напарник поддерживал

раненого и лихорадочно нашептывал что-то на ухо — похоже, втолковывал, что пора смываться.

Мне тоже было что сказать.

— Я знаю, что это чертовски больно, но тебе необходимо кое-что узнать, Вадим. Я мог бы всадить эту штуку тебе прямо в мозг. Для меня это не составит труда. Ты знаешь, что это означает?

Он ухитрился поднять голову, повернув ко мне безглазое, похожее на окровавленную маску лицо.

— Что?

— Это означает, что ты опять у меня в долгу, Вадим.

Я осторожно снял у него с руки часы и пристегнул у себя на запястье.

Глава 13

Возможно, среди лабиринта паровых труб в чреве Нью-Ванкувера скрывались какие-то силы охраны правопорядка. Но они делали это чрезвычайно искусно и ничем не выдавали своего присутствия. Вадим и его помощник, пошатываясь, удалились с места происшествия, так и не дождавшись вопросов. Я задержался, поскольку честь обязывала меня дать объяснения — но никто так и не появился. Стол, за которым мы с Квирренбахом лишь несколько минут назад пили кофе, выглядел весьма плачевно — но что поделать? Конечно, можно оставить чаевые для работника уборщика, который наверняка вот-вот притащится. И заодно полюбоваться, как тупая машина будет оттирать кровь и содержимое глазного яблока с тем же драматизмом, что и кофейные пятна.

Я ушел, и никто не пытался меня остановить.

Заглянув в уборную, я побрызгал на лицо ледяной водой и смыл кровь с кулака. На всякий случай я двигался подчеркнуто спокойно и неторопливо.

Однако в уборной никого не было. Дверцы длинного ряда кабинок были украшены загадочными ребусами. При желании в них можно было узнать инструкцию, объясняющую, каким образом включать слив.

Я тщательно простучал и прощупал свою грудную клетку. Похоже, удалось отделаться синяками. Теперь можно было пройти в зону посадки.

Не знаю, кому пришло в голову назвать шаттл «бегемотом». Это был тот самый корабль, который по форме напоминал ската, а тем, как он «присосался» к оболочке анклава, вращаясь вместе с ним, — миногу. Вблизи эта штуковина оказалась далеко не столь гладкой и обтекаемой, как издали. Ее корпус был испещрен вмятинами и шрамами, а между ними красовались угольно-черные потеки.

С противоположных сторон на корабль медленно втекали два потока пассажиров. Мой рукав выглядел унылой тускло-серой массой, которая ползла вниз по спиральному туннелю, будто толпа осужденных на казнь. Другой двигался чуть бодрее. За прозрачной оболочкой соединительной трубы я увидел людей, которым прислуживали роботы, домашних любимцев невероятного размера и даже людей, чьи фигуры напоминали животных. Среди них скользили паланкины герметиков — теперь эти темные ящики напоминали мне метрономы.

Позади меня поднялась суматоха: кто-то пытался пробиться вперед.

— Таннер! — донесся до меня театральный шепот. — Вам тоже удалось бежать! Когда вы исчезли, я боялся, что эти головорезы вас нашли!

— Он лезет без очереди, — вяло возмутился кто-то за моей спиной. — Вы видели? Я, право же...

Еще не успев обернуться, я уже знал, кого увижу.

— Он со мной. Если вам это не нравится, давайте разбираться. А пока что заткнитесь и встаньте где стояли.

Квирренбах втиснулся в очередь следом за мной.

— Благодарю...

— Ладно. Только говорите потише и не поминайте Вадима.

— Так вы думаете, у него здесь действительно полно друзей?

— Не думаю. Просто хочу немного отдохнуть от приключений.

— Понимаю. Особенно после... — он побледнел. — Даже думать об этом не хочу.

— Ну, так и не думайте. Если повезет, это вам не понадобится.

Очередь ринулась вперед, проходя последний виток спирали, и ввалилась в шаттл. Просторный, ярко освещенный, его холл сделал бы честь фешенебельному отелю. Лестница совершала еще несколько витков вверх и выходила к небольшой площадке. Повсюду прогуливались люди с бокалами в руках, носильщики катили багаж, а контейнеры побольше перемещали лебедками. Огромные иллюминаторы образовали почти непрерывный ряд, стена повторяла очертания части «крыла». Кажется, нутро «бегемота» было почти полым, но с того места, где я стоял, мне было видно не более десятой доли его объема.

Там и сям темнели скопления кресел — в одних размещалась группа собеседников, другие окружали тонкую струйку фонтана или какой-то экзотический куст. Иногда через зал, точно шахматная ладья по доске, скользил прямоугольный силуэт паланкина.

Я направился к свободной паре кресел, развернутых к одной из оконных панелей. Хотя я порядком вымотался и не отказался бы вздремнуть, но сейчас было не до того. Что если предыдущий рейс «бегемота» отменили, и Рейвич находится сейчас где-то здесь, на корабле?

— Задумались, Таннер? — произнес Квирренбах, садясь рядом со мной. — У вас такой озабоченный вид.

— Вы уверены, что отсюда самый лучший обзор?

— Очко в вашу пользу, Таннер. Но если я не сяду рядом с вами, кто расскажет мне о Небесном? — он побарабанил пальцами по крышке кейса. — Теперь у вас масса времени, чтобы рассказать мне все остальное.

— Вас чуть не убили, а у вас в голове все одно?

— Вы не понимаете. Я думаю сейчас... ну скажем, о симфонии, посвященной Небесному, — он выставил палец пистолетиком. — Нет, не симфония — месса, внушительное хоровое произведение эпического склада... Гармония строго стиля... последовательные квинты и ложные связи... погребальная песнь потерянной невинности, гимн преступлению и подвигу Шайлера Хаусманна.

— Не было никакого подвига, Квирренбах. Только преступление.

— Но я-то этого не знаю, раз вы не рассказали, верно?

Последовала серия толчков и вибраций — это «бегемот» отстыковался от приемного порта. В иллюминаторе я увидел стремительно удаляющуюся станцию и ощутил приступ головокружения. Прежде чем последовали более неприятные реакции, анклав загородил полнеба и исчез. Остался только космос. Я огляделся: люди как ни в чем не бывало прогуливались по вестибюлю.

— А без свободного падения было не обойтись?

— Только не «бегемоту», — сказал Квирренбах. — Сразу после отстыковки он летит по касательной относительно поверхности станции, словно камень из пращи. Но уже через миг корабль запускает двигатели малой тяги и создает ускорение в одно «G». Затем ему необходимо чуть свернуть, чтобы избежать столкновения, проходя мимо станции. Полагаю, это единственная по-настоящему сложная часть путешествия — одна минута, когда мы действительно рискуем напитками в желудке. Но наш пилот-кашалот, кажется, знает свое дело.

— Кашалот?

— Для управления этими штуками используют генетически модифицированных китообразных. Дельфинов, китов... Система управления шаттлом напрямую связана с их нервной системой. Не беспокойтесь. Они еще никого не убили. Большую часть пути полет будет плавным, как сейчас. Корабль просто погрузится в атмосферу. Очень мягко и медленно. Попав в любую плотную среду, «бегемот» двигается как дирижабль, только с жесткой оболочкой. По мере приближения к поверхности он накапливает такой запас плавучести, что вынужден включить двигатели малой тяги, чтобы *не всплыть*. Это действительно напоминает погружение.

Квирренбах щелкнул пальцами, подзывая слугу.

— Однако не помешает выпить. Что желаете, Таннер?

Я выглянул в окно: диск Йеллоустоуна встал вертикально, так что планета напоминала глухую желтоватую стену.

— Не знаю. А что здесь принято пить?

Горизонт Йеллоустоуна начал медленно выпрямляться. В это время «бегемот» перестал подстраиваться под скорость, с которой «Карусель» двигалась по орбите. Полет действительно проходил гладко и без неожиданностей. Но за этим стояли точнейшие расчеты. Остановившись над планетой, мы должны были зависнуть точно над Городом Бездны, а не на расстоянии от него.

Однако, хотя мы и находились в тысячах километрах над поверхностью, гравитация Йеллоустоуна уже давала о себе знать. С тем же успехом мы могли сидеть на вершине высочайшей горы, пронизывающей атмосферный слой. Медленно, с неторопливым спокойствием, которое вполне подходило к его прозвищу, «бегемот» начал спуск.

Мы с Квирренбахом молча любовались панорамой.

Йеллоустоун походил на Титан из Солнечной системы как родной брат, но был потяжелее и являлся планетой, а не спутником. Хаотические ядовитые смеси азота, метана и аммиака образовали атмосферу, окрашенную всеми мыслимыми оттенками желтого: охристый, оранжевый и коричневатый тона, вплетаясь в великолепные спирали циклонов, создавали причудливые узоры, словно нарисованные тончайшей кистью. На большей части Йеллоустоуна царил леденящий холод. Прибавьте к этому ураганы, ливневые паводки и электрические бури. В далеком прошлом орбита, по которой планета вращается вокруг Эпсилон Эридана, изменилась после сближения с Мандариновой Грезой — массивным газовым гигантом, который сейчас занял место на дальней орбите. Это случилось сотни миллионов лет назад, но кора Йеллоустоуна все еще отходит от тектонических потрясений после контакта, истекая перегретой лавой. Ходит гипотеза, что Глаз Марко — единственная луна планеты — прежде вращался вокруг газового гиганта, что объясняет наличие странных кратеров на одной стороне луны.

Согласитесь, Йеллоустоун — неприветливое местечко. Но люди все равно пришли сюда. Я попытался представить себе эту планету в расцвете Belle Epoque. Спускаясь в атмосферу Йеллоустоуна, ты знаешь, что под слоями золотистых облаков лежат города, прекрасные, как мечта, и самый величественный из них — Город Бездны. Более двухсот лет сияющей славы... До последних дней невозможно было предположить, что ей не дано продлиться еще столько же. Ни декадентского увядания, ни истерических всплесков. Но затем пришла эпидемия, и желтый стал цветом болезни, приобрел оттенки блевотины, желчи и гноя. Под желтушным покровом атмосферы скрывались больные города, язвами рассыпанные по

поверхности планеты.

Я пригубил коктейль, заказанный для меня Квирренбахом. Славный был мирок. Увы, именно «был».

Сказать, что «бегемот» врезался в атмосферу, было бы ошибкой. Он погрузился в нее, опускаясь так медленно, что корпус почти не испытывал трения. Небо над нами перестало быть непроглядно черным и начало приобретать слабые оттенки пурпура, а затем охры. Наш вес то и дело колебался — видимо, «бегемот» попадал в зоны давления, которые не мог проскочить быстро — но не более чем на десять-пятнадцать процентов.

— Она все еще прекрасна. Вам не кажется?

Мой спутник был прав. Иногда случайный шквал или сдвиг в нижних слоях атмосферы делали прореху в желтом облачном покрове, и тогда мы могли видеть поверхность. Блестящие, как зеркало, озера замерзшего аммиака, умопомрачительные выступы горных пород, исхлестанные ветрами и превратившиеся в пустоши, сломанные шпильки и арки высотой в милю, похожие на непогребенные кости гигантских животных. И колонии одноклеточных — их лиловые и изумрудные пленки покрывали поверхность огромными глянцевыми пятнами и пронизывали, словно жилами, глубокие каменистые напластования. Эти организмы существовали еще в ледниковый период, и то, что они уцелели до сих пор, не укладывалось в голову. Повсюду виднелись купола маленьких аванпостов — но нигде не было ничего похожего на города. Сейчас на Йеллоустоуне сохранилась лишь горстка поселений величиной с десятую часть Города Бездны — и ни одного равного ему. Даже второй по величине город, Феррисвилль, по сравнению с ним — просто захолустная дыра.

— Гостеприимное местечко, — произнес я иронично.

— Да... пожалуй, вы правы, — отозвался Квирренбах. — Как только я накоплю впечатлений, чтобы написать что-нибудь, и заработаю достаточно, чтобы выскочить отсюда... Сомневаюсь, что я задержусь здесь надолго.

— А чем вы собираетесь зарабатывать?

— Для композитора всегда найдется работа. Нужно лишь найти богатого покровителя, которому захочется спонсировать великое произведение искусства. Им кажется, что таким образом они приобщаются к бессмертию.

— А если ваш покровитель уже бессмертен, или *послесмертен* — как там они себя называют?

— Даже послесмертные не могут быть уверены, что не умрут когда-нибудь окончательно. Так что желание оставить след в истории им не чуждо. Вдобавок, в Городе Бездны много людей, которые были

послесмертными, но сейчас столкнулись с неминуемой перспективой смерти, как это всегда бывает со многими из нас.

— У меня сердце кровью обливается.

— Ну что ж... скажем просто, что смерть для многих снова стала реальной проблемой, чего не было вот уже несколько веков.

— Но вдруг среди этих людей не найдется богатых покровителей?

— Ах, что вы. Видели эти паланкины? Богатых людей в Городе Бездны всегда было много, хотя того, что называют экономической инфраструктурой, в нем как таковой нет. Но богатство и влияние существовали и будут существовать всегда и везде. Готов держать пари, что кое-кто сильно поднялся за последнее время. Самое страшное бедствие непременно принесет кому-нибудь выгоду.

— Обычное дело во время катастроф, — заметил я.

— Что?

— Они способствуют расслоению. Все... м-м-м... самое неприятное всегда всплывает на поверхность.

По мере дальнейшего спуска я обдумывал легенды и маскировку. Впрочем, особенно стараться я не стал. Я стараюсь обеспечить себе оружие и тылы, а в остальном предпочитаю действовать по обстановке, а не планировать ходы заранее. Но как быть с Рейвичем? Он не мог знать об эпидемии. Что бы он ни задумал, ему придется менять планы. Правда, между нами было одно важное отличие: Рейвич аристократ, значит, у него должна быть целая сеть связей, которая распространяется на добрую половину освоенного космоса и основана на узах родства, уходящих в глубь веков. Вполне возможно, что у Рейвича есть знакомые среди элиты Города Бездны.

Даже если он не успел связаться с ними до прибытия, эти знакомые ему очень пригодятся. Но если он сумел предупредить их еще по пути, ему просто повезло. Субсветовик движется почти со скоростью света, но в начале рейса ему приходится набирать скорость, а в конце — тормозить. Допустим, перед стартом с Окраины Неба «Орвието» отправил радиосообщение. Оно достигнет Йеллоустоуна за год, а то и за два, до появления самого корабля, и у сообщников Рейвича будет масса времени, чтобы подготовить ему встречу.

А может, у него нет никаких сообщников. Или они не получили послание. Возможно, оно затерялось, когда коммуникационная сеть системы превратилась в скомканный лабиринт, и теперь обречено до бесконечности метаться между неисправными узлами. Наконец, у Рейвича могло не быть времени на отправку послания. Или это вообще не пришло

ему в голову.

Хорошо бы принять одну из этих версий и на этом успокоиться. Но я никогда не полагаюсь на везение — так проще.

Я снова поглядел в окно. Облака разошлись, и я впервые увидел Город Бездны. *Рейвич — он где-то там, внизу... ждет, потому что знает.* Город показался мне необъятным, и задача, которую я поставил перед собой, вдруг навалилась на меня непомерным грузом.

Откажись от нее, прямо сейчас — миссия невыполнима. Ты никогда не найдешь его.

Но я вспомнил Гитту.

Город гнезвился внутри кратера, края которого образовали широкую, зубчатую стену — почти шестьдесят километров в поперечнике, а сама стена достигала двух километров в самой высокой точке. Первопроходцы, которые прибыли сюда, искали убежище от ураганов Йеллоустоуна. Они селились в кратерах и возводили хрупкие, заполненные воздухом постройки, которые на открытом месте простояли бы минут пять, не больше. А может быть, их чем-то привлекала сама Бездна — глубокое ущелье с вертикальными стенами, — ущелье точно по центру кратера.

Бездна постоянно отрывивала теплым газом. Здесь был один из очагов тектонической энергии, которая пробудилась в коре при сближении с газовым гигантом. Этот газ по-прежнему оставался непригодным для дыхания, но содержал значительно больше свободного кислорода, водяных паров и прочих незначительных примесей, чем с любой из подобных «фонтанов» на поверхности Йеллоустоуна. Разумеется, его необходимо было подвергать процессу фильтрации, прежде чем он становился пригодным для дыхания. Но здесь это оказалось гораздо проще, чем где-либо в другом месте, а горячий пар можно было использовать для работы огромных турбин, поставляющих столько энергии, сколько необходимо развивающейся колонии. Город распластался по внутренней поверхности кратера, обступив Бездну и на шаг спускаясь в нее. Здания, облепленные лифтами и галереями, чудом удерживались на выступях в сотнях метрах ниже кромки провала.

Впрочем, большая часть города лежала под огромным тороидальным куполом, опоясавшим Бездну. Квирренбах сказал мне, что местное население называет его Москитной Сеткой. Строго говоря, это были восемнадцать отдельных куполов, но они давно слились в единое целое так, что трудно было сказать, где начинался один и кончался другой. Поверхность купола не очищали уже семь лет. За это время она покрылась слоем коричнево-желтой грязи и стала почти непрозрачной. Правда, в

некоторых местах купол не успел зарости до такой степени, чтобы находящийся под ним город стало невозможно рассмотреть. Сейчас, с борта шаттла, я поначалу не заметил ничего особенного. Обычный урбанистический пейзаж — фантасмагорическое нагромождение высоченных зданий, втиснутое в гниущее лоно Города, словно нутро фантастически сложной машины. Но в этих строениях было что-то тошнотворно неправильное. Эти болезненно искаженные формы не могли даже присниться архитектору, если только он не выжил из ума. Над землей они многократно разветвлялись, точно бронхи, сливаясь в единую массу. Не считая россыпи огней на верхних и нижних ярусах, здания были темными и казались мертвыми.

— Теперь вы видите, что они не шутили, — сказал я.

— Что?

— Они не шутили. Это был не розыгрыш.

— Конечно, — согласился Квирренбах. — Конечно, не розыгрыш. Я тоже сделал глупость. Я видел собственными глазами, во что превратился Блестящий... Ржавый Обод — и даже после всего этого тешил себя надеждой, что Город остался прежним. Как сокровище, которое скупец прячет от любопытных.

— Но Город никуда не делся. Там по-прежнему живут люди, существует какое-то общество.

— Но не совсем то, что мы ожидали.

Мы пронеслись над самым куполом. Он действительно напоминал кое-как натянутую сетку из металла и структурированного алмаза. Эта сеть тянулась на многие мили, насколько хватало глаз, и терялась в коричневой мути атмосферы. Бригады крошечных ремонтников в скафандрах копошились на куполе, словно муравьи. Их работу отмечали прерывистые вспышки сварочных горелок. То здесь, то там из щелей в куполе вырывались клубы серого пара, который тут же замерзал в атмосфере Йеллоустоуна, высоко над термальной ловушкой кратера. В некоторых местах сеть почти лежала на крышах зданий, которые тянули к ней свои подагрические пальцы. Между их болезненно распухшими, искривленными фалангами чернели перепонки, очень напоминающие полусгнившие остатки перчаток. На кончиках этих пальцев поблескивали огни, светящиеся волокна переплетались с густой паутиной мостов, соединяющих здания. Теперь, когда мы приблизились, я заметил необычную ажурность конструкции — здания окутывал клубок тонких темных волокон, словно неистовые пауки пытались соорудить вокруг них паутину. Но в итоге получилась клочковатая масса висящих нитей, в

которых по пьяным траекториям сновали огни.

Я вспомнил послание к иммигрантам, с которым ознакомился на борту «Стрельникова», и понял, что имелось в виду. Здания трансформировались на глазах, настолько быстро, что убивали находившихся внутри людей — куда более грубо и эффективно, чем собственно эпидемия. Согласно проекту, здания могли восстанавливать сами себя или изменяться, подчиняясь командам из демаркистской сети. Достаточно определенному количеству людей пожелать, и здание послушно принимало новую форму. Однако изменения под воздействием эпидемии происходили внезапно и бесконтрольно, как сейсмические подвижки. Никому и в голову не могло прийти, что этот проект таит такую опасность. Город развивался с утопической плавностью, ему можно было время от времени придавать новый вид, замораживать, размораживать и снова замораживать, словно ледяную скульптуру. Никто не сказал зданиям, что в них живут люди, которые могут быть раздавлены, едва они начнут изменять форму. Многие мертвецы до сих пор лежат в чудовищных постройках, заполонивших Город.

Вскоре Город Бездны проплыл под нами и исчез за иззубренной кромкой стены кратера. Я заметил в ней тесную выемку, а через миг «бегемот» грациозно скользнул туда.

На берегу светло-коричневого озера я увидел россыпь бронированных построек. Приближаясь к нему, корабль пошел на снижение. Теперь было отчетливо слышен вой двигателя малой тяги, который не давал шаттлу взмыть вверх.

— Пора на выход, — Квирренбах поднялся с кресла и кивнул в сторону потока людей, который двигался через вестибюль.

— Куда они все идут?

— К посадочным капсулам.

Я последовал за ним через вестибюль, туда, где по одной из многочисленных спиральных лестниц можно было спуститься на нижнюю палубу. На посадочной площадке уже выстроилась очередь. Люди проходили через стеклянные шлюзы и садились в каплевидные капсулы, которые цепочкой ползли по направляющим. Заполненные капсулы скользили вниз на короткий пандус, торчащий из брюха «бегемота» и, пролетев по воздуху остаток дистанции — две-три сотни метров, — шумно падали в озеро.

— Хотите сказать, что эта штукавина по сути не приземляется?

— Господи, конечно, нет, — улыбнулся Квирренбах. — Они не рискуют приземляться. Тем более в наше время.

Наша капсула выскользнула из-под брюха «бегемота». Кроме нас с Квирренбахом, в ней было еще двое пассажиров. Оба с жаром спорили о местной знаменитости по фамилии Воронофф, но говорили на норте с таким сильным местным акцентом, что я понимал лишь одно слово из трех. Все остальное их совершенно не волновало — даже когда мы погрузились в озеро с явным риском не всплыть на поверхность. Но все обошлось. Сквозь стеклянную оболочку я увидел, как справа и слева из воды выскакивают остальные капсулы.

Через озеро уже шагала пара машин, готовых подобрать нас. Это были высоченные скелетообразные треноги, передвигающиеся при помощи целой системы поршней. По одной вылавливая плавающие капсулы приспособлениями, похожими на краны, они укладывали их в сетку, которая болталась под брюхом треноги. Операторы в герметичных кабинах на крышках треног лихорадочно работали рычагами.

Затем треноги выбирались на берег и разгружали свои кошелки на ленту конвейера — она ползла к одному из зданий, которые я заметил на подлете.

Там нас доставили в герметичную приемную камеру, где капсулы были сняты с конвейера. Группа рабочих со скучающим видом вскрывала оболочки, а пустые капсулы направляли к посадочной площадке наподобие той, где пассажиры на борту «бегемота» ожидали отправки. Думаю, треножники снова отнесут их на середину озера и поднимут повыше, чтобы «бегемот» смог их подхватить.

Мы с Квирренбахом выбрались из капсулы и присоединились к толпе пассажиров, которая устремилась из приемной камеры через лабиринт холодных тускло освещенных туннелей. Воздух был затхлым, словно каждым его глотком до тебя уже успели подышать несколько человек. Но дышать им было можно, а сила тяжести была не намного выше, чем на станциях Ржавого Обода.

— Не знаю, чего именно я ожидал, но только не этого, — сказал я. — Ни сервиса, ни системы безопасности, ничего. Напрашивается вопрос: какова здесь секция иммиграции и таможня?

— Об этом можете не думать, — сказал Квирренбах. — Таможню мы только что прошли.

Я вспомнил об алмазном пистолете, который отдал Амелии. Я был уверен, что пронести его в Город Бездны нереально.

— Это была таможня?

— Подумайте немного — и поймете, что Город Бездны трудно чем-то

удивить. Нет смысла проверять вас на наличие оружия — здесь его столько, что лишняя единица ничего не изменит. Скорее, они предпочтут конфисковать ваш товар и предложить обмен с доплатой за новинку. И нет смысла проверять вас на инфекции. Слишком сложно — и вы скорее подцепите ее здесь, чем принесете в Город. Наоборот, несколько милых инопланетных бактерий может принести нам реальную пользу.

— *Нам ?*

— Им. Извините, оговорился.

Мы прошли в залитый светом холл с широкими окнами, выходящими на озеро. «Бегемот» принимал капсулы. «Крылья» космического ската по-прежнему были подсвечены: двигатели малой тяги поддерживали шаттл в положении устойчивого равновесия. Прежде чем вернуться в лоно челнока, каждая капсула стерилизовалась, проходя сквозь кольцо лилового пламени. Быть может, Городу было все равно, что в него приходит, но всю остальную вселенную этот вопрос по-прежнему беспокоил.

— Полагаю, вы уже знаете, как попасть в Город?

— По сути, только одним способом: «зефир» до Города Бездны.

Не спеша спускаясь по туннелю-переходу, мы вынуждены были протиснуться мимо паланкина. Вертикальный ящик был украшен черным рельефным узором, изображающим какие-то сцены из славного прошлого Города Бездны. Когда мы обогнали этот медленно ползущий гроб, я рискнул обернуться и встретился взглядом с герметиком. За толстым зеленоватым стеклом маячило бледное пятно, не слишком похожее на человеческую физиономию. У меня мороз пробежал по коже.

Тут же роботы-слуги довольно примитивного вида разносили багаж. Это были не элегантные разумные машины, а неуклюжие механизмы с интеллектом вроде собачьего, которые то и дело ошибались. Похоже, по-настоящему разумные роботы остались только в орбитальных анклавах. Но здесь ценили даже этих тупиц: они напоминали о прежних временах.

И, наконец, здесь были аристократы — эти не прятались в паланкины, точно святые мощи в раку. Думаю, ни у кого из них не было сколько-нибудь сложных имплантатов, которые могли пострадать от спор эпидемии. Но и они явно чувствовали себя не в своей тарелке и перемещались группами в окружении роботов-слуг.

Туннель стал шире и влился в подземную пещеру, тускло освещенную сотнями мигающих ламп на подставках наподобие канделябров. Ровный поток теплого воздуха нес с собой вонь машинного масла.

В пещере нас поджидало нечто огромное и звероподобное.

Машина двигалась на четырех комплектах двойных рельсов,

окружающих ее под углами в девяносто градусов: один внизу, один наверху и по одному на обеих сторонах. Сами рельсы поддерживались каркасом скелетообразных подпорок, хотя в обоих концах пещеры, где рельсы исчезали в круглых туннелях, они крепились прямо к стенам. Помнится, поезда на «Сантьяго» были снабжены подобными комплектами рельсов. Правда, там рельсы служили просто направляющими для индукционных полей.

Здесь было по-другому.

Собственно поезд был сконструирован с четырехсторонней симметрией. В центре торчал цилиндрический сердечник, закругленный на конце, где сиял прожектор, похожий на глаз циклопа. Из сердечника торчали четыре ряда двойных железных колес невероятного размера, каждое имело по двенадцать осей и сцеплялось с одной из пар рельсовой дороги. Три пары огромных цилиндров распределялись вдоль каждого комплекта из двенадцати основных колес, и каждый цилиндр скреплялся с четырьмя комплектами колес поразительной конструкцией из блестящих поршней и жирных от смазки коленчатых рычагов с бедрами толщиной. Вся эта конструкция была опутана трубопроводами, точно клубком змей, что лишало ее последних намеков на элегантность. Картину дополняли несколько выхлопных труб, размещенных, по-видимому, произвольно, которые дружно изрыгали в потолок пещеры клубы пара. Машина шипела, подобно дракону, терпение которого роковым образом истощалось. Она казалась волнующе живой.

Позади тянулась цепочка пассажирских вагонов, сконструированных с той же четырехсторонней симметрией и состыкованных с теми же рельсами.

— Это и есть...

— «Зефир» собственной персоной, — сказал Квирренбах. — Зверюга хоть куда, верно?

— Неужели эта штукавина действительно куда-то едет?

— А что еще, по-вашему, она делает?

Должно быть, я посмотрел на него очень красноречиво, и он продолжал:

— Говорят, раньше между Городом Бездны, и внешними колониями ходили магнито-левитирующие поезда. Для них были сооружены вакуумные туннели. Но поезда, должно быть, вышли из строя после эпидемии.

— И они не нашли ничего лучшего, как заменить их вот этим?

— А у них был выбор? В наше время торопиться стало некуда. Теперь

никого не беспокоит, что поезд не может нестись со сверхзвуковой скоростью. Двести километров в час — этого более чем достаточно, даже для поездки на другие поселения.

Квирренбах зашагал к поезду, где начинались пандусы, поднимающиеся к пассажирским вагонам.

— А почему пар?

— Здесь, на Йеллоустоуне, нет полезных ископаемых. Несколько ядерных генераторов еще работают, но по большому счету здесь один источник энергии — сама Бездна. Поэтому Город использует энергию сжатого пара где только возможно.

— Не могу поверить, Квирренбах. Неужели обязательно возвращаться на шестьсот лет назад из-за невозможности пользоваться нанотехнологиями?

— Вполне возможно. Вы не представляете, что здесь натворила эпидемия. Веками почти вся промышленность использовала исключительно нанотехнологии. Производство материалов, изделий — все вдруг стало просто и доступно. Даже механизмы, не использующие нано, сами были построены с помощью нано и при этом спроектированы с тончайшими допусками. Но теперь воссоздать их невозможно. Дело не только в том, что более изощренную технику применять невозможно. Прежде чем достичь прежнего уровня и начать восстановление, нужно отступить еще дальше. Например, вернуться к грубым сплавам и древним металлургическими технологиями. Не забудьте, заодно пропала масса необходимой информации. Люди шарили вокруг себя в потемках. Это все равно, что кто-то из двадцать первого века пытается выковать средневековый меч, абсолютно не разбираясь в металлургии. Примитивность какой-то технологии не означает, что ее легко восстановить.

Квирренбах умолк, переводя дыхание, и остановился под расписанием рейсов в Город Бездны, Феррисвилль, Лореанвилль, Нью-Европу и далее. По всем направлениям, кроме Города Бездны, в день следовало лишь по одному поезду.

— Поймите, они сделали все, что смогли, — продолжал Квирренбах. — Конечно, некоторые технологии пережили эпидемию. Вот почему здесь все еще можно встретить подобные реликты — роботов, транспорт... Но обычно ими владеют те, кто побогаче. В их распоряжении все ядерные генераторы и несколько силовых установок на антивеществе — все, что есть в Городе. Думаю, в Малче дело обстоит по-другому. Но там куда опаснее.

Пока он говорил, я изучал расписание. Рейвич существенно упростил бы мне задачу, если бы отправился в один из этих городков. Там он был бы на виду и в то же время заперт, как в ловушке. Но сдается, он все-таки отправился первым же рейсом в Город Бездны.

Мы оплатили дорогу и сели на поезд. Вагоны, тянущиеся за локомотивом, были куда более потрепанными, но выглядели нестолько современнее. Похоже, их сняли с левитационного поезда и поставили на колеса. Дверь закрылась, точно диафрагма антикварного фотоаппарата, и сооружение с лязгом тронулось. Вначале поезд еле полз, но вскоре принялся усердно набирать скорость. Колеса локомотива то и дело взвизгивали, потом движение стало более плавным, а мимо окон понеслись клубы пара. Поезд въехал в один из узких туннелей с огромной дверью-диафрагмой, проследовал через целую серию шлюзов и наконец понесся в вакууме.

Теперь он двигался тихо, как призрак.

В пассажирском салоне царил теснота, точно в тюремном транспорте. Сходство усиливалось от того, что пассажиры находились в каком-то сонно-подавленном состоянии — при перевозке в центр принудительного содержания заключенных обычно накачивают наркотиками. С потолков опустились экраны, на них замелькали объявления, но продукты и услуги, которые они рекламировали, вряд ли пережили эпидемию. В одном конце вагона я заметил тесное скопление паланкинов, похожих на коллекцию гробов на складе похоронного бюро.

— Прежде всего нам необходимо избавиться от этих имплантатов, — сказал Квирренбах, склоняясь ко мне с видом заговорщика. — При мысли, что эти штуки все еще сидят у меня в голове, мне дурно становится.

— Нужно найти человека, который сделает это быстро, — отозвался я.

— А заодно и безопасно — одно без другого ничего не стоит.

— Вам не кажется, что сейчас поздновато беспокоиться о безопасности? — улыбнулся я.

Квирренбах поджал губы.

На экране, который висел у нас над головой, крутили рекламу невероятно элегантного летательного аппарата. Он отдаленно напоминал волантор, но выглядел так, будто был собран из частей насекомых. Потом по экрану поползли помехи, и на нем появилась женщина, которую я мысленно обозвал гейшей.

— Добро пожаловать на борт Зефира Города Бездны, — она напоминала фарфоровую куклу с накрашенными губами и розовыми щеками. Ее серебряный наряд был продуман с абсурдной тщательностью, а

изогнутые концы воротника поднимались за головой. — Сейчас мы движемся по Туннелю Транс-Кальдера и прибудем на вокзал Гранд-Сентрал через восемь минут. Надеемся, что вы получите удовольствие от путешествия и ваше пребывание в Городе Бездны будет и приятным, и полезным. Ну а пока, предваряя наше прибытие, мы приглашаем вас полюбоваться некоторыми достопримечательностями нашего города.

— Это будет интересно, — заметил Квирренбах.

Окна вагона мигнули и превратились в голографические дисплеи. На фоне проносящихся мимо стен появилась величественная панорама Города. Казалось, мы перенеслись на семь лет назад. Поезд мчался между фантастическими постройками, которые вздымались справа и слева, подобно монолитам из опала и обсидиана. Под нами проплывали многоярусные террасы, украшенные садами и озерами невероятной красоты, оплетенные лабиринтом переходов и транспортных трубопроводов. Они таяли внизу, в туманной синеве, пронизанной залитыми неоновым светом пропастями, гигантскими многоярусными плазами и отвесными стенами. В воздухе густым роем носились ярко расцвеченные летательные аппараты, похожие на экзотических стрекоз и колибри. Пассажирские дирижабли лениво пробирались сквозь эти скопища, над перилами их гондол сотнями торчали головы крошечных зевак. А над всем этим великолепием выросли самые высокие здания — точно облака, которым придали геометрически правильную форму. Чистейшую гладь неба цвета электрик пронизывала тонкая правильная сеть купола.

Этот город чудес тянулся в нескончаемую даль, насколько хватало глаз. Расстояние не превышало шестидесяти километров, но оно могло быть бесконечностью. Кажется, диковин в Городе Бездны могло хватить на целую жизнь — даже в нынешнем понимании.

И никаких признаков эпидемии. Прекрасная иллюзия... Мне пришлось напоминать себе, что мы по-прежнему несемся по туннелю сквозь стенку кратера и до Города еще ехать и ехать.

— Ясно, почему они называли тот период *Belle Epoque*, — сказал я.

Квирренбах кивнул:

— Это и была прекрасная эпоха. И знаете, что хуже всего? Они чертовски хорошо это понимали. В отличие от других «золотых эпох» в истории... они *знали*, что живут в лучшее из времен.

— Должно быть, это сильно испортило их характер.

— Что ж, они заплатили за это сполна.

И в этот миг мы вырвались на свет — я бы так не сказал, но дневное

освещение Города Бездны выглядело именно так. Как я понял, поезд выехал из туннеля и почти сразу миновал границу купола. Теперь мы мчались внутри подвесной трубы, и вид за окнами должен был повторять то, что изображала голограмма, но труба была облеплена грязью и едва позволяла разглядеть тесное скопление трущоб. Голографическая трансляция продолжалась, и картины старого города казались тусклым призраком былого великолепия. Впереди наша труба делала поворот и исчезала в многоярусном цилиндрическом здании, из которого во все стороны расходились такие же путепроводы. Мы уже подъезжали, и поезд начал сбрасывать ход.

Вокзал Гранд-Сентрал, Город Бездны.

Когда мы въехали в здание, голографический мираж растаял, унося с собой последние воспоминания о *Belle Époque*. Судя по всему, только мы с Квирренбахом отдали должное голофильму. Все прочие стояли молча, изучая обожженный и замусоренный пол под ногами.

— Все еще надеетесь здесь освоиться? — спросил я у Квирренбаха. — После того, что видели?

Он долго думал, прежде чем ответить.

— А почему бы и нет? Что если сейчас здесь больше возможностей, чем их было раньше? Впрочем, ясно лишь одно.

— Что именно?

— Что бы я здесь не написал, эта музыка никому не поднимет настроение.

На вокзале Гранд-Сентрал было душно, как в джунглях Полуострова, и так же сумеречно. Вскоре я взмок. Пришлось снять сюртук Вадима, скомкать его и сунуть под мышку.

— Нам нужно удалить имплантаты, — снова повторил Квирренбах, дергая меня за руку.

— Не беспокойтесь, — отозвался я. — У меня хорошая память.

Крышу поддерживали колонны с канелюрами, напоминающие деревья гамадриад. Их пальцы пронзали крышу и терялись где-то в бурой мгле. У подножия колонн теснился местный базар — целый городок из пестрых палаток и прилавков, пронизанный сетью невероятно узких и извилистых пешеходных дорожек. Некоторые прилавки громоздились один на другой, и между ними приходилось пробираться в полумраке, как по туннелю. Повсюду сновали сотни разносчиков, прохаживались покупатели — лишь немногие в сопровождении роботов-слуг. Зато в изобилии встречались экзотические животные на поводках, гигантские слуги-модификанты,

птицы в клетках и змеи. Несколько герметиков совершили ошибку, пытаясь пробиться через базар вместо того, чтобы найти обходной путь, и теперь их паланкины застряли как в трясине, окруженные торговцами и мошенниками.

— Рискнем или поищем дорогу в обход? — спросил я.

Квирренбах покрепче прижал свой кейс к груди.

— Не люблю подобные местечки... но все же предпочту рискнуть. Интуиция — не более того. Мне кажется, мы сможем найти тех, кто окажет нам столь необходимые услуги.

— Это может быть ошибкой.

— Причем, не первой на сегодняшний день. Однако я начинаю впадать в отчаяние. Здесь должно быть хоть что-то съедобное — и желательно не токсичное.

Мы двинулись через базар, но не успели пройти и нескольких шагов, как вокруг нас собралась толпа оптимистично настроенных детишек, к которым присоединилось несколько мрачных попрошаек.

— У меня на лбу действительно написано неоновыми буквами «богатый и легковверный»? — осведомился Квирренбах.

— Дело в нашей одежде, — сказал я, отпихивая очередного сорванца. — Кажется, вас тоже одевали Нищенствующие. Я просто не обратил внимания.

— Не понимаю, при чем тут одежда.

— Просто это означает, что мы не местные, — пояснил я. — И более того, не из этой системы. Кто еще будет носить одежду Нищенствующих? Это автоматически означает, что мы люди обеспеченные, хотя бы с некоторой долей вероятности.

Квирренбах прижал к груди свой драгоценный кейс с пылкостью собственника. Мы проталкивались все дальше, пока не обнаружили прилавок, на котором лежало что-то съедобное — по крайней мере, оно так выглядело. Конечно, в хосписе Айдлвилд мой желудок прошел обработку для совместимости с микрофлорой Йеллоустоуна. Она включала в себя довольно широкий спектр, но не гарантировала защиты от чего-нибудь *этого*. Теперь можно проверить, насколько съедобна для меня местная пища.

Мы купили горячие, жирные лепешки с начинкой из какого-то таинственного мяса. Помимо того, что оно казалось недоваренным, повар явно переборщил с приправами — возможно, для маскировки прогорклого привкуса. Но на Окраине Неба мне доводилось употреблять и менее аппетитные рационы, поэтому я нашел его более менее съедобным.

Квирренбах с жадностью проглотил свою порцию, затем купил еще одну и прикончил ее с то же безрассудностью.

— Эй вы, — слышался голос. — Имплантаты долой?

Какой-то мальчуган тянул Квирренбаха за полу куртки, увлекая его в гущу базара. Одежда паренька через пару недель должна была перейти в разряд тряпок, но пока еще балансировала на грани обветшания.

— Имплантаты долой, — повторил мальчуган. — Вы здесь новенькие, не нуждаться в имплантатах, господа. Мадам Доминика, она их вынет, хорошая цена, быстро, не много крови или боли. Вам тоже, большой дядя.

Паренек вцепился в мой ремень, пытаюсь сдвинуть меня с места.

— Это... гм... не обязательно, — вяло возразил Квирренбах.

— Вы здесь новички, костюмы Ледяных, нужно имплантаты долой скорее, пока они не спятили.

— Нет, большое спасибо.

Рядом возник еще один паренек и вцепился Квирренбаху в рукав.

— Эй, господин, не слушайте Тома — посетите доктора Шакала! Убивает только одного из двадцати! Самый низкий уровень смертности в Гранд-Сентрал! Не валяйте дурака, посетите Шакала!

— Ну да, и оставить там мозги, — подхватил зазывала мадам Доминики. — Не слушайте: все знают, что Доминика — лучшая в Городе Бездны!

— И чего мы ждем? — спросил я у Квирренбаха. — Кажется, именно это вы хотели найти?

— Да! — прошипел Квирренбах. — Но не на базаре, в какой-нибудь грязной палатке! Я представлял себе клинику, хорошо оборудованную, хотя бы с намеком на стерильность. Я знаю, мы сможем найти место получше, Таннер, поверьте мне...

Я пожал плечами, и Том заставил меня сделать шаг в свою сторону.

— А чем вам не угодила палатка, Квирренбах?

— Нет! Это не пойдет. Здесь должна быть...

Он беспомощно посмотрел на меня, надеясь, что я перехвачу инициативу и вырву его из рук маленьких агитаторов, но я только улыбнулся и указал на палатку — сине-белую коробку со слегка провисающей крышей. Растяжки были привязаны к толстым ржавым штырям, вбитым прямо в пол вокзала.

— Заходите первым, — скомандовал я, приглашая Квирренбаха в палатку.

Мы очутились в передней, отделенной от основного помещения. Кроме нас и мальчугана, здесь никого не было. Только сейчас я заметил,

что Том отличался поистине волшебной красотой. Мешковатая одежда не позволяла определить пол, лицо обрамляла копна прямых черных волос. С таким же успехом его могли звать Томасиной, но я решил не торопиться с выводами. Из маленькой малахитовой шкатулки, стоящей на столике в окружении ароматических свечек, лилась мелодия ситара, и Том покачивался ей в такт.

— А здесь вполне недурно, — заметил я. — По крайней мере, никаких луж крови. И разбрызганных мозгов я тоже не вижу.

— Нет! — неожиданно решился Квирренбах. — Не здесь и не сейчас. Я ухожу, Таннер. Вы можете остаться или уходить со мной — решайте сами.

— Том говорит правду, — я взял нарочито спокойный тон. — Вам нужно извлечь имплантаты сейчас, если Нищенствующие еще не успели этого сделать.

Он поднял руку и прощуршал ладонью по щетине на голове.

— Может, они просто запугивали нас этими байками.

— Возможно. Но стоит ли рисковать? Сейчас у вас в голове сидит бомба с часовым механизмом. И ее надо извлечь. В конце концов, их всегда можно вернуть назад.

— В палатке? С помощью какой-то мадам Доминики? Я скорее попробую сам — перед зеркалом, ржавым перочинным ножиком.

— Как вам угодно. Если только раньше не спятите от боли.

Паренек уже тянул Квирренбаха за перегородку.

— Что касается денег, Таннер, — мы оба не слишком богаты. Вы уверены, что услуги мадам Доминики нам по карману?

— А вот это уже аргумент.

Я поймал Тома за воротник и мягко втянул обратно в прихожую.

— Нам с приятелем нужно срочно продать кое-какой товар, если только ваша мадам Доминика не занимается благотворительностью.

Поскольку мои слова остались без внимания, я открыл свой кейс и продемонстрировал Тому его содержимое.

— Продать за наличные. Где?

Это сработало.

— Зеленая и серебряная палатка, через рынок. Скажете, что вас послать Доминика, и вас не слишком облапошить.

— Эй, погодите-ка минутку.

Квирренбах уже стоял одной ногой в комнате. Я увидел невероятно тучную женщину, которая сидела на длинной кушетке, рассматривая ногти. Над кушеткой на шарнирных стрелах были развешены медицинские

инструменты. Пламя свечей, которые освещали операционную, отражалось от полированного металла.

— Ну?

— Почему я должен быть морской свинкой? Кажется, вы говорили, что вам тоже нужно удалить имплантаты.

— Верно. И я скоро вернусь. Кажется, вы сами говорили про наличные. Мне просто нужно кое-что продать. Том сказал, что я смогу сделать это на базаре.

Недоумение на лице у Квирренбаха сменилось яростью.

— Но вы не можете уйти! Я думал, мы заодно! Компаньоны по путешествию! Не предавайте дружбу раньше, чем она завязалась, Таннер!..

— Эй, остыньте. Я еще никого не предал. К тому времени, как она закончит с вами, я вернусь с наличными.

Я повернулся к толстухе и щелкнул пальцами.

— Доминика?

Она томно повернула голову ко мне и скривила губы в немом вопросе.

— Сколько на него уйдет времени?

— Один час, — ответила она. — Доминика очень быстрая.

— Времени более чем достаточно, Квирренбах. Просто усаживайтесь, и пусть она выполнит свою работу.

Он поглядел на лицо Доминики и, кажется, немного успокоился.

— Вот как? А вы точно вернетесь?

— Конечно. Не пойду же я гулять по городу с имплантатами в голове. По-вашему, я похож на сумасшедшего? Но нам нужны деньги.

— И что вы собрались продать?

— Кое-что из личных вещей. Кое-что из подарков нашего общего друга Вадима. На такие вещи должен быть спрос, иначе он не стал бы их собирать.

Тем временем Доминика потянула Квирренбаха к кушетке, но он ухитрился устоять на ногах. Столь же быстро он переменял мнение, когда мы обчищали кабину Вадима, — поначалу возмущался, а потом начал действовать весьма энергично. Подобную «перемену погоды» я наблюдал и сейчас.

— Черт побери, — он покачал головой, потом смерил меня взглядом и открыл свой кейс. Там действительно лежал ворох исписанной нотной бумаги. Покопавшись в них, он нащупал потайное отделение и выудил несколько экспериментальных, конфискованных у Вадима.

— Торговец из меня все равно никудышный. Держите, продайте за хорошую цену, Таннер. Полагаю, это покроет мои расходы.

— Вы мне настолько доверяете?

Он прищурился.

— Просто продайте их подороже.

Я принял у него эксперименталии и поместил в свой кейс.

Толстуха Доминика двигалась позади него по комнате, словно дирижабль, едва касаясь ногами пола. На ней была черная металлическая обвязка, при помощи которой ее непомерная туша была подвешена на мощном металлическом штативе. При каждом движении поршни и шарниры с шипением выпускали пар. Складки жира маскировали неопределенную область, где голова должна была крепиться к туловищу. Мадам держала пальцы чуть растопыренными, словно только что сделала маникюр. Каждый ее ноготь, похоже, представлял собой подобие наперстка, и она выпускала крошечные скальпели и прочие медицинские причиндалы, как кошка когти.

— Нет, вначале он, — произнесла она, указывая на меня мизинцем, украшенным крошечным сверкающим гарпуном.

— Спасибо, Доминика, — ответил я. — Но вначале лучше займитесь Квирренбахом.

— А вы вернетесь?

— Да, только добуду немного денег.

Я улыбнулся и покинул палатку. За занавеской, набирая обороты, взвизгнули сверла.

Глава 14

Продавец рассматривал мой товар через окуляр, укрепленный на голове, который непрерывно жужжал и пощелкивал. Его безволосый скальп был простеган тонкими шрамами и напоминал вазу, которую разбили, а потом склеили кое-как. Он принимал эксперименталии пинцетом, подносил к своему окуляру и изучал, как старый энтомолог изучает экзотических бабочек. Рядом, дымя самодельной сигаретой, стоял юноша в шлеме наподобие того, что я стянул у Вадима.

— Ну, *кое-что* из этого дерьма подойдет, — произнес человек с окуляром. — Возможно. По-Вашему, все это реальное? Все подлинное?

— Военные эпизоды — это запись воспоминаний солдата, который участвовал в этих боях. Сделано в процессе обычного сбора разведывательных данных.

— Да? А как они попали к вам в руки?

Не дожидаясь ответа, он сунул руку под стол, вынул маленькую жестянку, стянутую эластичной лентой, и отсчитал несколько десятков банкнот местной валютой. Я уже заметил, что деноминация была странной: тринадцать, четыре, двадцать семь и три единицы.

— А вот это, черт подери, не ваше дело.

— Согласен, но это не значит, что я не имею права спрашивать, — он поджал губы. — Что-нибудь еще, или так и будете тратить мое время?

Я позволил ему осмотреть эксперименталии, взятые у Квирренбаха и увидел, как его губы скривились — вначале презрительно, затем с отвращением.

— Ну как?

— Ваши наезды мне не нравятся.

— Если товар негодный, так и скажите, и я уйду.

— Товар как раз стоящий, — сказал он после вторичного осмотра. — Месяца два назад я бы у вас это купил. Гранд-Тетон популярен. Людям только подавай эти палочки.

— Так в чем проблема?

— Этого барахла на рынке уже пруд пруди, вот в чем. Спрос на эти эксперименталии уже падает. Они — как бы это сказать? Контрабанда не то третьего, не то четвертого поколения. Просто дешевка для лохов.

Однако он соизволил кое-что отстегнуть — правда, на порядок меньше, чем заплатил за мои.

— Придержали еще что-нибудь в рукаве?

Я пожал плечами.

— Смотря, за чем вы охотитесь.

— А вы пошевелите мозгами, — он подал одну из эксперименталий своему помощнику. Подбородок юноши покрывал пух — первый предвестник бороды. Он извлек палочку, которую просматривал, и вставил взамен мою, не поднимая окуляров. — Что-нибудь черное. Матово-черное. Вы понимаете, о чем я говорю?

— Догадываюсь.

— Тогда выкладывайте либо покиньте помещение.

И тут юноша начал корчиться в кресле.

— Эй, что за херня?

— У него в шлеме достаточное разрешение для стимуляции центров наслаждения и боли? — осведомился я.

— А вам-то что?

Скупщик повернулся к своему напарнику и резким ударом сбил шлем у него с головы.

Парень обмяк и затрясся, по подбородку бежала струйка слюны, глаза остекленели.

— Тогда ему, наверное, не следовало выставлять настройки по умолчанию, — сказал я. — Кажется, он попал на сеанс допроса по методам Северной Коалиции. Вам когда-нибудь удаляли пальцы?

Человек с окуляром ухмыльнулся.

— Ох ты, как паршиво. Для подобной дряни существует свой рынок — как и для черного товара.

Момент был подходящий для того, чтобы проверить эксперименталии Вадима. Я сунул ему одну из черных палочек с изображением серебряной личинки.

— Вы это имели в виду?

Он осмотрел мой товар — вначале недоверчиво, потом с возрастающим интересом. Глаз у него был явно наметан: он знал, как отличить подлинники от второсортных подделок.

— А вот это контрабанда, а значит, товар *стоящий*, что бы там ни было. Эй, придурок, попробуй-ка вот это.

Он нагнулся, поднял погнувшийся шлем и нахлобучил парню на голову. Тот только начал приходить в себя, но едва увидел палочку, замахал руками и отпихнул напарника прежде, чем тот вставил ее в порт.

— Убери от меня эту хрень...

— Я просто хотел, чтобы ты словил кайф, дубина, — он сунул палочку

себе за пазуху.

— Почему бы вам не проверить ее самому? — спросил я.

— По той же причине, мать вашу, по которой он эту херню даже к своему черепу не поднесет. Она плохая.

— Сеанс допроса СК тоже не подарок.

— По сравнению с этим допрос — детская забава. Здесь *настоящая* боль, — он осторожно похлопал себя по нагрудному карману. — То, что здесь содержится, в девять миллионов раз неприятнее.

— Так они действуют по-разному?

— Конечно. Это рискованно, в том-то весь и смак. Крыша едет всегда по-разному. Иногда просто видишь личинок, иногда сам становишься личинкой, а иногда... бывает хуже, гораздо хуже, — он неожиданно просиял. — Впрочем, спрос на них есть, так что не мне жаловаться!

— А чего ради люди над собой экспериментируют? — поинтересовался я.

Он с ухмылкой глянул на юношу.

— Эй, вы тут решили разводить философию? Мне-то почему знать? Таков уж человек. Натура у него извращенная — так, что дальше некуда.

— А отсюда чуть поподробнее, — попросил я.

В самом центре базара над толпой возвышалась башня. Украшенная причудливой инкрустацией, она напоминала минарет, на который водрузили часы с четырьмя циферблатами. Часы показывали местное время. По двадцатишестичасовым суткам только что пробило семнадцать, из-за циферблата показались движущиеся фигурки в космических костюмах и принялись отправлять какой-то сложный псевдорелигиозный ритуал. Я сверил время по часам Вадима... по *моим* часам, ибо это был дважды отвоеванный трофей. Расхождений не было. Если Доминика рассчитала правильно, она все еще возится с Квирренбахом.

Герметики и основная часть аристократов уже успели покинуть рынок, но я заметил несколько человек, которые с растерянным видом бродили взад-вперед. Они выглядели так, словно только что получили уведомление о банкротстве. Возможно, лет семь назад они были сравнительно богаты. Но для того чтобы удержаться на плаву во времена потрясений, нужны не только средства, но и связи. Не думаю, что до эпидемии в Городе Бездны кто-то был по-настоящему беден, однако у состоятельности всегда существуют градации. Несмотря на жару, эти люди ходили в плотных темных одеждах, нередко расшитых тяжелыми драгоценностями. Женщины были в перчатках и изнывали от духоты, но ни одна не сняла

своей мягкой широкополой шляпы даже для того, чтобы обмахнуться. Некоторые прятали лицо под вуалями и чадрами. Мужчины поднимали воротники тяжелых пальто, а панамы и бесформенные береты отбрасывали густую тень. У многих на шее я увидел стеклянные шкатулочки наподобие ладанок. Я знал, что там хранятся имплантаты — напоминание о былой роскоши. На мой взгляд, это все равно, что носить с собой заспиртованного паразита, которого извлекли из твоего кишечника. Здесь были люди самых разных возрастов, но я не увидел никого, кто выглядел действительно старым. Вероятно, старики слишком одряхлели, чтобы отправиться в рискованную прогулку по базару. Помнится, Оркагна что-то говорил о том, как обстоят дела с технологиями продления жизни в разных системах. Кое-кому из этих чудаков может быть по двести или триста лет, и они все еще помнят Марко Ферриси и американо. Странные были времена... но не думаю, что кому-то довелось пережить нечто более странное, чем недавняя трансформация их города и крушение общества, где долгожительство и изобилие казались незыблемыми. Не удивительно, что многие из прохожих выглядели такими печальными. Ситуация может стать лучше, но старые времена *никогда* не вернутся. Эта вселенская скорбь не может не вызвать сострадания.

Возвращаясь к палатке Доминики, раздумывал, стоит ли мне последовать примеру Квирренбаха.

Пожалуй, стоило задать ей несколько вопросов. Но с равным успехом я мог обратиться к любому из ее конкурентов. Не исключено, что в конечном счете мне придется поговорить с каждым из них. С Доминикой меня связывал лишь Квирренбах. По правде говоря, я уже начал к нему привыкать. Но рано или поздно нам придется расстаться, хочу я этого или нет. Можно сделать это прямо сейчас. Покинуть вокзал — и мы вряд ли когда-нибудь увидимся.

Я проталкивался через толпу, пока не вышел за пределы базара.

Дальняя стена наполовину развалилась, и через дыру открывался вид на нижние уровни Города, скрытые за плотной завесой грязного дождя. Его потоки непрерывно извергались через край терминала. Поблизости в ожидании пассажиров бездельничали рикши. Некоторые из их повозок — вертикальные ящики, закрепленные между парой больших колес, — были самоходными и передвигались при помощи паровых двигателей или пыхтящих моторов на метане. Другие были снабжены только педалями на манер велосипедов, а несколько повозок, похоже, были переделаны из паланкинов. Позади разместился транспорт, рассчитанный на более состоятельную публику. Пара элегантных летательных аппаратов на

продольных направляющих, которые словно присели на корточки, мучительно напоминали воланторы, весьма популярные на Украине Неба. Рядом красовалась не менее живописная троица — конструкции, похожие на вертолеты с компактно сложенными винтами. В настоящий момент команда рабочих загружала в один из них паланкин. Поскольку он не проходил в дверь, ящик вполне бесцеремонно привели в горизонтальное положение. Интересно, что это было — похищение или просто посадка в такси?

Сейчас я вполне мог разориться на волантор, но рикши почему-то показались мне более предпочтительным вариантом. Как минимум, я познакомлюсь с местными достопримечательностями — небольшая прогулка без конкретной цели мне не помешает.

Я уже начал протискиваться сквозь толпу, решительно глядя прямо перед собой, но на полпути передумал и направился обратно, к палатке мадам Доминики.

— Господин Квирренбах уже закончил? — осведомился я у Тома. Паренек все еще пританцовывал под музыку ситара и явно удивился тому, что кто-то добровольно вошел в палатку.

— Господин еще не готов — десять минут. У вас есть деньги?

Я понятия не имел, во сколько обойдется операция Квирренбаху. Пожалуй, денег, полученных от реализации его эксперименталий с Гранд-Тетона, должно хватить. Я отсчитал его долю и выложил банкноты на стол.

— Недостаточно, господин. Мадам Доминика хочет еще одну.

Я неохотно извлек из своей пачки еще одну мелкую купюру и добавил ее в долю Квирренбаха.

— И постарайтесь как следует, — предупредил я. — Господин Квирренбах мой друг. Если вздумаешь заниматься вымогательством, когда он выйдет, я вернусь.

— Мы постараемся, господин.

Я проследил, как мальчуган скользнул за перегородку. Пока она была приоткрыта, успел заметить порхающую мадам Доминику и ее длинную кушетку. Операция шла полным ходом. Квирренбах, обнаженный до пояса, распростерся на кушетке, его голова была чисто выбрита и опутана сетью крошечных датчиков. Доминика шевелила пальцами, словно кукловод — и действительно, от ее пальцев тянулись почти невидимые нити. Повинуясь ее движениям, вокруг черепа Квирренбаха плясали блестящие разнокалиберные бусинки. Ни крови, ни явных следов уколов на коже композитора я не заметил.

Похоже, я недооценил Доминику.

— Хорошо, — сказал я, когда Том вернулся. — Хочу попросить у тебя об одолжении, которое стоит этой бумажки, — я показал ему одну из мелких купюр. — Только не говори, что я тебя обидел, поскольку не знаешь, о чем я собираюсь попросить.

— Говорите, большой парень.

Я махнул рукой в сторону рикш.

— Эти штуки ездят по всему городу?

— Почти по всему Малчу.

— Малч — это район, где мы находимся?

Ответа не последовало, поэтому я просто вышел из палатки, а паренек следом за мной.

— Мне нужно попасть в другой район города. Я не знаю, насколько это далеко, но не хочу, чтобы меня обманули. Уверен, что ты сможешь устроить мне поездку, согласен? Тем более, мне известно, где ты живешь.

— Вы получить хорошую цену, не беспокойтесь.

В его мозгах явно что-то шевельнулось.

— Не ждать вашего друга?

— Нет — боюсь, у меня срочные дела, которые не касаются господина Квирренбаха. Мы на некоторое время расстанемся.

Я искренне надеялся, что это правда.

Большинство рикш в той или иной степени напоминали волосатых приматов неопределенной породы. Такая генетическая модификация была весьма полезна с профессиональной точки зрения: ноги у них были длиннее и сильнее, чем у обычных обезьян. Том неразборчивой скороговоркой переговаривался на каназиане с другим пареньком. Они могли быть близнецами, но собеседник Тома был короче подстрижен и, пожалуй, на год постарше. Том представил его мне как Хуана. Похоже, ребята были знакомы не первый день и давно сотрудничали. Хуан пожал мне руку и проводил меня к ближайшей повозке. Я торопливо оглянулся. Ладно, будем надеяться, что Квирренбаху пока не до меня. Мне совершенно не хотелось оправдываться перед ним, если он придет в себя достаточно быстро и Том сообщит ему, что я покинул вокзал. Некоторые пилюли невозможно подсластить. Например, когда тебя бросает человек, которого ты принимаешь за друга, хотя он был всего лишь случайным попутчиком.

Впрочем, муки отверженного вполне могут воплотиться в один из его грядущих *шедевров*.

— Куда ехать, господин?

Хуан говорил с тем же акцентом, что и Том. Я поневоле подумал о

смешении языков: это был дикий коктейль из русиша, каназиана, норта и дюжины других диалектов, на которых говорили здесь в период *Belle Epoque*.

— В Кэнопи, — сказал я. — Ведь ты знаешь, где это находится?

— Конечно, — отозвался он. — Я знаю, где Кэнопи, знаю, где Малч. Вы думать, я идиот вроде Тома?

— Ну тогда отвези меня туда.

— Нет, господин. Я *не могу* отвезти вас туда.

Я собрался было подогреть его энтузиазм при помощи очередной банкноты, но понял, что причина отказа куда серьезнее, нежели недостаток финансов. И проблема, скорее всего, возникла по моей вине.

— Кэнопи — это район города?

Последовал сосредоточенный кивок.

— Вы здесь чужак, да?

— Да, я чужак. Поэтому будь добр, объясни, почему не можешь отвезти меня в Кэнопи.

Купюра, которую я наполовину извлек, исчезла из моих рук, и Хуан пригласил меня занять заднее сиденье повозки так, словно это был трон, отделанный роскошным бархатом.

— Я показать вам. Но я не повезти вас туда, поняли? Для этого вам нуждаться в чем-то побольше рикши.

Он вскочил на соседнее сиденье, наклонился и шепнул что-то на ухо вознице, и примат завертел педалями. Его ворчание должно было выражать крайнее возмущение тем итогом, на который обрекло его генетическое наследство.

Позже я узнал, что биоинженерия животных была одной из немногочисленных областей индустрии, которая продолжала процветать и после эпидемии. Когда полагаться на механизмы стало нельзя, генетики мгновенно заполнили эту нишу.

Как недавно сказал Квирренбах, самое страшное бедствие непременно принесет кому-нибудь выгоду.

И эпидемия — не исключение.

Отсутствие стены позволяло воланторам (и, по-видимому, прочим летательным аппаратам), свободно покидать здание, но рикшам приходилось пользоваться наклонным бетонным туннелем. Сырые стены и потолок сочились густой слизью. Но здесь, по крайней мере, было прохладнее. Шум терминала вскоре стих, молчание нарушалось лишь тихим поскрипыванием шестеренок и цепей, при помощи которых вращательное движение педалей передавалось колесам.

— Вы здесь чужак, — повторил Хуан. — Не из Феррисвилль, и не из Ржавого Обода. И даже не остальная система.

Неужели мое невежество настолько бросалось в глаза, что его заметил даже этот ребенок?

— Наверное, у вас сейчас мало туристов?

— С тех пор как приходят плохие времена, да.

— Как вам удалось их пережить?

— Не знаю, господин, мне только два.

Ну конечно! Это случилось семь лет назад. С точки зрения ребенка, это было давным-давно. Хуан, Том и прочие уличные мальчишки едва ли могли помнить, каким был Город Бездны до эпидемии. Они застали лишь несколько лет изобилия и безграничных возможностей, но восприятие маленького ребенка слишком примитивно, чтобы породить отчетливые воспоминания. Все, что они знали и помнили, — это город нынешнего времени. Огромный, темный, он вновь таил в себе массу возможностей, но теперь они были связаны с опасностью, преступлениями и беззакония. Город воров, попрошаек и тех, кто способен прожить с помощью своих мозгов, а не кредитных рейтингов.

Не хотел бы я жить в таком городе.

Мы встречали других рикш, которые возвращались на вокзал. Их гладкие бока промокли от дождя и блестели, как лакированные. Некоторые из них везли пассажиров, которые угрюмо горбились, кутаясь в дождевики. Весь вид этих людей говорил о единственном желании — очутиться подальше от Города Бездны. Я почти разделял это желание. Я устал, мне было душно, одежда пропиталась влагой и потом, кожа зудела и немела, источая запах. Пожалуй, еще одним моим желанием было немедленно залезть в ванну.

За каким чертом меня сюда понесло?

Я пролетел пятнадцать световых лет, преследуя свою жертву. Я оказался в городе, который превратился извращенное подобие себя самого. И самое главное, за свою жизнь я встречал массу людей, которые были куда более отвратительны, чем тот, кого я преследовал. Он был аристократом, а не военным. Сложись история планеты иным образом — и мы с ним могли быть друзьями. Я даже уважал его — чего стоил хотя бы взрыв моста в Нуэва-Вальпараисо, поступок, которого я совершенно не ожидал. Да, он был совершен с небрежной жестокостью. Но любой человек, которого я недооценил настолько сильно, заслуживал уважения.

И все же я убью его с чистой совестью.

— Думаю, вам необходимый урок истории, господин, — произнес

Хуан.

На борту «Стрельникова» я узнал не слишком много, но сейчас я был не готов поглощать новые знания.

— Если тебе кажется, что я не знаю об эпидемии...

Впереди забрезжил свет. Не слишком яркий, но этого было достаточно, чтобы я понял: скоро мы окажемся в Городе. Свет понемногу становился сильнее, заливая туннель. Он был бурым, как карамель, и казался таким же вязким. Я уже видел это с борта шаттла: сумеречный цвет, сочившийся сквозь еще более густую пелену.

— Эпидемия ударила, и здания спятить, — сказал Хуан.

— Мне об этом уже рассказали.

— Но они не говорят вам достаточно, господин.

Его синтаксис находился в зачаточном состоянии. Правда, подозреваю, человекообразный возница повозки был не способен и на такое.

— Эти здания изменяться, очень быстро, — он широко взмахнул руками. — Много людей умереть, много быть раздавлены, или стать стеной.

— Звучит не слишком весело.

— Я покажу вам люди в стене, господин. И вы больше не шутить. Вы гадить свои штаны.

Мы свернули, уворачиваясь от встречной повозки, но избежать столкновения по касательной не удалось.

— Послушайте, эти здания, они меняются быстрее наверху, понятно?

— Не понимаю.

— Эти здания, как деревья. У них масса корни, которые торчат в земле, да?

— Ты имеешь в виду питающие оси конструкции? Они высасывают сырье из коренной породы для ремонта и регенерации.

— Ну да. Я говорить то же. Как большое дерево. Но как дерево в другом смысле тоже. Всегда расти верхушка. Ясно?

Он сделал широкий жесты, рисуя силуэт грибовидного облака.

Похоже, до меня дошло.

— Ты говоришь, что системы роста были сосредоточены в верхних частях построек?

— Ну да.

— Еще бы, — кивнул я. Эти постройки были спроектированы, чтобы демонтировать себя, а не только вырастать. В любом случае, всегда проще добавить или убрать материал с верхушки. Поэтому нервный центр самовоспроизводящихся механизмов всегда растет вместе с постройкой.

Нижним уровням нужны сточные системы — строгий минимум для поддержания функции, ремонта от повреждений и износа, а также для периодических перепланировок.

Трудно было сказать, что означала улыбка Хуана — то ли одобрение моей запоздалой догадки, то ли сочувствие потерянному мной на это времени.

— Эпидемия попадать вначале наверх от корней. Потом заставлять верхушку здания спятить. Ниже все оставаться как прежде. Когда эпидемия попадать вниз, люди перерезать корни, здание голодает. Все изменения кончатся.

— Но к тому времени верхние части уже изменятся до неузнаваемости, — я покачал головой. — Скверные были времена.

— Еще бы, господин.

Мы вырвались на свет, и я, наконец, понял, чему улыбался Хуан.

Глава 15

Мы находились на нижнем уровне Города Бездны, почти на самом дне кальдеры. Улица, по которой мы ехали, переходила в понтонный мост и пересекала черное озеро. С неба — то есть, с многокилометрового купола над нашими головами — падал ласковый дождь. Вокруг нас из воды вырастали огромные призматические здания. Они были повсюду, куда ни взглянешь — целый лесной массив, который в отдалении сливался в безликую стену и пропадал в туманной дымке. Шесть-семь нижних этажей, покрытых грязной коростой, обросли ветхими хижинами и магазинчиками. Казалось, они были примотаны к большим зданиям при помощи хлипких дорожек и веревочных лестниц. В хижинах горели очаги, а воздух казался еще более едким, чем на базарной площади. Но здесь было чуть прохладнее и, благодаря легкому ветерку, было не так душно.

— Как называется это место? — спросил я.

— Малч, — ответил Хуан. — Все, что внизу, на уровень улица — Малч.

Понятно. Если Малч был районом города, это означало, что районы располагаются подобно геологическим напластованиям. Он включал в себя первые шесть-семь этажей выше уровня затопления. Если сравнивать город с лесом, то Малч представлял собой нечто вроде лесной подстилки.

Я изогнул шею, чтобы не мешала крыша повозки, и поглядел вверх. Постройки с гладкими стенами словно вонзались в небо. На высоте километра или чуть больше они смыкались — хотя это была просто игра перспективы. До определенного уровня геометрия зданий более-менее соответствовала замыслу архитекторов: прямоугольные, с параллельными рядами темных окон постройки портила лишь случайная экстрюзия или наросты, похожие на моллюсков. Выше картина была иной. Хотя ни одна пара зданий не мутировала одинаково, в их метаморфозах было нечто общее. Если бы это происходило с людьми, хирург мог бы узнать и диагностировать патологию, имеющую одинаковое или сходное происхождение. Одни здания раскололись пополам по всей длине, другие отвратительно разбухли, точно страдали водянкой. Некоторые обросли крошечными подобиями самих себя, превратившись в уступчатые башни и потайные темницы волшебных замков. Выше эти структурные наросты многократно ветвились, переплетаясь и прорастая друг в друга, сцепляясь подобно бронхиолам или зловещей мозговой опухоли, пока не

образовывали нечто вроде гигантского плота из сросшихся ветвей, который висел на высоте одного-двух километров над землей. Разумеется, я уже видел это на подлете. Но поражающее воображение масштабы стали понятны лишь при взгляде с этой выигрышной позиции — равно как и подлинный смысл слова, которым это называлось.

Кэнопи.

— Теперь вам ясно, почему я не везти вас туда, господин.

— Начинаю понимать. Оно покрывает весь город, верно?

— Как Малч, только выше, — кивнул Хуан.

Единственное, что не бросалось в глаза, когда я разглядывал город с борта «бегемота», — то, что толщина этого переплетения фантастически деформированных зданий была сравнительно невелика.

Кэнопи был чем-то вроде воздушной экосистемы, а ниже располагался другой мир — и абсолютно другой город. Теперь сложность структуры стала очевидной. Она заключала в себя целые общины — герметические постройки, каждая величиной с дворец, которые висели в Кэнопи на манер птичьих гнезд. Тончайшие шелковистые нити заполняли пространство между крупными ветвями, свисая почти до самой поверхности. Трудно сказать, появились они в результате мутаций или их появление было спланировано человеком.

В итоге казалось, будто Кэнопи опутан паутиной, сотканной чудовищными пауками-невидимками размером с дом.

— Кто здесь живет?

Мой вопрос не был безнадежно глупым, поскольку я уже видел среди ветвей горящие огоньки. Это доказывало, что эти искаженные оболочки, больные, мертвые, они по-прежнему использовались в качестве жилья.

— Никто, кого вы захотеть узнать, господин, — процедил Хуан, затем добавил: — И никто не захотеть узнать вас. Это никак ни оскорбление.

— Я не в обиде, но прошу ответить на мой вопрос.

Хуан замолчал надолго. Наш рикша продолжал огибать корни гигантских построек, а колеса прыгали по заполненным водой ухабам на дороге. Дождь, конечно, не прекратился, но когда я втянул голову под навес, то ощутил тепло и уют — почти как дома. Интересно, прекращается ли когда-нибудь этот дождь. Возможно, конденсация на куполе подчиняется смене дня и ночи или какому-то иному строгому графику. Впрочем, я все больше склонялся к тому, что подавляющее большинство процессов в Городе Бездны никем напрямую не контролируется.

— Тут одни богачи, — произнес паренек. — Настоящие богачи — не так себе, вроде мадам Доминики, — он постучал по лбу костяшками

пальцев. — Да они и не нуждаются в мадам Доминика.

— Значит, в Кэнопи есть анклав, куда не добралась эпидемия?

— Нет, эпидемия достигать везде. Но в Кэнопи они ее вычищают после того, как здание перестать изменяться. Некоторые богатые оставаться на орбите. Некоторые никогда не покидать Город или спускаться сюда, когда дерьмо попадать на вентилятор. Некоторых депортировать.

— А к чему людям было прибывать сюда после эпидемии без крайней необходимости? Даже если Кэнопи «вычистили», как ты говоришь, мне непонятно, почему кто-то предпочитает жить здесь, а не в оставшихся обителях Ржавого Обода.

— Потому что они думать, будто все улучшаться и хотеть быть здесь, когда это случаться. Тогда будет много способов делать деньги, но мало кто всерьез разбогатеть. Сейчас тоже много способов делать деньги — и полиции тут меньше, чем наверху.

— Значит, здесь нет законов, верно? И купить можно что угодно?

Представляю, насколько это соблазнительно после строгостей демаркического режима.

— Господин, вы говорить смешно.

Мой следующий вопрос был вполне очевиден:

— Как мне попасть туда? То есть, в Кэнопи?

— Это не так просто.

— Хочешь сказать, что я недостаточно богат?

— Богат не достаточно, — повторил мальчуган. — Нужен знакомый. Без них в Кэнопи ты никто.

— Предположим, они у меня есть, но как я туда попаду? Может, под зданиями есть какие-то ходы, старые вспомогательные шахты, не поврежденные эпидемией?

Кому знать о таких лазейках, как не уличному сорванцу.

— Вы не захотеть пойти внутренним маршрутом, господин. Очень опасно. Особенно, когда начинаться охота.

— Охота?

— По ночам там плохо, господин.

Я огляделся: действительно, сумерки уже сгущались.

— А ты откуда знаешь? Нет, не отвечай. Просто подскажи, как мне туда попасть.

Я подождал, но ответа не последовало, и я сменил формулировку.

— Люди из Кэнопи когда-нибудь ездят в Малч?

— Иногда. Особо во время Охоты.

Ну вот, хоть какой-то прогресс. Но если каждое слово выдирать

клещами...

— А как они туда попадают? Я видел летательные аппараты, у нас их называют воланторами. Но не могу представить, как пролететь через Кэнопи, не задев паутину.

— Мы тоже называть их воланторы. Они есть только у богачи — трудно чинить, трудно летать. В городе с них не везде толк. Ребята с Кэнопи обычно спускаться в кабельный вагон.

— Фуникулер?

На его лице промелькнула безнадежность, и до меня дошло, что он отчаянно пытается угодить мне. Просто мои расспросы требовали от него таких интеллектуальных усилий, что это вызывало физическую боль.

— Паутина, значит кабель. Они развешивать ее между зданий.

— А ты можешь показать мне вагон?

— Это не безопасно, господин.

— Я тоже не безопасен.

Подсластив просьбу очередной банкнотой, я откинулся на сиденье. Повозка покатила под ласковым дождем через Малч.

Наконец Хуан велел рикше притормозить и повернулся ко мне.

— Вот он. Кабельный вагон. Они часто спускаться сюда. Хотите подъехать ближе?

Вначале я не понял, что он имел в виду. На разбитом дорожном полотне стоял по диагонали один из элегантных аппаратов, которые я видел внутри и снаружи базарной площади. Одна дверца была поднята на манер крыла чайки, а рядом с ним стояли под дождем два типа в пальто. Их лица почти полностью скрывали широкие поля шляп.

Я пялился на них и соображал, что делать дальше.

— Эй, господин, я уже спросить вас, хотите подъехать ближе?

Один из людей закурил сигарету, пламя на мгновение согнало тени с его лица. Это было лицо аристократа, с тонкими правильными чертами, которых я не видел со времени прибытия на планету. Глаза прятались под выпуклыми защитными очками, из-за которых скулы казались заострившимися. Его спутником оказалась женщина. Ее изящная рука, обтянутая перчаткой, сжимала бинокль, маленький, точно игрушка. Поворачиваясь на острых каблуках-шпильках, она обозревала улицу, пока ее взгляд не остановился на мне. Я заметил, как она при этом вздрогнула, хотя и пыталась сдержаться.

— Они дергаться, — выдохнул Хуан. — Обычно Малч и Кэнопи держаться порознь.

— Причина?

— Еще какая, — его голос упал до шепота, и я едва разбирал слова из-за непрерывного шума дождя.

— Малч слишком приближаться, Малч исчезать, — он провел пальцем поперек горла, но осторожно. — Кэнопи любит Игры, господин. Они скучать, все эти бессмертные. Поэтому они играть игры. Беда в том, что не все, кого просить, хотеть участвовать.

— Ты об Охоте?

Он кивнул.

— Но только не говорить сейчас.

— Ладно. Тогда остановись здесь, Хуан, будь добр.

Повозка уже теряла инерцию хода, мышцы на спине рикши мучительно напрягались при каждом движении. Я следил за выражением лиц жителей Кэнопи — они пытались выглядеть спокойными, и почти успешно.

Я вышел из повозки. Под ногами чавкнуло, и я по щиколотку утонул в раскисшем дорожном покрытии.

— Господин, — произнес Хуан. — Вы теперь будьте осторожней. Я еще не найти пассажира до дому.

— Никуда не уезжай. А впрочем... Слушай, если тебя что-то беспокоит, уезжай и вернись минут через пять.

Похоже, эта идея привела его в восторг.

Женщина сунула бинокль за пазуху своего вычурного пальто, мужчина поднял руку и изящным движением поправил очки. Я спокойно зашагал к ним, не сводя взгляда с их тачки. Это была блестящая черная «пиллюля» на четырех колесах, которые втягивались внутрь. Сквозь тонированное лобовое окно можно было рассмотреть мягкие сиденья и сложный пульт управления. На крыше изгибались три лопасти несущего винта. Однако это не вертолет: крепление лопастей выглядит иначе. Они не сидели на вращающейся оси, а выходили из круглых отверстий куполообразного бесшовного выступа на корпусе. Я пригляделся повнимательнее: это были даже не лопасти, а телескопические рычаги, снабженные на концах крючьями.

На этом время осмотра истекло.

— Не подходите ближе, — предупредила женщина. Она говорила на безупречном каназиане и в подтверждение своих слов взмахнула крошечным предметом чуть больше броши — это явно было оружием.

— Он безоружен, — произнес мужчина, намеренно громко, чтобы я мог услышать.

— Это правда, — сказал я, медленно разводя в стороны руки. — Видите, как я одет? Я только что высадился. Я только хочу узнать, как попасть в Кэнопи.

— Кэнопи? — переспросил мужчина, словно услышал нечто забавное.

— Все хотят туда попасть, — сказала женщина. Оружие в ее руке не шелохнулось. Интересно, нет ли в нем крошечных гироскопов либо биоустройства с обратной связью, действующего по команде мускулов ее кисти. — Почему мы должны с вами говорить?

— Потому что я не причиню вам вреда — я не вооружен, как заметил ваш друг, — но у меня есть кое-что любопытное, то, что вас развлечет.

— Вы понятия не имеете, что может нас развлечь.

— Возможно, однако, повторяю — у меня есть кое-что любопытное... и достаточно средств.

Последнее могло вызвать насмешку, но я очертя голову добавил, что прибыл на Малч, к несчастью, не имея связей в Кэнопи.

— Вы сносно говорите на каназиане, — мужчина отвел руку от очков. — Большинство малчей даже выругаться толком не могут на чужом языке, — он отшвырнул прочь недокуренную сигарету.

— С акцентом, — сказала женщина. — Я не улавливаю его происхождение, он мне совершенно не знаком.

— Я с Окраины Неба. Вам могли встречаться люди с других территорий моей планеты, у нас говорят на разных языках. Она заселена достаточно давно — поэтому языки успели смешаться.

— На Йеллоустоуне то же самое, — произнес мужчина; похоже, эта тема его не интересовала. — Но большинство из нас все еще живут в Городе Бездны, где единственное лингвистическое смешение идет по вертикали, — он издал короткий смешок, словно за простой констатацией факта стояло нечто большее.

Я стер с глаз теплые и вязкие капли дождя.

— Возница сказал, что в Кэнопи можно добраться только с помощью фуникулера.

— Верно. Но это не означает, что мы можем вам помочь, — мужчина снял шляпу, демонстрируя длинные светлые волосы, стянутые на затылке.

— У нас нет причин доверять вам, — добавила его спутница. — *Малч* мог стянуть одежду Нищенствующих и выучить несколько слов на каназиане. Никто в здравом уме не прибывает сюда, не наладив заранее связей с Кэнопи.

Что ж, рискнем:

— У меня есть «Горючее Грез». Это вас интересует?

— Несомненно. Но как, черт побери, малчу удалось его раздобыть?

— Это долгая история.

Я полез в сюртук Вадима и извлек оттуда шкатулку с пузырьками.

— Вам придется поверить мне на слово, но это не подделка.

— Верить кому-то на слово не в моих правилах, — сказал мужчина. —

Передайте мне один из ваших пузырьков.

Снова риск, но вполне рассчитанный. Этот тип может сбежать с пузырьком, но у меня останутся другие.

— Я вам его брошу. Идет?

Аристократ сделал несколько шагов в мою сторону.

— Бросайте.

Я бросил ему пузырек, он поймал его на лету и исчез в машине. Женщина оставалась снаружи, все еще держа меня под прицелом своего пистолетика. Прошла минута, другая, затем мужчина вылез из машины, не давая себе труда надеть шляпу. Он поднял пузырек повыше.

— Это... похоже, настоящий.

— Что вы сделали?

— Просветил его, разумеется, — он посмотрел на меня, как на идиота. — У «Горючего Грез» уникальный спектр поглощения.

— Хорошо. Теперь, когда вы поверили в его подлинность, бросьте мне пузырек назад, и мы обговорим условия.

Мужчина сымитировал бросок, но в последний миг придержал пузырек, словно хотел меня подразнить.

— Нет... не будем спешить, ладно? Говорите, у вас есть еще? Сейчас «Горючее Грез» в дефиците. По крайней мере, качественное, — он выдержал паузу. — Я оказал вам одну услугу, можете считать ее платой за этот пузырек. Сейчас за вами придет фуникулер. Надеюсь, вы не солгали, и у вас действительно есть средства.

Он снял очки. Глаза у него были серые, как сталь, и такие же ледяные.

— Благодарю вас. Но какое имеет значение, солгал ли я?

— Станный вопрос, — женщина жестом профессионального шулера заставила свое оружие исчезнуть. Похоже, оно вернулось в наручную кобуру.

— Повторяю, я любопытен.

— В Кэнопи законы не действуют, — сказала она. — Кроме одного. Он нас устраивает — это закон Игры. Сейчас мы не в Кэнопи. Здесь, внизу, может случиться что угодно. Но мы не станем терпеть обманщиков.

— Не беспокойтесь, у меня тоже не ангельское терпение.

Они влезли в свой аппарат, но не торопились опускать дверцы.

— Может быть, увидимся в Кэнопи, — сказал мужчина и улыбнулся мне. Милая, однако, у него улыбка... Нечто подобное я наблюдал за стеклом террариума в Доме Рептилий.

Дверцы захлопнулись, и машина чуть слышно загудела.

Телескопические рычаги на крыше фуникулера раздвинулись и поднялись вверх. Они росли на глазах — вдвое, втрое, вчетверо... словно хотели дотянуться до неба. Я поднял голову, держа руку козырьком. Капли дождя текли по лицу, лаская кожу. Мой провожатый говорил, что паутина кабелей, оплетающая искривленные постройки Кэнопи, иногда свешивается до уровня Малча, подобно виноградной лозе, но я оставил эти слова без внимания. Вот один из крючьев зацепился за нижний кабель... Схема движения стала ясна. Пара свободных рычагов вытянулась еще немного — теперь они были раз в десять длиннее прежнего. Сперва один, потом второй наткнулся на кабель и закрепился.

После этого — плавно, словно на двигателях малой тяги — фуникулер пошел вверх, понемногу ускоряя движение. Ближайший рычаг отцепился от кабеля, мгновенно сократился в несколько раз, точно язык хамелеона, потом снова выстрелил и сомкнулся вокруг другого кабеля.

Аппарат продолжал подниматься, рычаги поочередно отрывались от кабелей и цеплялись за другие. Машина успела пройти добрую сотню метров и понемногу исчезала из виду. Она двигалась без малейших толчков. Но, черт возьми, мне не раз казалось, что она вот-вот сорвется и рухнет вниз, в Малч.

— Эй, господин. Вы еще здесь.

Заглядевшись на фуникулер, я не заметил, как рикша вернулся. Я ожидал, что мой провожатый проявит деловую хватку и не упустит случая перехватить что-нибудь до возвращения на базарную площадь. Но Хуан оказался верен своему обещанию и, наверное, был бы оскорблен, вырази я ему свое удивление.

— А ты думал, меня здесь не будет?

— Никогда не знаешь, когда Кэнопи рухнуть. Эй, почему вы стоять на дожде?

— Потому что ты возвращаешься без меня.

Он еще не успел подобрать слова, чтобы выразить свое разочарование. Но когда я предложил ему отступные, его мордашка скривилась так, что я понял, что нанес серьезное оскорбление всем его собратьям.

— Это больше, чем ты мог заработать, отвезя меня обратно.

Он хмуро уставился на две купюры по семь феррисов.

— Господин, вы не хотите оставаться. Этот район совсем плохой.

— Не сомневаюсь, — надо же, даже в такой дыре, как Малч, есть хорошие и плохие кварталы! Люди из Кэнопи сказали, что пришлют за мной фуникулер. Может быть, они меня надули. Но если я уеду, я не смогу об этом узнать. А если они не соврали, я смогу пробраться в одно из тех зданий.

— Это плохо, господин. Кэнопи, они никогда не делают добра.

Пожалуй, о «Горючем Грез» упоминать не стоит.

— А если они поверили, что я человек влиятельный? Думаешь, они захотят нарываться на неприятности?

Хуан пожал плечами. Вероятность такого исхода была слишком низкой, чтобы мой довод его убедил.

— Господин, я ехать. Не хочу оставаться здесь, если вы не ехать.

— Все в порядке, я понимаю. Прости, что заставил тебя ждать.

Вот и все. Хуан покачал головой — похоже, он смирился с тем, что меня невозможно переубедить, — и поехал прочь. Вскоре грохот его повозки замер вдали. Я остался один под дождем — на этот раз по-настоящему один. Повозка исчезла за углом, и я потерял единственного человека, кто мог сыграть роль моего союзника в Городе Бездны... Вернее, я сам от него избавился. Это было странное чувство. Но я знал, что сделать это было необходимо.

Я начал ждать.

Прошло примерно полчаса — достаточно, чтобы я заметил, что в городе темнеет. Эпсилон Эридана опустился за горизонт, и его свет, окрашенный в светло-коричневые тона куполом, приобрел окраску запекшейся крови. Теперь лучам приходилось просачиваться через переплетение зданий — испытание, способное свести на нет любую попытку осветить Город. Башни вокруг меня темнели, пока не стали действительно похожи на гигантские деревья, а переплетенные конечности Кэнопи, где светились жилища, напоминали ветви, отягощенные светильниками и китайскими фонариками. Зрелище было одновременно жуткое и прекрасное.

Наконец один из огней покинул небесный свод, обратившись в падающую звезду, и начал приближаться. По мере того как мои глаза привыкали к темноте, я опознал фуникулер, который спускался ко мне.

Забыв о дожде, я зачарованно наблюдал за тем, как машина замедляет движение и опускается почти до уровня улицы, а кабели в вышине звенят, то напрягаясь, то ослабляясь. Луч одинокого прожектора, укрепленного на кабине, пробежал по залитой дождем дороге, освещая каждую трещину на поверхности, затем устремился ко мне.

Неподалеку от моих ног вдруг забавно всплеснула из лужи вода.

Одновременно послышался звук выстрела.

Любой солдат в подобной ситуации отложит анализ ситуации на потом и не станет рассуждать о типе и калибре оружия, которое было применено, и местонахождении стрелка — и даже не помедлил проверить, служу ли я целью или просто случайной мишенью. Именно так я и поступил.

Я со всех ног бросился к темному основанию ближайшего здания, подавляя абсолютно разумный рефлекс, требующий бросить на ходу кейс. Без него мне суждено очень быстро опуститься на безликое дно Малча. Лучше сразу встать под пули.

По мне продолжали стрелять.

Судя по тому, что пули ударили в метре от моих каблуков, стрелок был не новичком. Убить меня не трудно — достаточно перенести линию огня чуть вперед, а снайперского навыка им вполне хватало. Но стрелку — или стрелкам — захотелось со мной поиграть. Если бы они хотели убрать меня выстрелом в спину, это можно было сделать в любой момент.

Я добежал до здания по щиколотку в воде. Дом был облицован сплошными гладкими плитами — ни единого углубления или щели, где можно затаиться. Стрельба прекратилась, эллипс прожектора замер в неподвижности. В конусе слепящего голубого света между мной и фуникулером колыхался занавес дождя.

Из темноты возникла фигура в пальто. Вначале мне показалось, что это один из моих недавних собеседников. Но человек шагнул в луч прожектора, и я понял, что вижу его впервые. Он был лыс, с карикатурно квадратным подбородком, а один глаз скрывался за пульсирующим монокуляром.

— Замрите на месте — и будете целы.

Его пальто распахнулось, и я увидел его ствол — куда более массивный, чем игрушечная пукалка той леди из Кэнопи, — и предназначенный для более серьезных целей: вертикальный черный прямоугольник с рукоятью, из которого торчал квартет темных дул. Костяшки мужчины побелели, указательный палец ласково проводил по курку.

Он выстрелил от бедра, из дул в моем направлении вылетело нечто вроде отрезка лазерного луча. Отрезок ударил в стену здания, выбросив сноп искр. Я бросился бежать, но во второй раз он прицелился точнее. Ощувив острую боль в бедре, я вдруг обнаружил, что уже не бегу. Теперь я не делал ничего, только кричал.

А вскоре и кричать стало невозможно.

Медики прекрасно поработали, но от них не стоило ожидать чудес. Диагностическая аппаратура, окружавшая постель его отца, неусыпно стояла на страже, озвучивая медленную и печальную литургию биологического угасания.

Прошло шесть месяцев с тех пор, как спящий проснулся и ранил отца Небесного. Лишь благодаря общим стараниям Тит Хаусманн и тот, кто на него покушался, были живы до сих пор. Но запасы медикаментов таяли, а опыта людей не хватало. Вместе с ними угасала надежда на выздоровление обоих раненых.

Недавние серии переговоров между кораблями никоим образом не помогли делу. Беда никогда не приходит одна. В подтверждении этой поговорки несколько недель спустя на борту «Бразилии» был обнаружен шпион. Служба безопасности проследила агента до «Багдада». Однако командование корабля сообщило, что шпион родился не у них на борту — скорее всего, он был родом с «Сантьяго» или «Палестины». По подозрению были арестованы несколько человек. Задержанные, а вместе с ними и многие другие, выразили возмущение по поводу неправомерности сроков заключения и прямо заявили о нарушении закона Флотилии. Градус отношений опустился до точки замерзания, торговля почти прекратилась, равно как и всякие контакты между кораблями. Правда, были предприняты несколько отчаянных дипломатических миссий, но все они провалились, и дело закончилось взаимными упреками.

На этом фоне требования увеличить поставки медикаментов и оказать отцу Небесного квалифицированную помощь игнорировались. В оправдание было заявлено, что кризисная ситуация распространяется на всю Флотилию. В качестве начальника службы безопасности Тит не избежал подозрений в изначальном провоцировании инцидента со шпионом.

Извините. Мы хотели бы помочь, мы действительно хотели бы...

Отец пытался заговорить.

— Шайлер... — губы были сухими, как пергамент. — Шайлер, это ты?

— Я здесь, папа. Я никуда не уходил.

Он присел на табурет у кровати и всмотрелся в серую маску, искаженную гримасой страдания. Как непохож был этот человек на его отца, каким он был до покушения. Это не был тот Тит Хаусманн, которого в равной мере опасались и любили все на корабле — и сдержанно уважали на всех кораблях Флотилии. Это был не тот человек, который спас его из детской во время аварии. Не тот, кто взял его за руку, усадил в кэб, чтобы

совершить первое путешествие за пределы корабля и показать мальчугану великолепие и бесконечное одиночество его дома. Это не был тот *каудильо*, который шагнул в капсулу впереди своей команды, прекрасно зная, что может столкнуться со смертельной опасностью. От того человека осталась лишь бледная тень, слепок, снятый со статуи. Черты не исказились, пропорции совпадали, но внутри уже ничего не было. Вместо твердой поверхности — лишь оболочка, тонкая, как бумага.

— Небесный, как там наш заключенный? — отец попытался приподнять голову с подушки. — Он еще жив?

— Почти нет, — сказал Небесный. После того как отец получил ранения, он добился места в команде службы безопасности. — Честно говоря, я не думаю, что он еще долго протянет. Его раны гораздо серьезнее твоих.

— Но ты сумел поговорить с ним, верно?

— Да. Кое-что мы из него вытянули.

Небесный подавил вздох. Он уже говорил об этом отцу, но то ли Тит терял память, то ли хотел услышать все еще раз.

— Что именно он тебе сказал?

— Ничего, о чем мы не могли бы догадаться. Мы все еще не знаем, кто устроил его на корабль, но это почти наверняка была одна из фракций, способных на такого рода дела.

Отец поднял палец.

— Вспомни о его оружии, о механизмах, вживленных его в руки...

— Они не столь необычны, как ты думаешь. К концу войны они, очевидно, появились повсюду. Еще хорошо, что ему в руку не встроили ядерный запал — хотя такое, разумеется, не в пример труднее спрятать.

— Он когда-нибудь был просто человеком?

— Наверное, мы этого никогда не узнаем. Некоторые из ему подобных создавались в лабораториях. Других делали из заключенных или добровольцев. Они подвергались мозговой хирургии и психологической обработке с тем, чтобы их могла применять в качестве оружия любая заинтересованная сторона. Они были похожи на роботов из плоти и крови и обладали ограниченной способностью общения с другими людьми, когда это совпадало с их оперативными задачами. Они могли общаться вполне убедительно, отпуская шутки и болтая о пустяках, пока не достигали своей цели, после чего мгновенно переключались в другой режим и превращались в бездумных убийц. В тела некоторых из них было вживлено оружие для особых заданий.

— У него в руке было много металла.

— Конечно, — намек отца был вполне понятен. — Слишком много, чтобы он мог пробраться на корабль без посторонней помощи. Это подтверждает версию о заговоре, но об этом мы и без того знали.

— Но мы нашли только одного заговорщика.

— Только одного.

В течение нескольких дней после нападения всех спящих просканировали на предмет имплантированного оружия. Процедура была сложной и опасной и никаких результатов не дала.

— Это показывает, насколько они были самоуверенны.

— Небесный... он не сказал, почему он это сделал или почему его заставили это сделать?

Небесный поднял бровь. Расспросы такого рода были ему в новинку. Прежде отец сосредоточивался только на специфических деталях.

— В общем, он кое-что упоминал.

— Продолжай.

— Однако я не обнаружил в его словах особого смысла.

— Может быть, но мне хотелось бы о них услышать.

— Он говорил о фракции, которая что-то обнаружила. Правда, не сказал, кем или чем эти люди были и где они базировались.

— И что именно они обнаружили? — пробормотал отец еле слышным голосом.

— Нечто странное.

— Расскажи мне об этом, Небесный.

Тит умолк. Догадавшись, что его мучит жажда, Небесный приказал роботу в палате поднести стакан с водой к потрескавшимся губам отца.

— Это случилось незадолго до того, как Флотилия стартовала и покинула солнечную систему. В одной из научных областей, которая активно развивалась в последние годы войны, было сделано открытие.

— И это было...

— Человеческое бессмертие.

Небесный произнес эти слова осторожно, словно они обладали волшебной силой, и их не следовало произносить всуе.

— Он сказал, что этой фракции в течение столетия удалось соединить различные процессы и области исследований и разработать курс терапии. Они добились успеха там, где другие потерпели неудачу или были вынуждены свернуть исследования по политическим причинам. Конечный результат оказался неоднозначным. Это не все равно, что принять один раз пилюлю и забыть о ней.

— Продолжай, — сказал Тит.

— Это был целый комплекс технологий. Генетика, химиотерапия, кое-что зависело от крошечных устройств, вживленных в организм. Весь процесс был фантастически сложным, масса тонкостей... К тому же терапия должна была проводиться регулярно — но при правильном применении она давала реальный результат.

— И что ты об этом подумал?

— Разумеется, это абсурд. Нет, я не отрицаю, что такое в принципе возможно. Но разве о таком открытии не должно быть известно каждому?

— Не обязательно. Не забудь, война уже выдыхалась. Обычные каналы связи были нарушены.

— Значит, по-твоему, такая фракция могла действительно существовать?

— Да, я верю, что она существовала, — отец замолчал, восстанавливая силы. — Можно сказать, я это знаю. Подозреваю, что почти все, что этот химерик тебе рассказал, — правда. Здесь нет никакого волшебства. Наверняка есть болезни, против которой даже эта технология бессильна. Но это лучшее, что когда-либо создавалось цивилизацией. Да, в лучшем случае она увеличивает продолжительность жизни до ста восьмидесяти лет — в крайнем случае, до двухсот. Конечно, о бессмертии речь не идет. Но это неважно — важно то, что у человека появлялся шанс оставаться живым, пока не появится нечто лучшее.

Тит бессильно откинулся на подушку.

— Кто об этом знал?

Отец улыбнулся.

— Кое-кто из людей с достатком, кто же еще? Те, кого даже война пощадит. Те, кто смог оказаться в нужном месте или знал нужных людей.

Следующий вопрос был очевидным и пугающим. Флотилия стартовала, когда война находилась в конечной стадии. Многие из тех, кто ныне спал в капсулах, просто пытались бежать. Солнечная система была полуразрушена, но по-прежнему только и ждала возможности вновь окунуться в полномасштабное кровопролитие. Претенденты на право лететь проходили суровый отбор. Но хотя места на кораблях распределялись на основании заслуг, для людей с достаточным влиянием находились способы попасть на борт. Если у Небесного когда-либо были сомнения, их рассеяло появление диверсанта. Кто-то и где-то нажал на нужные рычаги, чтобы доставить химерика на борт.

— Ну хорошо. А как насчет спящих? Многие ли из них знали об открытии?

— Знали все, Небесный.

Юноша посмотрел на отца, лежащего перед ним. Сколько ему еще осталось? От колотых ран можно оправиться — они были не особенно серьезны. Но они вызвали осложнения: в организме проснулись затаившиеся до поры банальные инфекции. Было время, когда медики Флотилии могли его спасти. Несколько дней — и они без особых усилий поставили бы его на ноги. Но теперь им оставалось лишь поддерживать естественные процессы заживления. И они медленно проигрывали битву.

Небесный размышлял над словами отца.

— И сколько из них получили терапию бессмертия?

— Ответ тот же.

— Все? — он недоверчиво покачал головой. — Все спящие, которых мы везем?

— Да. За незначительным исключением — некоторые, например, отказались от нее по этическим или медицинским соображениям. Но большинство прошли терапию незадолго до посадки на борт, — отец снова умолк. — Это единственная тайна всех тайн моей жизни, Небесный. Я узнал об этом еще от своего отца. Нелегко было ее хранить, поверь.

— Как тебе удавалось?

Отец еле заметно пожал плечами.

— Это часть моей работы.

— Не говори так. Это тебя не извиняет. Ведь они предали нас, верно?

— Это как сказать. Они действительно не поделились своим секретом с экипажем. Но, думаю, с их стороны это был добрый поступок.

— Скажи, почему.

— Представь себе, что мы бессмертны. Это означает полтора века заключения на борту этой махины. Мы бы просто понемногу спятили. Этого они и опасались. Поверь: экипажу лучше прожить нормальный жизненный срок, а затем передать бразды правления новому поколению.

— Ты называешь это добротой?

— А разве нет? Да, мы обслуживаем спящих. Но не все они благополучно проснутся в Конце Путешествия. Так что завидовать нечему. К тому же нам нужно заботиться и о себе. Мы управляем кораблем не только ради спящих, но и ради себя.

— Да. Весьма объективно. Но ты знаешь, что они утаили от нас секрет бессмертия. И ты хочешь сказать, что это не влияет на твое отношение к ним?

— Не знаю. Вот почему я никому не раскрываю этой тайны.

— Но ты только что раскрыл ее мне.

— Тебе ведь хотелось знать, правду ли сказал химерик? Что ж, теперь

ты знаешь.

Лицо отца на минуту стало безмятежным, словно с него сняли тяжкую ношу. Небесному даже показалось, что отец ушел в небытие. Но вскоре веки шевельнулись, Тит облизнул губы. Он собирался сказать что-то еще, хотя это давалось ему с огромным трудом.

— И еще одна причина... мне тяжело говорить об этом, Небесный. Я не уверен, что поступаю правильно.

— Если можешь положиться на меня...

— Прекрасно. Тогда изволь выслушать. Я много раз собирался рассказать тебе об этом, но мне не хватало мужества и убежденности. Как говорится, неполное знание — опасная вещь.

— Поясни, о чем идет речь.

— О твоём происхождении.

Тит попросил воды. Небесный подумал о воде в стакане, молекулы которой просачивались между губ отца. Каждая капля воды на корабле проходила цикл преобразований, чтобы ее можно было пить снова и снова. В межзвездном пространстве не должно быть отходов. Через много месяцев — или лет — Небесный будет пить ту же воду, которая сейчас приносила облегчение его отцу.

— Происхождении?

— К сожалению, ты не мой сын.

Тит мрачно уставился на него, словно ожидая, что Небесный тронется рассудком от подобного откровения.

— Ну вот, я это сказал, а сказанного не воротишь. Тебе придется выслушать остальное.

Возможно, он сдает быстрее, чем это регистрируют машины, подумал Небесный. Он скользит в темную траншею безумия, его кровоток отравлен, а мозгу отчаянно не хватает кислорода.

— Я твой сын.

— Нет. Мне лучше знать, Небесный. Я собственными руками вытащил тебя из капсулы.

— О чем ты говоришь?

— Ты был одним из них. Одним из *момио*, одним из спящих.

Небесный кивнул, мгновенно принимая эту истину. На каком-то уровне он знал, что нормальной реакцией было бы недоверие, быть может даже гнев, но он их не чувствовал; только глубокое и успокаивающее ощущение правдивости.

— Сколько мне было лет?

— Тебе было несколько дней от роду, когда тебя заморозили. На борту

было несколько младенцев вроде тебя.

Он слушал, как отец — не *его отец* — продолжал рассказ. Лукреция Хаусманн, женщина, которую Небесный считал своей матерью, родила на борту корабля, но ее младенец, мальчик, умер через несколько часов. Опечаленный Тит скрывал правду от Лукреции — часами, затем днями, пуская в ход всю свою изобретательность. Пока она находилась под действием успокоительных препаратов, но Тит опасался, что правда убьет ее — возможно, не физически, но ее дух будет сломлен. Эту женщину любили на корабле больше, чем кого бы то ни было. Если с ней что-то случится, это повлияет на всех и каждого, как смертельный яд. Они были одной семьей, все знали друг друга. Лукреции будет не под силу перенести потерю ребенка.

И тогда Тит решился. Он знал, что пожалеет об этом, едва успев осуществить свой план. Но к тому времени будет слишком поздно.

Он украл ребенка у спящих. Оказалось, что дети не в пример взрослым лучше приспособлены к «оживлению» — это как-то связано с отношением объема тела к его поверхности. «Разморозить» ребенка не составило серьезных проблем. Он выбрал самого младшего, чтобы ложь выглядела убедительной. Все остальное было не важно. Лукреция слишком долго не видела сына, чтобы обнаружить подмену.

Он положил мертвого ребенка на место, снова охладил капсулу и мысленно попросил у него прощения. К тому времени, как маленький покойник будет обнаружен, он сам давно будет мертв. Проснувшихся родителей также ожидает ужасное испытание, — но они проснутся в новом мире, и у них будет достаточно времени, чтобы попытаться зачать еще одного ребенка. Для них это будет меньшим потрясением, чем для Лукреции. Наконец... если бы он не решился на это преступление, ситуация на корабле могла бы осложниться настолько, что сама миссия оказалась бы под угрозой. Конечно, до крайностей обычно не доходит, но вероятность такого исхода существовала. Значит, в это просто надо поверить — поверить, что совершенный им поступок послужит общему благу.

Преступление ради любви.

Конечно, Тит не смог бы осуществить задуманное в одиночку. Еще несколько его лучших друзей знали правду. Но все они были надежными людьми и никогда не вспоминали о том, что случилось. Сейчас все они уже мертвы.

Поэтому пришло время открыть тайну Небесному.

— Теперь ты понял, почему я так часто говорил, что ты непохож на

других? — спросил Тит. — Это действительно так. Ты единственный бессмертный среди нас. Вот почему вначале я воспитывал тебя в изоляции. Вот почему ты столько времени проводил один в детской и не играл с другими детьми. Прежде всего, мне хотелось уберечь тебя от инфекций — ты более чувствителен к ним, чем другие дети, и эта чувствительность остается повышенной по сей день, хотя ты и вырос. Но в основном мне хотелось изучить ход твоего развития. У тех, кто прошел терапию, развитие замедляется, Небесный. И чем дальше, тем сильнее. Сейчас тебе двадцать, но тебя можно принять за пятнадцатилетнего подростка, разве что высокого. К тому времени, когда тебе будет тридцать или сорок, люди будут говорить, что ты выглядишь очень молодо. Правду никто не узнает — во всяком случае, до тех пор, пока ты не станешь старше... намного старше.

— Значит... я бессмертный?

— Да. И это меняет многое, если не все. Не так ли?

Небесному Хаусманну пришлось с этим согласиться.

Позже, когда отец снова провалился в бездну забытья — неизбежного предвестника смерти — Небесный отправился к диверсанту. Пленный химерик лежал точно на такой же постели, как и его отец, его также окружали роботы, но этим сходство ограничивалось. Аппаратура только осуществляла наблюдение — он был достаточно силен, чтобы обходиться без помощи... даже слишком силен. Трудно было поверить, что из него извлекли целый рожок пуль. На кровати пленника удерживали оковы из прочного пластика — широкий обруч стягивал его грудь, два обруча поменьше — предплечья. Это позволяло ему подносить к лицу одну руку — другая оканчивалась оружием, которым он изувечил Тита. Впрочем, оружия уже не было. Рука киборга оканчивалась аккуратно зашитым обрубок. Его тщательно сканировали, но ни имплантированного оружия, ни каких-то других скрытых устройств не обнаружили — не считая имплантатов, с помощью которых хозяева заставляли его подчиняться своим целям.

Фракционеры, которые внедрили на корабль своего агента, явно страдали недостатком фантазии. Они сделали ставку на механические разрушения, тогда как вирус, невидимый и легко передающийся, мог оказаться куда более эффективным оружием. Правда, без живого экипажа спящие вряд ли сумеют куда-то долететь.

Однако у химерика могут быть другие способы выполнить задание.

Как это странно — вдруг узнать, что ты бессмертен. Небесный не собирался заниматься самокопанием. Бессмертие не делает его

неуязвимым, но осторожность и предусмотрительность помогут ему снизить риск до минимума.

Он отступил от постели убийцы. Кажется, диверсант обезоружен — но полной уверенности нет и быть не может. Пусть мониторы показывают, что он находится забыты, не менее глубоко, чем отец. Лучше не рисковать. Эти существа созданы для обмана. Они способны проделывать любые трюки с сердечным ритмом и нейронной активностью. Одной свободной руки достаточно, чтобы схватить Небесного за горло и задушить... или подтянуть его к себе и перегрызть горло.

Небесный заметил на стене медицинский набор. Он распахнул ящичек, изучил аккуратно разложенные препараты, затем извлек оттуда скальпель. Голубоватая стерильная сталь сверкнула в приглушенном освещении изолятора. Покрутив его перед глазами, он с восхищением проследил, как исчезает лезвие при повороте кромкой вверх.

Чудесное оружие. Можно сказать — воплощение совершенства.

Сжав скальпель в руке, он шагнул к диверсанту.

Глава 16

— Он приходит в себя, — произнес голос. Мои мысли кристаллизовались, и я переключился в сознательный режим.

Одно из правил, которое солдат усваивает очень быстро — по крайней мере, на Окраине Неба: не каждый, кто в тебя стреляет, непременно хочет тебя убить. Во всяком случае, в тот момент, когда стреляет. Причин может быть тысяча. Взять хотя бы простой захват заложников. Из плененных солдат можно выкачать полезные воспоминания, не прибегая к жестоким пыткам — для этого требуется лишь технология траления, которую ультра могут предоставить за определенную сумму. В общем, добыть тактические или оперативные сведения, которые гарантированно сидят в мозгах у любого мало-мальски стоящего бойца.

Но со мной такого не случилось никогда. В меня стреляли и попадали, но при этом никто не рассчитывал, что я проживу даже тот короткий отрезок времени, за который из меня можно успеть что-то вытянуть. Мне посчастливилось ни разу не попасть в плен, и я никогда не испытывал сомнительного удовольствия очнуться в чьих-либо недружественных объятиях.

Похоже, теперь мне предстояло испытать это удовольствие.

— Господин Мирабель? Вы очнулись?

Что-то мягкое и холодное скользнуло по лицу. Я открыл глаза и тут же сощурился: после неопределенного периода отключки свет показался мне нестерпимо ярким.

— Где я?

— В безопасном месте.

Тупо оглядевшись, я обнаружил, что полулежу в кресле, которое стоит на возвышении у стены. Пол длинной комнаты был наклонным, а стены отделаны рифленным металлом. Ощущение было такое, будто я спускаюсь на эскалаторе по слегка изогнутому туннелю. Стены были пронизаны овальными окнами, но я мог разглядеть лишь темноту, расцвеченную длинными перепутанными цепями светящихся гирлянд. Все ясно: я нахожусь высоко над поверхностью планеты... почти наверняка где-то в Кэнопи. Пол действительно походил на эскалатор — несколько очень широких и низких «ступеней» спускались метра на два-три. До дальнего конца было метров пятнадцать. Похоже, уклон образовался произвольно, после чего пол пришлось спешно переделать.

И, разумеется, я был не один.

Рядом стоял тот самый тип с квадратной челюстью и монокуляром. Одной рукой он поглаживал подбородок, словно напоминая себе о его внушительных размерах. В другой руке он держал кусок мягкой фланели, с помощью которой я был столь деликатно приведен в чувство.

— Должен признаться, с дозой лучевого шокера я ошибся, — проговорил он. — Кое-кого она могла бы убить. Я думал, что вы не придете в себя еще несколько часов, — он положил руку мне на плечо. — Но сейчас с вами, кажется, все в порядке. Вы крепкий парень. Примите мои извинения — уверяю вас, впредь такое не повторится.

— Я тоже на это надеюсь, — в поле моего зрения появилась женщина. Я сразу узнал ее — и ее спутника, возникшего передо мной справа с неизменной сигаретой, поднесенной к губам. — Ты становишься неряшливым, Уэверли. Этот человек мог подумать, что ты хочешь его убить.

— А он не хотел?

Приятная неожиданность: я думал, что не смогу шевелить языком.

Уэверли мрачно покачал головой.

— Вовсе нет. Я изо всех сил пытался спасти вам жизнь, господин Мирабель.

— Довольно оригинальный способ.

— Мне необходимо было действовать быстро. Вам устроила засаду группа «свиней». Вы знаете, кто такие «свиньи», господин Мирабель? И вряд ли захотите узнать. Это одна из самых мерзких иммигрантских групп, с которыми нам пришлось иметь дело после гибели Блестящего Пояса. У них милая манера — например, натянуть через дорогу сигнальную проволоку, соединенную с арбалетом. Обычно они выходят на охоту ближе к ночи, но сегодня они, должно быть, проголодались.

— Чем вы меня подстрелили?

— Я уже сказал: лучевым шокером. Вообще-то, довольно гуманное оружие. Лазерный луч просто прокладывает в воздухе ионизированную дорожку, по которой можно выпустить парализующий электрический разряд.

— Который причиняет боль.

— Знаю, знаю, — он вскинул руки, точно защищаясь. — В свое время мне тоже досталось. Увы, я рассчитывал оглушить «свинью», а не человека. Но, может быть, это к лучшему. Вы могли оказать сопротивление, и мне пришлось бы принимать более радикальные меры.

— Но почему вы бросились меня спасать?

Он казался растерянным.

— Просто решил поступить как порядочный человек.

— Вначале я недооценила вас, господин Мирабель, — заговорила женщина. — Вы заставили меня волноваться, и я усомнилась в ваших словах.

— Я всего лишь просил совета.

— Знаю — это только моя вина. Но сейчас мы все на нервах. Когда мы уехали, мне стало стыдно, и я попросила Уэверли присмотреть за вами. Что он и сделал.

— Именно, *присмотреть*, Сибиллина, — подхватил Уэверли.

— И где я теперь нахожусь?

— Покажи ему, Уэверли. Ему давно пора размяться.

Я почти ожидал, что окажусь привязанным к креслу. Ничего подобного. Уэверли дружеским жестом подал мне руку, и я осторожно попробовал встать. В том месте, где меня зацепил луч, мышца как будто превратилась в желе — но это, судя по всему, уже ненадолго. Обойдя женщину, я принялся осторожно спускаться по «ступеням» к дальнему концу комнаты. Двойная дверь явно вела наружу: из-за нее чуть заметно тянуло ночным воздухом. Уэверли вывел меня на покатый балкон, окруженный металлическими перилами. Лицо оведал теплый ветерок.

Я оглянулся. Балкон опоясывал здание по всей окружности... только это было не здание.

Это была гондола воздушного корабля, висящая слегка под углом. Над нами, точно дождевая туча, темнел аэростат, стиснутый между отростками Кэнопи. Должно быть, когда разразилась эпидемия, корабль застрял, точно воздушный шарик в ветвях, и не смог освободиться. Баллон аэростата был настолько герметичен, что почти не сдулся, хотя со времен эпидемии прошло целых семь лет. Однако он был изрядно деформирован, словно «ветки» пытались его раздавить. Интересно, сколько он еще протянет — и что случится с гондолой, если баллон все-таки прорвется.

— Наверное, все произошло очень быстро, — произнес я. Воображение живо рисовало воздушный корабль, к которому тянет свои щупальца уродливо разрастающееся здание.

— Не так уж и быстро, — возразил Уэверли. Судя по его тону, я спорол основательную чушь. — Это экскурсионный корабль — в те времена таких было немало. Когда все это началось, людям стало не до экскурсий. Корабль поставили здесь на причале. Здание росло, и за пару дней ветви оплели его полностью.

— И теперь вы в нем живете?

— Не совсем так. Здесь не настолько безопасно. Зато нам не докучают посторонние.

Позади нас распахнулась дверь, и на балкон вышла женщина.

— Это действительно не самое безопасное место, — она встала у перил рядом с Уэверли и смело склонилась над пропастью. До поверхности было не меньше километра. — Но у него есть свои достоинства. Например, уединенность. А теперь... если я правильно поняла, господин Мирабель, вам необходима хорошая пища и кров?

Я кивнул. Пожалуй, с этими людьми стоит наладить отношения. Так я смогу заручиться их помощью и попасть в Кэнопи. Это был аргумент рассудка. Другим аргументом было чувство облегчения и искренней благодарности. К тому же я устал и проголодался.

— Я не хочу быть назойливым.

— Ничего страшного. Из-за меня у вас были серьезные неприятности в Малче, а Уэверли усугубил ситуацию со своим дурацким шокером — не так ли, Уэверли? Ладно, об этом больше ни слова — учитывая, что вы окажете нам честь, разделив с нами ужин и позволив предоставить вам отдых.

Женщина извлекла из кармана небольшой черный предмет, раскрыла его как пудреницу, выдвинула антенну и проворковала:

— Дорогой? Мы уже готовы. Подходи на верхний конец гондолы.

Захлопнув крышку телефона, она вернула его в карман.

Мы прошли вдоль борта гондолы, держась за перила, чтобы не поскользнуться на наклонном полу. В верхней точке перила закончились. Между мной и землей остался только воздух. При желании Уэверли и Сибиллина запросто могут столкнуть меня отсюда, особенно сейчас, когда меня еще штормило. Впрочем, у них была масса возможностей сделать это до того, как я очнулся.

— А вот и он, — сказал Уэверли, указывая чуть вверх, где между ветвей тяжело вспучивался аэростат. К нам спускался фуникулер. Он очень походил на тот, в котором я впервые увидел Сибиллину, — но я недостаточно подкован, чтобы делать выводы. Рычаги цеплялись за паутину кабелей, обтянувших аэростат. Баллон проминался, но его каким-то образом ухитрялись не проткнуть. Затем фуникулер остановился, дверца открылась, и из нее выдвинулся трап. Мостик над пропастью выглядел очаровательно.

— После вас, Таннер, — улыбнулась Сибиллина.

Я повиновался. Всего пара шагов — но ухватиться было не за что, и мне пришлось собрать волю в кулак. Сибиллина и Уэверли проворно

последовали за мной. Должно быть, жизнь в Кэнопи научила местных обитателей спокойно переносить высоту.

В заднем отсеке, отделенном от водительской кабины перегородкой с окошком, располагались четыре сидения. Прежде чем окошко закрылось, я успел разглядеть водителя и узнал скуластого сероглазого спутника Сибиллины.

— Куда мы направляемся? — спросил я.

— Ужинать — куда же еще? — ладонь Сибиллины успокаивающе легла на мое предплечье. — Лучшее место в Городе, Таннер. И я уверена — оттуда великолепный вид.

Ночной перелет через Город Бездны.

Глядя на россыпь огней, похожую на недорисованную схему города, можно было почти поверить, что эпидемии не было. Силуэты зданий терялись в темноте, и лишь верхние отростки сияли гирляндами и брызгами светящихся окон и многоцветными ребусами рекламных вывесок. Все тексты были на каназиане, и я мог только догадываться, что они означают. То и дело мы проезжали мимо более старых зданий. Эпидемия не коснулась их, и они высились гордо и прямо среди своих изуродованных потомков. Некоторые из этих домов все же пострадали — хотя и по другой причине. Соседние постройки пронзали их своими отростками, подкапывались под их фундаменты, обвивали, точно хищная лоза. Кроме того, в разгар эпидемии здесь гремели взрывы, бушевали пожары и бунты. В общем, мало кому удалось выйти из этой переделки без потерь.

— Видите этот монумент? — спросила Сибиллина, указывая на сооружение, напоминающее пирамиду. Эта приземистая постройка обросла трущобами Малча, как водорослями, но неплохо сохранилась. Теперь, в лучах прожекторов, ее даже можно было разглядеть.

— Это Монумент Восьмидесяти. Полагаю, вам знакома эта история?

— В самых общих чертах.

— Давным-давно один ученый пытался сканировать людей для создания компьютерных копий, но технология была несовершенной. В процессе сканирования люди погибли, а копии оказались неудачными. Их было восемьдесят, включая самого изобретателя. Когда все кончилось, их семьи воздвигли этот памятник. Поверьте, в прежние времена он выглядел куда лучше.

— Как и весь Город, — добавил Уэверли.

Полет продолжался. Вскоре мой желудок напомнил, что ко всему надо привыкать понемногу, в том числе и к путешествиям на фуникулере. Там,

где кабели переплетались достаточно густо, он двигался плавно и ровно, словно волантор. Но едва паутина начинала редеть — в некоторых районах Кэнопи ответвлений почти не было, — как наше движение становилось похожим на прыжки гиббона в джунглях. Широкие дуги, от которых захватывало дух, перемежались толчками, словно кто-то пинал нас под днище. Возможно, если бы человек избрал для себя жизнь на деревьях, я смог бы получать от этого удовольствие.

Но я — вернее, мой далекий пращур — упустил такую возможность много миллионов лет назад.

Наконец, описав несколько головокружительных дуг, фуникулер опустился на поверхность. Квирренбах говорил, что местные жители прозвали купол над Городом Москитной Сеткой. Здесь, у края Бездны, он почти касался земли. Район, где мы высадились, был замкнутым и ограничен периметром. Здесь Кэнопи и Малч прорастали друг в друга настолько, что граница становилась неразличимой. Малч тянулся вверх, пытаясь коснуться изнанки купола, а Кэнопи забивался под бронированные крыши площадей, где состоятельные люди могли прогуливаться, ничем не рискуя.

Именно в такое место нас доставил приятель Сибиллины. Выдвинулись «шасси», и наша кабинка опустилась на площадку, где стояли другие фуникулеры. Край купола казался отсюда почти отвесной стеной, испещренной коричневыми пятнами. Она нависала над городом, словно застывшая волна цунами. Там, где Сетка была относительно прозрачной, зияла широкая пасть Бездны. Где-то на другом ее берегу далеким лесом мерцающих огней сиял Город.

— Я позвонил и заказал нам стол у Стебля, — произнес мужчина с серо-стальными глазами, выходя из водительской кабины. — Говорят, сегодня там ужинает Воронофф, так что ресторан будет переполнен.

— Я в восторге, — отозвалась Сибиллина. — Воронофф способен придать блеск любой вечеринке.

Она небрежно открыла контейнер сбоку машины, вынула из него черную сумочку и открыла ее, продемонстрировав несколько пузырьков с «Горючим Грез» и богато украшенный «свадебный пистолет», наподобие того, который я прикарманил на борту «Стрельникова».

Оттянув на себе воротник, она приставила пистолет к шее и, скрипнув зубами, выпустила кубик темно-красной жидкости в сонную артерию. Затем передала пистолет своему сероглазому другу, который также сделал себе укол и возвратил прибор Сибиллине. Машинка была отделана в стиле барокко.

— Не желаете приобщиться, Таннер?

— Спасибо, я пас.

— Ну вот и славно, — Сибиллина убрала комплект обратно в контейнер — так, словно ничего особенного не происходило.

Мы покинули машину и прошли через посадочную площадку к крутому пандусу, который спускался на ярко освещенную площадь. Место было на удивление приятное. Здесь было чисто и прохладно, среди уважаемой публики мелькали паланкины, роботы-слуги и животные-киборги. Из стен доносилась пульсирующая музыка. Наверно, именно таким был Город до эпидемии. Чуть в стороне я заметил странного робота с веретенообразным туловищем. Возвышаясь над толпой, он куда-то пробирался, неловко переставляя похожие на лезвия ноги — впрочем, он весь состоял из острых блестящих лезвий и напоминал коллекцию заколдованных мечей.

— Это один из автоматов Секварда, — произнес мужчина со стальными глазами. — Раньше Секвард работал в Блестящем Поясе, был одной из ключевых фигур Движения глуонистов. Теперь он делает эти штуковины. Они опасны, так что будьте начеку.

Мы проворно обошли механизм, избегая плавных, размашистых движений его смертоносных конечностей.

— Не припоминаю вашего имени, — сказал я водителю.

Он взглянул на меня так, будто я осведомился о размере его обуви.

— Фишетти.

Мы спускались по улице. Вскоре нам встретился такой же робот, но у этого на конечностях отчетливо виднелись красные пятна. Затем мы миновали цепочку декоративных прудов, где у поверхности, разевая рты, плавали пухлые золотые и серебряные рыбины. Черт побери, где мы находимся? Мы приземлились возле самой Бездны и постоянно шли к ней, но как будто не стронулись с места.

Наконец проход расширился, и мы оказались в огромном зале под куполом — добрая сотня столиков располагалась здесь вполне свободно. Почти все места были уже заняты, а вокруг одного столика стояли несколько паланкинов. Столик был роскошно сервирован. Хотел бы я видеть, как они будут принимать пищу. Еще я успел заметить ряды ступеней, ведущие вниз, сквозь стеклянный пол зала. Но тут нас повели через зал к пустому столику. Прямо рядом с нами темнело огромное окно. Еще несколько таких же были вделаны в полуночно-синий купол, а с его вершины свисала люстра совершенно немислимого вида.

— Как я и говорила — лучший вид во всем Городе Бездны, —

произнесла Сибиллина.

Теперь я понял, где мы находились. Ресторан размещался почти на самом конце стебля, растущего из края Бездны, метрах в пятидесяти-шестидесяти от его вершины. Стебель был высотой с километр, тонким и казался хрупким, как стекло. Его поддерживала на краю Бездны консоль из хрусталя филигранной работы, из-за чего конструкция казалось еще более непрочной.

Сибиллина подала мне меню.

— Выбирайте что хотите, Таннер... или позвольте, я сама выберу — вы, наверно, не знакомы с нашей кухней. Я не выпущу вас отсюда, пока вы как следует не поужинаете.

Я глянул на расценки. Кажется, нули у меня в глазах двоятся.

— Я не могу за это заплатить.

— Никто вас и не просит. Мы все в долгу перед вами.

Посоветовавшись с Сибиллиной, я кое-что выбрал, затем откинулся на спинку стула и стал ожидать заказ. Разумеется, я чувствовал себя здесь неловко — однако я действительно проголодался. Кроме того, в обществе этих людей я рассчитывал побольше разузнать о жизни в Кэнопи. К счастью, от меня не требовалось поддерживать светскую беседу. Сибиллина и Фишетти перемывали косточки своим знакомым. Иногда кто-то из объектов обсуждения обнаруживался в зале, и тогда в его сторону следовал неприметный указующий жест. Уэверли то и дело вставлял комментарии, но ко мне почти не обращались — разве что иногда, но лишь из вежливости.

Я оглядел помещение, оценивая посетителей. Даже люди, изменившие свои тела и лица, казались прекрасными, словно обаятельные актеры в костюмах животных. У одних был изменен лишь цвет кожи, у других изменения зашли куда дальше. Человек с аккуратными полосатыми шипами, радиально расходящимися со лба, рядом с ним женщина, чьи огромные глаза то и дело подергиваются пленкой в радужных узорах, похожей на крылья мотылька. Неподалеку от них — вполне обычный с виду мужчина, из открытого рта которого то и дело вылетает черный раздвоенный язык, словно он пробовал на вкус воздух. Потом я заметил стройную, почти нагую женщину, всю разрисованную черно-белыми полосами. На миг наши взгляды встретились. Думаю, она еще долго смотрела бы на меня, но я отвел глаза и уставился вниз.

Под нами, исходя паром, зияла Бездна. Я с удивлением обнаружил, что головокружение почти прошло. Была глубокая ночь, но ресторан тонул в призрачном сиянии города. Мы находились в километре от ближайшего

склона Бездны, но ее диаметр мог запросто составлять пятнадцать-двадцать километров, и противоположный край казался столь же далеким, каким я видел его с посадочной площадки. Склон, как правило, был почти отвесным, за исключением узких полуразрушенных выступов скальных пород. Иногда на этих выступах виднелись здания, от них во все стороны тянулись лифтовые шахты или закрытые переходы. У Бездны действительно не было дна — по крайней мере, так казалось. Стены вырастали из нетронутого слоя белых облаков, и я мог только догадываться, что находится ниже этого ватного покрова. Оттуда, точно артерии, торчали трубопроводы. Насколько я помню, внизу располагались силовые атмосферные станции — невидимые машины, снабжающие Город Бездны электроэнергией, воздухом и водой. Они оказались достаточно надежными, чтобы выдержать удар эпидемии. Над самыми облаками носились разноцветные светящиеся объекты, похожие на крошечные треугольники.

— Планеры, — пояснила Сибиллина, перехватив мой взгляд. — Это старинный спорт. Когда-то я тоже этим занималась, — возле стен проходят теплые восходящие потоки. Но сколько дыхательного снаряжения приходится на себя нацеплять... — Она покачала головой. — А хуже всего туман. Вы скользите по инерции над облачным слоем, но стоит туда погрузиться — и вы теряете ориентацию в пространстве. Если вам повезет, вы взлетите и выскочите из тумана прежде, чем врежетесь в скалу. Если нет, то уже не разберете, где верх, где низ, попадете в зону возрастающего давления и сваритесь заживо. Либо украсите склон Бездны симпатичным цветным пятном.

— А радар в тумане не действует?

— Действует — но без него интереснее, правда?

Подали ужин. Я ел с осторожностью, стараясь привлечь к себе внимание. Еда была отменная. Сибиллина сказала, что лучшую пищу по-прежнему выращивают на орбите и доставляют вниз «бегемотом». Это объясняло лишние нули в меню.

— Взгляните-ка, — произнес Уэверли, когда мы принялись за второе. — Если не ошибаюсь, Воронофф?

Он незаметно указывал на какого-то человека, который только что встал из-за стола в другом конце зала.

— О да, — подтвердил Фишетти с самодовольной улыбкой. — Я знал, что сегодня он будет здесь.

Я посмотрел на человека, о котором шла речь. Если бы мне не сказали, в жизни не обратил бы на него внимания. Маленький, безукоризненно

одетый и тщательно завитый брюнет с приятно-нейтральным лицом артиста-подражателя.

— Я где-то слышал о нем, но не помню, где. Кто он такой? — осведомился я.

— Воронофф — настоящая знаменитость, — пояснила Сибиллина, доверительно касаясь моей руки. — Один из старейших послесмертных. Для некоторых он герой. Чем только он не занимался! Кажется, он освоил все Игры.

— Он что-то вроде игрока?

— Более того, — сказал Уэверли. — Он разрабатывает совершенно немыслимые экстремальные ситуации. Он создает правила, а все остальные просто их выполняют.

— Я слышал, на сегодня он что-то задумал, — вмешался Фишетти.

— Прыжок в туман? — Сибиллина хлопнула в ладоши.

— Похоже, нам повезло. Иначе зачем бы он пришел сюда ужинать? Ему, наверное, чертовски надоела эта панорама.

Воронофф уже направлялся куда-то в сопровождении мужчины и женщины, которые до этого сидели за его столиком. Кажется, тут действительно намечалось нечто особенное: все взгляды устремились к ним, и даже паланкины развернулись в одном направлении.

Троица покинула зал, но напряженное ожидание продолжало витать в воздухе. Еще пара минут — и я понял, в чем дело. Воронофф и его спутники появились на балконе, который опоясывал ресторан по внешней стенке купола. Все трое были в защитных костюмах и масках, почти скрывающих лица.

— Они полетят на планерах? — спросил я.

— Ну что вы, — отозвалась Сибиллина. — Воронофф считает это абсолютно устаревшим. Прыжок в туман — вот это несравнимо опаснее.

Тем временем стоящие на балконе крепили на своих поясах какие-то светящиеся причиндалы. Я пригляделся как следует. Каждый из этих предметов присоединялся к свернутой кольцами веревке, другой ее конец был закреплен на куполе. К этому времени половина гостей столпилась вокруг окон ресторана, чтобы ничего не пропустить.

— Видите веревку? — спросила Сибиллина. — Каждый прыгун должен рассчитать под себя длину и эластичность отрезка. Еще надо подгадать время прыжка — в зависимости от скорости и направления воздушных потоков. Видите, как они следят за планерами — там, внизу?

В этот миг женщина прыгнула с балкона. Должно быть, она сочла момент для своего прыжка подходящим.

Сквозь пол было видно, как она падает в туман, превращаясь в крошечное живое пятнышко. За ней разматывалась тонкий, почти невидимый хвост.

— И в чем идея? — поинтересовался я.

— По-моему, зрелище будет бесподобное, — сказал Фишетти. — Весь фокус в том, чтобы войти в туман и полностью исчезнуть из виду. Однако я не завидую тем, кто пролетит слишком далеко. И даже если вы верно рассчитаете длину веревки, существуют еще воздушные потоки.

— Она ошиблась в расчетах, — проговорила Сибиллина. — Ах, дуручка... Ее засасывает вниз — вон к тому выступу.

Стремительно падающая светящаяся точка врезалась в склон Бездны. На миг в ресторане повисло ошеломленное молчание, как будто случилось нечто невыразимое. Я ожидал возгласов ужаса и жалости. Но вместо этого слышались вежливые аплодисменты, кто-то вполголоса выражал соболезнования.

— Ну вот, я же говорила, — вздохнула Сибиллина.

— Как ее звали? — спросил Фишетти.

— Не знаю. Кажется, Оливия... или что-то в этом роде. — Сибиллина взяла со стола меню и принялась выбирать десерт.

— Внимание, вы пропустите следующего. Думаю, это будет Воронофф... да!

Фишетти забарабанил по столу. Знаменитый человек шагнул с балкона и изящно полетел в туман.

— Видели, как он был спокоен? Это истинный класс.

Это походило на прыжок искусного ныряльщика. Воронофф словно летел через вакуум, почти не отклоняясь от прямой. До меня дошло, по какому принципу рассчитывалось время. Воронофф выжидал момент, когда воздушные потоки изменят силу и направление так, чтобы работать на него, а не против. Во время полета они словно дружески отталкивали его от стен Бездны. На экране посередине зала появилась картинка — похоже, следом за игроком в Бездну летела камера. Впрочем, большинство предпочитало пользоваться оптикой — от телескопических монокуляров до театральных биноклей и элегантных лорнетов.

— А какой в этом смысл? — спросил я.

— Риск, — ответила Сибиллина. — Острые ощущения — когда делаешь что-то новое и по-настоящему опасное. Это единственное, что дала нам эпидемия — возможность испытать себя, посмотреть в глаза смерти. Биологическое бессмертие не поможет, если вы врежетесь в скалу на скорости двести километров в час.

— Но все-таки, зачем они это делают? Разве потенциальное бессмертие не придает вашей жизни еще большую ценность?

— Разумеется. Но время от времени стоит напомнить себе. Какой смысл добивать старого врага, если вы лишаетесь волнующего воспоминания о его изначальной сути? Победа теряет свой смысл, если не помнить, над чем она одержана.

— Но при этом можно умереть.

Она отвлеклась от меню и подняла на меня глаза.

— Что ж... лишний повод точнее рассчитывать время.

Воронофф приближался к конечной точке маршрута. Я уже еле различал его.

— Сейчас пойдет перегрузка, — сказал Фишетти. — Он начинает притормаживать. Потрясающая координация... Видите?

Веревка натянулась почти до предела, замедляя падение прыгуна. Но его расчет действительно был точен — Воронофф не обманул ожидания поклонников. На три-четыре секунды он исчез в мутной белизне тумана. Потом веревка начала сокращаться, вытягивая игрока из Бездны.

— Как по учебнику, — прокомментировала Сибиллина.

Снова слышались аплодисменты, но на этот раз их переполняла энергичная восторженность. Люди колотили по столам приборами, выражая одобрение.

— Знаете что? — сказал Уэверли. — Теперь, когда он освоил прыжок в туман, ему это наскучит, и он задумает нечто еще более опасное. Это будет настоящее безумие, попомните мое слово.

— А вот и следующий, — произнесла Сибиллина, когда последний прыгун шагнул с балкона. — По виду координация неплохая — лучше, чем у той бедняжки. Впрочем, он мог хотя бы подождать, пока поднимется Воронофф — просто ради приличия.

— А как он поднимется? — спросил я.

— В снаряжение входит моторизованная лебедка, так что он сам себя вытащит.

Я увидел, как последний прыгун ринулся в бездну. На мой неискушенный взгляд этот прыжок не уступал предыдущему. Тепловые потоки не прижимали падающего к краям кратера, а его поза казалась восхитительно изящной. Толпа стихла и напряженно следила за прыжком.

— Что ж, он не новичок, — произнес Фишетти.

— Он просто скопировал расчет, — возразила Сибиллина. — Я следила за планерами, когда Воронофф прыгал.

— Это не возбраняется. Вы же знаете: за оригинальность очков не

дают.

Прыгун все падал, светящееся снаряжение превращало его в зеленый болид, несущийся в туман.

— Стоп, — Уэверли показал на веревку, кольцами свернувшуюся на балконе. — Веревка должна была размотаться, не так ли?

— Судя по тому, как прыгал Воронофф — да, — согласилась Сибиллина.

— Этот идиот отмотал себе слишком много, — сказал Фишетти. Пригубив вина из бокала, он уставился в бездну с оживленным интересом. — Ну вот, теперь запас выработан, но уже слишком поздно.

Он был прав: достигнув верхней кромки тумана, светящаяся точка ни на йоту не снизила скорость. На экране снова показалась фигура человека, снятая откуда-то сбоку, потом все исчезло в белой дымке — осталась только пуповина веревки. Прошли секунды — три, четыре... к этому времени Воронофф уже успел вынырнуть из тумана. Десять... двадцать... Через полминуты люди начали нервничать. Очевидно, это был не первый случай, и они догадывались, чего можно было ожидать.

Прошла почти минута, прежде чем прыгун показался из тумана.

Мне уже рассказывали о том, что происходит с пилотами планеров, которые рискнули заблудиться в тумане — но я не думал, что это выглядит настолько скверно. Защита костюма оказалась слишком слабой, чтобы выдержать давление и температуру. Он умер, сварившись заживо за несколько секунд. Камера задержалась на его трупe, смакуя подробности. Я поспешил отвернуться от экрана. На войне мне доводилось видеть и не такое, — но не после того, как меня только что накормили роскошным сытным ужином.

— Что ж, ему стоило взять веревку покороче, — пожала плечами Сибиллина.

Позже мы прошли по стеблю назад, к посадочной площадке, где нас ожидал фуникулер Сибиллины.

— Итак, Таннер, куда вас отвезти? — спросила она.

Должен признаться, энтузиазма в отношении их компании у меня поубавилось. Все пошло из рук вон плохо. Я был благодарен за ужин и экскурсию на стебель, но ледяное спокойствие, с которым они отреагировали на гибель прыгунов, наводило на неприятные мысли. Возможно, мне стоило предпочесть общество пресловутых «свиней».

Однако я не мог упустить шанс.

— Наверное, вы хотите вернуться в Кэнопи? — Сибиллина выглядела

очень довольной. — Если желаете поехать с нами, это абсолютно не проблема. Простите, но я рискну настаивать.

— Только не чувствуйте себя обязанными. Вы уже проявили достаточное великодушие. Но если это не нарушает ваших планов...

— Ничуть. Садитесь в машину.

Фуникулер распахнул двери, Фишетти снова уселся в кабине водителя, остальные разместились позади, и мы взмыли в воздух. Теперь движение фуникулера казалось привычным, и я почти начал получать удовольствие. Земля быстро исчезла внизу, мы достигли паутины Кэнопи, и фуникулер вошел в размеренный ритм, пробираясь вдоль одного из главных кабельных путей.

Именно тогда я снова подумал о том, что мне стоило рискнуть и пообщаться со «свиньями».

— Итак, Таннер... Как вам понравился ужин? — спросила Сибиллина.

— Великолепно. И вид, как вы и говорили, бесподобный.

— Хорошо. Вам нужна была энергия. И еще *понадобится*. — Женщина проворно пошарила в багажном отсеке, встроенном в плюшевую обивку салона, и вытащила пистолетик весьма угрожающего вида. — Как вы, очевидно, догадались, — это оружие, и я держу вас под прицелом.

— Десять из десяти за наблюдательность.

Корпус пистолета был нефритовым и украшен выпуклыми красными демонами. Она крепко сжимала рукоятку, и его маленькое темное дуло смотрело прямо на меня.

— Это для того, — продолжала Сибиллина, — чтобы вам не пришло в голову сопротивляться.

— Если вы хотели убить меня, то могли сделать это уже десятки раз.

— Правильно. Но в ваших заключениях есть одна неточность. Мы действительно хотим убить вас. Только несколько необычным способом.

— И в чем его суть?

Сибиллина обратилась к Уэверли:

— Ты можешь сделать это здесь?

— Инструменты при мне, но я предпочел бы заняться этим на нашем корабле, — кивнул Уэверли. — Пока держи его на прицеле.

Я повторил свой вопрос, но они вдруг потеряли интерес к моим словам. Похоже, я влип основательно. Уэверли был не слишком убедителен, рассказывая о том, как он стрелял в меня, спасая от каких-то свиней, — но мне было не до того, чтобы предъявлять претензии. Тем не менее, если бы они захотели убить меня...

Логично. Но Сибиллина уже отметила, что в моих логических

суждениях наблюдаются проколы.

Довольно скоро мы добрались до воздушного корабля. На подходе я смог полюбоваться великолепной панорамой с плененным судном, которое так ненадежно висело высоко над городом. Огни Кэнопи мерцали где-то поодаль, не было даже намеков на то, что рядом в ветвях есть другие жилища. Помнится, они говорили об уединенности и отсутствии постороннего внимания.

Мы причалили. К этому времени Уэверли тоже отыскал себе пушку, а когда я вступил на соединяющий трап, ведущий на гондолу, Фишетти целил в меня из третьей. Все, что остается, — это прыгнуть в пустоту.

Но ситуация не была *настолько* отчаянной. Пока еще не была.

Внутри гондолы меня проводили к креслу, в котором я очнулся лишь пару часов назад. На этот раз Уэверли меня привязал.

— Итак, перейдем к делу, — произнесла Сибиллина. Она стояла в небрежной позе и держала пистолет на манер шикарного мундштука. — Как вам известно, мозговой хирургией мы не занимаемся.

Она рассмеялась.

Следующие несколько минут Уэверли описывал круги вокруг моего кресла, изредка выражая отвращение недовольным бормотанием. Время от времени он касался моего черепа, исследуя его нежными пальцами. Затем, очевидно удовлетворенный, он извлек откуда-то из-за моей спины инструменты. Несомненно, они имели отношение к медицине.

— И что вы собираетесь делать? — спросил я — черт возьми, я должен получить ответ! — Если собираетесь меня пытаться, то ничего интересного все равно не узнаете.

— Думаете, я намерен пытаться вас?

Уэверли держал в руке один из инструментов — сложную хромированную штуковину вроде щупа с мигающими датчиками.

— Сознаюсь, это бы меня позабавило. Я садист, каких свет не видел. Но я не вижу в этом смысла. Простое самоудовлетворение... Мы прокачали ваши воспоминания, так что знаем заранее, о чем вы можете рассказать под пыткой.

— Вы блефуете.

— Ничуть. Мы просили вас представиться? Если помните, нет. Но мы знали, что вас зовут Таннер Мирабель, верно?

Он наклонился поближе ко мне. На его голове пощелкивали и жужжали линзы, поглощая визуальную информацию в загадочной зоне спектра.

— Вообще-то мы не знаем, что нам нужно, господин Мирабель...

думаю, вас действительно так зовут. Спутанные следы воспоминаний — целые залежи вашего прошлого, к которому мы не имеем доступа. Вы понимаете, что это отнюдь не способствует нашему доверию к вам. То есть, вы согласны, что это разумная реакция?

— Меня только что оживили.

— Ах, да — Ледяные Нищенствующие обычно исполняют работу изумительно, не так ли? Но в вашем случае даже их искусство не смогло восстановить целое.

— Вы работаете на Рейвича?

— Вряд ли. Никогда о таком не слышал.

Он вопросительно глянул на Сибиллину. Женщина постаралась сохранить бесстрастное выражение, но я заметил, как на ее лице мелькнуло удивление, а глаза на миг расширились. Похоже, она действительно никогда не слышала о Рейвике.

Что ж, в это даже можно поверить.

— Ну ладно, — сказал Уэверли. — Пожалуй, я смогу сделать это прилично и чисто. Хорошо, что у него в голове нет имплантатов, которые могут мне помешать.

— За дело, — сказала Сибиллина. — Черт побери, у нас нет времени — ночь на исходе.

Уэверли поднес какой-то предмет к моему виску, и я ощутил, как холодный металл вдавился в кожу. Затем услышал щелчок, когда он нажал на курок...

Глава 17

Начальник службы безопасности стоял перед своим пленником, изучая его, как скульптор изучает свою работу на стадии грубого наброска — удовлетворенный результатом усилий, но отчетливо представляя себе всю тяжесть предстоящих трудов. Сделать предстоит многое, но он обещал себе, что ошибок не будет.

Небесный Хаусманн и диверсант были одни — почти одни. Комната пыток находилась в отдаленном полузабытом закоулке корабля. Сюда вела лишь одна из железнодорожных веток, которая, по общему мнению, давно вышла из строя. Небесный собственноручно оборудовал комнату и соседние помещения. Для того, чтобы поддерживать состав воздуха и температуру, ему пришлось подключиться к системам жизнеобеспечения корабля при помощи вспомогательных трубопроводов.

В принципе, тщательная проверка силового и воздушного потребления могла бы открыть существование этой комнаты, однако первым человеком, которому об этом должны были доложить, был сам Небесный.

До сих пор такого доклада не поступало — и вряд ли он когда-нибудь поступит.

Пленник был распят перед ним на стене и обвешан аппаратурой. Из черепа торчали нейрошунты, которые создавали связь с контролирующими имплантатами, спрятанными у него в мозгу. Эти имплантаты были чрезмерно грубы даже по стандартам химериков, но они выполняли свою задачу. В основном они были внедрены в височную долю мозга, связанную с глубокими религиозными переживаниями. Когда-то эпилептики сообщали о переживании божественного присутствия при электрическом раздражении этих областей; имплантаты были приспособлены для того, чтобы в нужные моменты подвергать диверсанта легкому воздействию подобного рода. По-видимому, именно так прежние хозяева управляли им, воспитав самоотверженную преданность их жестокой цели.

Теперь Небесный управлял им через те же каналы преданности.

— Знаешь, о тебе уже никто не вспоминает, — сказал Небесный.

Тяжелые веки поднялись, приоткрыв налитые кровью глаза диверсанта.

— Что?

— Похоже, весь корабль решил спокойно забыть о твоём существовании. Каково тебе — быть стертým из памяти общества?

— Ты помнишь меня.

— Да, — Небесный кивнул в сторону бледного обтекаемого силуэта, который плавал в камере из зеленого бронированного стекла на другом конце комнаты. — И он тоже. Но нас только двое, верно? Значит, о тебе помнят только двое палачей.

— Это лучше, чем никто.

— Они, конечно, подозревают...

Констанца... единственная серьезная помеха.

— Вернее, подозревали, когда вспоминали о том, что случилось. Ведь именно ты убил моего отца. Разве у меня нет полного морального права пытаться тебя?

— Я не убивал...

— Нет, ты убил его.

Небесный улыбнулся. Он стоял у наскоро собранного пульта управления, позволяющего ему «говорить» с имплантатами диверсанта, и лениво поглаживал черные круглые рукоятки и застекленные аналоговые циферблаты. Он сам построил эту панель, собирая детали по всему кораблю, и назвал ее «Ларец Господа Бога». В конечном итоге этот инструмент действительно вызывал божественный образ в голове убийцы. Вначале Небесный пользовался им исключительно для причинения боли, но позже, сломав диверсанта, начал переделывать его личность по собственному усмотрению с помощью выверенных доз нервного экстаза. В данный момент височная доля пленника подвергалась лишь минимальному воздействию. В этом неопределенном состоянии он не испытывал благоговейного страха перед Небесным и начинал рассуждать в духе агностицизма.

— Не помню, что я такого сделал, — произнес пленник.

— Я так и думал, что не помнишь. Напомнить тебе?

Диверсант покачал головой.

— Может, я и убил твоего отца. Но кто-то должен был предоставить мне такую возможность. Перерезать путы, оставить в постели нож...

— Это был скальпель, инструмент более утонченный.

— Конечно, тебе виднее.

Небесный повернул одну из черных рукояток на пару делений и проследил, как дрогнули аналоговые циферблаты.

— И зачем мне было делать так, чтобы ты убил моего собственного отца? Я ведь не сумасшедший.

— Он все равно умирал. Ты ненавидел его за то, что он с тобой сделал.

— А откуда ты знаешь?

— Ты сам сказал мне, Небесный.

Разумеется, это было вполне возможно. Так забавно было подтолкнуть человека к отчаянному, скручивающему внутренности пределу тотального страха, а затем смягчиться. Это можно было проделывать с помощью машины — или просто продемонстрировать пленнику некоторые хирургические инструменты.

— Он не сделал мне ничего такого, за что бы я его ненавидел.

— Разве? Но прежде ты говорил другое, — пленник говорил с чуть заметным акцентом, которого уже давно никто не слышал. — Ты был сыном бессмертных, и если бы не Тит — он выкрал тебя — ты бы продолжал спать среди других пассажиров. Вместо этого ты провел в этой дыре несколько лет своей жизни. Ты стареешь, подвергаешься смертельному риску и даже не можешь быть уверен, что доберешься до Конца Путешествия. А если Тит тебя обманул? Что, если ты — не бессмертный? Чтобы узнать наверняка, потребуются годы.

Небесный повернул рукоять дальше.

— По-твоему, я выгляжу на свой возраст?

— Нет...

Нижняя губа диверсанта затрепетала — несомненный симптом приближения экстаза.

— Просто у тебя могут быть хорошие гены.

— Что ж, рискнем, — он толчком добавил напряжение. — Ты знаешь, я могу причинять тебе боль.

— А-ах... знаю. Боже, я знаю.

— Но я предпочел этого не делать. Тебя охватывает религиозный восторг?

— Да. Я чувствую, что нахожусь перед чем-то... чем-то... а-ах. Господи. Это невозможно передать...

Лицо пленника исказила нечеловеческая гримаса. К его черепу прирастили двадцать дополнительных лицевых мускулов, и при необходимости он мог менять внешность до неузнаваемости. Скорее всего, таким образом он и пробрался на корабль — превратив себя в подобие человека, которому предназначалось место в камере. Теперь он «копировал» Небесного, отчего его искусственные мускулы произвольно подрагивали, подстраиваясь под новое выражение.

— Это слишком прекрасно.

— Ты уже видишь яркие огни?

— Я не могу говорить...

Небесный повернул рукоять еще на несколько делений, почти до

упора. Стрелки на циферблатах зашкаливало. Нет, еще не предел... благодаря логарифмической калибровке, оставался крошечный запас. Это могло означать разницу между ощущением просветления и появлением ярких видений рая и ада. Он еще не уводил пленника так далеко и не был уверен, хочется ли ему рискнуть.

Покинув пульт, он подошел к диверсанту. Позади него вздрагивал в своем резервуаре Слик, вверх и вниз по телу дельфина пробежали волны, — он предвкушал нечто особенное.

Пленник истекал слюной, теряя контроль за основными мышцами. Теперь его лицо словно оплыло, мышцы безвольно расслабились. Небесный взял его голову в руки и заставил взглянуть себе в лицо. Он почти ощущал, как разряды, проникая в мозг диверсанта, покалывают кончики пальцев. На миг их взгляды встретились — зрачок в зрачок, но это оказалось для пленника чрезмерным испытанием. Это было все равно, что увидеть Бога, — не самое приятное из переживаний, даже для человека, охваченного благоговейным трепетом.

— Послушай меня, — прошептал Небесный. — Нет, не пытайся говорить. Просто слушай. Я мог бы убить тебя, но не убил, а решил пощадить тебя. Я *выбрал* милосердие. И значит, проявил сострадание. Я хочу, чтобы ты запомнил это, но запомни и кое-что другое. Я могу быть также ревнивым и мстительным.

В этот миг на руке Небесного зазвенел браслет-коммуникатор. Тот самый, что достался ему от отца, когда он принял командование службой безопасности. Он тихо выругался, отпустил безвольно повисшую голову пленного и повернулся спиной к пленнику. На вызов надо было ответить.

— Хаусманн, это ты? — послышался голос Старика Бальказара. Небесный улыбнулся, одевая маску немногословного профессионала.

— Это я, капитан. Чем могу помочь?

— Кое-что случилось, Хаусманн. Нечто очень важное. Нужно, чтобы ты меня сопровождал.

Свободной рукой Небесный начал убавлять силу тока — но не до исходного уровня. Пленник мог прийти в себя и заговорить. По крайней мере, во время беседы с капитаном его следовало держать в напряжении.

— Сопровождать, сэр? Что-то случилось на корабле?

— Нет, Хаусманн. Не на корабле. Мы отправляемся на «Палестину». Я хочу, чтобы ты сопровождал меня. Это не слишком обременительно?

— Я буду в ангаре для такси через тридцать минут, сэр.

— Ты будешь там через пятнадцать минут, Хаусманн, и кэб будет готов к отправлению, — капитан выдержал флегматичную паузу. — Конец

передачи.

Изображение капитана мигнуло и исчезло. Еще с минуту Небесный стоял, уставившись на браслет. Интересно, что это может означать. Учитывая, что все четыре корабля находились в состоянии холодной войны. Подобные поездки осуществлялись крайне редко и были настоящим событием. Обычно они планировались за несколько дней, а все детали тщательно прорабатывались. Обычно во время визита на другой корабль сопровождение любого из руководителей обеспечивал полный состав службы безопасности. Небесный при этом оставался на борту в качестве координатора. Но на этот раз Бальказар дал ему лишь несколько минут. И до того, как прозвучал вызов, не возникало даже слухов о происшествии.

Пятнадцать минут. Одну он уже потратил. Резко одернув обшлаг мундира, он сделал несколько шагов к двери, но на пороге остановился. Пленник все еще подключен к «Ларцу», и его мозг погружен в электрический экстаз.

Слик снова вздрогнул.

Небесный вернулся к аппарату и сменил настройки. Теперь дельфин мог управлять стимуляцией электротоком. По длинному телу Слика пробежала лихорадочная дрожь, он забился о тесные стенки резервуара, окутываясь пузырящейся пеной. Теперь диалог с аппаратурой вели имплантаты в черепе дельфина. И точно также могли заставить пленника вопить от боли — или задыхаться от наслаждения.

Впрочем, Слик обычно предпочитал первое.

Он услышал, как старик, тяжело дыша и шаркая, бредет по ангару, и только потом увидел капитана. Два медика-помощника, Вальдивия и Ренго, следовали за своим подопечным на почтительном расстоянии. Они держались настороженно, перебирая в руках распечатки жизненных показателей и не сводя с них глаз, а их лица выражали такую озабоченность, словно старику оставалось жить лишь несколько минут. Однако Небесный не разделял их беспокойства. Он прекрасно знал, что это лишь имитация, которую помощники демонстрируют годами, и за которой кроется лишь тонкий слой показного профессионализма. Вальдивии и Ренго приходится внушать каждому встречному, что капитан балансирует на грани жизни и смерти — иначе их заставили бы применять свои не слишком отточенные навыки где-то в другом месте.

Но, разумеется, нельзя сказать, что Бальказар находится в расцвете лет. Жизнь старика поддерживал медицинский стимулятор, закрепленный на груди под плотно застегнутым мундиром, что придавало капитану вид

откормленного петуха. Впечатление усиливалось хохолком жестких седых волос и подозрительным блеском темных, широко расставленных глаз. Бальказар был старейшим членом экипажа. Он был назначен на эту должность еще до того, как Тит возглавил службу безопасности. Несомненно, когда-то его разум был подобен стальному капкану, и капитан с ледяным спокойствием вел свою команду сквозь бури многочисленных мелких кризисов. Но столь же несомненно было иное. Прежние времена миновали, «капкан» проржавел и стал жалкой пародией. Кое-кто поговаривал, что капитан почти выжил из ума, но на людях предпочитали называть это «ненадежностью». Говорили о необходимости передать бразды правления молодому поколению; говорили о том, что капитан должен быть молодым или хотя бы среднего возраста, чтобы он не успел одряхлеть к тому времени, когда Флотилия достигнет цели. Если прождать слишком долго, то у преемника может не оказаться времени, чтобы приобрести необходимые навыки — прежде, чем наступят по-настоящему трудные времена.

Люди выражали свое недоверие капитану, говорили о необходимости отставки по медицинским показателям. Разумеется, до мятежа не доходило. Но старик был тверд, как камень. Однако его положение никогда не было столь шатким. Его самые преданные союзники умирали. Среди них был Тит Хаусманн, о котором Небесный по-прежнему не мог думать иначе, как об отце. Это был тяжкий удар для капитана. Он привык целиком и полностью полагаться на этого человека. Бальказар прибегал к его советам, узнавал о подлинном настроении экипажа. Кажется, капитан так и не смог привыкнуть к потере и был бесконечно счастлив, позволив Небесному взять на себя эту роль. Быстрое повышение было лишь надводной частью айсберга. Иногда капитан называл Небесного Титом. Поначалу тот считал это ничего не значащими оговорками, но, поразмыслив, решил, что это гораздо более серьезный симптом. Похоже, не зря говорят, что у капитана «едет крыша», что события путаются у него в голове, а недавнее прошлое то и дело скрывается в тумане. Нельзя управлять кораблем в таком состоянии.

С этим что-то необходимо делать.

— Мы будем сопровождать его, — шепнул первый помощник. Этот тип, Вальдивия, выглядел настолько похожим на своего напарника, что их с Ренго можно было принять за братьев. У обоих были коротко стриженные белые волосы и озабоченные морщинки на лбу.

— Исключено, — отозвался Небесный. — У нас есть только двухместный шаттл.

Он указал на ближайший летательный аппарат, который стоял на транспортном поддоне. Рядом выстроились другие, более крупные корабли, но у всех недоставало деталей, либо были вскрыты панели доступа. Система обслуживания полностью деградировала. Оборудование, которое должно было пережить путешествие и использоваться на последних этапах миссии, разваливалось на глазах. Все могло быть не так серьезно, если бы между кораблями продолжался обмен запчастями и специалистами. Но дипломатический климат стал настолько суровым, что сотрудничество исключалось.

— Сколько времени займет ремонт одного из тех, что побольше? — спросил Вальдивия.

— Полдня, как минимум, — сказал Небесный.

Должно быть, Бальказар расслышал обрывок разговора, потому что пробормотал:

— Никаких задержек, Хаусманн.

— Видите?

— Разрешите мне, капитан! — Выскочил вперед Ренго.

Через этот ритуал они проходили много раз. Испустив страдальческий вздох, Бальказар позволил медику расстегнуть мундир, выставив на обозрение подобие хромированной кольчуги. Механизм жужжал и хрипел, как изношенная установка для очистки воздуха. Ряды встроенных окошечек позволяли видеть стрелки шкалированных циферблатов и пульсирующие кривые. Ренго вытащил щуп из прибора, который он держал в руке, и принялся подсоединять его в разные отверстия, то коротко кивая, то медленно покачивая головой при виде скользящих по экрану прибора цифр и диаграмм.

— Что-то не так? — спросил Небесный.

— Сразу после возвращения он должен явиться в медчасть для полного осмотра, — сказал Ренго.

— Пульс отчасти нитевидный, — заметил Вальдивия.

— Ничего страшного. Поднимем уровень релаксанта, — Ренго потыкал пальцем кнопки на своем приборе. — В пути он может задремать, Небесный. Только не позволяйте убудкам на другом корабле его заводить, ладно? Если он начнет волноваться, тащите его сюда. Скажете — на основании медицинских показателей.

— Непременно.

Небесный помог подвести капитана к двухместному шаттлу. Старик засыпал на ходу. Разумеется, несколько многоместных шаттлов вполне могли лететь. Но среди присутствующих никто не обладал техническими

навыками, чтобы разоблачить Небесного — кроме него самого.

Полет прошел гладко. Они вышли из вспомогательного туннеля, отстыковались от платформы и полетели по дуге прочь от «Сантьяго». Выбросы энергии направляли шаттл к цели. Капитан сидел рядом с Небесным, его отражение в стекле кабины напоминало официальный портрет какого-то старца-деспота, который жил много веков назад. Небесный ожидал, что он погрузится в дремоту, но старик выглядел бодрым. По привычке каждые несколько минут он начинал самодовольным тоном изрекать всевозможные фразы, перемежая их взрывами резкого кашля.

— Этот Хан был разгильдяем и болваном, черт его дери, ты знаешь... мне не следовало оставлять его на посту после тех волнений... будь по-моему, этот попрошайка остался бы замороженным до конца путешествия, либо его вышвырнули бы в космос... потеря его массы обеспечила бы им как раз ту частицу торможения, которой им изначально не доставало...

— В самом деле, сэр?

— Но не буквально, болван ты этакий! Каков вес человека — одна десятиллионная от массы корабля? Какой выигрыш торможения можно от этого получить?

— Почти никакого, сэр.

— Вот и я так думаю, черт побери. Твоя беда в том, Тит, что ты принимаешь все мои измышления за чистую монету... словно дурацкий секретарь с гусиным пером наготове, который готов занести каждое мое слово на пергамент.

— Я не Тит, сэр. Тит был моим отцом.

— Что? — Бальказар уставился на Небесного, глаза подозрительно пожелтели. — Ай, какая разница, дьявол тебя побери!

Сегодня старик держался еще вполне прилично. Его разум не погружался в сюрреалистические дебри. Он мог вести себя гораздо хуже: например, говорить поэтическими полунамеками, подобно сфинксу — все зависело от настроения. Возможно, когда-то существовал контекст, в котором даже самое безумное его изречение могло что-то означать, но Небесному они представлялись лишь чем-то вроде предсмертного бреда. Впрочем, проблема была в другом. Увлеченный «монологом», Бальказар не приветствовал находчивые комментарии. Если бы Небесный вставлял свои замечания или хотя бы осмелился расспрашивать капитана о каких-то подробностях в момент излияния потока сознания, это могло вызвать у Бальказара шок и множественный паралич органов. Тогда не поможет и релаксант, введенный медиками.

— Полагаю, вы посвятите меня в суть нынешней проблемы, сэр, — произнес Небесный через несколько минут.

— Ну конечно, Тит. Еще бы.

Безмятежным тоном — точно сидели за бокалом коктейля со старыми друзьями и вспоминали славное прошлое — капитан поведал, что они направляются на тайное совещание командного состава Флотилии. Оно происходило впервые за многие годы, и необходимость была вызвана неожиданным посланием из Солнечной системы. Другими словами, послание из дома, содержащее подробные технические чертежи. Подобного рода событие способно было снова сплотить Флотилию, даже если бы «холодная война» имела куда более веские причины. Правда, такой «подарок» мог оказаться наподобие того, который привел к гибели «Исламабада», когда Небесный был ребенком. Даже сейчас не было окончательной уверенности в том, что Хан не поплатился за риск отпить из отравленной чаши, и что причиной катастрофы была какая-то роковая случайность. Новое сообщение обещало возможность очередной модернизации двигателей. Все, что требовалось от экипажей — это осуществить некоторые незначительные изменения в топологической схеме удерживания плазмы магнитным полем. По словам землян, этот метод был вполне безопасен и прошел многократные проверки на аналогичных двигателях. При условии соблюдения базовых мер предосторожности вероятность ошибки ничтожно мала...

Но одновременно прибыло другое послание.

Не делайте этого, гласило второе сообщение. *Они пытаются обмануть вас.*

В нем не указывалось о причинах подобного обмана, но это вряд ли имело значение. Сомнения зародились — и этого было достаточно, чтобы Флотилию снова начало лихорадить.

Наконец шаттл очутился в зоне видимости «Палестины», на борту которой должно было состояться совещание. Сюда уже слетелся целый рой такси и шаттлов — с трех других звездолетов прибыл весь старший офицерский состав. Место для совещания назначили в спешке, и вряд ли «Палестина» была лучшим вариантом. Впрочем, выбор был очевиден. В любой войне, будь она «холодной» или «горячей», ее участникам лучше всего встречаться на нейтральной территории — для переговоров, обмена пленными или — если остальное не помогало — для предварительной демонстрации нового оружия. Эту роль и взяла на себя «Палестина».

— По-вашему, это действительно обман, сэр? — спросил Небесный, когда Бальказар оправился от очередного приступа кашля. — То есть...

зачем им это понадобилось?

— Что, черт возьми, понадобилось?

— Уничтожить нас, сэр. Путем передачи ложных технических данных. Там, дома, они ничего не выиграют, если нас не станет. Удивительно, что они вообще озаботились нам что-то выслать.

— Точно, — Бальказар выплюнул это слово так, будто усомниться в его очевидности мог лишь последний осел. — Невыгодно посылать нам что-либо полезное, гораздо проще выслать нечто опасное. Неужели тебе это не ясно, дурачок? Помоги нам всем Господь, если командование примет человек твоего поколения...

Капитан смолк.

Небесный подождал, пока Бальказар справится с приступом кашля.

— Но должна же быть какая-то причина...

— Чистейшая злоба.

Небесный ступил на очень скользкую почву, но рискнул продолжить:

— Но по причине злобы могло быть послано и второе сообщение — чтобы мы не прибегали к модернизации.

— И ты хочешь рискнуть четырьмя тысячами жизней ради того, чтобы проверить свои школьные умозаключения, не так ли?

— Принимать решения — не мое дело, сэр. Я просто говорю, что не завижудю вашей ответственности.

— Да что ты вообще знаешь об ответственности, наглый щенок?

Пока еще щенок, подумалось Небесному. Однажды все может измениться... и как знать, не настанет ли этот день довольно скоро. Но пока лучше промолчать. Он продолжал молча управлять шаттлом, прислушиваясь к тяжелому кашлю и хриплому дыханию старика.

Небесный лихорадочно размышлял. Помнится, Бальказар говорил о том, что мертвых лучше хоронить в космосе, чем вести их на место назначения. Пожалуй, в этом есть толика здравого смысла.

Каждый килограмм на борту корабля — это масса, которую предстоит притормаживать, когда корабль начнет сбрасывать скорость. Масса корабля приближается к миллиону тонн — как сказал Бальказар, в десять миллионов раз больше массы человеческого тела. Достаточно вспомнить элементарные законы физики Ньютона: уменьшение массы корабля на определенную величину обеспечит пропорциональный прирост коэффициента потенциального торможения корабля при одинаковой эффективности двигателя.

Облегчение на одну десятимиллионную едва ли что-то изменит... но кто сказал, что следует ограничиться массой лишь одного человека?

«Сантьяго» несет множество мертвых пассажиров — спящих, которых не удастся «оживить» никакими средствами. Только человеческая сентиментальность заставляет доставить их в конечный пункт. А вместе с мертвецами можно сбросить массу аппаратуры — громоздкой и тяжелой. Небесный еще раз представил себе эту картину. Да, вполне реально будет сбросить с корабля несколько тонн груза. Да, масса уменьшится менее, чем на одну тысячную — но кто знает, сколько еще спящих будет потеряно в последующие годы? Могут возникнуть тысячи новых проблем.

Рискованное это дело — быть замороженным.

— Может, нам просто подождать и посмотреть, Тит, — произнес капитан, отвлекая его от размышлений. — Как тебе кажется, это не слишком глупо?

— Подождать и посмотреть, сэр?

— Да.

Теперь в голосе капитана слышалась холодная ясность, но Небесный знал, что она может исчезнуть столь же внезапно, как и появилась.

— То есть подождать и посмотреть, что они будут делать. Они получат то же самое послание, им придется обсудить дальнейшие шаги — но они не смогут обговорить это ни с кем из нас.

Капитан рассуждал вполне здраво, но проследить его мысль было трудно. Небесный решил не подавать вида.

— Вы уже давно не упоминали этих людей, верно?

— Конечно. И нечего поминать их лишней раз, Тит. Кому, как не тебе это знать. Бездумная болтовня топит корабли, и так далее. Или помогает их обнаружить...

— Обнаружить, сэр?

— Ты же прекрасно знаешь: наши друзья на остальных трех кораблях не знают об этих людях. У нас повсюду шпионы среди старших офицеров, но там о них никто даже не слышал.

— Мы можем быть в этом уверены, сэр?

— Думаю, что да, Тит. Ты же держишь руку на пульсе «Сантьяго», так? Ты знаешь, что в команде ходят байки о шестом корабле. Правда, в них никто не верит.

Небесный усилием воли скрыл свое изумление.

— Большинство действительно считает шестой корабль легендой, сэр.

— И мы будем поддерживать это мнение. Но, с другой стороны, нам известна истина.

Итак, это правда. Черт побери, по прошествии стольких лет это оказывается правдой. Как минимум, для Старика Бальказара.

Но капитан продолжал говорить так, словно Титу была известна эта тайна. Однако, поскольку существование шестого корабля было запретной темой — даже те крохи информации, которые были известны, — вполне возможно, что Тит о нем знал. Но он умер прежде, чем успел передать именно эту информацию своему преемнику.

Норквинко, старый приятель еще с тех времен, когда они работали на поездах. Норквинко был абсолютно убежден в реальности шестого корабля. Гомес тоже, хотя не был столь уверен. Небесный не разговаривал с ними уже около года. Но сейчас они оба как будто были рядом. Они молча кивают, наслаждаясь мнимым спокойствием, с которым он вынужден принимать эту легенду, правдивость которой прежде ядовито оспаривал. После того разговора в поезде он почти забыл о шестом корабле, и теперь энергично копался в памяти, пытаясь восстановить слова Норквинко.

— Те, кто верит слухам, — сказал Небесный, — полагают, что шестой корабль мертв, что он просто дрейфует позади нас.

— Что лишний раз доказывает, что в каждой сказке есть доля истины. Корабль, разумеется, темный — никакого освещения, никаких признаков людей. Но все это может быть уловкой. Его экипаж цел и невредим, управляет кораблем как ни в чем не бывало. Конечно, для нас непостижима их психология, и мы не знаем, что произошло в действительности.

— Очень жаль. Особенно сейчас.

Небесный умолк. Пожалуй, стоит пойти на крайний риск.

— С учетом нынешней ситуации и сообщений из дома, нужны ли нам дополнительные сведения о шестом корабле — нечто, способное помочь нам сделать правильный выбор?

К его облегчению, капитан беззлобно качнул головой.

— Я знаю то же, что и ты, Тит. И боюсь, это все. И слухи. Больше нам ничего не известно.

— Одна экспедиция — и вопрос был бы решен.

— Сколько ты будешь мне об этом твердить? Подумай, какой это риск. Да, корабль должен находиться в пределах досягаемости шаттла. Последний раз мы сняли точные показания. Мы обгоняем его на половину световой секунды, хотя с тех пор он мог значительно приблизиться. Проще добраться туда и дозаправить его топливом. Вот только как у них с гостеприимством? Они уже целое поколение поддерживают иллюзию, будто их и нет вовсе. Думаешь, они сдадутся без боя?

— Если они действительно живы. Кое-кто из команды думает, что мы уничтожили их, а потом вычистили архивы.

Капитан пожал плечами.

— Может, так оно и было. А ты не стал бы замечать следы преступления? Правда, кое-кто из них мог выжить. И затаиться до поры до времени, чтобы позже нанести удар, захватив нас врасплох.

— Вы полагаете, что они тоже получили послание из дома и как-то себя обнаружат?

— Почему бы и нет? Если послание наведет их на мысль поразвлечься со своими аннигиляторами, а оно окажется ловушкой...

— Тогда вспышка будет на полнеба!

Капитан усмехнулся и влажно чмокнул губами, словно отдавая себе сигнал задремать.

Остаток пути прошел без происшествий, но мозг Небесного лихорадочно перерабатывал новую информацию. Он мысленно повторял слова Норквинко, и каждое из них звучало как небрежная пощечина.

Это было наказанием за высокомерие, за недоверие к приятелю. *Шестой корабль существует. Проклятый шестой корабль действительно существует...*

И это предвещало большие перемены.

Глава 18

Они снова отвезли меня в Малч. Я очнулся в фуникулере, который полз куда-то вниз сквозь ночную темноту. По окнам стучал дождь. В первый момент мне показалось, что по-прежнему лечу со Старинной Бальказаром к одному из кораблей Флотилии, где состоится встреча капитанов. Похоже, эти сны все более настойчиво заставляли меня влезать в шкуру Небесного. И мне было с каждым разом все труднее избавляться от его мыслей, когда я просыпался. Но в кабинке фуникулера не было никого, кроме меня и Уэверли.

— Может, оно и к лучшему. Но мне почему-то не верилось.

— Ну, как самочувствие? Похоже, я неплохо поработал.

Он сидел напротив меня с пистолетом в руке. Я вспомнил, как он приставил к моей голове медицинский зонд, и непроизвольно потянулся, чтобы ощупать это место. Над правым ухом обнаружился выбритый участок кожи, покрытый корочкой засохшей крови. И я не мог избавиться от ощущения, что там засело что-то твердое.

Боль была адская.

— По-моему, вам не мешает потренироваться.

— Да, вынужден признать. Но в вас есть что-то странное. Почему у вас из ладони идет кровь? Какие-то медицинские противопоказания, о которых мне следовало знать?

— Зачем? Разве от этого что-нибудь изменится?

Мой ответ заставил его задуматься.

— М-м-м... пожалуй, нет. Вы в состоянии бегать — значит, достаточно здоровы.

— Здоров для чего? — Я снова ощупал кровяную корочку. — Что вы загноили мне под кожу?

— Сейчас попробую объяснить.

Я не слишком рассчитывал на откровенность, но понемногу сообразил, почему он решил довести до моего сведения некоторые моменты. Это было продиктовано не столько заботой о моем благополучии, сколько желанием добиться от меня определенного образа действий. Мне уже доводилось попадать в подобные заварушки. Охота становится более занимательной, когда жертва знает расклад.

— По сути своей это охота, — начал он с изысканной вежливостью. — Мы называем ее Игрой. Разумеется, все это носит неофициальный

характер. Даже на территории Кэнопи есть законы, которые приходится уважать. Об охоте знают, о ней говорят, но всегда с должной осмотрительностью.

— Кто? — спросил я, чтобы поддержать разговор.

— Бессмертные, послесмертные — называйте их как угодно. Понятно, что не все в нее играют. Некоторые вообще не хотят принимать в ней участие. Но все знают тех, кто играет — эти люди образуют что-то вроде сети, которая обеспечивает само существование Игры.

— И давно эта игра продолжается?

— Последние семь лет. Пожалуй, ее можно считать варварством, — но она возникла как противовес аристократической изнеженности, которое господствовало на Йеллоустоуне перед эпидемией.

— Варварством?

— Конечно. Именно за это мы ее любим. В ней нет ничего сложного, никаких тонкостей — ни методологических, ни психологических. Она должна быть достаточно проста, для скорейшей организации в любом районе Города. Разумеется, у нее есть правила, но вам не потребуется отправляться к Трюкачам, чтобы понять их.

— Расскажите о них поподробнее, Уэверли.

— Они вас никоим образом не касаются, Мирабель. Все, что вам понадобится — это бежать.

— А потом?

— Умереть. И умереть достойно, — он говорил с мягкой снисходительностью — ни дать ни взять добрый дядюшка. — Это все, что нам от вас нужно.

— Зачем вам это нужно?

— Лишить человека жизни — ни с чем не сравнимое наслаждение, Мирабель. Причем в исполнении бессмертного это деяние приобретает абсолютно иной смысл, выходит на новый уровень совершенства, — он умолк, словно ненадолго погрузился в свои мысли. — Мы не способны постичь истинную природу смерти, даже в эти безумные времена. Но когда мы убиваем человека — особенно обычного человека, у которого еще не притупилось чувство страха за жизнь, — мы отчасти приобщаемся к ее потаенному смыслу.

— Значит, все люди, на которых вы охотитесь — смертные?

— Как правило, да. Обычно мы выбираем малчей — тех, кто побогаче. Разумеется, мы готовы потратиться, чтобы обеспечить хорошую охоту, поэтому не прочь вначале покормить их.

И он рассказал, что Игру финансирует засекреченная сеть

подписчиков. В основном это обитатели Кэнопи, но, по слухам, их ряды пополняют охотники за удовольствиями, которые прибывают из анклавов, где проповедуется свобода воли — такие еще сохранились на Ржавом Поясе, — либо из других поселений Йеллоустоуна, например, из Лореанвилля. Каждый из подписчиков знаком лишь с ограниченным числом других, причем все подлинные данные скрывает сложнейшая система псевдонимов и более изоциренных уловок. В итоге никому не грозит разоблачение со стороны властей Кэнопи, которые еще сохранили остаток влияния, несмотря на всеобщий упадок нравов. Охота организуется спонтанно, и каждый раз о ней оповещаются лишь небольшие группы подписчиков, которые собираются в заброшенных районах Кэнопи. В тот же вечер — или накануне, но не раньше — жертву вывозят из Малча и готовят к охоте.

Имплантаты были одним из последних нововведений.

Они позволяли следить за ходом охоты большему числу подписчиков, радикально увеличивая потенциальные доходы. Зрители помогают «освещать процесс». Они спускаются в Малч — хотя это рискованно, — чтобы вернуться с видеозаписями охоты и прославиться благодаря наиболее эффективным кадрам. Правила Игры просты, но соблюдаются строже, чем постановления городских законодательных органов. Эти правила определяют выбор территории охоты, следящих устройств и оружия — в общем, всех составляющих «честной игры».

— Есть одна проблема, — сказал я. — В отличие от малчей, я плохо знаю ваш город. Так что вряд ли оправдаю ваши затраты.

— Мы как-нибудь справимся. На самом деле, у вас есть преимущество, которое дает вам почти равные шансы с охотниками. Откровенно говоря, вам повезло, что вы нездешний. Местные знают здесь каждый закоулок.

— Как это непорядочно с их стороны. Я хочу вам кое-что сказать, Уэверли.

— Да?

— Я собираюсь вернуться и убить вас.

Он рассмеялся.

— Извините, Мирабель, но я это уже слышал.

Фуникулер приземлился, дверь открылась, и он пригласил меня выйти.

Как только фуникулер погасил огни и начал подниматься, возвращаясь в Кэнопи, я побежал.

Он не спеша полз вверх, похожий на темное пятнышко в молочных

лучах левитирующих прожекторов, а навстречу, точно рой светляков, двигались другие машины. Нет, они не стали спускаться прямо ко мне — это было бы неинтересно, — но явно направлялись в мою сторону.

Игра началась.

Я бежал со всех ног.

Район Малча, где меня оставил мальчуган-рикша, действительно можно было назвать «скверным», но здесь было еще хуже. Место казалось настолько обезлюдившим, что язык не поворачивался назвать его опасным. Правда, это не касалось ситуации, когда ты участвуешь в ночной охоте в роли добычи, причем не по доброй воле. На нижних уровнях — ни одной искорки света. Пристройки, которые гроздьями облепили здания, являли картину полного запустения и казались ветхими и неприступными. Наземные дороги были не в пример хуже тех, по которым я проезжал прежде. Скрученные и покрытые трещинами наподобие засохшей тянучки, они то и дело обрывались прямо над затопленными пропастями — или просто погружались в них. Было темно, и мне приходилось постоянно смотреть себе под ноги.

Уэверли оказал мне услугу, убавив перед посадкой свет в кабине, поэтому мои глаза успели привыкнуть к темноте, но особой благодарности я почему-то не испытывал.

Я бежал, время от времени оглядываясь через плечо. Фуникулеры опускались за соседние здания. Теперь машины были достаточно близко, чтобы я мог разглядеть их пассажиров. Поначалу я почему-то решил, что охотиться за мной будут только знакомая мне пара. Оказывается, я ошибался. Если я правильно понял, по законам сети те двое всего лишь подыскивали очередную жертву, а я по счастливой случайности оказался неподалеку.

Неужели мне предстоит умереть таким образом? На войне я десятки раз оказывался на волосок от гибели. Десятки раз я оказывался на волосок от смерти, работая на Кагуэллу. Рейвич пытался убить меня как минимум дважды, и оба раза почти добился успеха. Любая из этих встреч со смертью могла закончиться для меня не столь удачно, но я, по крайней мере, воздал бы должное искусству противника. Вступая с ним схватку, я делал свой выбор, а значит — принимал как должное любой исход боя, в том числе и неблагоприятный.

Но на этот раз ничего подобного не было.

Для начала надо найти убежище. Вокруг множество зданий, и проблема состоит лишь в том, чтобы проникнуть в одно из них. Правда, там я буду несколько ограничен в перемещении. Но пока я остаюсь

снаружи, у моих преследователей есть все шансы меня пристрелить. К тому же меня не оставляла мысль, что стены здания будут экранировать излучение имплантированного передатчика. И еще я подозревал, что охотники не горят желанием завершить игру, схватившись со мной врукопашную — скорее они предпочтут стрелять в меня с приличной дистанции. Что ж, буду рад разочаровать их, даже если это подарит мне хоть несколько минут.

Собрав все силы, я по колону в воде побежал к ближайшему зданию — постройке с гофрированными стенами, которая вознеслась на семьсот-восемьсот метров прежде, чем мутировать и пустить побеги в Кэнопи. На уровне улицы этот дом пострадал куда сильнее остальных и напоминал дерево, в которое когда-то попала молния. Я разглядел множество отверстий — от неглубоких вмятин до дыр, которые достигали мертвой сердцевины постройки. Возможно, через них я смогу попасть внутрь и добраться до верхних уровней.

Ослепительный голубой луч скользнул по пустынным развалинам. Присев так, что поток воды скрыл меня по плечи и, задышавшись от невыносимой вони, я подождал, пока прожектор сделает свое дело. Потом я услышал голоса — они напоминали тьяканье шакалов на случке. Между ближайшими зданиями черными пятнами замелькали силуэты. Орудия убийства — из числа разрешенных по правилам Игры — не мешали охотникам жестикулировать, подзадоривая друг друга.

Несколько одиночных выстрелов — и со стены здания в воду посыпались осколки затвердевшей каменной кладки. Очередной луч света принялся обшаривать стену буквально в паре дюймов у меня над головой. Я был изнурен борьбой с грязным потоком, дыхание вырывалось из груди с хрипами, похожими на выхлопы неисправного двигателя.

Сделав глубокий вдох, я погрузился в воду.

Разумеется, я ничего не видел, но это было полбеды. Двигаясь наугад, я принялся ощупывать пальцами стену здания, пока не обнаружил край отверстия. Под водой до меня опять донеслись звуки выстрелов, сопровождавшиеся всплесками. Меня затошнило. Но тут я вспомнил улыбку человека, из-за которого я оказался в плену. Он умрет первым, затем Фишетти и Сибиллина. После этого я убью Уэверли и разберу эту Игру на мелкие винтики.

Именно в этот миг я понял, что ненавижу этих людей больше, чем Рейвича.

Впрочем, он тоже получит свое.

Все еще стоя на коленях под водой, я покрепче ухватился за края

отверстия и протиснулся внутрь здания. Я пробыл под водой несколько секунд, не больше. Но в этот момент я пережил такой всплеск гнева и облегчения, что едва не завопил, когда воздух хлынул мне в легкие. Однако я ограничился судорожным вдохом, чтобы ничем не выдать свое присутствие.

Найдя относительно сухой выступ, я выкарабкался из темной воды. На нем я пролежал довольно долго, пока дыхание не восстановилось, и в мозг не стало поступать достаточное количество кислорода — достаточное для того, чтобы размышлять, а не просто поддерживать во мне жизнь. Снаружи слышались голоса и выстрелы, на этот раз громче прежнего. Сквозь проломы в стенах внутрь то и дело врвался голубой луч, вызывая резь в глазах.

Когда снова стало темно, я огляделся и кое-что увидел.

Оно было очень тусклым — по большому счету, я вообще не должен был его видеть. Правда, я читал, что сетчатке человеческого глаза достаточно двух или трех фотонов — при условии достаточной чувствительности. Я слышал о солдатах с необычайно острым ночным зрением — и даже встречал таких. Они старались проводить как можно больше времени в темноте, чтобы «не потерять форму».

Но я такими способностями не обладал.

То, что я увидел, было лестницей — вернее, скелетом того, что когда-то было лестницей. Спиральный каркас с ребрами перекладин достигал площадки, а затем снова тянулся вверх, к неровному пятну бледного света, на фоне которого превращался в неясный силуэт.

— Он внутри. Термальный след в воде.

Сибиллина. По крайней мере, голос очень похож: то же высокомерие и самоуверенность.

— Необычно для малча, — тоном знатока отозвался мужчина. — Вообще-то малчи не любят входить в здания. Все эти истории о привидениях...

— Дело не только в привидениях. Там прячутся свиньи. Так что будем осторожнее.

— И как мы попадем внутрь? Я в эту воду не полезу. Черт с ними, с деньгами.

— У меня есть план этого дома. С другой стороны есть вход. Но давай поторопимся. Команда Скэмельсона отстает всего на один квартал, а ищейки у них получше наших.

Спустившись с выступа, я направился к подножию разрушенной лестницы — и наткнулся на нее, плохо рассчитав расстояние. Но с каждой

минутой становилось светлее, и я увидел, что лестница поднимается на десять-пятнадцать метров, прежде чем исчезнуть в провисающем тестообразном потолке. Он напоминал скорее часть пищеварительного тракта, чем архитектурную деталь.

Я всматривался в полумрак, но так и не смог понять, как далеко мои преследователи и насколько прочна лестница. Если она рухнет, когда я буду подниматься, я упаду в поток. Здесь неглубоко, так что без травм не обойдется.

И все же я начал подниматься, цепляясь за полуживые перила — там, где они были, — и перелезая через дыры в ступенях и провалы на месте ступеней. Лестница поскрипывала, но я продолжал путь — даже после того, как когда одна из ступеней, не выдержав моего веса, сорвалась в воду.

Помещение подо мной затопило светом, потом фигуры в черном появились из отверстия в стене и побрели по воде. Я видел их довольно отчетливо. Фишетти и Сибиллина, оба в масках; арсенала стреляющих предметов, который был при них, хватило бы для ведения не слишком продолжительной войны. Я замер на площадке, до которой успел добраться. Вокруг по-прежнему было темно, но детали прояснились на глазах, возникая из мрака, словно обретающие плоть призраки. Я лихорадочно соображал, не пойти ли мне направо или налево, вместо того, чтобы подниматься выше — прежде, чем положение окажется безвыходным.

И тут я разглядел в темноте странное существо. Оно как будто сидело на корточках, и в первый момент я принял его за собаку. Нет, для собаки оно, пожалуй, великовато. Его приплюснутая физиономия более походила на свиное рыло. Потом существо выпрямилось и поднялось на задние ноги — насколько это позволял низкий потолок. В такой позе оно напоминало человека, но вместо пальцев его передние конечности заканчивались чем-то вроде продолговатых копытцев, которые непонятно как удерживали угрожающего вида арбалет. Одеждой этому созданию служило подобие средневековой кольчуги из кожаных лоскутов и грубо кованного металла. Бледное и безволосое, оно походило на гибрид человека со свиньей — и в достаточной мере, чтобы внушить самые серьезные опасения. Глазки — черные пуговицы, а рот словно застыл в плотоядной ухмылке. За спиной у этого создания я разглядел пару его сородичей, которые приближались на четвереньках. Судя по строению их задних ног, прямохождение было для них по меньшей мере неудобно.

Вскрикнув, я дал пинка «свинье», которая стояла ближе всех, и угодил прямо в пяточок. Существо недовольно хрюкнуло и упало навзничь,

выронив свой арбалет. Однако остальные двое тоже были вооружены: они держали в руках длинные изогнутые тесаки. Я подхватил упавший арбалет, надеясь, что он не подведет, если я из него выстрелю.

— Убирайтесь. Пошли к черту, я сказал.

«Свинья», которую я ударил, поднялась на задние ноги. Ее челюсть шевельнулась, словно эта тварь пыталась заговорить, но из пасти донеслось лишь прерывистое сопение. Затем она потянулась ко мне, размахивая копытцами прямо у меня перед носом.

Я выстрелил из арбалета, и стрела вонзилась «свинье» в ногу.

Она взвизгнула и снова упала, вцепившись в торчащую из ноги стрелу. Я увидел, как из раны заструился ручеек ярко-алой крови. Ее приятели шагнули ко мне, я попятился и поудобнее перехватил арбалет. Достав новую стрелу из «магазина» в прикладе, я кое-как приладил ее на место и, вращая колесико, натянул тетиву. Свиньи подняли свои кинжалы, но ближе подходить не решились. Вскоре они с сердитым хрюканьем утащили раненого назад, в темноту. Какое-то время я неподвижно стоял на месте, затем снова полез наверх. Будем надеяться, что я доберусь до отверстия раньше, чем свиньи или охотники доберутся до меня.

Мне это почти удалось.

Сибиллина заметила меня первой и завопила, не то от восторга, не то от ярости. Она вскинула руку, и я заметил, как блеснул крошечный пистолетик, выскочивший из наручной кобуры. Почти в тот же миг помещение осветила белая вспышка выстрела, и мне в глаза словно впились тысячи иголок.

Первый выстрел разнес лестничный пролет подо мной, и весь спиральный каркас обрушился, подобно лавине. Сибиллина пригнулась, укрываясь от разлетающихся обломков, потом выстрелила снова. Я уже наполовину поднялся над перекрытием, очутившись неизвестно где и шаря руками над головой в надежде за что-нибудь ухватиться. В этот момент разряд впился мне в бедро. Вначале боль была едва ощутима, а потом раскрылась в моей плоти, точно цветок на рассвете.

Я выронил арбалет, и он покатился по лестничному пролету на площадку, где его с победным хрюканьем подхватила одна из «свиней».

Фишетти поднял свое оружие. Одного выстрела оказалось достаточно, чтобы остатки лестничной клетки разлетелись вдребезги. Прицелься он точнее — или помедли я еще полсекунды — и разряд угодил бы мне в ногу.

Пересиливая боль, я влез в отверстие, вытянулся и замер. Понятия не имею, каким оружием воспользовалась эта стерва, и что в меня попало — пуля, лазерный импульс или сгусток плазмы, и насколько серьезна была

моя рана. Возможно, я истекал кровью. Но моя одежда настолько пропиталась водой, что прилипла к коже и к поверхности, на которой я лежал. Разобрать, где кровь, а где влага, было невозможно. Впрочем, в тот момент это было неважно. Я оторвался от них — на то время, пока они будут искать путь на этот уровень здания. У них есть план этого строения, так что это искать придется недолго — конечно, если такой путь вообще существует.

— Вставайте, если можете.

Голос был спокойным и незнакомым. Говоривший находился не снизу, а рядом и совсем близко.

— Идем, у нас мало времени. Нет... погодите. Вряд ли вы меня видите. Так будет лучше?

Мне опять пришлось зажмуриться от яркой вспышки света. Надо мной стояла женщина, одетая в том же стиле, что и игроки из Кэнопи — во все темное, точно на похороны. На ней были черные ботфорты до середины бедра, с причудливыми каблуками, иссиня-черное пальто до пят с воротником, скрывающим затылок, и шлем — тоже черный и полупрозрачный. Очки, похожие на фасеточные глаза насекомых, закрывали пол-лица. Что же касается лица... Насколько я смог разглядеть, оно было настолько бледным, что напоминало набросок на белой бумаге. По обеим скулам по диагонали тянулись черные татуировки, сужавшиеся к губам, ярко-красным, как кошениль.

В одной руке она держала огромную винтовку, обожженное энергическими разрядами дуло смотрело мне в голову. Но у меня не создалось впечатления, что женщина целится в меня.

Другую руку, обтянутую черной перчаткой, она протягивала мне.

— Повторяю, вам лучше шевелиться, Мирабель. Если не собираетесь здесь умереть.

Она знала этот дом — по крайней мере, ту часть, где мы находились. Впрочем, долго бродить не пришлось — к счастью, потому что я уже не мог похвастаться быстротой передвижения. Я мог идти вперед только опираясь всем весом на стену, чтобы по возможности не беспокоить раненую ногу. Мои движения трудно было назвать стремительными и грациозными, и я знал, что смогу пройти еще не более сотни метров, прежде чем потеря крови, шок или усталость возьмут свое.

Мы поднялись по лестнице — на этот раз целой — и вышли в ночь, на открытую площадку. Можно представить, чего мне стоило продержаться последние несколько минут — воздух, ворвавшийся в мои легкие,

показался мне необычайно свежим и даже чистым. Однако я чувствовал, что нахожусь на грани обморока, и до сих пор не понимал, что происходит. Даже когда она указала на нишу в стене строения, где стоял на груде обломков маленький фуникулер, я не смог полностью свыкнуться с мыслью, что меня хотят спасти.

— Зачем вы это делаете? — спросил я.

— Потому что Игра отвратительна, — ответила она и подала, шевеля губами, беззвучную команду машине, после чего та вздрогнула, ожила и двинулась к нам, выбрасывая телескопические рычаги, которые цеплялись за неровности в полуразрушенном потолке пещеры. — Игроки полагают, что пользуются негласной поддержкой всего Кэнопи, но они ошибаются. Возможно, раньше так и было, когда Игра не была варварством — но не сейчас.

Ввалившись в салон фуникулера, я рухнул на заднее сиденье. Только теперь я заметил, что брюки, выданные мне Нищенствующими, покрыты кровью, словно ржавчиной. Но кровотечение, кажется, прекратилось. Голова шла кругом, но не могу сказать, что за последние несколько минут мне стало заметно хуже.

Когда моя спасительница опустила в водительское кресло и выровняла в одну линию рычаги управления, я спросил у нее, действительно ли когда-то Игра не была просто варварством.

— Да, так было — сразу после эпидемии, — она опустила затянутую в перчатку руку на пару латунных джойстиков, толкнула их вперед, и фуникулер двинулся к выходу из пещеры, проворно перебирая рычагами. — Тогда жертвами были преступники — жители Малча, которые вторглись в Кэнопи, или те, кто совершал преступления против себе подобных. Убийцы, насильники, мародеры.

— Вполне справедливое наказание.

— Я не оправдываю Игру. Ни в коем случае. Но раньше, по крайней мере, существовало некое моральное равновесие. Они были подонками. За которыми охотились другие подонки.

— А сейчас?

— Кажется, вы настроены на светскую беседу, Мирабель? Большинство моих знакомых после такого ранения вопили бы без умолку.

В это время мы покинули пещеру, и я пережил несколько отвратительных мгновений — фуникулер свободно падал, пока не ухватился за ближайший кабель. Падение замедлилось, а потом мы начали подниматься.

— Теперь ответу на ваш вопрос, — продолжала она. — У нас возникла

проблема с подбором подходящих жертв. Организаторы начали проявлять некоторую... как бы это сказать... привередливость.

— Понимаю, — подхватил я. — Понимаю, потому что моя вина заключалась лишь в том, что я по ошибке забрел в неподходящий район Малча. Кстати, кто вы такая? И куда вы меня везете?

Убрав руку с рычага, она сняла свой полупрозрачный шлем с фасеточными очками и повернулась ко мне так, чтобы я мог ее рассмотреть.

— Меня зовут Тарин, — представилась она. — Но друзья из подрывного движения называют меня Зеброй.

Я вспомнил, что видел ее этим вечером — среди посетителей ресторана на стебле. Тогда я отметил ее экзотическую красоту, но сейчас она показалась мне поистине прекрасной. Возможно, у меня начинался жар, возможно, дело было в боли, которую вызывала рана, в выбросе адреналина, вызванного погоней и неожиданным спасением. Прекрасная и очень странная... Да и была ли она по-настоящему человеком? Кожа — местами белая, как мел, местами иссиня-черная. Полосы украшали не только лоб и скулы, но — судя по тому, что я успел увидеть тогда, на стебле — и большую часть тела. Черные полосы, изгибаясь, тянулись от уголков глаз, напоминая броский макияж, наложенный с маниакальной тщательностью. Ее волосы напоминали жесткий черный гребень, который тянулся вниз вдоль позвоночника.

— Не думаю, что когда-нибудь встречал вас, Зебра.

— Ничего, — успокоила она. — Вообще, кое-кто из моих друзей считает меня старомодной и не слишком оригинальной. Ведь вы не малч, господин Мирабель?

— Значит, вам известно мое имя. Что еще вы обо мне знаете?

— Не так много, как хотелось бы.

Она снова убрала руки с рычагов, видимо, запустив автопилот и позволив машине самостоятельно выбирать маршрут через паутину Кэнопи.

— Может, не стоит предоставлять эту штуквину самой себе?

— Нам ничего не грозит, Таннер, поверьте мне. Система контроля фуникулера вполне разумна — она ненамного уступает машинам, которые были у нас до эпидемии. Но в Малче с машиной такого типа лучше не задерживаться.

— Относительно моего прежнего вопроса...

— Мы знаем, что вы прибыли в Город в одежде, которую можно получить у Нищенствующих. Ну и, кроме того, нам известно о некоем

Таннере Мирабеле, который тоже побывал у Нищенствующих.

Интересно, откуда им это известно. Я хотел спросить Зебру об этом, но она уже продолжала:

— Мы не знаем, не является ли это имя частью легенды, которую вы кропотливо разработали для каких-то тайных целей. Почему вы позволили себя поймать, Таннер?

— Меня подвело любопытство, — я повторял это, точно привязчивый мотивчик из какой-то второсортной симфонии — наверно, раннего творения Квирренбаха. — Я не слишком разбираюсь в социальной стратификации Йеллоустоуна. Я просто хотел добраться до Кэнопи и не знал, как это сделать, никому не угрожая.

— Все ясно. Такого пути не существует.

— А откуда вы узнали обо мне?

— От Уэверли, — она внимательно посмотрела на меня — глаза у нее были черные и бездонные — и вдруг подмигнула. По ее вискам точно пробежала рябь. — Возможно, он не представился — я не знаю. Уэверли — тот, кто подстрелил вас из шокера.

— Вы знаете его?

Она кивнула.

— Он один из нас. Вернее, он нам сочувствует. А еще точнее, у нас есть способы добиться от него сочувствия.

— Он показался мне настоящим садистом. Или у него такие шутки?

— Поверьте, он не шутил.

Боль волной разлилась по ноге, и меня передернуло.

— Откуда вы знаете мое имя?

— От Уэверли. Прежде мы никогда не слышали ни о каком Таннере Мирабеле. Но, как только нам стало известно ваше имя, мы смогли проследить за всеми вашими передвижениями. Впрочем, Уэверли выяснил немного. Либо просто солгал — что не исключено, я не очень доверяю этому одноглазому подонку — либо ваши воспоминания действительно настолько отрывочны.

— У меня была «амнезия пробуждения». Поэтому я некоторое время пробыл у Нищенствующих.

— Уэверли показалось, что дело не только в этом. Что вы можете что-то скрывать. Такое возможно, Таннер? Поскольку я собираюсь помочь вам, вы должны мне доверять.

— Я тот, за кого вы меня принимаете, — произнес я — ничего лучшего в тот момент мне в голову не пришло. Как ни странно, но я не мог поручиться, что это правда.

И вдруг произошло нечто странное. Течение моих мыслей прервалось — резко, внезапно. Нет, я не потерял сознание. Я по-прежнему понимал, что сижу в фуникулере Зебры, понимал, что вокруг ночь, что мы движемся по Городу Бездны, что эта женщина спасла меня от Сибиллины и отряда охотников. Я по-прежнему ощущал боль в ноге — хотя теперь она стала скорее раздражающей, чем мучительной, превратилась в ритмичные пульсирующие толчки.

Передо мной разворачивался очередной эпизод жизни Небесного Хаусманна.

До сих пор это происходило лишь в бессознательном состоянии. Видения напоминали сон — только отличались большей последовательностью. Однако на этот раз эта полностью оформленная картина буквально ворвалась в мой мозг. Я был обескуражен, если не шокирован. Это было подобно электромагнитному импульсу, который превратил в хаос стройную последовательность операций компьютерной системы.

К счастью, это продолжалось недолго. Небесный все еще летел со Стариной Бальказаром (Господи, я уже помню имена всех второстепенных персонажей этой истории!) на совещание, которое должно было проходить на борту другого корабля, «Палестины».

На чем мы остановились? Ах, да: Бальказар поведал Небесному о том, что шестой корабль, корабль-призрак, действительно существует.

Помнится, Норквинко называл его «Калеуче».

Пока Небесный размышлял над полученной информацией, взвешивая факты, они почти прибыли на место. «Палестина» казалась огромной и очень походила на «Сантьяго» — все корабли Флотилии были построены по одному проекту и различались незначительно, — однако ее вращающийся корпус был почти однотонным. Она находилась гораздо дальше от «Исламабада», когда тот взорвался. Закон обратного квадрата справедлив и для распространения радиоактивного излучения, поэтому смертоносный ураган вспышки, заклеивший тенью его матери оболочку «Сантьяго» достиг «Палестины» теплым ветерком. Разумеется, это была не единственная проблема. Случались эпидемии, психозы и бунты, а спящих на «Палестине» умерло не меньше, чем на «Сантьяго». Небесный представил себе этот груз мертвецов, отягощающий корабль — гроздь замороженных трупов, висящие вдоль его «хребта», словно гнилые плоды.

— Дипломатический рейс ТГ-5, передайте управление причальной сети «Палестины», — произнес резкий голос.

Небесный повиновался. Кэб сильно вздрогнул, когда мощный космолет «взял в свои руки» электронику шаттла и, не слишком заботясь о том, что внутри находятся люди, направил его к назначенному причалу. Перед лобовым стеклом шаттла возник подлетный коридор с оранжевым неоновым обрамлением. Панорама звездного неба за кормой беспорядочно закружилась — они подстраивались к режиму вращения «Палестины», одновременно скользя к открытому шлюзу. Навстречу выплыли фигуры в непривычной экипировке и не слишком миролюбиво взяли гостей на прицел. Похоже, здесь были своеобразные представления о дипломатическом этикете.

Когда кэб встал на платформу, Небесный повернулся к Бальказару.

— Сэр? Мы почти прибыли.

— Что? Черт возьми, Тит... Да ведь я спал!

Небесному не давал покоя один вопрос: как на самом деле относился к этому старику его отец. И не возникало ли у Тита — хотя бы изредка — желания убить капитана?

Пожалуй, эта задача не относится к разряду невыполнимых...

Глава 19

— Таннер? Очнитесь! Не хватало только, чтобы вы отключились.

Мы приближались к какому-то строению — если это можно было назвать строением. Скорее это было зачарованное дерево с могучими узловатыми суками, беспорядочной россыпью окон-дупел и посадочными площадками для фуникулеров. Паутина кабелей исчезала в недрах этой фантастической кроны. Зебра бесстрашно направила туда машину — так, словно выполняла этот маневр в тысячный раз. Я посмотрел сквозь умопомрачительное хитросплетение ветвей и далеко внизу разглядел тускло мигающие огни очагов Малча.

Жилище Зебры находилось в Кэнопи, почти в центре Города, на краю Бездны, у самой границы внутреннего купола, которая огибала гигантскую извергающую пар дыру в коре Йеллоустоуна. С посадочной площадки мне был виден хрупкий стебель, словно осыпанный драгоценными камнями. Он тянулся горизонтально, глубоко под нами, образуя гигантскую километровую дугу параллельно краю бездны. Я заглянул в пропасть, но не заметил ни светящихся планеров, ни прыгунов в туман, совершающих свои смертельные полеты.

— Вы живете здесь одна? — осведомился я, придавая голосу оттенок вежливого любопытства, когда она провела меня в свои комнаты.

— Сейчас — да.

Она ответила быстро, почти машинально. Однако потом добавила, что прежде с ней жила ее сестра Маура.

— Маура уехала?

— Мауру убили, — Зебра выдержала паузу — достаточно долгую, чтобы слова произвели должный эффект. — Она слишком близко сошлась с дурными людьми.

— Мне очень жаль, — выпалил я в замешательстве. — Это были охотники вроде Сибиллины?

— Не совсем так. Она проявила интерес к запретной теме и задала не те вопросы не тем людям. Это не имело прямого отношения к Игре.

— А к чему имело?

— Почему это вас так волнует?

— Не могу назвать себя праведником, Зебра, но мне не нравится, когда кто-то гибнет из-за простого любопытства.

— В таком случае, будьте осторожны. И старайтесь не задавать не те

вопросы не тем людям.

— Например?

Она вздохнула. Ей явно не нравилось, что наш разговор принял такое направление.

— Ну, скажем, насчет одного вещества...

— Горючего Грез?

— А, так оно вам знакомо?

— Я видел, как им пользуются, но этим мое знакомство и ограничилось. Сибиллина применяла его в моем присутствии, но я не заметил, чтобы после этого ее поведение как-то изменилось. А что оно из себя представляет?

— Это сложный вопрос, Таннер. Маура успела сложить лишь несколько частей головоломки, прежде чем они расправились с ней.

— Значит, это наверняка наркотик.

— Это нечто большее, чем наркотик. Послушайте, не можем ли мы поговорить о чем-нибудь другом? Мне было нелегко свыкнуться с ее смертью, — так что не будем беречь старые раны.

Я кивнул, решив оставить на время эту тему.

— Вы были близкими друзьями?

— Да, — ответила она так, будто я обнаружил глубочайшую тайну их отношений. — И Мауре тут нравилось. Она говорила, что во всем Городе нет такого обзора, как отсюда — не считая Стебля. Но когда она жила здесь, мы не могли себе позволить посещать этот ресторан.

— Вы там смотрелись. Если вас не пугает высота...

— А вас, Таннер?

— Пожалуй, к ней нужно немного привыкнуть.

Квартира Зебры, расположенная внутри одной из крупных ветвей, представляла собой комплекс беспорядочно сочлененных комнат и коридоров и напоминала скорее нору животного, чем жилище человека. Ветка, в которой мы находились, была не самой толстой. Она протянулась на двухкилометровой высоте над Малчем, а под ней располагались нижние уровни Кэнопи, связанные с нашим зданием вертикальными кабелями и пустотелыми стволами.

Зебра провела меня в комнату, которая выполняла роль гостиной.

Я не мог отделаться от ощущения, что путешествую внутри гигантской анатомической модели. Стены, пол и потолок мягко скруглялись, перетекая друг в друга. Очевидно, их поверхности повторяли форму отростков. Все комнаты соединялись между собой пандусами и лестницами. Твердый и жесткий материал создавал неприятное ощущение

омертвевших тканей организма — то ли сухожилий, то ли скопления тромбоцитов. Одну из стен украшало нечто вроде природной скульптуры — композиция из трех фигур, в которых угадывались тела людей. Казалось, они отчаянно пытаются вырваться из стены — точно пловцы, которые надеются остановить нависший над ними девятый вал. Их тела были почти не видны — наружу выступали лишь лица, напоминающие рельеф на монетах, кончики рук и ног — но выглядело весьма впечатляюще.

— У вас очень необычный вкус, Зебра, — заметил я. — Подозреваю, после этого мне будут сниться кошмары.

— Это не скульптура, Таннер.

— Хотите сказать, это были живые люди?

— В некотором роде они до сих пор живы. Конечно, не совсем живы, но и не совсем мертвы. Структура этих изваяний невероятно сложна — там можно заметить даже нейроны. Такие «окаменелости» есть не только у меня. Откровенно говоря, ни у кого не возникает желания освободить их из породы — даже в том случае, если кто-нибудь откроет способ вернуть их в прежнее состояние. Так что приходится мириться с такими соседями. Когда-то люди не желали делить с ними жилье, но сейчас, говорят, это даже модно. Один человек в Кэнопи даже подделывает их для одержимых любителей.

— Но те, что у вас — настоящие?

— Поверьте моему слову, Таннер. А теперь — вам не помешает присесть на минутку... Нет, стойте, где стоите.

Щелкнув пальцами, она подозвала кушетку.

Почти вся мебель в квартире Зебры была самоуправляющейся, и теперь эти предметы реагировали на наше присутствие на манер чутких домашних любимцев. Кушетка зашевелилась и осторожно шагнула с возвышения. В Малче повсеместно отдавали предпочтение паровой тяге, считая такие устройства более надежными. Но здесь, в Кэнопи, сохранились более совершенные полуразумные машины. Комнаты Зебры были битком набиты подобной техникой — не только мебель, но и роботы-служители, от «шершней» величиной с мышь до крупных механизмов,двигающихся по потолку и летающих по комнате — размером с увесистый кулак. Стоило потянуться к чему-нибудь, как услужливый робот спешил на помощь. Должно быть, до эпидемии такие устройства показались бы примитивными, но я не мог избавиться от ощущения, что в мебель вселилось семейство фамильных привидений.

— Теперь можете садиться, — Зебра помогла мне опуститься на кушетку. — А лучше прилягте. Я скоро вернусь.

— Поверьте, я никуда не спешу.

Она исчезла из комнаты, а я лежал, балансируя на грани дремоты. Мне не хотелось так просто поддаться сну. Хватит с меня видений из жизни Небесного.

Когда Зебра вернулась, на ней не было пальто, а в руках она держала два стакана с горячим травяным отваром. Я послушно влил питье в себе в глотку. Не могу сказать, что мне сильно полегчало, но это было получше, чем галлон дождевой воды, которой мне пришлось отведать в Малче.

Зебра вернулась не одна. Из-за спины выскользнул один из роботов, обитавших на потолке — белый цилиндр-многоножка с зеленой яйцевидной головой, на которой мерцали дисплеи медицинской аппаратуры. Подобравшись поближе, робот занялся моей ногой, выпустив свои сенсорные датчики. Время от времени он тихонько верещал, и на дисплеях возникали диаграммы, на основании которых можно было судить о серьезности моего ранения.

— Ну, как? Я выживу или умру?

— Вам повезло, — отозвалась Зебра. — Она стреляла в вас из низкоразрядного лазера. Это дуэльное оружие. Оно не наносит серьезных повреждений — разве что окажутся задеты жизненно важные органы. Луч хорошо сфокусирован, так что окружающие ткани затронуты минимально.

— По-моему, вы меня дурачите.

— Черт возьми, а разве я сказала, что это не больно? Но жить вы будете, Таннер.

— Может быть, — пробормотал я, извиваясь от боли, пока машина бесцеремонно исследовала мою ляжку. — А вот пользоваться этой ногой — вряд ли.

— Вам это и не понадобится. По крайней мере, до завтра. Машина может лечить вас, пока вы спите.

— Не уверен, что мне хочется спать.

— Почему? У вас бессонница?

— Можете удивляться, но это действительно так.

Она не выразила никакого участия. Пожалуй, стоит рассказать ей об индоктринальном вирусе.

Что я и сделал.

— Я мог выгнать его еще в хосписе Айдлвилд, — сказал я, — но мне не хотелось ждать. В итоге я время от времени совершаю путешествие в голову Небесного Хаусманна — когда засыпаю, — я показал ей засохший струп посредине ладони.

— Человек с раной в ладони, приди на наши убогие улицы и покарай неправедных... — пробормотала Зебра.

— Я пришел просто потому, что у меня остались кое-какие долги. Но, надеюсь, вы понимаете: возможность лишний раз посмотреть такой сон не вызывает у меня энтузиазма. Мозги Небесного Хаусманна — не то место, где хочется задержаться подольше.

— Я о нем почти ничего не слышала. Если не ошибаюсь, это какая-то очень древняя история, которая произошла на другой планете.

— Мне она не кажется древней. Когда она становится частью тебя — точно голос, который все громче звучит у тебя в голове... Я знал одного типа, который подцепил этот вирус еще до того, как мы познакомились, — подозреваю, он мне его и передал. Этот парень дошел до того, что впадал в панику, если поблизости не было какой-нибудь вещички, связанной с Небесным.

— С вами ничего подобного не происходит, — отозвалась Зебра. — А давно начали распространяться индоктринальные вирусы?

— Все зависит от штамма, но вообще это старое изобретение.

— Тогда вам, похоже, повезло. Если вирус появился в медицинских базах данных Йеллоустоуна до эпидемии, он должен быть известен моему медицинскому роботу. Тогда он сможет синтезировать антитела.

— Нищенствующие считали, что это займет несколько дней.

— Они предпочитают перестраховаться. День или два — этого вполне хватит, чтобы выгнать вирус. Если только вирус ему знаком, — Зебра ласково похлопала по белому корпусу аппарата. — Но мы постарается. Ну как, теперь сможете спать спокойно?

Мне нужно найти Рейвича, твердил я себе. Значит, нельзя терять времени — ни единого часа. Я уже потерял полночи с тех пор, как прибыл в Город Бездны. Но на то, чтобы выследить Рейвича, потребуется не один час, а может, и не один день. Чтобы продержаться, мне необходимо залечить свежие раны. Вот славно будет, если я сыграю в ящик от усталости, поймав Рейвича на мушку! Впрочем, на его месте я бы все равно не спешил смеяться.

— Я подумаю об этом, — отозвался я.

Как ни странно, но на этот раз Небесный Хаусманн мне не приснился — может быть потому, что я рассказал об этом Зебре?

Мне приснилась Гитта.

Я думал о ней постоянно — с тех пор, как проснулся в Айдлвилде. Стоило мне вспомнить о ней — о том, как она была красива, о том, что ее

больше нет, — и боль, словно от удара кнутом, прожигала меня насквозь. Ее голос звучал у меня в ушах, я ощущал ее аромат, как будто она стояла рядом и внимательно слушала, когда я по настоянию Кагуэллы давал ей очередной урок. Не думаю, что эти воспоминания покидали меня хотя бы на минуту, с тех пор как я прибыл на Йеллоустоун. В лице каждой женщины, что попадалась навстречу, я искал сходство с Гиттой — пусть даже не всегда осознавал это. Я не снимаю с себя ответственности за смерть Гитты. И все же ее настоящим убийцей был Рейвич.

Я очень редко размышлял о событиях, которые привели к ее гибели, и почти не вспоминал о том, как это произошло.

Теперь эти воспоминания обрушились на меня во сне.

Само собой, этот сон был совсем иным. Во-первых, события жизни Хаусманна обычно проигрывались в моей голове в строгой хронологической последовательности. Во-вторых, то, что я видел, далеко не всегда совпадало с моим представлением об этом человеке. Но мои настоящие сны были отрывочными и спутанными — обычные человеческие сны. И сон, в котором я участвовал в экспедиции по Полуострову и засаде, закончившейся гибелью Гитты, не напоминал документальную съемку — в отличие от снов о Небесном. Но когда я проснулся, мне показалось, будто этот сон открыл дорогу целому потоку воспоминаний, которые я считал утраченными. Утром я смог подробно осмыслить все, что произошло тогда.

Последнее, что я помнил довольно ярко — это визит на корабль ультра, во время которого я сопровождал Кагуэллу. Тогда капитан Оркагна предупредил нас, что Рейвич задумал нападение на Дом Рептилий. Если Оркагна не лгал, Рейвич продвигался через джунгли на юг. Ультра отслеживали его путь по излучению тяжелого вооружения, которое нес с собой его отряд.

К счастью, Кагуэлла довольно быстро провернул все дела с ультра. Уже тогда он изрядно рисковал, посещая висящий на орбите корабль, а неделю спустя это стало бы практически невозможным. Награда за голову Кагуэллы достигла таких размеров, что некоторые из фракций, до сих пор сохраняющих позицию нейтральных наблюдателей, объявили, что перехватят любое судно, где он предположительно находится, а в случае отказа выдачи — просто собьют. Будь ставка поменьше, ультра могли бы не обращать внимания на подобные угрозы. Но на этот раз они официально объявили о своем присутствии и уже проявляли определенную заинтересованность, прощупывая почву во время торговых переговоров с

этими фракциями. Кагуэлла оказался фактически заперт на своей территории, которая постоянно уменьшалась.

Но Оркагна держал слово. Он продолжал снабжать нас информацией о местонахождении Рейвича, который приближался к Дому Рептилий, — причем сообщал координаты с той самой точностью, какой требовал Кагуэлла.

Наш план был достаточно прост. К северу от Дома Рептилий в джунглях дорог очень мало, и Рейвич уже выбрал одну из них. В одной из точек на тропе джунгли подступали к ней почти вплотную, поэтому мы выбрали это место для засады.

— Мы превратим это в экспедицию, — сказал Кагуэлла, когда мы с ним сидели в подвале Дома Рептилий, склонясь над картой, расстеленной на столе. — Это настоящая страна гамадриад, Таннер. Мы еще ни разу туда не забирались — просто не представлялось случая. Так что можем сказать Рейвичу «спасибо».

— У вас уже есть гамадриада.

— Это мелюзга, — презрительно бросил он, словно эту рептилию вообще не стоило держать в террариуме. Я не сдержал улыбки, вспомнив, как он торжествовал, когда поймал ее. Чтобы поймать гамадриаду, какой бы величины она не была, требуется настоящее мастерство. Но он хотел большего. Он был настоящим охотником, страстным и ненасытным. Всегда существовала более крупная добыча, и он не мог успокоиться, пока не добивался своего — но после этого непременно должно было появиться нечто невиданное.

Он снова ткнул пальцем в карту.

— Мне нужна взрослая гамадриада. Вернее, почти взрослая.

— Никому еще не удалось поймать живьем почти взрослую гамадриаду.

— Тогда мне придется стать первым, верно?

— Забудьте об этом, — сказал я. — Хватит с нас и Рейвича. Раз уж представился случай, можем провести разведку, а потом, через несколько месяцев, организуем охоту по всем правилам и вернемся. У нас даже нет транспорта, на котором можно вывезти взрослую змею — мертвую. О живой я не говорю.

— Я уже думал об этом, — ответил Кагуэлла. — И даже кое-что сделал, чтобы решить эту проблему. Дай-ка я тебе кое-что покажу, Таннер.

Во мне зашевелилось скверное предчувствие.

По лабиринту коридоров мы прошли на другой подвальный уровень Дома Рептилий. Здесь находился подземный виварий — сотни огромных

застекленных террариумов, оборудованных увлажнителями и температурным контролем, чтобы рептилии чувствовали себя как дома. Большинство тварей, обитающих за этими «витринами», привыкли ползать в полумраке, который царит под пологом леса. Тщательно подобранные виды местной растительности дополняли картину, максимально приближая условия к природным. Самый крупный террариум вмещал в себя ряд ступенчатых каменистых водоемов, куда предполагалось поместить пару боа-констрикторов, но их эмбрионы погибли несколько лет назад.

Строго говоря, рептилии Окраины Неба рептилиями не были. Впрочем, земные рептилии — лишь один из бесконечного множества путей, которым может идти эволюция.

Самые крупные беспозвоночные Земли — спруты и им подобные — обитают в морях, но на Окраине Неба беспозвоночные завоевали не только море, но и сушу. Никто не знает, почему местная эволюция пошла по такому пути. Наиболее правдоподобной выглядит версия о некоей глобальной катастрофе, в результате которой океаны «съежились» примерно до половины прежней величины, обнажив шельф. Формы жизни, обитающие на их периферии, получили мощный стимул к адаптации на суше. Но поскольку эволюция на тот момент еще не дошла до «создания» позвоночника, ей пришлось обходиться без него. Это был трудный и долгий процесс. Однако животный мир Окраины Неба представлен исключительно беспозвоночными. У гамадриад — самых крупных обитателей планеты — форма тела сохраняется лишь за счет давления, возникающего при циркуляции внутренних жидкостей, которые перекачиваются чуть ли не сотней сердец, разбросанных по всему объему тела. Эти твари хладнокровны — то есть температура их тела изменяется вместе с температурой окружающей среды. На Окраине Неба не бывает зим, при которых могли бы выжить лишь создания типа млекопитающих. Что же касается рептилий, то они, как и полагается хладнокровным, двигались медленно, питались редко и жили очень долго. Самые крупные из них, королевские кобры, даже не умирали в обычном смысле. Они просто изменялись.

По коридорам мы пришли в подвальное помещение, где содержались молодые особи. Изначально оно предназначалось для семейства крокодилов, но те пока что пребывали в анабиозе. Юная гамадриада едва помещалась в террариуме. К счастью, она успела не слишком подрасти в неволе. Но нам наверняка придется построить новое помещение, если Кагуэлла всерьез намерен отловить почти взрослую рептилию.

Я не видел нашу пленницу уже несколько месяцев и, откровенно

говоря, она меня не слишком интересовала. В конце концов я понял, что эта тварь, по сути, вообще ничего не делала. После кормления аппетит у нее почти пропадал. Тогда она, как всегда, сворачивалась в кольцо и впадала в состояние, близкое к смерти. У гамадриад нет естественных врагов, поэтому они могли позволять себе спокойно переваривать пищу и сохранять энергию.

Мы осмотрели глубокий сухой бассейн с белыми стенами, в котором когда-то должны были обитать крокодилы. Один из моих подчиненных, Родригес, склонился над резервуаром и подметал дно десятиметровой метлой. Именно на такой глубине находился пол, окруженный вертикальными стенами, отделанными белой керамической плиткой. Иногда Родригесу приходилось спускаться в бассейн, чтобы что-то наладить, — и не могу сказать, что я ему безумно завидовал, хотя кобра и находилась по ту сторону барьера. Есть такие места, куда лучше не соваться, и террариум со змеями — одно из них. Родригес улыбнулся мне сквозь усы, извлек из ямы свою метлу и водрузил ее на полку у стены, где размещался набор подобных длинномерных инструментов — клещи, гарпуны для анестезии, электрошокеры и прочее.

— Как поездка? — спросил я. Родригесу было поручено съездить в Сантьяго, чтобы прощупать почву для заключения новых сделок.

— Рад, что наконец вернулся, Таннер. Там куда ни глянь — одни высокородные задницы. Их хлебом не корми, только дай почесать языком и сказать что-нибудь доброе в наш адрес. Военные преступления... При этом они от души надеются, что война никогда не кончится — какое-никакое разнообразие. Просто с жиру бесятся.

— Но кое о ком из присутствующих они не только говорят, — заметил Кагуэлла.

Родригес очистил щетину метлы от листьев.

— Ага, слышал. Только сегодня ты военный преступник, а через год — спаситель народа. Или я не прав? И вообще, людей убивают не пушки, знаете?

— Верно. Людей обычно убивают маленькие металлические снаряды, — с улыбкой произнес Кагуэлла, любовно поглаживая шокер для скота, — возможно, он вспоминал, как с его помощью загонял гамадриаду в транспортировочную клетку. — А как поживает моя малышка?

— Кажется, у нее какая-то кожная инфекция. Меня это беспокоит. Эти твари линяют?

— Черт их знает. Возможно, мы будем первыми, кто об этом узнает.

Кагуэлла перегнулся через парапет — он доходил ему до пояса — и

заглянул в бассейн. Он выглядел недостроенным. Кое-где торчали растения — то, что осталось от попыток озеленения. Мы быстро обнаружили, что окружающая среда почти не влияет на поведение пленницы. Она дышит, чует добычу и изредка ест. В остальное время гамадриада просто лежит свернувшись, точно бухта перлина на большом корабле.

Спустя некоторое время это наскучило даже Кагуэлле. Впрочем, рептилия по меркам своего вида была еще мелкой и могла умереть задолго до того, как достигнет величины взрослой особи.

Гамадриады видно не было. Я тоже перегнулся через барьер, но бассейн выглядел пустым. Прямо под нами, в стене, есть прохладная темная ниша, в которой эта тварь обычно прячется от посторонних глаз.

— Спит, — сказал Родригес.

— Ну да, — согласился я. — Можешь вернуться через месяц, и, быть может, она шевельнется.

— Ничего подобного, — сказал Кагуэлла. — Вот, смотрите.

На стене висел белый металлический ящичек, который я не заметил раньше. Кагуэлла откинул крышку и извлек из него нечто вроде переносной рации с антенной и кнопками управления.

— Вы, случайно, не шутите?

Кагуэлла встал, чуть расставив ноги и держа пульт управления в вытянутой руке. Пальцем другой руки он неуверенно потыкал в кнопки, словно сомневался, что помнит комбинацию. Однако его действия возымели эффект. Снизу до моего слуха донесся характерный сухой шелест — змея разворачивала кольца. Такой звук издает брезент, который волочат по бетону.

— Что происходит?

— Попробуй догадаться.

Он наслаждался от души. Наклоняясь над бассейном, он наблюдал, как тварь выползает из своего убежища.

Вполне возможно, она относилась к молодняку, но ее размеры не внушали мне ни малейшего желанья подойти поближе. От головы до хвоста — добрых двенадцать метров, и почти по всей длине ее туловище было толщиной с мою грудную клетку. Разумеется, она двигалась как нормальная змея — как еще может двигаться тварь, не имеющая конечностей, да еще и весом больше тонны? Тело рептилии казалось бескровным — она пыталась маскироваться под белые стены бассейна — и бесформенным. Эти существа могли не бояться хищников, но мастерски нападали из засады.

Змея была безглазой. Неизвестно, каким образом они ухитряются

маскироваться, будучи слепыми. Подозреваю, что у них на коже есть какие-то клетки, не связанные с центральной нервной системой, которые реагируют на длину волны. Нет, гамадриады не слепые. У них есть глаза — невероятно зоркие, с широким полем, к тому же они обладают бинокулярным зрением. Только глаза у них находятся на верхнем небе — наподобие тепловых сенсоров в пасти земных змей. Эта тварь видит окружающий мир в течение нескольких секунд — когда разевает пасть перед броском. Однако масса других сенсоров — в основном инфракрасного излучения и запаха — позволяют ей выбрать и выследить подходящую добычу. Глаза во рту — это средство для точного прицела, необходимое лишь для того, чтобы нанести последний удар. Понимаю, это может показаться противоестественным. Но я слышал о мутации у лягушек, при которой глаза появлялись у них в пасти без серьезного ущерба для здоровья особи. Можно также вспомнить о земных змеях, которые действуют вслепую ненамного хуже, чем зрячими.

Змея полностью выползла из ниши и замерла, свернувшись с элегантною небрежностью.

— Отличный трюк, — заметил я. — Не поделитесь секретом?

— Контроль над мозгом, — отозвался Кагуэлла. — Мы с доктором Вайкуной усыпили ее и слегка поэкспериментировали с нервной системой.

— Этот упырь опять здесь?

Вайкуна — местный ветеринар. А еще он был когда-то специалистом по допросам и, по слухам, совершил немало военных преступлений, включая медицинские опыты над заключенными.

— Этот упырь — эксперт по организации нервной системы. Именно Вайкуна определил, где находятся главные контрольные бугорки центральной нервной системы гамадриад — кстати, довольно примитивной. А также изобрел простые электрошоковые имплантаты, которые мы разместили в стратегических точках — откровенно говоря, по всему мозгу этой твари.

Кагуэлла рассказал мне, как они экспериментировали с этими имплантатами, пока у змеи не закрепился ряд простейших поведенческих рефлексов. Впрочем, особенной изощренности не потребовалось — рефлексы змеи вообще весьма просты. Какой бы огромной ни выросла королевская кобра, по сути своей она остается машиной для охоты, у которой есть еще несколько довольно простых дополнительных функций. С крокодилами было то же самое, пока мы их не заморозили. Они опасны, но работать с ними легко, когда поймешь, как у них работают мозги. Каждый стимул вызывает у них строго определенную реакцию. Гамадриады

реагировали иначе — они были приспособлены к жизни на Окраине Неба, — но не намного сложнее.

— Я всего лишь воздействовал на точку, которая говорит змее, что пора проснуться и поискать пищу, — пояснил Кагуэлла. — Конечно, она не слишком голодна — неделю назад мы скормили ей козу, — но ее маленький мозг этого не помнит.

— Я восхищен.

Это было действительно так... и еще мне стало немного не по себе.

— А что еще вы можете ее заставить сделать?

— Хороший вопрос. Смотри внимательно.

Он постучал по кнопкам своего пульта, и гамадриада, хлестнув, как плеть, атаковала стену. В последний миг ее пасть раскрылась, и скругленная голова звучно ударилась о керамические плитки.

Оглушенная, змея снова свернулась кольцом.

— Дайте подумать. Вы внушили ей, что она видит нечто съедобное.

— Детские забавы, — ухмыльнулся Родригес, словно это зрелище его позабавило. Очевидно, он наблюдал подобное не в первый раз.

— Смотри, — продолжал Кагуэлла. — Я могу заставить ее вернуться в нору.

Я проследил, как змея собирается в клубок и осторожно втягивает тело в нишу. Наконец исчезли последние ее метры толщиной с ляжку.

— И какой в этом смысл?

— А как ты думаешь? — В его взгляде сквозило неприкрытое разочарование моей недогадливостью. — Мозг у взрослой гамадриады устроен не намного сложнее, чем у этой. Если мы поймем большую змею, то сможем усыпить ее прямо там, в джунглях. Мы уже выяснили благодаря этой малютке, как транквилизаторы действуют на ее нервную систему. Как только змея отключится, Вайкуна заберется на нее и вживит такой же имплантант, связанный с пультом управления наподобие этого. Тогда нам останется лишь направить змею к Дому Рептилий, внушая ей, что у нее перед носом пища. Она поползет за ней до самого дома.

— Сотни километров через джунгли?

— А что ей помешает? Если эта бестия начнет показывать признаки истощения, мы накормим ее. А в остальном просто позволим ей ползти — верно, Родригес?

— Он прав, Таннер. Мы сможем следовать за ней на машинах и защищать от других охотников, которым она приглянется.

Кагуэлла кивнул.

— А когда она приползет сюда, мы поместим ее в новую яму,

прикажем свернуться и малость поспать.

Я улыбнулся, попытался подыскать какой-нибудь веский аргумент технического характера, но в голову мне так ничего и не пришло. То, что я услышал, было полным безумием, но найти слабое место в плане Кагуэллы оказалось нелегко. Нам было достаточно известно о повадках почти взрослых гамадриад, чтобы приблизительно знать, где охотиться, и мы могли соответственно рассчитать дозы транквилизатора под размер нашей добычи.

Мы также могли подобрать иглы; теперь им надлежало более походить на гарпуны, но это не выходило за пределы наших возможностей. В арсенале Кагуэллы наверняка имеются гарпунные ружья.

— Нам придется выкопать новый колодец, — заметил я.

— Озадачь своих людей. Когда мы вернемся, они все сделают.

— Получается, что Рейвич тут как бы и не при чем? Даже если он заявится завтра, у вас найдется повод отправиться в джунгли за своей взрослой особью.

Кагуэлла аккуратно спрятал свой пульт, облокотился на стену и с укоризной поглядел на меня.

— Нет. Ты что, считаешь меня ненормальным? Будь это так, мы бы уже ехали через джунгли. Я просто говорю, что глупо терять такую возможность.

— Убить двух птиц одним выстрелом?

— Двух змей, — поправил он, осторожно подчеркивая последнее слово. — Одну настоящую, другую — в переносном смысле.

— Вы действительно считаете, что Рейвича можно назвать змеей? По-моему, это просто богатый молокосос, который делает то, что считает правильным.

— Тебе не все равно, что я думаю?

— Пожалуй, нам необходимо понять, какие мотивы им движут. Тогда мы поймем его и сможем предсказать его действия.

— Какая разница? Мы знаем, куда он направляется. Приготовим ему встречу — и дело сделано.

Под нами, в нише, пошевелилась змея.

— Вы его ненавидите?

— Рейвича? Нет. Мне его жаль. Иногда мне даже кажется, что я ему сочувствую. Если бы он обратил свой гнев на кого-нибудь другого — скажем, на тех, кто действительно перебил его семью, это не моя вина, — я бы, наверное, пожелал ему удачи.

— А стоит ли вообще заморачиваться?

— Ты можешь предложить что-то другое, Таннер?

— Мы можем отогнать его. Ударить первыми, подбить кого-нибудь из его людей — просто охладить его пыл. Скорее всего, можно будет обойтись без этого. Создать какую-нибудь преграду — скажем, устроить лесной пожар. До муссонов еще несколько недель. У нас и так хлопот хватает, а парню не обязательно умирать.

— Нет, здесь ты не прав. Тот, кто выступает против меня, расстается с жизнью. Мне плевать, что он похоронил всю свою семью заодно со своей долбаной собачкой. Ты понимаешь, к чему я веду? Если мы не сделаем этого сейчас, нам придется заниматься этим в будущем — всякий раз, когда какой-нибудь вонючий аристократишка сочтет себя чересчур крутым.

Я вздохнул. В этом споре я обречен на поражение. Я знал, что дело этим кончится, — если Кагуэлла задумал отправиться на охоту, его не отговорить. Но я чувствовал, что необходимо выразить несогласие. Я достаточно долго состоял у него на службе, чтобы заслужить право подвергать его приказы сомнению. Отчасти он платил мне за это — за то, что я выполнял роль его совести, когда он искал ее в себе и находил на ее месте лишь зияющую дыру.

— Главное — ничего личного, — сказал я. — Мы можем убрать Рейвича чисто, не доводя дело до взаимной бойни. Наверно, вы шутили, когда говорили, что целюсь не в голову, а в определенные участки мозга. Эта шутка чрезвычайно близка к истине. При необходимости я на это способен.

Я вспомнил одного из наших солдат, которого мне пришлось убить; я вспомнил еще нескольких ни в чем не повинных мужчин и женщин, смерть которых служила непостижимому высшему плану. Я знаю, это не может служить мне оправданием, но я всегда старался убивать настолько быстро и безболезненно, насколько позволял мой опыт. Тогда мне казалось, что Рейвич тоже заслуживает подобного милосердия.

Теперь, в Городе Бездны, я думал совсем иначе.

— Не беспокойся, Таннер. Мы разделаемся с ним чисто и быстро. Как хирурги в клинике.

— Хорошо. Разумеется, я сам подберу себе команду... Вайкуна идет с нами?

— Конечно.

— Тогда нам понадобятся две палатки. Я не стану есть за одним столом с этим упырем — даже если он переключился исключительно на змей.

— Палаток будет больше, чем две, Таннер. С нами будет Дитерлинг —

он знает змей лучше, чем кто бы то ни было. А еще я возьму с собой Гитту.

— Я должен вам кое-что объяснить, — сказал я. — Поход в джунгли всегда сопряжен с риском. Как только Гитта покинет Дом Рептилий, она окажется в большей опасности, чем если останется. Вы же знаете: за каждым нашим шагом внимательно следят. Не говоря уже о том, что джунгли — не место для прогулок, — выдержав паузу, я продолжал: — Я не снимаю с себя ответственности, но во время этой экспедиции никому не могу гарантировать полной безопасности. Разумеется, я сделаю все, что от меня зависит, но этого может оказаться недостаточно.

Он похлопал меня по плечу.

— Я уверен, что этого будет достаточно, Таннер. Ты еще ни разу не подводил меня.

— Все когда-нибудь случается в первый раз, — сказал я.

Наш маленький охотничий караван состоял из трех бронированных наземных машин. Кагуэлла, Гитта и я ехали в первой машине, которую вел Дитерлинг. Небрежно опустив обе руки на джойстик, он вез нас по заросшей тропе. Он знал здешние места не хуже, чем гамадриад. Мне и сейчас больно при мысли о том, что он мертв.

Следом за нами, во второй машине, ехали Вайкуна и еще трое моих людей — Летельер, Орсоно и Шмидт. У каждого из этой тройки был за плечами не один год службы в джунглях. Третья машина везла тяжелое вооружение — в том числе гарпунные ружья упыря Вайкуны, а также боеприпасы, медицинские комплекты, пищевые рационы, запасы воды и надувные палатки-купола. Эту машину вел один из старых проверенных служак Кагуэллы, а Родригес сидел позади с дробовиком, держа под прицелом тропу — на тот случай, если кто-нибудь попытается напасть на нас с тыла.

На приборной доске красовалась карта Полуострова, поделенная на секторы. Наше положение на данный момент было обозначено мигающей синей точкой. В нескольких сотнях километров севернее, на той же тропе, по которой двигались мы, горела мигающая красная точка, которая мало-помалу перемещалась в южном направлении. Это был отряд Рейвича; они полагали, что движутся скрытно, но их выдавало излучение, которые отслеживал Оркагна. Они проходили по пятьдесят-шестьдесят километров в день — весьма неплохо для передвижения в джунглях. Мы планировали разбить лагерь, когда Рейвич подойдет на расстояние дневного перехода.

Тем временем мы пересекли южную границу ареала королевских кобр. Глаза Кагуэллы горели нетерпением, его взгляд обшаривал джунгли в

поисках неторопливого движения огромного тела. Взрослые особи двигаются степенно и неторопливо — они настолько неуязвимы для любых природных хищников, что не развили в себе никаких защитных инстинктов. Единственное, что заставляет гамадриад двигаться — это голод. Кроме того, их цикл размножения включает миграцию. Если верить Вайкуне, у них нет даже того, что мы называем инстинктом самосохранения. Он нужен им не больше, чем леднику.

— А вот и дерево гамадриад, — объявил Дитерлинг на исходе дня. — Судя по виду, слияние произошло недавно.

Он указал в сторону от дороги, где царил непроницаемый мрак. Мне грех жаловаться на зрение, но у Дитерлинга зоркость просто нечеловеческая.

— Боже... — произнесла Гитта, опуская на глаза инфракрасные очки-бинокль. — Какое огромное.

— Так и сами не маленькие, — сказал ее муж. Он смотрел в ту же сторону, что и Дитерлинг, напряженно щуря глаза. — Ты прав. Похоже, у этого дерева было восемь — девять слияний?

— Как минимум, — согласился Дитерлинг. — И последнее, возможно, еще не закончилось.

— То есть... дерево еще теплое?

Я понял, к чему он клонит. Там, где есть дерево с недавно выросшими слоями, могут находиться и почти взрослые гамадриады.

Мы решили разбить лагерь на ближайшей прогалине, метрах в двухстах впереди по дороге. Водители нуждались в отдыхе после того, как целый день пробирались через заросли, а машины успели получить мелкие повреждения, которые было необходимо исправить прежде, чем снова отправляться в путь. Мы не торопились достичь места, где планировали устроить засаду, и Кагуэлла решил немного поохотиться перед сном в окрестностях лагеря.

Я воспользовался моноволоконной сенокосилкой, чтобы расчистить прогалину, затем помог накачивать палатки-купола.

— Пойду прогуляюсь, — сказал Кагуэлла, похлопав меня по плечу. Он был в охотничьей куртке, с переброшенной через плечо винтовкой. — Вернусь примерно через час.

— Будьте осторожнее со змеями, — полушутя предостерег я.

— Это просто прогулка, Таннер.

Я протянул руку к стоявшему перед палаткой складному столику, на котором размещалось кое-что из нашего оборудования.

— Если собираетесь далеко, — я поднял со столика инфракрасные

очки-бинокль, — не забудьте вот это.

Он помедлил, потом взял у меня прибор и сунул его в нагрудный карман рубашки.

— Спасибо.

Кагуэлла шагнул из островка света с палатками, на ходу снимая с плеча винтовку. Разобравшись с первой палаткой, которая предназначалась Кагуэлле и его супруге, я отправился на поиски Гитты, чтобы сообщить ей об этом. Она сидела в кабине машины с дорогим электронным блокнотом на коленях и, небрежно постукивая по клавишам, бегло просматривала страницы какого-то поэтического сборника.

— Ваша палатка готова, — сказал я.

Она закрыла блокнот с видимым облегчением и позволила мне проводить ее к входу в палатку. Я заблаговременно проверил прогалину на предмет потенциальной угрозы — например, мелких ядовитых родственниц гамадриад, которых мы называли «вьюнами», — но ничего не обнаружил. Гитта шла неуверенно, боясь шагнуть за пределы ярко освещенного участка земли, несмотря на мои заверения.

— Ну как, наслаждаетесь путешествием? — спросил я.

— Это шутка, Таннер? По-вашему, я могу этим наслаждаться?

— Я говорил ему, что будет лучше для всех, если вы останетесь в Доме Рептилий.

Я расстегнул «молнию», открывая вход в палатку. Роль прихожей играл крошечный воздушный шлюз — благодаря нему палатка не съезживается всякий раз, когда кто-то входит или выходит. Мы установили палатки треугольником, соединив их короткими герметичными коридорами. Генератор, наполнявший палатки воздухом и придававший им форму, был невелик и работал бесшумно.

— Вы полагаете, что это подходящее место для женщины, Таннер? — спросила Гитта, шагнув внутрь. — Если не ошибаюсь, подобные устройства вышли из употребления еще до старта Флотилии.

— Нет, что вы... — пробормотал я, стараясь, чтобы мой тон не казался извиняющимся. — Я вовсе так не думаю.

И вознамерился застегнуть наружную дверь, чтобы Гитта могла войти в палатку в одиночестве.

Но она подняла руку, не позволив мне коснуться «молнии».

— Хорошо, а что вы думаете?

— Думаю, что здесь произойдет нечто не слишком приятное.

— Вы имеете в виду засаду? Забавно, а я бы никогда не догадалась.

Я почувствовал себя идиотом.

— Гитта, поймите, что вы не все знаете о Кагуэлле. Да и обо мне тоже, если уж на то пошло. О том, чем мы занимаемся. Что за работу выполняем. Думаю, скоро вы поймете, что это такое.

— Зачем вы мне это говорите?

— Полагаю, вам лучше быть к этому готовой, вот и все. — Я оглянулся через плечо на джунгли, в которых исчез ее муж. — Мне нужно заняться другими палатками, Гитта.

— Да, конечно, — ответила она. В ее голосе было что-то странное.

Она пристально смотрела на меня. Возможно, это была игра света и тени, — но в эту минуту ее лицо показалось мне сверхъестественно прекрасным, словно портрет кисти Гогена. Наверно, именно в тот момент я полностью осознал, что готов предать Кагуэллу. Эта мысль постоянно была рядом, но понадобился этот миг обжигающей красоты, чтобы высветить ее. Интересно, принял бы я это решение, если бы тени упали на ее лицо чуть иначе?

— Таннер, вы знаете, что ошибаетесь?

— По поводу чего?

— Я знаю о Кагуэлле гораздо больше, чем вам кажется. Гораздо больше, чем кажется кому-либо. Я знаю, что он жестокий человек, и знаю, что он совершил ужасные деяния. Настолько ужасные, что это не укладывается в голове.

— Вот так сюрприз.

— Нет. Что бы вы ни сказали, я не удивлюсь. Я не говорю о мелких злодеяниях, которые он совершил с тех пор, как вы с ним познакомились. Они едва ли стоят внимания в сравнении с тем, что он творил прежде. Но если вам не известно его прошлое — значит, вы не знаете его настоящего.

— Если он настолько плох, то почему вы до сих пор с ним?

— Потому что сейчас он не то чудовище, каким был раньше.

Между деревьев мелькнула голубоватая вспышка, затем раздался звук выстрела лазерной винтовки. Потом в чаще послышался треск — что-то упало на землю. Наверно, Кагуэлла шел вперед, пока ему не попала добыча — по-видимому, небольшая змея.

— Говорят, дурного человека не изменишь, Гитта.

— Люди ошибаются. Только поступки делают нас дурными, Таннер, — именно они определяют нас, и ничто иное — ни наши намерения, ни чувства. Но что представляют собой несколько дурных деяний в прошлом в сравнении с тем, что мы делаем сейчас?

— Так живут лишь некоторые из нас, — возразил я.

— Кагуэлла старше, чем вы думаете, Таннер. И настоящие преступления он совершал давным-давно, когда был значительно моложе. То, что я с ним, по большому счету, результат его деяний.

Гитта помолчала, глядя на деревья, затем продолжала прежде, чем я успел попросить ее пояснить свою мысль:

— Человек, которого я встретила, не был чудовищем. Он был жесток, склонен к насилию, опасен — но был способен дарить любовь и принимать ее от другого человека. Он видел красоту вещей, видел зло в других людях. Он не был тем человеком, которого я ожидала найти. Но он оказался лучше. Не идеалом, по большому счету, — но и не чудовищем. Я поняла, что не могу возненавидеть его с той легкостью, на которую надеялась.

— Вы надеялись возненавидеть его?

— Не только. Я надеялась убить его — или передать в руки правосудия. Вместо этого...

Гитта снова помедлила. В джунглях снова мелькнула вспышка и раздался треск выстрела, знаменуя гибель какой-то твари.

— Я задала себе вопрос, который не приходил мне в голову раньше. Как долго нужно жить добродетельно, прежде чем сумма твоих добрых дел перевесит зло, которое ты когда-то причинил? Способен ли человек прожить так долго?

— Не знаю, — искренне ответил я. — Я знаю одно: возможно, Кагуэлла сейчас лучше, чем был когда-то. Но разве можно назвать его образцовым гражданином? Если вы считаете его нынешнюю жизнь добродетельной, то меня ужасает мысль о том, каким он был раньше.

— Это вполне резонно, — сказала Гитта. — И не думаю, что вы смиритесь с этой мыслью.

Я пожелал ей спокойной ночи и отправился ставить палатки.

Глава 20

Поздним утром, пока остальные разбирали лагерь, мы впятером прошли назад по дороге к тому месту, где мы видели дерево гамадриад. Оттуда оставалось пройти неудобным, но коротким путем через заросли до разросшегося основания дерева. Я шел первым, широкими взмахами моноволоконной косилки расчищая дорогу через заросли.

— Оно еще больше, чем казалось с тропы, — сказал Кагуэлла. Этим утром он был весел, лицо покраснелось — причиной были развешенные на опушке туши. — Как по-вашему, сколько ему лет?

— Больше, чем нашим колониям, — отозвался Дитерлинг. — Думаю, лет четыреста. Если хотите узнать точнее, придется его срубить.

Он прошелся вокруг дерева, легонько постукивая по коре костяшками пальцев.

С нами были Гитта и Родригес. Они смотрели на вершину дерева, запрокинув голову и щурясь от ярких лучей солнца, которые просачивались сквозь завесу джунглей.

— Оно мне не нравится, — заметила Гитта. — А вдруг сюда...

Казалось, Дитерлинг не мог услышать ее, но ответил прежде, чем она договорила:

— Шансы на то, что сюда приползет другая змея, чертовски малы. Тем более, что слияние прошло совсем недавно.

— Ты уверен? — недоверчиво спросил Кагуэлла.

— Можете проверить сами.

Он почти наполовину обошел дерево, и мы с трудом пробрались к нему сквозь заросли.

Дерево гамадриад было мечтой первых исследователей в сказочные довоенные годы. Они ураганом носились по этой части Полуострова, и глаза у них разбегались при виде чудес нового мира — они думали, что в будущем все это будет изучено самым тщательным образом. Они были словно дети, которые торопливо срывают обертки с подарков, чтобы, едва взглянув на содержимое, схватить очередной сверток. Вокруг было слишком много нового.

При более планомерном подходе вскоре бы обнаружилось, что эти деревья действительно достойны самого пристального изучения, но вместо этого они просто пополнили длинный список местных диковинок. В то же время достаточно было лишь понаблюдать за группой деревьев в течение

нескольких лет, чтобы раскрыть их тайну. Но происхождение этих деревьев удалось определить через десятки лет после того, как разразилась война.

Деревья гамадриад встречаются редко, но распространены почти по всему Полуострову. Они слишком непохожи на все, что произрастает в местных лесах — именно это, в первую очередь, привлекает внимание. Это дерево никогда не вырастает выше полога леса — это примерно сорок-пятьдесят метров от поверхности земли, в зависимости от высоты соседей. По форме оно напоминает витой подсвечник, утолщенный к основанию, а у вершины образует широкий плоский зонт — нечто вроде шляпки гриба диаметром в десятки метров. Именно эти темно-зеленые «грибы» привлекли внимание первых исследователей, облетающих джунгли на шаттлах «Сантьяго».

Иногда возле дерева обнаруживалась прогалина — тогда колонисты спускались, чтобы продолжить экспедицию пешком. Биологи, которые входили в состав этих групп, пытались найти объяснение форме этих деревьев и странному расположению клеток вокруг периметра ствола и вдоль его радиальных линий. Они быстро установили, что сердцевина дерева была мертвой, а живые ткани образовывали относительно тонкий слой оболочки.

Я уже отметил некоторое сходство этих деревьев с витыми подсвечниками. Но более точной будет, пожалуй, аналогия с высоченной тонкой спиральной горкой — такие аттракционы устанавливаются на площадях во время ярмарки. Помню, я видел такую в Нуэва-Иквики. Она стояла без дела уже который год, и нежно-голубая краска, которая ее покрывала, шелушилась и с каждым летом облезала все сильнее. Ствол дерева имеет форму правильного конуса, обвитого — от основания до вершины — аккуратной спиралью, причем ее витки нигде не соприкасаются друг с другом. Эта спираль гладкая, точно полированная, и покрыта причудливым орнаментом из коричневых и зеленых фигур, поблескивающих наподобие металлической чеканки. В промежутках между витками можно разглядеть остатки такой же спирали, то ли разрушенной, то ли поглощенной деревом, — а иногда и более старые слои. Пожалуй, в таких тонкостях разберется разве что опытный ботаник.

Дитерлинг определил главную спираль. У основания — там, где спираль, казалось, должна была уйти в землю наподобие корня, зияло глубокое отверстие. Он указал мне на него:

— Смотри, братишка. Она пустая почти до самой вершины.

— И что это значит? — спросил Родригес. Он знал, как обращаться с молодой особью, но не разбирался в тонкостях биологического цикла этих

тварей.

— Это значит, что дерево уже вывело потомство, — произнес Кагуэлла. — И молодняк уже покинул свой дом.

— Они прогрызают себе путь в теле собственной матери, — прокомментировал я.

Пока еще неизвестно, есть ли у гамадриад такое понятие, как пол. Не исключено, что они прогрызают себе путь в собственном отце — или в ком-то еще, не знаю. Когда закончится война, изучение биологии гамадриад воспламенит умы тысяч академиков.

— И насколько крупными они были? — поинтересовалась Гитта.

— Примерно с нашу пленницу, — ответил я, указав носком ботинка на зияющую пасть у основания спирали. — Может, чуть меньше. Но не настолько, чтобы мне захотелось встретиться с ними без тяжелой артиллерии.

— Мне казалось, что они слишком медлительны, чтобы представлять для нас угрозу.

— Эти особи почти взрослые, — сказал Дитерлинг. — В любом случае, от них трудно сбежать в этих зарослях.

— Но захочется ли змее нас глотать... то есть, поймет ли она, что мы годимся в пищу?

— Возможно, нет, — ответил Дитерлинг. — Но это будет слабым утешением после того, как она по нам проползет.

— Хватит, — сказал Кагуэлла, обнимая одной рукой Гитту. — Это такая же дикая тварь, как и любая другая. Разумеется, они опасны, если ты туго соображаешь. Но ведь мы знаем, как с ними обращаться?

В зарослях позади нас что-то затрещало. Мы испуганно обернулись, ожидая увидеть безглазую голову почти взрослой особи, которая неторопливо надвигается на нас подобно товарному поезду, неумолимое скольжение которого не способны остановить податливые заросли.

Вместо этого мы увидели доктора Вайкуну.

Когда мы покидали лагерь, он не выразил желания присоединиться, и я гадал, что заставило его передумать. Только не подумайте, что меня радовала перспектива оказаться в обществе этого вурдалака.

— В чем дело, доктор?

— Мне стало скучно, Кагуэлла.

Высоко поднимая ноги, доктор проследовал через остатки скошенной мною травы. Его одежда, как обычно, выглядела безупречно в сравнении с нашей, на которой с каждым днем экспедиции прибывали прорехи и пятна, — длинная, мышинового оттенка полевая куртка с расстегнутой

спереди «молнией». На шее болтались изящные очки-бинокли, а волосы были любовно завиты, что придавало ему вид хмурого отощавшего херувима.

— А вот и наше дерево!

Я уступил ему дорогу. Моя потная ладонь еще сжимала рукоять моноволоконной косы. Интересно, что бы случилось с этим упырем, увеличь я ненароком радиус секущей дуги. Пожалуй, я просто смел бы его. Почему-то мне думается, что мучения, которые он бы перенес при этом, были бы несравнимы с той болью, которую он причинил людям за свою карьеру.

— Экземпляр хоть куда, — заметил Кагуэлла.

— Последнее слияние, по-видимому, случилось пару недель назад, — сказал Дитерлинг, которого присутствие доктора смущало не больше, чем его хозяина. — Взгляните на этот секционный градиент.

Доктор вразвалочку двинулся вперед, чтобы увидеть то, о чем говорил Дитерлинг.

Дитерлинг извлек из бокового кармана своей разгрузки плоскую серую коробочку. Этот прибор, изготовленный ультра, величиной с карманную Библию, был снабжен экраном и несколькими кнопками с загадочной маркировкой. Прижав устройство боком к спирали, Дитерлинг ткнул большим пальцем в одну из кнопок. На экране появились бледно-голубые увеличенные изображения клеток. Эти приплюснутые цилиндрики походили на беспорядочно сваленные мешки с телами в морге.

— В основном это эпителиальные клетки, — проговорил Дитерлинг, чертя пальцем по изображениям. — Обратите внимание на мягкую липидную структуру клеточной мембраны — верный признак.

— Признак чего? — спросила Гитта.

— Животной ткани. Если бы я взял препарат вашей печени, он бы не слишком отличался по структуре от этого.

Он переместил прибор к другой части спирали, чуть ближе к стволу.

— Теперь взгляните сюда. Абсолютно другие клетки, расположены куда более упорядоченно, с ровными сросшимися стенками — это обеспечивает прочность структуры. Видите дополнительный слой по обе стороны оболочки? В ее основе целлюлоза.

Он коснулся другой кнопки, и клетки стали прозрачными и наполнились какими-то туманными силуэтами, похожими на привидения.

— Видите органеллы, похожие на коконы? Это зарождающиеся хлоропласты. А эти структуры вроде лабиринта — часть эндоплазматической сети. Все это можно увидеть исключительно в

растительных клетках.

Гитта постучала по коре в том месте, куда Дитерлинг первый раз направлял сканер.

— Значит, здесь дерево больше напоминает животное, а там — растение?

— Разумеется, это морфологический градиент. Ствол состоит из чисто растительных клеток — цилиндр из ксилемы вокруг сердцевины из старой субстанции. Когда змея впервые прикрепляется к дереву и оборачивается вокруг ствола, она все еще животное. Но в тех местах, где она соприкасается с деревом, ее клетки начинают изменяться. Мы не знаем, отчего это происходит, — порождает ли этот процесс нечто находящееся в лимфатической системе змеи, либо дерево дает химический сигнал для начала слияния, — Дитерлинг указал туда, где спираль словно прирастала к стволу. — Процесс такой клеточной консолидации должен занимать несколько дней. По его окончании змея оказывается неотделимо сросшейся с деревом — по сути, становится его частью. Но и в этот период она все еще остается животным.

— А что происходит с ее мозгом? — спросила Гитта.

— Он ей больше не нужен. По большому счету, и нервная система тоже — в нашем понимании.

— Вы не ответили на мой вопрос.

Дитерлинг улыбнулся.

— В первую очередь молодняк поедает материнский мозг.

— Они пожирают свою мать? — ужаснулась Гитта.

Змеи, которые слились с деревьями-хозяевами, сами становятся растениями. Но это происходит лишь после того, как змея достигает зрелости и способна обвить дерево спиралью от земли до самого зеленого полога. К тому времени юные гамадриады в ее псевдо-чреве уже почти сформировались.

Наше дерево почти наверняка перенесло несколько слияний. Возможно, настоящее дерево давно сгнило, и от него остались лишь сросшиеся оболочки мертвых гамадриад. Впрочем, не исключено, что последняя «присоединившаяся» змея в некотором смысле все еще жива и широко расправила свой фотосинтетический капюшон на вершине дерева, упиваясь солнечным светом. Никто не знает, как долго змеи способны прожить в этой последней — «безмозглой», растительной — фазе. Однако рано или поздно другая зрелая особь приползет к этому дереву и заявит на него свои права. Она заскользит вверх по стволу и пронзит своей головой капюшон предшественницы, а затем расправит собственный капюшон над

ним. В тени, без солнечного света, капюшон быстро засохнет, а новая змея сольется с деревом и станет почти растением. Остатки ее животной ткани пригодятся лишь на то, чтобы снабдить пищей молодняк, которому предстоит родиться через несколько месяцев после слияния. Некий химический сигнал разбудит новорожденных, побуждая их прогрызть себе путь из чрева, переваривая на ходу свою мать. Они пожрут ее мозг, затем спустятся вниз по спирали, продолжая питаться ее телом, пока не выйдут наружу у самой земли, — полностью сформировавшиеся молодые гамадриады, готовые охотиться.

— По-твоему, это отвратительно, — заметил Кагуэлла, озвучивая мысли Гитты. — Но на Земле случаются вещи и похуже. Так называемый австралийский паук по мере созревания его потомства просто превращается в кашу. Признайся, в этом есть некая дарвинистская чистота эксперимента. Эволюция не слишком обеспокоена тем, что случается с существами, которые уже передали по наследству генетическую информацию. Ты привыкла, что взрослые животные некоторое время присматривают за потомством, воспитывая и оберегая его от хищников. Но гамадриады свободны от подобных условностей. Даже только что вылупившиеся змеи куда сильнее любого из местных животных, а значит, не нуждаются в защите. И учиться чему-то новому им незачем — все уже давно заложено. Для взрослых особей почти не существует селекционного отбора, препятствующего их гибели в момент рождения потомства. Поэтому для молодняка абсолютно логично насыщаться собственными матерями.

Пришла очередь улыбнуться и мне.

— Вы говорите так, будто восхищаетесь этим.

— Так оно и есть. Как можно не восхищаться столь безупречным процессом?

Я не совсем уверен, что дальше события развивались именно так. Я смотрел на Кагуэлла, одновременно приглядывая за Гиттой. Первым начал действовать Вайкуна... или все-таки тот парень, Родригес?

Вайкуна сунул руку в карман и вынул пистолет.

— Родригес, отойди в сторону, — приказал он.

Я был в полном недоумении. Родригес держал руку в кармане, словно собирался оттуда что-то вытащить. Вайкуна выразительно повел дулом пистолета.

— Я приказал тебе отойти.

— Доктор, — вмешался я, — вы не желаете объяснить, чего ради угрожаете одному из моих людей?

— С радостью, Мирабель. После того, как с ним разделаюсь.

Родригес посмотрел на меня широко открытыми глазами. Он казался смущенным.

— Таннер, я не знаю, что ему нужно. Я просто собрался перекусить...

Я перевел взгляд на доктора-упыря.

— Итак, доктор?

— У него в кармане нет упаковки с пайком. Он полез за пистолетом.

Чушь какая. Родригес и без того вооружен — на плече у него, как и у Кагуэллы, висит охотничья винтовка.

Оба застыли, уставясь друг на друга.

Мне необходимо было принять решение. Я кивнул Кагуэлле.

— Позвольте, я разберусь. Берите Гитту и уходите подальше — мало ли, начнется перестрелка. Увидимся позже, в лагере.

— Вот именно! — проскрипел Вайкуна. — Уходите прочь, пока Родригес не убил вас.

Взяв жену за руку, Кагуэлла неохотно отошел в сторону.

— Вы это серьезно, доктор?

— На мой взгляд, он вполне серьезен, — пробормотал Дитерлинг, в свою очередь потихоньку отступая.

— Итак? — повторил я, обращаясь к упырю.

Рука Вайкуны дрожала. Он стрелял плохо, однако не обязательно быть снайпером, чтобы уложить Родригеса на разделяющей их дистанции. Доктор заговорил медленно, с нарочитым спокойствием:

— Это самозванец, Таннер. Я получил сообщение из Дома Рептилий, пока вы были здесь.

Родригес покачал головой.

— Что за чепуха!

Доктор вполне мог получить сообщение из Дома Рептилий. Обычно я пристегивал браслет связи, покидая лагерь, но в то утро засуетился и забыл об этом. Поэтому сигнал из Дома не мог выйти за пределы лагеря.

Я повернулся к Родригесу.

— Вынь руку из кармана, только медленно.

— Неужели вы поверили этому ублюдку?!

— Я не знаю, чему верить. Но если ты говоришь правду, то в кармане у тебя действительно сандвич.

— Таннер, поверь мне, это...

— Делай, как сказано, черт побери!

— Осторожно, — прошипел Вайкуна.

Родригес вынул руку из кармана с величавой медлительностью, не

сводя глаз с меня и Вайкуны. Двумя пальцами — большим и указательным — он сжимал плоский черный предмет. В джунглях всегда царят сумерки, да и манера, с какой Родригес обращался с этим предметом, могла создать впечатление, что это действительно была упаковка с пайком. На миг я поддался внушению.

Но только на миг. Это был пистолет — маленькое, элегантное и жестокое оружие, предназначенное для заказного убийства.

Вайкуна выстрелил. Возможно, для того, чтобы серьезно ранить стоящего напротив человека, требуется гораздо больше мастерства, чем я предполагал. Так или иначе, но пуля попала Родригесу в левое плечо, заставив его пошатнуться и вскрикнуть — но не более того. Вспышка у дула пистолета Родригеса — и доктор навзничь рухнул на землю.

Кагуэлла, стоявший на краю прогалины, скинул с плеча винтовку и приготовился стрелять.

— Нет!

Я успел крикнуть. Я желал только одного — чтобы мой хозяин убрался как можно дальше. Но — я осознал это слишком поздно — Кагуэлла был не из тех, кто уклоняется от боя, даже если это грозит ему гибелью.

Гитта завопила, пытаясь заставить мужа следовать за собой.

Родригес навел оружие на Кагуэллу и выстрелил...

И промахнулся. Его пуля лишь оцарапала кору стоящего рядом дерева.

Я пытался понять смысл происходящего, но на это не было времени. Пожалуй, Вайкуна прав. Все действия Родригеса в течение последних секунд подтверждали обвинения упыря... но кто, в таком случае, Родригес? Самозванец — или...

— Это тебе за Арджента Рейвича, — произнес Родригес, снова целясь в Кагуэллу.

Я понял, что на сей раз он не промахнется.

Подняв моноволоконную косу, я сдвинул большим пальцем рычажок, увеличивая до максимума радиус невидимой режущей нити, создаваемой пьезоэлектрическими кристаллами. Теперь передо мной развернулся сверхжесткий пятнадцатиметровый веер толщиной в одну молекулу.

Краем глаза Родригес уловил мое движение. И сделал ошибку — ошибку, которую мог допустить любитель, но не профессиональный убийца.

Он чуть помедлил.

Возможно, до него дошло, что случилось, — боли он не мог ощутить, поскольку невидимый резец действовал с хирургической точностью. Родригес выронил пистолет. За несколько секунд безмолвия у меня успело

родиться сомнение: не сделал ли я такой же ошибки, что и он, и удалось ли мне выдвинуть лезвие косы на необходимую длину.

Но ошибки не было.

Родригес рухнул на землю. Дважды.

— Мертв, — констатировал Дитерлинг. Мы снова были в лагере и собрались в единственной накачанной палатке. С момента инцидента миновали три часа, и сейчас Дитерлинг стоял, склонившись над телом доктора Вайкуны.

— Если бы я знал, как пользоваться этими штуками... — Дитерлинг разложил перед собой хирургические игрушки доктора — одна круче другой, — так и не желающие раскрывать свои зловещие секреты. Для того, чтобы спасти человека, сраженного оружием Родригеса, обычных медикаментов было недостаточно. Мы надеялись на волшебный сундучок доктора — он выложил за него торговцам-ультра немалые деньги. Возможно, наши надежды могли оправдаться, окажись эти инструменты в умелых руках. Но сейчас единственный человек, который обладал соответствующими навыками, больше всего нуждался в их применении.

— Ты сделал все, что смог, — сказал я, кладя руку на плечо Дитерлингу.

Кагуэлла смотрел на тело Вайкуны с неприкрытой яростью.

— Вполне в стиле этого ублюдка — сдохнуть в самый подходящий момент, не сделав то, что от него требовалось! И кто теперь, черт побери, будет вживлять змее имплантаты?

— Мне кажется, — заметил я, — сейчас ловля змей не является для задачей номер один.

— Думаешь, мне это неизвестно, Таннер?

— Тогда подтвердите это на деле.

Он ответил на мою нахальную реплику злым взглядом, но я продолжал:

— Вайкуна мне никогда не нравился, но ради вас он пожертвовал жизнью.

— А кто, мать твою, виноват в том, что Родригес оказался предателем? Мне казалось, ты хорошо проверяешь своих рекрутов, Мирабель.

— Я проверил его.

— И что же?

— Человек, которого я убил, не мог быть Родригесом. Кажется, Вайкуна тоже говорил об этом.

Кагуэлла посмотрел на меня, точно на кусок дерьма, прилипший к подошве его ботинка, а затем, кипя от гнева, вышел из палатки, оставив

меня наедине с Дитерлингом.

— Надеюсь, у тебя есть какие-нибудь соображения по этому поводу, Таннер? — он прикрыл простыней мертвого Вайкуну и принялся собирать идеально блестящие хирургические инструменты.

— Нет. Пока еще нет. Это действительно был Родригес... или, по крайней мере, нечто похожее на него.

— Попробуй еще раз связаться с Домом Рептилий.

Он был прав. Прошел примерно час с момента последней попытки — попытки, которая не увенчалась успехом. Скорее всего, какая-то прореха в кольце спутников связи — не исключено, что в очередной раз не обошлось без военных. Спутники таинственным образом то выходили из строя, то снова начинали работать, когда это отвечало шкурным интересам какой-нибудь из фракций.

Однако на этот раз линия заработала.

— Таннер? У вас там все в порядке?

— Да как тебе сказать...

Я не собирался вдаваться в подробности. Сейчас мне нужно было узнать, что за сообщение получил доктор Вайкуна.

— Что вы там говорили насчет Родригеса?

Человека, с которым я разговаривал, звали Саути. Я знал его много лет, но никогда еще не видел таким расстроенным, как сейчас.

— Таннер, ради Бога... Я надеюсь, что... Короче, мы получили предупреждение от одного из союзников Кагуэллы. Информацию о Родригесе.

— Продолжай.

— Родригес мертв! Его тело найдено в Нуэва-Сантьяго. Он был убит, затем утоплен.

— Ты уверен, что это был он?

— В его досье есть образцы ДНК. Наш связной в Сантьяго провел генетический анализ клеток — полная идентичность.

— Значит, Родригес, который вернулся из Сантьяго — кто-то другой. Я правильно понимаю?

— Да. Только это не клон. Просто наемный убийца, который перенес ряд пластических операций. Из него сделали двойника Родригеса. Изменили даже его голос и запах.

Я не спешил с ответом.

— На Окраине Неба нет специалистов подобного класса. Тем более таких, которые способны сотворить подобное за несколько дней. За то время, пока Родригес отсутствовал в Доме Рептилий.

— Совершенно с тобой согласен. Но это могли сделать ультра.

Что правда, то правда. Помнится, Оркагна походя бахвалился перед нами мастерством, которого добились его ученые.

— Но одной пластической операцией дело не ограничилось.

— Почему? Поясни.

— Самозванец вел себя, как настоящий Родригес. Он знал вещи, известные только Родригесу. Поверь мне, последние дни мы часто с ним болтали.

По правде, временами в его поведении проскальзывала уклончивость... но ничего настолько серьезного, чтобы внушить мне подозрения. Он с удовольствием разговаривал со мной на любые темы.

— Значит, они использовали его память.

— Думаешь, они протралили Родригеса?

Саути кивнул.

— Тут поработали настоящие профессионалы. Мы не обнаружили ничего такого, что указывало бы на траление как возможную причину смерти. Однако ультра способны на многое.

— По-твоему, у них есть способы имплантировать воспоминания своему наемнику?

— Я слышал о подобных вещах, — сказал Саути. — Крошечные механизмы, которые проникают в мозг человека и создают новые нейронные связи. Это называется рельефным оттиском. Северная Коалиция применяла этот способ в учебных целях, но ничего хорошего, в конечном счете, у них не получилось. Впрочем, если к этому приложили руку ультра...

— Для них это детская забава. В общем, убийца получил память Родригеса, но дело этим явно не ограничилось. Он изменился. Он почти стал Родригесом.

— Поэтому он и вел себя так убедительно. Хотя эти новые структуры памяти вряд ли должны быть прочными. Рано или поздно исходная личность должна взять свое, Таннер. Но к тому времени Родригес успевал завоевать твое доверие.

Саути был прав: только в последние день-два уклончивость Родригеса начала казаться мне странной. Может быть, именно в это время личность убийцы стала проступать сквозь маскировочный покров ложной памяти?

— Что ж, ему это удалось на славу, — подтвердил я. — Если бы Вайкуна нас не предупредил...

И я рассказал Саути о том, что случилось у дерева гамадриад.

— Привезите тела, — сказал Саути. — Хочу взглянуть, насколько

хорошо они замаскировали своего парня. Или это была банальная хирургия, или они заодно попытались заменить его ДНК.

— Думаешь, они стали бы так напрягаться?

— В этом все дело, Таннер. Стоит обратиться к нужным людям — и никаких напрягов.

— Насколько мне известно, сейчас на орбите планеты находится только одна группа ультра.

— Да. Я почти уверен, что здесь не обошлось без Оркагны и его компании. Если не ошибаюсь, ты с ними встречался? Как думаешь, им можно доверять?

— Это ультра, — ответил я многозначительно. — Я не могу относиться к ним, как к обычным партнерам Кагуэллы. Впрочем, это не значит, что их надо автоматически записывать в предатели.

— А какой им прок хранить наши секреты?

До меня дошло, что я не удосужился задать себе этот вопрос. Я сделал ошибку, отнесясь к Оркагне так же, как к любому деловому партнеру Кагуэллы, — как к партнеру, с которым не исключено дальнейшее сотрудничество. А если экипаж Оркагны не намеревался возвращаться на Окраину Неба ближайшие лет десять — а то и сто? И что им мешает сжечь за собой все мосты?

— Оркагна мог не знать, что убийцу пошлют к нам, — пробормотал я. — Представь себе: некто, связанный с Рейвичем, просто представил им парня, которому необходимо было изменить внешность, а затем другого, память которого требовалось перенести первому...

— И ты полагаешь, что Оркагне не пришло в голову задать пару вопросов?

— Не знаю, — отозвался я. Аргумент был откровенно высосан из пальца.

Саути вздохнул. Я знал, о чем он думает. Я думал о том же самом.

— Таннер, по-моему, с этого момента нам нужно действовать очень осторожно.

— Во всем этом есть как минимум один положительный момент, — заметил я. — Теперь, когда доктор убит, Кагуэлле придется забыть о своей охоте на змей. Правда, до него это еще не дошло.

Саути растянул губы в улыбке.

— Мы уже наполовину выкопали новый бассейн.

— На твоём месте я бы не стал надрываться и подождать возвращения Кагуэллы.

Я замолчал и сверился с картой, по которой ползла мигающая точка,

отмечая путь Рейвича.

— Вечером мы снова разобьем лагерь примерно в шестидесяти кликах к северу отсюда. А завтра тронемся в обратный путь.

— Вы собрались устроить засаду этой ночью?

За отсутствием Родригеса и доктора, у нас маловато народу, чтобы осуществить эту затею. Но достаточно, чтобы почти с гарантией одержать победу за счет численного преимущества.

— Завтра утром. Рейвич должен попасть к нам в ловушку за два часа до полудня. Если будет продвигаться с прежней скоростью.

— Удачи, Таннер.

Я кивнул и прервал связь.

Выбравшись из палатки, я увидел Кагуэлла и доложил ему обо всем, что узнал от Саути. Кагуэлла успел немного остыть после нашего последнего разговора. Наши люди суетились, заканчивая сборы. Хозяин снял с пояса черный кожаный патронташ с множеством карманчиков для патронов, обойм и прочих предметов, необходимых охотнику, перекинул его через плечо и пристегнул.

— Значит, им по зубам даже пересадка памяти?

— Я не уверен, что внедренная память устойчива. Но в том, что они смогли протралить Родригеса достаточно глубоко, я не сомневаюсь. У этого типа оказалось достаточно сведений, чтобы не вызывать у нас подозрений. Кстати, вас не удивляет, что они смогли столь убедительно изменить его внешность?

Он помедлил, затем неохотно ответил:

— Я знаю, что они... могут производить определенные изменения, Таннер.

Иногда мне казалось, что я знаю Кагуэлла лучше других. Временами мы были почти как братья. Я знал, что в порыве вдохновения он способен на фантастические проявления жестокости, которые превосходили любые мои замыслы. Мне приходилось работать над тем, чтобы быть жестоким — подобно усердному музыканту, которого природа не наделила той виртуозной легкостью, с какой творит подлинный гений. Но мы видели ситуацию схожим образом, судили о людях с одинаковым цинизмом и обладали врожденными навыками обращения с оружием. Однако порой — как в этот момент — мне казалось, что я встретил Кагуэлла впервые и он никогда не поделится своими бесчисленными маленькими тайнами. Я вспомнил свой давешний разговор с Гиттой. Она дала мне понять: все, что я знал о Кагуэлле, было лишь верхушкой айсберга.

Через час мы тронулись. Вайкуна и обе половинки тела Родригеса

были помещены в гробы-холодильники и погружены в машину, которая шла последней. До сих пор эти ударопрочные контейнеры служили для хранения пайков. Как и следовало ожидать, наша экспедиция перестала быть развлекательной поездкой. Разумеется, я и не считал ее таковой — в отличие от Кагуэллы. Теперь, наблюдая, как вздуваются мышцы на его шее, когда он всматривался вдаль, стоя на тропе, я почти физически ощущал его напряжение. Рейвич был совсем близко.

— Извини, что наехал на тебя, Таннер, — сказал Кагуэлла позже, когда мы остановились, чтобы починить турбину.

— Я бы все равно поступил так же.

— Но разве дело в этом? Я доверяю тебе, как брату. Доверял и раньше, и сейчас. Ты спас всех нас, когда убил Родригеса.

Впереди, над дорогой, порхала какая-то зеленая тварь с кожистыми крыльями.

— Я не могу называть этого ублюдка Родригесом. Настоящий Родригес был хорошим парнем.

— Конечно... я выразился коротко, но не точно. Ты... не думаешь, что у нас появятся другие самозванцы?

Я немного подумал.

— Мы от этого не застрахованы... хотя маловероятно. Родригес вернулся из поездки. Больше никто из нас не покидал Дом Рептилий последние несколько недель. Не считая, разумеется, вас и меня — мы навещали Оркагну. Но себя, думаю, заподозрить трудно. Еще Вайкуна, но с него подозрения снимаются... можно сказать, автоматически.

— Хорошо. Еще один вопрос... — он сделал паузу и подозрительно покосился на своих людей, которые не слишком профессионально молотили по какому-то механизму под капотом машины. — Тебе не кажется, что на самом деле это мог быть Рейвич?

— Двойник Родригеса?

Кагуэлла кивнул.

— Ведь он говорил, что со мной поквитается.

— Возможно... но мне сдается, что Рейвич идет с основным отрядом. Оркагна сказал нам то же самое. Возможно, самозванец рассчитывал оставаться с нами, не раскрываясь, пока не появится остальной отряд.

— И все-таки это мог быть Рейвич.

— Едва ли. Разве что ультра оказались еще умнее, чем мы думали. У Рейвича и Родригеса совершенно разная конституция. Я могу поверить, что они изменили его лицо, но им вряд ли хватило бы времени, чтобы переделать ему скелет и мускулатуру, — за несколько дней тут не

управишься. А потом еще и перепрограммировать схему тела, чтобы он не стучался о потолок. Нет, они подобрали наемника, который сложен примерно так же, как Родригес.

— А он не мог предупредить Рейвича?

— Возможно. Но похоже на то, что Рейвич не принял предостережения всерьез. Сигналы от оружия продолжают двигаться к нам с обычной скоростью.

— Значит, по большому счету, ничего не изменилось?

— По большому счету — не изменилось, — согласился я, но мы оба не слишком в это верили.

Вскоре, вопреки стараниям наших бойцов, турбина вновь запела, и мы отправились дальше. Я всегда серьезно относился к вопросу безопасности экспедиции, но теперь удвоил свои усилия и отдал новые распоряжения. Отныне никто не должен был выходить за пределы лагеря в одиночку и без оружия. Впрочем, это не относилось к Кагуэлле, который даже под угрозой смерти не отказался бы от своих ночных вылазок.

Лагерь, который нам предстояло разбить этим вечером, должен был играть роль базы в нашей операции, поэтому я не пожалел времени и нашел оптимальное место для размещения палаток. Стоянка не должна просматриваться с дороги — и при этом находиться достаточно близко, чтобы с нее можно было атаковать группу Рейвича. Мне не хотелось, чтобы мы оказались слишком далеко от склада боеприпасов. Значит, палатки следует разместить между деревьев, не более чем в пятидесяти-шестидесяти метрах от дороги. До наступления ночи мы могли выкосить стратегически важные участки, чтобы растительность не мешала вести огонь из подлеска, и подготовить пути для отступления — на тот случай, если люди Рейвича начнут подавлять нас ответным огнем. Если позволит время, мы расставим ловушки или мины вдоль других, более очевидных путей отхода.

В ту минуту, когда я мысленно чертил перед собой карту, нанося на нее скрещенные линии смерти, на просеке показалась змея.

Я почти перестал следить за дорогой, и только резкий оклик Кагуэллы заставил меня сообразить, что происходит нечто неладное.

— Стой! — скомандовал он, и наши машины шлепнулись брюхом оземь.

Метрах в двухстах впереди, там, где дорога уходила за поворот, из зеленой завесы высунула голову гамадриада. Над бледной головой тошнотворного зеленоватого оттенка нависали оливковые складки светочувствительного капюшона — он действительно напоминал

раздувшийся капюшон королевской кобры. Змея пересекала дорогу справа налево — она ползла к морю.

— Почти взрослая, — заметил Дитерлинг, словно речь шла о жужелице, приземлившейся на лобовое стекло.

Голова гамадриады была немногим меньше нашей машины. За ней уже показались первые несколько метров извивающегося тела. Шкуру покрывал узор — такой же, как я видел на спирали, обвивающей дерево гамадриад, — совсем как у обычной змеи.

— Как думаешь, сколько в ней метров? — поинтересовался я.

— Тридцать — тридцать пять. Я видел и покрупнее. Если не ошибаюсь, в семьдесят первом году мне попалась шестидесятиметровая. Но эта тварь уже почти взрослая. Если она сможет найти дерево подходящей высоты, которое достигает полога, то, вероятно, вступит в слияние.

Голова достигла кустов на другой стороны просеки. Тварь медленно проползала мимо нас.

— Подъезжай поближе, — произнес Кагуэлла.

— Вы уверены? — возразил я. — Здесь мы в безопасности. Она скоро проползет. Я знаю, что у нее нет инстинкта самосохранения, но она может решить, что мы годимся в пищу. Вы уверены, что хотите рискнуть?

— Поближе, — повторил он.

Я завел турбину, выставил минимальные обороты — так, чтобы машина только приподнялась над землей, — и немного подал ее вперед. Считается, что у гамадриад нет органов слуха, но вибрации почвы — совсем другое дело. А если змея, почувствовав отраженный от земли стрекочущий звук воздушной подушки, решит, что к ней приближается добыча?

Пересекая дорогу, «кобра» постоянно держала переднюю часть тела приподнятой над землей. Движения огромной твари были медленными и плавными. Ничто не говорило о том, что она заметила наше присутствие. Возможно, Дитерлинг прав: змея занята поисками подходящего дерева, вокруг которого можно обвиться, чтобы забыть об изнурительном «шевелении мозгами» и необходимости куда-то двигаться.

Теперь ее отделяло от нас метров пятьдесят.

— Стой, — проговорил Кагуэлла.

На этот раз я повиновался охотно. Когда я обернулся, он уже выпрыгивал из машины. Теперь мы слышали непрерывный низкий гул, с которым рептилия проталкивала свое тело сквозь заросли. Никакое животное не могло издавать подобные звуки. Больше всего это напоминало

грохот танка, сминающего все на своем пути.

Кагуэлла прошел за машину и извлек из багажника с оружием свой арбалет.

— О нет... — вырвалось у меня, но было слишком поздно.

Он уже вставлял в арбалет дротик с транквилизатором, доза которого была рассчитана на тридцатиметровую взрослую особь. По большому счету, эта штука только изображает из себя оружие, но для данной задачи она вполне подходила. Для того, чтобы обездвигить взрослую змею — то, что мы уже проделывали с молодой особью, — необходима огромная доза транквилизатора. Наши винтовки просто не предназначались для подобной цели, в отличие от арбалета, из которого можно стрелять массивными дротиками. Что касается очевидных его недостатков — ограниченной дистанции и точности — они едва ли имеют значение, когда имеешь дело с глухой и слепой тридцатиметровой тварью, которая покрывает длину своего тела за минуту.

— Заткнись, Таннер, — рявкнул Кагуэлла. — Я приехал сюда не для того, чтобы полюбоваться на эту красотку и убраться восвояси.

— Вайкуна мертв. У нас нет никого, кто сможет вживить ей имплантанты.

Я просто сотрясал воздух. Он пошел по дороге, держа в руке арбалет, и могучие мышцы на его спине, облепленной промокшей от пота рубахой и перетянутой патронташем, так и перекачивались.

— Таннер, — сказала Гитта. — Остановите его, пока не поздно.

— Ему ничто не угрожает...

Это была ложь, и я это знал. Будь это молодая «кобра», он действительно был бы в безопасности, но поведение взрослых змей пока недостаточно хорошо изучено. Выругавшись, я открыл дверцу со своей стороны, трусцой пробежал к багажнику машины и снял с держателя лазерную винтовку. Убедившись, что аккумулятор боезапаса заряжен, я бросился за Кагуэллой. Услышав мои шаги, хозяин раздраженно оглянулся.

— Мирабель! Отправляйся в машину, к чертовой матери! Я не хочу, чтобы кто-то портил мне удовольствие!

— Я буду держаться в стороне! — пообещал я.

Голова гамадриады исчезла в лесу. Теперь дорогу пересекало лишь тело, изогнутое элегантной дугой. Я стоял достаточно близко, чтобы слышать оглушительный шум, который она производила — треск веток, ломающихся под ее весом, и ровное шуршание ее сухой кожи о древесную кору.

И точно такие же звуки доносились с другой стороны. Вначале мой

разум лениво отмахивался от очевидного и восхищался акустическими эффектами, порожденными джунглями. Я все еще пребывал в оцепенении, когда справа от меня зеленый полог пробила голова второй змеи. Она ползла так же медленно — полметра в секунду, но была гораздо ближе, отчего ее движения казались куда более энергичными. Ее размеры были чуть скромнее, но по любым меркам это было настоящее чудовище. Мне вспомнился неприятный факт из биологии гамадриад. Чем мельче змея, тем быстрее способна двигаться...

Вскоре клиновидная голова змеи, украшенная капюшоном, застыла в нескольких метрах от меня — и высоко надо мной. Безглазая, она, казалось, парила на фоне неба подобно жуткому воздушному змею, украшенному могучим хвостом.

Ни разу за все время моей солдатской службы мне не доводилось испытать, что значит быть парализованным страхом. Меня всегда интересовало, что чувствует при этом человек. Теперь я познакомился с этим явлением на собственном опыте. Рефлекс бегства от опасности не был полностью отделен от воли: частица моего разума сознавала, что бежать не менее опасно, чем неподвижно застыть на месте. Пока змея не выбрала цель, она слепа. Но это не мешает ей прекрасно различать перепады температуры и запахи. Несомненно, эта гадина знала, что я стою под ней, иначе она бы не остановилась.

Что делать?

Подстрелить ее? Но опыт говорил мне, что лазерная винтовка — не лучший выбор в данной ситуации. Несколько отверстий диаметром с карандаш не причинят змее серьезного вреда. Бить в особые точки, которые выполняют роль мозга — тоже бессмысленно. По большому счету, у нее нет мозга — нельзя же назвать мозгом крошечный клубок нейронов, который поедают, появившись на свет, новорожденные змеи. Лазер бьет импульсами, его луч слишком недолговечен, чтобы работать им как мечом. Куда больше пользы было бы от косы, которой я расправился с двойником Родригеса.

— Таннер, стой на месте. Она нацелилась на тебя.

Краем глаза — не рискуя повернуть голову — я увидел Кагуэллу, который крался ко мне — пригнувшись, прижимая к плечу арбалет и щурясь через прицел.

— Вряд ли это заставит ее убраться, — пробормотал я еле слышно сквозь зубы.

— Еще как заставит, — отозвался он театральным шепотом. — Доза рассчитана на первую змею. Эта тварь не длиннее пятнадцати метров... то

есть двенадцать процентов от первоначального объема... значит, доза будет примерно восьмикратной.

Кагуэлла смолк и остановился. Он подошел на расстояние выстрела.

Гигантская голова покачивалась надо мной, точно колеблемая ветерком. Возможно, эта тварь по-прежнему намеревалась преследовать своего сородича, но проигнорировать предмет, который, возможно, годился в пищу, она не могла. Не исключено, что она уже несколько месяцев не ела. Дитерлинг говорил, что перед слиянием им обязательно надо наесться. Быть может, эта особь слишком мала, чтобы обвитья вокруг дерева, но это не повод предполагать, что она не голодна.

Изо всех сил стараясь не делать резких движений, я поднял предохранитель винтовки и почувствовал, как оружие дрогнуло и энергия с чуть слышным, а потом с усиливающимся гулом наполнила разрядные батареи.

Голова змеи качнулась в мою сторону, привлеченная звуком.

— Данное оружие готово к бою, — бодро доложила винтовка.

Пасть широко распахнулась. На пунцовом треугольном небе мерцали злобные глаза.

И я выстрелил прямо туда.

Голова тяжело врезалась в землю в нескольких шагах от меня. Бросок был бы точнее, если бы не выстрел лазера. Разгневанная рептилия снова поднялась и широко разинула пасть, издавая утробный рев. На меня пахло смрадом, точно с поля, усеянного трупами. Я торопливо выпустил десять разрядов, стробоскопическим залпом пробивших десяток черных кратеров в небной кости змеи. И заметил, как на ее затылке появились точки выходных отверстий толщиной с палец. Я ослепил змею.

Но ей удалось запомнить — хотя бы приблизительно, — где я стоял. Новый бросок, я отскочил, едва удержавшись на ногах, и в эту секунду воздух рассек блестящий металлический стержень. Я услышал, как звякнула тетива на арбалете Кагуэллы.

Дротик вошел в шею змеи, мгновенно выбросив в ее тело дозу транквилизатора.

— Таннер! В сторону, мать твою!

Потянувшись к патронташу, мой хозяин извлек еще один дротик и, натянув тетиву, вставил его в ложе. Через миг дротик присоединился к собрату, торчащему в шее рептилии. Содержимое капсул было рассчитано на взрослых особей и должно было в шестнадцать раз превышать дозу, необходимую для временного усыпления этой особи, — конечно, если мы не ошиблись в расчетах.

Непосредственная опасность миновала, я приготовился стрелять — и понял, что проблем у нас прибавилось.

— Кагуэлла, — окликнул я.

Должно быть, он заметил, что я уставился ему через плечо, потому что обернулся и застыл, на половине движения за очередным дротиком.

Первая змея изогнулась петлей, и ее голова показалась слева от дороги, всего в двадцати метрах от Кагуэллы.

— Сигнал бедствия получен, — пробормотал он.

До сих пор мы даже не подозревали, что змеи способны обмениваться сигналами. Но, похоже, он был прав: раны, нанесенные мною молодой змее, привлекли внимание старшей, и теперь Кагуэлла оказался между двумя гамадриадами.

Однако младшая змея уже вышла из игры.

В этом не было ничего неожиданного. Это напоминало крушение дирижабля; шея рептилии оказалась не в силах была удерживать голову, и она неумолимо клонилась к земле.

Что-то опустилось мне на плечо.

— Отойди-ка в сторонку, братишка, — сказал Дитерлинг.

Мне казалось, что я покинул машину целую вечность назад, но на самом деле прошло лишь полминуты. Дитерлинг стоял у меня за спиной, но все это время мне казалось, что рядом нет никого, кроме Кагуэллы и змей.

Я взглянул на оружие, который держал в руках Дитерлинг. Пожалуй, для наших проблем это то, что надо.

— Милая вещица, — похвалил я.

— Просто хороший рабочий инструмент, только и всего.

Он метнулся мимо меня, вскидывая к плечу вороненую базуку, снятую с оружейного крепежа. Ее приклад был украшен рельефным изображением скорпиона, огромный полукруглый магазин торчал асимметрично, точно сбитый набок. Перед лицом Дитерлинга с тихим жужжанием поднялся экран целеуказателя, пестрящий колонками информации и прицельными схемами. Смахнув экран в сторону, Дитерлинг быстро оглянулся и, убедившись, что меня не заденет пламенем отдачи, нажал на спуск.

В толстой туше первой змеи образовалась дымящаяся дыра, похожая на туннель. Хлюпая сапогами по мерзкой красной жиже, Дитерлинг зашагал вперед.

Тем временем Кагуэлла вlepил в нее последний дротик. Теперь у него оставались только заряды с малыми дозами, предназначенными для мелкой дичи. Казалось, рептилия даже не заметила, что в нее стреляли. Насколько

я помню, у этих тварей всего несколько болевых рецепторов на всем теле.

Когда Дитерлинг подошел к взрослой твари, его сапоги были красными по колено. Змея приближалась, ее голова была уже метрах в десяти от охотников.

Они коротко пожали друг другу руки и обменялись оружием.

Повернувшись спиной к Кагуэлле, Дитерлинг спокойно зашагал назад ко мне. Он нес ненужный более арбалет на полусогнутой руке.

Кагуэлла вскинул базуку. То, что он сделал, относилось к категории «нанесение невосполнимого ущерба».

Зрелище было не из приятных. Он включил режим стрельбы очередями, и мини-ракеты вылетали из ствола дважды в секунду. Он разделялся со змеей методично, точно садовник, подрезающий куст. Первым делом он сшиб ей голову. Даже после того, как от головы остались красные лохмотья, тварь продолжала двигаться. Очевидно, потеря мозга не была для нее серьезным увечьем. Шорох, сопровождающий ее скольжение, не прервался ни на миг.

Поэтому Кагуэлла продолжал стрелять.

Он стоял на месте, расставив ноги и всаживая ракету за ракетой в рану. Деревья вокруг были облеплены кровью и ошметками внутренностей. Но змея продолжала ползти вперед, хотя между ее головой и хвостом уже не оставалось живого места. До цели оставались считанные метры, когда гигантская рептилия, наконец, дернулась и распласталась на земле. Кагуэлла всадил в нее для верности последнюю ракету, затем повернулся и зашагал ко мне той же неспешной походкой, что и Дитерлинг.

Вблизи я заметил, что его рубаха покрыта красной пленкой, а на лицо как будто нанесен тончайший слой румян. Он подал мне базуку. Я поставил ее на предохранитель, хотя в этом не было нужды — последний заряд был только что выпущен, и магазин опустел.

Вернувшись к машине, я открыл контейнер с боеприпасами, вставил на место новый магазин и закрепил базуку на стойке рядом с остальным оружием. Кагуэлла выжидающе смотрел на меня — но что я мог ему сказать? Мне не хотелось поздравлять его с удачной охотой. Если не брать в расчет выдержку и физическую силу, необходимую для удержания базуки, любой ребенок мог бы расправиться со змеей точно таким же образом.

Вместо этого я поглядел на двух зверски убитых тварей, лежащих поперек нашей тропы и совершенно не похожих на то, чем они были минуту назад.

— Не думаю, что помощь Вайкуны была бы необходима, — заметил я.

Он посмотрел на меня, затем качнул головой, словно досадуя на мою

ошибку, из-за которой ему пришлось спасти мне жизнь, упуская шанс поймать добычу, — а заодно признавая правдивость моих слов.

— Поехали, Таннер, — сказал он.

В ту же ночь мы разбили лагерь и устроили засаду.

Судя по данным Оркагны, отряд Рейвича находился в тридцати километрах к северу от нашей позиции и двигался на юг все тем же спокойным маршем. Создавалось впечатление, что они шли без отдыха днем и ночью — в отличие от нас, но, поскольку в среднем они двигались чуть медленнее, чем мы, расстояние между нами почти не сокращалось. Сейчас наши отряды разделяла река, которую придется форсировать, но если Рейвич не отважится на ночной марш-бросок, что будет серьезной ошибкой, к рассвету он окажется на дороге в пяти километрах от нас.

Мы установили надувные палатки, на этот раз укутав каждую оболочкой из камуфляжной материи. Теперь мы находились в самом сердце ареала обитания гамадрид, поэтому я озаботился установить дальнедействующие датчики — температурные и акустические. Они должны были сработать, если к нам будет приближаться взрослая особь среднего размера. Молодняк — дело другое, но эти твари, по крайней мере, не разнесут наш лагерь. Дитерлинг осмотрел все деревья в округе и подтвердил, что ни одно из них за последнее время не выпускало молодых гамадрид.

— Лучше побеспокоиться насчет других местных хищников, — сказал он, встретив нас с Кагуэллой около одной из палаток. — Здесь кто только не водится.

— Возможно, змеи размножаются в определенное время года, — предположил Кагуэлла. — Надо будет это учесть, когда снова отправимся на охоту. На этот раз мы спланируем все, как следует.

Я недовольно взглянул на хозяина.

— Все еще хотите поработать с чем-нибудь из игрушек Вайкуны?

— Почему бы не отдать дань памяти нашему славному доктору? Ему бы это понравилось.

— Как знать, — я вспомнил змей, которым посчастливилось попасться нам на пути. — Вообще-то, мы сами чуть не отправились в мир иной.

— В учебниках не говорится, что они мигрируют парами.

— Значит, вы хорошо учите уроки. И как, помогает?

— Мы выбрались из этой задницы. И не с твоей помощью, Таннер.

Он бросил на меня строгий взгляд, потом кивком указал на Дитерлинга.

— По крайней мере, он знал, какое оружие нам было нужно.

— Базука? — уточнил я. — Согласен. Очень эффективно, правда? Но я не называю это охотой.

— Тут ты прав, — согласился Кагуэлла. Его настроение менялось непредсказуемо.

— Ты тоже неплохо поработал, — он положил руку мне на плечо. — Мы получили ценный урок. Нам это пригодится, когда мы вернемся в следующий раз.

Я видел, что он абсолютно серьезен. Он действительно хотел заполучить почти взрослую гамадриаду.

— Чудесно, — сказал я, энергично освобождая плечо. — Но только в следующий раз я доверю руководство экспедицией Дитерлингу. А сам останусь в Доме Рептилий и буду выполнять работу, за которую вы мне платите.

— Я плачу тебе за то, чтобы ты был здесь, — сказал Кагуэлла.

— Да. За то, чтобы пристрелить Рейвича. Но отстрел гигантских змей не входит в условия моего контракта, насколько мне известно.

Он вздохнул.

— Рейвич — по-прежнему наша главная цель, Таннер.

— В самом деле?

— Разумеется. Все остальное просто... побрякушки.

Он кивнул и исчез в своей палатке.

— Послушай, братишка... — пробормотал Дитерлинг.

— Я знаю. Тебе ни к чему извиняться. Ты был прав, что схватил базуку, а я ошибся.

Дитерлинг кивнул и отправился к стойке с оружием, чтобы выбрать очередную винтовку. Проверив прицел, он перекинул ремень через плечо и перебросил ее за спину.

— Куда ты идешь?

— Проверю еще разок территорию.

Я заметил, что инфракрасные очки-бинокли он не взял.

— Уже темнеет, Мигуэль... — я кивком указал на свои очки, лежащие на столе рядом с картой, где были отмечены перемещения Рейвича.

Но Мигуэль Дитерлинг лишь улыбнулся и отвернулся.

Позже — гораздо позже, после того, как я установил примерно половину ловушек — остальными я решил заняться на рассвете, чтобы они не создавали проблем нам самим, — Кагуэлла пригласил меня к себе палатку.

— Да? — осведомился я, ожидая очередного приказа.

— Мне нужен противник.

На складном столике стояла шахматная доска с расставленными фигурами, рядом стояли стулья с брезентовыми спинками. Я пожал плечами. Я неплохо играю в шахматы — даже очень неплохо, но сама по себе эта игра меня не привлекает. Для меня это была еще одна из обязанностей, которой не стоит пренебрегать, — и я знал, что не могу позволить себе победить.

Кагуэлла навис над шахматной доской. На нем была рабочая солдатская униформа, переkreщенная брезентовыми ремнями, на поясе — целый арсенал кинжалов и метательных ножей, на шее брелок с дельфином. Когда его руки тянулись к фигурам, мне вспоминались генералы прежних времен, которые расставляют крошечные украшенные флажками фигурки танков и пехотинцев на просторном столе с песочным покрытием. На лице хозяина застыло безмятежное спокойствие, зеленоватое сияние электрических ламп странным образом отражалось в его глазах, словно передавая им частицу своего света. Все это время Гитта находилась с нами. Время от времени она наливала мужу крошечную рюмку писко, но редко произносила хоть слово.

На этот раз партия выдалась непростая — из-за необходимости постоянно прибегать к тактическим уловкам. Я играл в шахматы лучше Кагуэллы, но ему не слишком нравилось проигрывать. С другой стороны, он был достаточно умен, чтобы обнаружить, что противник играет не в полную силу. Так что мне приходилось удовлетворять его самолюбие на обоих фронтах. Я играл жестко, загоня Кагуэллу в угол, но непременно создавал в своей позиции слабое место — нечто едва уловимое, но потенциально смертельно опасное. И в тот момент, когда положение казалось для него безнадежным, я позволял ему увидеть эту лазейку, подобную тончайшей трещине на гладкой поверхности. Впрочем, иногда он не замечал моей слабости, и мне оставалось лишь позволить ему проиграть. В этой ситуации мне приходилось делать вид, что победа была вырвана почти чудом.

— Ты снова побил меня, Таннер...

— Однако вы хорошо играли. Приходится позволять себе иногда выиграть.

Гитта бесшумно появилась рядом с мужем и налила ему в рюмку очередную каплю спиртного.

— Таннер всегда играет хорошо, — заметила она, пристально глядя на меня. — Он достойный противник, и ты это знаешь.

— Стараюсь, — ответил я, пожимая плечами.

Кагуэлла смахнул фигуры с доски, словно в приступе раздражения, но его голос оставался спокойным.

— Сыграем еще разок?

— Почему бы и нет? — устало отозвался я, понимая, что на сей раз мне неизбежно придется проиграть.

Партия была закончена. Мы с Кагуэлкой прикончили оставшиеся капли писко, затем обсудили план операции, хотя уже рассматривали его десятки раз и предусмотрели любые мелочи. Но это уже стало чем-то вроде ритуала, который мне порядком надоел. Напоследок мы осмотрели оружие, и Кагуэлла тихо проговорил мне на ухо:

— Я ненадолго выйду, Таннер. Хочу потренироваться в последний раз. И лучше, чтобы меня не беспокоили, пока не закончу.

— Рейвич может заметить вспышки.

— Это худшее, что может произойти. А может, он решит, что это молнии.

Я кивнул, но настоял на личной проверке его оружия, прежде чем позволил ему уйти. Не взяв с собой фонаря, вскинув за спину миниатюрную лазерную винтовку, он шагнул в темноту и вскоре исчез из виду. Ночь была темная. Я надеялся, что ему знакомы окрестности нашей поляны. Как и Дитерлинг, Кагуэлла был уверен, что весьма неплохо видит в темноте.

Прошло несколько минут, и я услышал ритмичный звук импульсов. Они раздавались каждые несколько секунд, потом следовали долгие паузы — Кагуэлла регулировал режим огня или выбирал новую цель. Каждый разряд на миг освещал верхушки деревьев ослепительной вспышкой, вспугивая крылатых обитателей леса, и они черными тенями начинали метаться на фоне звездного неба. Потом я увидел еще одну тень — она была настолько велика, что заслонила рой звезд на западе. Это была буря, которую предсказывал Кагуэлла. Она подкралась с океана, готовая обрушиться на Полуостров муссонные дожди. Словно в подтверждение моей догадки, теплый неподвижный ночной воздух стал тяжелым, а по верхушкам деревьев пробежал порыв ветра. Вернувшись в палатку, я нашел фонарь и зашагал по тропе, которую выбрал мой хозяин, — туда, где, точно вспышки маяка, мелькали разряды его винтовки. Пробираться через заросли становилось небезопасно, но скоро я вышел на небольшую поляну, где уже несколько минут стоял, стреляя, Кагуэлла. Я махнул в его сторону фонарем, объявляя о своем присутствии.

— Я просил не беспокоить меня, Таннер, — бросил он, не опуская

винтовки.

— Знаю. Приближается буря. Я боялся, что вы этого не заметите, пока не польет дождь, а тогда вам трудно будет найти дорогу в лагерь.

— А разве я не говорил тебе, что будет буря? — возразил он, не поворачиваясь ко мне, — он был слишком увлечен стрельбой. Лазерные разряды вспарывали темноту, устремляясь к невидимым целям, — и, как я заметил, находили их с безукоризненной точностью, хотя Кагуэлла время от времени менял стойку или перезаряжал винтовку.

— Так или иначе, уже поздно. Нам нужно немного поспать. Если Рейвич где-нибудь застрянет, завтрашний день может оказаться долгим. Вам понадобятся силы, так что стоит отдохнуть.

— Ты прав на все сто, — согласился он, выдержав подобающую паузу. — Просто я хочу убедиться, что сумею изувечить этого ублюдка, если захочу.

— Изувечить? Мне казалось, что мы собираемся ликвидировать его, и дело с концом.

— И какой в этом смысл?

Я шагнул к нему.

— Убить его — это одно. Наверняка он хочет убить вас, поэтому это не лишено смысла. Но чем он заслужил подобную ненависть?

Кагуэлла прицелился и выпустил еще один разряд.

— А кто сказал, что он должен ее заслужить, Таннер?

Резким движением он перевел приклад и прицел оружия в нерабочий режим и забросил винтовку за спину, где она казалась частью хрупкой корабельной оснастки, притороченной к китовой туше.

Мы возвращались молча. Грозовая туча вздымалась над нами, подобно скале из обсидиана, беременной молниями. Когда мы достигли лагеря, первые капли дождя уже пробили кроны деревьев. Проверив, надежно ли укрыто от непогоды оружие, и включив выставленные по периметру детекторы, которые должны были оповестить нас о вторжении, мы спрятались в своих герметичных палатках. Дождь забарабанил по материи, словно нетерпеливые пальцы по столешнице, где-то на юге прокатился раскат грома. Все было готово. Мы улеглись в свои походные койки, чтобы перехватить несколько минут отдыха, прежде чем отправиться на поиски нашего приятеля.

— Выспись как следует, — посоветовал напоследок Кагуэлла, просунув голову в мою палатку. — Завтра нам предстоит битва.

Было еще темно, буря не утихала. Я проснулся и прислушался к дробу,

которую выбивал дождь по натянутому барабану купола палатки.

Что-то встревожило меня — настолько, что я проснулся. Иногда такое случается. Мой мозг работает над проблемой, решение которой при свете дня кажется абсолютно очевидным, — пока не найдет загвоздку. Именно таким образом я расставлял самые изоощренные ловушки в Доме Рептилий — представлял себя диверсантом, затем изобретал способ обойти преграду, которая до сих пор казалась мне абсолютно неприступной... С этим ощущением я и проснулся — словно мне вдруг открылось нечто очевидное. И что я по самонадеянности допустил ужасную ошибку. Но в первую минуту я не мог вспомнить подробности сна — той тайны, которую доверительно открыло мне мое прилежное подсознание.

Через секунду я понял, что на нас напали.

— Нет... — пробормотал я.

Но было уже слишком поздно.

Одна из непреложных истин войны, которые мне в свое время пришлось усвоить, состоит в том, что большинство стереотипов не слишком далеки от реальности. Война состоит из зияющих бездн бездействия, оттененных краткими, пронзительными интерлюдиями, которые и принято называть военными действиями. Во время этих интерлюдий события сменяются с головокружительной быстротой — и в то же время течет медленно, как во сне, и каждый миг клеймом выжигается в памяти. Только так — и особенно в такой жестокой, напряженной ситуации, как засада.

Нет, никакого предупреждения не было. Возможно, что-то дотянулось до моих сновидений, точно сторожевая нить, и вырвало меня из сна — осознание того, что нас атаквали, осознание собственной ошибки. В момент пробуждения я этого не знал. Быть может, сработал датчик на периметре, хрустнула ветка под ногой или закричал напуганный зверь.

Это не имело значения.

Нас было восемь, их трое, но они положили нас с безжалостной легкостью. Все трое были с головы до пят затянуты в бронированные костюмы-«хамелеоны», которые способны менять не только цвет, но форму и текстуру. Разумеется, о таких доспехах местные ополченцы могли только мечтать. Единственными, кто мог продать им такую технику или технологию, были ультра. Значит, я не ошибся, — Рейвич тоже сносился с экипажем субсветовика. Возможно, он заплатил им, чтобы они обманули Кагуэллу, предоставив ложную информацию об их местонахождении. Кстати, не исключено, что именно эта догадка, родившаяся в моем полуспящем сознании, стала причиной моего пробуждения.

Конечно, у Рейвича могло быть два отряда. Один из них двигался на юг в тридцати километрах к северу от нас, с меченым вооружением, под контролем Оркагны. Мы решили, что это единственный отряд. А если существовал второй, который шел впереди первого? Его бойцы могли быть легко вооружены — и ультра просто не отследили их. Недостаток огневой мощи может с лихвой компенсироваться эффектом неожиданности.

Так оно и случилось.

Их оружие не превосходило наше ни совершенством, ни убойной силой, но они пользовались им с педантичной аккуратностью, скосив часовых за пределами лагеря, прежде чем те успели ответить. В тот момент я не думал ни о чем подобном. Я все еще боролся со сном. Мне даже казалось, что я слышу не пульсацию и треск энергетических разрядов, а звуки агонирующей бури, которая уползала вглубь Полуострова. Затем снаружи донеслись вопли, и до меня дошла суть происходящего.

Но к тому времени, разумеется, было уже слишком поздно.

Глава 21

В конце концов, я проснулся. Лежа в золотистом утреннем свете, который струился в комнату Зебры, я еще долго прокручивал в голове картины, увиденные во сне. Наконец, немного успокоившись, я переключился на свою раненую ногу.

За ночь машина-целительница сотворила настоящее чудо — медицинские технологии, которые она использовала, оставляли позади все, что существовало на Окраине Неба. Рана превратилась в беловатую звездочку новой плоти. Зато я испытал еще одно психологическое потрясение — мозг отказывался признать тот факт, что моя нога могла действовать абсолютно нормально. Поднявшись с кушетки, я сделал на пробу несколько неуклюжих шагов в направлении ближайшего окна, вверх по широким ступеням, образующим пол. Мебель заботливо отползала в сторонку, уступая мне дорогу.

При свете дня — или времени суток, которое заменяло в Городе Бездны день — огромная дыра в сердце Города казалась еще более мрачной и глубокой до головокружения. Нетрудно представить, как она манила первых исследователей — тех, кто подобно новорожденным появился из чрева роботов или прилетел на Йеллоустоун следом на хрупких звездолетах. Пятно теплых газов, изливающихся из Бездны, при благоприятных атмосферных условиях можно было увидеть из космоса.

Пересекали они территорию на краулерах или скользили над поверхностью среди многослойной облачности, от первой встречи с Бездной не могло не захватить дух. Что-то нанесло планете рану тысячи веков назад, и эта открытая рана все еще не была залечена. Говорят, некоторые смельчаки спускались в ее глубину, облаченные лишь в легкие скафандры, и обнаружили там сокровища, на которые можно было основать целую империю. Если это правда, значит, они предпочли оставить эти сокровища себе. Но это не остановило других авантюристов и любителей приключений. Они основали поселение, которому впоследствии было суждено превратиться в Город Бездны, или Чазм-Сити, как его называли некоторые.

Общепринятой теории, которая объясняла бы возникновение Бездны, пока не создано. Правда, наличие кальдеры, в которой лежал Город Бездны — защищенный от ураганов, коварных наводнений и вторжения аммиачно-метановых ледников — наводило на мысль о катастрофе, которая

произошла достаточно недавно по геологическим меркам, чтобы ее следы не успели стереть тектонические сдвиги и эрозия. По-видимому, Йеллоустоун подошел на опасно близкую дистанцию к своему соседу — газовому гиганту — и получил нечто вроде впрыска энергии в литосферу. Бездна была одной из точек, откуда эта энергия медленно, капля по капле, уходила обратно в космос. Но благодаря чему такое стало возможным? Кто-то говорил о крошечных черных дырах, которые каким-то образом попали в поверхностный слой планетной коры, о вкраплениях кварковой материи... но подлинная причина не была известна никому. Ходили слухи и легенды об артефактах инопланетян, захороненных под корой планеты. В таком случае Бездна имеет искусственное происхождение — по крайней мере, в нынешнем виде. Возможно, пришельцы прибыли сюда по той же причине, что и люди, — чтобы добывать из Бездны энергию и химические вещества. Я представил себе щупальца труб — цепкие пальцы, которыми Город тянулся в зияющую пропасть, стремясь достать до самого дна.

— Не пытайтесь изображать равнодушие, — сказала Зебра. — Некоторые люди пошли бы на убийство, чтобы увидеть подобную картину. Да о чем я говорю — я знаю людей, которые действительно совершили убийство ради этого!

— Это меня не слишком удивляет.

Зебра вошла в комнату совершенно беззвучно. В первый момент мне показалось, что на ней ничего нет — но она была одета, хотя ее длинное платье было прозрачным, словно сотканным из дыма.

В руках она держала мою одежду — подарок Нищенствующих, — выстиранную и аккуратно сложенную.

Теперь я заметил ее необычайную худобу. Черные полосы, оттененные серовато-голубой дымкой платья, покрывали все ее тело, следуя изгибами ее фигуры и сгущаясь на груди и в промежности. Жесткий гребень волос сбегал по позвоночнику до поясицы и исчезал между полосатыми полушариями ягодиц. Ее шаг был скользящим, точно у балерины, а крошечные ступни, похожие на копытца, скорее не позволяли ей оторваться от пола, нежели служили опорой. Похоже, она вполне может участвовать в Игре — из нее бы получился первоклассный охотник. А разве она не приняла в ней участие — хотя бы с целью испортить развлечение своим врагам?

— На планете, с которой я прибыл, такой наряд сочли бы провокационным, — заметил я.

— Но здесь не Окраина Неба, — ответила она, кладя мою одежду на кушетку. — Это даже не Йеллоустоун. Это Кэнопи, и здесь мы ведем себя

так, как нам вздумается, — ее ладони скользнули вниз по бедрам.

— Простите, нескромный вопрос: вы такой родились?

— Ничего страшного. Я даже не всегда была женщиной и сомневаюсь, что останусь ею до конца моей жизни. И уж точно не всегда буду называться Зеброй. Кому понравится быть прикованным к одному телу, к одной личности?

— Не знаю, — осторожно произнес я. — Просто на Окраине Неба у большинства людей нет средств, чтобы хоть как-то изменить себя.

— Да, я понимаю. Вы слишком заняты тем, что убиваете друг друга.

— Это довольно краткая характеристика нашей истории — но вы не слишком далеки от истины. А впрочем, что вам об этом известно?

И снова мне вспомнился тревожный сон — лагерь Кагуэллы и короткий взгляд Гитты, устремленный на меня. Она ничем не напоминала Зебру, но в момент пробуждения, когда мысли еще спутаны, я легко обнаружил в них нечто общее. Гибкое тело, высокие скулы, темные волосы... Не то, чтобы Зебра казалась мне непривлекательной. Но мне никогда не приходилось находиться в одной комнате со столь странным созданием.

— Поверьте, мне известно достаточно много, — сказала Зебра. — Кое-кто из нас проявляет к этому самый живой интерес — правда, несколько извращенного толка. Хотя согласитесь — в этом есть что-то пикантное... и жуткое.

Я кивнул в сторону «замурованных» в стене людей, которых вчера принял за барельеф.

— А меня ужасает то, что здесь произошло.

— Согласна. Но мы пережили это. Тем, кто остался в живых, не довелось столкнуться с наиболее жестокими проявлениями эпидемии.

Теперь она стояла совсем близко, и я внезапно почувствовал, что во мне просыпается возбуждение.

— Это только кажется, что между эпидемией и войной нет ничего общего. Нашим врагом был наш город, наши собственные тела.

Я взял ее за руку и прижал ее ладонь к своей груди.

— Кто вы на самом деле, Зебра? И почему хотите мне помочь?

— Кажется, мы обсудили это прошлой ночью.

— Знаю, но... — ее ответ меня не убедил. — Ведь они все еще охотятся за мной? Охота не закончится просто потому, что вы доставили меня в Кэнопи.

— Здесь вы в безопасности. Мои комнаты экранируются от электронных сигналов, так что им не удастся запеленговать ваш имплантат.

К тому же Кэнопи — не территория Игры. Игроки не хотят привлекать к себе ненужное внимание.

— Значит, мне придется остаться здесь до конца жизни?

— Нет, Таннер. Еще пара дней — и вы в безопасности.

Ее ладонь выскользнула из-под моей и ласково коснулась моей головы, походя задев шишечку, под которой находился имплантат.

— Устройство, которое вживил вам Уэверли, посылает сигналы в течение пятидесяти двух часов. Они предпочитают играть так.

— Пятьдесят два часа? Одно из правил, про которые говорил Уэверли? Зебра кивнула.

— Разумеется. Они экспериментировали с разными сроками.

Это было слишком долго. След Рейвича и без того остывал, но если я промедлю еще два дня, у меня не останется ни малейшего шанса.

— А почему они играют?

Интересно, услышу ли я то же самое, что говорил мне Хуан, паренек-рикша.

— Им скучно, — сказала Зебра. — Среди нас здесь много послесмертных. Несмотря на эпидемию, смерть все еще кажется большинству из нас отдаленной перспективой. Может, не столь отдаленной, как семь лет назад... но она перестала быть той животворной силой, какой остается для смертных — таких, как ты. Это тихий, почти беззвучный голос, который побуждает тебя делать что-то сегодня, потому что завтра может быть слишком поздно — большинство из нас его не слышит. За два столетия общество Йеллоустоуна почти не изменилось. К чему создавать шедевр для завтрашнего дня, когда через пятьдесят лет можно задумать нечто лучшее?

— Понимаю, — отозвался я. — По крайней мере, отчасти. Но ведь ваше общество должно было измениться. Разве из-за эпидемии большинство из вас не стали смертными? Насколько мне известно, из-за нее пришлось отказаться от многих терапевтических процедур и механизмов, которые жили у вас в клетках.

— Так оно и было. Имплантированные устройства получили приказ демонтировать себя, превратиться в безвредную пыль. Иначе из спасителей они превращались в убийц. И дело этим не ограничилось. Нам стало нелегко пользоваться даже генетическими технологиями, поскольку все они были основаны на взаимодействии машин с дублирующими процессами в ДНК. Единственные, у кого не возникло проблем, — это люди, которые унаследовали от родителей гены долгожительства — но таких очень немного.

— Куда меньше, чем реально бессмертных.

— Конечно... — она помедлила, словно собираясь с мыслями. — У герметиков — вы их видели — внутри по-прежнему весь комплект наномеханизмов, которые постоянно восстанавливают погибшие клетки. Но плата за это — проблемы с перемещением по Городу. Если кто-нибудь из них захочет покинуть свой паланкин, то сможет появляться лишь в некоторых местах, где гарантированно отсутствуют чумные споры. И даже в этом случае риск очень велик.

Я критически посмотрел на Зебру.

— Но вы не герметик. Значит, вы больше не бессмертны?

— Нет, Таннер... Все далеко не так просто.

— Тогда поясните.

— После эпидемии кое-кому из нас удалось разработать новую технологию. Она позволяет нам сохранить основную часть наномеханизмов — и при этом перемещаться по городу, ничего не опасаясь. Это медицинский препарат — можно сказать, наркотик. Принцип его действия никому не известен. То ли это вещество делает имплантанты неуязвимыми для спор эпидемии, то ли просто не позволяет спорам проникать в тело.

— Этот препарат... как он выглядит?

— Вам ни к чему об этом знать, Таннер.

— Предположим, меня интересует бессмертие.

— Правда?

— Ну, предположим, что правда.

— Так я и думала, — Зебра глубокомысленно кивнула. — Там, откуда вы прибыли, бессмертие считается чем-то вроде бессмысленной роскоши, верно?

— Те, кто не произошел от момио, так и считают.

— Момио?

— Так мы называли спящих — они были бессмертными. В отличие от экипажа «Сантьяго».

— «Мы»? Вы говорите так, словно сами там были.

— Просто оговорился. Если разобраться, какой смысл в бессмертии, если ты имеешь все шансы в ближайшие десять лет получить пулю в голову или штык в сердце? Вдобавок, при всем желании, цена, которую запрашивают ультра, непомерна.

— А у вас есть такое желание, Таннер Мирабель?

Она поцеловала меня, потом отстранилась и посмотрела мне в глаза — совсем как Гитта в моем сне.

— Я хочу заняться с тобой любовью, Таннер. Тебя это не шокирует? Хотя вряд ли. Ты не просто симпатичный парень — ты не похож на других. Ты не играешь в наши игры — и даже не пытаешься в них разобраться. Хотя, будь у тебя желание, ты был бы неплохим игроком. Я не знаю, кем тебя считать.

— У меня та же проблема, — печально отозвался я. — Мое прошлое — закрытая зона.

— Милое выражение, хотя не слишком оригинальное.

— Извини.

— Но разве это не так? Уэверли сказал мне, что протралил тебя и не обнаружил ничего определенного. По его словам, это было все равно, что пытаться склеить разбитую вазу. Нет, даже не так. Он сказал — все равно, что пытаться склеить одновременно две или даже три разбитые вазы, не имея представления, какой они формы.

— Амнезия при оживлении, — сказал я.

— Что ж, возможно. По мнению Уэверли, у тебя в голове хаос. Уэверли сказал... ладно, хватит про Уэверли.

— Прекрасно. Но ты так и не рассказала мне об этом препарате.

— А почему он тебя так интересуется?

— Потому что мне кажется, я уже встречался с ним. Это Горючее Грез, верно? Твоя сестра пыталась узнать о нем побольше, и это ее погубило.

Зебра промолчала и ничего не ответила.

— Этот сюртук... он твой?

— Нет, подарил один добрый самаритянин. А при чем здесь сюртук?

— Из-за него мне показалось, что ты пытался меня одурачить. Но ведь тебе действительно мало что известно о Горючем Грез?

— Пару дней назад я о нем вообще не слышал.

— Тогда тебе следует кое-что узнать, — сказала Зебра. — Прошлой ночью я вколола тебе небольшую дозу Горючего Грез.

— Что?!

— Совсем небольшую, честное слово. Наверное, мне следовало спросить твоего разрешения, но ты был ранен и совсем измучен, а я знала, что риск почти нулевой, — она показала мне свадебный пистолет, которым производила инъекцию, — маленький, бронзовый, заряженный полным флаконом Горючего Грез.

— Горючее защищает тех из нас, у кого остались в теле машины, к тому же обладает лечебными свойствами. Поэтому я и ввела его тебе. Теперь мне придется достать для себя новую дозу.

— И это так просто?

Она чуть улыбнулась и покачала головой.

— Не настолько, как было когда-то. Если только у тебя нет прямой связи с Гедеоном.

Я хотел спросить, что она имела в виду, когда помянула мой сюртук, но теперь мои мысли приняли другое направление. Если не ошибаюсь, это имя мне было совершенно незнакомо.

— Гедеон?

— Заправила преступного мира. Никто не знает, как он выглядит и где живет. Впрочем, известно, что он полностью контролирует распространение Горючего Грез по Городу, и что люди, которые на него работают, относятся к своему делу очень серьезно.

— И теперь они сократили поставки? Как раз когда все привыкли к Горючему? Может, мне стоит побеседовать с этим Гедеоном?

— Не ввязывайся в это глубже, чем следует, Таннер. Добром не кончится.

— Ты говоришь так, словно не раз имела с ним дело.

— Совершенно верно.

Зебра подошла к окну и провела пальцем по стеклу.

— Я уже рассказывала тебе о Мауре, Таннер — о моей сестре, которой нравился вид из этого окна?

Я вспомнил, о чем мы говорили вскоре после того, как пришли в эту комнату, и кивнул.

— Если помнишь, я говорила тебе, что она погибла. Так вот: моя сестра связалась не больше не меньше, как с людьми Гедеона.

— И они убили ее?

— Мне не удалось узнать, но я думаю, что так и было. Маура полагала, что они специально душат нас, придерживая основной необходимый Городу препарат. Горючее Грез — опасное вещество, Таннер. За ним гоняются многие, а для большинства из нас оно поистине бесценно. За подобный препарат люди не просто готовы убить — из-за него развязывают войны.

— Значит, она пыталась убедить Гедеона увеличить поставки?

— Маура смотрела на вещи трезво. Она была не настолько наивна, чтобы такое пришло ей в голову. И она знала, что Гедеона не так легко убедить. Но если бы ей удалось выяснить технологию изготовления Горючего — или хотя бы его состав, — она могла передать эти сведения тем, кто смог бы его синтезировать. Это было бы, как минимум, нарушение монополии.

— Я восхищен ее смелостью. Она должна была знать, что рискует

жизнью.

— Конечно, она знала. Если она начинала охоту, то не сходила с тропы. Зебра умолкла.

— Я обещала ей, что если случится непоправимое, то я...

— Продолжишь ее дело?

— Что-то в этом роде.

— Возможно, еще не поздно. Когда шум уляжется... — я потрогал шишку на голове. — Может быть, я помогу тебе найти Гедеона.

— А зачем это тебе?

— Ты выручила меня, Зебра. Я обязан как минимум отплатить тебе.

К тому же мы с Маурой очень похожи, мысленно добавил я. Наверное, она почти нашла то, что искала. Поэтому те, кто ее помнит — а теперь и я оказался в их числе — обязаны продолжить ее дело. Но у меня был еще один повод. Гедеон представился мне чем-то вроде паука, который сидит в центре темной паутины, контролируя каждую нить, и мнит себя неуязвимым. Мне снова вспомнился Кагуэлла и события, которые я вспомнил во сне.

— Горючее Грез, которое ты мне ввела... Мне снились странные сны. Это не из-за него?

— Иногда такое бывает. Особенно если это твоя первая доза. Оно проникает в мозг, воздействуя на нейронные связи. Поэтому его и называют Горючим Грез. Но этим эффект не ограничивается.

— Значит, теперь я бессмертный?

Зебра позволила платью-дымке соскользнуть с тела. Я привлек ее к себе, глядя ей в лицо.

— На сегодня — да.

Я проснулся раньше Зебры, влез в одежду Нищенствующих, которую она вычистила, и бесшумно исследовал комнаты, пока не нашел то, что нужно. Моя ладонь задержалась на могучем оружии, с которым она меня спасла. Теперь оно небрежно, словно обычная тросточка, валялось в боковом крыле апартаментов Зебры. На Окраине Неба плазменная винтовка оказалась бы весьма кстати, но пользоваться ею в Городе Бездны казалось чем-то неподобающим.

Впрочем, смерть — это тоже нечто неподобающее.

Я взвесил оружие в руке. Эта модель была мне незнакома, но принцип управления оказался стандартным, а дисплеи показывали привычную информацию. Это оружие требовало тонкого обращения, и я не был уверен, что оно уцелеет при контакте с остаточными следами эпидемии. Однако

оставлять его здесь не было смысла — оно словно само просилось, чтобы его украли.

— Весьма неосмотрительно с твоей стороны, Зебра, — заметил я вслух.

Вспоминая события предыдущей ночи, я пришел к выводу, что первую очередь Зебру беспокоила моя рана. Понятно, что она бросила оружие у дверей и забыла о нем, понятно, что это действительно было неосмотрительно... Однако я тихонько положил винтовку на место. Когда я вернулся в комнату, она все еще спала. Мне пришлось двигаться осторожно, стараясь не давать мебели повод лишний раз уступать мне дорогу — любой звук мог разбудить Зебру. Найдя ее пальто, я обшарил карманы и обнаружил кипы купюр.

И комплект полностью заряженных аккумуляторов для плазменной винтовки.

Разложив деньги и батареи по карманам украденного у Вадима сюртука — я так и не понял, чем он заинтересовал Зебру — я погрузился в раздумье. Может быть, стоит оставить записку? Наконец, я нашел ручку и бумагу — похоже, после эпидемии старомодные писчие принадлежности снова вошли в моду — и нацарапал, что благодарен ей за все, но просто не способен ждать два дня, зная, что на меня охотятся, а потому не могу воспользоваться предоставленным мне убежищем.

Уходя, я прихватил плазменную винтовку.

Фуникулер стоял снаружи в нише стены ее жилища. Похоже, Зебра действительно спешила — машина была запитана, панель управления подсвечена, на дисплее надпись «ожидая инструкций».

Я видел, как Зебра работала с панелью, и решил, что фуникулер управляется полуавтоматически, — водителю не нужно выбирать, какие за кабели цепляться. Достаточно работать джойстиком и дросселями, задавая определенное направление и регулируя скорость. Остальное — забота внутренних процессоров фуникулера: они выбирают кабели, обеспечивая движение по маршруту с оптимальной — или близкой к тому — эффективностью. Если водителю вздумается направить машину в ту часть Кэнопи, где нет кабелей, фуникулер откажется выполнять команду или — что вероятнее — выберет круговой путь к заданной точке.

Тем не менее, управление машиной требовало куда большего мастерства, чем я думал. Поначалу она совершала чудовищные прыжки, раскачиваясь, точно утлый челнок в бурном море. Я едва справлялся с приступами тошноты. Однако через какое-то время мне удалось заставить ее двигаться более плавно. Фуникулер спускался сквозь сеть кабелей,

напоминающую пространственную решетку — неизвестно куда... Нет, у меня была цель, причем я прекрасно знал, какая. Однако после ночных походов я окончательно потерял ориентацию в пространстве. Я даже не представлял, где находится жилище Зебры, хотя и помнил, что где-то неподалеку от Бездны. Солнце поднималось по Москитной Сетке. Теперь, при дневном свете, передо мной разворачивалась панорама города, и я начал узнавать некоторые особенно приметные изуродованные здания, на которые обратил внимание вчера — правда, я видел их под другим углом и с другой высоты. Одно из них выглядело жутким подобием человеческой руки, тянущейся к небу, — руки, пальцы которой превратились в щупальца и переплелись с «пальцами» соседних строений. Другое походило на гигантский дуб, а рядом несколько домов словно покрылись пузырящейся пеной, напоминая лицо человека, пораженного ужасной болезнью.

Я вел машину вниз. Кэнопи нависал надо мной, точно пелена странных облаков. Я достиг нейтральной территории, отделяющей Кэнопи от Малча. Рывки усилились — рычагам фуникулера становилось все труднее найти точку опоры, он все чаще скользил вниз по одиночным кабелям.

Наверное, Зебра уже обнаружила мое отсутствие. Еще через пару минут она убедится в пропаже своего оружия, денег и машины — но что дальше? Если в Игре действительно задействованы все слои общества Кэнопи, Зебра и ее союзники вряд ли объявят о краже. Более того — Зебре придется объяснять, как я оказался у нее дома. Подозрение падет на Уэверли, и оба будут объявлены саботажниками.

Подо мной уже расстилался Малч — петляющие дороги, затопленные и покрытые наростами трупобвы. Кое-где пылали очаги, выбрасывая в воздух клубы дыма, горели электрические лампы. Похоже, мне повезло: я попал в густонаселенный район. Я даже видел снаружи людей, рикш и животных. Открыв дверцу машины, я наверняка почувствовал бы запах пищи, которую они готовили в своих очагах.

И тут фуникулер дернулся и начал падать.

Эти головокружительные падения случались и раньше, но на этот раз оно явно затянулось. В кабине гнусаво взывала сирена. Потом нормальное движение возобновилось, хотя толчки стали сильнее. Фуникулер мчался вниз, раскачиваясь, как пьяный. Что случилось? Оборвался кабель? Или поблизости не оказалось точки опоры, и фуникулер падал, пока не ухватился за соседнюю нить?

Наконец я взглянул на пульт управления и увидел пульсирующую схему фуникулера. Место повреждения было обозначено мигающим

красным прямоугольником.
Один из рычагов просто исчез.

Глава 22

Судя по всему, меня подбили.

Доверившись машине — пусть ищет наиболее короткий и безопасный путь, — я взял плазменную винтовку Зебры и закрепился поустойчивее, стараясь не обращать внимание на беспорядочные толчки и пронзительный вой сирены. Прежде всего, надо пробраться за пассажирское сиденье, в задний отсек — там, раненый, я лежал прошлой ночью. Опустившись на колени и открыв крыловидную боковую дверь, я дотянулся до противоположной дверцы, распахнул ее и высунулся наружу так сильно, как только мог. Снаружи бушевал ветер, а до земли оставалось несколько сотен метров. Осторожно поглядев вверх, я разглядел обугленный обрубок на месте одного из рычагов. Он был аккуратно срезан — явно лучевым оружием.

Я проследил траекторию своего движения. Так и есть: метрах в двухстах надо мной двигались два фуникулера, которые преследовали меня. Из ближайшего свесилась темная фигура. У меня на глазах человек поднял к плечу оружие — и меня почти ослепила вспышка. Розоватая струя ионизированного воздуха потоком пронеслась мимо меня, в нос ударил запах озона — а через долю секунды рядом со мной с грохотом схлопнулся вакуумный тоннель, пробитый лучом.

Я снова посмотрел вниз. Еще сотня метров — на мой взгляд, многовато. Но долго ли продержится моя машина, прыгая на одном рычаге? Поднимая к плечу винтовку Зебры, я молился, чтобы эта штука не оказалась снабжена устройством опознания владельца. Впрочем, если эта система и наличествовала, то была отключена, — так или иначе, едва винтовка поднялась до уровня плеча, прицел немедленно повернулся, подстраиваясь под движение моих глаз. Я почувствовал, как оружие вздрогнуло — гироскопы и аккумуляторы вошли в режим «немедленного реагирования», словно напитываясь магической энергией. Удовлетворенно ощущая, как карманы оттягивает груз запасных батарей, я выжидал, пока закончится сканирование моей сетчатки, — тогда можно будет стрелять. На миг система как будто засомневалась — возможно, она привыкла к необычайно темным «лошадиным» глазам Зебры и с трудом принаравливалась к моим. Графические образы то вспыхивали, то рассыпались неразборчивыми символами, не успевая окончательно сфокусироваться.

Мимо снова пронеслась розоватая струя воздуха, затем еще одна. Последняя оставила серебристую царапину в боку фуникулера. Вонь горячего металла и пластика ненадолго наполнила кабину.

Я выругался. Система наведения все еще не действовала. По большому счету, она мне ни к чему — цель не особенно далеко, да и сверхточного попадания не требуется. Все, что мне нужно, — это подбить ублюдков. И ничего страшного, если при этом я снесу кому-нибудь из них полчерепа... Вместо того, чтобы попасть в область мозга, выполняющую определенную функцию.

Я нажал на курок и ощутил слабый толчок в плечо.

Светящийся след моего луча прошел совсем недалеко от ближайшего ко мне фуникулера. Отлично! Я промахнулся намеренно. Последовал ответный выстрел, и я поспешно спрятался в кабину. Теперь я поставлю этих засранцев перед непростым выбором: или они будут крушить мою машину, или попытаются прикончить меня. Снова высунувшись наружу, я плавным, не требующим осознания движением прижал винтовку к плечу — на этот раз я не промахнусь. По крайней мере, постараюсь.

Я выстрелил.

Выбрав в качестве цели лобовое стекло ближайшего фуникулера, я получил более чем очевидное преимущество. На моих глазах машина разлетелась серым облаком расплавленных внутренностей. Водитель, скорее всего, погиб мгновенно, а стрелка выбросило наружу взрывом. Я увидел, как одетая в черное фигура падает в Малч, выпустив свое оружие, а затем беззвучно приземляется среди скопления торговых прилавков и ветхих жилищ.

И тут что-то случилось. Перед моими глазами разворачивались совершенно иные картины. Очередной эпизод из жизни Небесного... Я боролся, отчаянно цепляясь за настоящее, но призрачный слой иной реальности становился все плотнее, захватывая мое внимание.

— Пошел к черту, — сказал я вслух.

Оставшийся фуникулер некоторое время продолжал спуск, затем развернулся, быстрым и элегантным движением перехватив кабели. Я увидел, как он поднимается в Кэнопи, а затем — впервые после того, как меня атаковали, — осознал, что в кабине по-прежнему воет сирена. Впрочем, сейчас ее вопль стал еще более настойчивым.

Я опустил оружие на пол и, невзирая на толчки, сотрясающие машину, умудрился добраться до кресла водителя. Интерьер «Палестины» уже стоял у меня перед глазами, становясь частью происходящего.

Земля приближалась слишком быстро. Фуникулер почти падал —

возможно, он просто скользил по кабелю. Люди, рикши и животные мельтешили внизу, словно пытались оказаться точно на месте моего приземления. Я плюхнулся в кресло и принялся почти наобум дергать рычаги, надеясь хоть как-то замедлить движение. Я уже мог разглядеть лица малчей — никто из них не выражал особой радости по поводу моего прибытия.

Затем я рухнул в Малч.

Конференц-зал, где проводилось совещание, находился глубоко в чреве «Палестины». Массивные герметичные двери, украшенные металлическим орнаментом в виде вьющихся лоз, отделяли его от остальных помещений корабля. В центре возвышался массивный прямоугольный стол красного дерева, окруженный по периметру двадцатью стульями с высокими спинками. Тринадцать из них пустовало. Обсуждение посланий с родины проходило в обстановке чрезвычайной секретности. Обычно с каждого корабля прибывало не более двух или трех делегатов.

Сейчас посланники сидели вокруг стола. Темная полированная поверхность столешницы отражала их фигуры в жестких скафандрах. Гладкая, блестящая как зеркало, она походила на застывший монолит из воды, пронизанной лунным светом. В центре стола возвышался проекционный аппарат, над которым одна за другой возникали поразительные по сложности трехмерные графические схемы, полученные в первом послании.

Небесный сидел рядом с Бальказаром, прислушиваясь к слабому шуму его «кирасы».

— ...и, судя по всему, данные изменения обеспечат нам лучший, по сравнению с имеющимся, контроль над топологией «бутылочного горлышка», — говорил старший специалист «Палестины» по теории двигателей, остановив просмотр на одной из схем. — Наряду с прочими характеристиками, мы получим более крутой профиль торможения... не говоря уже о возможности сбрасывать скорость потока, не опасаясь магнитного рикошета. Это позволит нам останавливать работу двигателя, не расходуя полностью находящееся в резервуаре антивещество, и запускать его позже — современная схема такого не допускает.

— А вы уверены, что мы сможем провести модернизацию — если даже убедимся, что она необходима? — спросил Омдерман, капитан «Багдада». На нем был роскошный черный мундир, украшенный соответствующими рангу серыми и белыми знаками отличия. Бледное лицо под шапкой иссиня-черных волос, обрамленное бородой, походило графический набросок.

— В принципе, да, — лицо ученого блестело от пота, но оставалось непроницаемо бесстрастным. — Однако вынужден заметить: нам придется производить большой объем работ буквально в сантиметрах от «горлышка», и в это время все устройства должны работать в обычном режиме. Мы не можем удалить антивещество из резервуара, пока не закончим. Одно неверное движение — и на следующем совещании вам понадобится куда меньше стульев.

— К черту следующее совещание, — пробормотал Бальказар.

Небесный вздохнул и провел пальцем между шеей и влажной стойкой воротника. В конференц-зале стояла невыносимая жара, и от этого через несколько минут начинало клонить в сон. Здесь вообще все было не так. На борту «Палестины» царил атмосфера, которая почему-то казалась странной, — и из-за этого странными казались даже самые привычные вещи. Планировка и интерьер поначалу показались Небесному знакомыми. Когда их с капитаном встретили у шаттла и проводили на борт корабля, он сразу почувствовал, что находится в привычном месте. Но они прибыли с дипломатическим визитом, а их охраняли как пленников, а не как гостей. Конечно, вздумай Небесный улучшить момент, когда охранники потеряют бдительность, и ускользнуть, ему бы ничего не стоило скрыться в недрах корабля. Он сумел бы найти дорогу без посторонней помощи и даже не попадаться никому на глаза — благо знал все тупики и закоулки «Сантьяго», а «Палестина», судя по всему, была точной копией его родного корабля. Впрочем, на этом сходство заканчивалось. Небесный не мог отделаться от ощущения, что видит сон, в котором привычные предметы выглядят чуть иначе, чем в реальности. Прежде всего — корабельные помещения: указатели и маркировка, выполненные странным шрифтом на странном языке, лозунги и плакаты там, где на «Сантьяго» были пустые стены. Форма, которую носили члены экипажа, тоже была странной, с непонятными знаками отличия, а когда они говорили между собой, он не понимал, о чем идет речь. У них было другое оборудование; приветствия, которыми они обменивались при каждом случае, напоминали агрессивные выпады. В их словах и жестах то и дело проскальзывала почти неуловимая фальшь. Температура и влажность в помещениях заметно выше, чем на его корабле. И, куда ни сверни, в воздухе постоянно чувствуется запах готовящейся пищи. Нельзя сказать, что он был неприятным, но ощущение чуждости усиливалось. Может быть, это была всего лишь игра воображения — но и гравитация была здесь сильнее, отчего шаги отдавались в коридорах ударами молота. Возможно, экипаж слегка увеличил коэффициент вращения, чтобы по достижении Конца

Путешествия получить преимущество над другими колонистами. А может быть, они специально повысили температуру в помещениях, чтобы людям с других кораблей было неудобно. Может быть. В конце концов, не исключено, что у него в самом деле разыгралось воображение.

Совещание проходило напряженно, но не настолько, чтобы можно было опасаться — если можно так сказать — за здоровье капитана. Старина Бальказар оживился, а временами к нему даже возвращалась былая пронизательность — срок действия успокоительного, которое ввел ему Ренго, к моменту прибытия на «Палестину» уже закончился. Небесный заметил, что некоторые из старших офицеров выглядели немногим лучше его капитана. Похоже, они тоже поддерживают свою жизнь при помощи биостимуляторов, решил Небесный, — вокруг неустанно суетились медики. Этакое сборище поскрипывающих механизмов, которые по странному капризу прихватили с собой своих белковых хозяев.

Как и следовало ожидать, основной темой совещания были сообщения с родной планеты. Все сошлись на том, что оба послания можно считать подлинными, хотя никто не мог гарантировать, что обратное исключено. Во всяком случае, они вряд ли были очередной хитроумной мистификацией, которую один из кораблей подсунул остальной Флотилии. Кроме того, задержки по отдельным частотным составляющим каждого радиосообщения относительно предыдущего были очень характерными и отражали картину расположения межзвездных электронных слоев в пространстве между Солнечной системой и Флотилией. Подобную «размытость» крайне трудно подделать, даже если передатчик, следующий за Флотилией, с которого приходят сообщения, будет находиться на достаточном расстоянии от кораблей. О шестом корабле никто даже не заикнулся — в том числе и Старина Бальказар. Возможно, о существовании «Калеуче» действительно знали только на борту «Сантьяго». Другими словами, это стоило по-прежнему сохранять в тайне.

— Разумеется, — добавил теоретик, — все это может оказаться ловушкой.

— Хорошо, — ответил Замьюдио, капитан «Палестины». — Но кто заинтересован в том, чтобы мы получили ложную информацию? Я готов поверить, что Земле нет никакого дела до нас — но зачем пытаться нас уничтожить?

— В таком случае — зачем им пытаться нам помогать? — парировал Омдерман. — У них нет к этому никаких оснований. Разве что дань приличиям.

— Шли бы они к дьяволу... со своими приличиями, — изрек Старина

Бальказар.

— Вообще-то, причины могут быть двоякими, — поспешно произнес Небесный, перекрывая голос Капитана.

Взгляды, выражающие вежливое терпение, устремились на него — точно на ребенка, который собирается рассказать анекдот. Скорее всего, для большинства присутствующих он был сыном Тита Хаусманна, и не более того. Лучшего и желать нельзя. Пусть его недооценивают — тем легче будет осуществить то, что он задумал.

— Возможно, организация, которая отправила Флотилию, до сих пор существует на Земле. Ее существование, скорее всего, засекречено. Эти люди заинтересованы в том, чтобы помочь нам завершить путешествие, — хотя бы ради того, чтобы их усилия не пропали даром. Мы можем по-прежнему оставаться единственной межзвездной экспедицией, не забываяте. И единственной надеждой достичь других звезд.

Омдерман погладил бородку.

— Пожалуй, такое не исключено. Точно огромная мечеть, которая строится сотни лет и которую никому из первых строителей не суждено увидеть во всей красе...

— Ну и черт с ней... и с нами всеми.

Омдерман запнулся, но притворился, что не расслышал слов Бальказара, и продолжал:

— Эти люди знают, что умрут, не достигнув цели. Но они радуются, что внесли свой вклад в общее дело — даже будь это лишь крошечный элемент малозаметного узора. Беда в том, что нам крайне мало известно о том, что на самом деле происходит у нас на родине.

Замьюдио улыбнулся.

— И даже если они передали нам самые последние новости, мы не можем сказать, насколько им можно доверять.

— Иначе говоря, мы пришли к тому, с чего начали, — заключил Арместо, капитан «Бразилии». Он был не намного старше Небесного и младше всех остальных. Небесный пристально изучал его, пытаясь определить характер своего будущего противника — противника, которым он станет через годы или десятилетия.

— Я знаю, по каким причинам они могут желать нашей смерти, — произнес Небесный и повернулся к Бальказару. — Вы позволите, капитан?

Подбородок капитана дернулся, словно у дремлющего человека, которого внезапно разбудили.

— Давай, Тит. Давай, мой мальчик.

— Предположим, мы не единственные участники этой игры, —

Небесный наклонился вперед, облокотившись на столешницу. — Мы покинули родину сто лет назад. За это время были разработаны проекты других, более скоростных кораблей — а может быть, эти корабли уже построены. А теперь представим себе, что есть некая фракция, которая хочет помешать нам достичь Суона, — потому что надеется сама заявить на него права. Разумеется, они могут решить спор, сразившись с нами, но у нас четыре больших корабля с ядерным вооружением. Он имел в виду установленное на борту оборудование для ландшафтного проектирования, которое, возможно, придется проводить, когда корабли достигнут Конца Путешествия. Ядерные заряды предназначались для пробивания проходов в горах или создания искусственных гаваней — но при этом оставались оружием.

— Они понимают, что так просто с нами не справиться, — сказал Небесный. — Поэтому гораздо проще сделать так, чтобы мы уничтожили сами себя.

— Значит, по-вашему, у нас есть вполне веские основания не доверять посланию?

— Именно так. Все говорит в пользу того, чтобы не проводить модернизацию, которую нам предлагают.

Специалист по двигателям откашлялся.

— Он прав. Мы можем лишь оценить техническое содержимое послания.

— Это нелегкая задача.

— Придется рискнуть.

Совещание продолжалось. Доводы «за» и «против» следовали один за другим, общее мнение склонялось то к одному, то к другому... Кто-то предположил, что одна из сторон утаивает важную информацию, — так и было, отметил про себя Небесный, — но прямых обвинений не последовало, и собрание закончилось в обстановке скорее неприязни, нежели открытой враждебности. Единственное, до чего удалось договориться, — это о продолжении обмена вариантами трактовки посланий, а также о создании сборной экспертной группы, которой предстояло оценить, насколько технически осуществимы предложенные модификации. Было оговорено, что ни один из экипажей не будет действовать в одностороннем порядке и не предпримет попыток модернизации без согласия всех остальных. Кто-то предложил в виде исключения разрешить такие эксперименты — при условии, что корабль отделится от Флотилии и отойдет на расстояние, вчетверо превосходящее нынешнюю дистанцию.

— Это просто безумие, — воскликнул Замьюдио — высокий красивый мужчина, пожилой, но еще моложавый и крепкий. Вспышка, уничтожившая «Исламабад», лишила его зрения. Теперь у него на плече торчала камера, пристегнутая подмышкой. Она напоминала попугая, с каким обычно изображают морских разбойников, и ее объектив поворачивался то в одну, то в другую сторону, словно по собственному желанию. — Когда мы отправлялись в эту экспедицию, мы делали это в духе товарищества, а она превратилась в гонку за призом.

На скулах Арместо заиграли желваки.

— Тогда почему вы не желаете поделиться с остальными продовольствием, которое успели скопить?

— Вы напрасно думаете, что мы сидим на куче продуктов, — не слишком уверенно возразил Омдерман. — Точно также можно сказать, что вы придерживаете запчасти, которые нужны для ремонта саркофагов. — Камера Замьюдио нацелилась на него.

— Это просто смешно. Нет, никто не спорит: уровень жизни на кораблях различается. Более того: это было предусмотрено изначально. Кораблям было предписано вести дела независимо от других — например, чтобы избежать общих ошибок в непредвиденных ситуациях. Но разве это означает, что в конечном итоге жизнь на всех кораблях станет одинаковой? Разумеется, нет. В этом случае схема была бы нарушена. Коэффициент смертности среди экипажей будет немного различаться — это неизбежно; он лишь показывает, насколько командование корабля следит за уровнем медицинского обслуживания.

Почувствовав себя в центре внимания, Замьюдио понизил голос. Его невидящий взор казался устремленным в никуда, в то время как камера поочередно вглядывалась в лица присутствующих.

— Потери среди спящих на кораблях также неодинаковы. Может, это диверсия? Не думаю, хотя эта мысль представляется весьма привлекательной.

— Привлекательной? — переспросил кто-то.

— Вот именно. Нет ничего более удобного, чем впасть в паранойю и искать заговорщиков. За ними обычно скрывается более глубокая проблема. Забудьте о диверсантах — лучше подумайте о том, что вы организовали не на должном уровне, какие технические инструкции истолковали, мягко говоря, неадекватно... Список можно продолжить.

— Кончайте этот детский лепет, — произнес Бальказар — у него наступил очередной миг просветления. — Мы не за тем здесь собрались. Если кому-то приспичило сделать то, что написано в этом треклятом

послании — вперед. А я с удовольствием посмотрю, что из этого выйдет.

Понятно, что желающих сделать первый ход не нашлось. Каждый испытывал вполне естественное желание предоставить другому возможность сделать ошибку. Очередное собрание должно было состояться через три месяца, после того, как послания будут изучены более тщательно. Пройдет еще некоторое время, и их содержание будет публично оглашено на каждом корабле. Взаимные обвинения, которые только что сотрясали конференц-зал, сами собой забылись. Делегаты мгновенно сошлись на том, что подобное решение не только не вызовет обострения отношений между экипажами, но даже приведет к их умеренному потеплению.

— Скоро мы прибудем на «Сантьяго», сэр, — сказал Небесный, когда они летели обратно в шаттле. — Вы не хотите немного отдохнуть?

— Черт побери, Тит... если бы я захотел отдохнуть, я...

Бальказар уснул, не успев закончить фразу.

На дисплее панели управления уже появился крохотный силуэт родного корабля. Иногда корабли Флотилии представлялись Небесному островками маленького архипелага, разделенными проливом, — таким широким, что ближайший сосед оказывался скрытым за горизонтом. Архипелаг был погружен в вечную ночь, а огни островов были настолько слабыми, что увидеть их можно было только вблизи. Немалое мужество и вера требовались, чтобы покинуть свой островок и отчалить в темноту, полагаясь лишь на то, что навигационные системы не увлекут хрупкое суденышко — кэб-челнок — вглубь безбрежного океана тьмы. По привычке прокручивая в уме возможные сценарии покушения на жизнь капитана, Небесный решил, что диверсант прежде всего выведет из строя автопилот кэба. Достаточно лишь узнать, когда намеченная жертва отправляется на другой корабль. Шаттл просто умчится в никуда. Потом внезапно закончится топливо, или откажет система жизнеобеспечения... Весьма заманчивая перспектива.

Но только не для него. Он постоянно находится при Старике, так что ценность этого способа сомнительна.

Он снова возвратился к тому, что происходило на собрании. Капитаны Флотилии старательно делали вид, что не замечают у Бальказара приступов рассеянности, которая сменялась периодами полного помрачения. Но Небесный заметил, как делегаты озабоченно переглядываются через полированное поле столешницы, когда уверены, что Небесный на них не смотрит. Один из них явно терял рассудок — неудивительно, что это вызывало тревогу. Кто застрахован от подобного? Не такая ли участь ждет каждого из них, достигшего возраста Бальказара? Разумеется, Небесный

тоже ничем не показал, что обеспокоен состоянием здоровья капитана. Он выслушивал невразумительные сентенции, с готовностью кивал в ответ и ни разу, даже намеком, не дал понять, что разделяет общее мнение и считает Бальказара окончательно выжившим из ума стариком.

Одним словом, Небесный являл собой образец преданности.

С пульта управления донесся предупреждающий писк. Гигантский силуэт «Сантьяго» уже маячил впереди, хотя разглядеть его было еще трудно, — кабина шаттла была освещена. Бальказар дремал. Серебристая нитка слюны легла ему на погон, словно еле приметный знак очередного повышения.

— Убей его, — сказал Клоун. — Просто возьми и убей. У тебя еще есть время.

На самом деле Клоуна в кэбе не было — Небесный знал это. Но в некотором смысле Клоун всегда был с ним. Его тонкий, дрожащий голос звучал не в голове, а как будто за спиной у Небесного.

— Я не хочу его убивать, — произнес Небесный — и мысленно добавил: «пока».

— Неправда, хочешь. Он мешает, он всегда путается под ногами. Он просто больной старик. Ты окажешь ему услугу, если убьешь его прямо сейчас, — голос Клоуна стал мягче. — Погляди на него. Он спит как ребенок. Наверное, ему снится счастливый сон, в котором он снова стал маленьким мальчиком.

— Ты не можешь этого знать.

— Я Клоун. Клоун всегда все знает.

Тихий металлический голос с пульта предупредил Небесного, что они вот-вот войдут в запретную зону вокруг корабля. Скоро управление шаттлом будет перехвачено автоматической системой, которая и направит его на предназначенное место на причале.

— Я никого еще не убивал, — сказал Небесный.

— Но часто думал об этом, верно?

Спорить с этим было бессмысленно. В своих мечтах Небесный действительно убивал людей — и не раз. Он представлял себе, как расправится со своими недругами — с теми, кто унижал его, с теми, кто за глаза дурно говорит о нем. Пожалуй, некоторых стоило убить хотя бы за слабость и доверчивость. На таком огромном корабле, как «Сантьяго», ничего не стоит совершить убийство, — но сделать это так, чтобы при расследовании не вскрылись обстоятельства преступления, практически невозможно. Однако богатое воображение Небесного слишком долго работало над этой проблемой, и в его голове уже существовал целый

десяток весьма эффективных способов, при помощи которых число его врагов должно было изрядно сократиться.

И на этот раз, прежде чем Клоун заговорил, фантазия Небесного уже работала вовсю. Он вознаграждал себя за терпение, проигрывая в голове мрачные сцены гибели врагов, которые воображение расцвечивало множеством подробностей. Однако Клоун прав: что толку создавать план здания, если не собираешься приступить к строительству, как только наступит благоприятный момент?

Он снова посмотрел на Бальказара. Спит как ребенок, сказал Клоун.

Так же спокоен.

И беззащитен.

Глава 23

Похоже, я легко отделался.

Я мог упасть прямо на землю, миновав Малч — два яруса построек, похожих на разлагающиеся трупы, и торговых палаток. При падении фуникулер перевернулся. Было темно, я различал тусклые пятна фонарей и пламя очагов. Откуда-то доносились громкие голоса, но в них звучали скорее тревога и недоумение, чем гнев. Будем надеяться, мой визит не привел к жертвам среди населения. Выждав несколько секунд, я поднялся с сиденья и попытался оценить свое состояние. Судя по первому впечатлению, я ничего себе не сломал — правда, все места потенциальных переломов наверняка отмечены роскошными синяками. По мере того, как я пробирался в тыльную часть фуникулера, голоса снаружи приближались.

Я услышал суетливое поскребывание — может быть, местная мелюзга, которой не терпится покопаться в покореженной машине, а может быть, крысы. Схватив оружие, я проверил, не вывалились ли из карманов похищенные у Зебры купюры и, покинув вагончик, шагнул на хрупкую бамбуковую платформу, которую аккуратно протаранил нос моего фуникулера.

— Эй, кто-нибудь! — крикнул я в темноту — кто-нибудь услышит. — Я вам не враг, я не с Кэнопи. На мне одежда Нищенствующих, я нездешний. Мне срочно нужна ваша помощь. Меня пытаются убить люди с Кэнопи.

Я произнес это на норте. Речь получилась бы более убедительной, перейди я на каназиан — язык аристократии Города Бездны.

— Тогда положите оружие и объясните, откуда вы его взяли, — отозвался мужской голос. Судя по акценту, говоривший был не с Кэнопи. Я с трудом разбирал слова — у парня явно проблемы с дикцией. Как и я, он говорил на норте, но при этом то глотал слоги, то произносил слова излишне четко, без обычных для носителя языка элизий. — К тому же, вы прибыли на фуникулере. Это тоже придется объяснить.

Теперь я разглядел человека, стоящего на краю бамбуковой платформы. Только он не был человеком.

Он был свиньей.

Маленького роста, с бледной кожей, он стоял на задних ногах с характерной неуклюжей грацией, которую я успел подметить у его собратьев. Глаза скрывались за темными очками, причем дужки заменяла

пара кожаных тесемок, связанных на затылке. Рука, торчащая из-под красного пончо, оканчивалась чем-то средним между копытцем и человеческой кистью и сжимала секач с небрежностью, выдающей профессионала, которому не впервой работать клинком.

Пожалуй, не стоит разоружаться — по крайней мере, пока.

— Меня зовут Таннер Мирабель. Я только вчера прибыл с Окраины Неба. Я разыскивал в Малче одного человека и по ошибке забрел в чужой район. Меня взял в плен парень по имени Уэверли и заставил принять участие в Игре.

— И вам удалось сбежать, да еще прихватить пушку и фуникулер? Неплохо для чужака, Таннер Мирабель. — Он произнес мое имя, словно ругательство.

— На мне одежда Ледяных Нищенствующих, — произнес я. — И по моему акценту можно понять, что я с Окраины Неба. Я немного говорю на каназиане, если вам угодно.

— Сойдет и норт. Мы, свиньи, не так глупы, как вы предпочитаете думать, — он помолчал. — А винтовку вам дали за акцент? Мне бы такой!

— Мне помогли, — я хотел сослаться на Зебру, но передумал. — Не всем в Кэнопи нравится Игра.

— Это верно, — проговорил человек-свинья. — Но они все равно принадлежат Кэнопи и мочатся на нас.

— Ему действительно могли помочь, — произнес другой голос — явно женский. Всмотревшись в полумрак, я увидел, что к нам направляется еще одна свинья. Она ступала по обломкам осторожно, но с таким равнодушием, словно ей приходилось наблюдать подобное каждый день. Поравнявшись с нами, она взяла моего собеседника под локоть.

— Я слышала о таких людях. Они называют себя «сабы». Саботажники. Может, он один из них, Лоран?

Лоран сдернул очки и протянул их женщине — иначе я не мог ее назвать. Кукольное личико этой хрюшки, украшенное рыльцем, обрамляли вполне человеческие локоны — правда, изрядно засаленные. Она на секунду поднесла очки к глазам, а потом кивнула.

— Он не похож на жителя Кэнопи. Для начала, он человек — как их бог. Разве что глаза... хотя это может быть игрой света.

— Это не игра света, — возразил Лоран. — Он способен видеть нас без очков. Я заметил это, когда он уставился на тебя. — Лоран принял у спутницы свои очки. — Возможно, кое-что из сказанного вами, Таннер Мирабель, соответствует истине. Но готов поспорить, что не все.

Поспоришь и не проиграешь, подумал я.

— Я не причиню вам никакого вреда, — сказал я и с подчеркнутой неспешностью опустил винтовку на бамбуковое покрытие. Если этот хряк вздумает помахать своим ножиком, я дотянусь до нее без труда.

— У меня серьезные проблемы. Люди с Кэнопи скоро вернутся, чтобы прикончить меня. Возможно, я нажил себе врагов и среди этих саботажников. Эту винтовку я украл у них.

Будем надеяться, что это рискованное признание не только не повредит мне, но даже пойдет на пользу.

— И еще: мне ничего не известно о таких, как вы — ни хорошего, ни плохого.

— Но вам известно, что мы свиньи.

— Однажды я уже столкнулся с такими, как вы.

— Столкнулись так же, как с нашей кухней?

— За это я заплачу. У меня есть деньги, — порывшись в бездонных карманах Вадимова сюртука, я выудил пачку купюр. — Здесь немного. Но, возможно, этого хватит, чтобы хотя бы частично возместить вам убытки.

— Имейте в виду, что это не наша собственность, — проговорил Лоран, разглядывая мою протянутую руку. Пожелай он принять деньги, ему бы потребовалось сделать шаг вперед — шаг, на который в данную минуту ни один из нас не было готов. — Сейчас владелец этой кухни посещает склеп брата в Монументе Восемидесяти. Он не вернется до заката. Этого человека трудно назвать склонным к снисходительности и способным легко прощать. У меня будут неприятности, когда я сообщу ему о нанесенном вами ущербе, и он, естественно, обратит свой гнев на меня.

Я достал пачку купюр — то, что позаимствовал у Зебры, — отделил примерно половину и снова протянул Лорану.

— Возможно, это решит часть ваших проблем, Лоран. Здесь еще сотня марок Ферриса. Чуть больше — и я заподозрю, что вы пытаетесь меня раскрутить.

Он изобразил нечто похожее на улыбку.

— Я не могу приютить вас, Таннер Мирабель. Слишком опасно.

— Он имеет в виду, что у вас в голове есть имплантант, — пояснила женщина-свинья. — Люди с Кэнопи всегда знают, где вы находитесь, даже сейчас. А если вы рассердили их, то нам всем не поздоровится.

— Я в курсе. Поэтому от вас потребуется кое-какая помощь.

— Вы хотите, чтобы мы вытащили имплантант?

— Нет. Но я знаю, кто сможет это сделать. Женщина, которую зовут мадам Доминика. Правда, я понятия не имею, как до нее добраться. Сможете доставить меня к ней?

— А где она живет?

— Вокзал Гранд-Сентрал, — ответил я.

Спутница Лорана окинула взглядом то, что осталось от кухни.

— Что ж, Таннер Мирабель... Не думаю, что сегодня мне придется много готовить.

Они были беженцами с Ржавого Пояса.

Там они тоже были беженцами — с какой-то планетной системы, с самой ее окраины, где нет ничего, кроме комет. Единственное, чего не знали повар и его жена — я больше не могу называть их свиньями, — откуда первоначально бежали их собратья. Их предположения сводились к догадкам и мифам. Наиболее правдоподобной выглядела версия об экспериментах инженеров-генетиков, которые проводились много столетий назад, — никто не помнил, когда именно. Когда-то хирурги использовали для трансплантации ткани свиней — оказалось, что между этими видами больше сходства, чем различий. Потом кому-то пришло в голову, что риск отторжения станет еще ниже, если часть генов у животных-доноров заменить человеческими. Возможно, у экспериментаторов были какие-то далеко идущие планы, а может быть, это произошло случайно, но вместе с человеческими генами свиньи получили разум. По другой версии, целью эксперимента было создание расы слуг, лишенных неприятных особенностей, которые свойственны машинам.

В один прекрасный день свиньи оказались посреди космоса, предоставленные сами себе. Насчет того, почему это произошло, также существуют различные мнения. Может быть, систематический отстрел «излишков производства» оказался слишком хлопотным делом. Кроме того, свиньи могли вырваться из лабораторий и бежать, чтобы создать тайные поселения. По словам Лорана, уже на тот момент существовало несколько подвидов свиней, которые различались по соотношению генов. Так, у одного из подвидов отсутствовала способность к связной речи, хотя они были вполне разумны. Я вспомнил свиней, на которых наткнулся перед тем, как меня спасла Зебра. Хрюканье, которое издавала одна из них, могло быть попыткой что-то сказать мне. К сожалению, достичь взаимопонимания нам не удалось.

— Я встречал ваших сородичей. Вчера.

— Можете называть нас свиньями, это нас не волнует. Мы и есть свиньи.

— В общем, эти... свиньи, кажется, пытались меня убить.

Я в двух словах рассказал Лорану, что со мной произошло, стараясь не заострять внимание на том, каким образом я пытался попасть в Кэнопи. Он

слушал внимательно, затем медленно и печально покачал головой.

— Не думаю, что им были нужны именно вы, Таннер Мирабель. По моему, им были нужны люди, которые за вами охотятся. Они должны были догадаться, что вас преследуют. Наверное, они пытались убедить вас пройти с ними в убежище.

Я задумался. Пожалуй, он прав.

— Я подстрелил одну из них, — признался я. — Не смертельно, но ногу ей придется прооперировать.

— Не переживайте. Сами понимаете, они не ангелочки. У нас постоянные проблемы из-за шаек таких юнцов. Они постоянно устраивают беспорядки.

Я осмотрелся. Беспорядок, который устроил я, легким не назовешь.

— И в довершение всего появляюсь я.

— Все это можно починить. Но, пожалуй, я помогу вам добраться, пока вы не натворили еще больших бед, Таннер Мирабель.

Я улыбнулся.

— Это будет лучше всего, Лоран.

По прибытии с Ржавого Пояса Лоран и его жена получили место у одного из богатейших обитателей Малча. У них была собственная наземная повозка — трехколесник на метановой тяге с гигантскими надувными колесами. Кабина повозки являла собой фантастическую конструкцию из пластмассы, металла и бамбука, обтянутую кусками непромокаемой материи и увенчанную тентом. Казалось, она вот-вот развалится на части, стоит мне хотя бы дунуть в ее сторону.

— Не нужно глядеть на нее с таким отвращением, — произнесла жена Лорана. — Она движется. И сдастся мне, что в вашем положении не стоит привередничать.

— Вы правы.

Повозка действительно двигалась — причем довольно резво, а неуклюжие колеса даже смягчали толчки, когда наш экипаж подпрыгивал на выбоинах. Я убедил Лорана сделать крюк и подъехать туда, где упал фуникулер моих преследователей.

На месте крушения уже собралась толпа. Лоран неохотно согласился подождать меня. Протиснувшись поближе к фуникулеру, я увидел среди обломков кабины мертвого Уэверли. Его грудь была пробита бамбуковой палкой, которыми часто пользуются в Малче, — казалось, что он попал в одну из ловушек, которые я когда-то ставил в джунглях для Рейвича. Лицо Уэверли было залито кровью — я не узнал бы его, если бы не заполненный кровью кратер на месте глаза. Должно быть, монокль был имплантирован.

— Кто это сделал? — спросил я.

— Уже сперли, — процедила сквозь редкие зубы какая-то сутулая женщина, стоявшая рядом, — наверно, не расслышав моего вопроса. — Хорошая была стекляшка. И денежки, небось, получают немалые. — Я подавил жгучее желание выяснить, кто были таинственные мародеры.

Возвращаясь к трехколеснику Лорана, я не мог избавиться от чувства, что какая-то частица моей совести вырвана с мясом — не менее грубо, чем окуляр из глазницы Уэверли.

— Итак, — произнес Лоран, когда я вскарабкался на сиденье трехколесника. — Что вы у него забрали?

— По-вашему, я возвращался ради трофея?

Он пожал плечами, словно ему было все равно. Но когда мы поехали дальше, я вынужден был спросить у себя: может быть, я действительно хотел что-то найти?

Дорога до вокзала Гранд-Сентрал заняла час. Честно говоря, мне казалось, что большую часть времени мы петляли, стремясь избежать опасных или непроходимых районов Малча. Возможно, мы проезжали в каких-нибудь трех-четырёх километрах от места, где на меня напали люди Уэверли. Как бы то ни было, я не видел ни одного из ориентиров. Впрочем, с другой точки они могли выглядеть совершенно иначе... Чувство ориентации в пространстве, которое внушало мне некоторую уверенность, — когда карта Города только-только начала возникать у меня в голове — исчезло, как глупый сон. Разумеется, оно вернется, если я потрачу на это достаточно времени. Не сегодня, не завтра — и вряд ли в ближайшие недели. Однако я не собирался застревать здесь надолго.

Наконец мы прибыли на Гранд-Сентрал. Казалось, что с тех пор, как я отчаянно пытался избавиться от Квирренбаха, прошло не больше секунды. Скорее наоборот: я прибыл сюда гораздо раньше, чем вчера. Судя по косым лучам, пробивавшимся сквозь Москитную Сетку, еще не наступил полдень. Однако под крышей вокзала царил полумрак. Я поблагодарил Лорана за помощь и предложил угостить завтраком — в качестве дополнения к той сумме, которую ему заплатил. Но он отказался, не желая покидать водительского кресла своего трехколесника. В защитных очках и надвинутой на уши мягкой фетровой шляпе он выглядел совсем человеком, но в помещении эта иллюзия должна была быстро рассеяться. Похоже, свиньи не пользовались в Малче всеобщей любовью, а многие районы были для них запретны.

Мы обменялись рукопожатиями — копытца не помешали, — и он уехал обратно в Малч.

Глава 24

Первым пунктом моей программы стало посещение палатки перекупщика, где я продал винтовку Зебры, — увы, за сумму, ничтожную по сравнению с ее настоящей стоимостью. Однако сокрушаться по этому поводу не стоило. Сейчас меня интересовали не столько наличные, сколько возможность избавиться от вещи, по которой меня можно было опознать. Само собой, торговец поинтересовался, не краденая ли она, но в его глазах не было ни капли любопытства. Винтовка слишком привлекала внимание — прежде всего своими размерами, — а потому для охоты на Рейвича не годилась. Пожалуй, она бы не вызвала изумленных взглядов разве что на фестивале любителей тяжелой артиллерии.

К моей радости, мадам Доминика по-прежнему предлагала свои услуги. На этот раз меня не пришлось тащить к ней силой. Я бодро вошел в палатку, ощущая, как карманы моего сюртука оттягивает комплект аккумуляторов для винтовки, которые я забыл продать.

— Она пока не работает, — произнес юный Том — тот самый паренек, который подцепил нас с Квирренбахом.

Выудив несколько банкнот, я припечатал их ладонью к столу, и глаза Тома стали больше, чем стекла его защитных очков.

— Уже работать, — сказал я и прошел во внутреннее помещение.

Там было темно, но через пару секунд я начал различать окружающие предметы — словно кто-то включил тусклый серый фонарь. Доминика спала на своей операционной кушетке, ее могучие телеса были полуприкрыты одеянием, которому следовало родиться на свет парашютом.

— Проснитесь, — негромко произнес я. — У вас клиент.

Ее глаза медленно открылись, как трещинки в разбухающем пироге.

— В чем дело, где ваша учтивость? — она отреагировала мгновенно, но сонный голос не выражал даже намека на тревогу. — Сюда так просто нельзя.

— Ваш помощник уже сменил гнев на милость, — я выудил очередную банкноту и помахал у нее перед носом. — А вы что скажете?

— Не знаю, я ничего не вижу. А что у вас с глазами? Почему они... такие?

— С глазами у меня все в порядке.

Признаться, сам я так не считал. Лоран тоже говорил что-то про мои глаза. Способность видеть в темноте я обнаружил у себя еще раньше.

Отбросив эти мысли — довольно неприятные, кстати, — я возобновил наступление.

— Мне нужно, чтобы вы оказали мне одну услугу и ответили на несколько вопросов. Не слишком много, правда?

Мадам Доминика соскользнула с кушетки, переместив нижнюю часть своей необъятной туши в обвязку, подвешенную на штативе. Приняв в себя ее телеса, приспособление зашипело, стравливая избыточное давление, и Доминика отчалила от постели с грацией речной баржи.

— Что за услуга и что за вопросы?

— Мне нужно удалить имплантант. Затем я задам несколько вопросов о своем приятеле.

— Может, и я задам вам вопросы о вашем приятеле.

Я не понял, что она имела в виду, но спросить не успел. В палатке вспыхнул свет, явив моему взору размещенные вокруг кушетки инструменты. Теперь я увидел на них тусклые потеки засохшей крови — вся гамма оттенков ржавчины.

— Это немало стоит. Покажите мне имплантант.

Я ткнул в шишку на затылке. Некоторое время мадам Доминика осматривала мою голову. Казалось, острые металлические насадки на ее наперстках скребут прямо по костям моего черепа.

— Похоже на имплантант Игры. Но вы еще живой.

Очевидно, она имела в виду, что у меня не может быть имплантанта Игры. Безупречная логика: много ли шансов у человека, который оказался в роли добычи, добраться до кого-нибудь из коллег мадам Доминики, чтобы избавиться от «маячка»?

— Вы сможете его извлечь?

— Если нейронные связи неглубоки, то без проблем, — она подвела меня к кушетке, опустила на глаза какое-то сканирующее устройство и некоторое время рассматривала мою голову, покусывая губы. — Нет. Нейронные связи мелкие, еле достают до коры. Хорошие новости. Но похоже на имплантант Игры. Как он сюда попал? Нищие? — она покачала головой, и складки жира на ее шеи заколыхались. — Нет, не они, если только вы мне не солгали вчера, что у вас нет имплантантов. Ага, вот и разрез от внедрения. Меньше одного дня.

— Просто вытащите эту чертову штуковину. Или я уйду отсюда с деньгами, которые уже отдал вашему малышу.

— Можете это сделать, но вы не найдете никого лучше Доминики. Это не угроза, а обещание.

— Ну так действуйте.

— Вначале задайте вопрос.

Она уже левитировала вокруг кушетки, готовя инструменты и проворно заменяя одни наперстки другими. Где-то в складках плоти — там, где обычно находится талия — располагался поясник, и она извлекала из него все необходимое одним прикосновением, ухитряясь при этом не уколоть и не порезать себе пальцы.

— У меня есть приятель, его фамилия Рейвич, — сказал я. — Он прибыл за день или два до меня, и мы потеряли друг друга. Амнезия при оживлении, как сказали Нищенствующие. Они сообщили мне, что он в Кэнопи, но только и всего.

— И что же?

— Думаю, ему вполне могли понадобиться ваши услуги...

Или, скажем, ему пришлось ими воспользоваться.

— Насколько я помню, у него были имплантанты — значит, их пришлось удалить. Как у господина Квирренбаха — того джентльмена, который приходил к вам со мной.

Я описал ей Рейвича — с той допустимой долей небрежности, какая отличает портрет доброго приятеля от списка примет опасного преступника.

— С чего вы решили, что этот человек мне знаком?

— Не знаю... Сколько стоит более точный ответ, как вы думаете? Скажем, еще сотню? Чтобы немного освежить вашу память?

— Память Доминики не столь проворна ранним утром.

— Ну, тогда две сотни. Может быть, вы просто запомнили? Господин Рейвич.

На ее лице появилось выражение радости и просветления. Надо признать, она проделала это с изяществом.

— Прекрасно, я очень рад.

Знала бы она, насколько.

— Господин Рейвич — это особый случай.

Ну еще бы. Рейвич — аристократ, а тело любого аристократа — даже обитающего на окраине Неба — нашпиговано всякой всячиной, как у представителей высшего общества Прекрасной Эпохи. В этом им уступают даже высокопоставленные демарксисты. Можно не сомневаться, что Рейвич, как и Квирренбах, ничего не слышал о Комбинированной Эпидемии, пока не прибыл на Йеллоустоун. У него тоже не было времени искать какую-нибудь клинику на орбите, где его могли бы избавить от имплантантов. Он должен был спешить — спуститься на поверхность и затеряться в Городе Бездны.

Доминика была его первым и последним шансом на спасение.

— Это действительно особый случай, — согласился я. — Именно поэтому вы обязаны были принять его.

— С чего вы это решили?

Я вздохнул. Похоже, придется или потрудиться, или раскошелиться — скорее всего, сделать и то, и другое.

— Предположим, вы из него кое-что извлекли. Он выглядел здоровым, но через день вы обнаружили, что в удаленном имплантанте есть нечто ненормальное, — скажем, остаточные следы эпидемии. В этом случае вы обязаны были связаться с ним, верно?

На ее лице не дрогнула ни одна складка. Попробуем капельку безобидной лести.

— Так поступил бы любой уважающий себя хирург. Я знаю, не каждый станет прилагать усилия, чтобы разыскать бывшего клиента. Но вы сами сказали, что здесь вам нет равных.

Она утвердительно хмыкнула.

— Информация о клиенте конфиденциальна.

Мы оба поняли, что она имела в виду.

Через несколько минут мои карманы стали легче на пачку банкнот — и тяжелее на бумажку с адресом в Кэнопи. Место носило название Эшер Хайтс. Это могла быть квартира-жилище, как у Зебры, здание или целый район Кэнопи.

— А теперь закройте глаза, — скомандовала она, ткнув меня в лоб пальцем в тупом наперстке. — И Доминика покажет свое волшебство.

Местная анестезия уже начала действовать. Операция не заняла много времени — я даже не заметил, как она удалила мне имплантант. Это было все равно, что вырезать кисту. Интересно, почему Уэверли не догадался использовать имплантант с защитной системой? Возможно, это считается... наверно, нечестным ходом. Во всяком случае — насколько я понял со слов Уэверли и Зебры — правила Игры запрещали охотникам пеленговать передатчик. Им разрешалось отслеживать добычу, выбирая любые способы по собственному вкусу, но следовать за сигналом от вживленного передатчика представлялось им чересчур простым. Имплантанты были нужны исключительно зрителям, а также людям вроде Уэверли, которые контролировали ход Игры.

Лежа на кушетке Доминики, я лениво размышлял о том, как можно было бы усовершенствовать Игру, будь на то моя воля. Для начала, имплантанты стоит вживлять более надежно, задействовав глубокие нейронные пути, о которых беспокоилась Доминика. Далее, снабдить их

защитной системой, которая поджарит мозг жертвы, если кто-нибудь попытается удалить имплант раньше времени. Охотникам тоже стоит вживить импланты, защищенные столь же надежно. Оба типа имплантов — охотников и добычи — должны транслировать некий закодированный сигнал, известный обоим участникам. При сближении на определенное расстояние — скажем, при появлении в одном квартале или ближе — импланты будут сообщать своим носителям о местоположении противника с помощью тех же нейронных связей. Никаких зрителей на территории игры. Если хотят следить за ходом Игры — пусть сами придумают, как это сделать. И напоследок ввести элемент личной заинтересованности. Ограничить число охотников оптимальным и очень простым числом — единицей. Тогда забава превратится в настоящий поединок. И к чему ограничивать время охоты — какие-то жалкие пятьдесят часов? На мой взгляд, в таком большом городе охота запросто может длиться целые месяцы — главное, чтобы сначала жертва успела убежать и спрятаться в лабиринте Малча. Кстати, почему только Малч — или даже только Город Бездны? Почему бы не задействовать все поселения планеты, если им хочется настоящих приключений?

Конечно, им это ни к чему. Все, что им нужно — побыстрее сцапать дичь и пустить ей кровь где-нибудь в укромном месте. Минимум затрат, минимум риска и прочих хлопот.

— Готово, — сказала Доминика, прижав к моему затылку стерильный тампон. — Теперь вы в порядке, господин Мирабель.

Она держала двумя пальцами имплант, поблескивающий, словно гематитовая горошина.

— И если это не охотничий имплант, то Доминика — самая стройная женщина в Городе Бездны.

— Не зарекайтесь, — сказал я. — Чудеса иногда случаются.

— Только не с Доминикой, — она помогла мне подняться с кушетки. У меня слегка кружилась голова, но ранка на ощупь была крошечной — ни припухлости, ни рубца.

— Вам не интересно? — спросила она, когда я накинул на себя сюртук Вадима, спеша очутиться в его анонимном, хотя и душном убежище.

— Что именно?

— У меня есть вопросы о вашем приятеле.

— О Рейвиче? Мы уже о нем переговорили.

Она принялась упаковывать свои наперстки.

— Нет. О господине Квирренбахе. О другом приятеле, с которым вы были вчера.

— Вообще-то, мы скорее хорошие знакомые, чем приятели. А что вы хотели спросить?

— Он заплатил мне хорошие деньги, чтобы я вам не говорила. Поэтому я не скажу. Но теперь вы богатый человек, господин Мирабель. Гораздо богаче Квирренбаха. Вы улавливаете намек Доминики?

— Квирренбах заплатил вам за молчание, но если я перебую его ставку, вы нарушите тайну?

— Вы просто умница, господин Мирабель. Доминика оперирует без опасности для мозга.

— Я в восторге.

Испутив тяжкий вздох, я снова полез в карман. Интересно все-таки, что хотел скрыть от меня Квирренбах. Я не знал, чего ожидать, поскольку до сих пор мне даже в голову не приходило, что у Квирренбаха вообще есть какие-то секреты.

— Он пришел с вами, — сказала Доминика. — В такой же одежде Нищих. Попросил удалить имплантанты.

— Расскажите что-нибудь поновее.

Доминика лукаво улыбнулась, и я понял: чем бы она со мной не поделилась, это доставит ей удовольствие.

— У него не было имплантантов, господин Мирабель.

— Неужели? Но я видел его на вашей кушетке. Вы его оперировали, выбрили ему голову...

— Он попросил, чтобы это выглядело убедительно. Доминика не задает вопросов. Просто выполняет просьбу клиента. Клиент всегда прав. Особенно, когда он платит, как господин Квирренбах. Клиент просит сымитировать операцию. Побрить ему голову и все такое. Но я не вскрываю ему голову. Нет нужды. Однако я его сканирую — там пусто. Он уже чист.

— Тогда какого черта...

Вот и все. Квирренбаху не нужно было удалять имплантанты, потому что их удалили много лет назад, во время эпидемии, — а может быть, их у него вообще не было. Он не прилетал с Гранд-Титона. Скорее всего, он даже не выбирался за пределы системы Йеллоустоуна. Этого местного гения наняли, чтобы он следил за мной и выяснил, каковы мои цели.

Он работал на Рейвича.

Рейвич прибыл в Город Бездны раньше меня — тогда меня еще лечили от амнезии Ледяные Нищенствующие. Несколько дней — немного, но ему хватило, чтобы нанять себе помощника. По-видимому, Квирренбах был первым, кто ему подвернулся. Затем композитор отправился на орбиту и

смешался с иммигрантами, которые только что прибыли в систему Йеллоустоуна. Его миссия была несложной: выследить людей с «Орвието» и найти среди них потенциального убийцу.

Я прокрутил в голове последние события.

Вначале ко мне в кают-компани «Стрельникова» пристал Вадим. Я избавляюсь от «добротого самаритянина», а через несколько минут вижу, как он избивает Квирренбаха. Я вмешиваюсь, требую, чтобы Вадим оставил Квирренбаха в покое, а когда слова не действуют, пускаю в ход более веский аргумент. Первая зацепка, которую я пропустил: Квирренбах просит меня пощадить Вадима.

Тогда я приписал это гуманности композитора.

Потом мы забираемся в каюту Вадима. Зацепка номер два: когда мы начали рыться в вещах Вадима, Квирренбах чувствовал себя весьма неуютно. Он даже пытался читать мне мораль. Тогда я переубедил его.

Все это время я не замечал очевидного: Квирренбах и Вадим работали вместе.

Квирренбаху необходимо было сблизиться со мной, не вызывая подозрений, и узнать обо мне побольше. Эта парочка разыграла меня, как последнего идиота. Разумеется, в кают-компани Вадим не слишком деликатничал со своим компаньоном — но чего не сделаешь ради правдоподобия ситуации. Наверно, у них был запасной вариант — на тот случай, если я улизну после первой стычки с Вадимом. И еще один факт, которому я не придавал значения: во время драки на «Карусели», пока я расправлялся с Вадимом, его напарник держал Квирренбаха.

Мне следовало задуматься над этим.

Квирренбах прицепился ко мне, словно на корабле больше никого не было. Похоже, парень настоящий профи... А может быть, и нет. Рейвич мог нанять с полдюжины других агентов для слежки за другими пассажирами, и у каждого из них была своя стратегия и тактика. Разница была в том, что другие ошиблись в выборе цели, а Квирренбах — благодаря везению, интуиции или дедукции — попал в самое яблочко. Вот только знал ли об этом сам «композитор»? Во время наших продолжительных бесед я был достаточно осторожен и, кажется, ничем не намекнул, что работал на Кагуэллу.

Попробуем поставить себя на место Квирренбаха.

Должно быть, они с Вадимом испытывали сильное желание прикончить меня побыстрее. Но сделать этого они не могли, не убедившись окончательно, что я — именно тот, кого они ищут. Если бы они поторопились, то никогда бы не узнали, действительно ли убрали нужного

человека, и никто не смог бы рассеять их сомнения.

Поэтому Квирренбах, очевидно, планировал следить за мной до тех пор, пока не выяснится, что я разыскиваю человека по фамилии Рейвич, — не важно, с какой целью. Посещение Доминики было важной частью его маскировки. Вряд ли он знал, что у тех, кому довелось воевать на Окраине Неба, имплантантов нет и быть не может, а значит, мне не понадобятся услуги этой мадам. Но он принял это спокойно и доверил мне свои пожитки на время, пока находился на «операции». Bravo, маэстро Квирренбах! Содержимое кейса, несомненно, тоже было частью его легенды.

Здесь я тоже кое-что упустил. Торговец посетовал, что эксперименталии Квирренбаха — контрабанда, копии оригиналов, сделанные несколько недель назад. При этом Квирренбах сказал, что он только что прибыл на Йеллоустоун. Интересно, что бы я обнаружил, проверив списки субсветовиков, прибывших за последнюю неделю? Был ли среди них хотя бы один с Гранд-Титона? Может да, а может, нет. Все зависит от того, насколько тщательно Квирренбах проработал свою легенду. Боюсь, о его бессмертной симфонии того же самого сказать нельзя. Шедевры редко создаются за пару дней на пустом месте.

По правде говоря, он весьма неплохо справился.

Где-то около полудня, когда я простился с Доминикой, на меня обрушился очередной эпизод из жизни Хаусманна.

Я стоял, прислонясь спиной к стене вокзала Гранд-Сентрал, и лениво наблюдал, как кукольник забавляет компанию ребятишек. Склонившись над миниатюрной будкой, кукольник управлял крошечной, очень изящной фигуркой Марко Ферриса в космическом скафандре, карабкающейся вниз по скале, роль которой играла куча битой штукатурки. Предполагалось, что Феррис спускается в Бездну, поскольку у основания склона лежала горка «драгоценных» камней, охраняемая свирепым инопланетным монстром с девятью головами. Детишки захлопали в ладоши, а потом пронзительно завопили, когда кукольник заставил монстра броситься на Ферриса.

И тут мир вокруг меня застыл, а через миг я уже видел нечто совершенно другое.

Позже — когда у меня появилось время осмыслить то, что мне открылось — я вспомнил заодно и предыдущий эпизод. Эти видения начинались вполне безобидно — в них не было ничего, кроме известных мне фактов из жизни Небесного. Но чем дальше, тем заметнее становилась разница между тем, что я знал и тем, что видел. Поначалу это касалось

мелких деталей, потом... Ни в одном жизнеописании не упоминался шестой корабль. Нигде не говорилось, что Небесный оставил в живых диверсанта, который убил — или получил возможность убить — его отца. И это были еще мелочи — по сравнению с тем, что мне показали на этот раз. Небесный убил капитана Бальказара. До сих пор Бальказар считался лишь проходным персонажем нашей истории, одним из предшественников Небесного. Нигде и никогда не упоминалось о том, как именно он погиб.

Из моей ладони на вокзальный пол тонкой струйкой текла кровь. Стиснув кулак, я задумался. Что это все-таки за напасть?

— Я ничего не смог сделать. Он спокойно спал — мне даже в голову не пришло, что тут что-то не так.

Двое медиков — Вальдивия и Ренго, которые сейчас осматривали Бальказара, — появились в кабине кэба сразу после стыковки, когда Небесный поднял тревогу. Медики закрыли за собой воздушный шлюз, чтобы не мешали посторонние. Небесный пристально наблюдал за ними. Оба выглядели изнуренными и бледными, под глазами набухли темные мешки.

— Он не вскрикнул, когда начал задыхаться... ну, или что-нибудь в этом роде? — спросил Ренго.

— Я ничего не слышал, — ответил Небесный. Он старательно изображал огорчение, но старался не переусердствовать. Теперь, когда Бальказара не стало, путь к званию капитана неожиданно приобрел четкие очертания — словно после блужданий в запутанном лабиринте он понял, как пройти в его центр. Это ясно не только ему, но и всем окружающим, — и покажется подозрительным, если его горе не будет окрашено легким оттенком радости по поводу такой небывалой удачи.

— Готов поспорить, эти ублюдки на «Палестине» его отравили, — сказал Вальдивия. — Вы знаете, что я всегда был против этой затеи.

— Совещание проходило в стрессовой обстановке, — сказал Небесный.

— В том-то и дело, — заметил Ренго, почесывая розовое пятнышко раздраженной кожи под глазом. — И незачем винить кого попало. Он просто не выдержал напряжения.

— Значит, я ничего не мог сделать?

Тем временем Вальдивия расстегнул мундир на груди Бальказара и теперь осматривал переплетение проводов. Наконец он с сомнением ткнул пальцем в какое-то устройство.

— Должна была сработать сигнализация. Как я понимаю, вы ничего не

слышали?

— Повторяю, я не слышал ни звука.

— Черт бы ее побрал... — Вальдивия покачал головой. — Похоже, опять забарахлила. Послушайте, Небесный. Если об этом кто-нибудь узнает, нам конец. В этом агрегате постоянно что-то накрывалось, а мы с Ренго в последнее время и так работаем как проклятые... — он шумно вздохнул и покачал головой, словно поражаясь объему проделанной работы. — В общем, я не говорю, что мы ни разу не чинили систему. Но мы же не могли все время заниматься Стариком, в ущерб остальным. Я знаю, что на «Бразилии» есть устройства получше этой рухляди, — но нам-то какая от этого польза?

— Можно сказать, никакой, — Небесный сочувственно кивнул. — Вы могли уделить Старику чуть больше внимания — но тогда умер бы кто-нибудь еще. Я вас прекрасно понимаю.

— Очень надеюсь, Небесный. Представляете, какая вонь поднимется в нашем болоте? — Вальдивия снова посмотрел на капитана, но в его взгляде не было надежды на чудо. — Теперь нам предстоит отчитываться о качестве медицинского обслуживания. А вас замучают расспросами — как проходил визит на «Палестину». Эти болваны из Совета — вроде Рамиреса — постараются все свалить на нас с вами. Что мы оплошали, проявили преступную халатность... Поверьте, я такое не раз видел.

— Мы знаем, что ни в чем не виноваты, — ответил Небесный, глядя на капитана. На погоне все еще виднелась полоска высохшей слюны, словно след слизняка. — Он был прекрасным человеком и долго оставался на посту, хотя мог бы выйти в отставку. Он просто состарился.

— Конечно. В любом случае, больше года он бы не протянул. Но попробуйте объяснить это экипажу.

— Значит, нам необходимо прикрыть тылы.

— Небесный... Вы не скажете им ни слова, ладно? О том, что мы вам рассказали?

В люк воздушного шлюза забарабанили. Кто-то пытаясь войти в кабину, но Небесный решил не обращать внимания.

— Что, по-вашему, мне следует сказать?

Медик глубоко вздохнул.

— Вам нужно сказать, что сигнализация сработала. Неважно, что вы ничего не сделали. Вы все равно ничем не могли бы ему помочь. У вас не было оборудования, вы просто не знали, что делать, и до корабля было еще далеко.

Небесный кивнул. Это звучало вполне логично и полностью совпадало

с его мнением.

— Значит, мне не следует говорить, что сигнализация вообще не сработала?

Медики переглянулись.

— Да, — сказал первый. — Именно так. Вас никто не станет винить, Небесный. Они поймут, что вы сделали все, что могли.

Небесный поймал себя на мысли, что сейчас капитан выглядит непривычно спокойным. Глаза его были закрыты — один из медиков прикрыл старику веки, отдавая дань уважения. Можно подумать, что капитану действительно снится детство, — как говорил Клоун. И неважно, что это детство прошло на борту корабля и было точно таким же пустым и отягощенным клаустрофобией, как детство Небесного.

Стук не прекращался.

— Пожалуй, ребят стоит впустить, — сказал Небесный.

— Небесный, — с мольбой повторил первый медик, и Небесный положил руку ему на плечо.

— Не беспокойтесь.

Взяв себя в руки, Небесный положил ладонь на дверное контрольное устройство. За дверью столпилось не меньше двадцати человек. Каждый стремился первым попасть в кабину. Каждому хотелось взглянуть на мертвого капитана — и продемонстрировать озабоченность, за которой скрывалась тайная надежда, что на этот раз тревога не окажется ложной. В последние годы Бальказар обзавелся неприятной привычкой время от времени «умирать».

— Ради всего святого, скажите, что случилось? — произнесла женщина из отдела проектирования двигателей.

Кто-то из техников открыл рот, но Небесный его опередил.

— Его система жизнеобеспечения вышла из строя, — пояснил он.

— Что?

— То, что вы слышали. Я постоянно наблюдал за капитаном. С ним все было в порядке, и вдруг сработала сигнализация. Я расстегнул мундир и посмотрел на диагностические данные. Как я понял, у капитана случился сердечный приступ.

— Нет... — пробормотал один из медиков, но с тем же успехом он мог обращаться к пустой комнате.

— Вы уверены, что приступа у него не было? — спросила женщина.

— Почти уверен. Он постоянно говорил со мной, рассуждал вполне разумно. Ни малейшего признака дискомфорта, только раздраженность. Затем устройство объявило, что собирается применить дефибрилляцию.

Разумеется, в эту минуту он разволновался.

— И что было дальше?

— Я попытался снять с него «кирасу» или хотя бы отсоединить провода, но увидел, что до дефибрилляции осталась пара секунд. Мне пришлось отойти — иначе меня бы убило.

— Он лжет! — воскликнул медик.

— Не обращайтесь внимания, — мягко произнес Небесный. — На его месте вы вели бы себя точно так же. Я не хочу сказать, что это было сделано умышленно...

Он умело выдержал паузу, предоставив каждому закончить фразу самостоятельно.

— Я не хочу сказать, что это было сделано умышленно. Просто трагическая оплошность, которая вполне объяснима. Взгляните на них. Эти люди давно пребывают в состоянии нервного истощения. Неудивительно, что они начали ошибаться. Нельзя осуждать их слишком строго.

Теперь этим людям запомнятся не попытки Небесного избежать обвинения, а его великодушие и сострадание к неудачникам. Люди отметят это и воздадут ему должное, одновременно соглашаясь с тем, что отчасти в смерти капитана виноваты эти сомнамбулы в белых халатах. И она уже не покажется им бедой, подумал Небесный. Великий и уважаемый старик скончался в результате трагического стечения обстоятельств. Последуют взаимные обвинения — но это вполне объяснимо и закономерно.

Он хорошо прикрыл тылы.

Вскрытие покажет, что капитан действительно умер от сердечного приступа. Ни вскрытие, ни данные из памяти системы жизнеобеспечения не помогут установить подлинного момента его смерти.

— Молодец, — похвалил его Клоун.

Он действительно молодец. Но Клоун тоже заслуживает похвалы. Именно он приказал Небесному расстегнуть мундир спящего Бальказара. Именно он объяснил, как задействовать скрытые функции «кирасы», чтобы вызвать у старика аритмию, хотя тот чувствовал себя не хуже, чем обычно. Клоун молодец. Правда, подсознательно Небесный понимал, что его наставник всегда знает ровно столько, сколько он сам. Однако Клоун умел «выцеплять» из его памяти нужные сведения, и Небесный был ему за это благодарен.

— Думаю, мы отлично сработаемся, — тихо пробормотал Небесный.

Он смотрел, как тела медиков, кувыркаясь, исчезают в темноте.

Для Вальдивии и Ренго назначили казнь, которую проще всего осуществить на борту звездолета: смерть от удушья в воздушном шлюзе с

последующим выбросом в вакуум.

Расследование гибели Старины Бальказара заняло почти два года по бортовому времени. Сначала бесконечное рассмотрение апелляций; затем противоречия, обнаруженные в отчете Небесного... Но апелляции были отклонены, а Небесный сумел представить объяснения, которые удовлетворили почти всех. Сейчас свита старших офицеров толпилась у соседних иллюминаторов, напряженно всматриваясь в темноту. Они уже слышали, как умирающие медики стучали в дверь шлюза, когда из него уходил воздух.

Да, наказание было суровым — с учетом того, что расследование затянулось сверх всякой меры. Но для такого рода преступления не следует проявлять снисходительность. Вряд ли имеет значение, что эти люди не собирались убивать Бальказара. Они просто проявили небрежность... хотя отсутствие намерений само по себе наводит на подозрение. Небрежность на борту корабля — почти такое же преступление, как и открытый мятеж. И не сделать этих людей примером — значит проявить такую же небрежность.

— Ты убил их, — проговорила Констанца — достаточно тихо, чтобы ее не услышал никто, кроме Небесного. — Может быть, других ты убедил, но не меня. Я слишком хорошо знаю тебя, Небесный.

— Ты меня совсем не знаешь, — процедил он сквозь зубы.

— Нет, знаю. Я знаю тебя с самого детства, — она демонстративно улыбнулась, словно произнесла какую-то шутку. — Тебя всегда больше привлекали странные твари вроде Слика, чем нормальные люди. Или чудовища вроде того диверсанта. Ведь ты оставил его в живых?

— Оставил в живых кого? — его лицо было таким же непроницаемым, как у Констанцы.

— Диверсанта.

Она глядела на него, недоверчиво прищурившись.

— Подозреваю, ты давно это задумал. И вообще, где он? На «Сантьяго» есть сотни мест, где ты мог его спрятать. Когда-нибудь я его найду, ты знаешь, и положу конец твоим садистским экспериментам. Точно также я со временем докажу, что ты подставил Вальдивию и Ренго. И ты будешь наказан.

Небесный улыбнулся, вспомнив о камере пыток, в которой держал Слика и химерика. За последнее время дельфин заметно деградировал из разумного существа и превратился в машину, не способную ни на что, кроме ненависти и причинения боли. Путем нехитрых манипуляций Небесный заставил Слика видеть в диверсанте главного виновника своих

злоклучений. Теперь дельфин взял на себя роль Дьявола и вел сражение с Богом, которым Небесный становился в глазах химерика. Это было очень удобно — создать для него воплощение всего жуткого и ненавистного в противовес объекту обожествления. Медленно, но верно химерик все больше приближался к идеалу, задуманному Небесным. К тому времени, когда химерик понадобится — а в ближайшие годы этого не случится, — процесс будет завершен.

— Не понимаю, что ты имеешь в виду, — сказал Небесный.

Чья-то рука опустилась ему на плечо. Рамирес, Глава исполнительного совета — органа, облеченного властью выбора кандидата на вакантную должность капитана. О Рамиресе говорили, как о наиболее вероятном преемнике Бальказара.

— Опять объявили на него монополию, Констанца?

— Мы просто вспоминали старые времена, — ответила она. — Ничего неотложного, уверяю вас.

— Вам не кажется, что мы должны им гордиться, Констанца? Кое-кто мог бы поддаться искушению и усомниться в виновности этих парней, но только не наш Небесный.

— Да, только не он, — согласилась Констанца и отвернулась.

— Во Флотилии нет места сомнениям, — проговорил Небесный, провожая взглядом тела. — Знаете, какой урок преподавал мне этот славный старик? — он кивнул в сторону саркофага-гибнатора, в котором покоилось тело капитана. — Никогда не ни в чем не сомневаться.

— Славный старик? — изумленно переспросил Рамирес. — Вы имеете в виду Бальказара?

— Он был для меня как отец. К сожалению, был. Останься он в живых, эти ребята так легко бы не отделались. Бальказар предложил бы что-нибудь более чувствительное — потому что единственной действенной мерой может быть только устрашение, — Небесный пристально посмотрел на Рамиреса. — Вы согласны, сэр?

— Я... не буду врать... я не знаю.

Рамирес смущенно умолк.

— К сожалению, я не знал Бальказара так близко, как ты, Хаусманн. Поговаривают, что он до последнего дня оставался в здравом уме. Полагаю, тебе легче об этом судить, — ведь ты был его любимцем.

Рука Рамиреса снова легла на плечо Небесного.

— И для некоторых из нас это кое-что значит. Мы доверяли мнению Бальказара — и помним, как он доверял твоему отцу Титу. Скажу откровенно: о тебе говорят. Что бы ты сказал относительно...

— Должности капитана? Давайте не будем ходить вокруг да около. Вам не кажется, что это несколько преждевременно? К тому же, человек с вашими заслугами, с вашим опытом...

— Год назад я бы, возможно, согласился. Быть может, я и сейчас соглашусь. Но я уже не молод. Не уверен, что в ближайшем будущем мне не придется решать вопрос о преемнике.

— У вас впереди много лет, сэр.

— Возможно. Возможно, я даже смогу дожить до Конца Путешествия. Но я буду просто не вправе руководить колонией в первые, самые трудные годы. Даже ты будешь не молод, Хаусманн, когда это произойдет... однако гораздо моложе, чем большинство из нас. Главное, у тебя есть не только проницательность, но и выдержка... — Рамирес удивленно посмотрел на Небесного. — Ты чем-то обеспокоен?

Небесный следил, как тела казненных, превратившись в точки, растворялись в темноте подобно двум крошечным каплям сливок, упавшим в кофе, черный как смоль. Разумеется, корабль двигался по инерции — он дрейфовал на протяжении всей жизни Небесного, — и это означало, что казненные будут удаляться от них целую вечность.

— Ничем, сэр. Я просто думал. Теперь, когда мы избавились от этих людей, нам не нужно нести их с собой. Когда наступит время запустить двигатели обратного хода и начать торможение, корабль будет чуть легче. Это означает, что мы можем дольше двигаться с крейсерской скоростью. Следовательно, мы раньше достигнем места назначения. Короче говоря, эти люди в меру своих ничтожных возможностей заплатили нам за свое преступление.

— Тебе в голову приходят весьма необычные мысли, Хаусманн.

Рамирес приложил палец к носу и придвинулся поближе. Можно было не опасаться, что кто-нибудь из офицеров услышит разговор, но Рамирес продолжал шепотом:

— Один маленький совет. Я не шутил, когда сказал тебе о том, что твою кандидатуру обсуждают, — но не только твою. Одно неверное слово — и ты потеряешь все шансы. Все ясно?

— Абсолютно, сэр.

— Хорошо. Тогда следи за своими поступками, держись постоянно настороже — и тебе, возможно, повезет.

Небесный кивнул. Наверное, Рамирес ожидает от него благодарности за это откровение. Но единственным чувством, которое он вызывал у Небесного, было презрение, которое приходилось скрывать изо всех сил. Как будто желание Рамиреса и его престарелой компании может что-то

изменить! Как будто от них и впрямь зависит, станет он капитаном или нет! Несчастные слепые глупцы.

— Он ничтожество, — выдохнул про себя Небесный. — Но я обязан дать ему почувствовать, что он нам полезен.

— Ну конечно, — согласился Клоун — он, как всегда, был поблизости. — Я бы поступил так же.

Глава 25

Когда эпизод закончился, я побродил по вестибюлю вокзала, пока не нашел палатку, где смог на несколько минут арендовать телефон. Прежние информационные сети, действующие с непринужденной легкостью, прекратили существование, и обществу пришлось перейти на телефоны. Благодаря машинам общение на расстоянии напоминало телепатию, так что это было шагом назад. Однако телефоны приобрели дополнительное назначение, превратившись в модный аксессуар. Малообеспеченные жители Йеллоустоуна не могли позволить себе такую роскошь, зато те, кто побогаче, гордо носили разнообразные аппараты, причем наиболее престижными считались массивные, привлекающие внимание. Предоставленный мне телефон больше всего напоминал старинную армейскую рацию «уоки-токи» — неуклюжая черная коробка с выдвигаемым двухмерным экраном и потертой клавиатурой с кнопками, маркированными каназианскими буквами.

Я спросил дилера, каким образом мне дозвониться до абонента на орбитальной станции и в Кэнопи, и получил инструкцию с таким количеством пунктов, что едва мог удержать их в памяти, — главное, конечно, не перепутать варианты. С орбитальным номером получилось проще, поскольку я уже знал его, — он был выгравирован на кредитной карточке Нищенствующих, которую оставила мне Амелия. — Но мне пришлось пройти через четыре или пять слоев межпланетной сети, прежде чем я дозвонился.

У Нищенствующих весьма любопытный способ вести дела. Они долгое время поддерживают связь с большинством своих клиентов после того, как те покидают Айдлвилд. Некоторые из этих клиентов впоследствии занимают высокие должности, добиваются положения в обществе и расплачиваются с Нищенствующими путем пожертвований, которые позволяют поддерживать платежеспособность обители. Но этим дело не ограничивается. Нищенствующие не без основания рассчитывают на некоторые дополнительные услуги со стороны бывших клиентов — в том, что касается так называемого «сверхделикатного шпионажа». Отсюда — стремление постоянно находиться в пределах легкой досягаемости.

Мне пришлось выйти из вокзала под дождь, прежде чем телефон сумел подключиться к одной из уцелевших городских сетей. И все же прошла не одна секунда, прежде чем система, то и дело «подвисая», смогла

найти путь к хоспису. После того как связь была установлена, разговор то и дело прерывался из-за технических пауз. Я очень ясно представлял себе, как пакеты данных перемещаются в околопланетном пространстве Йеллоустоуна, рикошетом отскакивая от орбит и время от времени уходя по касательной в никуда.

— Брат Алексей из Ледяных Нищенствующих. Чем могу угодить через вас Господу?

На экране замаячило тощее лицо с квадратным подбородком и глазами совы, попавшей на дневной свет, которые буквально излучали спокойную благожелательность, — невзирая на то, что один был оттенен темно-лиловым синяком.

— Так-так, — произнес я. — Брат Алексей. Очень приятно. Что случилось? Споткнулись о свою мотыгу?

— Не уверен, что понимаю вас, друг мой.

— Отлично, я немного освежу твою память. Меня зовут Таннер Мирабель. Я прибыл на «Орвието» и проходил через хоспис несколько дней назад.

— Я... не уверен, что помню вас, друг мой.

— Забавно. А ты не помнишь, как мы кое-что пообещали друг другу в пещере?

Он скрипнул зубами, удерживая на лице доброжелательную полуулыбку.

— Нет... извините. Ничего такого не припомню. Но продолжайте, пожалуйста.

На нем была мантия Ледяных Нищенствующих, руки сцеплены в замок на животе. За спиной брата Алексея уступами поднимались террасы с виноградниками. Высоко над его головой они смыкались в арку, утопающую в солнечном свете, отраженном экранами обители. Террасы были усеяны маленькими шале и павильонами — прохладными белыми кубиками в буйной роскоши зелени, которые походили на осколки айсберга в пенящемся соленом море.

— Мне нужно поговорить с сестрой Амелией, — сказал я. — Она была очень добра ко мне и помогла мне в делах. Если мне не изменяет память, ты с ней знаком?

Его безмятежное лицо не дрогнуло.

— Сестра Амелия — одна из добрейших душ. Неудивительно, что вы желаете выразить ей свою благодарность. Но боюсь, что она в криогенных склепах и сейчас занята. Могу ли я оказать вам посильную помощь? Конечно, мне не сравниться с самоотверженной преданностью благодатной

сестры Амелии...

— Что ты ей сделал, Алексей?

— Ничего, прости вас Бог.

— Хватит строить из себя невинность. Я тебе шею сверну, если ты ее хоть пальцем тронул, понятно? Вообще-то, мне следовало это сделать еще в прошлый раз.

Он ненадолго задумался.

— Нет, Таннер... Я ничего ей не сделал. Вы удовлетворены?

— Тогда позови ее.

— Почему вы так хотите поговорить именно с ней, а не со мной?

— Из наших разговоров мне известно, что сестра Амелия имела дело со многими иммигрантами, прошедшими через хоспис. Я хочу узнать, не помнит ли она господина...

«Квирренбаха». Я едва не сказал это, но вовремя прикусил язык.

— Извините, я не расслышал имени.

— Неважно. Просто соедини меня с Амелией.

Он помедлил, затем снова попросил меня представиться, словно нас только что познакомили.

— Таннер, — процедил я сквозь зубы.

— Попрошу минутку вашего... терпения, друг мой.

Он продолжал изображать спокойствие, но в его голосе появились напряженные нотки. Задрав рукав мантии, он заговорил, обращаясь к бронзовому браслету на запястье, — еле слышно, на особом наречии Нищенствующих. На браслете появилась картинка — слишком мелкая, чтобы я смог разглядеть что-то, кроме туманного розового пятна. Это было человеческое лицо, которое могло принадлежать кому угодно, в том числе и сестре Амелии.

Через пять-шесть секунд Алексей опустил рукав мантии.

— Ну как?

— Сейчас я не могу с ней связаться, друг мой. Она копается в слякоти... простите, занимается вновь прибывшими, поэтому беспокоить ее крайне нежелательно. Однако мне сообщили, что она тоже вас разыскивает.

— Разыскивает меня?

— Если хотите, можете оставить сестре Амелии свои координаты...

Я прервал связь с хосписом, прежде чем Алексей успел договорить. Должно быть, бедолага стоит посреди виноградника и мрачно пялится на темный экран, в надежде, что я вернусь. Какая блаженная досада... Ему не удалось выследить меня — судя по всему, именно этого он и добивался.

Похоже, люди Рейвича времени зря не теряют. У них уже появились агенты среди Нищенствующих. Они догадывались, что я попытаюсь связаться с обителем, и надеялись вынудить меня неосторожно открыть свое местонахождение.

Их план почти сработал.

Мне потребовалось несколько минут, чтобы узнать телефон Зебры. Я вспомнил, что сначала она назвала себя «Тарин», и лишь потом — именем, под которым ее знали друзья-саботажники. Я понятия не имел, сколько в Городе Бездны женщин по имени Тарин. На сей раз мне повезло — их оказалось меньше дюжины. Мне даже не пришлось их обзванивать: на экране появилась карта Города с соответствующими пометками. Поблизости от Бездны располагалась лишь одна точка. На сей раз меня соединили гораздо быстрее, но все равно не мгновенно. Мне по-прежнему досаждали статические разряды — казалось, сигналу приходится ползти по телеграфному кабелю на другой конец континента, а не перепрыгивать через пять-шесть километров отягощенной смогом атмосферы.

— Таннер, где ты? Почему ты сбежал?

Я замялся, чудом удержавшись, чтобы не сообщить ей, что нахожусь возле вокзала Гранд-Сентрал. Впрочем, при желании она могла разглядеть его здание у меня за спиной.

— Думаю, тебе лучше этого не знать. Я доверяю тебе, Зебра, но ты слишком тесно связана с Игрой.

— Думаешь, я тебя выдам?

— Нет, хотя я бы тебя за это не винил. Но я не могу допустить, чтобы кто-то узнал мои координаты через тебя.

— А кому они нужны? Я слышала, что ты успел поквитаться с Уэверли, — ее полосатое лицо заполнило экран, так что я увидел розоватые жилки в уголках глаз.

— Он координировал Игру и должен был знать, что рано или поздно я его убью.

— Конечно, он садист... но он был одним из наших.

— А что мне было делать — мило улыбнуться и сказать «я в домике»?

Внезапный заряд ливня заставил меня спрятаться под карнизом здания. Я выставил ладонь козырьком, защищая трубку, и лицо Зебры покрылось рябью, словно поверхность воды.

— Если хочешь знать, лично я ничего против Уэверли не имел. Ничего такого, за что следовало бы пустить пулю в лоб.

— Насколько мне известно, ты пользовался не пулями.

— Он припер меня к стенке. У меня не было выбора, мне пришлось убить его. И я справился быстро, имей в виду.

Я не стал вдаваться в подробности и рассказывать, как на самом деле кончил Уэверли. Он стал жертвой малчей, но что это меняет?

— Вижу, ты вполне способен о себе позаботиться. Мне стоило догадаться, когда я нашла тебя в том доме. Обычно до него добраться не успевают. Тем более — получив до этого ранение. Кто ты такой, Таннер Мирабель?

— Человек, который очень хочет выжить, — сказал я. — Извини, мне пришлось у тебя кое-что прихватить. Я благодарен тебе и при случае непременно отплачу. За заботу и прочее.

— Тебе ни к чему куда-то идти, — сказала Зебра. — Я обещала спрятать тебя до конца Игры.

— Боюсь, у меня срочные дела.

Я зря это сказал. Зебре совершенно не следует знать о том, что я ищу Рейвича или кого-то еще. Теперь у нее появится повод подумать, каким образом выманить меня из убежища.

— Как ни странно, я почти готова поверить твоему обещанию, — проговорила она. — Не знаю почему, Таннер, но мне кажется, что ты держишь свое слово.

— Ты права. И когда-нибудь это будет стоить мне жизни.

— Что ты имеешь в виду?

— Неважно. Лучше скажи, сегодня кто-нибудь Играет? Кому, как не тебе, об этом знать.

Зебра ненадолго задумалась.

— Да. Но что тебе до этого, Таннер? Неужели ты ничему не научился? Тебе повезло, что ты остался в живых.

Я улыбнулся.

— Пожалуй, пока я не могу сказать, что Город Бездны мне осточертел.

Вернув телефон дилеру, я попытался обдумать дальнейшие перспективы. Но лицо Зебры, звук ее голоса стояли за каждой моей мыслью. Зачем я ей позвонил? Единственный повод, который я смог придумать, — необходимость принести извинения. Совершенно бессмысленный поступок. Это был жест, который скорее должен был успокоить мою совесть, нежели женщину, которую я обокрал. Я прекрасно понимал, насколько ее оскорбило мое предательство, понимал, что в обозримом будущем не смогу отплатить ей. Однако что-то заставило меня позвонить. Сняв поверхностный слой, чтобы докопаться до подлинной

причины, я обнаружил лишь калейдоскоп эмоций и порывов. Ее запах, звук ее смеха, изгиб ее бедер. Полосы на ее спине, которые сначала превратились в волны, а потом выпрямились, когда наша любовная игра закончилась, и она откатилась от меня. То, что я обнаружил, мне не понравилось. Поэтому я захлопнул эту шкапулку, словно в ней кишели ядовитые змеи.

Я вернулся на рынок, чтобы шум толпы приглушил мои мысли и помог сосредоточиться на более важных вещах. У меня еще оставались деньги. По меркам Малча я был настоящим богачом, хотя в Кэнопи эта сумма показалась бы смешной. После расспросов я смог сориентироваться в ценах и снял себе комнату в нескольких кварталах от рынка, в одном из районов Малча — надо сказать, не самом захолустном.

Правда, о моем жилище сказать такого было нельзя. Квартира занимала угол пристройки — качающегося восьмьярусного куба, одного из наростов, облепивших основание огромного здания. Скорее всего, возраст этого нароста был весьма почтенным, поскольку он успел обзавестись новообразованиями вроде лестниц — приставных и обычных, горизонтальных площадок, сточных систем, решеток и клеток для животных. В общем, это сооружение — далеко не самое безопасное в Малче — пребывает в таком состоянии уже не первый год и вряд ли сочтет мое прибытие сигналом к обрушению.

Я проследовал по бесконечной череде лестниц и площадок, перешагивая через дыры в бамбуковом настиле, сквозь которые, с головокружительной высоты, просматривалась улица. Мою комнату освещали газовые светильники. Однако, как я заметил, в другие части комплекса было проведено электричество. Где-то внизу без умолку жужжали метановые дизель-генераторы, ведя неравное состязание с уличными музыкантами, зазывалами, муэдзинами, разносчиками и животными. Но вскоре я перестал замечать эти звуки, а когда задернул шторы, в комнате воцарился вполне уютный полумрак.

Кроме кровати, мебели в комнате не было. Но что мне еще нужно?

Усевшись на кровать, я задумался. Пока сцены из жизни Хаусманна не вклинивались в мое сознание, я мог анализировать их с холодной отстраненностью патологоанатома.

В них было нечто странное.

Я прибыл сюда, чтобы убить Рейвича, и вдруг — совершенно неожиданно — столкнулся еще с одной проблемой. Она состояла не только в том, что меня начали посещать видения, — это была лишь часть проблемы. А ведь все начиналось вполне заурядно. Нельзя сказать, что я

был им рад, но не сомневался, что смогу от них избавиться, поскольку знал, чем все может обернуться.

Эти сны — их уже нельзя было назвать снами, поскольку они начали приходить среди бела дня — открывали мне далекое прошлое. Я становился свидетелем преступлений Небесного, о которых никто даже не подозревал. А такие сомнительные факты, как существование диверсанта, легендарного шестого корабля под названием «Калеуче» и то, что Небесный был одним из пассажиров-бессмертных, — тайна, которую раскрыл ему Тит? Но разве Небесный Хаусманн не умер? Разве не его распятое тело я видел в Нуэва-Вальпараисо? Даже если оно было поддельным, никто не мог отрицать, что вскоре после приземления Флотилии он был арестован, заключен в тюрьму, подвергнут пыткам, осужден и казнен — на глазах у тысяч людей.

Тогда почему я начинаю сомневаться в его смерти?

Это просто индоктринальный вирус, сказал я себе. Он морочит тебе голову, Таннер Мирабель.

Впрочем, засыпая, я думал не только о Небесном.

На этот раз мне приснилось прямоугольное помещение — не то тюремная камера, не то мягкий резервуар. Я стоял на смотровой площадке, огороженной перилами. Сверху лился ослепительно белый свет, стены и пол отделаны керамической плиткой и украшены огромными лоснящимися листьями папоротника и искусно декорированными древесными ветками — очевидно, это должно было изображать джунгли. Среди растений на полу лежал человек.

Мне показалось, что я узнал эту комнату.

Человек был наг и лежал скорчившись в позе эмбриона. Похоже, его вначале поместили сюда, а затем разрешили очнуться. Бледная кожа была покрыта пленкой пота, словно сахарной глазурью. Вот он приподнял голову, открыл глаза, огляделся и попытался медленно подняться на ноги — попытался, но тут же споткнулся и принял первоначальное положение, съездившись на полу. Он не мог стоять, потому что одна из его ног пониже щиколотки заканчивалась чистым бескровным обрубком и походила на аккуратно разрезанную колбасу. Он повторил попытку и на этот раз ухитрился добраться до стены прыжками, но равновесие снова подвело. Потом его лицо исказилось от невыразимого ужаса. Человек вскрикнул, затем завопил.

Его сотрясала дрожь. В темной нише, в противоположном конце помещения, что-то шевельнулось. Неведомое существо двигалось медленно и тихо, но человек ощущал его присутствие. Теперь он уже не

вскрикивал, а визжал, точно свинья под ножом. Раздался звучный шлепок — из ниши на пол вывалилась груда темных колец, толщиной с человеческое бедро. Не прекращая ленивого движения, тварь подняла украшенную капюшоном голову, словно принюхиваясь, а ее тело продолжало вытекать из ниши. Вопли стали прерывистыми — человек начал задыхаться — и от этого становились еще более жуткими. Нет, я сам ничего не чувствовал. Я просто ждал с каким-то странным напряжением, как будут развиваться события. Гамадриада подползла совсем близко, и бежать было некуда.

Я проснулся в холодном поту.

Спустя некоторое время я вышел на улицу. Я проспал почти весь день. Не могу сказать, что хорошо отдохнул, — мои мысли пребывали еще в большем смятении, чем прежде, — но, по крайней мере, не валился с ног от усталости. Прогуливаясь по улицам Малча, я наблюдал за ленивым городским движением. Кругом сновали пешеходы, рикши, экипажи на паровой тяге и на метане, изредка встречались паланкины, воланторы или фуникулеры — впрочем, последние не задерживались здесь надолго. Я заметил, что уже не привлекаю к себе такого внимания, как при первом появлении в Городе. Небритый, с провалившимися усталыми глазами, я теперь больше походил на жителя Малча.

Ночные торговцы устанавливали палатки, некоторые из них уже развешивали фонари, готовясь к опускающимся сумеркам. Наполненный метаном дирижабль, похожий на уродливую личинку, гордо парил в небе. Какой-то тип, высунувшись из гондолы, выкрикивал в мегафон невнятные лозунги. Под днищем гондолы висел проекционный экран, на котором возникали смазанные неоновые картинки. Я слушал, как над Малчем разносится пронзительный голос муэдзина, созывающего верующих на молитву — или на какое-то иное богослужение, которое здесь принято. Потом я заметил человека, уши которого отвисали под тяжестью драгоценных камней. Его передвижной прилавок был увешан тростниковыми корзинками, в которых шевелились змеи всевозможных размеров и раскрасок. Торговец приоткрыл одну из клетей и потыкал палочкой в змею — из тех, что потемнее. Когда она начала нехотя разворачивать свои кольца, я вспомнил отделанную белым кафелем камеру, которую видел во сне.

Это был резервуар, где Кагуэлла держал молодую гамадриаду. Я мог только догадываться, что это могло значить, но мне стало жутко.

Чуть позже я купил себе оружие.

Оно не было громоздким и не бросалось в глаза — то есть не обладало

теми недостатками, из-за которых мне пришлось продать винтовку, украденную у Зебры. Оно было настолько мало, что помещалось в одном из карманов сюртука. Это был пистолет, изготовленный в другой планетной системе, который стрелял ледяными пулями, — они разгонялись до сверхзвуковой скорости при помощи последовательных магнитных импульсов, возникающих в обмотке внутри ствола. Ледяные пули не менее опасны, чем металлические или керамические, но обладают одним преимуществом: попав в тело, они тают в течение нескольких секунд. Кроме того, для их изготовления достаточно стакана воды — желательна чистой. К пистолету прилагалась специальная обойма с портативным криогенным элементом. После того, как преступление совершено, выследить владельца такого пистолета почти невозможно, — одним словом, идеальное орудие убийства. Неважно, что пули не снабжены системой самонаведения и не смогут пробить некоторые типы брони. Пользоваться сверхмощным оружием вроде винтовки Зебры имеет смысл лишь в том случае, если появляется возможность стрелять с большого расстояния. В моем случае это весьма маловероятно. Я находился не в той ситуации, когда можно часами сидеть у окна, щуриться в оптический прицел мощной винтовки и ждать, когда цель покажется в перекрестье волосков, — смутный силуэт, размытый многокилометровой толщей воздуха и тепловыми испарениями. Настоящая работа выглядит совсем иначе. Тыходишь в комнату и пускаешь единственную пулю с близкого расстояния — достаточно близкого, чтобы увидеть белки расширившихся от ужаса глаз жертвы.

На Малч опустился вечер. Повсюду, кроме улиц по соседству с базаром, поток пешеходов заметно редел. Корни Кэнопи тянулись вниз, отбрасывая зловещие тени, и эта картина вызывала чувство неотвратимой угрозы.

Мне предстояло поработать.

Повозкой управлял паренек-рикша — либо тот же самый, что в прошлый раз привез меня в Малч, либо его брат-близнец. Во всяком случае, он испытывал к месту, которое я назвал, точно такое же отвращение. Он наотрез отказывался доставить меня туда, пока я не подкрепил свое предложение обещанием щедрых чаевых. Нельзя сказать, что это сильно подняло его настроение. Скорость, с которой мы двигались по темнеющим закоулкам Города, указывала на страстное желание возницы поскорее закончить этот рейс и отправиться восвояси. Отчасти его беспокойство передалось и мне. То и дело моя рука непроизвольно опускалась в карман сюртука, чтобы прикоснуться к холодному корпусу

пистолета, точно к какому-то талисману. Это действительно успокаивало.

— Зачем вам туда, господин? Все знать, что эта часть Малча плохая и лучше держаться отсюда подальше, если вы умный.

— Мне тоже так говорили, — согласился я. — Похоже, тебе лучше думать, что я не так умен, как выгляжу.

— Я так не говорить, господин. Вы платить здорово хорошо, вы здорово умный. Я просто давать вам совет, вот и все.

— Спасибо. Я тоже хочу дать тебе совет. Просто поезжай и следи получше за дорогой. Об остальном я позабочусь сам.

На этом наш разговор закончился. Впрочем, у меня не было настроения для светской беседы. Я смотрел, как мимо ползут темнеющие стволы зданий. Их уродливые очертания понемногу становились привычными — странно, но мне начинало казаться, что все города в конечном итоге должны стать такими.

Кое-где полог Кэнопи поднимался выше, и в нем виднелись разрывы. В других местах он прорастал прямо в плотные наслоения построек, полностью заслоняя Москитную Сетку. Очевидно, лучи солнца не проникали сюда даже в полдень. Это были самые скверные кварталы Малча — зона, где постоянно царила ночь, где правила преступность, где местные жители от рождения до смерти вели игру не менее жестокую, чем игры, которыми развлекались обитатели верхнего уровня. Я так и не смог убедить рикшу отвезти меня вглубь трущоб. В конце концов я покинул его, не выпуская руку из кармана и крепко сжимая свой пистолет с ледяными пулями.

Несколько минут я брел по щиколотку в дождевой воде, пока не достиг стены здания. Я узнал его по описанию Зебры. Затаившись в нише, где можно было кое-как укрыться от дождя, я ждал, пока не погасли последние отблески дневного света. Тогда все тени, словно по команде, слились и окутали город гигантским покрывалом мрачной серой мглы.

Ожидание казалось бесконечным.

В Городе Бездны наступила ночь. Надо мной сиял полог Кэнопи. Сцепленные пальцы домов покрылись россыпью мерцающих точек и стали похожи на фосфоресцирующие щупальца морских тварей. Я видел, как по паутине двигаются фуникулеры, — они прыгали, точно плоские камешки волны на волну. Прошел час. За это время я раз десять сменил положение, но так и не нашел позу, в которой через несколько минут не начинали затекать руки или ноги. Вынув пистолет, я позволил себе небольшую роскошь — потратил обойму, обстреляв угол здания напротив, чтобы оценить силу отдачи и точность попадания в цель. Скорее всего,

поблизости никого не было, — а может быть, на свист выстрелов просто никто не обратил внимания.

Наконец, они прибыли.

Глава 26

Я смотрел, как в двух-трех кварталах от меня опускается фуникулер — черный и блестящий как уголь. Вот его пять телескопических рычагов втянулись под крышу... Потом боковая дверца распахнулась, и из кабины выскочили четверо. По сравнению с винтовками, которые они несли на руках, точно младенцев, мой пистолет выглядел жалким недоразумением. Зебра сообщила мне, что сегодня ночью состоится охота. В этом не было ничего необычного — скорее правило, чем исключение. Но я смог вытянуть из нее — после настойчивых уговоров — еще кое-что: место, где ребята собрались повеселиться. На карту было поставлено многое. Зебра сорвала попытку убить меня, испортив привычное ночное приключение зрителям, которые присутствуют на каждой охоте и платят за это немалые деньги.

— Я скажу тебе, — сказала она, наконец, — но с условием. Ты воспользуешься этой информацией только для того, чтобы держаться от этого места подальше. Ты хорошо меня понял? Один раз я спасла тебя, Таннер Мирабель, а ты обманул мое доверие. Это обидно. И едва ли вызывает желание помогать тебе дальше.

— Ты знаешь, как я поступлю, Зебра.

— Пожалуй, знаю. По крайней мере, на этот раз ты не врешь. Ведь ты держишь слово?

— Я не совсем тот, за кого ты меня принимаешь, Зебра.

Пожалуй, стоило сказать ей это, если она еще не догадалась сама.

Зебра сообщила, какой квартал выбран для охоты. По ее словам, добычу уже нашли и снабдили имплантантом. Иногда охотники делали несколько рейдов за ночь, позволяя остальным жертвам спать до тех пор, пока не освобождалось очередное «вакантное место».

— Кому-нибудь удавалось спастись, Зебра?

— Тебе, Таннер.

— Нет, я имею в виду — самостоятельно, без помощи «саботажников». Такое случается?

— Иногда случается, — ответила она. — Возможно, даже чаще, чем ты думаешь. Но не потому, что добыче удается перехитрить охотников. Просто так решают организаторы. Иначе игра стала бы слишком скучной, верно?

— Скучной?

— Она была бы лишена элемента риска. Кэнопи побеждал бы всегда.

— Это было бы нечестно, — согласился я.

Теперь я следил, как они крадутся под дождем, держа оружие наготове и торопливо заглядывая в каждую щель и закоулок. Скорее всего, их добычу незаметно высадили где-то неподалеку несколько минут назад. Возможно, этот человек еще не совсем проснулся, как тот парень в камере с белыми стенами, — медленно приходит в себя, чтобы обнаружить, что оказался один на один с чем-то ужасным.

Отряд состоял из двух женщин и двух мужчин. Когда они приблизились, я разглядел на их лицах маски, похожие на карнавальные, но очень практичные. На женщинах были маски кошек, в хищных миндалевидных прорезях для глаз поблескивали линзы. Перчатки были украшены когтями, а когда их черные плащи распахивались, я мог разглядеть трико — у одной в тигровых полосах, у другой в леопардовых пятнах. Затем до меня дошло, что это были вовсе не трико, а голая кожа, видоизмененная и поросшая мехом. Перчаток тоже не было. Одна из женщин усмехнулась, отпустив какую-то шутку, и в темноте драгоценными камнями блеснули клыки. Мужчины не были столь сильно трансформированы. Они тоже походили на хищников — но только за счет костюмов. Ближайший ко мне изображал медведя, но под верхней челюстью медвежьей маски виднелось вполне человеческое лицо. Физиономию его спутника украшала пара огромных фасеточных глаз, постоянно ловивших и преломлявших свет сверкающих ярусов Кэнопи.

Когда они оказались в двадцати метрах от моего убежища, я сделал ход.

Пригибаясь, я бросился им наперерез, почти не сомневаясь, что они не успеют прицелиться. Расчет оказался верным, хотя я несколько недооценил противников. По воде у самых моих каблуков хлестнули выстрелы, но я успел пересечь улицу и нырнуть в какую-то щель.

— Это не он, — услышал я голос одного из игроков — кажется, женский. — Здесь никого не должно быть!

— Значит, у нас есть возможность пристреляться. Вперед, господа. Всем разойтись, и прикончим маленького засранца.

— Повторяю, это не он! Он должен находиться в трех кварталах южнее. В любом случае, почему он покинул укрытие?

— Потому, что мы его почти обнаружили.

— Он двигался слишком быстро. В Малче таких быстрых нет.

— Значит, тебе брошен вызов. Ты недовольна?

Я рискнул выглянуть из своего убежища. В тот же миг передо мной

ударила молния, и на миг я отчетливо разглядел фигуры охотников.

— Он только что был здесь! — воскликнула женщина.

Послышался визг энергетического разряда, вслед за которым в ночи прогрохотала очередь из стрелкового оружия.

— Ты видел его лицо? — сказала охотница. — У него глаза светятся!

— С каких пор ты боишься привидений, Шантерель?

Это был голос одного из мужчин — возможно, «медведя». Он был совсем близко. Вызвав в памяти фигуры охотников, я мысленно подвинул их — туда, где они должны были стоять после того, как пройдут несколько шагов, словно представил себе следующую мизансцену спектакля. Потом вышел из укрытия и трижды выстрелил.

Три звучных хлопка — пистолет отреагировал отчетливыми свистящими хлопками. Я почти не целился: то, что я успел увидеть, полностью совпадало с картиной, которую нарисовало мое воображение. Стреляя от бедра, я уложил троих из четверки попаданиями по ляжкам, потом пустил пулю наугад, имитируя промах, и метнулся назад, за стену.

Получив пулю в бедро, человек падает. Возможно, мне показалось, но я расслышал три всплеска, — такой звук издает тело, падая в воду. Полной уверенности не было: обычно такое ранение не располагает к молчанию. Рану, которую я получил прошлой ночью, можно назвать безболезненной, поскольку в меня стреляли из дуэльного лазерного оружия — луч у него очень тонкий. Правда, мои ощущения было трудно назвать приятными.

Теперь можно рискнуть. Скорее всего, эти трое уже не опасны: они лежат в луже и не могут толком воспользоваться своим оружием, даже если не вырнули его. Кто-нибудь из них может выстрелить наугад в мою сторону. Но их оружие не слишком отличалось от того, из которого меня подстрелили, а значит, высокой точностью не обладало. Что касается четвертого охотника, то насчет этой леди у меня были особые планы. Именно поэтому ее кровь сейчас не пополняла объем луж на тротуаре.

Выйдя из-за укрытия, я демонстративно выставил перед собой пистолет — весьма смело, учитывая его размер. Сейчас куда уместнее была здоровенная пушка вроде винтовки Зебры.

— С... стойте, — проговорила женщина. — Стойте, или я вас прикончу.

Она находилась метрах в десяти от меня и направляла на меня свое оружие. Мисс Леопард в маске с миндалевидными глазами. Впрочем, сейчас ее движения уже не отличались кошачьей грацией.

— Положите свою игрушку, — сказал я. — Или я помогу вам это сделать.

Задумайся она хоть на секунду о ранениях, из-за которых ее дружки сейчас утирали сопли в луже, она бы сообразила, что перед ней весьма опытный снайпер, который способен выполнить свою угрозу весьма пунктуально. Но она, очевидно, не утруждала себя размышлениями. Я заметил, как дуло ее оружия поднялось на полдюйма, а рука напряглась в ожидании отдачи.

Поэтому я выстрелил первым. Оружие выскочило у нее из рук с певучим звоном и упало в воду одновременно с ледяной пулей. Женщина заскулила, как собачонка, и принялась осматривать руку, проверяя, целы ли пальцы.

Я чувствовал себя оскорбленным. Неужели она так и не поняла, что перед ней профессионал?

— Прекрасно, — сказал я. — Вы его бросили. Мудрое решение: оно избавляет меня от необходимости прострелить вам плечевой нерв. Теперь отойдите от своих сопливых дружков и направляйтесь к машине.

— Они ранены, ублюдок.

— Считайте, что им повезло. Они могли умереть.

И наверняка умрут, мысленно добавил я, — если им не окажут помощь в самое ближайшее время. Вода, в которой они лежали, уже принимала зловещий вишневый оттенок, заметный даже в сгустившихся сумерках.

— Идите к фуникулеру, — повторил я. — Вы сможете позаботиться о них, когда мы будем в воздухе. Само собой, им очень повезет, если раньше сюда не доберется кто-нибудь из местных жителей.

— Вы дерьмо, — сказала она. — Кто бы вы ни были.

Продолжая держать охотницу под прицелом, я прошел между ней и ее стонущими друзьями, осматривая их краем глаза.

— Надеюсь, ни у кого из них нет имплантантов, — заметил я. — Жители Малча любят поживиться подобными трофеями и едва ли заполняют предварительно необходимые бумаги.

— Вы просто дерьмо.

— Кажется, вас рассердило то, что я дал вам отпор?

— Мы охотились не за вами. Кем бы вы ни были, вы — не наша добыча.

— Вас, случайно, зовут не Шантерель? — я вспомнил, как один из охотников называл это имя. — Звучит весьма изысканно. Держу пари, что ваша семья принадлежала к демаркистской аристократии — прежде чем Прекрасной Эпохе пришел конец.

— Моя жизнь и мои проблемы вас не касаются.

— Простите... совершенно с вами согласен.

Наклонившись, я поднял одну из винтовок, изучил данные на ее дисплеях и убедился, что она готова к работе. Ситуация находилась под контролем, но меня не покидало беспокойство. Я не мог избавиться от ощущения — вернее, от смутного предчувствия, — что за основным отрядом пробирается еще один охотник и что именно сейчас он смотрит на меня сквозь прицел мощной и убийственно точной винтовки. Не стоит подавать виду, Таннер.

— Боюсь, вас подставили, Шантерель. Взгляните на мою голову. Видите? Ранка от имплантанта. Но он не действовал, как следовало.

Это было рискованно. Будем надеяться, что покойный Уэверли не успел сообщить необходимую информацию кому-нибудь из своих приемников.

— Вас провели. Человек, который вживил мне его, работал на «саботажников» и хотел заманить вас в ловушку. Этот имплантант переделан и передает искаженные данные, чтобы направить вас по ложному следу.

Я самодовольно ухмыльнулся, хотя сильно сомневался, что подобное технически осуществимо.

— Вы думали, что я далеко отсюда, и не ожидали засады. И, наверно, вы не ожидали, что добыча будет вооружена. Наверно, вы уже поделили шкуру неубитого медведя... — я покосился на троицу, корчащуюся в луже. — Прошу прощения за бестактность.

Охотник в маске медведя стонал, прижимая ладони к бедру. Он хотел что-то сказать, но я пинком заставил его успокоиться.

Шантерель подошла к черному обелиску фуникулера. Если внутри кто-то есть, моя карта бита. Но прежде, чем Мисс Леопард открыла дверцу, я понял, что рисковал не зря. Салон был пуст.

— Лезьте в кабину, — приказал я. — И без шуток. Говорят, у меня не слишком хорошо с чувством юмора.

Салон был оборудован с подлинной роскошью: четыре кресла, обитые бордовым бархатом, удобный пульт управления с мерцающей подсветкой и неплохой выбор напитков в маленьком баре. Рядом красовалась стойка с полированным оружием и трофеями. Теперь мой пистолет смотрел Шантерель в висок. Думаю, она чувствовала себя не слишком уютно, но старт получился довольно плавным.

— Полагаю, вы знаете, чего хотите.

— Разумеется. А пока хочу попросить вас подняться повыше, и мы немного прогуляемся. Я бы не отказался от небольшой экскурсии по городу — если вы не против. Ночь сегодня просто чудесная.

— Вы правы, — отозвалась Шантерель. — Ваше чувство юмора недооценивают. А деликатность сделала бы честь Комбинированной Эпидемии.

Отпустив эту колкость, она вновь повернулась к пультам и установила курс. Когда фуникулер, раскачиваясь, двинуться вперед, она медленно обернулась и пристально поглядела мне прямо в глаза.

— Кто вы на самом деле и чего от меня хотите?

— Повторяю: я тот, кто добавил в вашу маленькую игру толику крайне необходимого равновесия.

Ее рука метнулась, словно хотела дать мне пощечину. Само по себе или очень смело, или очень глупо — учитывая расстояние от дула моего пистолета до ее очаровательной головки и готовность в любой момент спустить курок, которой я не скрывал. Но она всего лишь коснулась ранки, откуда Доминика извлекла имплантант.

— Его здесь нет, — произнесла Шантерель. — А может, и не было.

— Значит, Уэверли солгал и мне.

Я ожидал увидеть у нее на лице какие-то признаки волнения, но, похоже, она ожидала услышать нечто подобное.

— Он и не подумал вживлять мне это устройство.

— Тогда кого же мы преследовали?

— Откуда мне знать? Вы же не пользуетесь имплантантами, чтобы выслеживать добычу, не так ли? Или это очередное усовершенствование, о котором я не подозревал?

В этот момент фуникулер сделал очередной головокружительный прыжок — вероятно, следующий кабель находился чуть дальше, чем было необходимо для полного спокойствия. Шантерель даже не моргнула.

— Вы не возражаете, если я... позабочусь о своих друзьях?

— Как вам будет угодно.

Ни секунды с момента нашей встречи Шантерель не выглядела такой взволнованной, чем во время разговора. Она сообщила, что отправилась с друзьями в Малч, чтобы сделать снимки процесса игры, но на них напала шайка агрессивно настроенных свиней. В ее голосе было столько уверенности, что я ей едва не поверил.

— Вам нечего меня бояться, — сказал я, хотя это вряд ли прозвучало столь же убедительно. — Мне просто нужна от вас кое-какая информация — самого общего характера, от которой вы ничего не потеряете, — а потом вы отвезете меня в одно место в Кэнопи.

— Я вам не доверяю.

— Не сомневаюсь. На вашем месте я бы чувствовал то же самое. Но

мне совершенно не требуется ваше доверие. Я просто приставил пистолет к вашему виску и отдаю приказы. — Я облизнулся: губы у меня совсем пересохли. — Или вы делаете то, что я говорю, или украшаете интерьер этой машины осколками своего черепа. Надеюсь, это не самый трудный на свете выбор?

— Что вы хотите узнать?

— Расскажите мне об Игре, Шантерель. Я узнал о ней от Уэверли. То, что он рассказал, показалось мне правдоподобным, но я хочу убедиться, что получил полную информацию. Вы на это способны?

Она была способна. Думаю, пистолет у виска способен пробудить дар красноречия в ком угодно. Кроме того, ей явно нравился звук собственного голоса. Честно говоря, я ее не мог упрекнуть ее за эту маленькую слабость. Ее голос действительно был очень приятным — особенно в сочетании со словами, которые она произносила.

Ее семья принадлежала к клану Саммартини — как я узнал позже, одному из самых могущественных кланов Belle Epoque. Это означало, что родословная Шантерель восходит к первопоселенцам-американцам, то есть насчитывает не один век. Семьи, способные проследить свою родословную так далеко, пользовались почетом, которого могли быть удостоены разве что особы королевской крови — но таковых в безоблачные дни Прекрасной Эпохи просто не было.

Саммартини состояли в близком родстве с Силвестами — кланом, который занимал первую строчку в таблице о рангах. Я вспомнил рассказ Сибиллины о Кэлвине Силвесте. Этот человек воскресил забытые технологии нейросканирования, от которых в свое время отказались. Технологии, позволяющие превращать живых людей в бессмертные компьютерные копии-симуляты — правда, оригиналы при этом погибали.

Поначалу трансмигрантов этот факт не слишком беспокоил. Но когда копирование начало давать сбои, люди начали задумываться. Первыми трансмигрантами стали семьдесят девять добровольцев — восемьдесят, включая самого Кэлвина. Симуляты большинства из них утратили способность к воссозданию задолго до того, как логический субстрат, на основе которого они создавались, оказался поражен эпидемией. В память о погибших в центре Города Бездны был возведен Монумент Восьмидесяти — огромный мрачный склеп, в котором оставшиеся во плоти родственники усопших могли ухаживать за их гробницами. Когда разразилась эпидемия, Монумент решили пощадить.

В числе восьмидесяти были несколько членов семьи Саммартини.

— Нам повезло, — сообщила Шантерель. — Сканы Саммартини

оказались среди пяти процентов уцелевших, а поскольку мои бабушка и дед уже имели детей, наша линия сохранилась.

Голова у меня пошла кругом. Значит, у нее два типа родственников: одни продолжают себя в виде бесконечных копий-симулятов, а другие... размножаются естественным способом. И то, и другое Шантерель Саммартини воспринимала как само собой разумеющееся. Эти компьютерные копии действительно были для нее чем-то вроде родственников, проживающих на удаленном анклав в другой части системы.

— Поскольку все прошло нормально, — продолжала она, — наша семья финансировала продолжение исследований, которые прекратились после гибели Кэлвина. Как я уже говорила, наша семья всегда была в близких отношениях с Домом Силвеста. У нас есть доступ к большей части информации их лабораторий. Поэтому мы очень быстро добились успехов. Теперь нам известны способы сканирования без смертельного исхода... Но зачем вам это? — В ее голосе появилось раздражение. — Вы же не малч. Вы с Кэнопи. Значит, я не сообщу вам ничего нового.

— Почему вы решили, что я не малч?

— Вы умны — по крайней мере, вас не назовешь непроходимым идиотом. Между прочим, это не комплимент, а констатация факта.

Очевидно, ей даже в голову не пришло, что я могу быть родом из другой системы. Это полностью противоречило ее представлениям о мире.

— Почему бы вам не развлечь меня? Вы подвергались сканированию, Шантерель?

Она посмотрела на меня, как на сумасшедшего.

— Разумеется.

— Кажется, вы называете их интерактивными сканами?

— Симулятами альфа-уровня.

— Значит, сейчас где-то по Городу разгуливает ваша копия?

— Она на орбите, тупица. Технология сканирования никогда не пережила бы эпидемию, если бы не карантин.

— Ну вот вы и признали меня тупицей.

Она сделала вид, что не услышала.

— Раз шесть или семь в год я поднимаюсь туда «освежиться». Посещение Убежища — это как маленькая передышка. Убежище — это анклав во внешних уровнях Ржавого Обода. Туда никогда не попадали споры эпидемии. Там меня сканируют, и действующая копия впитывает в себя последние два-три месяца моей жизни. Я уже не думаю о ней, как о моей копии. Она скорее напоминает мне старшую сестру, которая умнее

меня и знает все, что со мной когда-либо случилось, — как будто она всю жизнь стояла у меня за спиной.

— Представляю, насколько обнадеживает такая мысль — умирая, ты вовсе не умираешь, а просто расстаешься с одним вариантом существования. Впрочем, как я понимаю, никто из вас еще не умирал физически?

— До эпидемии так и было. Но не сейчас.

Я вспомнил о том, что говорила мне Зебра.

— А вы, Шантерель? Вы явно не герметик. Вы не одна из бессмертных, кому довелось унаследовать гены долголетия?

— Мне довелось унаследовать не самые худшие гены, если вас это интересует.

— Но и не самые лучшие, — поправил я. — Следовательно, вам по-прежнему необходимо, чтобы крошечные машинки уничтожали в вашем теле ненужные клетки и помогали расти нужным. Я правильно понял? Кажется, для этого не надо быть гением дедукции. Кстати, о машинах... Что с ними случилось после эпидемии?

Я посмотрел вниз. Фуникулер только что совершил прыжок над подвесной железной дорогой. По ней скользил сквозь ночь одинокий паровоз-зефир с четырехсторонней симметрией, везя цепочку вагонов в какой-то отдаленный район города.

— Вы не заставили их самоуничтожиться прежде, чем их достигнут споры эпидемии? Пожалуй, люди вашего типа должны были так поступить.

— А вам-то какое дело?

— Просто интересуюсь, не пользуетесь ли вы Горючим Грез.

Шантерель не ответила.

— Я родилась в 2339-м. Мне сто семьдесят восемь стандартных лет. Я видела чудеса, не доступные вашему воображению, ужасы, от которых бы вы содрогнулись. Я чувствовала себя Господом Богом, играющим в некую игру, исследовала параметры этой игры и даже выходила за ее пределы, словно ребенок, которому подсунули слишком простую игрушку. Этот город менялся у меня на глазах — тысячи раз. Сначала он становился все прекраснее, потом превращался в нечто отвратительное, темное, отравленное. Я останусь здесь, когда он вновь найдет способ вернуться к свету, будь то через сотню или тысячу лет. Значит, по-вашему, я должна отказаться от бессмертия — или спрятаться в дурацком металлическом ящике и трястись от страха? — ее глаза с вертикальными зрачками в прорезях кошачьей маски горели восторгом. — Ни за что! Я уже пригубила огненную чашу, и моя жажда неутолима. Вы можете представить, каково

это — прогуливаться по Малчу незащищенной, среди массы неизведанного, зная, что внутри тебя все еще находятся механизмы? В этом есть какой-то первозданный трепет — все равно что ходить по углям или плавать с акулами.

— В Игре вы тоже участвуете ради... первозданного трепета?

— А как вы думаете?

— Думаю, ради бегства от скуки. Я прав? Мне сказал об этом Уэверли. К началу эпидемии вы испробовали все способы развлечений, разрешенные обществом. Все, что можно было инсценировать, симулировать, все, что могло вызывать острые ощущения или бросало вызов интеллекту, — я посмотрел ей прямо в глаза. — Но вам, похоже, этого было недостаточно? Вы никогда не пытались устроить проверку своему бессмертию, никогда не ставили его под удар. Вы могли отправиться за пределы своей системы — там можно пережить настоящие приключения и даже прославиться. Но это означает отказаться от поддержки друзей, цивилизации, в которой вы выросли.

— Дело не только в этом, — возразила Шантерель. Стоило ей услышать сентенции, которые казались ей ошибочными, она сразу становилась разговорчивее. — Некоторые из нас действительно покинули систему. Но они знали, от чего отказывались. Они больше никогда не могли пройти сканирование, чтобы обновить свои копии. Через некоторое время различие между сканом и оригиналом становилось настолько сильным, что наступало отторжение.

Я кивнул.

— Поэтому вам — тем, кто остался дома — понадобилось придумать нечто подобное. Нечто вроде Игры. Какая-то возможность испытать себя, пройти по грани жизни и смерти. Небольшая, строго отмеренная доза опасности.

— Но это помогло. Когда началась эпидемия, мы смогли заниматься чем угодно. Только тогда мы начали вспоминать, что такое настоящая жизнь.

— Но для этого вам приходится убивать.

Она даже не моргнула.

— Только тех, кто этого заслуживал.

Наша воздушная прогулка по Городу продолжалась. Теперь я пытался вытянуть из Шантерель все, что ей известно о Горючем Грез. Я обещал Зебре, что помогу ей продолжить дело ее сестры. Это означало выяснить как можно больше об этом веществе и таинственном Гедеоне, который

снабжал им Город Бездны. Несомненно, Шантерель употребляла Горючее, но вскоре стало очевидным, что она знала о нем не больше тех, с кем я уже поговорил.

— Попробуем подойти с другой стороны, — сказал я. — Вы слышали что-нибудь о Горючем Грез до эпидемии?

— Нет. То есть... иногда бывает трудно вспомнить, как было раньше. Я уверена, что Горючее Грез появилось примерно семь лет назад.

— Значит, оно каким-то образом связано с эпидемией, верно?

— Не понимаю.

— Что бы ни представляло собой Горючее, оно защищает вас от эпидемии. Оно позволяет вам разгуливать по Малчу с имплантатами и всем прочим. Это наводит меня на мысль, что между одним и другим должна быть тесная связь. Горючее распознает споры чумы и способно нейтрализовать их, не причиняя вреда «хозяину». Это не может быть случайным совпадением.

— Значит, кто-то это спланировал, — пожала плечами Шантерель.

— Кто-то, кто хорошо разбирается в наномеханике, не так ли? — я покачал головой. — Извините, но я не верю, что кто-либо способен был изобрести такого рода полезный механизм. Только не здесь и не сейчас.

— Вы даже не подозреваете о возможностях, которыми располагает Гедеон.

— Верно. Тогда, может быть, вы расскажете об этом? Вы явно неплохо осведомлены. Тогда у меня будет какая-то отправная точка.

— А почему это вас так интересует?

— Я дал кое-кому обещание.

— Тогда мне придется вас разочаровать. Я ничего не знаю о Гедеоне. И не смогу назвать никого, кто мог бы в этом помочь. Пожалуй, вам нужно поговорить с тем, кто стоит ближе к поставщику.

— И вам не известно, где находятся его лаборатории?

— Думаю, где-то в Городе.

— Вы уверены? Впервые я столкнулся с Горючим Грез в...

Стоп. Не стоит рассказывать ей о том, как меня «оживляли» в хосписе Айдлвилд.

— В общем, не на Йеллоустоуне.

— Не могу сказать точно, но я слышала, что его изготавливают не в Кэнопи.

— Значит, в Малче?

— Полагаю, да, — она сощурилась и вертикальные зрачки ее глаз превратились в узкие щелки. — Кстати, кто вы такой?

— Это слишком долго объяснять, — уклончиво ответил я. — Думаю, вы уже почти догадались.

Она кивнула в сторону пульта управления.

— Мы не можем кружить здесь вечно.

— Тогда отвезите меня в Кэнопи. В одно место, неподалеку от Эшер-Хайтс.

— Куда?

Я показал Шантерель адрес, который дала мне Доминика. Я понятия не имел, о чем идет речь — о конкретном здании или районе Города. Будем надеяться, что мое невежество не слишком бросилось в глаза.

— Не уверена, что мне знакомо это место.

— Ну так попробуйте вспомнить, Шантерель. И вообще, в этой штуковине должна быть карта. Почему бы вам не поискать ее?

Она неохотно повиновалась. Понятно, я не был уверен, что карта Кэнопи вообще существует. Но если так, то она должна быть загружена в память фуникулера.

— Кажется, припоминаю, — пробормотала Шантерель. То, что появилось на дисплее пульта управления, напоминало увеличенное изображение синапсов в глубоких слоях головного мозга и было украшено броскими подписями на каназиан. — Но я плохо знаю этот район. Эпидемия приняла там странные формы. Совсем не такие, как в остальном Кэнопи, и некоторым из нас это не нравится.

— Это неважно. Просто отвезите меня туда.

Следующие полчаса фуникулер пробирался по паутине кабелей, огибая Бездну по длинной волнистой дуге. С высоты Бездна казалась круглым черным пятном среди светящихся зарослей Кэнопи. Огни строений по ее периферии напоминали фосфоресцирующие наросты-приманки вокруг пасти неведомого чудовищного глубоководного хищника. В «пасти», на километровой глубине, можно было разглядеть какие-то выступающие конструкции. Еще ниже располагалась могучая городская система снабжения, которая всасывала воздух, энергию и влагу, — но ее конструкции были уже не видны. Даже по ночам Бездна извергала из себя темный туман испарений.

— Вот он, — произнесла наконец Шантерель. — Эшер-Хайтс.

— Теперь мне понятно, — отозвался я.

— Что?

— Понятно, почему он вам не нравится.

В этом месте — на площади в несколько квадратных километров и на глубину порядка нескольких сотен метров — «заросли» Кэнопи

мутировали, превратившись в нечто неправдоподобное. Больше всего это напоминало беспорядочное нагромождение уродливых кристаллов — то ли увеличенный снимок из учебника геологии, то ли микрофотография фантастического вируса, который адаптировался непонятно к чему. Они пронизывали блиндажи комнат, коридоры и бытовые помещения. Свет ламп и газовых рожков наполнял их яркими сполохами всех оттенков розового, зеленого и голубого. Над верхними ярусами Кэнопи громоздились мощные наслоения, похожие на золотисто-серую слюду. Хрупкие наросты — бирюзовые и турмалиновые — скручивались в шпильки, рядом громоздились пики розоватого кварца размером с особняк. Кристаллы пронизывали, обволакивали друг друга, образуя немыслимые геометрические формы, которые не могли быть порождением человеческого разума. Через несколько минут созерцания Эшер-Хайтс у меня разболелась голова.

— Это безумие, — сказал я.

— В основном они полые, — пояснила Шантерель. — Иначе не смогли бы висеть так высоко. То, что отломилось много лет назад, вобрал в себя Малч.

Я посмотрел вниз, и под нависающими массами светящихся кристаллов увидел то, о чем она говорила — кубические постройки, слишком правильные для Малча. Они напоминали ковер странного лишайника, покрывающий руины разрушенного города.

— Здесь есть достаточно людное место, где мы можем приземлиться?

— Пытаюсь, — сказала Шантерель. — Только какой в этом смысл? Сомневаюсь, что вы сможете выйти на площадь, держа пистолет у моего виска.

— Надеюсь, люди примут нас за любовников-извращенцев и оставят в покое.

— И это все, на что вы рассчитываете? — В ее голосе послышалось разочарование.

— Вообще-то нет. Я куда более предусмотрителен. Видите, какие большие карманы у моего сюртука? В одном из них я могу без труда прятать свой пистолет. Я буду держать вас под прицелом, делая вид, что безмерно рад нашей встрече.

— Вы это серьезно? Вы собираетесь пройти через площадь, толкая меня стволом в спину?

— Было бы глупо целиться вам в лицо. Кому-то из нас пришлось бы идти задом наперед. Сами понимаете, это неприемлемо. Мы можем случайно наткнуться на одного из ваших приятелей.

Глава 27

Наше прибытие было отмечено минимальной помпезностью.

Фуникулер Шантерель опустился на плоскую металлическую площадку, выступающей из стены Эшер-Хайтс, — достаточно просторную, чтобы на ней разместилось еще около дюжины разнообразных машин. В основном это были фуникулеры, но я заметил и пару тупокрылых воланторов. Внешне они мало отличались от тех, что я видел в Городе. Обтекаемая форма гиперадаптированного корпуса говорила о том, что их построили еще до эпидемии. Я представил, каково это — мчаться на такой машинке сквозь чащу искореженных зданий, в которую превратился Город. Опасное развлечение — но владельцам, похоже, это нравится. А может быть, это стало одним из экстремальных видов спорта.

Люди выходили из машин, другие тут же садились в них — я заметил множество такси, украшенных эмблемами фирм-владельцев. Несколько человек спокойно стояли на самом краю посадочной площадки, любуясь панорамой в телескопы, укрепленные на стойках. Причудливые одеяния этих людей — развевающиеся накидки и пальто, немислимые головные уборы, ткани самых безумных расцветок — вычурностью соперничали с окружающими строениями. Лица людей скрывались под масками, мерцающими вуалями, веерами или маленькими зонтами. Некоторых сопровождали домашние любимцы на поводках — генетически измененные создания, в принципе не поддающиеся классификации. К какому типу можно отнести кошку с гребнем игуаны? Впрочем, эти существа выглядели ненамного более странно, чем их хозяева. Например, четвероногие люди-кентавры... Другие в целом оставались людьми, но пропорции их тел были до такой степени искажены, что напоминали творения буйнопомешанного скульптора. Здесь была женщина, чьи челюстные кости были заменены роговыми пластинами, похожими на клюв фантастической птицы, и мужчина, щеголявший в облике мифического инопланетянина с нелепо тощим, удлинненным торсом и темными миндалевидными глазами.

Если верить Шантерель, для подобного требовалось всего за несколько дней — самое большее, за пару недель. При желании человек мог изменять свое тело сто раз в год — так же часто, как иные меняют прическу.

И в этом месте я надеялся найти Рейвича?

— На вашем месте, — продолжала Шантерель, — я бы не стояла

столбом и не глазела по сторонам. Кажется, вам не хочется дать понять окружающим, что вы нездешний?

Я нащупал в кармане свой пистолет с ледяными пулями и стиснул его покрепче. Будем надеяться, она почувствовала, как напряглась у меня рука.

— Идите вперед. Когда мне понадобится совет, я к вам обращусь.

Шантерель умолкла. Через несколько шагов я ощутил укол совести. Я был слишком груб.

— Извините, — пробормотал я. — Понимаю, вы хотели помочь...

— Это в моих интересах, — фыркнула она. — Я не хочу, чтобы вы привлекали к себе внимание. Чего доброго, кто-нибудь попытается меня освободить, начнется перестрелка...

— Спасибо за заботу.

— Я забочусь о собственной безопасности. С чего мне заботиться о вас, когда вы только что ранили моих друзей, а я даже не знаю вашего имени?

— С вашими друзьями все будет в порядке. Через сутки они уже избавятся от хромоты — если только не предпочтут щеголять боевыми ранами. По крайней мере, будет о чем рассказать на вечеринке.

— Может, вы все же представитесь?

— Можете называть меня Таннер, — сказал я и ткнул дулом в спину, заставляя прибавить шагу.

Под порывами теплого влажного ветра мы пересекли площадку и подошли к арке, ведущей внутрь Эшер-Хайтс. Впереди нас замелькали паланкины, похожие на помесь гробов с метрономами. Дождь прекратился, и я был этому несказанно рад. Похоже, в этой части Города дожди шли реже — а может быть, мы забрались выше уровня облаков. Моя одежда еще не просохла после прогулки по Малчу; впрочем, Шантерель выглядела немногим лучше.

Арка вела в ярко освещенное внутреннее помещение. Здесь воздух был прохладным и напитан ароматами, с потолка свисали фонари, транспаранты и медленно вращающиеся вентиляторы. Крытый пассаж плавно сворачивал направо, то и дело пересекая декоративные водоемы, через которые мы переходили по каменным мостикам. Здесь я — второй раз с тех пор, как прибыл в Город, — увидел рыбок кой, которые глазели на меня, разевая пасть.

— Почему все так молятся на этих рыбок? — осведомился я.

— Вы напрасно так о них отзываетесь. Они много для нас значат.

— Не знаю. По-моему, рыбы как рыбы.

— Да, но именно этим рыбкам мы обязаны первыми шагами к

бессмертию. Вы знаете, как долго они живут? Даже в природе они, можно сказать, никогда не умирают от старости. Они просто становятся больше и больше — пока выдерживает сердце. Но ведь это не означает умереть от старости, правда?

Пока мы шли через мостик, я слушал, как Шантерель возносит хвалу рыбе кой, и мои губы механически произносили в ответ такую же сентиментальную ерунду. Надеюсь, это выглядело достаточно естественно.

Своды коридора, казалось, были сделаны из хрусталя. Бесконечные ряды выпуклых восьмиугольников перемежались пустыми нишами. Крошечные магазинчики и салоны, размещенные в них, оповещали о предоставляемых услугах яркими надписями из неоновых трубок или пульсирующих сияющих голограмм. Жители Кэнопи делали покупки или просто прогуливались, чаще всего парами — все они выглядели очень молодо. Правда, детей почти не было. Те немногие, кого я встретил, вполне могли оказаться взрослыми людьми, которые предпочли в своем последнем воплощении предстать в таком виде, или даже человекоподобными домашними животными, которых научили лепетать по-детски.

Шантерель провела меня в огромный зал под куполом, сияющим великолепной россыпью кристаллов. К залу примыкали пешеходные аллеи и плазы, с потолка свисали люстры величиной с посадочную капсулу. Дорожки огибали друг друга, петляли вокруг водоемов с рыбками кой, искусственных водопадов, вокруг пагод и чайных домиков. Центр атриума занимал огромный стеклянный резервуар, помещенный в узорчатый металлический каркас. В резервуаре что-то находилось, но его загораживала от меня толпа людей, толпящихся по периметру, — с зонтиками, веерами и всевозможными тварями на поводках.

— Сейчас я присяду за столик, — сказал я, дождавшись, пока Шантерель обратит на меня внимание. — А вы заглянете вон в тот чайный домик и закажете мне чашку чая и что-нибудь для себя. Затем вернетесь за мой стол — так, будто мы с вами пришли сюда скоротать время.

— И все это время вы будете держать меня под прицелом.

— Рассматривайте это как комплимент. Я просто не могу отвести от вас глаз.

— Вы шутник, Таннер.

Я с улыбкой уселся в кресло... и внезапно сообразил, что весь покрыт грязью, которая слегка подсохла с тех пор, как мы покинули Малч. В Кэнопи, среди нарядной толпы я выглядел точно землекоп на карнавале.

Честно говоря, я почти не верил, что Шантерель вернется с чашкой чая. Неужели она действительно думает, что я способен выстрелить ей в

спину прямо здесь? Неужели она вообразила, что я настолько хороший снайпер, что смогу попасть в нее, не вынимая пистолет из кармана и не рискуя задеть кого-нибудь из прохожих? Ей достаточно было непринужденно отойти от меня подальше, и на этом бы наше знакомство закончилось. После этого она могла бы рассказывать о том, какой неожиданный оборот приняла ночная охота, — история получилась бы не менее занимательной, чем у ее друзей. И мне бы не в чем было ее упрекнуть. Я пытался вызвать в себе неприязнь, но из этого ничего не вышло. Можно себе представить, как восприняла бы эту ситуацию Зебра. Однако позиция Шантерель тоже не лишена основания. Она верит, что люди, на которых они охотятся, — подонки, которые должны поплатиться жизнью за свои преступления. Разумеется, она ошибается — но откуда ей об этом знать? Моя точка зрения основана на информации, которую мне сообщил Уэверли. Шантерель считала это занятие едва ли не похвальным. Разве она не делает одолжение Малчу, уничтожая живущих в нем паразитов?

Стоп. Достаточно того, что я позволил этой мысли появиться у меня в голове — хотя и не укрепился в ней.

Не сомневаюсь, Небесный Хаусманн гордился бы мной.

— Вы смотрите на меня с такой благодарностью, Таннер. Право, не стоит.

Шантерель все-таки вернулась.

— Почему вы вернулись?

Она поставила на металлическую столешницу две чашки и уселась напротив. В ее движениях опять появилась кошачья гибкость и грация. Любопытно, откуда у нее эти повадки хищницы — благодаря модификации нервной системы или в результате упорных тренировок?

— Наверно, вы еще не слишком мне надоели. Скорее, наоборот. Я заинтригована. К тому же, мы находимся в общественном месте. Кажется, здесь вы не представляете такой опасности.

Я сделал глоток. Чай почти не имел вкуса — как изысканно размытая акварель, если бы цвет вызывал вкусовые ощущения.

— Вы не договариваете, Шантерель.

— Вы сдержали слово насчет моих друзей. Хотя могли бы убить их. Но вместо этого сделали им настоящий подарок. Вы показали им, что такое боль — настоящая боль, а не жалкое подобие боли, которое могут обеспечить эксперименталии. К тому же благодаря вам им будет чем похвастаться. Разве я не права? Вы могли запросто прикончить их, и это не

нарушило бы ваших планов.

— С чего вы взяли, что у меня есть планы?

— Поняла из ваших вопросов. И еще мне кажется, что у вас мало времени.

— Могу я задать еще один вопрос?

Шантерель кивнула и воспользовалась этим моментом, чтобы снять свою кошачью маску. У нее были глаза львицы, но, не считая вертикальных зрачков, ее лицо было вполне человеческим — широким, открытым, с высокими скулами, обрамленное тяжелой гривой каштановых локонов, ниспадающих до плеч.

— Спрашивайте, Таннер.

— Перед тем, как я уложил ваших друзей, один из них что-то сказал. Может быть, это были вы, я не помню точно.

— Может быть. О чем шла речь?

— О том, что у меня что-то с глазами.

— Это была я, — смущенно призналась Шантерель.

Значит, мне это не показалось.

— Что вы тогда сказали, и что увидели?

Она понизила голос. Разговор действительно принимал странный оборот.

— У вас светились глаза. Это не был отраженный свет. Они горели, точно свет шел из глазниц, — ее речь стала торопливой и нервной. — Я подумала, что на вас какая-то маска, и вы скинули ее, прежде чем появились снова. Но ведь маски не было?

— Конечно. Но мне жаль, что ее не было.

Она посмотрела мне в глаза, словно что-то разглядывала. Вертикальные щелки ее зрачков сузились.

— Во всяком случае, сейчас этого нет. Вы в самом деле не знаете, почему у вас светились глаза?

— В самом деле, — отозвался я, без особого энтузиазма потягивая водянистый чай. — Будем считать, что это одна из маленьких тайн моей жизни.

— Вы считаете, это хороший ответ?

— Лучший, на который я в данную минуту способен. И, думаю, не слишком ошибетесь, если решите, что это ответ человека, который боится узнать правду.

Я сунул руку под сюртук и почесал грудь. Одежда, которую мне дали Нищенствующие, пропиталась потом, и кожа нестерпимо зудела.

— Давайте не будем об этом.

— Простите, — с нескрываемым сарказмом ответила Шантерель. — В таком случае, Таннер... что дальше? Поскольку мое возвращение оказалось для вас сюрпризом, я могу сделать вывод, что вы не слишком нуждаетесь в моем присутствии. Может быть, каждому из нас идти своей дорогой?

— Кажется, вы разочарованы.

Интересно, заметила ли она, что моя рука вот уже несколько минут не сжимает рукоятку пистолета. Более того, я почти забыл об оружии.

— Неужели я вас настолько заинтересовал? Или вы просто решили развеять скуку?

— Отчасти и то, и другое. Вы действительно удивительный человек, Таннер. Мало того — вы точно головоломка, которую я разгадала лишь наполовину.

— Уже наполовину? Тогда вам лучше притормозить. Я не такой загадочный, как вам кажется. Вы удивитесь, если узнаете, как мало скрыто под оболочкой. Я всего лишь...

Кто? Солдат-наемник, человек, исполняющий свою клятву... Я почувствовал себя шутником, который собрался рассказать анекдот и понял, что не слишком удачно выбрал момент.

Я поднялся и демонстративно вынул руку из кармана, оставив там пистолет.

— Мне нужна ваша помощь, Шантерель, вот и все. Если хотите показать мне местные достопримечательности, то я буду благодарен. Но можете уйти прямо сейчас.

— У вас есть деньги, Таннер?

— Немного. Боюсь, что здесь этого будет недостаточно.

— Покажите.

Я вынул из кармана пригоршню феррисов и выложил на стол.

— Как думаете, еще на одну чашку чая хватит?

— Не знаю. Здесь достаточно, чтобы купить новую одежду. На мой взгляд, это вам не помешает, — конечно, если не хотите стать центром внимания.

— Неужели я выгляжу настолько нелепо?

— Настолько нелепо, Таннер, что подвергаетесь серьезной опасности стать законодателем моды. Но мне почему-то не кажется, что вам этого хочется.

— И вы совершенно правы.

— Я не настолько знаю Эшер-Хайтс, чтобы рекомендовать лучшее, но по дороге я видела несколько бутиков, где вы могли бы одеться.

— Вначале мне хотелось бы осмотреть вон тот резервуар, если не

возражаете.

— Ах, тот... Там Мафусаил. Я и забыла, что его держат здесь.

Слово показалось мне смутно знакомым, но Шантерель уже вела меня прочь.

— Мы можем вернуться сюда позже, когда вы будете не так приметны. Я со вздохом поднял руки, сдаваясь на милость победителя.

— Заодно покажете мне остальной Эшер-Хайтс.

— Почему бы и нет? Вечер еще только начинается.

Пока мы шли к ближайшему бутику, Шантерель сделала несколько звонков — вероятно, своим друзьям — и убедилась, что они живы, здоровы и находятся в Кэнопи. Но она не оставила для них никаких сообщений и больше не упоминала их ни единым словом. Это было правильно: думаю, многие из жителей Эшер-Хайтс знают об Игре и даже с волнением следят за ее ходом. Но никто не признается в этом за пределами гостиной, где подобное развлечение признается и считается почетным.

Персонал бутика состоял из двух двуногих роботов, блестящих, черных — настолько совершенных машин мне не доводилось видеть даже в Городе Бездны. Они непрерывно расточали лицемерные комплименты, хотя со стороны я наверняка выглядел гориллой, случайно вломившейся в театральную кладовую. Следуя указаниям Шантерель, я остановился на костюме, вполне приемлемом как для моего вкуса, так и для кошелек. Брюки и куртка напоминали покроем одежду Нищенствующих, которую я с удовольствием сбросил, но из броской сверкающей материи, расшитой золотым и серебряным люрексом, который переливался всеми цветами радуги. Поверх новой одежды я, как и прежде, набросил щегольский сюртук Вадима. Не могу сказать, что чувствовал себя очень комфортно. Но когда мы покинули бутик, прохожие едва достаивали меня вниманием, — хотя прежде я постоянно ощущал на себе подозрительные взгляды.

— Итак, — сказала Шантерель, — теперь вы скажете мне, откуда прибыли.

— А как вы думаете?

— Думаю, вы не с Йеллоустоуна. Почти наверняка не с Ржавого Пояса и, вероятно, ни с одного из анклавов системы.

— С Окраины Неба. Я прибыл на «Орвието». Вообще-то, вы должны были догадаться — на мне одежда от Нищенствующих.

— Я почти догадалась, но меня сбил с толку ваш сюртук.

— Эта старая тряпка? Ее пожертвовал мне один обитатель Ржавого Пояса.

— Извините, но никто не станет жертвовать подобную вещь, —

Шантерель потрогала одну из блестящих жестких «заплат». — Вам известно, что означает эта одежда?

— Ну хорошо, я ее украл. И, судя по всему, украл краденное. Правильнее было бы сказать — взял с боем.

— Это больше похоже на правду. Однако, увидев вас впервые, я была в недоумении. А потом вы упомянули Горючее Грез...

Последние слова она произнесла шепотом, почти выдохнула.

— Простите, но вы немного отклонились от темы. Какое отношение Горючее Грез имеет к этому сюртуку?

Очевидно, имеет. Зебра намекала на что-то подобное.

— Самое непосредственное, Таннер. Но вы задаете о Горючем Грез вопросы, которые не задал бы никто из местных... и в то же время на вас сюртук члена системы распределения. Конкретно — поставщика.

— Значит, вы рассказали о Горючем не все, что знаете?

— Почти все. Но ваш сюртук заставил меня заподозрить, что вы ведете какую-то игру, поэтому я не стала слишком откровенничать.

— В таком случае, расскажите мне остальное. Насколько велики поставки? Я видел, как некоторые вводят себе несколько кубических сантиметров за раз, оставляя еще сотню в запасе. Как я понимаю, Горючим Грез пользуются немногие. Верхушка общества, которой принадлежите вы и ваши веселые приятели... ну и, наверно, кое-кого еще. Несколько тысяч человек по всему Городу, не больше.

— Думаю, вы близки к истине.

— Значит, Горючее постоянно поступает в Город. В каком объеме? Сколько приходится на человека в год — несколько сотен кубических сантиметров? То есть, около миллиона «кубиков» на целый город? Всего получается не так много — около кубометра.

— Не знаю... — Шантерель выглядела смущенной. — Скорее всего, так оно и есть. Я только знаю, что сейчас достать Горючее труднее, чем год или два назад. Большинству из нас приходится ограничивать себя — не более трех-четырёх доз в неделю.

— И больше никто не пытался производить Горючее?

— Ну разумеется, пытались! Все время находится кто-нибудь, кто пытается продать подделку. Но это не просто вопрос качества. Либо это Горючее Грез — либо нет.

Я кивнул, хотя не вполне понимал, к чему она клонит.

— Очевидно, продавец владеет рынком, а Гедеон — единственный, у кого есть доступ к подлинным технологиям. Вам, послесмертным, оно насущно необходимо; без него вам просто не жить. Это означает, что

Гедеон может поднимать цену сколько ему угодно — в разумных пределах. Но мне непонятно, зачем ему ограничивать объем поставок.

— Он еще не раз поднимет цену, Таннер. Не беспокойтесь.

— Вероятно, он не может продавать Горючее в прежних количествах. Или не позволяет процесс, или возникла проблема в приобретении сырья.

Шантерель пожала плечами.

— Ну ладно. Объясните мне значение моего сюртука.

— Человек, который подарил вам сюртук, был поставщиком, Таннер. Вот что означают «заплаты». Ну или предыдущий владелец сюртука.

Я еще раз вспомнил, как мы с Квирренбахом обыскивали каюту Вадима, и напомнил себе, что они работали в паре.

— У него действительно было Горючее Грез, — сказал я. — Но мы с ним столкнулись на Ржавом Ободе. Хозяин сюртука не мог быть напрямую связан с поставщиком.

Само собой. А как насчет его напарника? Похоже, Квирренбах и Вадим работали вместе не только на Рейвича. В таком случае Квирренбах мог быть поставщиком, а Вадим — его подчиненным, обслуживающим Ржавый Пояс.

Хорошо бы еще раз побеседовать с Квирренбахом. У меня накопились вопросы, которые стоило ему задать.

— Допустим, ваш друг не имел отношения к поставкам, — предположила Шантерель. — В любом случае вам необходимо кое-что понять. Вам известно, что рассказывают о Гедеоне? О людях, которые исчезают, потому что задают не те вопросы?

— И что же?

— Все это правда.

Через некоторое время я позволил Шантерель отвести меня на гонки паланкинов. Рейвич вполне мог появиться на подобном мероприятии. Однако в толпе зрителей я не заметил никого похожего.

Гоночная трасса представляла собой «серпантин» с бесконечными подъемами и спусками, который петлял, пересекая себя то сверху, то снизу. Временами он даже выходил за пределы здания, нависая высоко над Малчем. Множество крутых поворотов, препятствий и ловушек... Некоторые участки уходили в темноту и не были огорожены, так что паланкину ничто не мешало свалиться вниз, если возница не рассчитает скорость на повороте. В каждом «заезде» — или «забеге» — принимали участие десять-одиннадцать изящно украшенных паланкинов, а все дозволенное и недозволенное регламентировалось целым сводом правил.

Впрочем, по словам Шантерель, эти правила соблюдались не слишком строго. Случалось, что возницы снабжали паланкины приспособлениями, с помощью которых избавлялись от других участников состязания, — например, выдвигающиеся тараны, которыми можно столкнуть соперника через край на подвесном отрезке трассы.

Изначально такие гонки устраивали на спор между двумя утомленными скукой бессмертными седоками паланкинов, — добавила Шантерель. Но теперь принять в них участие мог почти любой желающий. В доброй половине паланкинов разъезжали люди, которым нечего было опасаться эпидемии. За одну ночь здесь можно было выиграть — или скорее проиграть — целое состояние.

Пожалуй, это лучше, чем охота на людей.

— Послушайте, — сказала Шантерель, когда мы покидали гонки. — Что вам известно о Миксмастерах?

— Не слишком много, — я не был настроен откровенничать — тем более на этот раз сказать было действительно нечего. Я о них где-то слышал, но не более того. — А почему вы спрашиваете?

— Я не ослышалась, Таннер? Похоже, вы действительно нездешний. В этом можно не сомневаться.

Миксмастера появились еще до Комбинированной Эпидемии. Кроме них, лишь немногим обществам системы Йеллоустоуна удалось пережить чуму почти без потерь. Подобно Нищенствующим, они сами обеспечивают свое существование и, подобно Нищенствующим, связывают свою деятельность с божественным. Но на этом сходство кончается. Нищенствующие — чем бы они не занимались — творят все свои дела во славу божества. Миксмастера, напротив, сами претендуют на роль Бога.

И — в определенном смысле — они в этом преуспели.

Когда американо высадились на Йеллоустоуне — это был лучший период за ближайшие четыреста лет — они принесли с собой весь багаж знаний в области генетики, который был накоплен их цивилизацией. Библиотеки генов, карты сцепления генетических признаков и функций для миллионов земных видов, включая высших приматов и млекопитающих... Они знали генетику изнутри. Достаточно вспомнить, что первопоселенцы прибыли на Йеллоустоун в виде оплодотворенных яйцеклеток. Их принесли в своих чревах хрупкие роботы, в них же по прибытии прошли весь цикл созревания. Разумеется, первое поколение прожило недолго, но оставило потомков, которые сохранили их наследие. Состав их ДНК позволил следующим поколениям поселенцев, которые прилетели позже,

смешать кровь американо со своей, обогатив свой генофонд.

Однако американо этим не ограничились. Они оставили после себя богатейшие банки данных — знание, которое впоследствии стало считаться не то чтобы утраченным, но утратившим новизну. Впоследствии это привело к недооценке многих тонких нюансов и закономерностей. Именно Миксмастерам удалось добраться до этого кладезя мудрости. Они стали хранителями знаний о биологии и генетике и неустанно пополняли их, торгуя с ультра, которые время от времени подбрасывали им крохи информации — инопланетные геномы или технологии управления генетическим процессом, открытые в других системах. Но, несмотря на это, Миксмастера редко оказывались у кормила власти Йеллоустоуна. В системе правил клан Силвест, древний род, который пропагандировал постижение высших материй при помощи кибернетических методов расширения сознания.

Конечно, Миксмастера не остались без средств к существованию, поскольку не все жители системы были адептами доктрины Силвеста. Крах опыта Восьмидесяти заставил многих разочароваться в идее трансмиграции. Миксмастера действовали осторожно: они исправляли генетические аномалии новорожденных, находили и ликвидировали дефекты, добиваясь чистоты наследственных линий. Результаты этой работы были тем незаметнее, чем выше становился уровень исполнения. Она была сродни безупречному убийству, когда со стороны кажется, что преступление словно и не совершалось, и вскоре никто не может вспомнить даже имя жертвы. Миксмастера работали подобно реставраторам, которые восстанавливают произведение искусства, стараясь ничем не выдать своего вмешательства. Они владели искусством трансформации — могучей силой, которой до поры позволяли проявляться очень ограниченно. Общество не могло вынести одновременного воздействия двух столь могущественных систем, и на каком-то уровне Миксмастера это понимали. Дай они волю своему искусству — и общество Йеллоустоуна разлетелось бы на куски.

Но потом началась эпидемия. Общество разлетелось на куски. Но, подобно осколкам астероида, взорванного слишком слабым снарядом, эти осколки не набрали достаточной скорости, чтобы разлететься окончательно, — и вскоре вновь с треском и грохотом соединились в единое целое. Общество Йеллоустоуна возродилось — раздробленное, слепленное кое-как из фрагментов и готовое рассыпаться в любой миг. Общество, в котором идеология кибернетики была немедленно приравнена к ереси.

Миксмастера с легкостью заполнили вакуум, образовавшийся во властных структурах.

— У них есть салоны по всему Кэнопи, — сказала Шантерель. — Места, где вы можете получить информацию о вашей наследственности, проверить родственные связи или просмотреть брошюры по генетической модификации, — она указала на свои глаза. — Все, недостающее при рождении или незапланированное природой. Даже транспланты — редкая услуга. Но возможно, вам захочется приобрести нечто из ряда вон выходящее, вроде крыльев Пегаса. Скорее, их работа относится к генной инженерии. Миксмастера перестроят вашу ДНК таким образом, чтобы изменения произошли естественным образом — или максимально близким к естественному.

— Как это происходит?

— Процесс несложен. Когда вы порежетесь, чем зарастает ваша рана — мехом или чешуей? Разумеется, ни тем, ни другим. В вашей ДНК записана информация об архитектуре вашего тела. Миксмастера всего лишь избирательно редактируют эту запись — и ваше тело начинает «ремонт» изношенных или раненых участков, но по измененной «схеме». В итоге у вас вырастает нечто, не присутствующее изначально в вашем фенотипе, — Шантерель выдержала паузу. — Повторяю, салоны Миксмастеров находятся в Кэнопи повсюду. Там они занимаются своим ремеслом. Если вас беспокоят глаза, мы можем посетить салон.

— А при чем тут мои глаза?

— Вам не кажется, что с ними что-то не так?

— Не знаю, — произнес я, стараясь не казаться раздраженным. — Но, возможно, вы правы. Миксмастера могут мне кое-что рассказать. Я могу рассчитывать на конфиденциальность?

— Не в меньшей степени, чем любой местный житель.

— Замечательно. Это весьма обнадеживает.

Ближайший салон представлял собой павильон с голографической витриной — вроде тех, что мы видели по дороге к бассейну с рыбками кой. Внутри было еще теснее, чем в палатке мадам Доминики. Служащий был затянут в очень строгий пепельно-серый китель, на рукаве пониже плеча одиноко красовалась эмблема Миксмастеров — «кошачья колыбель» с ДНК в простертых ладонях. Служащий сидел перед левитирующей консолью в форме бумеранга, над которой вращались, пульсируя, всевозможные молекулярные модели, яркие, разноцветные, точно детские игрушки. Обтянутые перчатками руки Миксмастера порхали среди них, создавая

сложнейшие каскады расщеплений и рекомбинаций. Не сомневаюсь, что он заметил нас, едва мы вошли в павильон, но не подал виду и продолжал свои манипуляции еще минуту-другую, прежде чем соизволил обратить на нас внимание.

— Чем могу быть полезен?

Шантерель взяла инициативу на себя.

— Мой друг хочет, чтобы вы осмотрели его глаза.

— Вот как?

Миксмастер отодвинул консоль и извлек из кармана окуляр, придвинулся ко мне и наморщил нос, словно от меня дурно пахло. Сощурился, он исследовал мои глаза — сначала один, потом другой. Каждый раз огромная линза, казалось, заполняла собой всю комнату.

— Так что с ними случилось? — осведомился он устало.

По дороге в павильон мы отрепетировали легенду.

— Я сделал глупость, — сказал я. — Захотел сделать себе глаза как у пантеры, но не мог позволить себе оплатить услуги Миксмастеров. Находясь на орбите, я...

— Что вы делали на орбите, если не можете позволить себе наши услуги?

— Разумеется, проходил сканирование. Это стоит недешево, но если работаешь с хорошим посредником, который готов за тебя поручиться...

Невразумительное хмыканье положило конец расспросам такого рода. Миксмастера выступали против идеологии нейронного сканирования, утверждая, что душу можно обслуживать лишь биологически, но не удерживая ее в плену у машины.

Служащий покачал головой так, словно я нарушил торжественное обещание.

— Похоже, вы действительно сделали глупость. Но это и так понятно. Что случилось дальше?

— На Карусели были Черные Генетики — мясники, которые предлагают те же услуги, что и вы, но за смехотворную цену. Поскольку операция не подразумевает масштабной анатомической реконструкции, я решил рискнуть.

— А теперь, как и следовало ожидать, вы приползли к нам.

В ответ я лишь покорнейше улыбнулся, в качестве утешения представив себе несколько любопытных и весьма мучительных способов, которыми не моргнув глазом прикончил бы этого нахала на месте.

— Прошло несколько недель с тех пор, как я вернулся с Карусели, — продолжал я. — И с моими глазами ничего не случилось. Они выглядят как

прежде. Мне просто хочется узнать, не выкинул ли я свои деньги без толку.

— Этот обойдется вам недешево. Мне очень хотелось бы взять с вас сверх тарифа в уплату за... глупость. За то, что вы обратились к этим мясникам.

Его тон неуволимо изменился.

— Однако вы, похоже, усвоили урок. Теперь все зависит от того, найду ли я какие-либо изменения.

То, что последовало дальше, не доставило мне особенного удовольствия. Ложе, на которое мне пришлось лечь, было устроено не в пример сложнее, чем кушетка Доминики и, в отличие от нее, действительно было стерильным. Затем Миксмастер зафиксировал мою голову в каркасе с мягкой внутренней обивкой. Над моими глазами опустилось устройство, из которого вытянулся щуп толщиной с волос, подрагивающий на манер кошачьего уса. Датчик пропутешествовал по моим глазам, исследуя их лихорадочными импульсами голубого лазерного луча. Неожиданно щуп «нырнул» в мой глаз, ухватил частицу ткани, отдернулся, переместился на другой участок и снова погрузился в глаз. Быстрое прикосновение, которое напоминало жгучий укол холода, повторялось снова и снова — каждый раз щуп входил на иную глубину.

Я даже не успевал моргать. Вскоре машина закончила работу и занялась моим вторым глазом.

— Достаточно, — объявил Миксмастер. — Этого хватит, чтобы мне стало понятно, что с вами сделали эти... мясники, — и почему не заметен результат. Говорите, прошло несколько недель?

Я кивнул.

— Возможно, результат еще не успел проявиться, — он как будто рассуждал вслух, не обращая на нас внимания. — Иногда Генетики пользуются довольно хитроумными методами — но только теми, что были украдены у нас. Разумеется, они нарушают все правила безопасности и пользуются устаревшими циклами.

Он снова уселся в кресло и опустил консоль. Дисплей мгновенно представил непосильный моему разуму объем информации: серии гистограмм, сложные таблицы, заполненные «бегущими» буквами и цифрами.

Потом в воздухе возник глаз диаметром около полуметра, напоминающий набросок из тетради да Винчи. Миксмастер вновь натянул перчатки, сделал несколько пассов над консолью, и от глазного яблока отделились наружные оболочки, обнажая более глубокие слои.

— Изменения присутствуют, — заключил он через несколько минут,

задумчиво помассировав подбородок и запустив руку в недра гигантского глаза. — Я бы даже сказал — тотальные генетические изменения. И ничего похожего на нашу сигнатуру.

— Сигнатуру?

— Информация об авторском праве, закодированная в дополнительных комплиментарных основаниях нуклеиновых кислот. Не похоже, что «мясники» использовали наши цепочки, — иначе сохранились бы остаточные следы проекта Миксмастера, — он многозначительно покачал головой. — Нет, эта работа выполнялась не на Йеллоустоуне. Весьма своеобразный стиль, но...

Я поднялся с кушетки, протирая слезящиеся глаза.

— Продолжайте.

— Я уверен: не то, что вы заказывали.

Само собой — поскольку я вообще никому ничего не заказывал. Но я честно изобразил удивление и возмущение, как и полагается человеку, который обнаружил, что его одурачили. Можно не сомневаться, Миксмастеру это понравилось.

— Мне известно, какого рода изменения необходимы для мутации типа «кошачий зрачок». Я не вижу в соответствующих участках хромосом ничего похожего. Зато изменения есть в другом месте — там, куда их не следовало вносить.

— Нельзя ли поточнее?

— Тот факт, что циклы в большинстве цепей фрагментарны, не меняет ситуацию. Обычно конкретные изменения в ДНК производятся с помощью ретровируса, созданного нами — или «мясниками», — который программирует мутации, создающие желаемые изменения. В вашем случае вирус, похоже, скопировал себя не совсем точно. В тех участках, где изменения произошли полностью, присутствует некоторое количество нетронутых спиралей. Это перечеркивает всю работу. Возможно, именно поэтому изменения повлияли на общую структуру ваших глаз. Если это действительно работа мясников, значит, они применили абсолютно неизвестную нам технологию.

— Это плохо?

— По крайней мере, технологии, украденные у нас, почти наверняка дают эффект. И никогда не вызывают опасных последствий, — он пожал плечами. — Боюсь, в данном случае такой гарантии нет. Полагаю, вы уже жалеете о своем визите. Но для сожалений слишком поздно.

— Благодарю за сочувствие. Однако мне кажется, вы можете не только обнаружить эти изменения, но и ликвидировать их.

— Это гораздо сложнее, чем внести их изначально. Но за определенную сумму — вполне осуществимо.

— Вы меня не удивили.

— Желаете воспользоваться нашими услугами?

Я шагнул к двери, пропустив вперед Шантерель.

— Поверьте, я вам обязательно об этом сообщу.

Интересно, как, по мнению моей спутницы, я должен был вести себя после исследования. Может быть, она надеялась, что расспросы Миксмастера оживят мою память, и я внезапно вспомню, что случилось с моими глазами? Честно говоря, я тоже на это надеялся. Просто я забыл об этом на время — еще один побочный эффект «амнезии оживления».

Но все оставалось по-прежнему. Мне становилось не по себе. С моими глазами действительно творится что-то скверное. Теперь уже невозможно отрицать, что они светятся в темноте. И если бы только это! По прибытии в Город Бездны у меня появилась необычная способность, которой я не замечал у себя раньше: я видел в темноте, словно на мне был инфракрасный окуляр или контактные линзы. Впервые эта способность проявилась — впрочем, тогда я не придавал этому значения — в разрушенном здании, когда я увидел лестницу, ведущую наверх, где меня ждало спасение, — как выяснилось, в лице Зебры. Я увидел все довольно ясно, хотя освещение было недостаточным. Правда, в тот момент мне хватало других проблем. Позже, когда фуникулер рухнул на кухню Лорана, ситуация повторилась. Я выполз из-под обломков машины и увидел человека-свинью и его жену задолго до того, как они заметили меня, — хотя, в отличие от них, я не пользовался приборами ночного видения. Я только что схватил хорошую дозу адреналина и снова не обратил внимания на этот момент — правда, на этот раз у меня в подкорке кое-что задержалось.

Теперь выясняется, что в клетках моих глаз происходят изменения на генетическом уровне, так что все это — вовсе не плод воображения. Возможно, цикл изменений уже завершен, что бы там не говорил Миксмастер, — кажется, он назвал это степенью генетической фрагментации?

— Что бы он ни сказал, — нарушила молчание Шантерель, — вам хотелось услышать нечто другое, верно?

— Он мне ничего не сказал. Вы были рядом и все слышали.

— Мне показалось, что его слова имели для вас какой-то смысл.

— Хотелось бы, но надежда не оправдалась.

Мы неторопливо вернулись на открытую площадку с чайным

домиком. В голове у меня была полная неразбериха. Кто-то решил провести генетический эксперимент и избрал меня в качестве подопытного кролика. Из моих глаз сделали что-то... нечеловеческое. А может быть, так действует индоктринальный вирус? Не исключено. Но какое отношение может иметь Небесный к способности видеть в темноте? Насколько я помню, Небесный терпеть не мог темноты. Он боялся ее больше всего на свете.

И уж тем более не мог в ней видеть.

Ничего не происходило, пока я не прибыл на Йеллоустоун. Может быть, мадам Доминика не ограничилась тем, что удалила у меня имплантат? Я был в сознании, но порядком дезориентирован, так что она вполне могла сотворить что угодно. Нет, едва ли. «Ночное зрение» появилось у меня еще раньше.

А как насчет Уэверли?

Учитывая временной фактор — вполне возможно. Тогда, в Кэнопи, когда Уэверли вживлял мне имплантат, я был без сознания. В таком случае, первые генетические изменения начали проявляться уже через несколько часов после операции. По-видимому, они затронули относительно небольшую часть клеток — хотя обычно касались органа в целом или даже целых систем организма. Да, конечно. Внезапно я понял, что это предположение отнюдь не лишено основания. Уэверли работал на обе стороны. Он предупредил Зебру насчет меня, честно дав мне шанс уцелеть во время Игры. Так почему бы ему не снабдить меня еще одним преимуществом — способностью видеть в темноте?

Вполне возможно. В этом было что-то утешительное.

Но я не настолько легковерен.

— Вы хотели взглянуть на Мафусаила, — заметила Шантерель, указывая на огромный резервуар, заключенный в металлическую клетку, который привлек мое внимание. — Ваше желание может исполниться.

— Мафусаил?

— Вы сами увидите.

Я протиснулся сквозь толпу, окружающую резервуар... На самом деле, «протискиваться» не пришлось. Люди первыми уступали мне дорогу, стараясь не встречаться со мной взглядом — с той же презрительной гримасой, которую я заметил на лице Миксмастера. Мило, нечего сказать.

— Это Мафусаил, — проговорила Шантерель, присоединяясь ко мне у зеленовато-матового стекла. — Очень большая и очень старая рыба. Можно сказать, самая старая.

— Сколько ему лет?

— Никто этого не знает. Думаю, он родился еще до прибытия американо. Это означает, что Мафусаил — один из старейших организмов на планете, за исключением некоторых культур бактерий.

Огромный, почти бесформенный и чудовищно старый кой, заполняющий собой резервуар, напоминал греющегося на солнышке ламантина. Он пялился на нас одним глазом, похожим на плоскую тарелку, в котором не отражалось ни малейшей мысли, — мы словно смотрели в чуть замутненное зеркало. Глазное яблоко было усеяно беловатыми катарактами, похожими на архипелаг в свинцово-сером море. Раздутую тушу покрывала блеклая, почти бесцветная чешуя, не скрывающая омерзительных выпуклостей и впадин на больной плоти Мафусаила. Жабры открывались и закрывались так медленно, что казалось, будто жизненные силы теплятся в нем лишь благодаря подводным течениям в резервуаре.

— Почему Мафусаил не умер, как другие кой?

— Если не ошибаюсь, ему делали пересадку сердца — по-моему, даже не один раз. Не исключено, что ему вживили искусственное сердце. Так или иначе, оно все равно почти бездействует. Я слышала, что вода в бассейне очень холодная, почти на грани замерзания. Ему вводят какое-то вещество, чтобы кровь не застывала. Обмен веществ почти не происходит... — Шантерель прикоснулась к стеклу, оставив на обледеневшей поверхности отпечатки пальцев. — Впрочем, это не мешает ему быть чем-то вроде объекта поклонения. Особенно для стариков. Они верят, что общение с ним — хотя бы прикосновение к стеклу — обеспечивает им долголетие.

— А вы, Шантерель?

Она кивнула.

— Когда-то я тоже в это верила, Таннер. Но это было лишь переходной стадией. Я выросла из этого.

Я снова поглядел в зеркальный глаз рыбины. Чего только не довелось повидать за все эти годы Мафусаилу. Интересно, отложилось ли хоть что-то в его памяти — если эта раздутая тварь еще не впала в старческий маразм. Где-то я читал, что у золотых рыбок исключительно короткая память. Они не способны помнить что-либо дольше трех-четырёх секунд.

Но мне уже надоели эти глаза — даже пустые и бессмысленные глаза почтенной и почти бессмертной рыбы кой. Мой взгляд скользнул вниз, по изгибу провисшей челюсти Мафусаила — туда, где в бутылочно-зеленом колеблющемся полумраке воды маячили лица людей, толпящихся по ту сторону стеклянного резервуара.

И я увидел Рейвича.

Это было невозможно, но он стоял почти напротив меня с противоположной стороны резервуара — он и никто иной. Его лицо было безмятежно спокойным, словно он медитировал на висящее между нами древнее существо. В этот момент Мафусаил шевельнул плавником — шевельнул до бесконечности лениво, — и вода колыхнулась, смазывая картину. С минуту я пытался себя обмануть. Сейчас рябь успокоится, и я увижу физиономию какого-нибудь местного бездельника, которому в силу сходности генотипа досталась та же стерильная аристократическая красота.

Но вода успокоилась, и я снова увидел Рейвича.

А он меня — нет. Хотя мы стояли друг против друга, его взгляд еще не встретился с моим. Отведя глаза и продолжая наблюдать за ним боковым зрением, я сунул руку в карман, где должен был лежать мой пистолет с ледяными пулями, и едва не вздрогнул, обнаружив, что он все еще на месте.

Я отщелкнул рычажок предохранителя.

Рейвич стоял на месте, никак не реагируя.

Он был совсем близко. Что бы я не говорил Шантерель, но мне ничего не стоит угостить его пулей, не вынимая пистолета из сюртука. Если я выпущу в него три заряда, то смогу точно определить поправку на искажение, которую создавали два листа бронированного стекла и толща воды, и попаду наверняка. Но обладают ли ледяные пули достаточной начальной скоростью, чтобы пробить эту преграду? Трудно сказать. Полагаю, задача носила чисто теоретический характер. Проблема состояла в другом. Если я стрелял таким под углом, с какого мог попасть в Рейвича, на пути пули возникало дополнительное препятствие.

Я могу просто-напросто убить Мафусаила...

...или не могу?

Разумеется, могу. Проблема лишь в том, чтобы нажать на курок и вывести гигантскую тварь из того примитивнейшего состояния, в котором она в данный момент находится. Слишком просто, чтобы считать этот поступок злодеянием. Не более гнусное дело, чем, скажем, уничтожение некоего знаменитого произведения искусства.

Слепая серебряная чаша глаза Мафусаила снова приковала мой взгляд. Я ничего не мог поделаться и невольно чертыхнулся.

— В чем дело? — Шантерель почти загородила мне обзор, едва я сделал шаг от стеклянной стены. Нас вновь окружала толпа, и люди вытягивали шеи, чтобы разглядеть легендарную рыбу.

— Я кое-кого увидел. На той стороне бассейна.

Пистолет уже показался из моего кармана. Сейчас любой зевака мог разгадать мое намерение.

— Таннер, вы с ума сошли?

— Весьма вероятно, и не в одном смысле, — ответил я. — Но боюсь, что это ничего не меняет. Я вполне доволен моей нынешней бредовой системой.

С этими словами я спокойно зашагал вокруг резервуара, ощущая, как металл пистолета влажнеет от пота, покрывающего мою ладонь. Сейчас я небрежным жестом извлеку оружие из кармана. Будем надеяться, что сторонний наблюдатель примет его за портсигар. Но это так и осталось намерением, потому что произошло нечто странное.

Я почти обошел резервуар.

Рейвича не было.

Глава 28

— Вы собирались кого-то убить, — сказала Шантерель, когда мы возвращались домой. Ее фуникулер, раскачиваясь, пробирався сквозь мозговую коралловую поросль Кэнопи, усеянную искрами фонарей, далеко внизу под которой темнел Малч, лишь кое-где отмеченный россыпью очагов.

— Простите, что?

— Вы почти вынули из кармана пистолет, как будто хотели им воспользоваться. Не для угрозы — как это было, когда вы показывали его мне, — а так, словно готовы были не моргнув глазом нажать на курок... В общем, подойти к кому-то, пустить в него пулю и уйти прочь.

— Кажется, лгать не имеет смысла?

— Вам придется быть откровенным, Таннер. И кое-что мне рассказать. Кажется, вы считаете, что правда мне не понравится, — она слишком усложнит дело. Поверьте мне — ситуация и без того сложна. Вы готовы чуть-чуть приподнять маску? Или будем продолжать игры?

Недавний инцидент все еще не выходил у меня из головы. Я видел лицо Арджента Рейвича. Он стоял всего в нескольких метрах от меня, в людном месте.

Неужели все это время он меня видел? Неужели он оказался гораздо умнее, чем я предполагал? Он узнал меня и сбежал, пока я обходил резервуар с Мафусаилом. Я был слишком сосредоточен на мысли о стоящем у стекла Рейвике, чтобы обратить внимание на недавно ушедших людей. Да, это вполне возможно. Но если допустить, что Рейвича заранее предупредили о том, что я здесь, возникает ряд куда более неприятных вопросов. Если он увидел меня, то зачем остался? И почему так легко позволил себя увидеть? Ведь в тот момент я даже не разыскивал его. Я просто осваивался в новой обстановке перед тем, как раскинуть свою ловчую сеть.

И еще. Прокручивая в голове этот эпизод — несколько секунд, которые прошли с того момента, когда я увидел Рейвича, до его исчезновения, — я вспомнил нечто очень важное. Тогда я кое-что заметил — вернее, кое-кого. Но отмахнулся от этого ощущения. Я был слишком сосредоточен на том, чтобы сделать выстрел.

Я увидел за стеклом еще одно лицо — еще одно знакомое мне лицо, совсем рядом с Рейвичем.

Она изменила раскраску, но строение лица так быстро изменить невозможно. Я очень хорошо знал это лицо.

Зебра.

— Я еще жду, — проговорила Шантерель. — Но ваша мрачная мина начинает меня раздражать. Как и ваше многозначительное молчание.

— Извините. Дело в том, что... — я непроизвольно улыбнулся. — Мне подумалось, что вы можете проникнуться ко мне излишней симпатией.

— Не искушайте судьбу, Таннер. Всего пару часов назад вы целились в меня из пистолета. Как правило, подобные знакомства заканчиваются печально.

— Согласен — обычно так и бывает. Но вы тоже целились в меня. Причем калибр вашего оружия...

— Хмм... Возможно.

Похоже, я ее не убедил.

— Но если мы хотим двигаться дальше, потрудитесь приоткрыть завесу, которая скрывает ваше темное и таинственное прошлое. Даже если мне придется услышать нечто, о чем вы предпочли бы умолчать.

— Таких моментов предостаточно, поверьте.

— Так расскажите. Прежде, чем мы доберемся до дома, я хочу узнать, почему тот человек должен был умереть. На вашем месте я бы постаралась доказать, что он действительно заслуживает смерти, кем бы он ни был. Иначе вы потеряете мое уважение.

Машина дергалась и раскачивалась, но ее движение уже не вызывало позывов к тошноте.

— Он действительно заслуживает смерти, — сказал я. — Не могу сказать, что это дурной человек. На его месте я поступил бы точно так же.

Только сделал бы это чисто, добавил я мысленно. И никого бы не оставил в живых.

— Слабое начало, Таннер. Но продолжайте, пожалуйста.

Пожалуй, стоило рассказать Шантерель «стерильную» версию моей истории, но я вспомнил, что такой версии просто не было. Поэтому я рассказал ей о моей солдатской службе и о том, как я попал к Кагуэлле. Я сказал, что Кагуэлла был властным и жестоким, но не злым. Ему не были чужды понятия доверия и преданности. Его трудно было не уважать, и трудно было не стремиться заслужить его уважение. Наверное, мои отношения с Кагуэлкой сложились по очень простой причине. Он был человеком, который жаждал совершенства. Совершенным должно было быть все, что его окружало, — вещи, которые он коллекционировал, женщины, с которыми он спал, — вот почему он выбрал Гитту. И люди,

которые на него работали. Я считал себя отличным солдатом, отличным телохранителем, знатоком оружия, убийцей — я подходил под любое из этих определений. Но лишь Кагуэлла дал мне возможность оценить свои качества, предоставив в качестве эталона совершенство.

— Преступник, но не чудовище? — уточнила Шантерель. — И этого вам хватило, чтобы на него работать?

— Ну, еще он неплохо платил.

— Продажный ублюдок.

— Это не все. Он ценил мой опыт и не хотел мной рисковать, поэтому не поручал мне особо опасных операций. Скорее, я выполнял роль консультанта. Мне почти не приходилось носить оружие. Для этого у нас были настоящие телохранители — более молодые, более тренированные и тупые копии меня самого.

— А при чем здесь человек, которого вы увидели в Эшер-Хайтс?

— Его зовут Арджент Рейвич, — сказал я. — Раньше он жил на Украине Неба. Его семья пользовалась там большим почетом.

— В Кэнопи тоже.

— Не удивительно. Если здесь у Рейвича есть связи, это объясняет, каким образом ему удалось так быстро освоиться в Кэнопи, пока меня мариновали в Малче.

— Вы забегаете вперед. Что привело сюда Рейвича — ну, и вас тоже?

Я рассказал, как оружие Кагуэллы попало не по назначению, как из-за этого погибла семья Рейвича. И как Рейвич, поклявшись отомстить, проследил путь оружия и вышел на моего хозяина.

— Вам не кажется, что он предстает в весьма выгодном свете?

— Не спорю. Но на его месте я бы никого не оставил в живых. Это была его единственная ошибка, которую я не могу ему простить.

— Не можете простить ему, что он оставил вас в живых?

— Это не было актом милосердия, Шантерель. Совсем наоборот. Этот негодяй хотел заставить меня страдать из-за того, что я подвел Кагуэллу.

— Извините, я не сильна в логических построениях.

— Он убил жену Кагуэллы — женщину, которую я обязан был охранять. Но оставил в живых Кагуэллу, Дитерлинга и меня. Дитерлингу просто повезло — его приняли за мертвого. Рейвич знал, что делает. Он хотел, чтобы Кагуэлла наказал меня за то, что я позволил Гитте умереть.

— И он это сделал?

— Сделал что?

Казалось, что она вот-вот потеряет терпение.

— Что с вами сделал Кагуэлла?

Простой вопрос, предполагающий простой ответ. Нет, не совсем — поскольку Кагуэлла вскоре умер. Раны доконали его, хотя поначалу казалось, что они не представляют угрозы для жизни.

Почему же мне так трудно ответить? Почему язык онемел, а в голову пришло нечто другое? Нечто, заставившее меня усомниться в том, что Кагуэлла действительно мертв?

— Дело до этого не дошло, — сказал я наконец. — Но мне пришлось жить с этим позором. Полагаю, это было вариантом наказания.

— Однако Рейвич мог не ожидать такого исхода.

Мы пробирались через район Кэнопи, напоминавший увеличенный снимок карту альвеол, — бесконечные разветвляющиеся шарики, пересеченные «мостиками» темных волокон, которые могли быть свернувшейся кровью.

— А разве могло быть иначе? — спросил я.

— Возможно, Рейвич пощадил вас, потому что не считал своим врагом. Вы — всего лишь наемник. Он знал это, а отомстить хотел не вам, а Кагуэлле.

— Замечательная мысль.

— И, скорее всего, верная. Вам не приходило в голову, что убивать этого человека не следует? И что ему вы, быть может, обязаны жизнью?

Разговор начинал меня утомлять.

— Нет, не приходило, — по той простой причине, что это не имеет никакого значения. Мне плевать, что думал обо мне Рейвич и почему решил подарить мне жизнь — из мести или из милосердия. Это абсолютно не важно. Важно то, что он убил Гитту, и что я поклялся Кагуэлле отомстить за ее смерть.

— Отомстить за ее смерть, — Шантерель невесело улыбнулась. — Вам не кажется, что это отдает средневековьем? Верность вассала сюзерену и все такое. Клятвы чести, кровная месть... Не подскажите, какой сейчас год, Таннер?

— Только не притворяйтесь, что вы хоть что-то в этом понимаете, Шантерель.

Она зло тряхнула головой.

— В таком случае я бы усомнилась в состоянии своего рассудка. Но все же, на кой черт вы прилетели сюда? Чтобы исполнить клятву? Ради этого идиотского принципа — кровь за кровь?

— Вы смеетесь. Но я не вижу в этом ничего смешного.

— Согласна, Таннер. Это весьма печально.

— Для вас?

— Для любого, кто способен взглянуть на ситуацию со стороны. Вам известно, сколько времени пройдет, пока вы вернетесь к себе на Окраину Неба?

— Не принимайте меня за ребенка, Шантерель.

— Ответьте на мой вопрос, черт побери!

Я вздохнул. Похоже, я слишком расслабился, и ситуация выходит из-под контроля. Или ее дружелюбие — еще одна аномалия, отклонение от естественного положения вещей?

— Минимум тридцать лет, — ответил я небрежно, как будто речь шла о паре недель. — И, заметьте, я прекрасно понимаю, что а это время многое может измениться. Но главное не изменится. Главное уже произошло, и этого ничто не изменит. Гитта погибла. Дитерлинг погиб. Мирабель погиб.

— Что?

— Кагуэлла погиб.

— Нет, вы сказали «Мирабель».

Я следил, как снаружи мимо нас проплывали здания. Голова гудела. Черт побери, что со мной происходит, если я начинаю такое нести? Подобную оговорку не спишешь на усталость. Треклятый вирус... Похоже, он уже не ограничивается тем, что впихивает мне в голову картинки из жизни Небесного — не только во сне, но и в часы бодрствования. Он начинает вмешиваться в важнейшие предпосылки, из которых складывается мое восприятие собственной личности. Тем не менее... нет, это еще полбеда. Нищенствующие сказали, что их терапия довольно скоро выгонит вирус, но сцены из жизни Небесного возникают у меня в голове все с большей настойчивостью. А главное — зачем поклонникам Хаусманна впутывать в мое прошлое события, которые не имеют никакого отношения к Небесному? Почему им нужно, чтобы я считал себя Мирабелем?

Мирабелем?! Кагуэлкой!

В памяти против воли всплыл сон о белой камере, в котором я разглядывал человека без ступни. Отогнав видение, я попытался подхватить ускользающую нить разговора.

— Я просто хотел сказать, что...

— Продолжайте.

— ...я не рассчитываю по возвращении найти то, что оставил. Но хуже не будет. Людей, которые что-то для меня значили, давно нет в живых.

Похоже, вирус сводит меня с ума.

Я уже начинаю отождествлять себя с Небесным, а Таннер Мирабель постепенно становится... кем? Неким второстепенным персонажем,

который не имеет ко мне никакого отношения?

Это напоминало партию в шахматы, которая приснилась мне у Зебры. Казалось, что я то выигрываю, то проигрываю.

Но я полностью контролировал ход игры.

Должно быть, это только начало. Моя оговорка означает, что процесс вышел за пределы моих снов, заодно с вирусом Хаусманна.

Стараясь не показать тревоги, я снова вернулся к разговору.

— Так вот: я не рассчитываю по возвращении найти то, что оставил. Но хуже не будет. Людей, которые что-то для меня значили, уже нет в живых... они погибли до того, как я покинул планету.

— Пожалуй, вам просто надо получить удовлетворение, — сказала она. — Как в экспериментах по древней истории. Дворянин бросает недругу перчатку и требует сатисфакции. Очень похоже на то, что вы сейчас делаете. Поначалу это казалось мне абсурдным. Даже смешным, хотя такое реально происходило в прошлом. Но я ошибалась. Это не история. Это живет и процветает, возродившись в Таннере Мирабеле.

Она снова опустила на глаза свою кошачью маску — жест, призванный привлечь внимание к ее усмешке, к ее губам, которые мне внезапно захотелось поцеловать. Это был лишь миг, который — если он вообще был — прошел навсегда.

— ...Таннер требует удовлетворения. И готов на все, чтобы получить его. Его даже не волнует, что в конечном итоге он может оказаться в дураках.

— Прошу не оскорблять меня, Шантерель. Я верен своим убеждениям.

— Это не называется «убеждениями», напыщенный болван. Это всего лишь ваша идиотская мужская гордость.

Ее глаза сузились, превратившись в щелки, в голосе появились мстительные нотки. Весьма привлекательные, тихонько заметил из своего укромного уголка некий нейтральный наблюдатель, который все это время слушал наш спор.

— Объясните мне только одно, Таннер. Одну маленькую деталь, которую вы так и не уточнили.

— Я к вашим услугам, маленькая богачка.

— Как остроумно. Не бросайтесь словами, Таннер. Все эти выпады, уколы... Возможно, они хороши для дуэли на шпагах, но не для дискуссии. У вас острый язык — я бы сказала, обоюдоострый. Боюсь, скоро это станет невыносимо для нас обоих.

— Вы хотели задать мне вопрос.

— Да, о вашем хозяине — Кагуэлле. Он узнал, что Рейвич

направляется на юг, в сторону — как вы его назвали? — Дома Рептилий, и решил на него поохотиться.

— Продолжайте, — сердито бросил я.

— Так почему Кагуэлла не захотел сам довести дело до конца? Рейвич убил Гитту, то есть второй раз бросил ему вызов. И дал еще один повод требовать сатисфакции.

— Не тяните.

— Мне любопытно, почему я говорю с вами, а не с Кагуэлкой. Почему Кагуэлла сам не полетел сюда?

Непростой вопрос. Кагуэлла был мужественным человеком, но ему не приходилось быть солдатом. У него просто не было определенных навыков, которые я приобрел черт знает когда, — и ему понадобилось бы полжизни, чтобы их приобрести. Он разбирался в оружии, но не в том, когда его надо применять. Его познания в стратегии и тактике носили сугубо теоретический характер. Он хорошо усвоил правила игры и даже кое-какие ее тонкости. Но его никогда не швыряло в грязь ударной волной, ему не приходилось видеть в стороне от себя кусок собственного тела, похожий на окровавленную медузу. Не факт, что после подобного ты станешь сильнее, но прежним уже не будешь. Впрочем, разве Кагуэлле это мешало? По большому счету, это была не война — то, во что мы ввязались. Да и я тоже оказался не на высоте... Это соображение отрезвляло, но мне было трудно полностью отказаться от мысли, что за это время Кагуэлла тоже мог бы добиться успеха.

И все же, почему сюда прилетел я, а не он?

— Ему было бы трудно покинуть планету, — сказал я. — Он считался военным преступником. И был ограничен в передвижениях.

— Он мог что-нибудь придумать, — заметила Шантерель.

Беда в том, что она, пожалуй, была права. И мне хотелось размышлять над этим меньше всего на свете.

— Приятно было познакомиться, Таннер.

— Шантерель, не...

Когда дверца разделила нас непреодолимой преградой, она качнула головой — ее скрытое под кошачьей маской лицо по-прежнему казалось мне бесстрастным. Фуникулер взмыл вверх, двигаясь шумными толчками. Кабели, за которые цеплялись его рычаги, мелодично позванивали — то натягиваясь, то провисая.

По крайней мере, она не поддавалась искушению и не высадила меня в Малче.

Вместо этого она высадила меня в незнакомом районе Кэнопи.

Впрочем, чего я ожидал? Наверное, меня подвела таившаяся в закоулках мозга мысль о том, что мы могли бы встретить следующее утро в одной постели. Подобное продолжение нашего знакомства, которое началось с похищения под дулом пистолета и обмена угрозами, трудно было бы назвать неожиданным. Она была достаточно красива — возможно, не столь экзотической красотой, как Зебра. Возможно, не столь самоуверенна — но подобное неизбежно приводит к тому, что во мне просыпается покровитель. При этом она не побоялась посмеяться над моей пресловутой мужской гордостью — и была права. Ну и что с того? Шантерель мне понравилась. Правда, оправдывая себя за эту слабость, я не мог не отметить ее иррациональности.

— Черт бы тебя побрал, Шантерель, — не слишком уверенно произнес я.

Она оставила меня на посадочной площадке вроде той, что находилась снаружи Эшер-Хайтс, но не столь людной, — машина Шантерель была здесь единственной, а теперь исчезла и она. Мелкий морозящий дождь спускался влажной пеленой, словно пар из пасти гигантского дракона, парящего где-то в вышине над Кэнопи.

Я шагнул к выступающему карнизу, чувствуя, как вместе с дождем на меня снова снисходит Небесный.

Глава 29

Это был обычный обход спящих.

Небесный и Норквинко шли по одному из железнодорожных туннелей вдоль «хребта» корабля, грохоча башмаками по подвесному настилу пола. Время от времени мимо по рельсам с шумом проносилась цепочка автоматически управляющихся грузовых вагонеток. Эти составы доставляли запчасти и продовольствие небольшой группе техников, которые обитали в дальнем конце корабля, — они денно и ночью обхаживали двигатели с энтузиазмом идолопоклонников. Сейчас навстречу, мигая оранжевыми сигнальными огнями, двигался один из таких составов. Поезд почти заполнил собой туннель. Небесный и Норквинко шагнули в нишу и теперь ждали, пока вагонетки проползут мимо. При этом Небесный заметил, как его друг что-то спрятал в карман рубашки — кажется, листок бумаги, исписанный рядами чисел, часть из которых были зачеркнуты.

— Давай быстрее, — сказал Небесный. — Я хочу добраться до третьего узла раньше, чем придет следующий состав.

— Без проблем, — отозвался Норквинко. — Следующий пойдет не раньше, чем через... семнадцать минут.

Небесный поглядел на него с подозрением.

— Ты точно знаешь?

— Конечно, Небесный. Они же ходят по графику.

— Само собой. Мне просто непонятно, как ты умудряешься держать в голове все расписание.

После этого ни один из них не проронил ни слова, пока они не дошли до ближайшего узлового пункта. Здесь, вдали от главных жилых отсеков, стояла непривычная тишина, почти не нарушаемая шумом воздушных насосов и прочих систем жизнеобеспечения. Хотя мониторинговые устройства непрерывно контролировали состояние спящих, на это уходила лишь ничтожная часть энергии корабля. Системы охлаждения тоже не были слишком прожорливы: спящих намеренно разместили почти в открытом космосе. Они спали, даже не подозревая, что от абсолютного холода межзвездного вакуума их отделяет лишь несколько метров обшивки. Небесный и Норквинко были одеты в термокостюмы, при каждом выдохе из губ вырывались клубы белого пара. Небесный то и дело накидывал капюшон, чтобы согреться, а Норквинко даже ни разу не обнажил голову.

Они давно не общались. Их отношения почти прекратились после

смерти Бальказара. Все время и силы Небесного уходили на то, чтобы укрепить свой авторитет среди экипажа. С поста главы службы безопасности — третьего человека на корабле — он сделал еще один шаг вверх. Теперь лишь Рамирес стоял между ним и абсолютной властью на «Сантьяго». Несомненно, определенные проблемы создавала Констанца — правда, сейчас он перевел ее на незначительную должность в службе безопасности. Ни ей, ни кому-либо другому он не позволит сорвать свои планы. Сейчас положение капитана оказывалось весьма шатким. Корабли находились в состоянии холодной войны, а на борту царила атмосфера подозрительности, доходящей до паранойи. Любое неосторожное слово могло повлечь за собой самое беспощадное наказание. Достаточно будет одного скандала — тщательно спланированного скандала, — чтобы устранить Рамиреса, в то время как убийство может вызвать ненужные подозрения. Небесный уже начал действовать в этом направлении. Скандал, который уничтожит Рамиреса, одновременно обеспечит надежное прикрытие его собственным планам.

От узла Небесный и Норквинко прошли в модуль со спящими — один из шести, расположенных в этой точке «хребта». Каждый модуль содержал по десять капсул. Добраться сюда было непросто, поэтому за один день удавалось осмотреть лишь ничтожную часть момио. Но Небесный был вторым человеком на корабле и не мог себе позволить надолго оставлять спящих без внимания.

Впрочем, эта задача с каждым годом облегчалась. То один, то другой модуль выходил из строя. После этого на оживление момио не оставалось ни малейшей надежды. Небесный вел тщательный учет мертвых, отмечая сектора, в которых системы жизнеобеспечения могли быть неисправны. Несмотря на это, случаи гибели момио распределялись по всему «хребту» почти непредсказуемо. А что еще ожидать от оборудования, которое давным-давно отработало свой срок? На момент старта Флотилии оно считалось последним словом техники, но это были опытные образцы. С Земли приходили послания с инструкциями, которые позволяли значительно усовершенствовать криогенные установки. Рядом с новыми образцами эти капсулы показались бы египетскими саркофагами. Но ни один корабль Флотилии не воспользовался этими советами. Производить модернизацию действующих капсул было слишком рискованно.

Небесный и Норквинко проползли в первый модуль и вошли в одну из десяти капсул, расположенных по окружности. Немедленно восстановилась атмосфера, затеплились огоньки приборов, ожили дисплеи — однако в камере по-прежнему царил смертельный холод.

— Небесный... Этот мертв.

— Знаю.

До сих пор Норквинко не посещал спящих. Но на этот раз Небесный решил взять его с собой.

— Я отметил его еще в прошлый раз.

Аварийные лампочки на саркофаге пульсировали, словно в безумном ужасе — увы, напрасно. Стеклопанная крышка была по-прежнему герметично закрыта. Небесный наклонился поближе, чтобы убедиться в смерти спящего, — в конце концов, показаниям приборов не всегда можно доверять. Но вид мумифицированного тела не оставлял места для сомнений. Бросив взгляд на табличку с именем спящего, он сверился со списком и удовлетворенно кивнул. Ошибки не было.

Он покинул камеру, Норквинко вышел следом, открыл следующую...

Та же история. Еще один мертвый пассажир, и причина смерти та же — сбой в работе оборудования. В криогенной установке больше не было никакого смысла. Вряд ли в этом теле сохранилась хоть одна живая клетка.

— Кошмарные потери, — заметил Норквинко.

— Не знаю, — отозвался Небесный. — В определенном смысле их смерть нам на пользу. Знаешь, Норквинко, зачем я привел тебя сюда? Выслушай меня внимательно и запомни: ни одно слово, которое ты услышишь, не должно покинуть эти стены. Понял?

— А я еще думал, почему ты захотел снова со мной встретиться. Прошло несколько лет, Небесный...

— Конечно, — кивнул Небесный. — И многое изменилось. Но я не упускал тебя из виду. Я думал, где можно найти применение твоим талантам, и вижу, что ты справишься. Это касается и Гомеса, но с ним я уже переговорил.

— О чем речь, Небесный?

— Вообще-то, о двух вещах. Я начну с главного... но для начала — чисто технический вопрос. Что ты знаешь о модулях?

— Только самое основное — ни больше, ни меньше. Их девяносто шесть, они распределены по всему «хребту», в каждом находится по десять спящих.

— Правильно. И многие из эти спящих уже мертвы.

— К чему ты клонишь, Небесный?

— Это балласт. Причем не только погибшие момио, но и системы жизнеобеспечения, которые стали бесполезны. Подсчитай их общую массу. Какой процент она составит от массы корабля?

— Все равно, не понимаю.

Небесный вздохнул. Почему никто, кроме него, не способен понять такие очевидные вещи?

— Это в буквальном смысле слова мертвый груз. Сейчас, правда, он не слишком мешает. Но когда мы начнем сбрасывать скорость, она не даст нам затормозить достаточно быстро... Тебе разжевать? Мы хотим остановиться в пределах системы 61 Сигни-А. Чем больше наша масса, тем раньше нам придется начать торможение. Но если мы отсоединим модули, которые больше не нужны, мы сможем затормозить гораздо быстрее. Мы получим преимущество перед другими кораблями. Мы сможем достичь планеты на несколько месяцев раньше остальных. Значит, мы выберем лучшие посадочные площадки и начнем строить колонии.

Норквинко некоторое время размышлял.

— Непростая задача, Небесный. Существуют... хм-м... предохранительные устройства. Модули не рассчитаны на то, чтобы их отстыковывали до выхода на орбиту. До Конца Путешествия.

— Прекрасно понимаю. Поэтому я и обратился к тебе.

— А-а... теперь ясно.

— Предохранители снабжены электроникой. Значит, мы сможем вывести их из строя, это только вопрос времени. А времени у тебя предостаточно. Модули не придется отстыковывать до последнего момента перед торможением.

— А зачем ждать?

— А ты не понимаешь? Мы ведем войну, Норквинко. Необходим элемент неожиданности.

Небесный сурово посмотрел на бывшего приятеля. Если Норквинко нельзя будет доверять, его придется убить. Но нет. Эта задача должна показаться ему слишком увлекательной.

— Да, — произнес, наконец, Норквинко. — Я даже представляю, как можно вскрыть эти предохранители. Это сложно — крайне сложно, — но я справлюсь. Правда, на это действительно нужен не один год. Возможно, лет десять. Чтобы никто ни о чем не догадался, придется делать это под видом полугодовых генеральных проверок системы... единственная возможность покопаться в этой святой святых, не говоря уже о том, чтобы получить доступ...

Он уже загорелся и просчитывал варианты. Расчет оправдался.

— ...Но я не вхожу в команду, которая проводит проверки.

— Почему? Разве ты не достаточно умен?

— Говорят, я не уживаюсь в коллективе. Если бы они меня послушали, проверки занимали бы вдвое меньше времени.

— Действительно, почему бы и нет, — отозвался Небесный. — Проблема всех гениев, Норквинко. Их редко ценят.

Норквинко кивнул и расплылся в улыбке. Наивный! Он вообразил, что их отношения наконец перешли ту зыбкую границу, которая отделяет взаимовыгодное сотрудничество от искренней дружбы.

— Нет пророка в своем отечестве — кажется, так? Ты прав, Небесный.

— Знаю, — согласился Небесный. — Я всегда прав.

Он откинул плоскую крышку своего портативного компьютера и принялся просматривать данные, пока не нашел обобщенную схему расположения спящих. Она напоминала ненормально симметричный неоновый кактус со множеством веточек, увешанный красными и черными значками. Красные обозначали положение живых момио, черные — мертвых. Вот уже несколько лет Небесный отделял одних от других, чтобы собрать всех покойников в нескольких модулях. Это была сложная и кропотливая работа. Перемещать живых приходилось не размораживая. Саркофаги отцеплялись от модуля и следовали с вагонетками из одного конца «хребта» в другой, при этом криогенные системы запитывались от резервных аккумуляторов. Иногда они отказывали, и пассажир отправлялся в другой отсек.

Но все это — только часть его замысла. Придет время, и с помощью Норквинко он доведет его до конца.

Кстати, с Норквинко надо еще кое-что обсудить.

— Ты хотел еще что-то спросить, Небесный.

— Да. Помнишь, мы были мальчишками, Норквинко? Еще до смерти моего отца? Ты рассказывал нам с Гомесом одну очень интересную историю. О шестом корабле. Правда, ты называл его иначе.

Норквинко недоверчиво покосился на Небесного, словно обнаружил в его словах подвох.

— Ты имеешь в виду... м-м-м... «Калеуче»?

— Вот именно, — кивнул Небесный. — Кстати, напомни мне эту историю.

Норквинко повторил рассказ, который когда-то слышал Небесный, но добавил некоторые детали. Похоже, он не потерял интерес к этой легенде. Но под конец, поведав Небесному о дельфине, пилотирующем корабль-призрак, он сказал, что никакого шестого корабля не существует. «Калеуче» — это просто сказка, которая передается из уст в уста.

— Нет. Я тоже так думал, но знаю, что он существует. По крайней мере, существовал до последнего времени.

Небесный пристально смотрел на Норквинко, изучая впечатление,

которое произвела эта фраза.

— Мне рассказал об этом отец. Люди из службы безопасности всегда знали о его существовании. А сейчас узнали кое-что новое. «Калеуче» следует за нами на расстоянии половины световой секунды. По размерам и форме он напоминает «Сантьяго». Это корабль Флотилии, Норквинко.

— Почему ты говоришь об этом только сейчас, Небесный?

— Потому что до сих пор у меня не было возможности изменить ситуацию. Но теперь... она у меня есть. Я хочу отправиться туда, Норквинко. Мы устроим маленькую экспедицию. Но она должна быть абсолютно секретной. Стратегическая ценность этого корабля немислима. На нем должны быть запасы пищи. Запчасти. Машины. Лекарства. Все, без чего мы вынуждены обходиться десятки лет. Более того, на нем есть антивещество и, возможно, двигатели еще не вышли из строя. Вот для чего мне нужен Гомес. И ты. Не думаю, что на корабле кто-то выжил, но мы должны попасть на борт, запустить все системы. Но прежде всего — предохранители.

Норквинко заворуженно посмотрел на него.

— Я с этим справлюсь, Небесный.

— Хорошо. Я знал, что ты меня не подведешь.

Он сказал Норквинко, что экспедиция на корабль-призрак состоится, как только он сможет подготовить шаттл, — так, чтобы никто не догадался о его истинных намерениях. Для этого придется все тщательно продумать. Они будут отсутствовать несколько дней, и никто не должен будет этого заметить. Но игра стоит свеч. Корабль следует за ними — заманчивая цель. Он словно приглашает их пожить сокровищами на его борту. И только Небесный знает, что он существует.

— Ты сам знаешь, — пробормотал рядом голос Клоуна, — это преступление — упустить такую возможность.

Когда Небесный оставил меня в покое — как обычно, в реальности прошла лишь пара секунд, — я полез в карман за пистолетом. Это было чисто символическое действие — нечто вроде утверждения своей мужественности. Я пожал плечами. Следующий поступок был более рациональным — я направился к освещенному входу, чтобы покинуть площадку, где меня высадили из фуникулера.

Оказавшись внутри, я увидел зал, похожий на площадь. Теперь лучше держаться непринужденно. Я просто заглянул сюда от нечего делать. Возможно, эта напускная небрежность могла добавить мне уверенности.

Как и в Эшер-Хайтс, здесь былолюдно, хотя время давно перевалило

за полночь. Архитектура представляла собой нечто невообразимое. В общих чертах она напоминала здания Кэнопи, где меня высадил Уэверли, или жилище Зебры. Та же невозможная топология чудовищно изогнутых линий, те же трубки-катетеры, тестообразные потолки и стены. Но здесь все это выходило за пределы разумного.

Я бродил по залу целый час, разглядывал лица прохожих, время от времени присаживался у водоемов с вездесущими рыбками кой — просто для того, чтобы лишний раз прокрутить в голове последние события. Может быть, одна из частей головоломки вдруг встанет на место, и я пойму, что происходит и какое место я в этом занимаю. Но головоломка не складывалась. Вероятно, в ней не хватало каких-то частей. Так или иначе, но некая таинственная и досадная асимметрия лишала картину достоверности. Возможно, кто-то более сообразительный смог бы разгадать эту загадку, но я слишком устал, чтобы заниматься поиском хитроумных ловушек. Я видел лишь последовательность событий. Я отправился сюда, чтобы убить человека. Вопреки всем законам вероятности, я очутился в нескольких метрах от него, даже не успев начать поиски. Казалось бы, я должен прийти в восторг. Но использовать этот шанс не удалось. И я не мог избавиться от омерзительного ощущения, что меня одурачили. Получить в первой сдаче покера четыре туза...

Удача, с которой начинается крупное невезение.

Сунув руку в карман, я нащупал пачку оставшихся денег. За этот вечер я поиздержался — одежда и консультация Миксмастера обошлись недешево, — но нельзя сказать, что карманы Вадимова сюртука опустели. Я направился обратно на площадку, где меня высадила Шантерель. Что делать дальше, я не представлял и чувствовал лишь сильнейшее желание еще раз поговорить с Зеброй.

Уже собираясь покинуть площадку, я увидел, как из мрака ночи появляется рой ярко разряженных прохожих, сопровождаемых домашними любимцами, роботами-слугами и «левитирующими» камерами — ни дать ни взять процессия средневековых святых в окружении херувимов и серафимов. Мимо меня прошествовала пара бронзовых паланкинов размером не больше детского гробика, украшенных в стиле барокко. За ними двигалась модель построже — серый шкаф с острыми кромками и крошечным зарешеченным оконцем спереди. Манипуляторов у него не было. До меня доносился натужный шум каких-то механизмов, а за паланкином тянулся хвост жирных выхлопов.

У меня созрел план — правда, не слишком надежный. Я затесываюсь в толпу и пытаюсь выяснить у прохожих, не знает ли кто-нибудь Зебру. А

затем придумаю, как добраться до нее, — даже если придется уговорить одного из них подвезти меня на фуникулере.

В этот момент шествие остановилось, и я увидел, как человек с головой-полумесяцем извлек из кармана шкатулку с флаконами Горючего Грез. Его движения были почти трепетными. Казалось, он хочет скрыть ящичек от посторонних глаз и одновременно показать его остальным участникам процессии.

Я шагнул в тень и с удовольствием отметил, что на меня пока никто не обращает внимания.

Другие члены группы столпились вокруг него. Я заметил тусклый блеск свадебных пистолетов и других устройств подобного назначения, украшенных не менее вычурно. Мужчины и женщины оттягивали воротники, готовые вонзить себе под кожу сталь. Два «детских» паланкина присоединились к остальным, но серый паланкин начал огибать толпу. Я заметил косые взгляды некоторых участников шествия, ожидавших своей порции Горючего.

Человек в сером паланкине не был одним из них.

Я убедился в этом, когда он остановился, передняя дверца со скрипом распахнулась, выпустив из петель струйки пара, и наружу неуклюже вывалился пассажир. Кто-то вскрикнул, указывая на него, и в тот же миг вся толпа отпрянула — в том числе и миниатюрные паланкины, — а кто-то бросился прочь.

С ним происходило нечто ужасное.

Глядя на него с одной стороны, можно было обмануться. Его нагое тело казалось столь же вызывающе красивым и юным, как у любого участника процессии. Но с другой стороны кожу покрывала блестящая короста, из которой, пронзая плоть, тянулись бесчисленные тускло-серебристые волокна. Они достигали около фута длиной и окутывали тело серой вуалью. Волоча ноги, человек побрел вперед.

Каждый шаг сопровождался нежным шелестящим звоном колышущихся волокон, словно они были изо льда.

Человек попытался заговорить, но из перекошенного рта вырвался лишь мучительный стон.

— Сожгите его! — крикнул кто-то в толпе. — Ради всего святого, сожгите!

— Бригада уже на подходе, — отозвался другой голос.

Человек с головой-полумесяцем осторожно приблизился к бедняге и покачал у него перед лицом полупустым флаконом.

— Ведь ты этого хочешь?

Зачумленный что-то пробормотал. Судя по всему, он рискнул оставить у себя имплантанты, но недостаточно позаботился о своей безопасности. Возможно, он выбрал дешевый паланкин, который оказался негерметичным — в отличие от более дорогих моделей. А может быть, он приобрел его уже будучи зараженным, потому что надеялся остановить течение болезни, оградив себя от дальнейшего контакта с окружающей средой.

— Вот. Бери быстрее и оставь нас в покое. Бригада скоро будет здесь.

Человек с головой-полумесяцем бросил ему флакон. Зачумленный метнулся вперед, чтобы поймать его здоровой рукой, но не успел. Флакон разбился, и остатки Горючего растеклись по тротуару.

Продолжая движение, человек упал, почти ткнувшись лицом в алую лужицу. Часть волокон сломалась, образовав облачко серой пыли, и человек застонал — то ли от удовольствия, то ли от боли. Зачерпнув скрюченными пальцами здоровой руки несколько капель Горючего, он поднес его ко рту. Остальные смотрели на него через объективы, замерев от ужаса и любопытства. Зрелище привлекло несколько посторонних. Они тоже смотрели на конвульсии и стоны зачумленного, словно на экзотическое театральное действо.

— Это особый случай, — произнес кто-то. — Я никогда не видел подобного рода асимметрии. Как ты думаешь, мы не слишком близко стоим?

— Ты это непременно узнаешь.

Человек все еще корчился на земле, когда с площади прибыла упомянутая бригада. Сомневаюсь, что им пришлось проделать долгий путь. Группа техников, закованных в скафандры, толкала перед собой громоздкую машину, похожую на гигантский паланкин с распахнутой дверцей, украшенную выпуклым значком «биологическая опасность». Не обращая на них внимания, зачумленный продолжал собирать капли драгоценного эликсира — даже в тот миг, когда машина, гудя, накрыла его и захлопнула дверцу. Техники двигались с быстротой и точностью отлаженных механизмов, общаясь между собой скупыми жестами рук и шепотом, создающим странный контраст со стуком и гулом машины. Толпа молча наблюдала за ними. Я заметил, что флакончики с Горючим Грез, пистолеты и шприцы исчезли, словно их и не было.

Когда техники откатали «паланкин», на тротуаре не было ничего. Один из них деловито подметал площадку чем-то похожим на помесь швабры с миноискателем. Взмахнув прибором еще несколько раз, он поднял вверх большой палец, и бригада, обступив несмолкающую машину,

направилась обратно в здание.

Участники шествия какое-то время оставались на месте. Однако это происшествие явно заставило их изменить планы на вечер. Один за другим они садились в свои фуникулеры, лишая меня шанса втереться к кому-нибудь в доверие.

И тут я кое-что заметил — на тротуаре, возле того места, где стоял человек с головой-полумесяцем. Вначале я принял этот предмет за флакон с Горючим Грез. Но, незаметно приблизившись, — пока мою находку не обнаружил кто-нибудь еще — понял, что это эксперименталия. Очевидно, человек-полумесяц потерял ее, доставая свою шкатулку.

Опустившись на колени, я поднял эксперименталию. Это была тонкая черная палочка с маркировкой в виде крошечной серебряной личинки на конце.

Такие же я обнаружил у Вадима вместе с запасом Горючего Грез.

— Таннер Мирабель?

В голосе звучал лишь намек на любопытство.

Я обернулся. Человек, который произнес эти слова, был невысок ростом и одет в темное пальто, по минимуму — необходимому минимуму — отдающее дань уважения моде Кэнопи. Мрачное невыразительное лицо могло принадлежать гробовщику, который узнал скверную новость. Но его поза говорила о готовности к бою, а на шее играли мускулы.

Кем бы он ни был, с ним не стоит шутить.

— Я специалист службы безопасности, — продолжал он тихо, еле шевеля губами — он знал, что мое внимание приковано к нему. — Я вооружен нейротоксическим оружием, которое убьет вас в течение трех секунд, совершенно бесшумно и незаметно для окружающих. Вы не успеете даже моргнуть.

— Спасибо за предупреждение, — перебил я.

— Вы признаете, что я профессионал, — продолжал он, кивком подчеркивая собственные слова. — Меня, как и вас, учили убивать наиболее эффективным способом. Надеюсь, теперь, когда у нас обнаружили общие интересы, мы сможем спокойно обсудить ситуацию.

— Я не знаю, кто вы и чего хотите.

— Вам ни к чему знать, кто я. Даже если я представлюсь, мне придется солгать. Так какой в этом смысл?

— Справедливо.

— Вот и прекрасно. В таком случае зовите меня Пранский. Что касается остального, то все просто: я здесь для того, чтобы проводить вас к одному человеку, который желает вас видеть.

— А если я этого не желаю?

— Как вам будет угодно, — он продолжал спокойно и тихо, тоном послушника, читающего требник. — Но тогда вам придется смириться с дозой тетрадоксина, способной убить двадцать человек. Разумеется, я не исключаю, что биохимия ваших мембран несколько иная, чем у обычного человека — или высокоорганизованного позвоночного, — он улыбнулся, сверкнув белоснежными зубами. — Но боюсь, убедиться в этом вы сможете только на личном опыте.

— Пожалуй, я не стану рисковать.

— Разумное решение.

Пранский коротко махнул ладонью в сторону овального водоема с рыбками кой, который был фокусной точкой данного крыла здания, указывая мне направление.

— Не слишком задавайтесь, — заметил я, удерживая позицию. — Вам не мешает узнать, что я тоже вооружен.

— Я знаю. Если хотите, могу даже сообщить вам характеристики вашего пистолета. А заодно — вероятность, с которой я погибну от ледяной пули прежде, чем вколю вам токсин. Боюсь, правда, что эта информация вас не обрадует. Замечу также, что в данную минуту ваш пистолет находится у вас правом кармане, чего нельзя сказать о вашей руке. Следовательно, ваши возможности несколько ограничены. Продолжим?

Я шагнул вперед.

— Вы работаете на Рейвича?

Впервые на его лице появилось нечто, указывающее на отсутствие полного контроля над ситуацией.

— Никогда о нем не слышал, — раздраженно ответил он.

Я позволил себе улыбнуться. Маленькая, но победа. Конечно, это может быть ложью, но я уверен, что Пранский мог бы солгать правдоподобнее. Похоже, я застал его врасплох.

На площади меня ожидал просторный серебристый паланкин. Убедившись, что никто из прохожих не смотрит в нашу сторону, Пранский распахнул дверцу паланкина. Внутри было сиденье, обитое красным плюшем.

— Думаю, вы не догадывались, что я предложу вам такое, — произнес Пранский.

Я вошел внутрь и сел. После того, как дверца захлопнулась, я поэкспериментировал с кнопками на пульте управления, вделанном в стенку, но ничего не добился. Затем в зловещей тишине паланкин тронулся с места. Поглядев в маленькое зеленое оконце, я увидел, как мимо

проплывает площадь. Впереди шагал Пранский.

Потом меня начало клонить в сон.

Зебра смотрела на меня долгим оценивающим взглядом, который достался мне явно по ошибке: скорее, он мог предназначаться винтовке, которую она собиралась купить. Описать выражение ее лица одним словом было невозможно. Все мои ожидания сводились, по большому счету, к двум вариантам: или радости — по крайней мере, внешней — или крайней досаде по случаю моего возвращения.

Но она выглядела... раздраженной... обеспокоенной...

— Могу я спросить, черт побери, что это значит? — осведомился я.

Зебра медленно покачала головой.

— И у тебя хватает наглости спрашивать меня об этом после того, что ты сделал?

Она стояла передо мной — ноги на ширине плеч.

— Но теперь, кажется, мы квиты, — отозвался я.

— Где ты его нашел и чем он занимался? — спросила она Пранского.

— Просто шатался на площади, привлекая к себе внимание.

— Я хотел с тобой увидеться.

Пранский указал на одно из подчеркнуто утилитарных кресел, которые служили единственным предметом мебелировки в этой комнате.

— Присаживайтесь, Мирабель. Спешить вам некуда.

— Говоришь, хотел со мной увидеться? — спросила Зебра. — Я потрясена. То-то ты так засиделся у меня в прошлый раз.

Я поглядел на Пранского. Какую роль он во всем этом играет? И что ему известно?

— Я оставил тебе записку, — жалобно проговорил я. — А потом позвонил, чтобы извиниться.

— И совершенно случайно решил, что мне известно, где будет проходить Игра.

Я пожал плечами, оценивая общий уровень дискомфорта — кресло оказалось довольно жестким.

— А у кого еще мне было узнать?

— Ты дерьмо, Мирабель. Сама не знаю, зачем я это делаю, но ты этого абсолютно не заслуживаешь.

Она все еще была прежней Зеброй — если не сосредотачиваться на мелочах. Но она сделала раскраску кожи менее контрастной, и теперь полосы казались не более чем серебристыми волнами, которые лишь подчеркивали лепку лица и совершенно исчезали при определенном

освещении. Черные волосы стали пепельными, жесткий гребень трансформировался в изящную короткую стрижку с густой челкой, прикрывающей лоб. Ее наряд был неброским — плащ из темной материи, почти такой же, как и мой сюртук, полы касались щиколоток, обтянутых сапогами на шпильках, и стекали на пол. На нем не хватало лишь парчовых «заплат».

— Я никогда говорил, что чего-то заслуживаю, — возразил я. — Разве что определенных объяснений. Например, как получилось, что мы не встретились чуть раньше. Правда, тогда между нами была та здоровенная рыбина по имени Мафусаил...

— Я стояла у тебя за спиной, — ответила Зебра. — Ты увидел не меня, а мое отражение. Я не виновата, что ты не обернулся.

— Ты могла бы меня окликнуть.

— Ты был более чем красноречив, Таннер.

— Хорошо. Тогда начнем с самого начала? — я вопросительно посмотрел на Пранского. — Предлагаю сделать следующее. Я поделюсь с вами своими соображениями, а потом вместе решим, что делать дальше.

— На мой взгляд, исключительно разумное предложение, — ответил специалист службы безопасности.

Я глубоко вздохнул. Дело зашло слишком далеко. Но другого выхода не было.

— Вы работаете на Рейвича, — сказал я. — Оба.

Пранский взглянул на Зебру.

— Он уже упоминал это имя. Но мне оно ни о чем не говорит.

— Все в порядке, — отозвалась Зебра. — Я знаю, о ком идет речь.

Я кивнул. Меня охватило странное чувство — смесь облегчения и безразличия. Не могу сказать, что обрадовался, узнав, что Зебра работает на человека, которого я обязан убить, — особенно теперь, когда она держала меня под прицелом. Скорее, это было удовлетворение проигравшего, которому, тем не менее, удалось разгадать некую важную тайну.

— Полагаю, Рейвич связался с тобой, как только очутился здесь, — сказал я. — Ты, случайно, не наемный специалист по безопасности, вроде Пранского? Это было бы вполне логично. Ты знаешь, как обращаться с оружием. Ты на два хода опередила команду Уэверли, когда они охотились на меня. Вся эта история про саботажников — просто сказка. Насколько мне известно, ты «саботируешь» Игру каждый вечер и даже числишься среди лучших охотников. Ну, как тебе начало?

— Просто восхитительно, — кивнула Зебра. — Продолжай,

пожалуйста.

— Рейвич поручил тебе найти меня. Он заподозрил, что кто-то с Окраины Неба гонится за ним, поэтому тебе оставалось лишь приложить ухо к земле и повнимательнее прислушаться. Еще один участник операции — композитор, который выследил меня, как только я покинул хоспис Нищенствующих.

— Композитор? — переспросил Пранский. — Сначала Рейвич, теперь какой-то композитор... Эти люди действительно существуют?

— Заткнись, — резко бросила Зебра. — Пусть рассказывает.

— Маэстро оказался на высоте. Правда, я не уверен, что рассказал ему много интересного, а главное — то, что нужно. Возможно, он поверил, что я — просто невинный иммигрант.

Я посмотрел на Зебру, ожидая от нее подтверждения своей догадки, но она промолчала.

— Скорее всего, он сообщил Рейвичу лишь о том, что не снимает с меня подозрения. Поэтому к слежке подключили тебя. С помощью твоих агентов из числа игроков или «саботажников», как ты их называешь — не важно. Ты узнала от Уэверли, что меня выбрали на роль жертвы.

— Что он говорит? — спросил Пранский.

— К сожалению, правду, — ответила Зебра, угостив испепеляющим взглядом специалиста по безопасности. Как я понял, он был ее подчиненным, дублером и мальчиком для битья в одном лице. — По крайней мере относительно охоты. Таннера занесло в трущобы Малча, и там он попал в плен. Само собой, он храбро сражался, но силы были неравны. Его бы убили, но я вовремя подросла.

— Ей пришлось меня спасти, — перебил я. — И не надо называть это актом милосердия. Зебре всего лишь была нужна информация. Допустим, меня убили. Каким образом Рейвич определит, был ли я убийцей, который за ним охотился? Он бы оказался в весьма щекотливом положении, причем, очевидно, до конца жизни. Постоянно пребывать в ожидании убийцы — настоящего убийцы. Не спать ночами... Ведь так оно и есть, Зебра?

— Возможно. Если судить по твоим фантазиям.

— Тогда зачем ты меня спасла? Разве не для того, чтобы сохранить мне жизнь и выяснить, тот ли я, кто вам нужен?

— Я уже говорила тебе, зачем. Потому что ненавижу Игру. Потому что хотела, чтобы ты уцелел, — она покачала головой почти смущенно. — Извини, Таннер, но при всем желании я не могу согласиться с твоими параноидальными измышлениями. Я не притворялась и действовала по известным тебе причинам. И буду очень благодарна, если ты не будешь

распространяться о «сабах», даже в обществе Пранского.

— Но разве ты не сказала мне — и ему тоже, — что знаешь Рейвича?

— Да, теперь знаю. Но тогда не знала. Может быть, продолжим? Тебе не помешает выслушать мою точку зрения.

— Я весь внимание.

Зебра вздохнула, с любопытством окинула взглядом необъятный тестообразный потолок и снова поглядела на меня. Кажется, сейчас я услышу нечто неожиданное.

— Я спасла тебя от шайки Уэверли, — проговорила она. — Не обманывай себя, Таннер. Не думай, что сумел бы уйти от них живым. У тебя большой опыт — это очевидно, — но не настолько.

— Думаю, ты не слишком хорошо меня знаешь.

— Невелика потеря. Мне продолжать?

— Конечно.

— Ты украл у меня вещи. Не только одежду и деньги, но и оружие, с которым ты вряд ли умеешь обращаться. Про фуникулер я не говорю. Ты мог оставаться у меня до тех пор, пока имплантант не отключится сам собой. Но ты почему-то решил, что одному тебе будет безопаснее.

— Но я до сих пор жив. Разве не так?

— Так, — неохотно согласилась она. — Но Уэверли погиб, а он был одним из немногих наших союзников среди организаторов Игры. Я знаю, что его убил ты, Таннер. Ты оставил такой горячий след, словно рассыпал за собой плутоний.

Она расхаживала по комнате, и кинжально-острые каблучки ее сапог щелкали по полу мерно, как метроном.

— В общем, тебе не повезло.

— Скорее не повезло Уэверли. Этот садист в моем черном списке не значился.

— Почему ты не подождал?

— У меня было срочное дело.

— Ты о Рейвике? Наверное, ты умираешь от любопытства: как я с ним познакомилась и откуда мне известно, что он для тебя значит.

— Кажется, ты уже начала об этом рассказывать.

— Разбив мою машину, ты очутился на вокзале Гранд-Сентрал. И позвонил мне...

— Продолжай.

— Мне тоже стало любопытно, Таннер. Я узнала, что Уэверли мертв, и была в недоумении. Это ты должен был стать мертвецом — даже с украденным у меня оружием. Поэтому я задумалась: кто он такой —

человек, которому я предоставила убежище? — Зебра щелкнула каблуками и остановилась. — Я решила это выяснить. Все оказалось довольно просто. Тебя подозрительно заинтересовало место, где этой ночью планировалась Игра. Поэтому я дала тебе эту информацию. Я знала, что ты придешь туда.

Я мысленно вернулся к событиям вчерашнего вечера. Казалось, с тех пор прошла не одна сотня часов.

— Ты была там, когда я поймал Шантерель?

— Да. Я этого не ожидала.

— А Рейвич? Как он со всем этим связан?

— Через нашу общую знакомую по имени Доминика.

Должно быть, у меня вытянулась физиономия, потому что Зебра улыбнулась.

— Ты ходила к Доминике?

— Прогулка оказалась весьма плодотворной. Отправив Пранского за тобой в Эшер-Хайтс, я прогулялась на рынок и потолковала с этой леди. Я знала, что тебе удалили имплантант. А поскольку ты уже побывал на рынке, Доминика должна была знать, кто тебя прооперировал — если только не сделала это собственными руками. Впрочем, так оно и оказалось, что существенно упростило ситуацию.

— Интересно, есть ли в Городе Бездны хоть один человек, которого она не обманула?

— Возможно. Правда, это очень смелое предположение. Доминика — чистейшее воплощение основной парадигмы нашего города: что за соответствующую цену можно купить что угодно и кого угодно.

— Что она тебе рассказала?

— Только то, что ты очень любопытная личность, Таннер, и что тебя весьма интересует местонахождение некоего господина по имени Арджент Рейвич. Человека, который поселился в Эшер-Хайтс несколько дней назад. Пранский обнаружил, что ты направился именно в этот район Кэнопи. Забавное совпадение, правда?

Специалист службы безопасности воспринял этот вопрос как приглашение к разговору.

— Я следил за вами почти всю ночь, Таннер. Кажется, вы неплохо поладили с Шантерель Саммартини? Подумать только — вы повсюду гуляли вместе, как старые друзья, — он покачал головой, словно на его глазах был нарушен один из основных физических законов вселенной. — Я видел вас даже на гонках паланкинов.

— Весьма романтическое и утомительное зрелище, — томно вставила Зебра.

— Потом я позвонил Тарин и договорился с ней о встрече, — продолжал он. — Мы продолжали следить за вами — разумеется, скрытно. Вы посетили бутик и вышли оттуда новым человеком — скажем так, слегка обновленным. Затем вы отправились к Миксмастеру. Этот тип оказался крепким орешком. Он так и не сказал мне о цели вашего посещения, и меня до сих пор мучает любопытство.

— Обычный медосмотр, — сказал я.

— Возможно, — переплетя свои тонкие изящные пальцы, Пранский пощелкал суставами. — Возможно, это даже неважно. Но я не понимаю, как этот визит связан с тем, что случилось дальше.

Я попытался изобразить заинтересованность.

— Что именно?

— С тем, что ты едва не убил человека, — вмешалась Зебра, резким жестом своего помощника заставляя замолчать. — Я видела тебя, Таннер. Я хотела подойти к тебе и спросить, что ты здесь делаешь, как вдруг ты достал из кармана пистолет. В этот момент я не видела твоего лица, но следила за тобой достаточно долго, чтобы узнать тебя. Потом ты зашагал вперед с пистолетом в руке — мягко, спокойно, как настоящий профессионал...

Она помолчала.

— И вдруг убрал пистолет. За все это время никто не обратил на тебя внимания. Я увидела, как ты огляделся, — очевидно, человек, которого ты искал, исчез. Это был Рейвич, верно?

— Скажи мне сама, раз тебе все известно.

— Думаю, ты прибыл сюда, чтобы убить его, — сказала Зебра. — Зачем — понятия не имею. Рейвичи — старые обитатели Кэнопи, но врагов они нажили куда меньше, чем иные семьи... В общем, все становится понятным. И твое отчаянное желание попасть в Кэнопи, из-за которого тебя поймали охотники. И нежелание остаться у меня, хотя там ты был бы в безопасности. Ты боялся упустить Рейвича. Скажи, что я не права, Таннер.

— А какой мне смысл спорить?

— Думаю, никакого. Можешь попробовать, если хочешь.

Она была права.

И я рассказал ей все — точно так же, как рассказал Шантерель. Нет, не совсем. Я не мог быть столь откровенным. Возможно, дело было в Пранском, который стоял рядом, впитывая каждое слово. Возможно — в ощущении того, что они оба знают обо мне больше, чем говорят, и не услышат почти ничего нового. Я рассказал, что Рейвич прибыл с той же планеты, что и я, и что не считаю его прожженным негодяем. Причиной

преступления, которое он совершил, была или глупость, или слабость. Но это не означает, что он не должен понести наказание — столь же суровое, как если бы его угораздило родиться головорезом и психопатом.

Наконец Зебра и Пранский вытряхнули из меня все, что я знал, — все подробности моей истории, словно были уверены, что в ней кроется какой-то подвох, и хотели во что бы то ни стало его обнаружить. Теперь оставался один вопрос — на этот раз у меня.

— Зачем ты привезла меня сюда, Зебра?

— А почему это тебя интересует? — осведомилась она, подбоченясь, — так, что острые локти показались из-под черной мантии плаща.

— Просто из любопытства.

— Тебе угрожает опасность, Таннер. Я делаю тебе одолжение.

— Мне что-то угрожает с тех пор, как я сюда прибыл. Меня этим не удивишь.

— Речь идет о реальной опасности, — вмешался Пранский. — Вы по уши в дерьме, Мирабель. Потому что привлекли к себе слишком большое внимание.

— Он прав, — сказала Зебра. — Тебя подставила Доминика. Думаю, она успела всполошить полгорода. Я почти уверена: Рейвич уже знает, что ты здесь. Равно как и то, что сегодня ты его чуть не убил.

— А вот это вряд ли, — сказал я. — Если его успели предупредить о моем присутствии, какого черта он подставился? Будь я чуть расторопнее, и у него в голове была бы дырка.

— Возможно, это случайность, — заметил Пранский.

— В таком большом городе? — Зебра наградила его презрительным взглядом. — Нет, Таннер прав. Эта встреча случилась потому, что так хотел Рейвич. И это еще не все. Взгляни на меня, Таннер. Не замечаешь ничего необычного?

— Ты немного изменилась.

— Вот именно. И это не слишком сложно, поверь мне. Рейвич мог сделать то же самое. Ничего серьезного — какая-нибудь мелочь, из-за которой его будет не узнать при беглом взгляде, особенно в толпе. Максимум несколько часов под ножом. С этим справится даже полуграмотный мясник.

— Бред какой-то, — пробормотал я. — Получается, он меня просто подразнил. Словно ему хотелось, чтобы я выстрелил.

— Вероятно, так оно и было, — сказала Зебра.

В следующую минуту мне показалось, что я никогда уже не выйду из

этой комнаты, что Пранский и Зебра привели меня сюда, чтобы убить. Пранский, несомненно, профессиональный убийца, да и Зебре смерть знакома не понаслышке, сколько бы она не говорила, что ненавидит охоту на людей.

Однако они не убили меня.

Мы с Зеброй сели в фуникулер и поехали к ней домой, а Пранский отправился по своим делам.

— Кто он такой? — любопытствовал я, когда мы остались наедине. — Платная группа поддержки?

— Частный сыщик, — Зебра сбросила плащ, и он растекся у нее под ногами черной лужицей. — Сейчас это очень модно. В Кэнопи идет постоянная борьба. Кровавые тихие войны — иногда между семьями, иногда внутри семей.

— Ты решила, что он сможет меня выследить?

— И кажется, не ошиблась.

— И все же я не понимаю, Зебра.

Я снова посмотрел туда, где зияла пасть бездны, похожая на жерло вулкана. Зачумленный город теснился по ее кромке, словно готовый обрушиться вниз. На горизонте проступали краски рассвета.

— Разве что ты хочешь использовать меня в каком-то ином качестве — но тогда, боюсь, ты обратилась не по адресу. Возможно, ты замешана в каких-то играх, которые ведет верхушка Кэнопи, но меня они не интересуют. У меня здесь одна цель.

— Убить невинного человека.

— Что поделать, мир жесток. Ты не возражаешь, если я присяду?

Прежде чем она ответила, я опустился в кресло, которое с суетливостью подобострастного лакея подставило мне свое сиденье.

— Я солдат по своей натуре. В мою задачу не входит подвергать сомнению подобные аспекты. Если я начну сомневаться, то провалю задание.

Зебра, словно состоящая из углов и острых кромок, уютно свернулась в роскошном кресле напротив меня, подтянув колени к подбородку.

— Кто-то охотится за тобой, Таннер. Вот почему мне пришлось тебя найти. Тебе нельзя оставаться в Городе — это опасно. Ты должен бежать отсюда.

— Что и следовало ожидать. Рейвич постарается завербовать всех, кого только сможет.

— Ты имеешь в виду местных жителей?

Станный вопрос.

— А как иначе? Зачем ему нанимать людей, которые не знают Город?

— Но за тобой охотятся не местные, Таннер.

Я потянулся в кресле, отдавая приказ его скрытой мускулатуре, и внутри сиденья побежали приятные массирующие волны.

— Что тебе известно?

— Не слишком много. Доминика сказала, что тебя ищут двое. Мужчина и женщина. Они вели себя так, словно оказались здесь впервые. Как будто прибыли с другой планеты. И очень хотели тебя найти.

— Мужчина уже нашел меня, — похоже, речь идет о Квирренбахе. — Он представился иммигрантом и увязался за мной еще на орбите. Я оставил его у Доминики. Похоже, он вернулся с подкреплением.

Странно, почему не с Вадимом. Но принять Вадима за женщину довольно сложно.

— Он опасен?

— Как любой, кто готов обманывать ради денег.

Зебра дала команду одному из подвесных роботов-служителей. Вскоре перед нами появился поднос, уставленный сосудами всех цветов и размеров. Зебра наполнила мой кубок. Вместе с выпитым вином во рту исчезал привкус Города, а течение мыслей становилось спокойным.

— Я очень устал, — сказал я. — Вчера ты предложила мне убежище, Зебра. Могу я воспользоваться твоим предложением? Хотя бы до утра.

Она поглядела на меня поверх матовой кромки бокала. День уже наступил, но она поняла меня правильно.

— Хочешь сказать, после всего, что ты натворил, я соглашусь?

— Я оптимист, — пояснил я, придавая своему голосу надлежащую интонацию полного безразличия.

Затем я снова пригубил вино и только сейчас понял, насколько устал.

Глава 30

Экспедиция на корабль-призрак едва не сорвалась. Небесный и его сообщники, Норквинко и Гомес, успели добраться до грузового отсека, когда им навстречу из тени шагнула Констанца.

Она стала выглядеть старше, подумал Небесный. А рядом с ним она казалась преждевременно постаревшей. Трудно поверить, что когда-то они были ровесниками — детьми, исследовавшими темную, изрезанную лабиринтами страну чудес. Сейчас тени легли очень невыгодно, подчеркивая каждую морщинку на ее подвижном лице.

— Ты не хочешь сказать мне, куда вы направляетесь? — осведомилась Констанца. Она стояла между ними и шаттлом, подготовка которого стоила таких трудов. — Кажется, никто не получал разрешения покидать «Сантьяго».

— Боюсь, тебе об этом просто не сообщили, — сказал Небесный.

— Меня еще не выгнали из службы безопасности, маленький проныра. Так значит, не сообщили?

Небесный поглядел на своих спутников, показывая, что берет переговоры на себя.

— Хорошо, в двух словах. Это дело слишком секретное, чтобы сообщать о нем по обычным каналам безопасности. Больше я сказать не могу. Это дипломатическая миссия, причем весьма непростого свойства.

— Тогда почему Рамирес не с вами?

— Слишком велик риск. Не исключено, что я попаду в ловушку. Если такое произойдет, Рамирес потеряет заместителя, но никаких потрясений на «Сантьяго» это не вызовет. Мой визит должен выглядеть как искренняя попытка установить дружеские отношения. Тогда на другом корабле не смогут пожаловаться, что мы не послали никого из старших офицеров.

— Но капитан Рамирес знает об этом?

— Само собой. Он санкционировал полет.

— Может, проверить?

И она оттянула манжету, чтобы связаться с капитаном.

Небесный позволил себе секундное колебание перед тем, как действовать. Обе стратегии предполагали примерно равную степень риска. Рамирес действительно полагал, что речь идет о дипломатической миссии — повод, который позволял Небесному покинуть «Сантьяго» на пару дней без особенных вопросов. Это потребовало несколько лет кропотливой

работы. Он подделывал сообщения с «Палестины», изменял подлинные... Но Рамирес — умный человек, и у него могут возникнуть подозрения — особенно если Констанца начнет проявлять к миссии повышенный интерес.

Поэтому он решил действовать.

Один удар — и Констанца осела на жесткий полированный пол, глухо стукнувшись о покрытие затылком, и застыла как мертвая.

— Ты убил ее? — спросил Норквинко.

— Не знаю, — пробормотал Небесный, опускаясь на колени.

Констанца была еще жива.

Они протащили бесчувственное тело через грузовой отсек и аккуратно примостили его у груды разбитых поддонов. Со стороны должно было показаться, что она заглянула в отсек и потеряла сознание от удара по голове, когда на нее обрушился штабель поддонов.

— Она не вспомнит, что нас видела, — сказал Небесный. — Если она не придет в себя до нашего возвращения, я сам найду ее.

— Но подозрения у нее все равно останутся, — заметил Гомес.

— Это не проблема. Я обо всем позаботился. Мы докажем, что Рамирес и Констанца вместе подготовили... санкционировали эту экспедицию.

Небесный покосился на Норквинко — по сути, большую часть этой работы выполнил он, — но лицо техника оставалось бесстрастным.

Когда Констанца очнется, они будут уже далеко. Обычно Небесный запускал двигатели шаттла в тот момент, когда покидал причальную площадку, но сейчас это могло привлечь лишнее внимание. Вместо этого он запустил двигатели, пока шаттл еще скрывался за корпусом «Сантьяго», чтобы дать единственный толчок — и сразу заглушил их. Этого должно было хватить, чтобы достичь скорости сто метров в секунду относительно Флотилии. Освещение в кабине было погашено, связь полностью отключена. Они падали в бездну, все больше удаляясь от родного корабля.

Небесный смотрел, как гигантское тело «Сантьяго», похожее на серую скалу, проплывает мимо. Пришлось потрудиться, чтобы скрыть свое отсутствие — учитывая атмосферу всеобщей подозрительности, которая царила на борту. Хотя вряд ли у кого-нибудь хватит духу лишний раз задать вопрос. Да, маленькое суденышко могут обнаружить другие корабли Флотилии. Но Небесный знал не понаслышке: их радары в основном заняты поиском объектов, которые движутся от корабля к кораблю. Вряд ли кто-то заметит шаттл, понемногу отстающий от Флотилии. К тому же сейчас корабли стараются превзойти друг друга, избавляясь от лишней массы. Сброс устаревшего оборудования — уже не редкость. Правда,

обычно мусор сбрасывали таким образом, чтобы корабли не столкнулись с ним при торможении, но это было незначительной подробностью.

— Мы будем дрейфовать двадцать четыре часа, — сказал Небесный. — В конечном счете мы должны отстать от последнего корабля Флотилии на девять тысяч километров. Потом мы сможем включить двигатели и радар, чтобы сделать бросок к «Калеуче». Даже если они заметят вспышку, ни одному из шаттлов за нами не угнаться.

— А если они все-таки устроят погоню? — спросил Гомес. — У нас будет всего несколько часов форы. Самое большее — сутки.

— Значит, надо распорядиться этим временем с умом. Нам хватит нескольких часов, чтобы попасть на корабль и разобраться, что там произошло. Еще несколько часов — чтобы найти все, что уцелело: медицинское оборудование, запчасти для саркофагов... ну, и все прочее. Мы успеем загрузить шаттл, не теряя преимущества во времени. Если на шаттле не хватит места, мы будем удерживать корабль, пока «Сантьяго» не отправит за ними достаточное количество шаттлов.

— Ты говоришь так, словно мы собрались воевать за «Калеуче».

— Думаю, оно того стоит, Гомес.

— А если кто-нибудь с другого корабля давным-давно выгреб оттуда все подчистую? Ты об этом подумал?

— Да. Тогда у нас будет повод, чтобы начать войну.

Норквинко с момента отлета не произнес ни слова, поскольку изучал план одного из кораблей Флотилии — сложный до умопомрачения. Он был способен возиться с подобными головоломками часами — с остекленевшими глазами, забывая про сон и пищу — до тех пор, пока не находил решение. Небесный завидовал его несгибаемому упорству, но не допускал даже мысли о том, чтобы позволить себе подобную одержимость. Норквинко представлял для него ценность особого рода — как инструмент для решения проблем с четкими условиями и предсказуемыми результатами. Поручите ему разобраться с чем-то сложным и таинственным — и он будет чувствовать себя как рыба в воде. Создание модели внутренних информационных сетей «Калеуче» представляло собой именно такую задачу. Разумеется, до определенного момента она будет оставаться лишь рабочей моделью — но Небесный не поручил бы это задание никому другому.

Он понимал, как мало знает о корабле-призраке. Ясно лишь одно: когда-то это был такой же корабль Флотилии, как и остальные. Он был построен одновременно с ними и одновременно с ними стартовал с орбиты Меркурия. Это не могло оставаться в тайне, даже если когда-то он носил

более прозаическое имя, не имеющее отношение к легендарному кораблю-призраку. По-видимому, «Калеуче» разогнался до крейсерской скорости одновременно с остальными пятью кораблями и некоторое время — возможно, несколько лет — двигался вместе с ними.

Но в течение первых десятилетий путешествия к Суону что-то произошло. По мере того как Солнечную систему раздирали политические и социальные катаклизмы, Флотилия оказывалась все в большей изоляции. С каждым световым годом, отделяющим корабли от родной планеты, поддерживать связь становилось все труднее. С Земли поступали известия, Флотилия отправляла отчеты, но интервалы между передачами продолжали увеличиваться, а сообщения становились все более бессвязными. Порой их содержание противоречило друг другу — свидетельство вражды фракций, преследующих разные цели. Далеко не все желали, чтобы Флотилия успешно достигла Конца Путешествия. Время от времени экипажи Флотилии узнавали, что некоторые фракции вообще отрицают их существование. На Земле снова пытались переписать историю. Постепенно это перестали принимать всерьез — досадно было слышать другое: эти попытки встречали поддержку.

Слишком велик груз времени и пространства.

Эти слова снова и снова звучали в голове у Небесного, подобно мантре. В конечном счете, вся суть проблемы сводилась именно к этому.

И еще это означало, что ответственность кораблей Флотилии перед кем-либо, кроме самих себя, постепенно уменьшалась. А значит, появлялась возможность скрыть правду о том, что случилось с «Калеуче».

Судя по всему, дед Небесного — вернее, отец Тита Хаусманна — знал истинную причину того, что произошло. Кое-что он успел рассказать Титу, но не исключено, что сделал это на пороге смерти, а поэтому уже не помнил всех деталей. Теперь Небесному оставалось лишь строить догадки.

События могли развиваться по двум сценариям. Согласно первому, между кораблями вспыхнула война, в ходе которой «Калеуче» подвергся атаке. Возможно, дело дошло до применения ядерного оружия. Тит говорил, что корабль-призрак на экране радара выглядит так же, как любой из кораблей Флотилии, но это не значит, что ему не мог быть нанесен значительный ущерб. Впоследствии экипажи остальных кораблей, устыдившись, предпочли вычеркнуть этот позорный прецедент из своей истории. Их поколению пришлось жить с этим позором — но только одному.

Другая гипотеза куда больше нравилась Небесному. Она выглядела не столь драматично, но Флотилия представляла в еще более невыгодном свете.

На «Калеуче» произошло нечто чрезвычайное — скорее всего, разразилась эпидемия. Остальные корабли предпочли отказать ему в помощи. Конечно, история знает случаи, которые выглядят еще более неприглядно. Как можно поставить в упрек стремление оградить себя от заразы?

Это был постыдный шаг. И одновременно — абсолютно оправданный.

Если эта гипотеза верна, им необходима крайняя осторожность. Впрочем, любая ситуация может обернуться катастрофой. И в любом случае риск будет оправдан — слишком велика награда. Он вспомнил об антивеществе, которое, возможно, заключено в резервуарах корабля-призрака. Подобно дремлющему чудовищу, оно ожидает дня, когда его выпустят на свободу. Этот день все еще может наступить, но он будет не таким, каким виделся создателям этого корабля.

И не таким, каким видится экипажам остальных кораблей.

Несколько часов спустя они были уже далеко. Однажды луч радара «Бразилии» скользнул по шаттлу, словно пальцы слепого, изучающие незнакомый предмет. Это был миг предельного напряжения. В течение нескольких секунд Небесный думал, что допустил какую-то фатальную оплошность. Но луч двинулся дальше и больше не вернулся. Даже если на «Бразилии» что-то обнаружили, то, скорее всего, приняли пятно на радаре за дрейфующий обломок бесполезного хлама — например, тот же шаттл, не подлежащий восстановлению и выброшенный в пустоту космоса.

Они остались в одиночестве.

Соблазн запустить двигатели малой тяги был велик. Однако Небесный проявил выдержку, и в течение двадцати четырех часов шаттл продолжал дрейфовать, как и было запланировано. Сообщений с «Сантьяго» не поступало, и Небесный успокоился. Это означало, что их отсутствие еще не превратилось в проблему. Не будь рядом Норквинко и Гомеса, он был бы сейчас одинок, как никогда в жизни. Нечто подобное уже случилось с ним однажды. Как он был напуган, оказавшись запертым, как в ловушке, в темной детской! Поразительно, но он по собственной воле покинул дом и отправился так далеко.

Но сейчас для этого был повод.

Выждав до последней секунды, Небесный снова запустил двигатели. Пламя вырвалось из дюз и расцвело на фоне звездного неба — прозрачное, чистое, густо-сиреневое. Небесный сделал все возможное, чтобы выхлоп не был направлен в сторону Флотилии, но скрыть его полностью все равно не удастся. Впрочем, это не важно. Они уже слишком далеко. Теперь, что бы ни предприняли на других кораблях, они первыми доберутся до «Калеуче». Небесного охватило упоение победой — и предчувствием новой, более

крупной победы. Он добьется того, что «Сантьяго» достигнет Конца Путешествия первым. Все, что он сейчас сделал — только первый шаг.

Есть еще одно различие. Мир, именуемый Концом Путешествия, существует, и о нем знают все. О существовании «Калеуче» знает лишь он сам — и то со слов Тита.

Небесный настроил радар на максимальную дальность, и лучщупальце начал обшаривать темноту космоса.

Если корабль-призрак существует, он найдет его.

— Почему бы тебе не оставить его в покое? — спросила Зебра.

— Ни за что. Даже если я решу простить его — а это сомнительно, — мне все равно нужно узнать, зачем он устроил этот маскарад на площади. Чего он добивался?

Мы сидели в квартире Зебры. Близился полдень. По небу ползли редкие облака, солнце поднималось к зениту. Сейчас Город выглядел скорее печально, чем зловеще. Даже самые жуткие здания, казалось, переносили свою участь с достоинством больных, смирившихся с перспективой доживать свои дни в изуродованной оболочке.

Но это меня не успокаивало. Я лишний раз убедился, что с моей памятью случилось нечто непоправимое. Я по-прежнему наблюдал эпизоды из жизни Хаусманна. Правда, ладонь кровоточила слабее, чем в первые дни моей болезни. Похоже, индоктринальный вирус катализировал выброс уже имевшихся образов — причем резко противоречащих официальной версии событий на «Сантьяго». Должно быть, вирус должен был вот-вот покинуть мой организм. Однако видения становились все более четкими, и я все глубже отождествлял себя с Небесным. Если вначале я был зрителем, то теперь сам играл роль Небесного. Я слышал его мысли, чувствовал едкий привкус его ненависти.

Но этим дело не ограничивалось. Вчерашний сон, где я смотрел на раненого человека в белой комнате, тревожил меня не меньше. После некоторых размышлений я, кажется, понял почему.

Этим человеком без ступни мог быть только я сам.

В таком случае — кто смотрел с площадки в резервуар с гамадриадой в Доме Рептилий? Это мог быть только Кагуэлла.

Конечно, все можно списать на переутомление. Но я не первый раз видел мир его глазами. Вот уже несколько дней меня преследовали сны, похожие на обрывки воспоминаний — сны, где мы с Гиттой занимались любовью. Оказалось, что я мог вызвать из памяти самые потаенные изгибы ее тела. Почему-то я помнил, как моя рука скользит по ложбинке вдоль ее позвоночника, по выпуклостям ее ягодиц. Я мог представить себе вкус и

аромат ее кожи. Здесь была какая-то тайна, которую я не мог разгадать... или не хотел, потому что разгадка содержала в себе нечто слишком мучительное.

Я знал лишь одно: оно связано с гибелью Гитты.

— Послушай, — сказала Зебра, вновь наполняя мою чашку горячим кофе, — а может, Рейвич решил сам искать смерти?

Я заставил себя сосредоточиться на ее словах.

— Я мог бы выполнить это желание еще на Окраине Неба.

— Ну, значит, какой-то необычной смерти. Какая возможна только здесь.

Она была невероятно красива. Поблекшие полосы подчеркивали природную лепку ее лица, придавая ему сходство с неокрашенной маской. Сейчас, сидя за завтраком, друг напротив друга, мы впервые ощутили некое подобие близости — с тех пор, как нас соединил Пранский. Сегодня мы не занимались любовью — и дело было не только в том, что я был до предела измотан. Зебра также не проявила инициативы. Ничто в ее поведении или манере одеваться не указывало на то, что наши отношения когда-либо носили не только холодновато-деловой характер. Вместе с внешними проявлениями исчезла и их причина. Не могу сказать, что это была тяжелая потеря. Не только потому, что я был не способен сосредоточиться на таких простых и естественных вещах, как физическая близость. Просто в прежних поступках Зебры слишком явно ощущалась наигранность.

Я попытался почувствовать себя обманутым, но безуспешно. Я тоже не был образцом честности.

Но как легко она изменила внешность...

— Вообще-то, — проговорил я, — есть еще один вариант.

— Какой?

— Человек, которого я видел, не был Рейвичем, — я поставил пустую чашку и поднялся.

— Ты куда?

— Пойду прогуляюсь.

В Эшер-Хайтс мы отправились вместе.

Вагончик приземлился, осторожно коснувшись рычагами-опорами скользкой от дождя поверхности выступа. Сейчас движение снова стало оживленным. День был в разгаре. Костюмы прохожих — равно как их анатомические особенности — выглядели чуть менее вызывающими. Казалось, общество Кэнопи предстало в ином виде — граждане, ведущие более размеренную жизнь, которым чужды безумные ночные развлечения.

Конечно, и здесь не обошлось без эксцентризма. Я не встретил особенных отклонений от пропорций нормальной человеческой фигуры, хотя в этих пределах было представлено все разнообразие видоизменений. За исключением экзотических вариантов кожной пигментации и волосяного покрова, наследственные признаки не всегда можно было отличить от работы Миксмастеров — или их подпольных коллег.

— Надеюсь, ты не просто решил прогуляться, — заметила Зебра, когда мы высадились. — И не забывай, что тебя кое-кто ищет. Можешь считать, что они работают на Рейвича, но хочу тебе напомнить, что у Уэверли есть друзья.

— В других системах?

— Думаю, нет. Зато они могут выдавать себя за иммигрантов. А еще есть твой Квирренбах.

Она закрыла за собой дверцу, и фуникулер немедленно умчался выполнять очередное поручение.

— Он может вернуться с подкреплением. И начнет поиски с Доминики — если ты действительно оставил его там. Не так ли?

— Совершенно верно, — согласился я — надеюсь, не слишком озабоченно.

Мы подошли к краю посадочного карниза, к одному из телескопов, установленных на парапете. Сам парапет был мне по грудь, но перед телескопами возвышалась небольшая платформа. В итоге наблюдатель словно висел над головокругительной пропастью Бездны. Вдавлив в глазницу окуляр, я поворачивал оптику, обшаривая взглядом панораму и одновременно сражаясь с колесиком фокуса. Наконец до меня дошло: я не добьюсь четкого изображения, поскольку воздух пропитан смогом. В сжатом перспективной виде Кэнопи еще сильнее напоминал трехмерную головоломку — или срез живой ткани, пронизанной то ли жилками, то ли капиллярами. И где-то здесь, в этом лабиринте, находится Рейвич — одинокая молекула в кровеносной системе огромного города.

— Что-нибудь видишь? — спросила Зебра.

— Пока нет.

— Кажется, ты волнуешься, Таннер.

— А ты бы на моем месте не волновалась? — Я резко развернул телескоп вокруг оси. — Я прибыл сюда, чтобы убить человека. Возможно, он этого не заслуживает, возможно, единственная причина моих действий — следование идиотскому кодексу чести, который никто здесь не понимает и не уважает. Тот, кого я должен убить, издевается надо мной. В свою очередь, на меня охотится какая-то парочка. Моя память вытворяет черт

знает что. И в довершение всего, я выясняю, что человек, которому я доверял, все это время лгал мне.

— Не понимаю, — проговорила Зебра, но по ее тону было очевидно обратное. Во всяком случае, она знала, к чему я веду.

— Ты не та, за кого себя выдаешь, Зебра.

Порыв ветра, налетев на нас, едва не унес с собой ее удивленное восклицание.

— Ты работаешь на Рейвича? — прямо спросил я.

Она сердито тряхнула головой, почти смеясь над нелепостью этого утверждения, но явно переигрывала. Не могу назвать себя блестящим актером, но Зебра была не лучше. Организуем клуб взаимопомощи, дорогая?

— Ты сумасшедший, Таннер. Мне всегда казалось, что ты немного не в себе, но теперь я знаю точно. Ты зашел слишком далеко.

— Ты уже работала на него в ту ночь, когда нашла меня, — продолжал я. — История с саботажем была просто легендой — довольно неплохой, но все же легендой.

Я шагнул с возвышения. Неожиданно я почувствовал себя абсолютно беззащитным — казалось, порыв ветра мог швырнуть меня в Бездну или в Малч.

— Возможно, меня действительно схватили Игроки. Но ты вышла на меня еще раньше. Рейвич подослал ко мне Квирренбаха; потом, по-видимому, мне удалось стряхнуть «хвост». Но оставался еще кое-кто — тот, кто держался в отдалении, не привлекая к себе внимания. На какое-то время ты потеряла меня из виду — пока Уэверли не вживил мне в голову имплантат. Тогда себе удалось снова выследить меня. Ну, как тебе версия?

— Полный бред, Таннер.

В ее голосе не было уверенности.

— Хочешь узнать, как до меня это дошло? Самое главное, не говоря о мелких деталях.

— Давай, я послушаю.

— Тебе не следовало упоминать Квирренбаха. Я ни разу не называл его имени. Честно говоря — нарочно. Я ожидал, что ты промахнешься, и у тебя вырвалось. Кажется, мне повезло.

— Ты ублюдок, — она произнесла это слово с такой нежностью, словно оно было ласковым прозвищем, какие дают друг другу любовники. — Ты хитрый ублюдок, Таннер.

Я улыбнулся.

— Ты могла бы оправдаться, если бы захотела. Почему бы тебе не

сказать, что это имя упоминала Доминика? Ты же спрашивала ее, с кем я был. Я думал, что ты так и скажешь — честно говоря, не ожидал такого ответа. Но теперь уже поздно, правда? Маска сорвана.

— А что за мелочи, о которых ты говорил? Мне просто любопытно.

— Профессиональная гордость?

— Вроде того.

— Ты слишком упростила мне задачу, Зебра. Не заглушила двигатель, чтобы я смог украсть твой фуникулер. Оставила оружие там, где я мог найти его, а заодно и достаточную сумму денег. Тебе хотелось, чтобы я украл эти вещи, и тогда ты бы наверняка узнала, кто я такой. Тот, кто прилетел, чтобы убить Рейвича.

— И это все? — пожала она плечами.

— Не совсем. — Я поплотнее закутался в сюртук Вадима. — Например, ты предложила мне заняться любовью, едва успев со мной познакомиться. Впрочем, игра стоила свеч.

— Ах, только не надо лести. Прибереги ее для себя.

— Но я бы не сказал, что ты образовалась, когда мы снова встретились. И на этот раз между нами не возникло даже намека на влечение. Во всяком случае, с твоей стороны. Мне пришлось поразмыслить над этим, но теперь я понял. Первый раз тебе нужно было создать доверительную обстановку. Ты надеялась, что я расскажу тебе что-нибудь важное. Поэтому ты пригласила меня к себе в постель.

— На свете есть такая вещь, как свобода выбора, Таннер. Ты мог отказаться — иначе придется признать, что в этот момент ты думал не головой, а другим местом. К тому же мне не кажется, что ты об этом жалеешь.

— Что верно, то верно. Впрочем, я все равно был слишком измотан. Но это вряд ли что-то изменило. Ты уже узнала все, что хотела. А первый раз ты руководствовалась расчетом: переспать со мной и получить информацию.

— Не получить.

— Не важно. Ты получила ее позже, когда я сбежал с твоей пушкой и машиной.

— Печальная история, правда?

— Только не для меня, — я глянул через парапет. — А вот для тебя — пожалуй. Это серьезный провал, Зебра. Ты знаешь: я проделал большой путь, чтобы убить Рейвича. Тебе не приходит в голову, что я не буду страдать угрызениями совести, если убью того, кто встал у меня на пути?

— У тебя в кармане пистолет. Действуй — если тебе от этого станет

легче.

Я сунул руку в карман, чтобы убедиться в этом — и задержался.

— Я мог бы убить тебя прямо сейчас.

К чести Зебры, она даже не вздрогнула.

— Не вынимая руки из кармана?

— Хочешь проверить?

Это становилось похоже на розыгрыш. Мы словно играли сцену из какой-то пьесы и были не в силах остановиться — мы могли только следовать сценарию, даже не представляя, чем он закончится.

— Ты действительно думаешь, что сумеешь попасть в меня не целясь?

— Я уже делал такое.

И готов сделать это снова — с тем же результатом. Ведь я не хотел убить Гитту. И не был уверен сейчас, что хочу убить Зебру.

Не хотел убить Гитту...

Я старался не думать об этом. Но мои мысли словно блуждали по лабиринту, в котором был только один выход. Теперь воспоминания вырвались из-под спуда и ввалились в мой мозг, точно шайка буйных проходимцев. До сих пор я не вспоминал о той минуте. Гитта мертва. Я предпочитал сохранять душевное спокойствие, не вспоминая о том, как она погибла. Она погибла во время нападения на лагерь — о чем тут думать?

Не о чем.

Не считая того факта, что ее убил я.

Я это помнил.

Гитта проснулась раньше меня. Она была первой, кто услышал, как нападающие прорвались сквозь заграждения, почти невидимые в стробоскопических вспышках электрических разрядов. Ее испуганный возглас разбудил меня. Обнаженная, она прижималась ко мне. Я увидел троих — три силуэта на фоне ткани палатки, словно абсурдное представление театра теней. При каждой вспышке они оказывались в другом месте — то рассыпью, то почти сливаясь. Потом раздались крики — я узнал голоса наших людей — короткие, сдавленные, точно сигналы рожка.

Ионизованные треки косили палатку, и неистовые порывы бури устремлялись в прорехи, словно полумозговые создания из ветра и дождя. Прижав ладонь к губам Гитты, я пошарил под подушкой в поисках пистолета, который положил туда перед сном, и с удовлетворением почувствовал, как прохладная изогнутая рукоятка скользнула мне в руку.

Я соскользнул с койки. Прошло не более секунды или двух с тех пор,

как я понял, что на нас напали.

— Таннер? — позвал я, едва слыша свой голос в погребальном плаче бури. — Таннер, где ты, черт побери?

Я чувствовал, как Гитта дрожит под тонким одеялом, хотя в палатке было душно и сыро.

— Таннер?

В этот момент включилось ночное зрение. Сероватый туман начал приобретать очертания внутренностей разоренной палатки. Этим приобретением — на редкость удачным — я был обязан ультра и Дитерлингу, который убедил меня сделать себе операцию на собственном примере. Определенные генетические изменения на клеточном уровне приводят к образованию на задней стенке сетчатки светоотражающего слоя — органической субстанции. Ультра называют ее «тейптум». Она отражает свет, максимально усиливая поглощение. Кроме того, тейптум изменяет длину волны отраженного света, создавая оптимальную чувствительность сетчатки. По словам ультра, единственный недостаток этой генной модификации — если можно считать это недостатком — состоит в том, что глаза как бы вспыхивают, если направить в лицо яркий свет.

Ультра называют это «сияющим оком».

Честно говоря, мне такое даже нравилось. Поскольку я успевал увидеть тех, кто замечал мое сияющее око, с изрядным опережением.

Разумеется, этим эффекты генной модификации не ограничивались. Зная, как изменить форму основных фоточувствительных хромопротеиновых пигментов, они нашпиговали мою сетчатку генетически измененными «палочками» с почти оптимальной способностью фотонного определения — простая процедура, для которой пришлось пощипать некоторые гены X-хромосомы. В итоге я обзавелся геном, который обычно передается только по женской линии. Он позволяет мне различать оттенки красного цвета, о которых я прежде даже не подозревал. Еще по краю роговицы у меня появились клетки, взятые у каких-то рептилий, что расширило доступный мне видимый спектр в сторону инфракрасного излучения и ультрафиолета. Эти клетки подсоединили к моему зрительному нерву. В результате я воспринимал поступающую с них информацию одновременно с остальной, как это происходит у змей. Как и прочие мои способности, эти особенности зрения активировались и подавлялись специальными ретровирусами, которые вызывали быстрый — разумеется, контролируемый, — рост недолговечных клеток наподобие раковых, выстраивающих или демонтирующих необходимые клеточные ансамбли в течение нескольких дней. Впрочем, прошло некоторое время,

прежде чем я полностью освоился со своими новыми способностями. Сначала я привык к способности видеть в темноте, а чуть позже — к распознаванию предметов, невидимых обычными людьми.

Отдернув занавеску, разделяющую палатку, я вошел на половину Таннера. Наш шахматный столик стоял на прежнем месте. Фигуры тоже стояли на прежнем месте, демонстрируя комбинацию, в которой я одержал победу — как обычно.

Таннер — почти голый, если не считать шорт цвета хаки — стоял возле своей койки на коленях, в позе человека, который то ли шнурует ботинок, то ли исследует волдырь на ноге.

— Таннер?

Он чуть выпрямился и повернулся ко мне. Его руки были вымазаны чем-то черным. Потом он застонал. Мои глаза окончательно привыкли к темноте, и я увидел, в чем дело. От его левой ступни почти ничего не осталось — просто комок угля, который должен был рассыпаться при малейшем прикосновении.

Я понял, что в палатке пахнет горелым человеческим мясом.

Внезапно Таннер смолк. Казалось, что-то в его голове отметило, что стоны не решают проблему выживания — наиболее насущную в данный момент, — и просто отключило боль.

— Я ранен, — произнес он поразительно спокойно и отчетливо, — и, как видите, довольно серьезно. Не думаю, что от меня будет много проку... Что у вас с глазами?

Сквозь дыру в стене палатки шагнул человек. Очки ночного видения висели у нее на шее, к стволу винтовки приделан фонарик. Луч света скользнул и замер на моем лице. Одежда из хамелеонофляжа уже подстраивалась под интерьер палатки.

Выстрелом из лучевика я распорол ему живот.

— Все в порядке, — произнес я.

Остаточный след моего выстрела растекся розовым пятном, напоминающим большой палец. Я перешагнул через труп боевика, стараясь не наступить босой ногой в кучу вывалившихся внутренностей, снял с оружейной стойки крупнокалиберный бозонный лучевик — слишком тяжелый, чтобы пользоваться им в ближнем бою — и бросил на койку Таннера.

— О моих глазах можешь не беспокоиться. Вот тебе костыль, и начинай отрабатывать свое жалованье. Если выберемся из этого дерьма, получишь новую ногу, так что считай свое ранение временной потерей.

Таннер поднял глаза, посмотрел на винтовку, затем снова на свою рану,

словно сравнивал предложенные варианты.

Пора было действовать. Навалившись всем телом на приклад винтовки, я попытался упрятать боль подальше, в самые недоступные закоулки. От ступни у меня ничего не осталось, но Кагуэлла был прав. Сейчас я действительно мог обойтись без нее. Луч идеально прижег рану, закупорив сосуды. Если мы выкарабкаемся, восстановление ступни будет стоить разве что трех-четырех недель дискомфорта. За время армейской службы, когда мы сражались против Северной коалиции, мне доставалось и похуже. Но сейчас я почему-то воспринимал ситуацию иначе. Я лишился части своего тела и не представлял, чем компенсировать эту потерю.

Палатку озарил ослепительный луч искусственного света. Неприятелей было трое; один из них — тот, кто ранил меня — был убит. Наша палатка достаточно велика, и это ввело их в заблуждение: они не думали, что нас только трое, поэтому открыли огонь на поражение, прежде чем ворваться внутрь и добить тех, кто уцелел.

Ковыляя, я подошел к телу убитого достаточно близко, чтобы дотянуться до него, и опустил на колени. Я отцепил от винтовки фонарик и снял с него инфракрасные очки. Кагуэлла стрелял вслепую, почти в полной темноте — и попал, хотя я, пожалуй, взял бы немного повыше.

А несколько часов назад он точно так же палил в темноту — теперь я знал, что он видел цель.

— Они что-то сделали с вами и Дитерлингом, — процедил я сквозь стиснутые зубы и надеясь, что говорю достаточно внятно. — Ультра...

— Им это нужно как воздух, — отозвался он, поворачиваясь ко мне всем телом, широким, как стена. — Они живут на своих кораблях почти в абсолютной темноте. Чтобы полнее наслаждаться чудесами Вселенной, им приходится обходиться без солнечного света. Жить будешь, Таннер?

— И не только я, надеюсь, — я надел очки, опустил инфракрасные фильтры, и комната вспыхнула ядовитыми оттенками зелени. — Крови ушло немного, но мне ничего не поделать с шоком. Он скоро наступит, и тогда от меня будет мало проку.

— Возьми оружие — что-нибудь для ближнего боя. Пойдем и посмотрим, сколько мы их сможем уложить.

— А где Дитерлинг?

— Не знаю. Боюсь, убит.

Почти не задумываясь, я снял со стойки компакт-пистолет, перевел аккумуляторную батарею боезапаса в режим готовности и услышал пронзительный вой — конденсаторы начали заряжаться.

И тут за занавеской вскрикнула Гитта.

Кагуэлла ринулся туда, опередив меня, откинул штору — и замер. Я едва не сбил его с ног, влетев следом — вернее, ввалившись, поскольку с винтовкой в качестве костыля я двигался довольно неуклюже. Инфракрасные очки оказались не нужны. Палатку освещала переносная лампа — по-видимому, Гитта включила ее.

А Гитта стояла посредине секции, закутанная в одеяло мышиноного цвета.

Один из боевиков стоял сзади. Он ухватил ее за волосы, запрокидывая ей голову, а другой рукой вжимал в изгиб ее побелевшей шеи нож с жутким зазубренным лезвием.

Гитта больше не кричала. Она позволяла себе лишь тихонько и прерывисто всхлипывать, как человек, которому не хватает воздуха.

На боевике, который держал ее, не было шлема. Я ожидал увидеть Рейвича, но это был просто один из головорезов, которые кое-чему обучились и отправились воевать — против нас или за нас, а скорее всего, за обе стороны одновременно. Его лицо покрывали морщины, черные волосы стянуты на затылке узлом, как у самурая. Он не улыбался — ситуация была слишком напряженной, — но выражение его физиономии говорило о том, что он наслаждается.

— Стой где стоишь, — голос у него был грубым, но без акцента, и в нем слышалась странная рассудительность. — А вообще, можешь сделать еще шаг. В любом случае я убью ее. Это просто вопрос времени.

— Твой приятель убит, — вмешался Кагуэлла. — Если ты убьешь Гитту, я прикончу и тебя. Но каждую секунду ее боли я превращу для тебя в час. Вполне милосердно, правда?

— Пошел ты, — бросил боевик и провел лезвием по ее шее. Я увидел, как вспухает кровавая «гусеница». Он сделал именно то, что хотел — чуть-чуть надрезал кожу. Пожалуй, этот подонок неплохо владеет ножом. Сколько ему пришлось упражняться, чтобы так набить руку?

Гитта была на высоте. Она едва вздрогнула.

— У меня для вас послание, — продолжал он, чуть приподнимая нож над ее кожей и показывая алые розы на его лезвии. — От Арджента Рейвича. Вас это, случайно, не удивляет? Вряд ли — вы же его ждали. Но мы решили зайти немного пораньше.

— Ультра нас обманули, — сказал Кагуэлла.

Боевик коротко улыбнулся. Он не просто наслаждался — он был почти в экстазе. Его глаза сощурились, превратившись в щелки. Похоже, мы нарвались на психа, который может выкинуть все что угодно.

Понятно, что о переговорах не может быть и речи.

— У них идут постоянные склоки, — продолжал боевик. — Особенно на борту кораблей. Да, Оркагна вас обманул. Не примите это на свой счет, — его пальцы, сжимавшие рукоять ножа, снова напряглись. — А теперь, Кагуэлла, не будешь ли так любезен опустить оружие?

— Сделайте, как он говорит, — шепнул я. Кагуэлла по-прежнему стоял прямо передо мной. — У вас отличная позиция, но он прикрылся Гиттой. Вы вряд ли успеете прицелиться.

— Где больше двух — там говорят вслух, — заметил боевик. — Разве ты не знаешь?

— Опустите оружие, — продолжал я. — И слушайте внимательно. Я смогу попасть в него, не ранив Гитту. Но вы мне мешаете.

— Говори так, чтобы я слышал, ублюдок, — боевик вдавил нож в шею Гитты, чудом не прорезая кожу. Теперь достаточно легкого движения — и лезвие войдет в сонную артерию.

— Я выстрелю сквозь вас, — сказал я Кагуэлле. — Вы помните, лучевик поражает только по линии прицела. Я стою удачно, рана будет неопасной. Приготовьтесь.

В этот момент наемник надавил чуть сильнее, и вмятина у лезвия внезапно начала наполняться кровью. Время замедлило ход. Я увидел, как лезвие двигается по ее горлу.

Кагуэлла что-то произнес.

Я выстрелил.

Тонкий, как спица, луч вонзился ему в спину на дюйм левее позвоночника — в верхнюю часть поясничной области, между двадцатым и двадцать первым позвонком. Я надеялся, что не попал в подключичную вену и что обжигающий луч под таким углом пройдет между левым легким и желудком. Не могу сказать, что я действовал с точностью хирурга. Кагуэлла может считать себя счастливым, если останется в живых. Но я знал еще кое-что. Он готов умереть, если это будет необходимо для спасения Гитты. Ради нее он сам прикажет, чтобы я убил его. Но, честно говоря, я почти не думал о Кагуэлле. Гитта стояла так, что выбирать направление выстрела мне не приходилось. Мне нужно было просто спасти ее, чем бы это ни кончилось для ее мужа.

Выстрел лучевика длится менее одной десятой секунды. Однако ионный след траектории долго висел в воздухе, обжигая мне глаза. Кагуэлла рухнул к моим ногам, словно мешок.

Гитта тоже упала. С аккуратным отверстием во лбу, совершенно осмысленным взглядом и неглубокой раной на горле, из которой все еще

сочилась кровь.

Я промахнулся.

Ни смягчить, ни подсластить эту отравленную чашу невозможно. Я хотел спасти Гитту, но мои желания ничего не значили. Имело значение лишь одно — красная точка у нее над бровями, отметина моего выстрела, который предназначался боевику, державшему нож у ее горла.

Его даже не задело.

Я проиграл, причем в тот единственный раз, когда на карту было поставлено все — и когда я даже в мыслях не допускал поражения. Я подвел и себя, и Кагуэллу, не удержав тяжкий груз доверия, который он безоговорочно возложил на меня, хотя и никогда не говорил об этом напрямую. Его рана была серьезной, но я не сомневался, что при надлежащем уходе он выживет.

Однако спасти Гитту было невозможно. Интересно, кому из нас повезло больше?..

— Что случилось? — спросила Зебра. — Таннер, в чем дело? Не смотри на меня так, пожалуйста. Мне кажется, ты действительно был готов меня убить.

— Назови хоть одну причину, по которой мне нельзя этого делать.

— Правда.

Я покачал головой.

— Извини, но все, что ты мне рассказала, мало похоже на правду.

— Это не все, — она говорила спокойно, словно с облегчением. — Я больше не работаю на него, Таннер. Он этого не знает, но я предала его.

— Рейвича?

Она кивнула, опустив голову и пряча от меня глаза.

— Когда ты обокрал меня, я поняла, что ты и есть тот человек, за которым охотится Рейвич. Профессиональный убийца.

— Нетрудно было догадаться, правда?

— Я хотела убедиться окончательно. Рейвич потребовал, чтобы опасный объект был изолирован, исчез со сцены... Попросту говоря, уничтожен.

— Это не лишено смысла, — кивнул я.

— Мне было поручено уничтожить тебя, как только у меня появится достаточно доказательств в пользу твоей профессии. Таким образом, Рейвич смог бы выбросить это дело из головы раз и навсегда. Ему бы не пришлось беспокоиться о том, что убит кто-то другой, а настоящий убийца жив и находится где-то поблизости.

— У тебя не раз была возможность прикончить меня, — моя рука,

сжимающая рукоятку пистолета, расслабилась. — Почему ты этого не сделала?

— Едва не сделала, — Зебра заговорила быстрее, ее голос стал тихим, почти беззвучным. — Я могла сделать это у себя дома, но меня что-то остановило. Ты же не будешь винить меня за это, правда? Поэтому я позволила тебе взять винтовку и фуникулер. Я знала, что получу назад и то, и другое.

— Мне следовало догадаться. Сейчас это кажется очевидным.

— Но я не настолько глупа, чтобы не подстраховаться. Разумеется, на случай провала у меня оставалась еще одна возможность. Имплантат Игры. Некоторое время она молчала.

— Но ты разбил машину, а потом избавился от имплантата. Оставалась только винтовка, но сигнал от нее был очень нечетким. Наверно, с ней что-то случилось, когда фуникулер упал.

— И тут я позвонил тебе с вокзала — после того, как побывал у Доминики.

— Да. И дал мне понять, куда направляешься. Тогда я наняла Пранского. Как он тебе? Конечно, навыки общения требуют некоторой доработки, но подобным людям платят не за обаяние и такт.

Зебра перевела дыхание и стерла со лба тонкую пленку черной от копоты дождевой воды, которая образовалась над бровями, обнажая полоску чистой кожи — словно приподняла капюшон.

— Впрочем, ему до тебя далеко. Я видела, как ты напал на Игроков, ранил троих из них и похитил четвертого — ту женщину. Все это время я держала тебя на прицеле. Я находилась за километр от тебя и могла запросто разнести тебе череп. Ты бы глазом моргнуть не успел, как твои мозги растеклись бы по тротуару. Но я не смогла. Не смогла убить тебя так просто. Тогда я и предала Рейвича.

— Я чувствовал, что кто-то следит за мной, но про тебя даже не подумал.

— Так или иначе, ты бы не догадался, что находишься на волосок от смерти.

— И ты была готова перебить этот волосок? Для этого надо быть снайпером. Разве приличные девушки таким занимаются?

— И что дальше, Таннер?

Я вынул из кармана пустую руку — точно фокусник, который оплошал на глазах зрителей.

— Не знаю, — признался я. — Здесь такая сырость... Я бы не отказался пропустить стаканчик.

Глава 31

Мафусаил совершенно не изменился с тех пор, как я видел его последний раз. Он по-прежнему плавал в своем аквариуме, похожий на уродливый айсберг. Вокруг по-прежнему толпились зеваки — они останавливались на несколько минут, чтобы зачарованно поглазеть на это чудо, но скоро начинали понимать, что не увидят ничего, кроме огромной старой рыбины, которая мало чем отличается от суетливого молодняка, снующего в бассейнах — разве что размерами. Пожалуй, дело обстояло еще хуже. Как я заметил, ни один из посетителей, отходивших от Мафусаила, не излучал того счастья, с каким направлялся к нему. И не только потому, что они были разочарованы. Просто в этом зрелище было нечто невыразимо печальное. Возможно, этот бесцветный, безвольно дрейфующий остов, именуемый Мафусаилом, представлялся им пугающим олицетворением их собственного будущего.

Мы с Зеброй пили чай, и никто не обращал на нас внимания.

— Женщина, которую ты встретил... как ее...

— Шантерель Саммартини, — подсказал я.

— Пранский так и не объяснил, что с ней случилось. Вы были вместе, когда он нашел тебя?

— Нет. Мы с ней повздорили.

Зебра проявила отменную сообразительность.

— Хочешь сказать, это была просто сделка? Или, похищая человека, ты не ожидаешь недовольства?

— Я не похищал ее, что бы ты ни думала. Я попросил ее отвезти меня в Кэнопи.

— Под дулом пистолета.

— Иначе она бы отказала.

— Резонно. И ты продолжал держать ее под прицелом, пока вы гуляли по Кэнопи?

— Нет, — ответил я. По правде, эти расспросы начинали меня раздражать. — Вовсе нет. В этом больше не было необходимости. Оказалось, что мы могли общаться друг с другом и без оружия.

Зебра вскинула брови.

— Ты сумел найти общий язык с этой маленькой богачкой из Кэнопи?

— Можно сказать и так, — отозвался я, почему-то ощутив обиду.

На противоположном конце атриума Мафусаил шевельнул анальным

плавником. Этого движения — слабого, словно невольного — никто не ожидал, и зрители слегка вздрогнули — словно на их глазах зашевелилась статуя. Интересно, что заставило его сделать это движение: какой-то внутренний позыв — или оно было сродни поскрипыванию досок в старом доме?

— Ты переспал с ней? — осведомилась Зебра.

— Нет. Понимаю, что ты разочарована, но на это просто не было времени.

— Не самая приятная тема для беседы, правда?

— Не знаю, как тебе...

Я тряхнул головой, чтобы скрыть неловкость, а заодно поставить точку намеки на более тесные отношения с Шантерель.

— Я ожидал, что возненавижу ее за то, что она делает. За то, что она Игрок. Но стоило мне заговорить с ней, как я понял, что все не так просто. С ее точки зрения, в Игре нет ничего варварского.

— Как мило и удобно.

— В общем, она не представляла — или не могла представить, — что добыча может вести себя... по-разному.

— Пока не встретила тебя.

Я осторожно кивнул.

— Думаю, я дал ей повод для размышления.

— Ты всем нам дал повод для размышления, Таннер.

На этом беседа закончилась. Зебра не произнесла ни слова, пока не допила свой чай.

— Снова вы, — изрек Миксмастер. Его тон не выражал ни удовольствия, ни разочарования в чистом виде — скорее, смесь того и другого в тщательно выверенных пропорциях. — Я полагал, что ответил на все ваши вопросы во время вашего последнего визита. Очевидно, я ошибался.

Его глаза под тяжелыми веками остановились на Зебре, и легкая гримаса — «я вас не узнаю» — на миг стерла с его лица генетически усиленное выражение благодушие.

— Как я вижу, мадам сильно изменилась с момента нашей последней встречи.

— Она побывала у хорошего мясника, — пояснил я.

— В отличие от вас, — парировал Миксмастер, запирая входную дверь салона, чтобы избавиться от посетителей.

— Я говорю, как вы понимаете, о работе с вашими глазами, —

продолжал он, усаживаясь перед своей левитирующей консолью. Нам он присесть не предложил. — Может быть, покончим с этими играми? Я о том, что вы якобы побывали у мясников.

— О чем он говорит? — с искренним недоумением спросила Зебра.

— Небольшие внутренние проблемы, — ответил я.

— Этот господин, — Миксмастер подчеркнул последнее слово, — посетил меня вчера, чтобы посоветоваться по поводу некоторых генетических и структурных аномалий его глаз. При этом он заявил, что эти аномалии — результат непрофессиональной работы мясников. Я почти поверил ему, хотя не заметил никаких признаков, указывающих на то, что это их работа.

— А теперь?

— Теперь я полагаю, что эти модификации были сделаны абсолютно другой фракцией. Разъяснить подробнее?

— Сделайте одолжение.

— Каждая фракция работает в определенном стиле. В вашем случае я заметил ряд признаков, указывающих на то, что циклы изменений введены с помощью генетической технологии, которой обычно пользуются ультра. Я бы не сказал, что она более совершенна, чем технологии мясников или Миксмастеров — просто совершенно иная и очень необычная.

Он позволил себе улыбнуться, явно впечатленный своими дедуктивными способностями.

— Предоставляя услуги генетической модификации, Миксмастер гарантирует долгосрочный результат — если клиент не оговаривает обратное. Это не означает, что генетические и физиологические изменения необратимы — просто они устойчивы к сопротивлению изначально заложенной генетической структуры. Работа мясника похожа по стилю — по той простой причине, что они обычно крадут у нас схемы циклов. Но мясникам не хватает изобретательности, чтобы обеспечить им достаточный срок действия. Они просто копируют коды, не вскрывая их. Но ультра работают совсем по-иному, — Миксмастер положил подбородок на сплетение своих изящных пальцев. — Они предлагают услуги по модификации со встроенным ограничением — проще говоря, с таймером мутаций. Не буду вдаваться в подробности. Достаточно будет сказать, что внутри схемы вирусов и ферментов — они играют роль матрицы, которая накладывается на вашу ДНК и внедряет в нее определенные гены — находится нечто вроде таймера. Только он отсчитывает не время, а накопленные случайные изменения в цепи чужеродной внедренной ДНК. Разумеется, как только ошибки превысят установленный уровень,

высвобождаются особые клеточные механизмы, подавляющие либо исправляющие эти изменения в генах, — Миксмастер снова улыбнулся. — Конечно, я неимоверно упрощаю. Ну, для начала, этот механизм запрограммирован так, чтобы включаться постепенно — производство новых протеинов и деление клеток нового типа не должно прекратиться внезапно. Иначе это может привести к летальному исходу — особенно если изменения позволяли вам жить в агрессивной среде. Например, в воде, перенасыщенной кислородом, или в аммиачной атмосфере...

— По-вашему, с глазами Таннера поработали ультра?

— Вы исключительно быстро улавливаете суть. Но дело не только в этом.

— Как это обычно бывает, — вставил я.

Руки Миксмастера заплясали над пультом. Пальцы словно перебирали струны невидимой арфы, вытаскивая из воздуха столбцы генетических данных и бесконечные цепочки нуклеиновых кислот, прошивающих физиологические и функциональные схемы человеческого глаза и отделов мозга, ответственных за визуальное восприятие. Миксмастер походил на колдуна, на зов которого слетелись окровавленные призраки и духи-хранители.

— В вашем случае происходит нечто странное, — пальцы Миксмастера на миг замерли, прекратив беглый перебор, и он указал на блок из пар комплементарных оснований — кольцо, образующее поперечную связь в ДНК. — Этим комплементарным парам разрешено разрастаться без ограничений и хаотично... Вот внутренний таймер, — его палец переместился к другому блоку, который, на мой взгляд, ничем не отличался от предыдущего. — А это «справочная карта» — ДНК, которая не подвергается мутации. Если их сравнить и подсчитать число мутаций, можно увидеть, что часы идут.

— Я бы не сказала, что здесь что-то сильно изменилось, — заметила Зебра.

— Несколько точечных вмешательств, незначительных с точки зрения статистики — в основном устранение структурных смещений, — сказал Миксмастер. — Но ничего существенного.

— Поясните, — сказал я.

— Это значит, что таймер запущен недавно. Два набора ДНК едва начали расходиться, — его глаза сузились. — Следовательно, и операция была сделана совсем недавно. Я почти уверен: самое большее — год назад, а может, и несколько месяцев.

— И в чем проблема? — спросила Зебра.

— Вот в чем, — его палец ткнул в сиреневый сгусток, плотно опутанный какими-то нитями. — Это фактор генетического считывания — белок, который регулирует выраженность каждого отдельного комплекта генов. Впрочем, этот белок необычен для человека. Его единственная функция — именно для этого он сюда помещен — подавление нововведенных генов в клетках ваших глаз. Пока таймер мутации не сработал, этот белок не должен присутствовать в таком количестве. Однако, как я вижу, его здесь в избытке.

— Хотите сказать, что ультра обманули Таннера?

— Вряд ли, — Миксмастер покачал головой. — В этом нет финансовой выгоды. Так или иначе, это потребовало бы вмешательства в генную структуру. Переустановка таймера обошлась бы ненамного дешевле. Фактически, это могло лишить их прибыли в будущем, поскольку Таннер — если его действительно так зовут — обратится к услугам другой группы.

— Значит, вы можете предложить другое объяснение?

— Да. Но оно может вам не понравиться, — он снова подарил нам сладострастную улыбку. — Крайне сложно переустановить мутационный таймер на нуль, не затронув разного уровня вторичные комплексы защиты от вмешательства. Это задача сложна даже для Миксмастера. Скажем, я мог бы такое сделать, но это будет далеко не самая тривиальная операция. Гораздо проще произвести обратную процедуру.

— Обратную процедуру? — я подался вперед, чувствуя, что стою на пороге некоего фундаментального открытия. Причем не самого приятного.

— Перевести стрелки часов вперед, чтобы дать отбой новым генам.

Он позволил себе на миг погрузиться в размышления, вращая призрачную проекцию глазного яблока кончиком пальца — жутковатое зрелище.

— Это проще — по причине отсутствия защитных комплексов. Ультра никогда не придет в голову страховать от подобных вмешательств, это может повредить клиенту. На самом деле, такой перевод стрелок — тоже не самая простая операция, но она несоизмеримо проще, чем остановка часов. Ее может выполнить любой мясник, который понимает суть проблемы.

— Продолжайте.

Его голос приобрел звучность, которой минутой раньше не хватало. Похоже, его голосовой аппарат имел что-то вроде переключателя, который запускал нужную мутацию.

— Неизвестно кто, неизвестно зачем перевел ваш таймер вперед, Таннер.

Зебра окинула меня взглядом.

— Вы хотите сказать, изменения в организме Таннера угасают?

Она еще не понимает, какую форму приобретают эти изменения.

— По-видимому, так было задумано, — ответил Миксмастер. — Тот, кто это сделал, обладал определенными познаниями. После того как таймер сработал, клетки в вашем глазу должны снова начать генерацию обычных для человека белков и делиться по обычной схеме, — он вздохнул. — Но мастера либо допустили небрежность, либо поторопились. А может быть, и то, и другое. Они переустановили лишь часть ваших часов, да и то неточно. В вашем глазу идет маленькая война между различными компонентами генетического оборудования ультра. Тот, кто переустановил ваши часы, думал, что отключил механизм, но на самом деле лишь заклинил его шестеренки... — В его голосе появились нотки печали. — Ах, сейчас все спешат. Ужасно спешат. Разумеется, этих мастеров постигла неудача — как и следовало ожидать. Вопрос в том, почему они вообще взялись за такое.

Его глаза снова раскрылись и выжидающе уставились на меня. Похоже, он ждет объяснения. Но как бы мне этого ни хотелось, я не доставлю ему такого удовольствия.

— Мне нужно пройти сканирование, — произнес я вместо этого. — Полное сканирование тела. Вы сможете это сделать?

— Смотря для чего вам это нужно. И какова должна быть частота разрешения.

— Не слишком высокая. Мне просто нужно, чтобы вы кое-что нашли. Повреждение тканей. Внутреннее. Зажившие или не зажившие раны.

— Можно попробовать, — снисходительно ответил мастер и жестом пригласил меня на кушетку. С потолка уже плавно спускалось сканирующее устройство, похожее на ската.

Операция прошла довольно быстро. Честно говоря, меня бы удивило, если бы сканер Миксмастера не подтвердил моих опасений или обнаружил нечто неожиданное. Просто он бесстрастно представил их в виде столбиков информации. Под этими столбиками были похоронены последние робкие попытки отрицать очевидное, последние остатки тайной надежды, затаившиеся где-то в закоулках сознания.

Скат создал проекцию моего тела и принялся исследовать его потаенные секреты с помощью целого арсенала сенсоров. По сути, это устройство было чем-то вроде трала, но не в пример более совершенного, способного работать с любой клеточной и генетической структурой, а не только обнаруживать специфические изменения нейронной ткани. Будь у нас достаточно времени, аппарат мог бы проанализировать каждый атом

моего тела, до последнего кванта. Но сейчас в подобной точности не было необходимости, а поэтому сканирование прошло довольно быстро.

То, которое предстало моим глазам, заставило меня похолодеть от ужаса. В нем отсутствовало нечто такое, что не могло отсутствовать.

А то, что должно было отсутствовать, было на месте.

Глава 32

— Ты выглядишь так, словно увидел привидение, — заметила Зебра.

Она усадила меня в атриуме и заставила выпить нечто горячее, сладкое и не поддающееся определению.

— Даже не пытайся угадать, что я увидел.

— Неужели все так плохо, Таннер? Думаю, ты ожидал увидеть нечто подобное — иначе не напросился бы на сканирование.

— Ну... Вернее было бы сказать «опасался».

Я не знал, с чего мне начать, с какого момента... А если говорить точно — с кого. О том, что с моей памятью что-то не так, я знал еще до прибытия на Йеллоустоун. Индоктринальный вирус тоже внес в это свою лепту. Вопреки собственному желанию я наблюдал эпизоды из жизни Небесного Хаусманна. Одновременно в памяти начали всплывать отрывки моего собственного прошлого — кем я был, чем занимался и почему хотел убить Рейвича. Я мог бы смириться — если бы дело этим ограничивалось. Но проблемы с памятью не прекратились, даже когда я попытался разобраться в них, анализируя прошлое Небесного — его никому не известные тайны и преступления. Конец этим проблемам не положили и беспорядочные воспоминания о Гитте — принадлежащие скорее Кагуэлле, чем мне.

Впрочем, даже этому можно было найти объяснение — правда, несколько притянутое за уши. Скажем, мои собственные воспоминания могли «склеиться» с воспоминаниями Кагуэллы. Это не исключено: я слышал, что воспоминания можно записать, а потом перенести в мозг другого человека. Правда, непонятно, каким образом переживания Кагуэллы перемешались с моими, но на это можно было бы закрыть глаза.

Однако правда — та самая, которая только что мне стала очевидна — оказалась гораздо неприятнее.

У меня даже не было своего тела.

— Это нелегко объяснить, — произнес я.

— Человек не пойдет к Миксмастеру, чтобы просканироваться на предмет внутренних повреждений, — процедила Зебра. — Если только не ожидает обнаружить нечто определенное.

— Нет, я просто...

Мне показалось — или я снова увидел в толпе зевак, окруживших Мафусаила, знакомое лицо? Неужели я действительно брежу наяву,

потрясенный тем, что показал мне Миксмастер? А может, это моя судьба — видеть Рейвича повсюду, куда бы я ни посмотрел, независимо от факта его присутствия?

— Таннер...

Я не посмел приглядеться повнимательнее.

— Там кое-что должно было быть, — сказал я. — След ранения, которое я когда-то получил. Меня вылечили... но такие вещи нельзя вылечить бесследно.

— Что за ранение?

— Я прекрасно помню, что потерял ступню. Я могу во всех подробностях рассказать, как это случилось, описать свои ощущения. Но сейчас от этой раны не осталось ни следа.

— Значит, регенерацию провели очень качественно.

— Прекрасно. А как насчет еще одного ранения? Эту рану получил человек, на которого я работал. Его прострелили насквозь из лучевика, Зебра. Это не шутка.

— Я отказываюсь тебя понимать, Таннер, — она огляделась, на миг поймала взглядом что-то или кого-то и снова уставилась на меня. — Хочешь убедить меня, что ты не тот, за кого сам себя принимаешь?

— Ну скажем, я серьезно об этом подумываю... Ты тоже его видела?

— Кого?

— Рейвича. Я только что видел его. Может быть, у меня просто разыгралось воображение. Но ведь я действительно его видел, правда?

Зебра открыла рот, чтобы опровергнуть мои слова — быстро и гладко, — но слова не прозвучали. Ее броня треснула и раскололась.

— Все, что я сказала тебе — правда, — спокойно произнесла она, когда к ней вернулась речь. — Я больше не работаю на него. Но ты прав: ты действительно его видел. Правда, это не совсем Рейвич.

— Я уже почти догадался, — кивнул я. — Подсадная утка?

— Что-то вроде этого, — она заглянула в свою чашку. — Ты правильно догадался: у Рейвича было достаточно времени, чтобы изменить внешность сразу по прибытии в Город. По сути, это было для него единственным разумным шагом. И он его сделал. Сейчас настоящий Рейвич где-то здесь. Он в Городе. Правда, тебе придется раздобыть образец его тканей или притащить его самого к Миксмастеру на сканирование, чтобы убедиться, что это он. И не факт, что это тебе чем-то поможет. Ты же знаешь: здесь можно изменить что угодно — если хватит времени... И денег. Тогда Рейвича не выдаст даже генный анализ.

Зебра умолкла. Краем глаза я продолжал видеть человека снаружи

толпы, собравшейся у огромной рыбины. Да, точно он — или, по крайней мере, его изумительно точная копия.

— Рейвич знает, что обеспечил себе надежное прикрытие, — продолжала Зебра, — но все-таки он очень хочет тебя убрать. Тогда он сможет спать спокойно и снова стать самим собой — конечно, если захочет.

— Значит, он уговорил кого-то стать Рейвичем номер два.

— Этого человека даже не пришлось уговаривать. Он горел таким желанием.

— Еще один одержимый жаждой смерти?

Она покачала головой.

— В той же степени, что и любой смертный в Кэнопи. Кажется, это Воронофф, хотя я могу ошибаться — я не настолько близка с Рейвичем. Не думаю, что эта фамилия тебе о чем-то говорит, но в Кэнопи он пользуется большой популярностью. Это один из самых безумных Игроков. К охоте он уже давно потерял интерес. И он знает свое дело — иначе его уже не было бы на свете.

— Ошибаешься. Мне уже довелось с ним познакомиться.

И я рассказал ей о человеке, который у меня на глазах совершил прыжок в туман Бездны, когда Сибиллина угощала меня в ресторане на вершине Стебля.

— Вполне в его стиле, — сказала она. — Он обожает всякие рискованные приключения — главное, чтобы они требовали максимальной отдачи и ловкости. Любые экстремальные виды спорта, которые обеспечивают хороший выброс адреналина, которые заставляют игрока пройти по узкой грани между смертью и собственным долголетием. Теперь Воронофф не разменивается на такие мелочи, как охота. Он считает ее просто забавой, которая не имеет ничего общего с подлинным риском. Отчасти это справедливо — участники почти ничем не рискуют.

— Кроме одного из них, разумеется.

— Ты понял, что я имела в виду... — она выдержала паузу. — Он один из тех, кто любит по-настоящему острые ощущения. Таким людям обычные методы борьбы со скукой уже не помогают. Поэтому они ищут что-нибудь погорячее.

— Например, лезть под пули?

— При условии, что все под контролем. Воронофф следил за тобой — у него целая сеть шпионов и осведомителей. Когда ты заметил его в первый раз, он уже знал, что ты здесь. Поэтому и встал так, чтобы между вами оказался Мафусаил. Он контролировал ситуацию в большей степени, чем тебе казалось.

— Но это было ошибкой. Он слишком облегчил мне задачу. И заставил задуматься над ходом событий.

— Верно, — удовлетворенно согласилась Зебра. — Но его уже не остановить — мы слишком поздно спохватились. Воронофф нам больше не подчиняется.

Я посмотрел на ее лицо, исчерченное тусклыми полосами. Выбивать из нее дальнейшие разъяснения не придется.

— Воронофф заигрался, — продолжала Зебра. — Эта роль ему слишком понравилась. Какое-то время он вел себя так, как от него требовали — держался от тебя на безопасном расстоянии и старался не попадаться на глаза. Как и планировалось, оставлял следы, по которым ты мог его найти — причем не догадываясь о том, что они ведут в ловушку. Но ему этого показалось мало.

— Ему хотелось большего риска.

— Да, — она кивнула с глубокой убежденностью. — Оставить ниточку и ждать, пока ты ею воспользуешься — этого ему недостаточно. Он начал вести себя нарочито неосторожно — рискуя все больше, но сохраняя минимальный контроль над ситуацией. Он действительно знает свое дело. Рейвичу это не понравилось — причина очевидна. Воронофф больше от него не зависит — он получил новый способ бороться со скукой. По правде говоря, этим он обязан Рейвичу.

— Позволь с тобой не согласиться.

Я встал, едва не опрокинув столик. И моя рука сама скользнула в карман.

— Таннер, — быстро проговорила Зебра, протягивая руку, чтобы ухватить меня за полу сюртука. — Его смерть ничего не изменит.

— Воронофф! — крикнул я — не надрывая связки, а посылая голос, как это делают профессиональные актеры. — Воронофф! Оглянись и выйди из толпы!

Кажется, только сейчас кто-то обратил внимание на то, что у меня в руке поблескивает пистолет.

Человек, похожий на Рейвича, встретился со мной взглядом. Впрочем, он был единственным, кто сумел не выказать при этом ни капли удивления. Я оказался в центре всеобщего внимания, причем большинство присутствующих таращилось на мой пистолет. До сих пор я считал, что развлечения вроде охоты — неотъемлемая часть жизни Кэнопи. Следовательно, многим из этих людей доводилось видеть куда более внушительные стволы — и не только видеть, но и держать в руках. С той лишь разницей, что это происходило не в общественном месте и не в столь

откровенной манере. На меня взирали с брезгливым изумлением, словно я у всех на глазах мочился на декоративную лужайку, окаймляющую водоем с рыбками кой.

— Возможно, ты плохо меня понял, Воронофф, — я слышал собственный голос словно со стороны, в нем появились вкрадчивые нотки. — Мне известно, кто ты такой, а тебе должно быть известно, что я готов пустить в ход оружие.

Дуло пистолета, который я держал обеими руками, уже смотрело в его сторону, а тело само приняло боевую стойку — ноги раздвинуты и чуть согнуты в коленях.

— Брось пистолет, Мирабель.

Голос был незнакомым и раздался не из толпы. Я ощутил под затылком нежный холодок металла.

— Ты что, оглох? Брось пушку, тебе говорят. И побыстрее, не то башку отстрелю.

Я начал медленно опускать пистолет, но типу, который стоял у меня за спиной, это не понравилось. Во всяком случае, давление на мой затылок возросло, так что разоружение явно входило в мои интересы.

Пистолет выпал у меня из рук.

— Эй вы, — продолжал неизвестный, очевидно, обращаясь к Зебре. — Подтолкните мне пистолет ногой — только без выдумок.

Зебра повиновалась.

Боковым зрением я увидел руку, подхватившую с пола пистолет. Давление оружия на мой затылок чуть ослабло, когда нападавший присел.

Но я уже понял, что имею дело с профессионалом. Так что лучше следовать рекомендации, которую получила Зебра, и не предаваться свободе творчества. Тем более что прилива вдохновения я не ощущал.

— Воронофф, вы болван, — услышал я тот же голос. — Из-за вас мы едва не вляпались в крупные неприятности.

Его обладатель по-прежнему стоял у меня за спиной. Он поцокал языком — видимо, изучая мой пистолет, — а затем заговорил снова. Теперь я почти узнал его голос.

— Пусто. Эта чертова машинка с самого начала была не заряжена.

— Неожиданная новость, — заметил я.

— Это моих рук дело, — Зебра повела плечами. — А что мне еще оставалось? Я не сомневалась, что ты в любой момент можешь прицелиться в меня и спустить курок, так что предпочла подстраховаться.

— В следующий раз не утруждай себя, — посоветовал я.

— По большому счету, это не важно, — продолжала Зебра, с трудом

скрывая раздражение. — Ты даже не попытался выстрелить из своей дурацкой игрушки, Таннер.

Я закатил глаза, словно пытаюсь заглянуть за собственную голову.

— Ты заодно с этим клоуном?

Ответом послужил болезненный толчок между ушей. Потом неизвестный возвысил голос, чтобы его услышали уставившиеся на нас люди:

— Все в порядке. Служба безопасности Кэнопи, ситуация под контролем.

Краем глаза я увидел раскрытое удостоверение — карточку в кожаном переплете с рельефными столбцами символов, которой он махнул в сторону толпы.

Вид документа произвел должное впечатление. Около половины любопытных разошлись, остальные сделали вид, что происходящее их совершенно не интересует. Напряжение спало, и человек, обойдя меня сбоку, уселся за стол. К нам присоединился и Воронофф — точная копия Рейвича. На его лице было написано недовольство.

— Прошу прощения за то, что слегка подпортил вам игру, — сказал я.

Неизвестным оказался Квирренбах. С момента нашей последней встречи он успел изменить внешность. Теперь он выглядел куда менее респектабельно, зато стал более поджарым и менее терпеливым. Пистолет в его руке был достаточно невелик и изящен, чтобы сойти за экстравагантную зажигалку.

— Как ваша симфония?

— Это было очень низко с вашей стороны, Мирабель — вот так взять и сбежать от меня. Пожалуй, мне следовало бы сказать вам спасибо — вы вернули деньги, вырученные за мои эксперименталии. Но увы — я не испытываю прилива благодарности.

Я пожал плечами.

— У меня были планы, в которые вы не вписывались.

— И как ваши планы? — с усмешкой поинтересовался Воронофф. — Может, пора их пересмотреть — а, Мирабель?

— Вы сами сказали.

Квирренбах ощерился и стал похож на злую обезьяну.

— Это было сказано человеку, который размахивает пистолетом, не подозревая, что он не заряжен. Похоже, ваш уровень не так высок, как мы ожидали.

Он протянул руку и, не сводя с меня глаз, отхлебнул из моей чашки.

— Кстати, откуда вы узнали, что он не Рейвич?

— А вы догадаетесь, — предложила Зебра.

— Я мог бы пристрелить вас за предательство, — изрек Квирренбах, обращаясь к ней. — Но в настоящий момент у меня может не хватить энтузиазма.

— Почему бы тебе не пристрелить своего помощника, идиот?

Он посмотрел на Зебру, затем на человека с внешностью Рейвича, словно всерьез обдумывал это предложение.

— Пожалуй, это не вариант, — его взгляд снова обратился на меня. — Мы устроили здесь большой переполох, Мирабель. Скоро сюда заявятся так называемые блюстители порядка, так что я не думаю, что кому-то из нас хочется задержаться здесь подольше.

— Так вы не имеете отношения к службе безопасности?

— Мне жаль разрушать ваши иллюзии.

— Об этом не беспокойтесь, — сказал я. — На вашу долю уже ничего не осталось.

Квирренбах улыбнулся и поднялся, по-прежнему сжимая в руке свой крошечный пистолет, словно собирался одним судорожным движением пальцев раздавить его в крошки. Он нервно наводил его то в меня, то на Зебру, а в другой руке держал свое фальшивое удостоверение, словно оно было чудодейственным амулетом. Тем временем Воронофф тоже извлек из кармана пистолет. В общем, нам с Зеброй обеспечили великолепный эскорт... или, скорее, конвой. Мы прошли через толпу, причем Квирренбах сурово поглядывал на каждого, кто осмеливался проявить повышенный интерес к происходящему. Мы даже не пытались оказать сопротивление или бежать — подобные попытки были обречены на провал.

Теперь на карнизе стояли лишь три фуникулера. Темные корпуса блестели от дождя, а рычаги на крышах были частично выдвинуты, готовые «выстрелить» в любой момент — словно три мертвых паука лапами вверх. В одном из фуникулеров прибыли мы с Зеброй. Другую машину я тоже узнал — но не ту, к которой повел нас Квирренбах.

— Собираетесь прикончить меня прямо сейчас? — поинтересовался я. — В таком случае, не создавайте себе лишних проблем — просто вышвырните меня за борт. Не стоит утруждаться и развлекать меня напоследок прогулкой по Кэнопи.

— Просто не представляю, как я обходился без ваших блестящих острот, Мирабель, — с долгим страдальческим вздохом отозвался Квирренбах. — Кстати — думаю, вам это безразлично, — но симфония продвигается великолепно, благодарю вас.

— Значит, это была не легенда?

— Спросите меня об этом лет через сто.

— К слову о людях, которые стесняются убивать себе подобных, — подал голос Воронофф. — Можете присоединиться к дискуссии, Мирабель. Вы могли бы прикончить меня, когда мы встретились впервые и между нами был Мафусаила. Удивительно, что вы даже не попытались. И не говорите, что вам мешала рыба. В чем в чем, но в сентиментальности вас не заподозришь.

Он даже не представлял, как близок к истине: я проявил слабость, хотя предпочел не признаваться себе в этом. В другой жизни — или хотя бы в другом мире — я уложил бы Рейвича или его двойника раньше, чем осознал факт его присутствия. И никаких этических дебатов по поводу ценности бессмертной рыбыны.

— Наверно, я понял, что вы не тот, кто мне нужен, — сказал я.

— А может, у вас просто не хватило духу, — вокруг было темно, однако я заметил, как на губах Квирренбаха мелькнула улыбка. — Я знаю всю вашу историю, Мирабель. И все мы ее знаем. Когда-то, на окраине Неба, вы были неплохим специалистом в своем деле. Но, на свою беду, вам не нашлось применения.

— Если я настолько потерял квалификацию, к чему такое пристальное внимание?

— Потому что вы назойливы, как муха, — объяснил Воронофф. — А мух время от времени нужно уничтожать.

При нашем приближении боковая дверца машины раскрылась, точно высунула влажный язык: на ее внутренней поверхности виднелись ступени, обитые плюшем. В тени дверного проема возвышалась парочка тяжеловесов со стволами неприлично крупного калибра. Последняя надежда на побег тихо испарилась. У меня было ощущение, что они даже не позволят мне достойно прыгнуть за ограждение и обязательно влепят вдогонку несколько пуль в спину.

— Куда мы направляемся? — спросил я — скрывать интерес к пункту назначения не было смысла, равно как и рассчитывать на честный ответ.

— В космос, — ответил Квирренбах. — На встречу с господином Рейвичем.

— В космос?

— Мне жаль разочаровывать вас, Мирабель. Но Рейвича в Городе Бездны нет. Вы гонялись за тенью.

Глава 33

Я посмотрел на Зебру. Она посмотрела на меня. Мы оба не произнесли ни слова.

В машине, где мы расположились под бдительным присмотром тяжеловесов, было не продохнуть от неприкрытой роскоши и запаха новой кожаной отделки. В задней части салона находился изолированный отсек с шестью сиденьями и столиком, заваленным грудой безделушек. Откуда-то лилась нежная музыка, по потолку изящно вились неоновые узоры. Воронофф и один из тяжеловесов уселись напротив нас, стволы наготове. Квирренбах с другим охранником прошли в передний отсек, за перегородку, превратившись в неясные тени.

Фуникулер плавно взлетел, чуть слышно пощелкивая рычагами, словно над ним с бешеным проворством орудовала спицами невидимая вязальщица.

— Что он имел в виду, когда говорил о космосе? — спросил я.

— Есть такое местечко под названием «Убежище». Карусель на высокой орбите, — ответил Воронофф. — А какая вам, собственно, разница? Рассчитываете на прогулку?

Кто-то в этом городе уже говорил мне про Убежище. Но в связи с чем?

— И что будет, когда мы туда прибудем?

— Об этом известно только господину Рейвичу. Вы тоже об этом узнаете. Можете называть это переговорами. Только не говорите, что у вас пять тузов в рукаве, Мирабель. Насколько я знаю, вас выпотрошили подчистую.

— Ну, парочка джокеров у меня еще осталась.

Боюсь, это прозвучало столь же убедительно, как у пьянчужки, который похваляется своими сексуальными подвигами.

Я глядел в боковые окна, за которыми таяла полупрозрачная друза Эшер-Хайтс... и вдруг обнаружил, что другой фуникулер — не тот, что принадлежал Зебре — следует за нами на почтительном расстоянии, выбрасывая до отказа рычаги.

— И что теперь? — осведомился я, игнорируя ближайшего ко мне тяжеловеса. — Ваша игра закончена, Воронофф. Вам придется поискать себе новое развлечение.

— При чем тут развлечения, идиот? Все дело в боли.

Он наклонился ко мне, навалившись своим могучим торсом на стол.

Он походил на Рейвича, но и жесты, и пластика, и манера речи разительно отличались. Ни малейшего намека на акцент Окраины Неба и аристократические манеры Рейвича.

— Все дело в боли, — повторил он. — Когда получаешь удовольствие, боль уходит. Понятно?

— Не совсем, но продолжайте.

— Вы скажете, что не видите между скукой и болью ничего общего. Это потому, что вы подвержены ей лишь иногда — можно сказать, принимаете ее малыми дозами. Вам не знаком ее истинный вкус. Разница между вашей и моей скукой — все равно что разница между тем, как сунуть руку в снег или в чан с жидким азотом.

— Скука — это не стимул, Воронофф.

— Я в этом не уверен. Во всяком случае, есть некая зона человеческого мозга, которая отвечает за ощущение, которое мы называем скукой. Вы не можете с этим спорить. По логике, эту зону должен активировать некий внешний стимул — как зрительную или слуховую зону... — он поднял руку. — Я предвижу ваше возражение. Видите ли, способность к предвидению — один из моих талантов. Можно сказать, это один из симптомов моего состояния. Я — нейронная сеть, настолько хорошо приспособленная к его восприятию, что оно даже не развилось с годами. Ладно, вернемся к нашей проблеме. Несомненно, вы собирались сказать, что скука — реакция не на стимул, а на отсутствие стимулов. Скажу вам так: отсутствие стимулов — тоже стимул. Вы слышите тишину между нотами, а я — музыку. Вы видите черный узор на белом, я вижу белый на черном. Более того, я фактически вижу оба узора сразу. — Он снова усмехнулся, точно маньяк, который много лет просидел в темнице, закованный в цепи, и теперь ведет философскую беседу с собственной тенью. — Я вижу все. Да иначе и невозможно, когда достигаешь моей — как бы это сказать? — глубины опыта.

— Вы законченный псих, верно?

— Я был таким, — подтвердил Воронофф, явно не оскорбившись. — Я прошел через безумие и вышел из него по ту сторону. Теперь сумасшествие утомило бы меня не меньше, чем здравый рассудок.

Разумеется, он не сумасшедший — по крайней мере, не буйнопомешанный. Иначе он не представлял бы интереса для Рейвича в качестве приманки. Воронофф обязан сохранять определенную связь с реальностью. Почти уверен: я никогда не пребывал в подобном состоянии ума — хотя был по горло сыт скукой. Но отказывать ему в абсолютном самоконтроле — значит подвергать себя смертельной опасности.

— Вы могли бы положить этому конец, — вежливо посоветовал я. — Организовать самоубийство в вашем городе — легче легкого.

— Такие, как он, этим и занимаются, — вмешалась Зебра. — Нет, они не называют это самоубийством. Просто они вдруг начинают проявлять нездоровую тягу к приключениям, в которых крайне сложно уцелеть — например, прыгают в газовый гигант или сводят знакомство с саванщиками.

— Почему бы и нет, Воронофф? — теперь мой черед улыбаться. — Нет, погодите. Вам это почти удалось, правда? Вы стали Рейвичем. Ведь вы надеялись, что я вас убью? Почти достойный способ избавиться от боли. Старый мудрый бессмертный сражен пулями чужака-головореза, приняв облик беглеца, которому грозит опасность...

— Пулями, которых не было? Я отдал бы жизнь за то, чтобы увидеть подобный трюк, Мирабель.

— Очко в вашу пользу.

— За исключением того, что вам это понравилось, — заметила Зебра. Воронофф посмотрел на нее с плохо скрываемой злобой.

— Понравилось что, Тарин?

— Играть роль добычи. Ведь это действительно облегчало вам боль?

— А вам хорошо знакома боль?

— Нет, — сказал я. — Скажите честно, Воронофф, разве она не права? Впервые за многие годы вы вспомнили о том, что такое настоящая жизнь. И начали нелепо рисковать, стремясь удержать остроту ощущений. До сих пор вас ничто не удовлетворяло, верно? Даже прыжки в бездну. Слишком слабые ощущения.

Воронофф глядел на нас. И глаза у него горели.

— А на вас когда-нибудь охотились? Вы хоть представляете себе, что это такое?

— К несчастью, мне довелось испытать это удовольствие, — признался я. — И совсем недавно.

— Я говорю не о вашей игре в охоту, — процедил Воронофф с безграничным презрением. — Подонки охотятся на подонков — к присутствующим это, разумеется, не относится. Устраивая на вас охоту, Мирабель, они настолько перестраховались, что с равным успехом могли бы завязать вам глаза и вклеить пулю в голову прежде, чем вы сделаете два шага.

— Забавно, но я готов с вами согласиться.

— Все могло быть иначе. Они могли играть честно: дать вам уйти подальше, прежде чем начинать облаву — чтобы ваша смерть не была

настолько неизбежной. Позволить вам найти себе убежище и затаиться там. Совсем другое дело, не так ли?

— Почти, — ответил я. — Конечно, с той разницей, что я бы не пошел на это добровольно.

— Как знать. Если бы игра того стоила, если бы вас ожидала награда. Если бы вы думали, что уцелеете в игре.

— А чем вознаградили вас, Воронофф?

— Болью. Это освобождение. Хотя бы на несколько дней.

Я собирался что-то сказать и, похоже, успел даже получить ответ — то ли от Зебры, то ли от угрюмого амбала с пистолетом, больше похожим на дубинку. Более или менее отчетливо я запомнил лишь то, что случилось через несколько секунд — связующие моменты полностью стерлись из памяти. Сначала — вспышка света и волна жара: фуникулер, следующий за нами, открыл огонь. Потом — пронзительный визг, с которым взрывная волна вскрыла кабину фуникулера, словно консервную банку. Начинка фуникулера — груды механизмов из металла и пластика — испарилась в огненном облаке. Кажется, несколько секунд после этого мы падали: перебитые и искореженные выстрелом рычаги уже не цеплялись за кабели.

Через пару секунд падение резко прекратилось. Скорее всего, именно в этот момент я полностью пришел в себя. Первое, что я осознал — до того, как на меня обрушилась боль, — то, что наша машина перевернулась вверх тормашками: стол торчит из потолка, а в полу с неоновыми узорами зияет рваная дыра, в которой видна Бездна, обрамленная гнойными наростами Малча.

Тяжеловес-охранник исчез. Все, что от него осталось — это его ствол, который с грохотом перекатывался взад-вперед по импровизированному полу при каждом толчке — фуникулер делал попытки удержаться в положении неустойчивого равновесия. Рукоятку все еще сжимала кисть, аккуратно отрезанная осколком. Разглядывая осколки кости на срезе, я вспомнил, как остался без ступни, когда на наш лагерь напали люди Рейвича. О том, как я ощупал культю, а потом поднес к глазам окровавленную ладонь, отказываясь верить в то, что меня лишили части тела — словно захватили небольшой участок моей территории.

Однако теперь я точно знал, что со мной ничего подобного не случалось.

Мы с Зеброй закатились в угол салона и лежали, изо всех сил стискивая друг друга в объятиях. Воронофф исчез, не оставив ни малейшего следа. Боль накатывала волнами. Однако, уделив своему состоянию некоторое внимание, я решил, что все кости целы.

Фуникулер качался и поскрипывал. Внутри было тихо — я слышал лишь шумное дыхание и тихие стоны Зебры.

— Таннер? — она приоткрыла глаза-щелочки, переполненные болью. — Что случилось?

— Нас подбили, — объяснил я. Похоже, она понятия не имела о том, что нас кто-то преследовал, и, в отличие от меня, не ожидала неприятностей. — Вероятно, из мощного лучемета. Судя по всему, мы застряли в Кэнопи.

— Мы целы? — спросила она и, вздрогнув, высвободила руку. — Нет, погоди. Глупый вопрос. Ужасно глупый вопрос.

— Ты не ранена?

— Я... хм-м... минутку.

Ее глаза на миг затуманились и застыли, потом снова сфокусировались.

— Нет, ничего такого — по крайней мере, несколько часов продержусь.

— Что ты сейчас делала?

— Обследовала себя на предмет повреждений, — нехотя произнесла она. — А как ты, Таннер?

— Надеюсь выжить. Как и любой на моем месте.

Машина вздрогнула, заскользила вертикально вниз. Затем последовал новый толчок, и движение прекратилось. Я старался не смотреть в дыру, зияющую у моих ног, но успел заметить, что высота заметно возросла и Малч напоминает карту, которую я рассматриваю с солидного расстояния. Обзор заслоняли несколько членистых щупальцев Кэнопи, сросшихся между собой и необитаемых. Они лишь усиливали ощущение невероятной высоты. Потом за полупрозрачной перегородкой зашевелились тени, и машина снова вздрогнула.

— Тебе не кажется, что нас кто-нибудь непременно спасет? — спросила Зебра.

— Скорее всего, этот кто-то не захочет вмешиваться в чужие дела, — отозвался я, кивком указывая на перегородку. — А вот там кто-то явно уцелел. Думаю, нам пора убираться, пока нашим состоянием не заинтересовались.

— Куда, Таннер?

Я покосился на дыру в полу.

— Кажется, выбор у нас не слишком велик?

— Ты с ума сошел!

— Вполне возможно.

Я опустился на колени у самой дыры, пошире расставил руки и, опираясь о ее края, высунул голову наружу. Оглядевшись, я развернулся и начал медленно спускаться ногами вперед, пока не нащупал поверхность одной из извилистых ветвей Кэнопи, на которой покоился наш фуникулер. Ветка была тонкой — мы находились вблизи ее оконечности, где она сужалась, переходя в щупальцеобразный отросток — нет, это больше напоминало стебель, вырастающий из луковицы. Найдя опору, я отцепился и помог спуститься Зебре. Впрочем, она едва ли нуждалась в моей помощи: ее конечности отличались удивительной гибкостью.

Зебра окинула оценивающим взглядом искореженную громаду фуникулера, нависшую над нами. Крыша превратилась в обугленный ком полурасплавленных деталей, из телескопических рычагов уцелел лишь один, неестественно изогнутый и цепляющийся за одну из верхних ветвей. Казалось, стоит ветру дунуть чуть сильнее — и машина рухнет прямо в Малч. Квирренбах и один из охранников оставались внутри и яростно ломали дверь, которую заклинило суком-отростком.

— Воронофф еще жив, — я указал туда, где ветка, становясь толще, вращалась в ствол. По ней полз человек — медленно, но упорно. Похоже, ветка ненамеренно спасла ему жизнь.

— Что ты собираешься делать?

— Ничего. Далеко он не уйдет.

Точность выстрела сделала бы честь скальпелю хирурга — заряд ударил достаточно близко, чтобы привлечь внимание, не рискуя перебить ветку. Он заставил беглеца остановиться, но Воронофф еще не повернулся в нашу сторону.

Зебра поглядела вверх — туда, где в переплетении скелетоподобных ветвей, образовавшем полог, темнел силуэт стрелка. Это была женщина, приклад тяжелой винтовки грациозно упирался в скульптурный изгиб ее бедра.

Шантерель.

Она вскинула винтовку на плечо и начала спускаться по ветвям, точно по лестнице. Из неповрежденного фуникулера, который закрепился чуть выше, выскочили трое в темной одежде. Пока она пробиралась вниз, к нам, они прикрывали ее, держа нас под прицелом еще более громоздких лучевиков.

Вначале это было крошечное фосфоресцирующее пятнышко на экране радара дальнего обнаружения. Но оно значило очень много. Впервые с тех пор, как они покинули Флотилию, нечто появилось впереди, в пустом

пространстве, протянувшемся на десятки световых лет. Небесный усилил интенсивность луча и сфокусировал фазированную решетку на том секторе пространства, откуда поступал отраженный сигнал.

— Это может быть только он, — сказал Гомес, выглядывая у него из-за плеча. — «Калеуче». И ничто другое.

— Возможно, очередная куча корабельного хлама, — возразил Норквинко.

— Нет, — Небесный следил за тем, как радар выделяет подробности изображения, превращая пятнышко в нечто, обладающее плотностью и формой. — Масса слишком велика. Думаю, это и есть корабль-признак. Он следует за нами, и размеры подходящие.

— Насколько он велик?

— Ширина достаточна, но я не могу определить его длину, — покачал головой Небесный. — Положение корабля соосно нашему, как будто навигационный контроль все еще сохраняется.

Он застучал по клавишам, потом прищурился, изучая колонки цифр, возникающие рядом с картинкой эхо-сигнала.

— Ширина — как у корабля Флотилии. Профиль тот же: радар даже показывает некоторую асимметрию на участках передней сферы, где должны располагаться пучки антенн. Похоже, корабль не вращается — должно быть, по какой-то причине они это отключили.

— Может быть, решили отдохнуть от гравитации. Сколько до него?

— Шестнадцать тысяч кликов. Учитывая, что мы проделали путь в половину световой секунды — не так уж и плохо. На малой тяге мы доберемся до него за несколько часов.

Дискуссия заняла пару минут, после чего сошлись на том, что наилучшей тактикой будет «тихое приближение». Корабль держался соосно остальным судам Флотилии — факт, не позволяющий считать его мертвой дрейфующей оболочкой. Он явно обладал определенной степенью автономии. Небесный сомневался, что на борту есть кто-то живой, но исключать подобную возможность не стоило, как бы ничтожна она ни была. В любом случае, на борту действуют автоматические защитные системы, которые могут весьма недружелюбно отреагировать на приближение шаттла.

— Надо подать им сигнал, — предложил Гомес.

Небесный покачал головой.

— Они следуют за нами почти целый век — тайком, даже не пытаюсь с нами заговорить. Можешь считать меня параноиком, но, по-моему, это говорит о том, что они будут не слишком рады визиту — объявленному или

необъявленному. Впрочем, я ни на йоту не сомневаюсь, что на борту никого нет. Да, корабельные системы по-прежнему действуют, но и только: антивещество поддерживается в стабильном состоянии, а корабль не слишком отстает от Флотилии.

— Мы это скоро узнаем, — сказал Норквинко. — Как только подойдем на расстояние визуального контакта. Тогда можно будет оценить повреждения.

Следующие два часа тянулись мучительно долго. Небесный скорректировал траекторию полета так, чтобы подойти к кораблю сбоку, позволив радару уловить элонгацию эхо-сигнала. При полете не обнаружилось ничего неожиданного: в профиль «Калеуче» почти не отличался от кораблей Флотилии — за исключением некоторых незначительных, но загадочных деталей.

— Похоже, следы повреждений, — пробормотал Гомес, разглядывая силуэт, который становился все ярче.

Больше на экране ничего не было, и это лишь усиливало чувство полной изоляции. От других кораблей Флотилии не поступало никаких сигналов. Даже если на них знали о происходящем, то ничем это не выдавали.

— Знаешь, — добавил он, — я почти разочарован.

— Разочарован?

— Мне все время казалось, что мы обнаружим что-то более впечатляющее.

— А этот корабль-призрак тебя не впечатляет? — Небесный снова подкорректировал курс, чтобы подойти к кораблю с другой стороны.

— Конечно. Но теперь мы обнаружили его, и это отсекает многие возможности. Знаешь, о чем я думал? Что этот корабль стартовал с Земли позже, чем Флотилия, поэтому у него выше скорость и прочие показатели. И что его отправили специально, чтобы следить за нами с безопасного расстояния — и, возможно, в экстренном случае вмешаться и помочь...

Небесный демонстративно скривился. Однако в душе он был во многом согласен с Гомесом. Предположим, на «Калеуче» что-то пошло не так: не оказалось необходимых ресурсов, нарушился режим хранения антивещества... Обычно легенды рождаются из реальных событий — но бывают и исключения. Он вспомнил о настоящем «Калеуче» — корабле-призраке, который бороздит океан близ южного побережья Чили. Над волнами плывут печальные звуки аккордеона, а на борту веселятся мертвецы. Но каждый раз, когда кто-то замечает корабль, он чудесным образом превращается в обросший водорослями утес или гряду топляка.

Может быть, и сейчас произойдет нечто подобное?

Последний час, казалось, тянулся дольше, чем оба предыдущих. Наконец терпение было вознаграждено: в иллюминаторах появился смутный силуэт корабля-призрака. Несомненно, это было судно Флотилии. Так же выглядел на подлете «Сантьяго» — правда, на «Калеуче» не было ни одного огонька. Сам корпус можно было разглядеть лишь в лучах прожекторов шаттла, а детали, которые представлялись весьма любопытными — только по одной, приближаясь к дрейфующему кораблю на расстояние в несколько сотен метров.

— С командным отсеком, кажется, все в порядке, — заметил Гомес, когда луч прожектора скользнул по огромной сфере в носу корабля.

Множество темных иллюминаторов, сенсорные отверстия, радиоантенны, торчащие из круглых углублений — и ни малейшего намека на то, что все это работает. Спереди сфера была покрыта бесчисленными оспинами метеоритных ударов, но то же самое можно было увидеть и на «Сантьяго». На первый взгляд, корабль не получил сколько-нибудь серьезных повреждений.

— Двигайся вдоль «хребта» к корме, — проговорил Гомес.

Норквинко возился у них за спиной с очередной реконструкцией чертежей.

Небесный включил двигатели на малую мощность, и шаттл медленно проплыл мимо сферы командного отсека, затем миновал цилиндрический модуль, в котором должны были находиться бортовые шаттлы «Калеуче» и трюм. Никаких различий. Даже воздушные шлюзы располагались там же, где и на «Сантьяго».

— Пока ничего существенного, — сказал Гомес. — Мне казалось, что радар показывал...

— Ты прав, — перебил Небесный. — Просто все повреждения — на другой стороне. Мы облетим вокруг двигательного отсека и вернемся обратно.

Они медленно ползли вдоль «хребта». Невидимые лучи прожекторов упирались в корпус, и в ярких округлых пятнах, похожих на дыры в темноте, проплывали детали. Мимо заскользили бесчисленные модули со спящими. Небесный начал считать их, но вскоре убедился в бессмысленности этого занятия. Все модули были на месте и выглядели неповрежденными. Да и сам корабль — если не обращать внимания на мелкие царапины от метеоритов — словно только что покинул орбиту.

— Все равно, здесь что-то нечисто, — прищурясь, заметил Гомес. — Он выглядит как-то странно.

— Не вижу ничего странного, — отозвался Небесный.

— На мой взгляд, с ним все в порядке, — сказал Норквинко, на миг отрываясь от своих чертежей — гораздо более увлекательного зрелища.

— Ничего подобного. Он выглядит так, словно изображение не сфокусировано. Разве вы не видите?

— Это визуальный эффект, — сказал Небесный. — Просто глаз не справляется с контрастом: одни участки ярко освещены, а другие — нет.

— Ладно, будь по-твоему.

Они продолжали двигаться в молчании. В глубине души и Норквинко, и Небесный признавали, что Гомес прав: «Калеуче» выглядел странно. Небесный снова вспомнил старинную легенду о корабле-призраке, рассказанную Норквинко. Тот парусник окружал себя туманом, чтобы укрыться от посторонних глаз. Хорошо, что Норквинко не напомнил об этом. Небесный уже не мог поручиться, что сохранит самообладание.

— От капсул со спящими нет инфракрасного излучения, — произнес наконец Гомес, когда они приближались к оконечности «хребта». — Думаю, это дурной знак, Небесный. Когда капсулы действуют, системы охлаждения излучают в инфракрасном диапазоне. Чтобы создавать холод, надо отдавать тепло, иначе никак. Значит, моими не выжили.

— Можешь радоваться, — сказал Небесный. — Ты хотел корабль-призрак? Ты его получил.

— Не думаю, что на нем есть призраки, Небесный. Правда, мертвецов — предостаточно.

Они миновали конец «хребта», где к нему был пристыкован двигательный отсек. Теперь шаттл плыл лишь в десяти-пятнадцати метрах над поверхностью корпуса. На таком расстоянии все детали должны были выглядеть идеально четко, но... Следовало отдать должное наблюдательности Гомеса. Казалось, стекла в иллюминаторах стали гофрированными. Контуры деталей слегка расплывались, хотя очертания корпуса оставались четкими — словно корабль подтаял, а затем снова застыл.

Это было неправильно.

— Ну что, — произнес Гомес, — с двигательным отсеком тоже все в порядке. Никаких признаков повреждения. Антивещество должно находиться внутри. Остаточной энергии хватает, чтобы его удерживать.

— Но ты же видишь — никаких признаков энергии. Ни один прожектор не светится.

— Значит, на корабле отключено все, кроме систем жизнеобеспечения. Но антивещество просто обязано находиться внутри, Небесный. Тогда в

любом случае окажется, что мы прилетели сюда не напрасно.

— Посмотрим с другой стороны. Я уверен, что там что-то не в порядке.

Они обогнули корпус, резко развернувшись перед зияющими пастьями дюз. Конечно, Гомес прав — на борту должно быть антивещество. Это несомненно. Взрыв двигателей мог привести лишь к одному — от «Калеуче», как и от «Исламабада», не осталось бы ничего, кроме россыпи атомов, необычных для межзвездного пространства. Запасы антивещества должны быть достаточно велики, чтобы обеспечить торможение корабля, — значит, вспомогательные системы должны работать нормально. И люди Небесного смогут использовать эти ресурсы. Например, можно превратить «Калеуче» в экспериментальную площадку, провести испытания его двигателей в предельном режиме — испытания, которые было слишком рискованно проводить на собственном корабле — и найти способ добиться от них максимальной эффективности. Можно использовать корабль-призрак в качестве гигантской ракетной ступени, присоединив его к «Сантьяго», и получить кривую торможения невероятно малого радиуса — а потом, точно рассчитав момент, отстрелить «Калеуче» на околосветовой скорости... Но был третий путь, который нравился Небесному еще больше. Набраться опыта в обращении с антивеществом на борту корабля-призрака, затем перенести резервуар на «Сантьяго», пополнив собственные запасы. В этом случае не надо будет тратить энергию на торможение дополнительной инертной массы. К тому же операцию будет нетрудно сохранить в тайне.

Шаттл завершил маневр и снова поплыл вдоль корпуса — теперь с другой стороны. Радар уже оповестил их о том, что корпус несколько асимметричен относительно продольной оси. Но, увидев то, что нарушало симметрию, они не могли поверить своим глазам. Гомес тихо выругался, а Небесный, не склонный реагировать столь непосредственно, ответил медленным кивком. Вдоль всего корпуса корабля, от шарообразного командного отсека до дюз, обшивка вспучилась нездоровой пенистой массой округлых волдырей, слепленных друг с другом, точно ком лягушачьей икры.

С минуту они молча созерцали эту картину. Вождеденный шестой корабль не мог быть таким.

Гомес первым обрел дар речи.

— Здесь случилось что-то странное. Что-то очень и очень странное. Знаешь, Небесный, мне это не нравится.

— Думаешь, мне это нравится? — отозвался Небесный.

— Отойдем подальше, — сказал Норквинко.

Впервые Небесный просто повиновался. Запустив двигатели на малую мощность, он отвел шаттл на пару сотен метров. В кабине снова воцарилось молчание. Они так долго ждали возможности получше разглядеть корабль... Пристально вглядываясь, Небесный отметил, что обшивка действительно похожа на живую кожу — то ли свежий, то ли плохо зарубцевавшийся ожог. Во всяком случае, ничего подобного он не ожидал.

— Там что-то есть, — Гомес ткнул пальцем вверх. — Смотрите. Возле самой рубки. Не похоже, что это часть корабля.

— Это челнок, — сказал Небесный.

Медленно, словно крадучись, они вновь подлетели поближе. Лучи прожекторов осторожно ощупывали темную массу. Среди пузырящихся вздутий обшивки притаился крошечный шаттл — кажется, неповрежденный. Ни формой, ни размерами он не отличался от их собственного — только маркировка и некоторые детали выглядели чуть иначе.

— Черт... — проговорил Гомес. — Кто-то нас опередил.

— Возможно, — ответил Небесный. — А может быть, он здесь давно.

— Он прав, — согласился Норквинко. — Сомневаюсь, что это один из наших шаттлов.

Они медленно приближались к чужому шаттлу, опасаясь ловушки. Но тот выглядел таким же мертвым, как и корабль, к которому был пришвартован. Три троса с крючьями-гарпунами на концах, пробивших верхний слой обшивки «Калеуче», надежно удерживали шаттл. Это было стандартное устройство для аварийной швартовки, которое устанавливается на всех шаттлах, но Небесному никогда бы не пришло в голову использовать их таким образом. На противоположной стороне есть шлюзы — почему команда шаттла не воспользовалась ими?

— Теперь причаливаем — медленно и аккуратно, — сказал Гомес.

— А я что делаю?

Тем не менее стыковка с брошенным челноком оказалась весьма непростой процедурой — двигатели то и дело отбрасывали их назад. Даже когда оба челнока наконец оказались рядом, выяснилось, что проблемы на этом не закончились. Однако герметичность люков не была нарушена. Небесному удалось подсоединиться к системе питания чужого шаттла, чтобы вывести его из спячки. Неудивительно: шаттлы изначально конструировались в расчете на полную совместимость с причальными системами всех кораблей.

Загорелись причальные огни, и давление в шлюзах по обе стороны люка начало выравниваться. Покидая шаттл, Небесный и его спутники надели скафандры, закрепили на них специальные датчики и радиооборудование — все это было подготовлено задолго до экспедиции, а автоматы, табельное оружие сотрудников службы безопасности, обеспечил Небесный. На стволах были укреплены фонарики. Небесный шел первым. За соединительным туннелем и шлюзом находилась хорошо освещенная каюта — на первый взгляд, точная копия той, из которой они только что вышли. Ни паутины, ни плавающих хлопьев пыли — никаких признаков запустения. Даже работали несколько индикаторов, показывая изменение каких-то показателей.

А еще в каюте сидел человек.

Он был в скафандре — и, несомненно, мертв. Никому не хотелось дольше, чем необходимо, чтобы убедиться в этом, разглядывать скалящийся череп за щитком шлема. Вряд ли это была насильственная смерть. Пилот спокойно сидел в кресле, руки на коленях, ладони в перчатках сложены — словно он мирно творил молитву.

— Оливейра, — произнес Гомес, прочтя имя на табличке, укрепленной на шлеме. — Это португальское имя. Наверное, он с «Бразилии».

— Тогда почему он умер здесь? — недоуменно спросил Норквинко. — Шаттл исправен, он мог вернуться!

— Не факт, — Небесный указал на столбик данных на дисплее. — Батареи, похоже, заряжены, а вот топлива ни капли. Похоже, он так спешил сюда, что спалил весь запас.

— И что дальше? На «Калеуче» десятки шаттлов. Этот парень мог бросить свой челнок и вернуться на одном из них.

Понемногу сложилась рабочая версия причины гибели пилота. Имя Оливейры никому из них ни о чем не говорило. Значит, это человек с другого корабля и исчез много лет назад.

Скорее всего, Оливейра узнал о «Калеуче» таким же образом, что и Небесный: анализируя слухи, он постепенно убедился в том, что они соответствуют истине. Как и Небесный, он решил отстать от Флотилии, проникнуть на борт корабля-призрака и осмотреть его трюмы. Может быть, Оливейра старался ради своего экипажа — а может быть, ради своей выгоды. Так или иначе, он тайно взял шаттл, но решился на скоростной бросок, что требовало большого расхода топлива. Возможно, он выбрал эту стратегию потому, что был ограничен во времени — его отсутствие не могло долго оставаться незамеченным. Вполне оправданный риск: по мнению Гомеса, на «Калеуче» должны быть запасы топлива, а также

несколько шаттлов. Словом, возвращение не обещало проблем.

Однако проблемы, очевидно, возникли.

— А вот и послание, — произнес Норквинко, изучая строчки на дисплее.

— Что?

— Послание. Хм-м... Похоже, от Оливейры.

Прежде чем Небесный успел открыть рот, Норквинко вывел на дисплей какой-то текст, немного поколдовал над клавиатурой и отправил послание на канал связи скафандров: звуковую дорожку на радиоканал, а визуальный ряд — на дисплеи щитков. Казалось, призрак Оливейры возник рядом с ними в каюте. На нем был тот же скафандр, в котором он умер, но щиток гермошлема полностью поднят и не скрывал лица. Оливейра оказался смуглым молодым человеком, глаза наполнены смесью ужаса и отчаяния.

— Наверно, мне стоит покончить с собой, — он говорил по-португальски. — Да, наверно, я так и сделаю. Думаю, это единственный разумный выход. На моем месте вы поступили бы так же. Никакого особенного мужества не потребуется. Есть с десяток способов сделать это абсолютно безболезненно — хотя бы с помощью скафандра. Говорят, от этого даже можно получить удовольствие. Скоро сам узнаю... Дайте мне знать, улыбался я, когда умер, или нет — ладно? Надеюсь, так и получится. Иначе будет нечестно, правда?

Небесному пришлось сосредоточиться, чтобы успевать за чужой речью, но это оказалось относительно несложно. Он был офицером безопасности, и знание языков, на которых говорили во Флотилии, входило в его обязанности. К тому же португальский был намного ближе к кастеллано, чем арабский.

— Полагаю, вас привело сюда то же самое, что и меня. Чистейшей воды жадность. Что ж, не мне вас судить. Если вы здесь из соображений альтруизма — примите мои покорнейшие извинения. Впрочем, я в этом сомневаюсь. Скорее всего, вы услышали о корабле-призраке — как и я — и подумали: а нет ли у него на борту чего-нибудь любопытного? Надеюсь, в отличие от меня, вы не рассчитываете на запасы топлива. А может быть, как раз на это и рассчитывали. Если вы уже побывали на корабле, то понимаете, о чем я говорю. А если вам действительно нужно топливо, но внутрь вы еще не забирались — простите, вынужден вас разочаровать...

Он помолчал и смерил взглядом шлейф кабелей и трубок, подключающих скафандр к системам жизнеобеспечения.

— Этот корабль — не совсем то, что вы себе представляли. Здесь нет

того, что вы ожидали. Здесь есть нечто большее. Поверьте, кто-кто, а я об этом знаю — я уже побывал внутри. Мы оба побывали.

— Оба? — спросил вслух Небесный.

Оливейра словно услышал его.

— Возможно, вы еще не нашли Лаго. Я про него не говорил? Виноват. Славный парень — но теперь я уверен: это он виноват в том, что мне придется покончить с собой. Я же знаю: без топлива мне домой не вернуться. Если я подам сигнал бедствия, меня казнят за то, что я сюда сунулся. Не на «Бразилии», так на другом корабле, какая разница. Видите, у меня нет выхода. Это все Лаго — он меня уговорил. Бедный, бедный Лаго. Я просто отправил его искать топливо. Чертовски жаль...

Внезапно Оливейра опомнился и пристально уставился на пришельцев, словно действительно видел каждого из них.

— А кстати, я не сказал вам, чтобы вы делали отсюда ноги, если есть хоть какая-то возможность? По-моему, не сказал...

— Выруби эту чертову хрень, — сказал Небесный.

Норквинко помедлил, но повиновался. Призрак Оливейры, застыв посреди своего монолога, начал медленно таять.

Глава 34

— Выходите, — приказала Шантерель, когда передняя дверца распахнулась и оттуда показалась украшенная синяками и кровоподтеками физиономия Квирренбаха. — И ты тоже, — добавила она, наводя свою винтовку на охранника — того из двоих, который умудрился не потерять сознания.

— Похоже, я вам обязан, — неуверенно пробормотал я. — Вы действительно надеялись, что я переживу вашу спасательную акцию?

— Почему-то я решила, что переживете. Все в порядке, Таннер? Вы чуть-чуть побледнели — или мне кажется?

— Пустяки, пройдет.

Воронофф уже сидел в фуникулере Шантерель, поглаживая поврежденное запястье. Ее приятели — уже знакомая мне троица — которые проводили его туда, хранили угрюмое молчание. Я едва удостоился косога взгляда — впрочем, не слишком обиделся. Во время нашей последней встречи их конечности слегка пострадали, причем не без моего участия.

— Вам грозят серьезные неприятности, — объявил Квирренбах, когда мы собрались в салоне, и Шантерель наконец-то соизволила обратить на него внимание. — Кем бы вы ни были.

— Я знаю, кто она такая, — сказал Воронофф, не сводя глаз со своей руки, пока маленький робот-слуга из фуникулера бережно обрабатывал его рану. — Шантерель Самартини. Она участвует в Игре — кстати, один из лучших охотников.

— А ты откуда знаешь? — осведомился Квирренбах.

— В тот вечер, когда Мирабель едва не застрелил меня, она была с ним. Я пробил ее по своим каналам.

— Не слишком точно, — заметил Квирренбах.

— Да бросьте вы. Кстати, вам было поручено за ним следить — или я ошибаюсь?

— Тихо, мальчики, — произнесла Зебра, небрежно примостив на колени лучевик. — Может, не будем устраивать скандал из-за того, что у вас отобрали игрушки?

Квирренбах ткнул пальцем в сторону Шантерель.

— Тогда какого черта вы не отобрали ствол у Тарин, Саммартини? Она одна из нас — на тот случай, если вы этого не поняли.

— Таннер сказал, что она уже на вас не работает, — Шантерель улыбнулась. — Откровенно говоря, меня это не удивило.

— Спасибо, — сдержанно отозвалась Зебра. — Правда, я не понимаю, почему вы мне доверяете. То есть... я бы ни за что так не поступила.

— Скажите спасибо Таннеру. Конечно, кое в чем мы с ним расходимся, но не в данном вопросе. Могу я доверять вам, Зебра?

— Пожалуй, выбор у вас невелик, — усмехнулась Зебра. — Как будем действовать дальше, Таннер?

— По плану маэстро Квирренбаха, — отозвался я. — Едем в Убежище.

— Ты шутишь? Это же верный шанс попасть в ловушку!

— Согласен. А еще — верный шанс решить эту проблему. И Рейвич об этом знает. Я прав?

Судя по всему, Квирренбах безуспешно пытался понять, чего добился — победы или полного провала. Затем он вяло предложил отвезти меня в космопорт.

— Прекрасно, — сказал я. Теперь сделать ответный ход. — Только для начала, Квирренбах, мы заглянем еще в одно местечко. Это недалеко. Думаю, дорогу вы знаете.

Я вынул пустой пузырек из-под Горючего Грез, полученный от Зебры.

— Это вам ни о чем не напоминает?

Я сомневался, что Квирренбах стоит по отношению к центру производства Горючего Грез ближе Вадима, хотя исключать такую возможность не стоило. Вадим располагал куда более солидными запасами этого снадобья. Но империя этого вымогателя весьма невелика и ограничена Ржавым Ободом и тем, что болтается на орбите. В отличие от него, Квирренбах свободно курсирует между Городом Бездны и космосом. Отсюда можно предположить, что во время последнего визита на орбиту он прихватил с собой некоторое количество пузырьков.

А значит, может знать, откуда они берутся.

— Ну как, я угадал?

— Вы просто не представляете, во что ввязались, Таннер. Совершенно не представляете.

— Если не возражаете, это будет моя головная боль. А вы позаботьтесь о том, чтобы мы туда добрались.

— Куда? — спросила Шантерель.

— Я обещал Зебре продолжить расследование, которое вела ее сестра — до того, как исчезла.

Шантерель повернулась к Зебре.

— О чем он говорит?

— Моя сестра задала один лишний вопрос, который касался Горючего Грез, — спокойно ответила Зебра. — Бандитам Гедеона этот вопрос не понравился. Я так до сих пор и не узнала, почему это случилось. Сестра даже не пыталась кого-то выслеживать. Она просто спросила.

— Поверьте, это совсем не то, что вы думаете, — проговорил Квирренбах, с мольбой глядя на меня. Мы двигались прочь от Гранд-Сентрал, где высадили Вороноффа и его охранников. — Бога ради, Таннер, будьте благоразумны. Вы же нездешний — чего ради вам влезать во все это? По большому счету, это не ваши проблемы. По какому праву вы пытаетесь...

— Он хочет, чтобы этих проблем не было, — перебила Зебра.

— Ах, только не надо праведного гнева, Тарин. Вы же сами пользуетесь этим снадобьем.

Она кивнула.

— Равно как и тысячи других. Прежде всего потому, что у нас нет выбора.

— Выбор есть всегда. Скажете, все дело в имплантатах, без них вам жизнь не в радость? Прекрасно. Просто научитесь жить без них. Не нравится — можете следовать примеру герметиков.

— Без имплантатов мы очень быстро поумираем от старости, — покачала головой Зебра. — А с ними будем доживать свои дни, трясясь от страха и прячась в этих механических ящиках. Извините, но, на мой взгляд, это не выбор. Тем более что есть третий путь.

— Тогда вы не имеете никакого морального права требовать запрета на Горючее Грез.

— Вот чертов зануда... Я не требую никакого запрета. Я просто хочу узнать, почему Горючее не достать, когда оно необходимо. С каждым месяцем это все труднее, с каждым месяцем я выкладываю все большую сумму за то, чтобы какой-то таинственный Гедеон обеспечил мне возможность существовать.

— Это вопрос спроса и предложения.

— Не возражаете, если я ему врежу? — невинно предложила Шантерель. — Мне это совсем не трудно.

— Весьма любезно с вашей стороны, — Зебра была довольна: они с Шантерель наконец-то нашли общий язык. — Но сейчас нам нужно, чтобы он хоть немного соображал.

Я кивнул.

— По крайней мере, пока он не доставит нас туда, где производят

Горючее. Шантерель, вы уверены, что хотите отправиться с нами?

— А как вы думаете, Таннер? Почему я не осталась на вокзале?

— Понимаю. Но поездка будет небезопасной. Мы можем понести потери.

— Он прав, — вмешался Квирренбах — похоже, он все еще надеялся меня отговорить. — На вашем месте я бы серьезно подумал. Может быть, поступим разумнее? Отправимся туда через какое-то время, с подкреплением, разработав план действий...

— И лишившись вашего бесценного общества? — возразил я. — Это большой город, Квирренбах, а Ржавый Обод еще больше. Где гарантия, что найду вас снова, если соглашусь отложить нашу маленькую экспедицию?

Он фыркнул.

— В любом случае, вы не сможете меня заставить.

— Вас это удивит, но я могу заставить вас сделать все что угодно — ну, или почти все. У любого человека есть нервная система и болевые точки.

— Вы хотите сказать, что станете меня пытаться?

— Скажем так, я использую ряд веских аргументов.

— Вы негодяй, Мирабель.

— Хватит болтать, следите за дорогой.

— И повнимательнее, маэстро, — добавила Зебра. — Вы спустились слишком низко.

Она была права. Сейчас мы огибали Малч, двигаясь самое большее в сотне метров над крышами верхнего яруса труппоб, а наша поездка представляла собой череду толчков и раскачиваний, от которых желудок выворачивало наружу — на этой высоте кабелей было немного.

— Я знаю, что делаю, — буркнул Квирренбах. — Так что заткнитесь и наслаждайтесь прогулкой.

Неожиданно фуникулер нырнул в каньон, образованный труппобами. Теперь он скользил по длинному одиночному кабелю, который тянулся вниз и исчезал вдаль, в мутной коричневой воде, похожей на карамель. На склонах в убогих постройках пылали очаги. По мере того как мы спускались к воде, паровые катера с пыхтением отплывали в разные стороны.

— Поправьте меня, если я ошибаюсь, — сказал я Квирренбаху. — Вы с Вадимом были одной командой, верно?

— Скорее, он был хозяином, а я рабом.

Квирренбах ловко перебирал рычаги на пульте. По мере приближения к поверхности мутной воды наше движение замедлилось.

— Вадим вовсе не притворялся тупым здоровенным головорезом, Таннер.

— Я не убил его?

Квирренбах потер один из синяков.

— Ничего такого, с чем не справиться Горючему Грез.

— Примерно так я и думал, — кивнул я. — Так что это за вещество, Квирренбах? Вы должны знать. Они его синтезируют?

— Смотря что вы называете синтезом, — ответил он.

— Он просто сошел с ума, — сказал Небесный. — Он понял, что застрял здесь навечно — поскольку путь домой ему заказан. Здесь нет ничего странного.

— А как по-твоему, этот Лаго действительно существовал? — спросил Гомес.

— Возможно. По большому счету, это не важно. Так или иначе, нам придется пройти внутрь. Если мы найдем этого парня — значит, это была правда, — Небесный старался говорить как можно убедительнее. — А может, он сам убил Лаго? Они поссорились — такое вполне возможно. А когда Оливейра понял, что натворил, сошел с ума.

— Если он действительно сошел с ума, — уточнил Гомес. — Если это не послание нормального человека, который столкнулся с чем-то ужасным.

Через несколько минут они отстыковались от шаттла Оливейры, оставив мертвеца там, где его нашли. Затем осторожно, запуская двигатели малой тяги короткими импульсами, облетели корабль. С этой стороны корпус выглядел целым, и «Калеуче» казался обычным кораблем Флотилии.

— Повреждения четко локализованы, — заметил Гомес. — Это не похоже на ожог корпуса, полученный «Сантьяго» при взрыве «Исламабада», но геометрия полностью идентична. Согласны?

Небесный кивнул, вспоминая тень своей матери, выжженную на корпусе космолета. На «Калеуче» случилось нечто принципиально иное. Но что-то, безусловно, случилось, и причина этого была неизвестна.

— Не вижу, какая здесь может быть связь, — сказал он.

С пульта донесся мелодичный звон — сработала одна из автоматических систем предупреждения, установленная Норквинко. Небесный взглянул на него.

— В чем дело? У нас проблемы?

— С техникой все в порядке. Проблема... хм-м... несколько другого свойства. Кто-то только что просканировал нас фазированной решеткой.

— Откуда был сигнал? С Флотилии?

— Направление совпадает, но не совсем. Думаю, это другой шаттл, Небесный. Он приближается — возможно, решил последовать нашему примеру.

— Или увязался за нами, — ответил Гомес. — Сколько часов у нас в запасе?

— Чтобы это выяснить, нужно хотя бы зацепить их радаром. Может, день, а может, шесть часов.

— Черт. Ладно, давай попробуем на корабль и посмотрим, что внутри.

Они приблизились к неповрежденной стороне командного отсека и занялись поисками подходящего шлюза. Небесный не горел желанием попасть на «Калеуче» любой ценой, но на корпусе корабля было достаточно мест, где шаттл мог закрепиться, чтобы высадить или принять на борт пассажиров. Обычно корабль реагирует на приближение шаттла включением шлюзовых систем: загораются сигнальные огни, а когда расстояние до челнока сокращается до нескольких метров, ему навстречу устремляются скобы-захваты, помогающие осуществить стыковку. Если на корабле остались хоть какие-то запасы энергии, причальные механизмы должны «проснуться» даже после десятилетий бездействия. На шаттле уже пищала сигнализация, но ничего не происходило.

— Ладно, — сказал Небесный. — Поступим как Оливейра: воспользуемся крючьями.

Остановив шаттл точно над шлюзом, он нажал на кнопку, и крючья бесшумно впились в обшивку «Калеуче». Шаттл начал подтягиваться на тросах, точно паук на паутине. Потом обшивка подалась, словно шкура живого существа — похоже, крючья вошли не слишком глубоко. Ничего, какое-то время они выдержат. Главное, чтобы шаттл успел оказаться в шлюзе. Тогда, даже если он сорвется с креплений, автопилот не позволит ему вылететь наружу.

Все трое, уже в скафандрах, снова прошли в тамбур и дождались, пока атмосфера восстановится. Небесный идеально рассчитал позицию шаттла: их причальное герметичное сочленение было идеально соосно корабельному, на помещавшейся в нише панели выстроились в ряд рычаги ручного управления. Из опыта, полученного на «Сантьяго», Небесный знал: воздушные шлюзы сделаны настолько надежно, что даже после многолетнего перерыва ручное открывание дверей должно сработать безупречно.

Система была устроена элементарно. Повернуть один из рычагов — откроется внешний люк. В камере обмена находится более сложная панель управления, с которой запускаются насосы — чтобы потоком воздуха из

корабля вытеснило космический вакуум. Впрочем, если по ту сторону люка нет атмосферы, пройти будет еще легче.

Небесный протянул руку и взялся за рычаг. Но едва ладонь, обтянутая перчаткой, сомкнулась на рукоятке, он понял: что-то не так.

То, что оказалось у него в руке, не было металлом.

Больше всего это походило на плоть.

Он еще осознавал этот факт, когда рука, мгновение назад получившая сигнал мозга, надавила на рычаг, одновременно поворачивая его по кругу — движение, которое должно было заставить люк отъехать в сторону.

Должно было.

Рычаг не повернулся. Он изогнулся и вытянулся, словно кусок воска. Нагнувшись так, что щиток шлема едва не коснулся панели, Небесный присмотрелся внимательнее. Причина была очевидна. Рычаг и не мог действовать: он просто сплавился с панелью, стал с ней единым целым. То же самое и остальные рукоятки: они словно выросли из пульта — или вросли в него. Небесный покосился на люк — на этот раз почти со страхом.

Ни одной щели — сплошная гладкая поверхность.

Казалось, «Калеуче» состоит из серого теста.

Опустившись в коричневую слизь, наполнявшую реку Малча, фуникулер вел себя как обычное судно. Квирренбах пользовался его рычагами лишь для того, чтобы ускорить движение по ленивому потоку. Фуникулер двигался зигзагами от берега к берегу, отталкиваясь от ветхих построек, нависающих над водой.

— Мы приближаемся к краю купола, — сказала Зебра, указывая рукой вверх и вперед.

Она была права. Край одного из соединяющихся между собой куполов Москитной Сетки опускался перед нами, и трющобы терлись о его грязную бурюю поверхность. Трудно поверить, что этот гигантский скругленный «потолок» когда-то был прозрачным.

— К наружному? — спросил я. — Или к внутреннему?

— К внутреннему, — ответила Зебра. — Значит...

— Я знаю, что это значит, — перебил я прежде, чем она договорила. — Квирренбах везет нас к Бездне.

Глава 35

По мере того как мы приближались к куполу, в каньоне становилось все темнее. Постройки лепились друг на друга, нависая над водой так, словно были готовы обрушиться — пока не сомкнулись над каньоном, образовав что-то вроде грубого туннеля, истекающего зловонной жидкостью. Едва ли кто-нибудь здесь обитал — даже учитывая плотность заселения Малча.

Квирренбах направил машину в этот туннель, мощные фары освещали путь. Иногда в полумраке я замечал снующих крыс, но нигде ни следа двуногих — ни гуманоидов, ни свиней.

Крыс завезли в Город на кораблях ультра. В свое время их подвергли генетической модификации и использовали на кораблях в качестве мусорщиков. Потом несколько крыс оказались на свободе — это случилось сотни лет назад. С тех пор они одичали, и их поведение утратило всякий намек на услужливость. Сейчас они разбегались от ярких эллипсов, возникающих там, куда падал свет прожекторов, и торопливо уплывали по коричневой воде, оставляя за собой клиновидные дорожки.

— Что вы ищете, Таннер? — спросил Квирренбах.

— Ответ.

— И только? А может быть, хотите обзавестись личным запасом Горючего Грез? Не стесняйтесь, говорите. Мы же с вами старые друзья.

— Следите за дорогой, — бросил я.

Квирренбах вез нас все дальше. Туннель ветвился снова и снова. Теперь мы находились едва ли не в самой старой части Города. Похоже, эти подземелья не слишком изменились за время эпидемии.

— Вы уверены, что не заблудились? — спросил я.

— Есть другие пути, — отозвался Квирренбах, — но этот мало кому известен. Если кто-то нас увидит, то решит, что мы имеем полное право здесь находиться.

Вскоре он остановил машину. Я даже не подозревал, что Квирренбах провел ее по узкой сухой косе, которая тянулась вдоль грязной стены, обросшей серой плесенью.

— Надеюсь, это не конечная точка маршрута, — сказал я. — Иначе вам грозит украсить собой местный пейзаж.

Однако когда он пригласил нас выйти наружу, я не стал ему мешать. Фуникулер остался посреди островка вязкой жижи.

— Следуйте за мной, — сказал Квирренбах. — Это недалеко.

— Вы здесь часто бывали?

— Только по необходимости, — судя по тону, он говорил искренне. —

Я не самая крупная фигура в операции с Горючим Грез, Таннер. Просто средних размеров шестеренка. Если кое-кто узнает, что я вас сюда привел, мне конец. Может быть, попробуем сохранить этот визит в секрете?

— Посмотрим. Я говорил, что мне нужны ответы.

Он пошарил по стене рукой.

— Я не могу провести вас туда, Таннер. Ну когда вы это поймете? Это просто невозможно. Вам лучше идти туда одному. И не вздумайте затеять там перестрелку. У вас просто не хватит боеприпасов.

— В таком случае — куда вы нас ведете?

Вместо ответа он потянул за рычаг, утопленный в кладку и скрытый слоем грязной слизи, и я услышал, как отодвигается панель. Почти точно над нами в стене открылось прямоугольное отверстие около двух метров шириной.

От Квирренбаха можно было ждать чего угодно — например, он мог воспользоваться отверстием и сделать ноги. Поэтому я полез туда первым, потом помог Квирренбаху и Шантерель. Зебра замыкала строй и осторожно поглядывала назад. Но за нами никто не следил — разве что крысы, обитавшие в туннеле, проявили к нам некоторое любопытство.

Мы оказались в низком квадратном туннеле, обитом сталью, по которому можно было двигаться, лишь согнувшись в три погибели. Кажется, он был длиной несколько сотен метров — хотя, скорее всего, гораздо короче. Чувство направления вскоре отключилось, и лишь какая-то частица мозга сигналила о том, что мы приближаемся к краю Бездны. Сейчас, наверно, мы уже оказались за пределами Москитной Сетки, и от ядовитой атмосферы нас отделяло лишь несколько метров скальной породы.

Наконец, когда боль в спине, поначалу вызывавшая лишь неудобство, стала почти парализующей, мы вышли в просторное помещение. Там было темно, потом Квирренбах повернул выключатель, и на потолке загорелись старинные галогенные лампы, образующие крупную решетку.

Еще в темноте я увидел, что через все помещение, из одной стены в другую, тянется нечто странное. Это оказалась тускло-серебристая труба, метра три в диаметре — скорее всего, трубопровод. С одной стороны из нее под острым углом выходила другая, точно такого же диаметра, но заканчивающаяся гладкой металлической заглушкой.

— Как я понимаю, вам это знакомо, — произнес Квирренбах, указывая

на длинную часть трубы.

— Я бы так не сказал, — признался я и с надеждой посмотрел на Зебру и Шантерель. Однако разъяснений не последовало.

— Вы видели такое много раз, — Квирренбах подошел к трубе. — Часть городской системы атмосферного снабжения. Таких труб здесь сотни. Одним концом они уходят в Бездну, другим — в крекинг-станцию. По одним подается воздух, по другим — вода... по третьим — перегретый пар... — он побарабанил пальцами по металлу, и я заметил выступающую овальную панель — примерно того же размера была панель, которую мы обнаружили снаружи. — По этой, например.

— А что в ней сейчас?

— Давление в несколько тысяч атмосфер. Можно не беспокоиться.

Квирренбах опустил ладони на панель и отодвинул ее в сторону. Это не потребовало больших усилий. Под ней оказались выпуклая «линза» из темно-зеленого стекла и пульт управления в серебристой металлической рамке. На клавишах стояли какие-то древние буквы — не норт, но что-то очень похожее.

Американо.

Квирренбах пробежал пальцами по клавишам, и я услышал серию далеких глухих ударов. Через минуту по трубе прошла судорога, и она издала низкий утробный звук — то ли сглатывая, то ли срыгивая.

— Сейчас поток пара перенаправлен в другую сеть. Пока в режиме проверки.

Он нажал на кнопку. Толстое зеленое стекло отскочило, точно крышка шкатулки, открывая массивный бронзовый механизм, почти полностью перегородивший трубу. Справа и слева из него торчали какие-то поршни, соединенные коленчатыми сочленениями, увитые шлангами и металлическими усиками, увешанные сервомоторами и черными блюдцами-присосками. Оценить возраст этой штуковины было трудно. Может быть, ее соорудили еще при американо, а может быть, собрали из готовых элементов позже, после эпидемии. Как бы то ни было, она выглядела не слишком надежной. Однако в центре находилась крошечная кабинка с двумя глубокими пухлыми креслами и примитивным пультом управления. По сравнению с ней показался бы просторным даже салон древнего автомобиля.

— Слово за вами, — сказал я.

— Это робот-обходчик, — объяснил Квирренбах. — Машина, в которой перемещались внутри труб — искали протечки, слабые участки и прочее. А теперь... Впрочем, догадайтесь сами.

— Система транспортировки.

Я разглядывал это чудо техники, прикидывая шанс на выживание при его эксплуатации.

— Примите мои поздравления, отличная идея. И как долго придется добираться до конечного пункта?

— Я ездил на нем только раз. Мало похоже на увеселительную прогулку.

— Вы не ответили на мой вопрос.

— Час или два — надо спуститься ниже уровня туманов. Столько же времени на обратный путь. Не советую вам задерживаться там надолго.

— Чудесно. Я тоже этого не планирую. Как думаете, я сойду за своего, если приеду в этой штуковине?

Он задумчиво оглядел меня.

— Этим маршрутом пользуются только доверенные лица. На вас сюртук Вадима — значит, вы поставщик или некто из их компании. Только не сболтните лишнего. Просто скажите любому, кто вас встретит, что пришли повидать Гедеона.

— Проще некуда.

— Ничего сложного. А с машиной справится и обезьяна, не в обиду будет сказано, — Квирренбах быстро и нервно улыбнулся. — Поверьте, это действительно легко. Не должно быть никаких проблем — и по прибытии тоже.

— Конечно, — согласился я. — Особенно если вы составите мне компанию.

— Неудачная шутка, Таннер. — Квирренбах огляделся в поисках моральной поддержки.

— Таннер прав, — пожала плечами Зебра. — На мой взгляд, вполне разумный ход.

— Но я никогда не был близок к Гедеону. Они вряд ли отнесутся ко мне серьезнее, чем к Таннеру. А что я отвечу, если меня спросят, что мы тут делаем?

Зебра зло поглядела на него.

— Значит, ты что-нибудь симпровизируешь, засранец. Например, ты слышал, что Гедеон захворал, и тебе захотелось убедиться в этом лично. Или поступают жалобы на качество Горючего... Кстати, неплохой вариант. По крайней мере, мою сестру под этим предлогом допустили к Гедеону.

— А вы знаете, на какое расстояние?

— В общем... постарайтесь, Квирренбах. Я уверена: Таннер окажет вам всестороннюю поддержку.

— Я не поеду.

Зебра качнула в его сторону винтовкой.

— Вы уверены?

Квирренбах поглядел на дуло винтовки, потом на Зебру и поджал губы.

— Черт бы вас побрал... и тебя тоже, Тарин. Считай, что путь назад тебе заказан. Я больше не желаю иметь с тобой дела.

— Кажется, вам пора в машину?

Я повернулся к Зебре и Шантерель.

— Будьте осторожны. Не думаю, что здесь вам что-нибудь угрожает, но все равно смотрите в оба. Думаю, вернусь через несколько часов. Дождетесь?

— Само собой, — ответила Зебра. — Но у меня несколько иные планы. В этой штуковине вполне поместятся трое. Если Шантерель сможет держать оборону...

Шантерель пожала плечами.

— Мне не слишком улыбается просидеть несколько часов в одиночестве... но, пожалуй, здесь все-таки лучше, чем внизу. Если не ошибаюсь, вас зовет сестринский долг?

Зебра кивнула:

— На моем месте она сделала бы то же самое.

— Надеюсь, ваша поездка себя оправдает.

— Не подвергайте себя лишней опасности, — предупредил я Шантерель. — Если что, мы сумеем выбраться. Так что... Вы знаете, где стоит наша машина.

— Не беспокойтесь обо мне, Таннер. Позаботьтесь лучше о себе.

— Что поделать, профессиональная привычка.

И я с напускным дружелюбием хлопнул Квирренбаха по плечу. Правда, я предпочел бы сделать это искренне.

— Ну как, готовы? Надеюсь, вас посетит вдохновение: дорожные впечатления вкупе с повышенной дозой депрессии...

Он мрачно посмотрел на меня.

— Не надо об этом, Таннер.

Что бы ни говорила Зебра, но в кабинке робота едва хватало места для двоих. После того как Зебра присоединилась к нам, там стало, мягко говоря, тесновато. Похоже, она судила по себе — не вполне человеческое сложение и сверхъестественная гибкость позволили ей разместиться с минимумом дискомфорта.

— О Боже... — заметила она. — Надеюсь, поездка не затянется.

— Заводите, — приказал я Квирренбаху.

— Таннер, еще есть...

— Заводите эту чертову машину, — сказала Зебра. — Иначе вам даже не придется сочинять себе реквием.

Довод прозвучал убедительно. Квирренбах нажал на кнопку, машина ожила и, дребезжа, поползла по трубе. Принцип движения был явно позаимствован у сороконожек. Передняя и задняя секции двигались рывками, блюдца-присоски звучно припечатывались к стенам, но середина, где сидели мы, ни разу не дернулась. Пар ушел из туннеля, но металлические стены дышали жаром, а воздух казался раскаленным, как в преисподней. Тесно, темно — только главные рычаги управления перед нашими сиденьями слабо подсвечивались. Чудовищное давление пара отполировало стены трубопровода до зеркального блеска. Поначалу труба тянулась горизонтально, но вскоре начала все сильнее извиваться и наконец заняла почти вертикальное положение. Теперь мое кресло превратилось в гибрид обвязки и люльки, в каких носят за спиной младенцев — безумно неудобная конструкция. Покачиваясь в ней, я ни на миг не забывал о том, что подо мной несколько километров пустоты и меня удерживает лишь разница давления, прижимающая присоски робота к стенкам трубопровода.

— Если не ошибаюсь, мы направляемся к крекинг-станции? — осведомилась Зебра, напрягая голос, чтобы перекрыть грохот. — Именно там его делают?

— Вполне логично, — отозвался я. Она словно прочла мои мысли: я как раз думал об этой станции. Из нее выходили все трубы — могучая корневая система Города. Станция гнездилась глубоко в Бездне, скрытая в слоях вечного тумана. Именно там находились гигантские преобразующие механизмы, которые всасывали горячие ядовитые газы, поднимающиеся из Бездны. — Вряд ли персонал, обслуживающий эту систему, кому-то подотчетен. И, безусловно, располагает самыми современными реактивами. Которые можно использовать для синтеза какого-нибудь вещества — например, Горючего Грез.

— Как думаешь: здесь все работают в условиях секретности?

— Вряд ли. Разве что горстка рабочих, которые занимаются непосредственно синтезом Горючего. Эти, скорее всего, незнакомы никому из служащих. Я прав, мистер Квирренбах?

Композитор щелкнул каким-то рычагом на пульте. Наша скорость существенно возросла, а шлепки присосок превратились в гулкую барабанную дробь.

— Я уже говорил вам, — отозвался он. — Меня никогда не допускали

так близко к источнику.

— Но хоть что-то вам известно? Ну, хотя бы относительно синтеза?

— А почему это вас интересует?

— Потому что я не понимаю, какой в этом смысл, — сказал я. — Из-за эпидемии многие вещи стали бесполезными. Например, имплантаты — по крайней мере, самые сложные. Субклеточные нанороботы... как вы их называете — медишны? Кажется, послесмертных это в восторг не привело. Их здоровье, насколько я понимаю, в некотором отношении зависело от этой машинерии. Теперь им приходится обходиться без нее.

— И что дальше?

— Совершенно неожиданно появляется нечто новое. Оно решает те же задачи, только справляется еще лучше. Пользоваться Горючим Грез может даже ребенок — его не нужно приспособлять под нужды каждого отдельного человека. Оно исцеляет раны и восстанавливает память...

Я вспомнил зачумленного, который корчился на земле, с безумной жадностью собирая капли алой жидкости, хотя эпидемия уже поразила половину его тела.

— Оно даже может защитить вас от Чумы — если вы не желаете отказаться от своей механической начинки. Просто фантастика. Слишком красиво, чтобы быть правдой, Квирренбах.

— И что из этого следует?

— То, что мне очень любопытно: почему этим изобретением мы обязаны, по большому счету, преступникам? Сильно сомневаюсь, что Горючее появилось до эпидемии, когда у Города было достаточно средств для разработки новых замечательных технологий. А что теперь? В некоторых районах Малча нет даже паровой энергии. Анклавы Кэнопи, где в ходу высокие технологии, можно пересчитать по пальцам, но тамошние жители больше увлечены Игрой, чем изобретением чудодейственных препаратов. Как ни странно, именно им удалось до этого додуматься — очень похоже на то, хотя поставки Горючего и сокращаются.

— До эпидемии Горючего не было, — вмешалась Зебра.

Я кивнул.

— Слишком много совпадений. Это наводит на размышления. Может быть, у болезни и лекарства общее происхождение?

— Только не надейтесь, что вы первый, кому это пришло в голову.

— У меня такого и в мыслях не было, — я вытер вспотевший лоб. Такое ощущение, что этот час я провел в сауне. — Но согласитесь, что это вполне логично.

— Не знаю. Я бы не сказал, что меня это слишком интересует.

— Хотя от этого, возможно, зависит судьба Города?

— Вы уверены? От этого зависят послесмертные — но их не более десяти тысяч. Горючее Грез представляет ценность для тех, кто от него зависит, но для большинства оно не имеет значения. Допустим, этих десяти тысяч не станет — мне все равно. Пройдет какая-нибудь пара столетий — и все, что здесь происходит, станет лишь незначительным фактом истории, не более того. Сейчас передо мной стоит более серьезная и масштабная задача.

Во время этого монолога Квирренбах лихорадочно перебирал рычаги на панели управления.

— Я действительно композитор. Все остальное — просто жалкая трата времени. С другой стороны, вы... честно говоря, Таннер, я вас не понимаю. Да, возможно, вы что-то обещали Тарин. Но ваш интерес к Горючему Грез был очевиден — с того момента, когда мы обыскивали каюту Вадима. Не спорю, вы могли по собственной инициативе отправиться сюда, чтобы убить Арджента Рейвича — но ведь не для того, чтобы расследовать мелкие недостатки на подпольной фабрике.

— Возникло небольшое осложнение, Квирренбах.

— И какое?

— Горючее Грез. Что-то наводит меня на мысль, что я видел его раньше. Не здесь.

Вход удалось найти. В течение получаса шаттл вился вокруг корабля, и в результате Небесный, Норквинко и Гомес обнаружили отверстие, через которое, скорее всего, проникли внутрь Оливейра и Лаго. Оно оказалось в каких-то двадцати метрах от того места, где был пристыкован шаттл Оливейры — там, где «хребет» соединялся с корпусом корабля. В первый момент Небесный не заметил отверстия — оно было совсем крошечным и терялось среди вспученностей и «нарывов», покрывающих изуродованный корпус.

— Думаю, нам стоит вернуться, — сказал Гомес.

— Мы идем внутрь.

— Ты не слышал, что сказал Оливейра? А то, что эта посуда выглядит немного странно, тебя не смущает? Такое чувство, что ее слепили кое-как, по образу и подобию наших кораблей.

— Да, это меня смущает. Именно поэтому мне надо попасть внутрь.

— Лаго это уже сделал.

— Значит, мы рискуем на него нарваться.

Небесный был настроен решительно. Он даже не позаботился снять

шлем с тех пор, как прошел через воздушный шлюз.

— Мне тоже хочется посмотреть, что там, внутри, — признался Норквинко.

— Хотя бы один из нас должен оставаться в шаттле, — сказал Гомес. — Шаттл, который нас засек, может появиться в ближайшие часы. Так что будет неплохо, если кто-нибудь будет наготове и сможет об этом позаботиться.

— Прекрасно, — одобрительно кивнул Небесный. — Значит, у нас есть доброволец.

— Я не имел в виду...

— Это меня не интересует. Просто прими предложение. Если у нас с Норквинко будут неприятности, ты узнаешь об этом первым.

Они покинули шаттл и запустили портативные реактивные двигатели, чтобы пересечь короткое расстояние до корпуса «Калеуче».

Небесный и Норквинко приземлились возле отверстия. Обшивка ходила ходуном, точно пружинный матрас. Удерживаться на ногах удавалось лишь с помощью липких присосок на подошвах обуви.

Вопрос, который они очень не хотели себе задавать, встал теперь весьма остро и требовал ответа. Каким образом обшивку корабля превратили в нечто, больше всего напоминающее губку? С металлом такое в принципе не может произойти — даже если рядом произойдет аннигиляция. Нет, что бы здесь ни случилось, это не укладывалось в привычные рамки. Казалось, обшивку корабля-призрака до последнего атома заменили иной, пугающе пластичной субстанцией, воссоздав мельчайшие детали — но сходство было чисто внешним. Были сохранены форма, текстура и даже цвет — но все это не работало. «Калеуче» походил на грубый слепок настоящего корабля. Небесный поймал себя на мысли, что сомневается в реальности происходящего. Действительно ли он стоит на обшивке «Калеуче» — или это только кажется?

Небесный и Норквинко подошли к отверстию, целясь из лучевых винтовок в темноту. Рваная обугленная кромка напоминала приоткрытые морщинистые губы. Потом на глубине в пару метров в луче фонаря мягко блеснула густая волокнистая масса, покрывающая стенки «колодца». Эта картина показалась Небесному знакомой: так выглядела сетка из алмазных волокон, впрессованных в быстрозастывающий эпоксидный клей — таким образом заделывали пробои в обшивке. Похоже, Оливейра обнаружил в обшивке «Калеуче» слабое место, не пожалев времени, чтобы обследовать ее поверхность, составить карту плотности — после чего он вскрыл ее лазерным резаком или выхлопом из дюз шаттла. Пробив туннель, он

распылил по его внутренней поверхности герметик, который входит в ремкомплект шаттла — скорее всего, чтобы стенки не могли внезапно сомкнуться.

— Попробуем здесь, — сказал Небесный. — Похоже, Оливейра нашел удачное решение. Нет смысла второй раз делать то же самое, у нас слишком мало времени.

Прежде всего нужно было настроить инерциальные компасы, встроенные в запястья скафандров, выбрав точкой отсчета нынешнюю позицию. «Калеуче» не вращался — ни вдоль продольной оси, ни вдоль поперечной, так что внутри они не заблудятся. Даже если компасы дадут сбой, трос поможет им вернуться и выйти через «рану» в корпусе.

Поймав себя на этой мысли, Небесный остановился. Почему он назвал дыру в корпусе раной?

Они полезли внутрь, Небесный шел первым. Сразу за отверстием начинался туннель с грубыми стенами, который уходил в глубь корпуса метров на десять-двенадцать. Будь это «Сантьяго», они бы давно миновали все слои обшивки и оказались в лабиринте тесных служебных камер, протискиваясь сквозь переплетение линий коммуникации, силовых кабелей и труб системы охлаждения, а может быть, даже в одном из железнодорожных туннелей.

Может быть, именно из этой точки туннель более или менее непрерывно тянется на несколько метров? Небесный не без оснований полагал, что это не так.

Стены туннеля, скважины или чего бы там ни было — становились все более твердыми и блестящими. Теперь они напоминали уже не слоновью шкуру, а хитиновый панцирь насекомого. Небесный направил луч фонарика в темноту, и впереди заиграла бликами черная глянцевая поверхность. Но туннель не заканчивался тупиком, как ему показалось в первый момент, а резко поворачивал вправо. Через изгиб едва удалось протиснуться — ранец с двигателями создавал дополнительный объем. К счастью, стенки туннеля были гладкими, и можно было не опасаться порвать скафандр или потерять что-нибудь из оборудования. Оглянувшись, Небесный увидел, как Норквинко пробирается следом — не без труда, поскольку был несколько крупнее.

После этого туннель расширился. Идти стало легче. Время от времени Небесный останавливался и просил Норквинко убедиться, что трос разматывается без помех и по-прежнему натянут, хотя инерциальные компасы исправно отмечали все их перемещения относительно отправного пункта.

Небесный проверил радиосвязь.

— Гомес? Как меня слышишь?

— Четко и ясно. Что вы нашли?

— Пока еще ничего. Но можешь быть уверен: это не «Калеуче». Мы с Норквинко прошли уже метров двадцать — и вокруг по-прежнему твердое вещество.

— Так не бывает, — после минутной паузы добавил Норквинко.

— Верно — если считать, что это корабль наподобие нашего. Но это не так. Думаю, такого мы совершенно не ожидали.

— Но ты согласен, что его отправили с Земли после отлета Флотилии?

— Нет. Прошло всего около ста лет, Гомес. Не думаю, что этого достаточно, чтобы додуматься до такого. Он не похож ни на что, созданное человеком. Я вообще сомневаюсь, что мы находимся внутри машины.

— Что бы он ни был, но на вид это корабль Флотилии.

— Пока не приглядишься повнимательнее. По-моему, он специально изменил форму, чтобы мы так думали. Что-то вроде маскировки. И ведь он своего добился! Тит... мой отец считал, что все это можно объяснить неким событием, которое случилось относительно недавно. Знай он, что нас преследует чужой корабль, все могло бы быть по-другому.

— И что бы он, по-твоему, сделал?

— Не знаю. Ну... например, сообщил бы об этом на другие корабли. Во всяком случае, понял бы, что нам грозит опасность.

— Возможно, он был прав...

В этот момент что-то произошло. Небесный и Норквинко скорее почувствовали шум, чем услышали его — словно где-то ударил гигантский колокол. Вокруг был вакуум, поэтому они скорее ощутили вибрацию корпуса.

— Что за чертовщина Гомес?

— Не знаю, — слабо отозвался Гомес. — Здесь ничего не происходит. Только теперь вас почти не слышно.

Мы спускались уже почти два часа, когда далеко в глубине, куда вертикально уходила труба, что-то появилось.

Это было тусклое золотистое сияние, и оно приближалось.

Я все еще размышлял над событиями, которые только что пережил. Я все еще ощущал страх, с которым Небесный входил в нутро «Калеуче», и этот страх имел металлический привкус, словно от пули во рту. Сейчас я чувствовал почти то же самое. Я тоже спускаюсь сквозь темноту, тоже надеюсь получить ответ — или вознаграждение. Я знаю, что подвергаюсь огромной опасности, и понятия не имею о том, что ждет впереди.

Совпадение было потрясающим, и я почувствовал, как мороз продирает по коже. Теперь Небесный перестал быть просто образом, который заполнил мое сознание. Он управляет мной, как кукловод, заставляя меня повторять его шаги... а ниточки тянутся сквозь столетия истории. Я стиснул кулак. Сейчас рука снова начнет кровоточить, как во время последнего видения.

Но на ладони не появилось ни капли крови.

Робот-обходчик продолжал с грохотом ползти вниз по трубе. Квирренбаху больше не удалось заставить его увеличить скорость. Жара была почти невыносимой. Еще три часа — и мы просто умрем от обезвоживания.

Но в трубе становилось все светлее.

Скоро причина стала ясна: секция трубопровода, к которой мы приближались, была сделана из грязного стекла. Квирренбах заставил кабину вращаться вокруг оси, так что не думаю, что снаружи можно было разглядеть, кто спускается по трубе. Но у меня по-прежнему был хороший обзор. Трубопровод тянулся через темную камеру, похожую на пещеру. Повсюду, точно гроздь, висели какие-то устройства — огромные емкости, наподобие доменных печей, соединенные целой паутиной блестящих шлангов, похожих на кровеносные сосуды, трубопроводов и тонких мостиков. На полу, точно стадо спящих бронтозавров, рядами стояли могучие турбины.

Мы почти добрались до крекинг-станции.

Я оглядывался, пораженный габаритами этого помещения — и тишиной.

— Похоже, ни одного дежурного, — заметила Зебра.

— Это нормально? — спросил я.

— Да, — ответил Квирренбах. — Здесь операции выполняются сами по себе. И мне бы ужасно не хотелось, чтобы именно сегодня сюда пришли дежурные... и обнаружили, что мы тоже здесь.

Справа и слева тянулись многочисленные трубопроводы — наподобие того, по которому мы спускались. Они упирались в круглое полупрозрачное перекрытие на подпорках из темного металла и проходили сквозь него. Ниже был лишь пепельно-серый туман — крекинг-станция располагалась глубоко в Бездне и обычно была скрыта его клубами. Лишь иногда беспорядочные спирали восходящих тепловых потоков на мгновение рассекали туман, позволяя увидеть отвесные каменные стены, уходящие в недра планеты. Далеко-далеко в высоте, точно антенна, торчал Стебель — туда Сибиллина приводила меня, чтобы понаблюдать за прыгунами в туман. Это было всего два дня назад, но мне казалось, что прошла

вечность.

Мы были в Бездне.

Робот-обходчик полз и полз. Сначала я думал, что мы высадимся где-нибудь на полу крекинговой камеры, но Квирренбах спокойно продолжал вести его вниз, в темноту, сквозь перекрытие, на котором стояли турбины. Может быть, там есть еще одна камера? Некоторое время я тешил себя этой мыслью... пока не понял, что мы забрались слишком глубоко.

Труба, по которой мы двигались, проходила сквозь крекинговую станцию.

Спуск продолжался. Трубопровод несколько раз поворачивал, какое-то время шел почти горизонтально, затем — вновь под уклон. Жара стала невыносимой, и я едва держался на грани обморока. Губы пересохли, и мысль о стакане холодной воды превратилась в нечто вроде психологической пытки. Не представляю, каким образом мне удалось не отключиться. Наверно, я просто знал, что мне понадобится ясная голова, когда робот наконец доставит нас куда следует.

Еще тридцать-сорок минут — и внизу снова засиял свет.

Похоже, наше путешествие закончилось.

— Только этого не хватало... Норквинко, проверь...

Не договорив, Небесный посветил фонариком в шахту, откуда они только что пришли. Трос, только что натянутый, как струна, внезапно провис, словно стал длиннее. Похоже, перебит где-то посередине.

— Идем-ка отсюда, и поскорее, — сказал Норквинко. — Мы не успели забраться далеко, так что сможем выбраться.

— Ты предлагаешь выйти сквозь обшивку? Трос не может оборваться сам по себе.

— У Гомеса на шаттле есть специальный резак. Он сможет вытащить нас — он знает, где мы находимся.

Небесный задумался. Спору нет, Норквинко прав. Любой здравомыслящий человек сделает все возможное, чтобы выбраться обратно, наружу. Именно этого желала некая часть его личности. Но другая твердо решила разгадать тайну этого корабля — и она была сильнее. Теперь можно не сомневаться: «Калеуче» создан кем угодно, только не людьми. Это означает, что обнаружено первое в истории человечества свидетельство существования иного разума. Но самое удивительное — то, что «Калеуче» присоединился к Флотилии. Шанс обнаружить медлительные хрупкие звездолеты-ковчеги в бесконечности космоса был ничтожно мал. И после этого он не попытался установить контакт,

предпочитая десятки лет следовать за ними, словно тень...

А что внутри? Корабельное имущество, на которое они рассчитывали, даже запасы антивещества — это ничтожная малость по сравнению с тем, что находится на борту «Калеуче» и ждет исследования. Каким образом кораблю удастся двигаться с той же скоростью, что и Флотилия — восемь процентов скорости света, ни больше и ни меньше? Что-то наводило на мысль о том, что это не составляло для чужого корабля особого труда. Где-то внутри этого корпуса, в конце одного из туннелей, больше похожих на червоточины, должны находиться привычного вида устройства, которые позволяют разогнать корабль до его настоящей скорости. В любой момент их можно запустить снова. Не обязательно разобравшись, как они работают — но сделать так, чтобы они заработали.

И, возможно, это произойдет очень скоро.

Нужно двигаться дальше. Иначе все труды пропадут даром.

— Мы идем дальше, — сказал Небесный. — В ближайший час мы точно что-нибудь обнаружим. Постараемся не заблудиться. Компасы в порядке?

— Мне все это не нравится, Небесный.

— Я понимаю. Но представь, сколько всего ты сможешь узнать. Ты можешь понять, как функционирует этот корабль. Просто представь. Информационные сети, подробные отчеты, базовые проекты... Возможно, они будут настолько чуждыми нашему стилю мышления, настолько отличаться от всего, что нам привычно, как, скажем... цепочка молекул ДНК от одноцепочечного полимера. Нужен особый склад ума, чтобы понять хотя бы некоторые принципы, на которых все это строится. Особый масштаб мышления, Норквинко. И только не говори, что тебе это совсем не интересно.

— Надеюсь, ты будешь гореть в аду, Небесный Хаусманн.

— Будем считать это знаком согласия.

Робот-обходчик перевел стрелку и повернул на другую ветку в трубе — похожую на ветку, обнаруженную на поверхности Квирренбахом. Грохот присосок становился реже, глуше и наконец прекратился. Слышалось лишь приглушенное тиканье какого-то механизма.

Стало очень темно и тихо — только где-то вдали в трубах рокотал перегретый пар. Я коснулся пальцем горячей металлической стенки и ощутил едва уловимую дрожь. Будем надеяться, это не означает, что на нас несется облако раскаленного пара, сжатого под давлением в тысячу атмосфер.

— Еще не поздно вернуться, — заметил Квирренбах.

— И где ваше природное любопытство?

Черт возьми! Я чувствовал себя Небесным, уговаривающим Норквинко!

— Где? Примерно в восьми километрах над нами.

В эту минуту кто-то отодвинул панель в стенке трубы и посмотрел на нас так, словно на кучу дерьма, которую по ошибке прислали из Города Бездны.

— Тебя я знаю, — сказал человек, кивнув Квирренбаху, потом мне и Зебре: — А тебя — в первый раз вижу. А ее — тем более.

— Мне плевать, — ответил я. С подобными типами можно разговаривать только так — конечно, если хочешь, чтобы тебя считали за человека.

Я уже вылезал из кабинки, поскольку вот уже несколько часов мечтал размять ноги.

— Для начала покажи, где здесь можно промочить горло.

— Кто ты такой?

— Мать твою! Человек попросил глоток воды. Что-то не так? Или у тебя уши свиным дерьмом забиты?

Кажется, до него дошло. Если я правильно понял, этот парень — не самая главная птица в этом гнезде. Его работа в силу своей специфики предполагает необходимость выслушивать оскорбления от посетителей рангом повыше.

— Ладно, приятель, не обижайся.

— Ратко, это Таннер Мирабель.

Квирренбах наконец-то решил нас представить.

— А это... это Зебра. Я уже телефонировал, что мы спускаемся к Гедеону.

— Ага, — подтвердил я. — И если ты еще не въехал в тему, то это твоя головная боль, а не моя.

Квирренбах явно впечатлился:

— Это правда. И дай человеку воды... твою мать, — он вытер рукавом пересохшие губы. — И мне тоже, педрила сраный.

— Педрила?! Классно, Квирренбах! Честное слово, классно, — охранник похлопал его по спине. — Похоже, ты записался на курсы повышения самооценки? Продолжай в том же духе — тебе полезно.

Он посмотрел на меня почти с сочувствием — взглядом, каким один профи оценивает другого.

— Ладно, двигайте за мной.

Следуя за Ратко, мы покинули помещение, где вышли из трубопровода.

Понять настроение охранника было непросто: его глаза прятались за серыми очками, снабженными массой хитроумных сенсорных устройств. Он был в сюртуке, похожем на сюртук Вадима, но покороче, а блестящие заплатки выглядели более аккуратными.

— Итак, ребята, — произнес Ратко. — Что привело вас сюда?

— Считайте это проверкой качества продукции, — предложил я.

— Насколько мне известно, никто не жаловался.

— Значит, вы плохо слушали, — сказала Зебра. — Сейчас это основная проблема.

— Серьезно?

— Вот именно, — подтвердил я. — И дело не в том, что Горючего не хватает. Проблема в качестве очистки. Мы с Зеброй снабжаем клиентов вплоть до Ржавого Обода. И получаем жалобы, — я добавил в голос угрожающей назидательности. — Это означает только одно: где-то в цепи поставок — отсюда до Пояса — завелась пара слабых звеньев. Поверь, я не полениюсь и проверю все. Другой вариант — проблема с качеством основного продукта. Может быть, его разбавляют или с чем-то смешивают... Вот почему мы прибыли сюда лично, при содействии господина Квирренбаха. Мы хотим убедиться, что качество Горючего Грез сохраняется с первой стадии изготовления и до последней. Если нет — значит, кто-то кому-то врет. Тогда в этом море дерьма разразится шторм не меньше десяти баллов. В любом случае, кое у кого будут проблемы...

— Эй, подожди... — заволновался Ратко, поднимая руку.

— ...Так что лучше начинать с начала, то есть с источника. И вряд ли кто-то разъяснит ситуацию лучше, чем Гедеон...

А теперь подбросим наживку.

— ...Но я слышал, что он склонен к уединению.

— А что ему еще остается?

Я рассмеялся. Надеюсь, это выглядело естественно. Правда, я не понял, что в этом смешного — в отличие от человека в сенсорных очках: он явно счел свою шутку удачной.

— Пожалуй, ты прав.

Я сменил тон. Похоже, уважение я уже заслужил, и теперь можно позволить себе сделать шаг навстречу.

— Может быть, поговорим по-простому? Как насчет того, чтобы развеять мои сомнения? Думаю, будет достаточно... скажем так, пробного образца.

— В чем проблема? — Ратко с готовностью сунул руку в карман и протянул мне маленький темно-красный пузырек. — Не упускаешь случая

воспользоваться служебным положением, а?

Я взял пузырек, Зебра протянула мне свадебный пистолет. Это просто необходимость. Горючее поможет мне чуть-чуть разобраться в собственном прошлом.

— Угадал, парень, — ответил я.

Небесный и Норквинко шли вперед, подозрительно поглядывая на показатели инерциальных компасов. Туннель изобиловал развилками и крутыми поворотами, но дисплеи, укрепленные перед лицевыми щитками, по-прежнему показывали их местонахождение, положение шаттла и пройденный маршрут. Даже если на обратном пути возникнет какое-то препятствие, они вряд ли заблудятся. Выбранный ими маршрут проходил через центр корабля, к головной части — туда, где должна была находиться главная рубка.

Прошло около пяти минут, когда по туннелю снова разнеслось гулкое эхо. Корабль завибрировал, словно гигантский гонг — на этот раз чуть сильнее, чем в прошлый раз.

— Хватит, — сказал Норквинко. — Теперь пошли обратно.

— Нет, еще рано. Потом, мы все равно потеряли трос. Пути назад нет — значит, остается только идти дальше.

Норквинко неохотно последовал за ним. Неожиданно атмосферные датчики начали регистрировать следы азота и кислорода вместо глубокого вакуума. Похоже, воздух понемногу заполнял шахту. Может быть, удары, отголоски которых доносились сюда, были грохотом гигантских шлюзов инопланетного корабля?

— Впереди свет, — сказал Небесный. Давление уже достигло одной атмосферы и продолжало расти.

Он выключил свой фонарь, приказав Норквинко сделать то же самое. На миг стало темно. Небесный вздрогнул, вновь ощущая страх перед темнотой, с которым он так и не научился справляться — страх, пережитый им когда-то в детской. Но вскоре глаза начали привыкать к рассеянному свету — казалось, фонари горели по-прежнему. Пожалуй, даже стало светлее — бледно-желтое сияние заливало туннель на многие десятки метров вперед.

— Небесный?

— Что?

— Знаешь, кажется, мы ползем вниз.

Небесному хотелось рассмеяться, хотелось пристыдить Норквинко, но он чувствовал то же самое. Что-то прижимало его тело к стенке шахты. По

мере того как он шел — или, скорее, полз — вперед, давление усиливалось. Наконец он уже не мог избавиться от ощущения, что вновь оказался на борту «Сантьяго», где вращение создает псевдогравитацию. Но чужой корабль не вращался и не набирал скорость.

— Гомес?

— На связи. Где вы находитесь? — голос был еле слышен.

— Внутри. Мы где-то возле главной рубки.

— Ты ошибаешься, Небесный.

— Так показывают инерциальные компасы.

— Значит, они дали сбой. Ваши сигналы приходят с середины «хребта».

Небесного снова охватил страх — словно он вновь оказался в темноте. Двигаясь почти ползком, они никоим образом не могли забраться так далеко — прошло слишком мало времени. Может быть, корпус трансформировался изнутри — чтобы помочь им быстрее оказаться в нужной точке? Радиоволны не могут ошибаться — Гомес должен довольно точно определять их местоположение по сигнальной триангуляции, несмотря на помехи, создаваемые массой корпуса. Значит, дело в инерциальном компасе — он врет с той минуты, как они оказались внутри. Теперь они перемещаются в чем-то вроде статического гравитационного поля или чего-то подобного, присущего туннелю — но это не иллюзия, вызванная вращением корабля или ускорением. Похоже, это поле тащит их в случайном направлении, которое определяется только геометрией шахты. Неудивительно, что инерциальные компасы стали бесполезны. Гравитация и инерция столь тесно связаны, что невозможно влиять на одно, не изменяя другого.

— Должно быть, у них полный контроль над полем Хиггса, — потрясенно проговорил Норквинко. — Жаль, что Гомеса здесь нет. Он точно нашел бы подходящую теорию.

Такая теория существовала. Согласно ей, поле Хиггса, о котором говорил Норквинко, пронизывало весь космос, всю материю. Масса и инертность не считались неотъемлемым свойством фундаментальных частиц. Они проявлялись как результат сопротивления, которое частица испытывает при движении в поле Хиггса — подобно знаменитости, которая проходит через зал, забитый поклонниками. По мнению Норквинко, создатели корабля придумали, как помочь «знаменитости» пройти через «толпу» без задержек — или хотя бы с минимальной потерей времени. Скорее всего, они научились по своему желанию увеличивать или уменьшать плотность «толпы» и способность «поклонников» досаждать

«знаменитости». Понятно, что это было весьма приблизительное описание. И Гомес, и даже Норквинко обычно начинали с метафор, прежде чем представить блестящее математическое решение проблемы. Но для Небесного этого было достаточно. Создатели корабля управляли гравитацией и инерцией с той же легкостью, с какой могли включить или погасить этот мерзкий желтый свет — и, очевидно, делали то и другое без особых усилий.

Значит, его догадка была верна. Если на корабле существует нечто, способное научить его таким вещам... Можно представить, что это даст Флотилии — или хотя бы «Сантьяго». Корабли не первый год сбрасывали балласт, чтобы оттянуть торможение до последней секунды. А если просто «выключить» массу «Сантьяго», как выключают свет в комнате? Тогда им удастся войти в систему Суона на восьми процентах скорости света и застыть неподвижно на орбите Конца Путешествия, мгновенно сбросив скорость. Хорошо, пусть получится не столь впечатляюще. Но даже если удастся немного уменьшить инерцию корабля — хотя бы на несколько процентов, — он готов рискнуть.

Внешнее давление давно перевалило за полторы атмосферы и продолжало подниматься, хотя и медленнее. Воздух был теплым, тяжелым от влаги и примеси газов — безвредных, но не присутствующих в таких объемах в воздухе, к которому Небесный привык. Гравитация достигла половины g ; время от времени она становилась чуть меньше, но не превышала этой величины. Нездоровый желтый свет стал настолько ярким, что можно было читать. То и дело приходилось перебираться через углубления в полу шахты, наполненные густой темной жидкостью. Ее следы были повсюду — кроваво-красные мазки, покрывающие все поверхности.

— Небесный? Это Гомес.

— Говори. Я тебя почти не слышу.

— Небесный, слушай меня. Через пять часов у нас будут гости. К нам приближаются два шаттла. Они знают, что мы здесь. Я рискнул направить на них радар, чтобы определить расстояние.

Отлично. Наверно, в этой ситуации он поступил бы так же.

— Оставь их в покое. Не разговаривай с ними и не давай им понять, что мы с «Сантьяго».

— Выбирайтесь оттуда скорее, слышите? Мы еще успеем удрать.

— Нам с Норквинко еще надо кое-что сделать.

— Небесный, мне кажется, ты не понимаешь...

Небесный отключил связь. Впереди происходило нечто гораздо более

интересное. Навстречу, вверх по стволу шахты, что-то двигалось. Оно ползло, неуклюже изгибая жирное бело-розовое тело, и больше всего напоминало личинку.

— Норквинко? — спросил он, выставив вперед оружие и целясь вниз. — Похоже, нас пришли поприветствовать.

Он не ожидал, что его голос прозвучит так испуганно.

— Я ничего не вижу. Нет, погоди... теперь вижу. Ох...

Существо было величиной с руку — на самом деле, не столь велико, чтобы нанести человеку физические повреждения. У этой твари просто не было ничего, чем она могла бы это сделать — Небесный не заметил даже челюстей или жвал. Лишь на переднем конце туловища торчала бахрома прозрачных щупальцев, похожая на венчик, которая покачивалась при каждом движении. Возможно, на них яд, но в скафандре можно чувствовать себя спокойно. Ничего похожего на конечности, которыми можно производить действия, глаз тоже нет. Небесный мысленно перечислил эти утешительные моменты, потом оценил свое состояние — и с разочарованием обнаружил прежний страх.

Однако личинку, похоже, не напугало появление незваных гостей. Она лишь замерла и пошевелила своими щупальцами, точно привидение пальцами. Внезапно ее кольчатое бледно-розовое тело налилось глубоким пурпуром. Из сочленений засочился алый, как артериальная кровь, секрет, и вскоре личинка уже лежала в алой лужице. Потом лужица выпустила собственные щупальца — она словно текла под уклон. Небесный почувствовал, что очертания шахты начинают расплываться перед глазами. Кажется, одновременно изменил направление вектор силы тяжести. Красная жидкость продолжала прибывать, и вскоре вокруг его лодыжек плескались алые волны. В какой-то момент Небесному показалось, что он падает непонятно куда, перевернувшись вверх ногами. По щитку шлема поползла алая пленка, словно жидкость хотела проникнуть в скафандр.

Затем все исчезло.

Сила тяжести снова стала привычной. Едва переводя дыхание, Небесный смотрел, как личинка втягивает в себя красную жидкость. На миг тельце побагровело, затем понемногу стало бледнеть, пока не приобрело прежний оттенок — и вдруг произошло нечто странное: щупальца втянулись и тут же выросли из другого конца тела. После этого личинка, как ни в чем не бывало, уползла назад, в желтый полумрак.

И тогда с ними заговорил голос. Стены шахты задрожали. Наверно, он походил на голос божества — человеческие легкие не в состоянии исторгнуть звук такой силы.

— Приятно, когда приходят гости, — произнес он на португальском.

— Кто ты? — спросил Небесный.

— Я Лаго. Надеюсь, вы навестите меня? Это недалеко.

— А если мы откажемся?

— Будет жаль. Но я не задержу вас.

Раскаты громоподобного голоса стихли. Снова, как и после визита личинки, все стало по-прежнему. Небесный и Норквинко тяжело дышали, словно после хорошей пробежки.

Норквинко первым нарушил молчание:

— Мы возвращаемся на шаттл. Немедленно.

— Нет. Мы идем вперед, поскольку Лаго нас пригласил.

— Нет! — Норквинко схватил Небесного за руку. — Это безумие. У тебя такая короткая память? Ты уже забыл, что здесь случилось?

— Нас пригласили на борт. Причем пригласил тот, кто при желании мог бы запросто нас прикончить.

— Нечто, называющее себя Лаго. После того, что сказал Оливейра...

— Между прочим, он не сказал, что Лаго погиб, — Небесный пытался говорить спокойно, чтобы не выдать свой страх. — Он сказал, что с ним что-то случилось. И меня очень интересует, что именно с ним произошло. И не только с ним. Как я понимаю, этот корабль — или не корабль — может об этом рассказать.

— Вот и славно. Иди, а я возвращаюсь.

— Нет. Ты останешься и пойдешь со мной.

Норквинко поколебался, прежде чем ответить.

— Ты не можешь меня заставить.

— Конечно, не смогу. Но точно сумею тебя убедить.

На этот раз Небесный взял приятеля за плечо.

— Ты только представь себе, Норквинко. То, что там находится, может разнести вдребезги все наши представления о мире. Как минимум, там должно быть нечто такое, что поможет нам достичь Конца Путешествия раньше других кораблей. А может быть, обеспечит нам тактическое преимущество, если кто-нибудь попытается оспорить наше право на территорию.

— Ты же на борту инопланетного корабля! И ты не способен думать ни о чем, кроме мелких людских дрызг? Вроде драки за клочок земли?

— Поверь, через несколько лет никто не скажет, что это мелочи, — Небесный сильнее сжал плечо Норквинко, ощущая, как сопротивляется ткань скафандра. — Думай головой, дружище! Ты не представляешь, как много зависит от этого момента. То, что происходит здесь и сейчас, может

изменить весь ход истории. Мы не какие-нибудь пешки, Норквинко, мы колоссы! Осознай это хоть на секунду. И подумай о том, какие награды получают люди, которые определяют историю. Такие, как мы.

Он вспомнил тайную комнату на «Сантьяго», где держал диверсанта-химерика.

— У меня далеко идущие планы, Норквинко. Когда мы достигнем Конца Путешествия, я буду в безопасности — даже если все обернется против меня. И я могу сделать так, что ты тоже будешь в безопасности. Если же все сложится хорошо, я смогу сделать тебя действительно большим человеком.

— А если я не соглашусь и вернусь на шаттл?

— Я не стану тебя упрекать, — мягко проговорил Небесный. — Здесь действительно страшно. Но я не обещаю, что в будущем с тобой ничего не случится.

Норквинко разжал пальцы Небесного, которые впились в его плечо, и некоторое время задумчиво молчал, глядя в сторону.

— Ладно. Пошли. Но я не собираюсь бродить здесь больше часа.

— Я рад, Норквинко, — кивнул Небесный. — Я знал, что тебя можно убедить.

Они продолжили путь. Теперь двигаться стало легче, поскольку шахта полого уходила вниз — усилий требовалось не больше, чем при обычном спуске. Небесный размышлял. Каким образом та красная жидкость оказалась у его ног? Похоже, местные обитатели могли так тонко контролировать гравитационное поле, что жидкость двигалась как живая, почти мгновенно растекаясь и принимая нужную форму. Для тех, кто создал этот корабль, управление полем Хиггса было вчерашним днем.

Кто бы это ни был — может быть, те самые личинки, — но они обогнали человечество на миллионы лет. Корабли Флотилии должны казаться этим существам чем-то крайне примитивным. Возможно, они вообще сомневаются, что Флотилия создана разумными существами.

И все же Флотилия им интересна.

Шахта открывалась в огромную пещеру с голыми бугристыми стенами. Вход оказался расположен довольно высоко, но внутри клубился густой, вязкий пар, мешающий разглядеть противоположную стенку. Пещеру заливал тот же омерзительно-желтый свет, а пол скрывался под слоем красной жидкости — целое озеро, глубина которого, возможно, достигала нескольких метров. И в этом озере копошились сотни личинок. Некоторые из них едва показывались наружу. Личинки отличались разнообразием размеров и форм. Некоторые были размером с человека и

даже крупнее, а среди щупальцев торчали отростки — возможно, сенсорные органы. Одна из личинок паялилась на Небесного и Норквинко единственным глазом на стебельке; глаз был похож на человеческий. А в самом центре озера лежала самая крупная из них, похожая на многометрового червя, ее бледно-розовая туша поднималась над блестящей поверхностью. Личинка повернулась к ним, помахивая венчиком щупальцев, словно листом папоротника.

Под щупальцами находился рот — непропорционально маленький, но совершенно человеческий, с красным губами. И когда личинка заговорила уже знакомым громоподобным голосом, слова звучали вполне привычно.

— Привет, — сказала личинка. — Меня зовут Лаго.

Я поднял пузырек и посмотрел его на просвет, прежде чем опустить в обойму. Жидкость мерцала красным и переливалась в сосуде — то лениво, то с поразительной скоростью, — совсем как то алое озеро в недрах «Калеуче». «Калеуче»? Нет, это было нечто непостижимое, а миф о корабле-призраке лишь питался им, точно паразит. А разве это воспоминание Небесного не таилось где-то в уголке моего разума? Я узнал Горючее Грез, едва успел его увидеть.

В том красном озере запросто можно было утонуть.

Приставив свадебный пистолет к шее, я впрыснул Горючее в сонную артерию. Ни волны жара, ни наплыва галлюцинаций... Это вещество не было наркотиком в привычном понимании. Оно действовало на мозг в целом, а не на отдельные его зоны. Оно стремилось остановить распад клеток, устранить свежие повреждения, возвращая четкость воспоминаниям и восстанавливая связи, прерванные относительно недавно. Такое впечатление, что оно считывало какую-то запись — словно у человеческого тела есть некая область, которая отражает изменения в клеточных структурах, но с некоторым запозданием. Вот почему Горючее могло так легко исцелять и раны, и разрывы в памяти, хотя само по себе не различало особенностей физиологии и анатомии нервной системы.

— То, что надо, — заметил Ратко. — Знаешь, дружище, я чем попало не пользуюсь.

— Значит, отсюда может поступать что попало? — осведомилась Зebra.

— Эй, не придирайтесь. Это все к Гедеону.

Ратко вел нас по длинным петляющим туннелям. Они были хорошо освещены, пол покрыт чем-то вроде настила, хотя проходы были вырублены прямо в скале. Похоже, туннели вели от комплекса прямо в

стену бездны.

Я нарушил молчание:

— Кстати, о Гедеоне. Поговаривают, что он нездоров. А кое-кто снаружи думает, что именно поэтому начали продавать всякое дерьмо вместо Горючего. Он слишком плох, чтобы это отслеживать.

Кажется, я не сказал ничего лишнего. По правде говоря, я понятия не имел об истинном положении дел.

— Как бы то ни было, Гедеон выпускает Горючее, — отозвался Ратко. — Это сейчас главное.

— Чтобы поверить этому, я должен с ним увидеться.

— Надеюсь, ты понимаешь, что картина будет не из приятных?

— Знаю, слышал, — улыбнулся я.

Глава 36

Пока Ратко вел нас к Гедеону, я позволил себе посмотреть продолжение эпизода. Удивительно: оказывается, для меня не составляет труда вспоминать события трехсотлетней давности, сортируя их в подобии хронологического порядка и время от времени раскрывая сознание для очередного отрывка. Теперь это превратилось в нечто вроде ритуала. Я даже начал предугадывать развитие событий — во всяком случае, не ожидал никаких сюрпризов, как будто после долгого перерыва перечитывал хорошо знакомую книгу.

Осторожно ступая по скользким выступам, Небесный и Норквинко спустились к самому краю красного озера, посередине которого лежала многометровая личинка, и она называла себя Лаго.

Небесный собрал всю свою волю. Неизвестность пугала до безумия, но он был убежден: ему суждено пройти через это и выжить.

— Лаго? — проговорил он. — Не знаю. Мне казалось, что Лаго — человек.

— Я не только Лаго, но и то, что существовало до него, — громоподобный голос звучал на удивление спокойно и миролюбиво. — Мне трудно объяснить это на языке Лаго. Но я не только он, но и Путешествующий Бесстрашно.

— Что случилось с Лаго?

— Сложный вопрос. Прошу прощения...

Последовала пауза, во время которой из тела гигантской личинки вытекло несколько галлонов красной жидкости, потом столько же втянулось обратно.

— Теперь лучше. Гораздо лучше. Позвольте объяснить. До Лаго был лишь Путешествующий Бесстрашно, его личинки-помощники, и садок-впустоте... — щупальца шевельнулись, словно огромное создание указывало одновременно на пол и стены пещеры. — Но потом садок-впустоте был поврежден, и многим бедным личинкам-помощникам пришлось... В памяти Лаго нет подходящего слова. Сломаться? Раствориться? Деградировать? Но не исчезнуть полностью.

Небесный покосился на Норквинко. С тех пор, как они оказались здесь, тот не произнес ни слова.

— Что случилось до того, как на твоём корабле произошла авария?

— Да. Корабль. Совершенно верно. Не садок. Корабль. Так гораздо лучше, — рот личинки жутковато скривился, и из тела снова потекла красная жидкость. — Это было давно.

— Начни сначала. Зачем вы нас преследуете?

— Вас?

— Флотилию. Пять других кораблей. Пять других... садков.

Несмотря на страх, Небесный начал испытывать раздражение.

— Черт возьми, это не так сложно, — он вытянул кулак и стал поочередно разгибать пальцы. — Один. Два. Три. Четыре. Пять. Понимаешь? Пять. Пять садков, которые построены людьми — такими, как Лаго. Вы зачем-то преследуете нас. Мне хочется знать почему.

— Это было до аварии. После нее осталось только четыре садка.

Небесный кивнул. Значит, эта тварь имеет представление о том, что случилось с «Исламабадом».

— Ты плохо помнишь?

— Плохо помню, верно.

— Ну, так постарайся вспомнить. Откуда вы взялись? Что заставило вас прицепиться к Флотилии?

— Слишком много было садков. Слишком много для Путешествующего Бесстрашно, чтобы помнить каждый.

— Тебе и не надо вспоминать каждый. Просто скажи про тот, где мы находимся.

— Когда-то давно были только личинки, потом садков тоже стало много. Мы искали другие типы личинок, но не нашли.

Это значит, подумал Небесный, что в свое время команда Путешествующего Бесстрашно начала обследовать космос, но так и не столкнулась с разумными существами.

— Как давно это было?

— Много эпох назад. Полтора оборота.

Небесного охватил беспредельный леденящий ужас. Возможно, он что-то не так понял... но сильно подозревал, что эта личинка говорила про оборот Млечного Пути — срок, за который звезда проходит путь вокруг галактического центра. В среднем это составляет более двухсот миллионов лет... Значит, видовая память личинки — если таковая есть — охватывает более трехсот миллионов лет космического путешествия. Когда оно началось, динозавров не существовало даже в виде набросков проектного бюро эволюции. Речь шла о временных масштабах, в которых человечество и все, что им создано, было лишь слоем пыли на вершине горы.

— Рассказывай все остальное.

— Потом мы нашли других личинок. Но они были не похожи на нас. Вообще не похожи на личинок. Они не захотели... терпеть нас. Они были похожи на садок-в-пустоте, но только... внутри тоже пустой.

Корабль без живых существ на борту.

— Разумные машины?

Личинка снова ухмыльнулась, на этот раз крайне непристойно.

— Да. Разумные машины. Голодные машины. Машины, которые едят личинок. Машины, которые едят нас.

Машины, которые едят нас.

Я думал о том, как это было сказано. Словно о каком-то досадном аспекте реальности... Так говорят, смиряясь с происходящим, зная, что винить в этом некого. Я вспомнил отвращение, которое вызывало у меня смирение гигантской личинки.

Нет, не у меня, поправился я. У Небесного Хаусманна.

Был ли я прав — или нет?

Ратко по-прежнему вел нас по грубо вырубленным туннелям подземной фабрики, где производилось Горючее Грез. Время от времени мы проходили через просторные, слабо освещенные помещения, где склонялись над столами рабочие в блестящих серых халатах. Тысячи разнокалиберных пробирок и колб, громоздящихся на столах, напоминали миниатюрные стеклянные города, а среди них возвышались огромные реторты, наполненные литрами мерцающей темно-красной жидкости.

Десятки литров Горючего Грез.

В конце конвейера на аккуратных полках ждали отправки десятки заполненных пузырьков. Многие из рабочих носили специальные очки — вроде тех, что были на Ратко. Время от времени их линзы пощелкивали и жужжали, перестраиваясь для очередной технологической операции.

— И куда мы направляемся? — спросил я.

— Вы хотели пить — или нет?

— Думаю, мы идем к старику, — шепнул Квирренбах. — Он заправляет здесь всем, так что не стоит его недооценивать. Правда, у него довольно необычная система верования.

— Ты про Гедеона? — спросила Зebra.

— Да, можно сказать и так, — отозвался Ратко, неверно истолковав ее вопрос.

Миновав еще одну анфиладу лабораторий, мы вошли в кабинет с шероховатыми стенами, где перед огромным металлическим столом сидел иссохший старик — а может быть, и полулежал, разобрать было

невозможно. Его тело утопало в некоем подобии инвалидного кресла — грубом бронированном механизме черного цвета. Из неплотно закрытых клапанов с шепчущим свистом вырывались струйки пара. Трубки, подающие питательную жидкость, тянулись от кресла и уходили в стену. Как я понял, кресло отсоединялось от системы, после чего оно могло передвигаться — его поддерживали на весу колеса с тонкими изогнутыми спицами.

Тело старика терялось в складках пледа из металлизированной ткани. Потом наружу высунулись две костлявые руки. Левая легла на невидимое колено, а правая начала поигрывать многочисленными черными рычажками и кнопками на подлокотнике — судя по всему, это был встроенный пульт управления.

— Здравствуйте, — сказала Зебра. — Как я понимаю, вы здесь главный.

Он по очереди оглядел нас. Череп неплотно обтягивала морщинистая кожа, местами тонкая, как старый пергамент, отчего голова старика казалась полупрозрачной — странное впечатление. И тем не менее его по-прежнему окружала аура былого очарования. Я был последним, на кого он посмотрел — его глаза походили на острые осколки замерзшего звездного света. Волевой подбородок придавал его лицу почти презрительное выражение. Губы старика вздрагивали, словно он вот-вот собирался заговорить.

Вместо этого его правая рука снова начала шарить по панели управления, дергая за рычаги и нажимая кнопки с удивительным проворством. Тонкие пальцы казались сильными и опасными, как когти хищной птицы.

Наконец ладонь старика соскользнула с подлокотника. Внутри кресла что-то проснулось, я услышал торопливый, шумный перестук механизмов. Когда стук прекратился, кресло заговорило. Слова складывались из мелодичного посвистывания, и приходилось вслушиваться, чтобы хоть что-то разобрать.

— Само собой. Что вам угодно?

Я изумленно уставился на него. Каким я только не представлял себе Гедеона — но такого не ожидал.

— Ратко сказал, что у вас есть вода, — проговорил я.

Старик кивнул — еле заметно, словно экономя силы. Ратко прошел к встроенному буфету, который занимал каменную нишу в углу кабинета, и вернулся с двумя стаканами. Я осушил свой одним глотком. Вполне неплохо, по крайней мере на вкус — особенно учитывая тот факт, что эта

вода только что была паром. Второй Ратко предложил Зебре. Она приняла стакан с некоторым недоверием, но явно предпочитала умереть от отравления, чем от жажды.

Я поставил пустой стакан на обшарпанную металлическую столешницу.

— Я представлял вас несколько иначе, Гедеон.

Квирренбах ткнул меня локтем.

— Это не Гедеон, Таннер. Это... м-м-м... — он замялся и наконец буркнул: — Это старик. Я же говорил.

Старик снова опустил руку на пульт управления, отдавая креслу приказ. Снова послышался стук — в течение секунд пятнадцати, — и мелодичный голос произнес:

— Нет, я не Гедеон. Но вы, вероятно, обо мне слышали. Я создал это место.

— Этот подземный лабиринт? — спросила Зебра.

— Нет, — ответил он после паузы, в течение которой кресло принимало очередную команду. — Не этот лабиринт. Весь Город. Всю эту планету.

Последовала пауза — на этот раз запрограммированная стариком.

— Я Марко Феррис.

Помнится, Квирренбах говорил о необычной системе верований. Ладно, назовем это так. И все же в глубине души я не мог не испытывать сострадания к этому человеку в инвалидном кресле, которое приводилось в движение паром. В чем-то мы были похожи. Я тоже считал себя не тем, кем был на самом деле.

— Хорошо, Марко, — сказал я. — Ответьте на мой вопрос. Кто управляет этой фабрикой: вы или Гедеон? И существует ли вообще этот Гедеон?

Кресло застучало и защелкало.

— О, несомненно, главный здесь я, господин...

Я хотел представиться, но старик остановил меня, слабо покачав рукой. Ему было слишком тяжело прерываться на середине фразы — тем более ради такой мелочи.

— Но Гедеон тоже здесь. Гедеон всегда был здесь. Если бы не он, меня бы тут не было.

— Почему бы вам не отвести нас к нему? — предложила Зебра.

— Потому что в этом нет необходимости. Потому что нужна очень веская причина, чтобы навестить Гедеона. Вы работаете со мной. Зачем втягивать в это Гедеона? Гедеон — всего лишь изготовитель. Он ни в чем

не разбирается.

— И все же хотелось бы перекинуться с ним парой слов, — настаивал я.

— Извините. Это совершенно невозможно, — старик откатил кресло от стола. Колеса с изогнутыми спицами загрохотали по полу.

— Я хочу видеть Гедеона.

— Эй! — Ратко шагнул к нам, чтобы встать между мною и стариком, который считал себя Марко Феррисом. — Вы слышали, что он сказал?

Ратко сделал ход первым — но он был любителем. После того как я ответил, он со стоном свернулся на полу с переломом предплечья. Затем я дал знак Зебре; она наклонилась и сделала то, что пытался сделать Ратко — вытащила его пистолет из кобуры. Теперь оба мы были вооружены. Я достал свой лучевик, а Зебра навела пистолет Ратко на Ферриса. Или самозванца, который называл себя Феррисом.

— Вот мои условия, — сказал я. — Отведите меня к Гедеону. Или вы отведете меня к Гедеону, вопя от боли. Что скажете?

Он снова защелкал набором рычагов, и шланги, присоединенные к креслу, отвалились.

Думаю, этот катафалк был укомплектован каким-нибудь оружием, но старик трезво оценивал скорость своей реакции и понимал, что оно вряд ли ему поможет.

— Сюда, — сказал Феррис, закончив свои манипуляции.

Мы последовали за ним — вновь по туннелям, спиралями уходящими вниз. Кресло катилось, пыхтя совсем по-человечески. Феррис ловко управлял им, лавируя в хитроумных закоулках прохода. Он все больше удивлял меня. Похоже, Квирренбах и Зебра считали его выжившим из ума стариком. Но кем он был на самом деле?

— Расскажите, как вы сюда попали, — попросил я. — И что вас связывает с Гедеоном?

Кресло снова защелкало.

— Это долгая история. К счастью, меня просят рассказать ее чаще всего. Поэтому я держу про запас готовый текст... Я родился на Йеллоустоуне, в стальном чреве робота. Это было до того, как мы научились транспортировать живых людей от звезды к звезде. Люди рождались из замороженных яйцеклеток, а сигналом к рождению была весть о прибытии на планету.

Феррис был одним из американо — об этом я уже знал. Он жил задолго до Небесного Хаусманна. Та эпоха была для меня частью древней истории, наравне с парусниками конквистадоров, концентрационными

лагерями и эпидемиями «черной смерти».

— Мы обнаружили Бездну, — продолжал Феррис. — Это было нечто очень странное. С Земли ее не разглядеть — даже с помощью самых мощных приборов, для этого она слишком мала. Но едва мы начали исследовать этот мир, как обнаружили ее. Глубокая рана в коре планеты, изрыгающая раскаленную смесь газов — после переработки этой смесью можно дышать. С точки зрения геологии — это необъяснимо. О, я знаком с некоторыми теориями — например, о том, что в недавнем прошлом Йеллоустоун перенес сближение с газовым гигантом. В коре планеты скопилась тепловая энергия, которая нашла выход на поверхность через естественные отдушины, одна из которых — Бездна. Возможно, отчасти это так. Но как объяснить другие загадки Бездны? Почему состав газов так непохож на состав атмосферы? Почему их температура и влажность выше, а токсичность гораздо ниже? Это выглядело почти как приглашение. По сути, так оно и оказалось. Кому как не мне об этом знать — именно я спустился в Бездну, чтобы исследовать ее до самого дна...

Феррис спустился в Бездну в шлюпке для атмосферных исследований. Он двигался по спирали, все ниже и ниже, пока не оказался в слое тумана. Радар не давал ему врезаться в скалы, но путешествие оказалось опасным. Однажды утлая шлюпка едва не рухнула вниз, когда в цепях упало напряжение. Наконец он достиг самого низкого уровня, куда могла опуститься шлюпка — тридцать километров, считая от поверхности. Дно покрывал слой слабо утрамбованных каменных обломков. При посадке включился режим автоматизированного устранения неполадок, но ремонт должен был занять не один десяток часов — лишь после этого шлюпка смогла бы взлететь.

Делать было нечего. Феррис облачился в один из атмосферных скафандров — они были приспособлены для работы в экстремальных условиях, в том числе и в агрессивных средах — и начал исследовать каменистый слой, или щебень, как назвал его Феррис. Из разломов поднимались струи газовой смеси — теплой, с высоким содержанием кислорода.

Феррис выбрал одну из таких трещин и начал спускаться вниз, отыскивая путь в щебне. Стояла невыносимая жара. Много раз он мог разбиться насмерть, но каким-то чудом уцелел, преодолев путь в несколько сотен метров. Под щебнем оказались другие слои, но Феррис обнаруживал щели, куда можно было протиснуться, и точки, в которые можно было вбить опорные крючья. Мысль о смерти постоянно преследовала его, но казалась чем-то отвлеченным. Именно так относились к смерти

перворожденные американо. Им не приходилось видеть, как люди рядом с ними стареют и умирают. Их подсознание было свободно от самой идеи смерти.

И это было к лучшему. Вряд ли Феррис, в полной мере осознавая степень риска, понимая, какая смерть ему грозит, решился бы отправиться вглубь.

И никогда не нашел бы Гедеона.

Должно быть, они скитались по космосу, пока не встретили кого-то, подумал Небесный. Кого-то вроде разумных роботов или кибернетических организмов.

Понемногу, с огромным трудом, он добился от Путешествующего Бесстрашно относительно связного повествования. Цивилизация личинок насчитывала миллионы лет. Это были мирные звездные странники — и такими они оставались до тех пор, пока не столкнулись с машинами. Небесный так и не смог понять причины, которые побудили их осваивать космос. По крайней мере, Путешествующий Бесстрашно не мог этого объяснить. Судя по всему, их вело не любопытство и не потребность в ресурсах. Жажда странствий была свойственна личинкам изначально. Развитие технологий и научный прогресс не были для них самоценны. Они лишь использовали приемы, которые сохранялись в расовой памяти — так долго, что базовые принципы были давно забыты.

В итоге, столкнувшись с машинами-пожирателями, передовые колонии личинок не смогли оказать настоящего сопротивления. Машины устремились в глубь их территории. Привычный порядок вещей, который оставался неизменным на протяжении тысяч миллионов лет, был нарушен. Но личинкам еще надо было осознать, что они подверглись нападению.

На это ушел миллион лет.

Затем они начали действовать — с медлительностью ледника. Они по-прежнему не сопротивлялись — скорее, пытались приспособиться к новым условиям. Спасаясь от пожирателей, они покидали колонии на поверхности планет и перебирались в межзвездное пространство. Они начали строить гигантские садки, подобные астероидам. Постепенно личинкам удалось установить связь с остатками других цивилизаций. Все они называли пожирателей по-разному — но все пострадали от них. Личинки перенимали полезные технологии, хотя обычно не опускались до того, чтобы вникать в принципы, на основе которых они были разработаны. Способы управления инерцией и гравитацией им подарила симбиотическая раса Гнездостроителей, технику мгновенной связи — существа, которые

называли себя Клоунами-прыгунами. Последние выдвинули категорическое требование: ни при каких условиях не использовать эти приемы для перемещения в пространстве. Клоуны видели огромную разницу между мгновенной передачей сигналов и путешествиями со сверхсветовой скоростью — пренебрежение этой разницей казалось им почти кощунством. Если мгновенное перемещение в строго ограниченном ряде случаев допускалось, то перемещение материальных тел считалось немислимым извращением — настолько омерзительным, что утонченные Клоуны съезживались и умирали от потрясения.

Даже самые неотесанные из молодых личинок смогли усвоить это правило.

Но ни одна из технологий, которыми владели личинки и их союзники, не позволяла справиться с пожирателями. Каждый раз машины оказывались быстрее и сильнее. Время от времени органическим цивилизациям удавалось одержать победу, но в целом преимущество было на стороне их врагов.

Небесный размышлял над этим, когда его вновь вызвал Гомес. Сигнал был слабым, но это не мешало услышать тревогу в его голосе.

— Небесный, плохие новости. Оба шаттла выпустили трутней. Возможно, это просто камеры, но я подозреваю, что они снабжены противоударными боеголовками. Они находятся на высоких траекториях и долетят до нас минут через пятнадцать.

— Можешь не беспокоиться, — перебил Норквинко. — Они не атакуют, пока не прояснят ситуацию. Думаешь, они рискнут уничтожить корабль Флотилии, на котором могут быть... хм-м... уцелевшие люди, запасы топлива... Мы же сами так думали.

— Нет, — возразил Небесный. — Они атакуют — хотя бы для того, чтобы отбить у нас то, что мы нашли на корабле.

— Не может быть.

— Почему бы и нет? Я бы поступил именно так.

Он приказал Гомесу затаиться и прервал связь. От часа, обещанного Норквинко, не осталось и четверти. Пожалуй, вернуться на шаттл и улететь они уже не успеют — даже если им ничто не помешает. И все-таки за это время можно кое-что сделать. Например, дослушать историю. Не исключено, что это в корне изменит ситуацию. Стараясь не думать ни о минутах, которые таяли все быстрее, ни о шаттлах, которые приближались к кораблю, он предложил личинке продолжить рассказ.

Путешествующего Бесстрашно обрадовала эта просьба.

— Гедеон, — произнес старик, неожиданно прервав свое повествование, и снова защелкал рычагами на подлокотнике кресла.

Мы стояли в пещере — несомненно, естественного происхождения, в отверстии, пробитом в одной из ее вогнутых каменных стен, высоко над полом. Выступ, на котором мы стояли, был достаточно велик, чтобы на нем могло поместиться инвалидное кресло. Я с трудом подавил желание столкнуть Ферриса вниз. Впрочем, мне бы это не удалось: выступ ограждали прочные перила. В том месте, где ограждения не было, виднелась спиральная лестница, уходящая вниз, на дно пещеры.

— Мать... твою, — ахнул Квирренбах, заглянув через парапет.

— Уже неплохо, — отметил я.

Честно говоря, я был бы потрясен не меньше — если бы не знал, с чем встретился Небесный на борту «Калеуче». Внизу лежала личинка, еще крупнее той, которую нашел Небесный. Правда, личинок-помощников здесь не было.

— Не совсем то, чего я ожидала, — заметила Зебра.

— Думаю, этого никто не ожидал, — отозвался из кресла старик Феррис.

— Что это за тварь, черт подери?! — выпалил Квирренбах. Это был вопль человека, который понимает, что сходит с ума.

— Вы сами видите, — ответил я. — Крупное инопланетное существо. Вдобавок, по-своему разумное. Они называют себя личинками. — Откуда... вы... знаете? — вымолвил Квирренбах, стуча зубами.

— Просто в свое время я имел удовольствие встретиться с подобным созданием.

— Когда? — спросила Зебра.

— Очень давно.

— Я... отказываюсь вас понимать, Таннер! — похоже, маэстро был на грани истерики.

— Поверьте, я тоже не совсем себя понимаю, — я кивнул Феррису: — Так вы действительно сотрудничаете с этим червяком?

Из кресла раздался стук.

— Это довольно просто. Гедеон дает нам то, в чем мы нуждаемся. Я помогаю Гедеону выжить. Вам не кажется, что это образец честной сделки?

— Вы издеваетесь над ним.

— Нет, что вы. Просто иногда ему необходимо взбодриться.

Я снова взглянул вниз, на личинку. Гедеон неподвижно лежал в крутобокой металлической ванне, наполовину заполненной темной жидкостью, точно осьминог в собственных чернилах. Бледная туша была

скована цепью, ванну окружали леса, соединенные узкими мостиками. Какие-то механизмы непонятного назначения, укрепленные на подвесных рельсах, словно ждали команды, чтобы прийти в движение и зависнуть над ванной. Все тело несчастной личинки было утыкано электродами и катетерами.

— Где вы его откопали? — поинтересовалась Зебра.

— В Бездне, — ответил Феррис. — Среди обломков корабля, который разбился около миллиона лет назад. Но Гедеон уцелел. Корабль был искорежен и уже не мог летать, но поддерживал его в полузамороженном состоянии.

— Значит, корабль потерпел крушение? — уточнил я.

— Могу сказать больше. Он от кого-то или от чего-то убегал — я так и не понял, от чего именно.

Из динамиков все еще доносились какие-то звуки, но я решил пренебречь правилами хорошего тона.

— Позвольте догадку. Это были разумные машины-убийцы. Они на протяжении миллионов лет преследовали таких, как Гедеон — и не только их, — вынуждая бежать от звезды к звезде. Наконец личинкам пришлось переселиться в межзвездное пространство и держаться подальше от планетных систем. Но этот корабль зачем-то прилетел сюда. Возможно, на разведку.

— Откуда вам это известно? — прозвучал вопрос, запрограммированный стариком на пульте.

— Я уже сказал Квирренбаху: мне уже доводилось встречаться с личинками.

Я снова обратился к воспоминаниям Небесного. Путешествующий Бесстрашно поведал ему о том, как беженцы учились выживать. Они научились скрываться, причем делали это мастерски. В космосе еще оставались потаенные уголки, куда пока не успел проникнуть разум — планеты, стерилизованные взрывами сверхновых, окрестности нейтронных звезд. Лучшее убежище трудно было представить. Но и здесь личинки не могли чувствовать себя спокойно. То и дело во Вселенной возникали островки разумной жизни, новые цивилизации расцветали и выплескивались в космос. Именно эти вспышки жизни привлекали внимание машин-хищников. Они размещали вокруг обещающих поживу планетных систем автоматические следящие устройства и ловушки, готовые сработать, как только новые исследователи космоса проявят к ним интерес. Поэтому личинки и их союзники — те немногие, кто уцелел — все с большим страхом и настороженностью следили за появлением новых

форм жизни.

Личинки никогда не уделяли особого внимания Солнечной системе. Они по-прежнему считали любопытство роскошью, которая требует непомерных волевых усилий. И лишь после того, как появление разума на Земле стало неоспоримым фактом, личинки соизволили обратить взор в сторону этой планеты. Они наблюдали, они ждали, когда человечество начнет осваивать межзвездное пространство. Но проходили сотни, тысячи лет — и ничего не происходило.

Но долгожданное событие произошло — и его трудно было назвать приятным.

История, рассказанная Феррису Гедеоном, почти дословно повторяла рассказ, который Небесный услышал на борту «Калеуче». Пленник Ферриса спасался от погони. Он летел через сотни световых лет, в течение эпох — и все это время его преследовал один и тот же корабль. Вражеская машина двигалась быстрее, легче маневрировала и меняла скорость. Мастерство, с которым личинки управляли кинетической энергией и инерцией, казалось ничтожным по сравнению с ее возможностями. Однако даже быстрота и сила машины-убийцы были не беспредельны. У врага были свои слабые стороны — точнее, слепые пятна, которые личинкам удалось обнаружить после тысячелетий тщательных наблюдений. Их методы считывания колебаний гравитационного поля были на удивление примитивными. Поэтому иногда «садкам» удавалось спастись, затаившись рядом с какой-нибудь превосходящей массой — или внутри нее.

Спасаясь от настигающей его машины, Гедеон обнаружил желтую планету и понял, что это его шанс на спасение. Вид глубокой впадины в коре наполнил его радостью, почти блаженством — в том смысле, в каком позволяла организация его нервной системы.

На подлете корабль Гедеона попал под обстрел. Враг использовал оружие дальнего действия, но «садок» успел укрыться за Луной. Ракеты с зарядом антивещества, выпущенные почти одновременно, оставили на ее поверхности ряд кратеров. Беглец дождался момента, когда положение Луны позволило ему быстро и незаметно войти в атмосферу, а затем достичь Бездны — укрытия, которое он заметил еще из космоса. Он начал расширять и углублять трещину при помощи корабельных орудий, вгрызаясь в кору планеты, а густые ядовитые испарения позволяли делать это незаметно. И тут он допустил ужасную оплошность. Защитная энергетическая паутина корабля задела отвесные стены пропасти. Миллиарды тонн щебня обрушились на корабль, превратив убежище в склеп. Убежище, где можно было отсидеться, пока машина не уйдет в

поисках новой добычи — примерно тысячу лет, жалкий миг для личинок.

Но корабль был обнаружен гораздо позже намеченного срока.

— Наверно, он ждал, пока его найдут, — сказал я.

— Конечно, — согласился Феррис. — Как только стало ясно, что враг ушел, он приказал кораблю подавать сигналы, чтобы дать знать о своем присутствии. Сначала — изменяя соотношение газов в Бездне... ну и, заодно, повышая их температуру. Потом попробовал необычное излучение. Но мы этого даже не заметили.

— Как я понимаю, другие личинки тоже.

— Думаю, какое-то время они поддерживали связь... Я кое-что нашел на корабле — нечто такое, что не может быть его деталью. Оно совершенно не пострадало — а все остальное оборудование давно вышло из строя, в том числе от времени. Это был сверкающий шар около метра в диаметре, похожий на одуванчик. Он плавал в специальной камере — видимо, его удерживало силовое поле. Невероятная, завораживающая красота.

— И что это было? — спросила Зебра.

Похоже, Феррис предвидел этот вопрос.

— Я пытался выяснить, но в моем распоряжении были слишком грубые инструменты с ограниченными возможностями. Результаты, которые я получил, противоречили друг другу. Парадокс! Прежде всего — удивительно высокая плотность. Далее — способность мгновенно останавливать солнечные нейтрино. Искривлять световые лучи. Все это предполагает наличие мощного гравитационного поля — однако его не было. Этот шар просто плавал в пространстве. Казалось, до него можно дотронуться — но он защищен барьером: стоит протянуть руку, и ощущаешь покалывание.

Не переставая «говорить», Феррис набирал на пульте новые и новые команды. Его пальцы легко бегали по кнопкам, словно у пианиста, исполняющего виртуозный этюд.

— Разумеется, в конце концов я выяснил, что это такое. Но мне пришлось привести Гедеону некоторые аргументы.

— Аргументы? — переспросил я.

— У него есть то, что мы называем болевыми точками. А также зоны нервной системы, которые отвечают за страх и панику — вернее, их эмоциональные аналоги. Мне оставалось лишь определить их местоположение.

— И что это было? — настаивала Зебра.

— Устройство связи — правда, весьма необычное.

— Для мгновенной передачи сигналов?

— Не совсем так, — после обычной паузы ответил Феррис. — Мы подразумеваем под этим нечто иное. Это устройство не передает и не принимает никакой информации. Ни Гедеону, ни его сородичам на борту других кораблей это ни к чему. Они уже владеют полным объемом информации, которая была когда-либо получена.

— Не совсем понимаю, — признался я.

— Тогда позвольте сказать это по-другому.

Похоже, у старика наготове ответы на все случаи жизни!

— В каждом из этих устройств содержится запись всех сообщений, которые один корабль когда-либо может передать другому. Но при этом запись эта остается недоступной, пока не возникнет необходимость отправить то или иное сообщение. Это нечто вроде запечатанных приказов, которые были в ходу на старинных парусниках.

— Все равно не понимаю, к чему вы клоните, — обескураженно пробормотал я.

— Я тоже, — добавила Зебра.

Старик Феррис с заметным усилием выпрямился в своем кресле.

— Послушайте, это совсем просто. Личинки хранят записи всех сообщений — все до единого, которые были когда-либо отправлены с момента возникновения их вида. Затем, в отдаленном будущем — это будущее в нашем понимании, — они объединяют все эти записи в... Это выше моего понимания. Некая скрытая система, которая распространяется на всю Галактику. Признаюсь, мне всегда было нелегко вникать в подробности. Я уловил только название — в переводе оно приблизительно отражает суть... — он выдержал паузу, впившись в нас ледяными глазами. — «Конечная Галактическая Память». Это прототип нынешнего — и будущего — гигантского живого архива. Думаю, сейчас он существует лишь в неполной форме, как скелет того, что будет выстроено через миллионы или миллиарды лет. Тем не менее, все очень просто. Это архив, существующий вне времени. Он способен поддерживать связь со всеми своими версиями, прошлыми и будущими, вплоть до нынешней эпохи и еще глубже, в наше прошлое. Он постоянно перемещает данные во всех направлениях, бесконечно сверяет и перепроверяет их. Что касается артефакта, который я нашел на корабле личинок... на мой взгляд, это нечто подобное. Крошечный фрагмент архива, в котором содержатся только послания личинок и их немногочисленных союзников.

— А что мешает личинкам прочесть сообщения раньше, чем они были отправлены, и придумать, как им избежать будущих неприятностей?

Феррис снова выдал готовый ответ:

— Они не могут. Сообщения, записанные в этом устройстве, закодированы — без ключа вы до них не доберетесь. Блестящая выдумка. Ключом служит картина фоновой гравитации Вселенной, возникающая в определенный момент времени. Когда личинки вводят в устройство связи сообщение, артефакт чувствует гравитационный пульс Вселенной — биение пульсаров, мчащихся навстречу друг другу по спиральным орбитам, тихие стоны далеких черных дыр, поглощающих звезды в сердцевинах галактик. Устройство слышит это все и создает уникальную «подпись» — ключ, которым оно кодирует входящие сообщения. Сообщение сохраняется в каждом артефакте, но его нельзя прочесть до тех пор, пока устройство не убедится в том, что гравитационный фон остался прежним — или почти прежним — разумеется, с поправкой на координаты получателя. Это обеспечивает зону охвата радиусом в несколько тысяч световых лет. Но стоит кораблям разойтись на большее расстояние, как устройство перестает узнавать код. Любые попытки подделать его или предсказать, как будет выглядеть гравитационная подпись в будущем, основываясь на известных данных, просто бесполезны. Очевидно, устройство отключится и «умрет».

Итак, Гедеону удавалось на протяжении веков поддерживать связь со своими далекими союзниками. Затем число сообщений, записанных в устройстве связи, начало подходить к концу, и он резко ограничил число передач. Над личинками нависла новая угроза: у врагов появились копии артефактов. Теперь они тоже получили доступ к сообщениям и могли этим воспользоваться. Беглец чувствовал себя одиноким и прежде, когда на него охотились, но лишь теперь начинал понимать, что никогда не испытывал настоящего одиночества. Оно давило, словно гигантские скалы, нависающие над поверженным кораблем. И все же ему удалось сохранить рассудок.

Раз в несколько десятилетий беглец позволял себе связаться с союзниками, поддерживая слабое подобие родственных отношений, которые по-прежнему играли некоторую роль в жизни личинок.

Но Феррис вытащил его из корабля, лишив доступа к устройству связи. После этого беглец начал понемногу скатываться в подлинное безумие.

— Вы сделали из него дойную корову, не так ли? — спросил я. — Корову, которая дает вам Горючее Грез. По большому счету, вы питаетесь его страхом и одиночеством. Вы перегоняете эти эмоции и продаете их.

— Именно так! — подхватил Феррис. — Мы вживили в его мозг датчики, считывающие реакцию нейронных цепей. Затем данные прошли

обработку на Ржавом Поясе, где есть соответствующее оборудование, после чего мы поняли, что это тоже можно превратить в наркотик.

— О чем он говорит? — спросила Зебра.

— Об эксперименталиях, — ответил я. — Черные, с узором в виде личинки на конце. Между нами, я попробовал и получил незабываемые ощущения. Тогда я еще не знал, чего от них можно ожидать.

— Я о них слышала, но они никогда мне не попадались. Я думала, что это просто городская байка.

— Отнюдь.

Я вспомнил, какой хаос эмоций обрушился на меня во время опыта с эксперименталией, который я провел на борту «Стрельникова». Основным чувством был страх: жуткий, давящий страх замкнутого пространства и страх перед тем, что находилось снаружи. Но самое отвратительное — то, что гнетущая теснота была лучше пустоты за ее пределами, населенной хищными монстрами. Я до сих пор помню этот ужас — в нем едва уловимо ощущалось нечто чужеродное. В то время мне было трудно понять, почему люди готовы платить за подобные переживания, но теперь я понимаю. Все дело в предельной остроте ощущений — более сильных, чем всепоглощающая скука.

— А что он получает взамен? — спросила Зебра.

— Облегчение, — промолвил Феррис.

Я понял, что он имел в виду.

Внизу, в резервуаре, по колени в черной слизи возились рабочие в серых костюмах. То и дело кто-нибудь из них проводил концом огромного шокера по дряблему боку личинки, и ее тело, похожее на дирижабль, содрогалось по всей длине. Бледно-красная жидкость выплескивалась из пор крапчатой серебристой кожи. Я заметил, как один из рабочих проворно подставил под струю свою флягу.

На конце туловища раскрылась пасть, и пещеру огласил пронзительный вопль.

— Кажется, раньше он охотнее стравливал Горючее, — заметил я, подавляя приступ тошноты. — Как вы думаете, что оно собой представляет? Какая-то органическая субстанция?

— Скорее всего, — ответил Феррис. Каким-то образом кресло смодулировало интонацию равнодушия. — В конце концов, это он занес сюда Комбинированную Эпидемию.

— В самом деле? — спросила Зебра. — Но он находится здесь уже тысячи лет.

— Безусловно. Все это время он пребывал в спячке — пока мы не

начали копошиться на планете. Строить свои жалкие, крошечные поселения и города.

— Он знал, что заражен? — спросил я.

— Сомневаюсь. Возможно, он сам не подозревал об этом. Может быть, это произошло давно, и его организм уже адаптировался к ней. Горючее Грез чуть моложе эпидемии. Это защита, которую они выработали или изобрели — коллоид из микроскопических живых механизмов, постоянно выделяемый их телами. Эти механизмы невосприимчивы к Чуме и контролируют ее — но не только. Они лечат и питают клетки «хозяина», передают и получают информацию от личинок-помощников... В общем, они стали неотъемлемой частью организма, без которой личинкам стало просто не выжить.

— Но эпидемия все-таки добралась до Города, — возразил я. — Как давно вы здесь находитесь, Феррис?

— Почти четыреста лет, с тех пор как я нашел Бездну — целая вечность. Вы понимаете, что мне нет дела до эпидемии — ей нечем во мне поживиться. Можно сказать, Горючее Грез — по сути, это кровь Гедеона — поддерживает во мне жизнь, поскольку я не позволяю себе пользоваться другими методами, — он коснулся пальцами серебристого пледа, скрывающего его тощее тело. — Конечно, процессы старения нельзя остановить полностью. Горючее — это действенное средство, но не панацея.

— Значит, вы никогда не видели Город Бездны?

— Не видел — но знаю, что там произошло.

Он уставился на меня, и я почувствовал, как температура воздуха вокруг меня ощутимо падает.

— Я предвидел это. Я знал, что это случится. Что Город превратится в чудовище и наполнит себя демонами и оборотнями. Я знал, что ваши умные, проворные крошечные машины выступят против нас, разлагая умы и тела, плодя всякого рода извращения и мерзости. Я знал, что наступит время, когда вам придется обратиться к более простым машинам — старым, грубым и надежным, — он указал на меня пальцем, словно произнося обвинение: — Все это я предвидел. Вы можете представить себе, что я сконструировал это кресло за какие-то жалкие семь лет?

Краем глаза я заметил рабочего, который наклонился с мостков, держа в руках какой-то инструмент наподобие бензопилы. И вырезал из спины Гедеона огромный радужный лоскут.

Я перевел взгляд на пестрые заплатки, украшающие мой сюртук.

— Ладно, Феррис, — произнесла Зебра. — Вы не против, если я задам

вам последний вопрос — перед тем, как мы уйдем?

Он набрал на подлокотнике слово «да».

— Это вы тоже предвидели?

Она вскинула свой пистолет и выстрелила в него.

На обратном пути я раздумывал о том, что показал мне Феррис, и о том, что узнал из воспоминаний Небесного.

Личинки обнаружили массивный выброс энергии в районе Солнечной системы. Пять могучих вспышек — верный признак того, что вещество и антивещество, прореагировав, уничтожили друг друга. Пять садков, двигающихся со скоростью, которая не вызвала бы протеста Клоунов-прыгунов — жалкие восемь процентов от скорости света. Тем не менее это было достижением для приматов, которые какой-то миллион лет назад дубасили друг друга по голове костями мамонтов.

К тому времени, когда корабли людей были обнаружены, личинки несли тяжелые потери. После столкновений с врагами их гигантские корабли были разбиты и разграблены. Наступило время, о котором личинки-долгожители вспоминали с печалью. Звездные крепости пришлось разделить на части — их превратили в множество крошечных маневренных субсадков. Личинки — общительные существа, и разлука с сородичами причиняла им огромные страдания, хотя удивительная система связи Клоунов-прыгунов позволяла им поддерживать контакты друг с другом.

Наконец один из субсадков нагнал группу человеческих кораблей и принял форму одного из них. Статистический анализ десяти миллионов лет стычек с врагом показал, что в конечном счете подобная тактика приносит личинкам пользу, хотя в отдельных случаях может закончиться неудачей.

План Путешествующего Бесстрашно был достаточно прост в понимании личинок. Он изучит людей и решит, что с ними делать. Если они проявят тенденцию к массивной экспансии в данном секторе космического пространства, нарушая спокойствие и привлекая внимание машин-пожирателей, то их придется списать в расход. Среди беглецов найдутся те, кто сможет заставить себя выполнить столь болезненную, но необходимую операцию.

Путешествующий Бесстрашно надеялся, что до этого дело не дойдет. Он предполагал, что люди останутся досадным недоразумением, слаборазвитыми существами и не немедленной ликвидации не потребуются. Если они собираются просто заселить пару ближайших планетных систем, их можно на некоторое время оставить в покое. Отбраковка способна привлечь пожирателей, поэтому подобный шаг не следует совершать без

крайней необходимости. Однако шли десятилетия, но люди не выказали ни враждебности, ни дружелюбия, и Путешествующий рискнул приблизиться к человеческим кораблям. Возможно, ему следовало заявить о своем присутствии, вступить диалог с людьми и извиниться за недоразумение. Он как раз обдумывал первый ход, когда один из кораблей взорвался.

Взрыв был вызван аннигиляцией. Садок Путешествующего Бесстрашно серьезно пострадал: маскировочная оболочка корабля была повреждена, и множество личинок, работавших в это время на корпусе, погибло. Их выделения проникли внутрь корабля, передав их предсмертные страдания Путешествующему, и он впитал память каждой из них — боль, которую они пережили, возвращаясь в свое первоначальное состояние. Истерзанный страданиями и мучительными воспоминаниями, Путешествующий Бесстрашно отвел садок от Флотилии.

Но его уже заметили.

Оливейра и Лаго были первыми, кто прибыл на борт корабля. Они и сами не знали, чего ожидать, и даже не слишком верили в старую легенду о корабле-призраке — шестом корабле Флотилии, вычеркнутом из истории.

Они обнаружили нечто иное.

Оливейра приказал Лаго проникнуть внутрь, чтобы найти необходимое для возвращения топливо. Лаго быстро сообразил, что оказался на корабле, созданном иными существами. Но когда личинки-помощники доставили его в камеру Путешествующего Бесстрашно, ситуация сложилась хуже некуда. Путешествующий попытался помочь пришельцу, показывая, что ему незачем пользоваться скафандром, поскольку для дыхания им обоим нужна одна и та же газовая смесь. Однако он сделал это не лучшим образом, поскольку приказал личинкам-помощникам употребить в пищу скафандр человека. Лаго расстроился и принялся наказывать личинок-помощников своей горелкой. Те сгорали в пламени, и Путешествующий Бесстрашно, впитывая их выделения, корчился в агонии, словно сам испытывал эту боль.

Ему пришлось демонтировать Лаго. Это было неприятно, но иного выхода не оставалось. Понятно, что Лаго встретил это предложение без особого энтузиазма, но было уже поздно. Личинки-помощники отделили его внешние детали, обнаружили внутри еще более любопытные устройства и исследовали схему их взаимодействия, а затем растворили его центральную нервную систему. Путешествующий Бесстрашно впитал в себя воспоминания Лаго — все, что удалось. Он научился воспроизводить звуки языка, на котором говорил Лаго, а заодно — ради сходства с Лаго — смастерил себе рот. Прочие личинки скопировали сенсорные органы Лаго,

а некоторые даже встроили в себя отдельные части его тела.

Теперь Путешествующий Бесстрашно достиг более глубокого понимания человека. Он понял, почему Лаго чувствовал себя неловко, находясь в камере с личинками, и испытал сожаление, поскольку вынужден был причинить Лаго много неприятностей. Единственное, что могло послужить оправданием — это возможность максимально использовать память и детали человека.

Он был уверен, что люди оценят этот жест.

— После того, как пришел Лаго, — промолвил Путешествующий Бесстрашно, — мне снова стало одиноко. Еще более одиноко, чем раньше.

— Ты не мог постичь суть одиночества, пока не сожрал Лаго, треклятый тупица.

— М-м-м... Возможно.

— Ладно, теперь слушай меня внимательно. Ты объяснил мне, что чувствуешь боль. Хорошо. Мне нужно было это узнать. Как я понимаю, тебе не чуждо чувство самосохранения — иначе ты просто не смог бы уцелеть. Так вот: у меня при себе Разрушитель. Если тебе не ясен смысл этого слова, поищи его в памяти Лаго. Я уверен, он знал, что это такое.

Наступило молчание. Огромная личинка тревожно заворочалась, расплескивая красную жидкость, точно кит, выброшенный на мелководье. Разрушителями назывались ядерные боеголовки — оружие, которое нес каждый корабль Флотилии. Оно могло пригодиться по достижении Конца Путешествия.

— Я понимаю.

— Хорошо. Возможно, ты способен повернуть какой-нибудь трюк с гравитацией, чтобы вывести его из строя. Но я готов поспорить, что ты не можешь сгенерировать достаточно сильное поле — иначе ты смог бы защитить себя от Лаго, когда тот начал создавать тебе проблемы.

— Я рассказал тебе много.

— Да, может быть. Но мне нужно узнать еще больше. И в первую очередь — об этом корабле. Как я понимаю, ты сражался? Возможно, ты не победил — но я сомневаюсь, что ты смог бы уцелеть, не имея настоящего оружия.

— У нас нет оружия, — пасть изогнулась в брезгливой гримасе. — Только бронированная паутина.

— Бронированная паутина?

Небесный задумался, пытаясь представить себе этот образ.

— Какая-то технология спроецированной энергии? Вы можете создать вокруг этого корабля нечто вроде защитного поля?

— Когда-то нам это было под силу. Но необходимые компоненты были повреждены, когда разрушился ваш пятый садок. Теперь можно окружить паутиной лишь часть корабля. Это абсолютно бесполезно, если нападет опытный враг — такой, как пожиратели. Они видят дыры.

— Ладно, послушай меня. Ты чувствуешь, что к нам приближаются две маленькие машины?

— Конечно. Они друзья Лаго?

— Не совсем.

Возможно, на этих шаттлах действительно находятся друзья Лаго, подумал Небесный. Но вряд ли их можно назвать друзьями Небесного Хаусманна. Сейчас это важнее.

— Я хочу, чтобы ты развернул свою паутину, что позволит закрыться от этих машин — или я использую Разрушитель против тебя. Тебе ясно?

— Ты хочешь, чтобы я уничтожил их? — сообразила личинка.

— Да. Или я уничтожу тебя.

— Ты этого не сделаешь. Взрыв убьет тебя.

— Ты не понимаешь, — терпеливо произнес Небесный. — Я не Лаго и думаю — а тем более поступаю — по-другому.

Он прицелился в одну из личинок и разрядил в нее часть пулеметной обоймы. В бледно-розовой шкурке существа заалели дыры — казалось, кто-то несколько раз проткнул ее пальцем. Небесный видел, как они медленно наполнились пурпурной жидкостью, и тварь пронзительно вскрикнула.

Впрочем, прислушавшись, он понял, что ошибается: кричала не личинка, которую он подстрелил, а Путешествующий Бесстрашно.

Раненая личинка барахталась в пунцовом озере, едва удерживаясь на поверхности. Несколько сородичей подплыли к ней и принялись подталкивать ее своими щупальцами. Через некоторое время крик страдания смолк, сменившись тихим стоном.

— Ты причиняешь мне боль.

— Я просто подтверждаю свои слова делом. Лаго тоже причинял тебе боль, но он делал это произвольно. Он просто был напуган. Я не боюсь. Я просто хочу показать тебе, на что способен.

Пара личинок-помощников отчаянно билась у самого берега, пытаясь выбраться наружу неподалеку от места, где стояли Небесный и Норквинко.

— Даже не думай, — предупредил Небесный. — Не приближайся, или я пристрелю еще одну. И никаких фокусов с гравитацией, иначе я взорву бомбу.

Личинки замерли и лишь истерически размахивали пучками

щупальцев.

Желтый свет, заливающий пещеру, мгновенно погас. Небесный не ожидал темноты. На миг его охватил беспредельный ужас. Он забыл, что личинки способны регулировать освещение. Теперь, в темноте, они способны на что угодно. Он представил себе, как они вылезают из красного озера, хватают его за ноги и тянут вниз. Тогда ему уже не взорвать Разрушителя. Он даже не сможет избавить себя от страданий.

Возможно, ему следует сделать это сейчас.

Но желтый свет снова осветил пещеру.

— Я сделал то, о чем ты просил, — произнес Путешествующий Бесстрашно. — Это было трудно. Пришлось применить всю энергию, чтобы толкнуть паутину на такое расстояние.

— Она сработала?

— Там еще два маленьких садка.

На этот раз — шаттлы.

— Да. Но они доберутся сюда не скоро. И ты сможешь опять повторить свой фокус, — сказал Небесный и включил рацию.

— Что случилось, Гомес?

— Разведчики просто взорвались, Небесный — словно на что-то наткнулись.

— Ядерный взрыв?

— Нет. У них же нет Разрушителей.

— Хорошо. Жди указаний.

— Небесный... Черт подери, что там у вас происходит?

— Поверь мне, Гомес, тебе совершенно не хочется об этом знать.

Небесный почти почувствовал, как его друг делает усилие, чтобы задать следующий вопрос:

— Ты нашел этого парня... как его... Лаго?

— Ну да, мы его нашли. Правда, Лаго?

— Послушай, Небесный, — вмешался Норквинко. — Нам пора убираться. Какого черта нам убивать этих людей? Ты же не хочешь, чтобы началась война между кораблями.

Он заговорил громче — так, что его голос, доносящийся из встроенного динамика, загремел над озером.

— Разве у тебя нет другого способа защитить нас? Почему тебе не переместить нас вместе с этим кораблем — или садком, как ты его называешь — в безопасное место? Где нас не достанут шаттлы?

— Нет, — сказал Небесный. — Мне необходимо уничтожить эти шаттлы. Если они хотят, чтобы началась война между кораблями — считай,

что они ее получили. Посмотрим, как долго они продержатся.

— Пожалуйста, Небесный...

Норквинко протянул к нему руки, словно пытаясь схватить его. Небесный отступил — и потерял равновесие, поскользнувшись на гладком полу пещеры. Пошатнувшись, он упал навзничь и наполовину погрузился в красную слизь. Волна плеснула на прозрачный щиток шлема со странной поспешностью, словно искала путь в скафандр. Краем глаза он заметил пару личинок, которые, извиваясь, плыли к нему. Небесный забился, но никак не мог нащупать твердую поверхность, чтобы выбраться наружу.

— Норквинко... Помоги мне вылезти!

Норквинко осторожно приблизился к урезу багровой «воды».

— А может, оставить тебя здесь, Небесный? Может быть, так будет лучше для всех нас?

— Вытащи меня, ублюдок.

— Я пришел сюда не за тем, чтобы творить зло, Небесный. Я пришел сюда, чтобы помочь «Сантьяго» — и, возможно, всей Флотилии.

— У меня Разрушитель.

— Не думаю, что у тебя хватит мужества им воспользоваться.

Личинки уже добрались до Небесного, к ним присоединилась еще одна, которую он до сих пор не заметил. Они ощупывали его скафандр пучками щупальцев. Небесный снова рванулся, но красная жидкость словно загустела, помогая личинкам удерживать его в плену.

— Вытащи меня, Норквинко. Предупреждаю тебя последний раз...

Норквинко остался стоять на прежнем месте, не приближаясь к краю озера.

— Ты болен, Небесный. Я всегда это подозревал, но у меня не было случая в этом убедиться. Я даже не представлял, на что ты способен.

И тут произошло нечто неожиданное. Силы почти оставили Небесного, когда ему показалось, что красная жидкость выталкивает его на поверхность, а личинки помогают ей. Через секунду, дрожа от страха, он уже стоял на берегу, а со скафандра в озеро торопливо стекали последние красные струйки.

Он молча смотрел на Путешествующего Бесстрашно, зная, что тот чувствует его взгляд.

— Ты поверил мне, верно? Ты не убьешь меня, потому что знаешь, чем это обернется.

— Я не хочу убивать тебя, — произнес Путешествующий. — Потому что тогда я снова буду одинок, как до твоего появления.

Небесный понял, и эта мысль наполнила его горечью. Гигантской

личинке по-прежнему было дорого его общество — даже после той боли, которую он ей причинил, убив ее частицу. Это существо отчаянно страдало от одиночества — настолько, что было готово терпеть мучения от того, кто согласился бы находиться рядом. Он вспомнил ребенка, который только что пережил предательство друга — хотя этого друга не существовало в реальности, который захлебывался криком в абсолютной темноте... И мысленно оправдал Путешествующего. И возненавидел его еще больше.

Ему пришлось убить еще одну личинку, прежде чем он убедил Путешествующего Бесстрашно уничтожить оба шаттла. Но на этот раз Путешествующий страдал не только из-за гибели личинки. Он испытывал боль, генерируя паутину, словно ощущал нанесенное кораблю повреждение.

Вскоре все было кончено. Небесный мог остаться и пытаться Путешествующего до тех пор, пока тот не выдал бы ему все, что знал. Он мог бы заставить его объяснить, как движется корабль, мог спросить, сможет ли тот доставить их к Концу Путешествия быстрее, чем «Сантьяго». Можно было бы даже перевезти сюда, на борт садка, часть экипажа «Сантьяго». Люди жили бы в бесконечных туннелях, а личинки изменили бы состав атмосферы и температуру под их потребности. Сколько людей сможет вместить корабль пришельцев — десятки, сотни? А может быть, и момио — даже если они проснутся. Возможно, несколько спящих пришлось бы скормить личинкам-помощникам, чтобы осчастливить их. Он это переживет.

Но он решил уничтожить этот корабль.

Так будет проще. Не надо будет вести переговоры с Путешествующим, не надо будет снова переживать отвращение, которое охватило его, когда он понял, как одиноко это создание. И не надо будет опасаться, что садок попадет в руки других экипажей Флотилии.

— Позволь нам уйти, — сказал он Путешествующему Бесстрашно. — Открой нам выход наружу — к тому месту, где мы вошли.

Он услышал гулкие мелодичные удары — это возникали новые туннели, открывались и закрывались воздушные шлюзы. Легкий ветерок погладил красную воду.

— Теперь вы можете уйти, — произнес Путешествующий. — Мне жаль, что мы не поладили. Ведь ты скоро вернешься?

— Можешь не сомневаться, — заверил его Небесный.

Вскоре шаттл отчалил.

Гомес все еще не знал о том, что произошло на борту, и не мог понять, почему вражеские шаттлы внезапно взорвались на подлете.

— Что вы там нашли? — спросил он. — Оливейра действительно говорил что-то дельное? Или это был бред сумасшедшего?

— Думаю, так оно и было, — отозвался Небесный.

Норквинко промолчал. После того инцидента на берегу «озера» они почти не говорили друг с другом. Возможно, Норквинко надеется, что Небесный забудет эту историю, если не вспоминать о ней лишний раз. В конце концов, все можно объяснить нервным срывом. Но Небесный ни на минуту не забывал о том, как барахтался в озере, а по щитку его шлема ползли красные ручейки. Оставалось только догадываться, сколько молекул жидкости успело просочиться внутрь скафандра.

— Как насчет медикаментов? Вы что-нибудь нашли? — не отставал Гомес. — А что с обшивкой? Вам удалось хоть что-то выяснить?

— Кое-что мы нашли, — сказал Небесный. — Но сейчас не время об этом говорить. Врубай полную тягу и гони отсюда.

— А может быть, все-таки посмотрим, что в двигательном отсеке? Может быть, доберемся до...

— Быстрее, Гомес, — повторил Небесный. Пожалуй, сейчас стоило солгать во спасение: — Мы вернемся за антивеществом в другой раз. Корабль никуда не денется.

Садок уплывал прочь. Обогнув его по дуге, шаттл развернулся над неповрежденным бортом, и Гомес запустил двигатель на полную мощность. С расстояния двух-трех сотен метров корабль ничем не отличался от своих собратьев. На миг Небесный вспомнил легенду о «Калеуче», корабле-призраке. Как же все-таки они ошибались! Но винить в этом некого — правда оказалась удивительнее любых легенд.

Разумеется, по возвращении на «Сантьяго» их ждут неприятности. Один из кораблей послал за ними шаттлы — а значит, Небесному не избежать взыскания, а может, и трибунала. Следовало ожидать. Но ему хватит ума, чтобы обратить факты в свою пользу.

Они с Норквинко уже позаботились об уликах, которые выставят Рамиреса главным инициатором экспедиции на «Калеуче» — а заодно к этой затее окажется причастной Констанца. Небесный будет выглядеть послушным исполнителем замыслов одержимого мегаломанией капитана. Рамирес будет отстранен от должности капитана. Возможно, его даже казнят. Констанцу тоже ждет наказание. И, само собой, не будет двух мнений о том, кто унаследует пост капитана.

Небесный выждал еще пару минут. Тянуть с исполнением своего плана было рискованно: Путешествующий Бесстрашно мог заподозрить неладное и попытаться помешать ему. Детонатор Разрушителя сработал.

Вспышка яркого, девственно чистого пламени, затем плазменный шар раскрылся и облетел, точно цветок. Когда бело-синие лепестки растаяли в межзвездной тьме, от корабля не осталось ничего. Абсолютно ничего.

— Что ты наделал? — ахнул Гомес.

Небесный улыбнулся.

— Избавил кое-кого от мучений.

— Я должна была убить его, — заметила Зебра, когда робот-обходчик почти вывез нас на поверхность.

— Понимаю, — сочувственно отозвался я. — Но в таком случае мы едва ли смогли бы оттуда выбраться.

Она целилась ему в грудь, но понять, где кончался Феррис и начиналось его инвалидное кресло, было непросто. Поэтому луч лишь повредил какие-то вспомогательные механизмы. Феррис застонал и попытался что-то сказать, но из недр его кресла донеслось лишь жалобное скрипучее попискивание. Тогда я понял, что четырехсотлетнего старика, кровь которого перенасыщена Горючим Грез, не так-то просто убить одним выстрелом.

— Итак, чего мы добились в результате этой милой прогулки? — спросила Зебра.

— Я задаю себе тот же вопрос, — вздохнул Квирренбах. — Боюсь, очень немногого. Узнали о том, как может выглядеть производственный процесс. Гедеон по-прежнему находится в Бездне — вместе с Феррисом. Ничего не изменилось.

— Скоро изменится, — сказал я.

— Как это понимать?

— Мы просто провели разведку боем. Когда все это закончится, я вернусь туда.

— В следующий раз нас будут ждать, — сказала Зебра. — Сомневаюсь, что мы сможем влететь туда на крыльях ветра.

— Мы? — переспросил Квирренбах. — Тарин... Ты тоже решила туда вернуться?

— Да. И сделай одолжение, называй меня Зеброй, ладно?

— На вашем месте, я бы ее послушался, Квирренбах.

Робот-обходчик понемногу возвращался в горизонтальное положение. Мы приближались к выходу, где нас должна была ожидать Шантерель.

— Кстати, мы действительно вернемся туда. И это действительно будет не просто.

— Что вы там забыли?

— Как сказал когда-то один близкий мне человек, надо избавить кое-кого от мучений.

— Ты собираешься убить Гедеона, верно?

— Для него это лучше, чем терпеть пытки.

— Но Горючее Грез...

— Городу придется обходиться без него. И без прочих благ, которыми он обязан Гедеону. Вы слышали, что сказал Феррис. Останки корабля по-прежнему там, и они продолжают изменять состав газов в Бездне.

— Но Гедеона на корабле уже нет, — возразила Зебра. — Хочешь сказать, он по-прежнему управляет своей посудиной?

— Лучше бы ему этого не делать, — сказал Квирренбах. — Если вы его убьете, Бездна перестанет снабжать Город необходимыми ресурсами... Вы представляете, что здесь начнется?

— Вполне, — ответил я. — По сравнению с этим эпидемия покажется легким недомоганием. Но я все равно это сделаю.

Шантерель ждала нас на прежнем месте. Она нервным рывком распахнула заслонку и примерно секунду разглядывала нас, словно желая убедиться, что нас не подменили. Затем опустила на пол свою винтовку и помогла нам покинуть кабинку. Никто из нас не смог сдержать стона облегчения. Мы наконец-то выбрались из этой дыры. Воздух в камере трудно было назвать свежим, но я вдыхал его полной грудью.

— Ну как? — спросила Шантерель. — Что хорошего? Вы добрались до Гедеона?

— Мы были от него в двух шагах, — ответил я.

В этот момент из-под одеяния Зебры раздался приглушенный перезвон. Она передала мне свой пистолет и вытащила из потайного кармана неуклюжий телефон, стилизованный под старину — последний писк моды в Городе Бездны.

— Похоже, он звонил мне все время, пока мы поднимались, — пробормотала она, откидывая экранчик дисплея.

— Кто это? — спросил я.

— Пранский.

Зебра поднесла телефон к уху. Пока она разговаривала, я объяснил Шантерель, что этот парень — частный сыщик, и что он имеет некоторое отношение ко всему, что здесь произошло с тех пор, как я прибыл в Город.

Зебра говорила тихо, вдобавок прикрывая рот ладонью. Я не расслышал ни слова из сказанного Пранским и примерно половины из того, что отвечала ему Зебра, но этого было достаточно, чтобы понять суть разговора.

Похоже, убили кого-то из связных Пранского. В настоящий момент сам Пранский находился на месте преступления и, судя по репликам Зебры, был бы рад поскорее оттуда убраться, поскольку событие его сильно взволновало.

— ...А ты успел...

Кажется, Зебра хотела спросить, сообщил ли он об убийстве в полицию, но вовремя сообразила, что он находится там, где стражей порядка еще меньше, чем в Кэнопи.

— Нет, погоди. Никому ни о чем не говори, пока мы не подьем. Держи рот закрытым, а уши открытыми, — с этими словами Зебра захлопнула экранчик и снова спрятала телефон.

— Что случилось? — поинтересовался я.

— Кто-то убил ее, — ответила Зебра.

— Кого? — прищурилась Шантерель.

— Толстуху Доминику. Вот такая история.

Глава 37

— Может быть, ее убил Воронофф? — спросил я, когда мы приближались к вокзалу Гранд-Сентрал. Мы высадили его на вокзале, прежде чем отправиться в гости к Гедеону, но убийство Доминики... Это не вязалось с тем, что я знал об этом человеке. Скорее уж он убил бы себя — выбрав для этого какой-нибудь экстравагантный способ, способный избавить от скуки — но не такую видную личность, как Доминика. — По моему, это на него непохоже.

— И на Рейвича тоже, — сказал Квирренбах. — Хотя вам виднее.

— Рейвич не станет убивать кого попало, — заметил я.

— Не забывайте, что Доминика могла легко нажить себе врагов, — вмешалась Зebra. — Кто-кто, а она не умела держать рот на замке. Рейвич мог убить ее за то, что она проболталась.

— Насколько нам известно, его сейчас нет в городе, — возразил я. — Рейвич находится на орбите, в анклав, называемом Убежищем. Ведь это правда?

— Насколько мне известно — именно так, Таннер, — ответил Квирренбах.

Понятно, что Воронофф давным-давно испарился, не оставив и следа. Впрочем, этого следовало ожидать, поэтому, отпуская его, мы и не надеялись, что он будет сидеть на месте. Как бы то ни было, это ничего не меняло. Воронофф играл во всем этом спектакле роль третьего плана. В случае необходимости найти его будет несложно: он слишком популярен.

Палатка Доминики осталась такой, какой я ее помнил, и стояла на прежнем месте, в центре базара. Клапан опущен, ни одного посетителя в зоне видимости — но ничто не указывало на то, что здесь произошло убийство. Назойливый паренек-зазывала тоже куда-то исчез, но это почему-то казалось нормальным: сегодня на базаре было на удивление тихо. Возможно, в последнее время звездолетов было немного, и приток кандидатов на хирургическое вмешательство сократился.

Пранский, давно дожидавшийся нас, выглянул сквозь крошечную прореху в материи.

— Долго же вы добирались, — он хмуро покосился на Шантерель, потом на меня, Квирренбаха — и его глаза на миг округлились: — Неплохо, неплохо. Вы точно на охоту собрались.

— Можно войти? — спросила Зebra.

Пранский откинул клапан и впустил нас в «прихожую», где я не так давно ждал с операции Квирренбаха.

— Должен вас предупредить, — мягко проговорил Пранский. — Все осталось в том виде, в каком я застал. Боюсь, зрелище не из приятных.

— А где ее малыш? — поинтересовался я.

— Ее... малыш? — переспросил агент, словно я употребил малопонятное словечко из уличного жаргона.

— Том. Ее помощник. Он постоянно околачивался рядом. Может быть, он что-то заметил и понял, что здесь лучше не задерживаться.

Пранский прищелкнул языком.

— Не видел никаких... малышей. Мне и без того забот хватает. Кто бы это ни сделал...

Он не договорил, но я мог представить ход его мысли.

— Вряд ли это кто-то из местных талантов, — нарушила молчание Зебра. — Никто из них не покусился бы на такое сокровище.

— Помнится, ты говорила, что люди, которые за мной охотятся — тоже не из местных.

— О ком вы? — спросила Шантерель.

— Мужчина и женщина, — ответила Зебра. — Они заходили к Доминике, пытаясь выследить Таннера. Могу поручиться, они не из Города. В общем, довольно странная пара.

— Думаешь, они вернулись и убили Доминику? — предположил я.

— Они возглавляют мой список подозреваемых, Таннер. А ты еще не догадываешься, кто это?

— Похоже, я становлюсь слишком популярным, — ответил я, пожав плечами.

Пранский прочистил горло.

— Может, нам стоит... — он вяло махнул рукой в сторону занавески, закрывающей вход в операционную.

Мы отодвинули полог и вошли.

Доминика покачивалась в воздухе, словно левитировала в полуметре над кушеткой. В этом положении ее удерживала прикрепленная к консоли ременная обвязка, в которой помещалась нижняя часть ее тела. Поршни, приводящие в движение консоль, еще шипели, полупрозрачные пальца струек пара тянулись к потолку. У человека не столь грузного, как Доминика, голова запрокинулась бы назад или на сторону. Но из-за складок жира создавалось впечатление, что шея толстухи напряжена. Рот был безвольно открыт, широко раскрытые, остекленевшие глаза глядели в потолок.

И все ее тело было опутано змеями.

Самые крупные из них были мертвы. Казалось, туша Доминики увита пестрыми шарфами — змеи безжизненно свешивались ниже ее щиколоток, почти касаясь кушетки. Причина гибели рептилий была очевидна — длинные разрезы вдоль брюшины, явно сделанные скальпелем.

Их кровь украсила кушетку причудливыми узорами. Змеи поменьше были еще живы, они обвивали живот Доминики и лежали, свернувшись на кушетке, но едва пошевелились, когда я осторожно приблизился к ним.

Помнится, в Малче я видел торговцев змеями. Не сомневаюсь — эти твари были приобретены там, причем исключительно для создания антуража.

— Я предупреждал, что это неприятное зрелище, — голос Пранского вывел нас из столбняка. — Поверьте, в свое время мне много чего довелось повидать, но такое...

— Здесь прослеживается система, — тихо перебил я. — Это не так отвратительно, как кажется.

— По-моему, вы рехнулись.

Думаю, остальные думали то же самое. Весьма неприятно — но я знал, что говорю правду.

— О чем ты говоришь? — спросила Зебра. — Система...

— Это послание, — я обошел висящее в воздухе тело, чтобы лучше рассмотреть лицо убитой. — Точнее сказать — приглашение. Адресовано мне.

Я коснулся лица Доминики и почти без усилия повернул ее голову так, чтобы остальные тоже увидели аккуратное отверстие у нее во лбу.

— Потому что... — произнес я, впервые озвучивая открывшуюся мне истину, — ее убил Таннер Мирабель.

Когда мне было под шестьдесят... Я давно уже перестал следить за ходом времени — какой в этом смысл, если ты бессмертен? Я подделал корабельные досье, чтобы убрать некоторые подробности моего прошлого — потому что понял, что настала пора действовать. Выбор момента диктовала стратегия нашего путешествия. При желании я мог пропустить этот момент, забыв о планах, которые занимали мой разум вот уже полжизни. Для их осуществления требовалась кропотливая подготовка — без нее они так и остались бы планами. Я позволил себе минуту сладостно-мучительного удовольствия, сравнивая два пути развития событий. В одном случае меня ждала победа. В другом — я покорно принимал то, что шло на пользу Флотилии, но не моему экипажу. Был один ничтожно

короткий миг, когда меня охватило сомнение.

— Слушай команду, — произнес старина Арместо, капитан «Бразилии». — Начало торможения через двадцать секунд.

— Готов, — отозвался я, сидя в кресле командного пункта на мостике. И после короткой паузы услышал, как два голоса — капитанов «Багдада» и «Палестины» — эхом повторили мой ответ.

Конец Путешествия был близок. Уже можно было разглядеть его звезду — более яркую из пары под названием 61 Сигни — налитый кровью светильник в ночи. Несмотря на все испытания, вопреки всем предсказаниям, Флотилия успешно пересекла межзвездное пространство. Тот факт, что один из кораблей погиб, ни в малейшей степени не омрачал победу. Отправляя Флотилию в путь, ее создатели знали, что потери неизбежны. Разумеется, это касалось не только кораблей, но и части спящих — момио, которым не суждено было проснуться.

В общем, это была победа — во всех отношениях.

Однако путешествие еще не закончилось. Флотилия по-прежнему двигалась на крейсерской скорости. Оставался ничтожный отрезок — самый важный участок пути. И те, кто планировал это путешествие, об этом не догадывались. Они даже представить себе не могли глубины разногласий, которые со временем начнут раздирать Флотилию.

— Десять секунд, — продолжал Арместо. — Пожелаем себе удачи, и да поможет нам Бог. Гонка будет чертовски напряженной.

Не настолько, как ты думаешь, мысленно поправил я.

Отсчет был закончен — не совсем синхронно, — и во тьме, где только что сияла лишь россыпь звезд, вспыхнули три солнца. Впервые за полтора столетия двигатели Флотилии вновь заработали, поглощая вещество и антивещество и выплевывая чистую энергию, сводя на нет скорость, равную восьми процентам скорости света.

Выбери я другой путь, и мне пришлось бы услышать, как скрежещет под чудовищной перегрузкой могучий скелет «Сантьяго». Я бы не слышал, как сгорает топливо — работу двигателя выдавало бы только чуть слышное гудение. Но я принял решение — и все осталось по-прежнему.

— Полное сгорание за бортом... — произнес кто-то из капитанов, потом в его голосе зазвучало недоумение: — «Сантьяго», у нас нет данных о том, что вы включили двигатель... Небесный, у вас неполадки?

— Нет, — коротко и спокойно ответил я. — Пока все хорошо.

— Тогда почему вы не запустили двигатель?

Это был не вопрос, а вопль возмущения.

— Потому что нам это ни к чему.

Я улыбнулся. Теперь скрывать нечего. Кризис миновал секунду назад. Один вариант будущего был принят, другой отброшен.

— Извините, капитан, но мы решили еще некоторое время двигаться на крейсерской скорости.

— Но это безумие!

Могу поклясться: Арместо брызгал в микрофон слюной, как океанский прибой.

— Наша разведка хорошо делает свое дело, Хаусманн — очень хорошо. Нам прекрасно известно, что при реконструкции двигателя вы не использовали никаких нововведений, которых не было бы у остальных. Вы не можете достичь Конца Путешествия раньше нас! Вам надлежит немедленно запустить двигатель и следовать за остальными кораблями...

Я небрежно побарабанил пальцами по подлокотнику кресла.

— И что будет в противном случае?

— Тогда мы...

— Вы ничего не сделаете. Вы все прекрасно знаете, что происходит при остановке аннигиляторных двигателей.

Я не обманывал его. Аннигиляторный двигатель — действительно чертовски нестабильная штука. Он спроектирован так, что продолжает работать, пока не опустеют магнитные резервуары с антивеществом. Хитрецы-техники придумали для этого специальное название — магнитогидродинамическая нестабильность. Из-за нее невозможно полностью перекрыть поток антивещества. Отсюда главное правило: горючее для фазы торможения должно было храниться абсолютно отдельно от горючего для разгона до крейсерской скорости. А теперь это означало следующее: после того как корабли запускали двигатели и начинали торможение, «Сантьяго» так или иначе был обязан последовать их примеру.

Отказавшись, я совершал ужасное преступление.

— Говорит Замьюдио, «Палестина», — послышался голос. — Аннигиляция стабильная, зеленое пламя вдоль борта... Мы намерены перевести двигатели в режим половинного выброса, пока Небесный нас не обогнал — иначе мы останемся далеко позади. Такой шанс вряд ли представится нам в будущем.

— Бога ради, не делайте этого! — воскликнул Арместо. — Наши модели-имитаторы говорят, что при частичном отключении двигателя остается лишь тридцатипроцентная вероятность...

— Судя по нашим данным, шансы выше... незначительно.

— Пожалуйста, подождите. Мы посылаем вам техническую

информацию... Замьюдио, ничего не предпринимайте, пока с ней не ознакомитесь.

Они целый час муссировали этот вопрос — то перебрасывались данными с имитаторов, то спорили по поводу их трактовки. Разумеется, они были уверены, что переговоры проходят в строжайшей тайне. Надо сказать, мои агенты уже давно нашпиговали все три корабля «жучками»... хотя мой «Сантьяго», скорее всего, постигла та же участь. Я со спокойным удовлетворением следил за тем, как аргументы становятся все более нелепыми — с постепенным переходом на личности. Подвергнуть себя угрозе аннигиляции после полутора сотен лет путешествия — риск нешуточный. В обычной ситуации дебаты растянулись бы на месяцы, а то и годы, причем на одной чаше весов лежала ничтожная выгода, а на другой — вероятность гибели. Главное, что все это время они сбрасывали скорость, а «Сантьяго» по-прежнему шел впереди с победным отрывом, который с каждой секундой увеличивался.

— Хватит болтать, — сказал наконец Замьюдио. — Мы начинаем остановку двигателей.

— Прошу вас, — взмолился Арместо. — Разве нельзя подумать над этим хотя бы день?

— И позволить этому подонку убежать? Извините, но мы уже приняли решение.

В голосе Замьюдио появились деловитые нотки. Он зачитал показатели приборов, затем начал отсчет:

— Гашение скорости через пять секунд... топология «горлышка» выглядит стабильной... ограничиваем поток горючего... три... два... один...

Его голос утонул в вое статических помех. Одно из новых солнц внезапно превратилось в сверхновую, затмив соседей. Звезда превратилась в белую розу, окаймленную пурпуром, переходящим в черный. Я как замороженный глядел на адский костер, который пылал прямо передо мной. Корабль исчез в одно мгновение — точно так же, по словам Тита, погиб «Исламабад». Это белое пламя казалось очищающим... почти священным. Потом оно стало бледнеть на глазах. Мой корабль опалило потоком ионов — словно призрак «Палестины» коснулся его обшивки. Все дисплеи на капитанском мостике мигнули и запестрели помехами, но корабли Флотилии давно разошлись на достаточное расстояние, и гибель одного из них не могла повредить остальным.

Когда помехи пропали, я услышал голос Арместо:

— Ты действительно подонки, Хаусманн. Это твоя вина.

— Потому что я оказался умнее вас?

— Потому что ты солгал нам, мразь! — теперь я узнал голос Омдэрмана. — Тит стоил миллиона таких, как ты, Хаусманн. Я знал твоего отца. В сравнении с ним вы просто... ничтожество. Дерьмо. И знаешь, в чем твоя беда? Точно так же ты убиваешь и своих людей.

— Не думаю, что я способен на такую глупость.

— Еще как способен, — усмехнулся Арместо. — Я говорил тебе, что наша разведка очень хорошо работает, Хаусманн. Мы знаем твой корабль, как свой собственный.

— Наши тоже не сидят без дела, — подхватил Омдэрман. — У тебя не осталось ни одного козыря, будь ты проклят. Тебе придется тормозить, или ты проскочишь мимо цели и зависнешь посреди космоса.

— Сомневаюсь, — возразил я.

События развивались совершенно не по плану — но иногда приходится отступать от строгого следования плану, чтобы выдержать общее направление. Это все равно что слушать симфонию, не вслушиваясь в голоса отдельных инструментов.

Норквинко помог мне немного усовершенствовать кресло. Откинув обтянутую черной кожей крышку на подлокотнике, я выдвинул плоскую консоль, усеянную множеством кнопок, и опустил ее себе на колени. Несколько прикосновений к панели управления — и на экране появилась схема, похожая на кактус. Это был план корабля, где было отмечено местонахождение спящих и их состояние на текущий момент.

На протяжении многих лет я упорно работал, отделяя зерна от плевел. В результате капсулы с мертвыми моими располагались в определенном участке «хребта». Вначале приходилось нелегко. К моей досаде, спящие умирали в произвольном порядке, не считаясь с моими кропотливо разработанными планами. Но это лишь поначалу. Затем я взял ситуацию под контроль. Мне оставалось лишь пожелать, чтобы умерли те или иные мои — и схема начинала действовать, как по волшебству. Разумеется, для этого мне приходилось выполнять определенные ритуалы. Например — как и прежде, посещать моими, прикасаясь к их капсулам. Иногда — кажется, это происходило бессознательно — я слегка корректировал режимы систем жизнеобеспечения. Нет, я не причинял им вреда... но каким-то непостижимым образом мои действия приводили именно к такому результату. По сути, это была настоящая магия.

И она действительно принесла пользу. Теперь мертвые и живые были отделены друг от друга. Полный ряд из шестнадцати колец — сто шестьдесят капсул, занятых исключительно мертвецами. И еще половина

ряда — восемьдесят шесть мертвых. К этому времени погибла четверть спящих.

Я ввел с пульта последовательность команд, которую давно заучил наизусть. Ее втайне ото всех составил Норквинко. Это была поистине гениальная идея — поручить ему эту работу. Лучшие специалисты, опираясь на массу технических выкладок, в один голос утверждали, что мой план неосуществим, что я завязну в мощной защитной системе. Однако на протяжении многих лет, медленно продвигаясь по ступеням иерархии команды контролеров, Норквинко искал и находил обходные пути вокруг каждого якобы непреодолимого препятствия, оставаясь незамеченным благодаря своей скрытности и сообразительности.

Но чем дальше продвигалась работа, тем более самоуверенным становился Норквинко. Поначалу эти перемены меня удивили, но я вскоре понял: после того как он стал контролером, это стало неизбежно. Я сам заставил его испытать все желания человека, живущего в обычном окружении — это так отличалось от добровольного отшельничества, к которому он привык. И по мере укрепления позиции в команде Норквинко приспособлялся к новой жизни с пугающей гибкостью. Скоро мне уже не приходилось прилагать усилий, чтобы продвигать его.

Но я так и не простил его за то, что он предал меня на борту «Калеуче».

Мы встречались лишь изредка, и с каждым разом Норквинко держался все более нагло и самонадеянно. Первое время это не слишком бросалось в глаза. Работа продвигалась быстро, Норквинко подробно докладывал о каждом взломанном им слое защитной системы. Я требовал, чтобы он продемонстрировал мне результат, и он подчинялся. У меня не возникало сомнений в том, что задача будет выполнена удовлетворительно и в нужный мне срок.

Однако без проблем не обошлось.

Четыре месяца назад Норквинко создал лазейку в последнем уровне защитных механизмов. Задача была выполнена, работа закончена. И я неожиданно узнал, почему он так старался мне угодить.

— Я хочу заключить с тобой соглашение, — заявил мой бывший друг. — Правда, с технической точки зрения это скорее можно обозначить как «шантаж».

— Ты это серьезно?

Мы встретились в туннеле, который тянулся вдоль «хребта», во время очередной инспекции, возле узла номер семь.

— Более чем серьезно, Небесный. Тебе давно пора это понять.

— Кажется, я начинаю понимать.

Я посмотрел в глубь туннеля. Вдали разливалось пульсирующее оранжевое сияние.

— Чего именно ты хочешь, Норквинко?

— Власти, Небесный. Мне недостаточно руководить контролерами. Возможно, для того, кто помешан на компьютерах, это предел мечтаний. Но техническая работа меня больше не интересует. Я побывал на борту чужого корабля. Тогда я понял, на что могу рассчитывать. Теперь мне нужны более широкие перспективы. Я помню, какие блага ты обещал мне на борту «Калеуче». Теперь пришло время мне получить частицу обещанной власти и нести за нее ответственность.

— Есть огромная разница между взломом программного обеспечения и управлением кораблем, Норквинко, — сказал я, тщательно подбирая слова.

— Только не надо меня учить, наглец. Мне это прекрасно известно. Поэтому и говорю, что мне необходимы перспективы. Не бойся, я не мечу на твое место. Пусть оно лучше перейдет ко мне естественным путем — по наследству. Я хочу стать старшим помощником — позиция на одну ступень ниже твоей, это меня вполне устроит. К тому же у меня будет масса возможностей, когда мы приземлимся. Думаю урвать себе жирный кусок по окончании нашего Путешествия.

— Кажется, я понял, к чему ты клонишь, Норквинко.

— Понял? Ну еще бы. Шантаж — весьма действенное средство.

Оранжевое свечение в коридоре приближалось, к нему начал примешиваться слабый гул.

— Назначить тебя в команду контролеров — это одно дело, Норквинко. У тебя, по крайней мере, была необходимая квалификация. Но сделать тебя старшим офицером я не могу. За какие бы нитки я не дергал.

— Это не моя проблема. Ты постоянно твердил мне, какая у тебя великолепная голова, Небесный. Пораскинь мозгами, проверни какую-нибудь интригу. Ты же знаешь, как обеспечить мне погоны офицера.

— Есть вещи, которые в принципе невозможны.

— Только не для тебя, Небесный. Для кого угодно — только не для тебя. Неужели ты хочешь меня огорчить?

— А если у меня ничего не выйдет?

— Тогда кое-кому станет известна твоя затея со спящими. Не говоря уже об истории с Рамиресом. Или о смерти Бальказара. Ну и про личинок на сладкое.

— Ты тоже замешан в этом.

— Я просто выполнял приказы. И только недавно понял суть твоих замыслов.

— Ты знал о них с самого начала.

— А кто это докажет?

Я хотел ответить, но к нам приближался грузовой состав, и мне пришлось бы слишком напрягать связки. По рельсам с грохотом неслась цепочка капсул, возвращаясь из отдаленной секции. Мы молча зашагали назад, пока не достигли ниши, где можно было переждать. Эти вагоны — и не только они — давно нуждались в реконструкции или, по крайней мере, в ремонте. Но пока они не рассыпались, и основная часть второстепенного оборудования была давно снята с них и использовалась для других целей, а то, что осталось, давно работало кое-как.

Мы стояли молча, плечом к плечу, а машина приближалась к нам, заполняя собой туннель — оставался лишь узкий просвет по бокам ее округлого корпуса. Интересно, о чем думал Норквинко в эту минуту? Неужели он и впрямь воображал, что я серьезно отнесусь к его предложению?

Когда грохочущий состав был в трех-четыре метрах от нас, я толкнул Норквинко.

Он упал на рельсы, раскинув руки.

Я увидел, как машина яростно поволокла вперед его тело — а потом оно исчезло из виду. Еще минуту состав продолжал двигаться, затем затормозил, словно не торопясь. По правилам он должен был остановиться немедленно, как только на пути возникало препятствие, но эта функция, как и многие другие, перестала действовать много лет назад.

Двигатель натужно захрипел, в туннеле запахло озоном.

Я с трудом выбрался из ниши. Пока состав продолжал движение, это было невозможно, но сейчас я сумел протиснуться вдоль вереницы капсул и подошел к головному вагончику. Больше всего я боялся ненароком задеть какой-нибудь рычаг, который включает задний ход — тогда меня бы просто расплющило о стенки туннеля.

Я заглянул под колеса, ожидая увидеть изуродованное тело Норквинко, застрявшее между рельсами и днищем капсулы.

Но он лежал рядом. А под днищем капсулы валялся его расплющенный кейс с инструментами.

Я опустился на колени. Норквинко получил скользящий удар по голове, кровь обильно текла из раны, хотя череп, похоже, был цел. Он дышал, но был без сознания.

И тут мне в голову пришла мысль. Отныне от этого человека будут

только проблемы — так или иначе, рано или поздно, ему придется умереть. Но идея, которая у меня появилась, была слишком соблазнительна, слишком красива. Это будет сопряжено с большим риском, к тому же мне потребуется хотя бы полчаса полного одиночества. Да, получасовое опоздание груза не останется незамеченным. Но кто обратит на это внимание? И будут ли приняты какие-то экстренные меры? Вряд ли. Насколько мне известно, даже составы, которые находятся в лучшем состоянии, не отличаются надежностью. Забавно... Я стал правителем крошечной империи, но не мог заставить поезда ходить по расписанию.

Убедившись, что контейнер по-прежнему не дает составу тронуться с места, я поднял Норквинко и понес его вверх по «хребту», к узлу номер шесть. Это оказалось нелегко. Но в шестьдесят лет у меня было здоровье тридцатилетнего, а Норквинко за эти годы заметно потерял в весе.

К этому узлу были присоединены шесть модулей со спящими. Из шестидесяти несколько моими были мертвы. Я был уверен: среди этих шестидесяти найдутся как минимум трое, кого можно выдать за Норквинко — особенно если позаботиться о том, чтобы лицо жертвы было изуродовано при падении под поезд.

Пробравшись к обшивке корабля, истекая по том и едва переводя дыхание, я добрался до капсулы, в которой лежал кандидат — на мой взгляд, лучший. Он был заморожен, но жив — и это идеально соответствовало моим планам. Пристроившись за пультом управления капсулой, я начал «разогревать» пассажира. Вообще, этот процесс занимает несколько часов, но сейчас меня не интересовало, насколько пострадают клетки его тела. Никто не будет проводить посмертное вскрытие. Труп найдут под поездом, и никому не придет в голову заподозрить подмену.

В этот момент у меня на запястье зазвенел браслет-коммуникатор.

— Капитан Хаусманн на связи.

— Мы получили сигнал о возможных технических неполадках, сэр. Состав в туннеле номер три, возле шестого узла. Прикажете отправить для проверки аварийную бригаду?

— Нет, в этом нет необходимости, — протянул я неторопливо, стараясь не выдать волнения. — Я нахожусь недалеко и сам все проверю.

— Вы уверены, сэр?

— Конечно... Нет смысла поднимать бригаду.

Пассажир «отогрелся», но его мозг погиб. Я поднял его из саркофага. Да, сложением он вполне напоминал Норквинко, совпадал и цвет волос. И оттенок кожи. Насколько мне известно, у Норквинко не было романтических связей с кем-либо на «Сантьяго» — но если и были, даже

любимая женщина не сможет отличить его от мертвого пассажира, когда я закончу работу.

Приподняв своего бывшего друга, я уложил его в саркофаг. Он еще дышал и даже пару раз простонал, прежде чем снова потерять сознание. Я раздел его догола и опутал тело паутиной биомониторов. Устройства ввода автоматически прилипли к его коже и начали окончательную подстройку. Некоторые датчики аккуратно вошли под кожу и, змеясь, поползли к его внутренним органам.

На пульте загорелся ряд зеленых огоньков — саркофаг принял Норквинко. Потом крышка мягко опустилась.

Я осмотрел главную панель с показателями текущего состояния.

Запрограммированное время сна истекало через четыре года. «Сантьяго» уже достигнет орбиты Конца Путешествия, и для спящих настанет время «проснуться» и шагнуть в свой новый Эдем.

Этот срок меня вполне устраивал.

Я удовлетворенно кивнул. Теперь мне предстояло оттащить пассажира по туннелю вдоль «хребта» — предварительно облачив его в одежду, снятую с Норквинко.

Когда мы были на месте, я положил пассажира в десяти метрах от машины, которая все еще пыталась сдвинуть с места кейс Норквинко, наполняя воздух вонью пережженных обмоток. Затем я извлек из шкафчика для инструментов, который находился в нише, увесистый лом. Несколько ударов — и лицо пассажира было изуродовано до неузнаваемости. Кости его черепа хрустели, словно ореховая скорлупа. Вернувшись к поезду, я с размаху выбил кейс из-под днища капсулы.

Освобожденный состав мгновенно начал разгоняться. Пришлось бежать впереди, чтобы меня не расплющило об стену. Проворно перешагнув через труп, я укрылся в следующей нише и с отрешенным любопытством наблюдал, как груженные капсулы бегут все быстрее. Потом головная капсула ударила спящего и потащила его вперед, подминая под себя.

Наконец, где-то впереди, поезд снова остановился.

Я не торопясь пошел следом. Меньше часа назад я точно так же обходил состав — и даже не слишком удивился, обнаружив, что Норквинко уцелел. В конце концов, ему очень повезло. Но теперь ошибки быть не могло. Поезд достойно выполнил свою задачу. В данном случае его остановил не комплект инструментов, а стоп-сигнал, который наконец-то сработал... слишком поздно, чтобы спасти спящего.

Оттянув манжету, я произнес в динамик коммуникатора:

— Говорит Небесный Хаусманн. Боюсь, здесь случилось нечто ужасное.

Все это произошло четыре месяца назад. Наша дружба закончилась печально — зато Норквинко не предал меня. По крайней мере, я на это надеялся. Через несколько мгновений я буду знать точно.

На главном экране появилось изображение корабля — вид вдоль «хребта», с выигрышного расстояния в несколько метров над корпусом. Оно походило на этюд с исчезающими точками и хрупкими перспективами, способными вдохновить художника эпохи Возрождения. Шестнадцать кольцевых модулей с мертвецами выстроились друг за другом, уменьшались в размерах и искажались, превращаясь в эллипсы.

Наконец под первым, ближайшим из колец, пробудился ряд запалов, заложенных у его основания. Кольцо отсоединилось от корпуса и лениво поплыло прочь, понемногу накренясь. Пуповины питающих линий между «Сантьяго» и кольцом натянулись до предела и разорвались, хлестнув по обшивке. Замороженные газы, которые еще оставались в отсеченных трубопроводах, взорвались хрустальными облаками. Где-то завывли сирены. Я почти не слышал, но на борту моего корабля, наверно, начался изрядный переполох.

От корабля медленно отделилось второе кольцо. Вздогнуло и сорвалось с креплений третье. То же самое происходило по всему «хребту». Задумано неплохо. Вначале мне хотелось, чтобы заряды взорвались одновременно под всеми кольцами — тогда модули отчалили бы от корабля ровными параллельными рядами. Но в этом не было поэзии. Мне доставило куда большее удовольствие освободить их по одному и наблюдать, как они уплывают друг за другом, словно подчиняясь врожденному миграционному инстинкту.

— Вы видите то, что я делаю? — спросил я.

— Прекрасно вижу, — ответил один из капитанов. — И меня от этого тошнит.

— Они мертвы, идиот! Какая им разница, где быть похороненными — в космосе или в земле Конца Путешествия?

— Они же люди. И заслуживают достойного обращения, даже мертвые. Вы не имеете права выбрасывать их за борт.

— Ошибаетесь. Сами спящие не играют особой роли. Их масса ничтожна по сравнению с массой аппаратуры, которая поддерживает их жизнь. Теперь у нас большое преимущество — и мы сможем сохранять крейсерскую скорость дольше, чем вы.

— Четверть спящих не дадут вам существенного преимущества, Хаусманн.

Похоже, этот тип прилежно учился в школе — его расчеты не слишком расходились с моими.

— И что останется от вашего преимущества, когда вы выйдете на орбиту вокруг Конца Путешествия? В лучшем случае несколько недель?

— Нам хватит. Этого достаточно, чтобы подыскать лучшие места для приземления, высадить на них наших людей и застолбить территорию.

— Если ваших людей будет достаточно. Как я понимаю, вы убивали спящих? Мы знаем, каковы ваши потери, Хаусманн. Уровень смертности на вашем корабле не может быть выше, чем у нас. Помните, я говорил о нашей разведке? Мы потеряли всего сто двадцать спящих. Примерно такая же обстановка на других кораблях. Вы были слишком небрежны, Хаусманн? Или хотели, чтобы они умерли?

— Не болтайте чепуху. Если я хотел их убить, почему не убил всех?

— И заселить планету горсткой уцелевших? Вы хоть немного разбираетесь в генетике, Хаусманн? Знаете, что такое инцест?

Да, я думал не только об этом. Но какой смысл посвящать этого недоумка в мои планы? Если у него действительно такая хорошая разведка, пусть узнает обо всем сам, без моей помощи.

— Я перейду мост, когда взойду на него, — сказал я.

Первым, кто бросил мне вызов, был Замьюдио. Правда, результат получился несколько неожиданным. Думаю, капитану «Палестины» показалось, что у него есть все шансы полностью перекрыть поток антивещества — иначе он бы не попытался остановить свои двигатели.

Вспышка была столь же мощной и ослепительно белой, как в тот день, который я помнил с детства — в день гибели «Исламабада».

Но на следующий день случилось нечто непредвиденное.

До последнего мгновения перед взрывом с корабля Замьюдио продолжала поступать техническая информация. И его союзники, вынужденно сохраняя режим торможения, которое безуспешно пытался прекратить Замьюдио, получали эти послания. Я не предвидел, что уцелевшие корабли объединятся против меня. Вначале это показалось мне странным — но следовало догадаться, что такое случится. Теперь у этих мерзавцев был общий враг. В некотором роде это была моя заслуга. Я вызывал у них такой страх, что они предпочли объединить усилия в борьбе со мной, забыв прежние раздоры.

Когтистые лапы Замьюдио тянутся ко мне с того света.

— Он даже не подозревал, какую ценность представляют эти

данные, — произнес Арместо.

— Замьюдио это не помогло, — возразил я.

Уцелевшие корабли Флотилии продолжали торможение. Связь между ними и «Сантьяго» начала ухудшаться, но специальное программное обеспечение делало помехи почти неощутимыми. Ничего нельзя было поделывать лишь с задержкой по времени, которая росла вместе с расстоянием, разделяющим нас.

— Согласен, — ответил Арместо. — Но, пожертвовав собой, эти люди дали нам информацию колоссальной ценности. Вам объяснить?

— Если это доставит вам удовольствие, — ответил я подчеркнуто скучающим тоном.

На самом деле меня терзала не скука, а страх.

Арместо рассказал. Информация с «Палестины» шла к ним сквозь космос — до последней наносекунды перед взрывом корабля. И до последней наносекунды команда пыталась перекрыть поток антивещества. Они знали, что им грозит смертельная опасность, но точные параметры аварийного режима до сих пор не были установлены и лишь приблизительно определялись в процессе компьютерного моделирования. Поговаривали, что при достаточно корректной работе в аварийном режиме есть возможность удержать ситуацию под контролем, регулируя поток горючего. Это было невозможно проверить заранее, но экипаж «Палестины» провел испытания, которые стоили ему жизни. Данные дистанционных датчиков перестали поступать сразу после выхода в аварийный режим, но они рассказали о нестабильности больше, чем все мои тщательно проведенные лабораторные тесты или компьютерные симуляции.

И Арместо смог извлечь из этого выгоду.

Информация позволяла прогнозировать развитие ситуации в аварийном режиме. Данные, загруженные в бортовой компьютер, вкуче с моделями, которые разработали специалисты по энергоустановкам, позволили разработать стратегию сдерживания дисбаланса. Стоило слегка поколдовать с топологией магнитного «горлышка» — и поток аккуратно гасился без риска обычного обратного выброса антивещества или его утечки. Это была чертовски опасная затея — но мои противники решили рискнуть.

Оба корабля, преследующие меня — «Бразилия» и «Багдад», — развернулись так, что сопла двигателей смотрели вперед. Сверкающие пики факелов из антивещества вспыхнули в небесной полусфере за кормой «Сантьяго», точно голубые солнца. Поток излучения, которое извергают

двигатели — мощное оружие, что не стоит недооценивать. Но я знал: ни Арместо, ни Омдэрман не решатся опалить своими факелами корпус моего корабля. Они были готовы уничтожить меня — но не будущих колонистов, которые находились у меня на борту. С тем же успехом я мог бы запустить двигатель и накрыть выбросом одного из этих ублюдков, которые ползли за мной. Но это однозначно развяжет руки уцелевшему. Он спалит «Сантьяго» — и пассажиры на борту уже не спасут меня. Эксперимент на симуляторах показал, что я не успею повернуть — второй корабль очистит меня от грехов единственной вспышкой адского пламени.

Скверная перспектива... Значит, мне придется уживаться с парой врагов, пока не найдется способа от них избавиться. Я все еще просчитывал варианты, когда оба огненных конуса мигнули и погасли — абсолютно синхронно.

Затаив дыхание, я ожидал двойной ядерной вспышки, которая означала бы неполадку в аннигиляторных двигателях во время прекращения подачи антивещества.

Но вспышек не было.

Арместо и Омдэрману удалось заглушить двигатели, и теперь они по инерции двигались за мной. Впрочем, прежней скорости они не достигли.

Арместо вышел в эфир:

— Надеюсь, вы все видели, Небесный. Вам не кажется, что ситуация изменилась?

— Не настолько, как вам бы этого хотелось.

— Ах, перестаньте юлить. Вы понимаете, что это означает. Теперь мы с Омдэрманом можем запускать наши двигатели на любой отрезок времени, сколь угодно короткий. А вы — нет. В этом вся разница.

Выдержал паузу.

— Это ничего не меняет. Относительная масса покоя кораблей за этот день не изменилась. Вам все равно придется тормозить, если хотите попасть на орбиту 61 Сигни-А. Мой корабль по-прежнему легче на массу сброшенных мною модулей со спящими. Значит, я по-прежнему в преимуществе. Я буду двигаться с крейсерской скоростью до последней минуты.

— Вы кое-что упустили, — возразил Арместо. — У нас тоже есть мертвые.

— Это уже не имеет значения. В любом случае, крейсерская скорость «Сантьяго» выше. И, если я не ошибаюсь, вы сами говорили, что потери у вас меньше?

— Мы найдем способ остановить вас, Хаусманн. И не позволим вам

прийти первым.

Я посмотрел на дисплеи дальнего обзора. Оба корабля изображались крупными вытянутыми точками. Они снова поворачивали — медленно, но верно. Потом у меня на глазах точки превратились в тонкие линии, затем линии снова стали точками...

И вдруг исчезли в сияющих нимбах излучения.

Корабли объединились, чтобы начать погоню.

— Наш разговор не закончен, — сказал Арместо.

Через день я увидел, как с обоих кораблей выбрасывают мертвецов.

Прошло ровно двадцать четыре часа с тех пор, как Арместо и Омдэрман возобновили погоню, продемонстрировав способность регулировать работу двигателей — я пока не знал, как они это делают. Гибель «Палестины» пошла им на благо, хотя об этом никто не говорил. Равно как и о том, что при взрыве погибла почти тысяча колонистов.

Теперь оба корабля снова летели с той же скоростью, что и «Сантьяго», приближаясь к Концу Путешествия. И они готовы были на все, чтобы побить меня моим же оружием. Понятно, что ничего другого им не оставалось. Масса моего корабля по-прежнему была меньше. Значит, им придется облегчиться, если они хотят следовать по той же кривой торможения.

То есть выбросить в космос своих мертвецов.

Это выглядело не слишком изящно. Должно быть, им приходилось работать круглыми сутками, чтобы выполнить те операции, на которые у Норквинко ушла почти вся жизнь... Но у них было преимущество: им не нужно было скрываться. Все люди на борту «Бразилии» и «Багдада» яростно работали ради достижения своей цели. Я почти завидовал им. Насколько проще выполнять работу в открытую... правда, при этом страдает элегантность исполнения.

Я смотрел на сильно увеличенное изображение модулей, которые отрывались от кораблей, точно клочки бумаги — мало похоже на продуманную и запланированную акцию. Качество изображения было скверным и не позволяло убедиться в том, что по обшивке кораблей ползают люди в скафандрах, орудуя резаками и взрывчаткой. Без грубой силы им было просто не обойтись.

— Вам все равно не победить, — сказал я.

К моему удивлению, Арместо снизошел до ответа — хотя я был почти уверен, что оба корабля отныне будут поддерживать режим радиомолчания.

— Мы победим. Непременно победим.

— Вы сами говорили, что мертвых у вас меньше, чем у меня. Даже

если вы выбросите всех, этого будет недостаточно.

— Мы сделаем так, чтобы этого было достаточно.

Позже я разгадал их стратегию. Что бы ни случилось в дальнейшем, до Конца Путешествия оставалось не больше двух-трех месяцев полета. При разумном использовании запасов некоторых колонистов можно было разбудить раньше срока. Оживленные моими могут жить на борту вместе с экипажем; условия будут почти нечеловеческими, но все же пригодными для существования. Каждые десять разбуженных колонистов — это один сброшенный модуль и соответствующее уменьшение массы корабля, которое позволит обеспечить более крутую траекторию торможения. Это длительный и рискованный процесс. По моим расчетам, они потеряют примерно одного из десяти колонистов, потому что условия «размораживания» будут близки к экстремальным. Но этого действительно может оказаться достаточно.

Им удастся если не получить преимущество, то хотя бы сравнять шансы.

— Я знаю ваши планы, — сказал я Арместо.

— Очень в этом сомневаюсь, — парировал старик.

Вскоре я убедился, что был прав. Суэта, которая сопровождала сброс первых модулей, сменилась стабильностью: каждые десять часов. Именно этого я и ожидал. На то, чтобы «оживить» всех колонистов в модуле, уходит десять часов. Количество людей, способных провести подобную операцию, очень невелико, так что им придется работать посменно.

— Не уверен, что вам это поможет, — сказал я.

— Думаю, поможет, Небесный... Я уверен.

И тогда я понял, что нужно сделать.

Глава 38

— Хочешь сказать, это ты ее убил? — спросила Зебра. Мы — все пятеро — по-прежнему созерцали фантазмагорическую картину гибели мадам Доминики.

— Я этого не говорил. Я сказал, что ее убил Таннер Мирабель.

— А кто же тогда вы? — спросила Шантерель.

— Вы не поверите, если я назову свое имя. Мне и самому трудно к нему привыкнуть.

— Доминика умерла совсем недавно, — с мрачной убежденностью объявил Пранский, дождавшись, пока мы обменяемся мнениями. — Видите, трупное окоченение не наступило. Если вы были на виду последние несколько часов — боюсь, у вас стопроцентное алиби.

Зебра потянула меня за рукав.

— А те двое, Таннер? Люди, которые тебя выслеживали? Если верить Доминике, они нездешние. Они могли убить ее, чтобы избавиться от свидетеля.

— Понятия не имею, кто они такие, — сказал я. — По крайней мере, что касается женщины. А мужчина... попробуем угадать.

— Пожалуй, нам не стоит здесь задерживаться, — вмешался Квирренбах. — Если мы не хотим познакомиться с местными властями. И поверьте, мне это совсем не улыбается.

— Увы, вынуждена согласиться, — усмехнулась Шантерель. — Знаешь, Таннер, ему не чужд здравый смысл.

— По-моему, вам не следует называть меня этим именем.

Зебра задумчиво покачала головой.

— И как тебя зовут?

— Только не «Таннер Мирабель».

Я кивнул в сторону тела Доминики.

— Думаю, именно Мирабель убил ее — человек, который меня преследует. Это его работа, а не моя.

— Полный бред, — сказала Шантерель. Остальные кивнули, выражая согласие с этим мнением — хотя и без особого энтузиазма. — Если вы не Таннер Мирабель, то кто же тогда?

— Кагуэлла.

Я знал, что это лишь половина правды.

Зебра возмущенно подбоченилась.

— И у тебя до сих пор не возникало желания об этом сообщить?!

— Я сам только недавно это понял. Думаю, Кагуэлла изменил мои... свои воспоминания, чтобы скрыть свою подлинную личность. Ему пришлось это сделать, чтобы бежать с Окраины Неба. Его могли опознать — если не по внешности, то по воспоминаниям... Черт, непривычно говорить о себе в третьем лице.

Зебра, прищурясь, разглядывала меня, словно пыталась оценить, насколько ошибалась на мой счет.

— Ты действительно в это веришь?

— Представь себе, да. Правда, к этому не сразу удалось привыкнуть.

— Он явно не в себе, — объявил Квирренбах. — Странно: я не думал, что такому парню достаточно посмотреть на мертвую толстуху, чтобы у него поехала крыша.

Я развернулся и засветил ему в челюсть — неожиданно даже для себя.

Учитывая, что Шантерель держала композитора под прицелом, он вряд ли мог дать сдачи. Поскользнувшись в луже какой-то медицинской жидкости, Квирренбах растянулся на полу, успев, однако, поднять руку, чтобы ощупать свой подбородок.

Он попытался отползти под кушетку — и завопил, едва сунувшись туда. В первый момент я решил, что он наткнулся на змею. Однако существо, которое выползло из укрытия, оказалось куда крупнее змеи. Это был Том, верный помощник Доминики.

Я протянул ему руку.

— Иди сюда. С нами тебе нечего бояться.

Доминику убил человек, который уже заходил к ней раньше и спрашивал обо мне.

— Он тоже чужой, как вы, — сказал Том — сперва небрежно, затем повторив эти слова с нотками подозрительности в голосе. — Не совсем как Таннер, но очень похож.

— Все в порядке, — сказал я, кладя руку ему на плечо. — Человек, который убил Доминику, просто на меня похож, правда. Но ведь это был не я?

Мальчуган медленно кивнул.

— Вы говорить не так, как он.

— Он говорил иначе?

— Вы говорить заковыристо, господин. А тот, другой — похожий на вас — он не говорить много слов.

— Крепкий молчаливый тип, — заключила Зебра, затем

покровительственным жестом подозвала паренька, и он очутился в объятиях ее длинных гибких рук. На миг я почувствовал, что растроган. Впервые я увидел, как обитатель Кэнопи проявляет сочувствие к малчу, и впервые увидел какой-то намек на человеческие отношения между обеими сторонами. Несомненно, Зебра считала Игру злом — но совсем другое дело увидеть, как она подкрепляет свои слова этим простым ободряющим жестом.

— Нам тоже жаль Доминику, — сказала она. — Ты должен поверить, что мы не убийцы.

Том всхлипнул. Он был расстроен и потрясен, но факт ее гибели еще не успел уложиться у него в голове. Паренек рассуждал вполне здраво и рад был помочь нам. По крайней мере, я надеюсь, что ему еще не пришлось выработать иммунитет к подобным переживаниям. Это приемлемо для солдата, но не для ребенка.

— Он был один? — спросил я. — Мне говорили, что меня разыскивают двое: мужчина и женщина. Ты уверен, что это он?

— Он самый, — паренек отвернулся, чтобы не смотреть на качающийся на весу труп Доминики. — И он тоже быть не один. Женщина быть с ним, но она выглядеть не счастливой на этот раз.

— А в первый раз она была счастливой?

— Не счастливая, но... — мальчуган смутился. Видно было, как он безуспешно ищет в своем жалком словаре подходящее слово. — Тогда она выглядеть, будто ей с ним хорошо, будто они друзья. Он тоже тогда быть лучше — больше похожий на вас.

Это было не лишено смысла. В первый раз он мог заглянуть к Доминике, чтобы разведать обстановку. Ему нужно было побольше узнать о Городе, чтобы представлять, где может прятаться его добыча — Рейвич, я или мы оба. Он мог убить Доминику уже тогда, но, наверно, решил, что она еще будет ему полезна. Поэтому и оставил ей жизнь — до тех пор, пока не вернулся со змеями, которых, скорее всего, купил прямо на базаре.

Он убил ее, выбрав такой способ, который о многом говорил мне — говорил секретным кодом ритуалов убийства, заставив кровоточить старые раны в моей душе.

— А та женщина тоже нездешняя? — спросил я.

Но Том знал о ней не больше моего.

Воспользовавшись телефоном Зебры, я позвонил Лорану — человеку-свинье, чья кухня так сильно пострадала от моего падения с Кэнопи. Это было целую вечность назад. Я заверил его, что он окажет мне неоценимую

услугу, если они с женой позаботятся о Томе, пока не уляжется шум — понятно, что срок я назвал наугад.

— Я позаботиться сам за собой, — обиделся Том. — Свинья незачем.

— Они хорошие ребята, поверь мне. С ними ты будешь в полной безопасности. Если пойдут слухи, что кто-то был свидетелем убийства Доминики, тот человек вернется, найдет тебя и убьет.

— Я теперь всегда прятаться?

— Нет. Только до тех пор, пока я не убью того, кто это сделал. Имей в виду: я не собираюсь посвящать этому остаток жизни.

Когда мы покинули палатку, на площади по-прежнему было тихо. Человек-свинья и его жена стояли за пеленой жирного дождя, похожей на пожелтевшую прозрачную штору, который нескончаемым потоком стекал с карниза здания. Поначалу мальчуган косился на них с недоверием. Потом Лоран усадил его в свою машину на огромных надувных колесах, и она исчезла во мраке, как призрак.

— Думаю, он в безопасности, — сказал я.

— Вы хотите сказать, ему действительно грозит опасность? — спросил Квирренбах.

— И куда более серьезная, чем вы представляете. У человека, который убил Доминику, совесть отсутствует как таковая.

— Вы говорите так, словно знаете его.

— Знаю.

Мы вернулись к машине Шантерель.

— Я совершенно запутался, — пожаловался Квирренбах, когда мы влезли в прозрачную полусферу, где было сухо и светло. — Я даже не понимаю, с кем я имею дело. Из-под меня как будто выдернули коврик.

И он посмотрел на меня.

— И все это потому, что я нашел эту женщину? — недоуменно спросил Пранский. — Или потому, что Мирабель тронулся?

— Квирренбах, — перебил я, — выясните, где тут можно купить змей — желательно, неподалеку.

— Вы слышали, о чем мы только что говорили?

— Слышал. Мне просто не хочется сейчас об этом говорить.

— Таннер... — Зебра осеклась. — Черт, как тебя теперь звать... Эта история с твоим именем имеет какое-то отношение к тому, что тебе говорил Миксмастер?

— Простите, о каком Миксмастере идет речь? — вмешалась Шантерель. — Случайно, не о том, к которому я вас водила?

Я лишь покорно кивнул.

— Я знаю пару местных торговцев змеями, — примирительно сказал Квирренбах и, перегнувшись через плечо Зебры, ввел с пульта управления какие-то команды. Машина плавно поднялась в воздух, унося нас из Малча, пропитанного вонью запустения, промокшего под дождем.

— Я хотел выяснить, что у меня с глазами, — сказал я Шантерель. — И зачем кому-то понадобилось подвергать меня генной операции. Когда я вернулся к нему с Зеброй, Миксмастер сказал мне, что работу, по-видимому, выполнили ультра, а потом кто-то грубо завернул процесс — возможно, Черные Генетики.

— Продолжайте.

— Мне это не понравилось. Не знаю, чего я ожидал, но только не того, что окажусь не самим собой.

— Значит, глаза вы прооперировали добровольно?

Я кивнул.

— Ночное зрение — полезная вещь. Например, для заядлого охотника. Теперь я прекрасно вижу в темноте.

— И кем вы оказались? — спросила Шантерель.

— Хороший вопрос, — подхватила Зебра. — Только для начала расскажи, что показало полное сканирование. Он добился, чтобы Миксмастер провел эту процедуру. Зачем?

— Я искал следы старых ранений, — пояснил я. — Обе раны были получены примерно в одно и то же время. Я почти надеялся обнаружить одну из них и предпочел бы не найти другую.

— На то была особая причина?

— Таннеру Мирабелю отстрелили ступню люди Рейвича. Ее можно было заменить органическим протезом — либо копией-клоном, выращенным из моих собственных клеток. Но в любом случае ступню пришлось бы присоединять к культе, а это уже хирургическое вмешательство. Пожалуй, на Йеллоустоуне с помощью передовых медицинских технологий можно было бы сделать это так, чтобы следа не осталось. Но только не на Окраине Неба. Сканер Миксмастера непременно должен был что-нибудь обнаружить.

Зебра кивнула в знак полного согласия.

— Звучит правдоподобно. Но если, по твоим словам, ты не Таннер — откуда тебе известно, что с ним случилось?

— Потому что я, похоже, украл его воспоминания.

Гитта упала на пол палатки почти одновременно с Кагуэллой.

Ни он, ни она не издали ни звука. Гитта была мертва. Если эта

подробность имела какое-то значение — она умерла в тот миг, когда луч моего оружия пробил ей череп, превратив мозговую ткань в подобие ритуального праха — горстку тонкого серого пепла, которую вы можете полностью поместить в ладонях и смотреть, как его струйки текут меж пальцев. Ее губы чуть приоткрылись, но она вряд ли успела осознать происходящее прежде, чем утратила способность мыслить. Я надеялся — отчаянно надеялся: последняя мысль Гитты была о том, что я сделаю что-нибудь и спасу ее. Когда она падала, нож боевика пропорол ей горло, но она уже не могла чувствовать боль.

Кагуэлла, пронзенный лучом, который должен был убить боевика и спасти Гитту, тихо вздохнул, словно погружаясь в благодатный сон. Он потерял сознание от болевого шока — маленькая милость со стороны судьбы.

Бандит поднял голову и посмотрел на меня. Разумеется, он ничего не понимал. Мой поступок нельзя было объяснить логически. Интересно, как быстро он сообразит, что выстрел, погубивший Гитту — он был сделан с геометрической точностью, — по сути, предназначался ему? Как скоро до него дойдет простая истина: я напрасно считал себя непревзойденным снайпером, потому что убил единственного человека, которого готов был спасти любой ценой?

Последовала напряженная пауза. Думаю, за это время боевик оказался примерно на полпути к догадке.

Но я не дал ему дойти до конца.

На этот раз я не промахнулся. Я продолжал стрелять даже после того, как задача явно была выполнена. Я разрядил в него всю батарею и продолжал палить, пока ствол в полумраке палатки не засветился вишнево-красным.

С минуту я стоял над тремя телами, которые лежали у моих ног. Затем во мне проснулся инстинкт солдата. Я очнулся и попытался оценить ситуацию.

Кагуэлла все еще дышал, но был в глубоком обмороке. Боевик Рейвича превратился в пособие для лекции по анатомии черепа. На миг меня кольнуло раскаяние: подвергать его такой казни не имело ни малейшего смысла. Наверное, эта мысль была последней судорогой умирающего во мне наемника. Разрядив батарею, я перешагнул порог и очутился в ином пространстве, более здоровом. Здесь правил было еще меньше, а коэффициент полезного действия от этого расстрела имел ничтожно малое значение по сравнению с выплеском ненависти.

Отложив оружие, я опустился на колени возле Гитты.

Медкомплект не потребовался. Я и так знал, что она мертва. Не знаю, зачем я достал карманный нейронный сканер и провел по ее голове, глядя, как на маленьком встроенном дисплее кровью проступают строчки. Необратимый распад тканей; глубокое повреждение мозговых структур; обширная травма коркового слоя... Даже будь у нас в лагере трал, он не смог бы обнаружить ни одного воспоминания, по которому можно было бы воссоздать ее личность. Я видел, что повреждения слишком глубоки, чтобы такое стало возможным: первичные биохимические структуры были разрушены. Несмотря на это, я пристегнул ей на грудь «кирасу» — портативную систему жизнеобеспечения — и следил, как устройство борется со смертью. Кровоснабжение возобновилось, щеки Гитты порозовели. Прибор будет поддерживать в ней это подобие жизни, пока мы не вернемся в Дом Рептилий. Кагуэлла убьет меня, если я не сделаю хотя бы этого.

Теперь я занялся хозяином. Его ранение оказалось не слишком серьезным: лазер прошел тело насквозь, но импульс был предельно коротким, а луч — предельно тонким. Большинство внутренних повреждений было вызвано не выстрелом, а мгновенным испарением внутриклеточной жидкости — цепь крошечных ожогов по всему пути следования луча. Входное и выходное отверстия были столь малы, что их трудно было разглядеть. Если я что-то в этом понимаю, луч прижиг сосуды, и внутреннего кровотечения быть не должно. Конечно, это ранение... Но беспокоиться за жизнь Кагуэллы нет повода — даже если я лишь мог поддерживать его в коматозном состоянии, надев на него другую «кирасу».

Закрепив прибор, я оставил Кагуэллу мирно лежать рядом с женой, затем схватил свою винтовку, вбил в нее свежую батарею и отправился на обход периметра. Другая винтовка по-прежнему выполняла роль костыля. О том, что случилось с моей ногой, я старался не думать. Я знал — на уровне абстрактных рассуждений, — что в этом нет ничего непоправимого, что нужно лишь время.

Мне хватило пяти минут, чтобы убедиться, что все люди Рейвича мертвы... и мои тоже. Уцелели только мы с Кагуэллой. И Дитерлинг. Ему повезло больше всех: он пострадал минимально, хотя выглядел не лучшим образом. Таково свойство скользких ранений в голову. Дитерлинг потерял сознание, и боевики Рейвича решили, что он убит.

Через час, валясь с ног от усталости — перед глазами у меня уже плавали туманные пятна, похожие на грозовые тучи перед ночной бурей, — я все-таки сумел погрузить в машину Кагуэллу и его жену. Потом откачал Дитерлинга — он потерял много крови и был чуть жив. Помню, время от

времени я орал от боли.

Рухнув в кресло водителя, я завел двигатель, и машина тронулась. Каждая моя клетка вела неравный бой со сном. Но мне нужно было ехать на юг. Я должен был оказаться как можно дальше отсюда, прежде чем Рейвич бросит в погоню еще один отряд. Именно это он и сделает, когда пройдет срок возвращения первой группы.

До рассвета, казалось, была целая вечность. Когда розоватый свет наконец-то засиял над горизонтом, уже чистым от облаков, мне показалось, что это уже двенадцатый восход. Не знаю, каким образом мне удалось добраться до Дома Рептилий.

Лучше бы мне это не удалось.

Глава 39

Мы навестили трех торговцев змеями, пока не отыскивали того, кто был нам нужен.

Да, у него был покупатель — явно не из местных, — который купил столько змей, что торговец смог закрыть лавку до следующего утра. Это произошло вчера. Очевидно, убийство Доминики было запланировано и подготовлено заранее.

По словам торговца, покупатель действительно был вылитый я. Нет, не двойник — но если не присматриваться, то сходство поражало. Он говорил с тем же акцентом, хотя не был столь общителен, как я.

Разумеется, у нас одинаковый акцент. Мы не просто родом с одной планеты — мы оба с Полуострова!

— А женщина, которая была с ним? — спросил я.

Торговец еще ни разу не упомянул о ней, но жест, которым он коснулся кончиков своих нафабранных усов, указывал на то, что вопрос попал в точку.

— Вы начинаете злоупотреблять моим временем, — сказал торговец.

— В этом городе есть хоть что-нибудь, чего нельзя купить? — вздохнул я, протягивая ему банкноту.

Торговец мягко рассмеялся.

— Несомненно. Но только не меня.

— Итак, женщина, — настойчиво произнес я, не спуская глаз с изумрудной змеи, свернувшейся в клетке. — опишите ее.

— А какой смысл? Они же все на одно лицо.

— Кто это «они»?

Он рассмеялся, на этот раз громче, демонстрируя возмутительность моего невежества.

— Кто-кто... Нищенствующие. Видел одного — считай, повидал всех.

Я в ужасе уставился на торговца.

Я звонил Нищенствующим на другой день после того, как прибыл в Город Бездны. Тогда я искал сестру Амелию, чтобы расспросить ее о Квирренбахе. Но мне довелось лишь полюбоваться на брата Алексея и на синяк у него под глазом. «Она тоже вас разыскивает». Я не придавал значения этой фразе. Но теперь она вспыхнула у меня в мозгу, точно осветительная ракета.

С Таннером была сестра Амелия.

Агенты Зебры даже не упомянули о том, что женщина принадлежала к ордену Нищенствующих. Напротив, торговец змеями был в этом уверен. Возможно, я ошибался, и речь шла о разных женщинах. Потом до меня дошло: она исчезала, а потом появлялась уже в новом облике — или преследуя какую-то цель, или не очень уверенно чувствуя себя в очередной новой роли.

Только какую роль она играла во всей этой истории?

После того как меня «разморозили», я открылся ей полностью. Я доверил ей свой разум, пострадавший после многолетнего сна в госпитале, позволив лечить себя. И за все время, которое я провел в хосписе, она ни разу не дала мне повода сомневаться, что она всего лишь хороший специалист.

Но насколько она доверяла мне?

Таннер — настоящий — тоже мог пройти через хоспис Айдлвилд, если гнал за мной. Он даже мог прилететь с Окраины Неба на том же корабле — только «проснулся» чуть позже, чем я, а первым, похоже, оживили Рейвича. Но имя «Таннер Мирабель» уже было использовано. Значит, Таннеру пришлось придумать что-то другое. И если он не хотел выдать себя за сумасшедшего, страдающего рассеянностью после размораживания, то с объявлением своего подлинного имени стоило повременить. Лучше всего — ложь во спасение — представиться Нищенствующим кем-то другим.

Чем дальше, тем сложнее... Я старался не думать о том, как все это выглядело в глазах Зебры, Шантерель и всех остальных.

Я не был Таннером Мирабелем.

Я был... кем-то другим.

Кем-то кошмарным, древним, как динозавры, и похожим на них. Кем-то, с чьим существованием не мог смириться мой разум — не мог смириться и не мог полностью игнорировать. Когда Амелия и Нищенствующие оживили меня, я путешествовал под именем Таннера Мирабеля. Во мне жили все его воспоминания и навыки, а главное — я знал, что у меня чрезвычайно важная миссия. У меня не возникало никаких вопросов. Все было как надо.

И все было ложью.

Мы все еще разговаривали с торговцем змеями, когда телефон Зебры снова зазвонил. Его колокольчик почти потерялся в несмолкающем шелесте дождя и шипении рептилий, запертых в клетках. Зебра вытащила телефон и

недоверчиво посмотрела на внешний дисплей.

— Вызов на твое имя, Пранский, — сказала Зебра. — Но ты единственный, кому известен этот номер — и ты, если не ошибаюсь, стоишь рядом.

— Советую подумать, прежде чем отвечать, — заметил я. — Конечно, если это тот, о ком я думаю.

Зебра откинула дисплей, как Пандора, открывающая шкатулку — с любопытством и одновременно опасаясь того, что может находиться внутри. Капли дождя текли по экрану, словно неровная колонна хрустальных жучков. Потом Зебра поднесла микрофон к самым губам и что-то спокойно произнесла.

На другом конце линии ответили. Она снова пробормотала пару слов — на этот раз не столь уверенно — и обернулась ко мне.

— Ты был прав, Таннер. Это тебя.

Я взял у нее аппарат. Сколько зла может заключать в себе эта маленькая вещица... И посмотрел на лицо, очень похожее на мое собственное.

— Таннер? — невозмутимо произнес я.

Последовала значительная пауза, затем мужской голос удивленно спросил:

— Ты спрашиваешь или представляешься?

— Хорошая шутка.

— Я должен тебе кое-что сказать, — голос звучал тихо, теряясь в шуме каких-то механизмов. — Не знаю, насколько ты успел разобраться, что к чему.

— Кажется, начинаю понимать.

Снова пауза. Я понял, что Таннер находится не на Йеллоустоуне, а где-то на расстоянии доли световой секунды. Возможно, на низкой орбите или возле пояса обитателей, арендуемых Нищенствующими.

— Ладно. Пока не буду называть тебя твоим настоящим именем — боюсь, ты обидишься. Но кое-что я тебе расскажу.

У меня заныла каждая мышца.

— Я прибыл сюда, чтобы сделать работу Таннера Мирабеля, завершить то, что он начал. Для того чтобы убить тебя — так же как ты прибыл сюда, чтобы убить Рейвича. Как тебе такая симметрия?

— Насколько я понимаю, ты сейчас в космосе. Значит, движешься не в том направлении. Я знаю, ты здесь уже побывал. И оставил визитную карточку у Доминики.

— Мило получилось со змеями, правда? Или ты еще не понял намека?

— Стараюсь.

— Мне действительно приятно было с тобой поболтать, — лицо на дисплее улыбнулось. — Может быть, как-нибудь сможем продолжить разговор.

Я знал, что это ловушка. И шагнул в нее.

— Где ты находишься?

— В дороге. Собираюсь навестить твоего хорошего друга.

— Рейвича, — спокойно произнес Квирренбах.

Я кивнул. Помнится, он собирался организовать нам встречу с Рейвичем, после чего нас спасла Шантерель. Встреча должна была состояться на одной из каруселей, на высокой орбите.

Карусель под названием «Убежище».

— Рейвич здесь ни при чем, — сказал я. — Он просто соучастник, не более того. Дело касается только нас двоих. И незачем усложнять ситуацию.

— Кажется, несколько часов тому назад кто-то собирался убить Рейвича, — усмехнулся Таннер Мирабель. — Теперь ты запел совсем по-другому.

— Кажется, я не тот, за кого себя принимал. Почему ты охотишься за Рейвичем?

— Потому что он невиновен.

— Как это понимать?

— Он просто приведет тебя ко мне.

Улыбка Таннера снова мелькнула на дисплее. Он предлагал мне найти слабое место в его логических построениях.

— Или я не прав? Ты прибыл сюда, чтобы убить его — а теперь решил спасти. Прежде, чем я выполню твою работу.

Меня разрывали противоречия. Таннер заставлял меня отвечать на вопросы, которых я избегал до сих пор, не рискуя приблизиться к провалу в моей памяти. Но провал превратился в бездну. Мое прошлое рухнуло туда, а во мне поселилось что-то ядовитое. Если я действительно был Кагуэллой — а все указывало на это, — то я ненавидел себя до мозга костей.

И Таннера тоже. Он убил Гитту.

Нет, не так. Мы убили ее.

Сокрушительная логика этой догадки поразила меня. Теперь у нас общие воспоминания, нити нашего прошлого сплетены неразрывно. Воспоминания Таннера не были по-настоящему моими — но я носил их в себе, не в состоянии освободиться от них. Он убил Гитту, но во мне жило воспоминание о том, что это сделал я — я уничтожил самое дорогое в

своей вселенной. Но это было еще не самое страшное.

Преступление Таннера ничтожно по сравнению с теми, память о которых была погребена под его воспоминаниями. Теперь она начала подниматься на поверхность. Я все еще ощущал себя Таннером, все еще считал его прошлое своим, но уже достаточно пригубил истины, чтобы понять, что это лишь иллюзия, которая со временем утратит убедительность.

Мое тело несло в себе прошлое и память Кагуэллы.

Но и это еще не все. Кагуэлла — лишь нечто вроде раковины, в которой таятся более глубокие воспоминания.

Мне не хотелось об этом думать, но я не мог закрыть глаза на очевидное.

Я украл память Таннера и на время смог внушить себе, что я — это он. Затем, под действием индокринального вируса, его личина начала сползать с меня, как шелуха. Вирус высвобождал еще более глубокие воспоминания, отрывки моей тайной истории — уводя в глубь веков.

К Небесному Хаусманну.

Передо мной словно раскрылась бездна.

Ноги подкосились, я рухнул на скользкую от дождя землю, и меня буквально вывернуло наружу. Телефон выпал из моей руки. Он лежал рядом, и на дисплее я видел удивленное лицо Таннера.

— В чем дело? — спросил он.

Я снова поднес телефон к губам.

— Амелия, — вначале я прошептал чуть слышно, затем повторил ее имя чуть громче. — Она с тобой, так? Ты ее обманул.

— Скажем так: она была мне весьма полезна.

— И она, разумеется, не в курсе твоих планов.

Мой вопрос, похоже, позабавил Таннера.

— Она так доверчива. Поверь, ты вызывал у нее некоторые подозрения. Думаю, дело было так: после того как ты покинул Айдлвилд, она узнала о некоторых особенностях твоего генетического кода, которые приняла за признак врожденного заболевания. Словом, ее подозрения подтвердились. Она пыталась связаться с тобой, но ты стал таким неуловимым... — Таннер снова улыбнулся. — К тому времени меня оживили, и мои навыки очень скоро восстановились. Я помнил, кто я такой и зачем отправился на том корабле с Окраины Неба. Я помнил, что охочусь за тобой, потому что ты украл мое имя и мои воспоминания. Само собой, я не стал делиться этим с Амелией. Я просто сказал ей, что мы с тобой братья и что ты немного не в себе. Маленький безобидный обман. Ты не

можешь меня упрекнуть.

Да, это было почти правдой. Я тоже обманывал Амелию, надеясь, что она наведет меня на след Рейвича.

— Отпусти ее, — попросил я. — Она для тебя ничего не значит.

— Ты не прав. У тебя будет еще один повод, чтобы добраться до меня. Лишний повод со мной встретиться... Кагуэлла.

Его лицо на мгновение застыло, затем связь прервалась. Мы по-прежнему стояли под дождем. Потом я вернул телефон Зебре.

— А как насчет другой раны? — спросила Зебра, когда мы снова сели в машину и продолжали путь через Город. — Как я поняла, Таннер потерял ступню, но сканер не нашел следов такого ранения. Но ты обратился к Миксмастеру не только для этого, — она покачала головой. — Прости, но мне по-прежнему хочется называть тебя «Таннер». Знаешь, это непросто — иметь дело с человеком, который не признает собственного имени.

— Поверь, мне тоже непросто.

— Ладно, теперь расскажи о другой ране.

Я перевел дух. Подходим к самому трудному.

— Таннер ранил человека, на которого он работал. Этого человека звали Кагуэлла.

— Очень мило с его стороны, — заметила Шантерель.

— Нет, вы не так поняли. По сути, этим Таннер оказал ему услугу. Ситуация была связана с захватом заложников. Таннеру пришлось стрелять сквозь Кагуэллу, чтобы...

У меня сорвался голос.

— ...чтобы убить бандита, который приставил нож к горлу жене Кагуэллы. Таннер не собирался убивать Кагуэллу. Он стрелял под таким углом, чтобы его хозяин не получил серьезного ранения.

— И...?

— Таннер выстрелил.

— И все получилось, как задумано? — подсказала Зебра.

Я вновь увидел, как Гитта оседает на пол палатки. Цена ошибки Таннера.

— Кагуэлла действительно выжил, — проговорил я, собравшись с силами. — Таннер безупречно знал анатомию. Убийце-профессионалу это необходимо. Такие люди знают, какие ранения точно приведут к смертельному исходу. Эти знания можно использовать иначе: выбрать направление, чтобы прострелить человека насквозь и не убить его.

— Прямо хирургия, — заметила Шантерель.

— Так оно и есть.

Я рассказал, что обнаружил сканер Миксмастера. Зажившую сквозную рану, которую мог нанести только луч лазера. Луч пробил поясницу и вышел через живот чуть выше. На сканере это выглядело как тающий инверсионный след самолета.

— Но это значит, что... — протянула Зебра, и я перебил ее:

— Можно, я сам? Это значит, что я — тот человек, на которого работал Таннер Мирабель. Кагуэлла.

— Чем дальше, тем хуже, — прокомментировал Квирренбах.

— Не перебивай, пожалуйста, — Зебра строго поглядела на композитора. — Я сама ходила с ним к Миксмастеру, если помнишь. Он не выдумывает.

— А вы, — я повернулся к Шантерель, — видели результат генетических изменений, которые кто-то произвел у меня в глазах. Это было сделано по просьбе Кагуэллы — он поручил работу ультра. Он был страстным охотником. Но дело не только в этом, верно? Кагуэлла заказал себе ночное зрение, потому что ненавидел темноту. Она напоминала ему о том, как он сидел в своей детской — маленький, одинокий — и не надеялся, что его спасут.

— Ты говоришь о Кагуэлле в третьем лице, — заметила Зебра. — Почему? Ты уверен, что ты — это действительно он?

Я тряхнул головой.

Я вспомнил, как стоял на коленях под дождем, полностью опустошенный. Чувство потерянности все еще сохранялось. Но мне уже удалось взять его под контроль, выстроить вокруг него леса. Пока хлипкие — но это позволит мне действовать в настоящем.

— Косвенно — да. У меня есть его воспоминания — правда, обрывочные и не более отчетливые, чем воспоминания Таннера.

— Давайте подведем итог, — предложил Квирренбах. — У вас, черт побери, нет ни малейшего представления о том, кто вы такой на самом деле — или я не прав?

— Нет, — сказал я, восхищаясь собственной выдержкой. — Я Кагуэлла. Теперь я в этом абсолютно уверен.

— Таннер хочет убить тебя? — спросила Зебра, когда машина Шантерель приземлилась возле привокзальной площади и мы вышли наружу. — Хотя у вас были весьма тесные отношения?

Белая комната, голый человек, съежившийся на полу... Эта картина мелькнула у меня перед глазами, точно на экране стробоскопа. С каждым

повторением она становилась все более отчетливой.

— Случилось нечто отвратительное, — сказал я. — То есть человек, которым я являюсь — Кагуэлла, — сделал с Таннером нечто отвратительное. Теперь Таннер хочет мне отомстить — и я не уверен, что осуждаю его.

— Я тоже вас не осуждаю, — сказала Шантерель. — Я имею в виду вас обоих. Если бы вы... Таннер... не выстрелили...

Она смутилась и умолкла. Что я мог сказать? Представить себе картину этих перепутанных воспоминаний и личностей не легче, чем держать в уме схему плетения многоцветного гобелена.

— Таннер промахнулся, — проговорил я. — Этот выстрел должен был спасти жену Кагуэллы, но достался ей. Думаю, это была первая и фатальная ошибка за всю его карьеру. Просто момент был слишком напряженным.

— Ты говоришь так, словно оправдываешь его, — сказала Зебра.

Мы снова шли по площади. Теперь здесь было куда болеелюдно, чем несколько часов назад. Судя по внешнему виду палатки Доминики, представители правопорядка так до нее и не добрались. Клиенты тоже не проявляли к ней интереса. Наверно, тело Доминики, увитое гирляндами змей, все еще висит над кушеткой, на которой она отправляла свои ритуалы нейронного экзорцизма. Слухи о ее гибели уже должны были распространиться по всему Малчу, но атмосфера нелегальности, окружающая ее заведение, по-прежнему создавала вокруг ее палатки нечто вроде зоны отчуждения.

— Не думаю, что его кто-то осуждает, — сказал я. — То, как я с ним поступил...

Я снова увидел белую комнату. На этот раз глазами человека с отрезанной ступней. Я ощущал его наготу и мучительный страх — страх, наполняющий меня неизвестными до сих пор эмоциями. Такое бывает с человеком, которому впервые вкололи галлюциногенный препарат.

Я смотрел глазами Таннера.

Тварь шевельнулась в нише, разворачивая свои кольца — лениво, неспешно, словно понимая крошечным завитком своего мозга, что добыча не исчезнет у нее на глазах.

Молодые гамадриады — не слишком крупные твари. Должно быть, эта появилась из чрева матери-дерева лет пять назад — судя по розоватому оттенку фотосинтетического капюшона, который окутывал ее голову, подобно крыльям летучей мыши. По достижении зрелости этот оттенок пропадает. Лишь половозрелые особи достаточно велики, чтобы достичь

вершины дерева и развернуть над ней капюшон. Если этой твари удастся дожить до этого возраста, то через год-другой капюшон потемнеет и станет похож на темный матерчатый мешок, усеянный радужными «заплатами» фотосинтетических клеток.

Гамадриада сползла на пол, точно толстый канат, сброшенный с корабля на пристань. Некоторое время она отдыхала. Ее капюшон медленно и плавно раскрывался и закрывался, словно жабры гигантской рыбы. Теперь стало заметно, что на самом деле она очень велика.

Он десятки раз видел гамадриад в джунглях. Но никогда не оказывался так близко, никогда они не представляли во всей своей красе — он следил за ними из-за деревьев, с безопасного расстояния. Он никогда не приближался к гамадриаде без оружия, которое позволяло без труда убить ее, — но ни одна встреча не проходила без того, чтобы он не ощутил легкий страх. Это вполне естественно: страх человека перед змеями — фобия, вписанная в гены за миллионы лет разумной эволюции. Конечно, гамадриада — не змея, ее предки даже отдаленно не напоминали что-либо обитающее на Земле. Но она выглядела как змея и двигалась как змея. Все остальное не имело значения.

И он закричал.

Глава 40

— Ты мог подвести меня в самый последний момент, — беззвучно произнес я, обращаясь к Норквинко. Впрочем, он все равно не мог бы меня услышать. — Но не могу отрицать: ты поработал на славу.

Клоун услышал меня и улыбнулся.

— Арместо, Омдэрман? Надеюсь, вы следите за тем, что происходит. Сейчас вы увидите то, что я собираюсь сделать. Я хочу, чтобы все было ясно. Предельно ясно. Вы меня понимаете?

Ответ Арместо пришел с небольшим запозданием, словно с полпути до ближайшего квазара. Голос был еле слышен, поскольку корабли сбросили все дополнительное оборудование для связи — сотни тонн лишней аппаратуры.

— Ты сжег за собой все мосты, сынок. Теперь тебе ничего не остается делать — разве что отправить на берега Стикса часть своего экипажа.

Старик решил вспомнить классику... Я улыбнулся.

— Вы по-прежнему верите, что я прикончил некоторое количество своих момио?

— Не в большей степени, чем тому, что ты прикончил Бальказара, — Арместо выдержал паузу. Тишину нарушал лишь треск статических разрядов — неразборчивая морзянка космического пространства. — Понимай это как хочешь, Хаусманн.

Когда Арместо упомянул старину Бальказара, мои офицеры на мостике смущенно переглянулись, но этим дело ограничилось. Думаю, у большинства уже зародились определенные подозрения. Сейчас эти люди, все как один, преданы мне. Я купил верность этих ничтожеств, продвигая их на крупные посты в командной иерархии. По сути, они получили то, чего шантажом добивался от меня мой дорогой Норквинко. Половина из них ни на что не годились, но меня это не беспокоило. Норквинко взломал почти все уровни защитных систем, так что я мог управлять «Сантьяго» практически в одиночку.

Возможно, в скором времени мне это пригодится.

— Вы кое о чем забыли, — произнес я, наслаждаясь моментом.

Похоже, Арместо так уверен в своей прозорливости, что начинает рассчитывать на победу в гонке.

Как же он заблуждается!

— Не уверен, что я о чем-то забыл.

— Арместо прав, — голос Омдэрмана с «Багдада» тоже был еле слышен. — Вы использовали все свои козыри, Хаусманн. У вас больше ничего не осталось.

— Кое-что осталось, — возразил я.

Я ввел команды с пульта моего командирского кресла, почти ощущая, как потайные слои корабельных подсистем подчиняются моей воле. На главном экране, который показывал панораму корабля вдоль «хребта», появилось новое изображение. Я уже видел эту картину — когда от «хребта» отсоединились шестнадцать колец с мертвыми моими.

Но теперь она выглядела иначе.

Кольца покидали свои места по всему «хребту», с каждой из шести его граней. Это выглядело столь же гармонично, как и в прошлый раз — я слишком люблю совершенство во всем, — но теперь это была гармония иного рода. На борту оставалось восемьдесят модулей, и каждый второй модуль отсоединялся.

Сорок колец плавно отплывали от «хребта» «Сантьяго»...

— Боже милостивый, — пробормотал Арместо — он уже увидел это. — Боже милостивый, Хаусманн... Нет! Не смейте этого делать!

— Слишком поздно, — отозвался я.

— Ведь это живые люди!

Я улыбнулся.

— Уже нет.

Я вновь сосредоточился на экране, наслаждаясь последними мгновениями своего триумфа. Воистину, это было прекрасное зрелище. И жестокое, не скрою. Однако что значит красота без капли жестокости в сердцевине?

Теперь я знал, что победа будет за мной.

До терминала, с которого стартовали «бегемоты», мы добрались на Зефире. Вагоны тянул все тот же огромный дракон-локомотив, который несколько дней назад доставил в Город нас с Квирренбахом.

На жалкие остатки своих карманных денег я приобрел у лоточника фальшивое удостоверение личности — имя и сносную кредитную историю, которая позволяла мне покинуть планету, а если повезет, то и попасть в Убежище. Я прибыл сюда как Таннер Мирабель, но у меня не хватало смелости снова использовать себе это имя.

Обычно для меня не составляло труда выудить из воздуха фальшивое имя вместе с новой ролью — я проделывал это не задумываясь. Но на этот раз что-то заставило меня не торопиться с выбором новой роли.

Наконец, когда торговец уже готов был потерять терпение, я попросил записать меня Шайлером Хаусманном.

Имя «Шайлер» ему ни о чем не говорило, равно как и моя новая фамилия. Я несколько раз повторил то и другое про себя. Надо отреагировать естественно, когда кто-нибудь обратится ко мне по системе громкой связи или если мое имя произнесут шепотом в переполненной комнате. Затем мы взяли билеты на ближайший бегемот, отбывающий с Йеллоустоуна.

— Само собой, я лечу с вами, — сказал Квирренбах. — Если вы действительно намерены спасти Рейвича, то без меня вам до него не добраться.

— А если не намерен?

— То есть... если вы по-прежнему намерены его убить?

Я кивнул.

— Вы не можете отрицать, что такое возможно.

Квирренбах пожал плечами.

— Тогда я сделаю то, что должен был сделать уже давно. Ликвидирую вас при первой возможности. Конечно, по моим прогнозам, до этого дело не дойдет — однако не воображайте, что я на такое не способен.

— Я об этом даже не мечтаю.

— Без меня тебе тоже не обойтись, — вмешалась Зебра. — Я тоже смогу проводить тебя к Рейвичу, хотя Квирренбах знаком с ним ближе.

— Ты рискуешь, Зебра.

— А в гостях у Гедеона я ничем не рисковала?

— Согласен. Скажу откровенно: буду благодарен за любую помощь.

— В таком случае, я тоже с вами, — сказала Шантерель. — Я единственная из всех вас, кто умеет отслеживать добычу.

— В Игре — не спорю, — ответил я. — Но это будет мало похоже на Игру. Насколько я знаю Таннера — боюсь, я знаю его не хуже, чем он меня, — он не будет придерживаться правил.

— В таком случае, нам придется нарушить правила первыми.

Впервые за целую вечность в моем смехе появились искренние нотки.

— Можно не сомневаться: мы не ударим лицом в грязь.

Через час мы покинули планету — Квирренбах, Зебра, Шантерель и я. Бегемот обогнул Город Бездны, описав широкую дугу, затем вошел в слой низких облаков. Они походили на призраков, танцующих над полем битвы, где свирепые ветры Йеллоустоуна сталкивались со спазматическими выбросами из Бездны. Я смотрел вниз, на Город — хрупкий, словно игрушечный. Малч и Кэнопи уже казались неразделимым целым,

втиснутым в хитросплетение архитектурного плана.

— С тобой все в порядке? — спросила Зебра, возвращаясь к нашему столику с бокалами в руках.

Я отвернулся от окна.

— Ты о чем?

— Мне кажется, ты не рад, что покидаешь это место.

Путешествие подходило к концу. Успех моих замыслов становился все более очевидным, и обо мне открыто заговорили как о герое. Тогда я решил навестить своих пленников.

За все эти годы никто так и не нашел потайную комнату в недрах «Сантьяго», хотя кое-кто — например, Констанца — почти догадался о ее существовании. Но камера так экономно забирала энергию из корабельной системы жизнеобеспечения, что даже Констанца, при всем своем опыте и настойчивости, не смогла бы выяснить, где находится мой тайник. В каком-то смысле мне просто повезло. Сейчас ситуацию трудно было назвать критической, но несколько лет назад подобное открытие погубило бы меня. Однако теперь я был в безопасности. У меня появилось достаточно союзников, чтобы какое-нибудь мелкое недоразумение могло мне повредить, и я поставил на место всех, кто выступал против меня.

Если быть точным, пленников было трое, хотя Слик вряд ли относился к этой категории. Он был просто мне полезен. Не знаю, что он сам думал по этому поводу — но я не считал, что держу его в заключении. Обычно при моем появлении дельфин оживлялся, но последнее время он двигался все более лениво, а его маленькие темные глаза словно не реагировали на мое присутствие. Интересно, помнил ли он что-нибудь о прежней жизни, когда жил в бассейне? Наверно, он казался Слику бескрайним, как море — по сравнению с резервуаром, в котором дельфин провел последние пятьдесят лет.

— Мы уже долетели, правда?

Я обернулся. Честно говоря, я не ожидал, что после столь долгого перерыва снова услышу хриплый голос Констанцы.

— Да, мы совсем близко. Я только что собственными глазами видел Конец Путешествия. Сейчас можно рассмотреть саму планету, а не только звезду. Она по-настоящему прекрасна, Констанца.

— Сколько времени прошло?

Она приподнялась, пытаясь посмотреть на меня. В свое время я приковал ее к распялке, наклоненной под углом сорок пять градусов.

— С тех пор, как я держу тебя здесь? Не помню. Четыре месяца, может

быть, пять, — я пожал плечами, словно никогда не задумывался над этим вопросом. — Какая разница?

— Что ты сказал экипажу, Небесный?

Я улыбнулся.

— А зачем мне было что-то говорить? Я представил дело так, словно ты покончила с собой, выпрыгнув из воздушного шлюза. Сама понимаешь, тот случай, когда представить труп невозможно. Я просто позволил им сделать выводы.

— Когда-нибудь они поймут, что случилось.

— Сомневаюсь. Я подарил им планету, Констанца. Они собираются канонизировать меня, а не распинать. И это началось уже давно.

О да, она всегда создавала мне проблемы. Я смог опорочить ее после инцидента с «Калеуче», предъявив ложные улики. В итоге она предстала участницей заговора вместе с капитаном Рамиресом. Ее карьере в службе безопасности пришел конец. Надо сказать, Констанце повезло: ее могли казнить или посадить в камеру — особенно в те безумные дни после сброса модулей со спящими. Но Констанца так и не успокоилась — даже после того, как ее разжаловали в рабочие низшего ранга. В целом экипаж был готов считать сброс модулей отчаянным, но необходимым актом. Я подводил их к этому выводу, распространяя сплетни относительно планов других экипажей. Мне даже в голову не приходило считать это преступлением. Констанца придерживалась иного мнения. Последние годы, проведенные на свободе, она посвятила попыткам распутать кокон дезинформации, которым я оплетал себя. Она то пыталась расследовать инцидент с «Калеуче», заявляя о невиновности Рамиреса, то строила безумные теории, которые объясняли смерть старины Бальказара. По ее словам, медики капитана не заслуживали казни. Временами она даже ставила под сомнение причину гибели Тита Хаусманна.

В конце концов я решил ее утихомирить. Инсценировать ее самоубийство оказалось нетрудно, равно как и поместить ее в мою камеру пыток, которую никто еще не видел. Конечно, основную часть времени она находилась под действием снотворного и в смиренной рубашке, но время от времени я позволял ей ненадолго проснуться.

Иногда бывает приятно с кем-нибудь поболтать.

— Почему ты до сих пор его не убил? — спросила Констанца.

Я смотрел на нее, поражаясь тому, как она постарела. Кажется, не так давно мы стояли у огромного резервуара, разглядывая сквозь стекло дельфинов — почти равные.

— Химерика? Просто знал, что он когда-нибудь пригодится.

— Чтобы пытать его?

— Нет. О, я позаботился о том, чтобы он был наказан за свое преступление. Но это только начало. Не хочешь взглянуть на него получше, Констанца?

Я изменил угол наклона ее ложа так, чтобы она увидела диверсанта. Теперь он был всецело мой. Его уже не нужно было держать прикованным к стене, но я не хотел рисковать.

— Он похож на тебя, — изумленно проговорила Констанца.

— У него двадцать дополнительных лицевых мускулов, — пояснил я с отеческой гордостью. — Он может изменить свое лицо как пожелает и оставаться в таком виде. Кстати, он не намного постарел с тех пор, как я доставил его сюда. Думаю, его действительно можно принять за меня.

Я потер щеку, ощущая грубый слой макияжа, который позволял скрыть мою неестественную молодость.

— И он сделает все — абсолютно все, о чем я его ни попрошу. Правда, Небесный?

— Да, — ответил химерик.

— Что ты задумал? Использовать его как двойника?

— Если дело дойдет до этого. Хотя, откровенно говоря, сомневаюсь.

— Но у него нет руки. Они никогда не примут его за тебя.

Я вернул ложе Констанцы в прежнее положение.

— Эта проблема решается, поверь мне.

Подумав немного, я извлек из контейнера с медицинскими инструментами, который лежал рядом с «Ларцом Господа Бога», огромный шприц с длинной иглой. «Ларцом» я называл устройство, которое помогло мне разрушить и создать заново сознание диверсанта.

Констанца заметила шприц.

— Это для меня?

— Нет, — сказал я, подходя к цистерне с дельфином. — Это для Слика. Старого доброго Слика, который много лет служил мне верой и правдой.

— Ты собираешься убить его?

— О, я уверен, что сейчас он расценит это как подарок.

Я откинул крышку цистерны и поморщился — омерзительная вонь водного раствора, в котором он лежал, ударила в нос. Слик изогнулся, как знак вопроса, я ободряюще похлопал его по спине. Его кожа, когда-то гладкая и блестящая, как полированный камень, теперь походила на цемент.

Я сделал ему укол, игла легко пронзила жировой слой в дюйм толщиной. Он снова дернулся, почти забился, но вскоре успокоился. Я

посмотрел на его глаз, но увидел лишь обычное равнодушие.

— Похоже, все.

— А мне показалось, что ты хотел убить меня, — в голосе Констанцы послышалось нервное облегчение.

— Таким шприцем? — улыбнулся я. — Ты шутишь. Нет, тебе больше подойдет вот этот.

И я достал другой шприц — поменьше.

Конец Путешествия, думал я, держась за перила, ограждающие смотровую площадку «Сантьяго». Корабль находился в состоянии свободного падения. Конец Путешествия. Подходящее имя. Планета плыла у моих ног, словно зеленый бумажный фонарь с тускнеющей свечой внутри. Солнце системы 61 Сигни-А — то есть Суон — ярким не назовешь. Расстояние между ним и планетой невелико, но здешний дневной свет совсем не такой, как на Земле — я помню картинки, которые показывал мне Клоун. Звезда Суона считается ярко-красной, но для невооруженного глаза кажется белой. В этом нет ничего удивительного. Еще полтора века назад — до того, как Флотилия покинула Солнечную систему — было известно, сколько энергии отбирает эта планета, двигаясь по орбите.

Все это время в недрах «Сантьяго», в одном из трюмов, хранилась вещь невозможной красоты — слишком прекрасная, чтобы приносить ее в жертву. Сейчас с ней работала команда техников. Артефакт вынесли из космолета, прикрепили к орбитальному грузовому буксиру и отправили за пределы гравитационного поля планеты, к точке Лагранжа между Концом Путешествия и Суоном. Там положение буксира будет откорректировано легчайшими импульсами ионных двигателей, после чего он будет плавать в космосе веками. По крайней мере, по моим планам.

Я перевел взгляд с осененной нимбом планеты на черную бездну космоса. На остальных кораблях — на «Бразилии» и «Багдаде» — все было по-прежнему. Текущие расчеты предсказывали, что они прибудут через три месяца, хотя определенная погрешность в вычислениях допускалась.

Это не важно.

Первая группа шаттлов уже совершила несколько рейдов на поверхность планеты, во время которых сбросила множество грузовых контейнеров, снабженных радиомаяками. Через несколько месяцев мы сможем их обнаружить. Сейчас один из шаттлов спускался в атмосферу, его дельтовидный силуэт был хорошо виден на фоне материкового «языка» в экваториальной зоне — географический отдел окрестил его Полуостровом. Подозреваю, через пару недель они придумают что-нибудь не столь

буквальное. Чтобы доставить на поверхность всех оставшихся колонистов, хватит пяти рейсов.

Еще пять — для транспортировки экипажа «Сантьяго» и тяжелого оборудования, которое нельзя сбрасывать в контейнерах. «Сантьяго» останется на орбите — пустая оболочка, не содержащая ничего полезного.

Двигатели шаттла выплюнули пламя, челнок лег на расчетный курс, и я проследил, как он исчезает из виду. Через пару минут, как мне показалось, я заметил у горизонта вспышку — шаттл входил в атмосферу. Значит, скоро он приземлится. На южной оконечности Полуострова уже был разбит временный лагерь, который мы решили назвать Нуэва-Сантьяго — решили уже тогда.

В это время Око Суона раскрылось.

Понятно, что отсюда его было не разглядеть — но в точке Лагранжа уже разворачивался микроскопически тонкий пластиковый экран.

Прицел оказался почти идеально точным.

Луч света упал на хмурый мир, лежащий под нами, образовав яркое овальное пятно. Затем оно начало перемещаться, рыскать, меняя форму. Когда его наведут точнее, количество солнечного света, которое получают Полуостров и его окрестности, возрастет вдвое.

Я знал, что там, внизу, была жизнь. Я уже думал о том, сможет ли она приспособиться к изменению освещенности, и картина не слишком меня воодушевляла.

Зазвенел браслет-коммуникатор. Я оторвался от экрана. Интересно, у кого из моего экипажа хватило наглости отвлекать меня в этот торжественный момент.

Однако коммуникатор просто оповестил, что в каюте меня ждет послание. Раздраженный — и одновременно заинтригованный — я заставил себя покинуть смотровую площадку. Миновав шлюзы и трансферные кольца, я оказался в главной, вращающейся части нашего огромного корабля. Здесь начиналась зона псевдогравитации. Я держался открыто и невозмутимо, ничем не выдавая беспокойства. Члены экипажа и старшие офицеры приветствовали меня, отдавая честь; некоторые норовили пожать мне руку. Настроение было праздничным и граничило с всеобщей эйфорией. Мы пересекли межзвездное пространство и благополучно прибыли к новой планете, более того — я привел корабль раньше соперников.

Я позволил себе задержаться, чтобы кое с кем поболтать. Впереди трудные времена, и мне важно укреплять отношения. Но я ни на минуту не забывал о послании, которое ждало меня. Можно было только

догадываться о его содержании.

Вскоре я это узнал.

— Полагаю, к настоящему моменту ты уже убил меня, — послышался голос Констанцы. — Или по крайней мере заставил исчезнуть навсегда. Нет, не надо ничего говорить: это не интерактивная запись. Мне нужно лишь немного твоего драгоценного времени.

Я смотрел на ее лицо на экране в моей каюте — лицо, которое выглядело чуть старше, когда я видел ее последний раз.

— Как ты догадываешься, эта запись была сделана некоторое время назад, — продолжала она. — Я загрузила ее в информационную сеть «Сантьяго» и вынуждена была входить туда каждые шесть месяцев, чтобы послание не попало к тебе слишком рано. Я знала, что последнее время была для тебя как бельмо на глазу и что ты, наверно, скоро найдешь способ от меня избавиться.

Я невольно улыбнулся. Помнится, она так настойчиво выпытывала у меня, сколько времени я держу ее в плену.

Браво, Констанца.

— Я позаботилась о том, чтобы копии послания попали к большинству офицеров и членов экипажа, Небесный. Разумеется, я не рассчитываю, что все они примут эту информацию всерьез. Уверена: ты уже наверняка сфабриковал легенду, которая объяснит мое исчезновение. Это не важно; мне достаточно заронить сомнения. У тебя еще есть союзники и почитатели, Небесный, но не удивляйся, если не все согласятся слепо тебе подчиняться.

— И это все? — спросил я.

— Кое-что напоследок, — произнесла она, словно ожидала этот вопрос. — За последние годы, Небесный, я собрала множество улик против тебя. По большей части косвенного характера, многие могут быть истолкованы неоднозначно. Но это дело всей жизни, и мне будет ужасно жаль, если оно пропадет даром. Поэтому, прежде чем записать это послание, я собрала все улики и спрятала в одном укромном месте... Мы уже достигли Конца Путешествия, Небесный? Если да, то не старайся найти эти материалы. Не сомневаюсь, они уже на поверхности.

— Нет.

Констанца улыбнулась.

— Ты можешь прятаться сколько угодно, Небесный, но я всегда буду преследовать тебя, как призрак. Не важно, удастся ли тебе похоронить свое прошлое, не важно, удастся ли выставить себя героем... Мое послание всегда будет там, будет ждать, когда его найдут.

Много, очень много дней спустя я, спотыкаясь, брел через джунгли. Бежать было слишком тяжело — но не из-за того, что я состарился. Просто мне было очень трудно сохранять равновесие. Теперь у меня была только одна рука, и тело постоянно забывало об этой противоестественной асимметрии. Я потерял руку в первые дни жизни в поселении. Трагический несчастный случай — правда, боль, которую я испытал тогда, уже успела стать неясным воспоминанием. Я сжег себе руку, превратил ее в хрупкий обугленный пенек, держа перед широким дулом газовой горелки.

Конечно, это вовсе не было несчастным случаем.

Я давным-давно должен был это сделать, но откладывал неизбежное до тех пор, пока мы не спустились на планету. Мне необходимо было лишиться руки — таким образом, чтобы ее не могло вернуть медицинское вмешательство. Это означало, что чистая безболезненная ампутация исключена. И у меня должно было хватить сил, чтобы пережить эту потерю.

Я провел в больнице три месяца, но выжил. А потом начал понемногу возвращаться к своим обязанностям. Известие об этом случае прокатилось по планете и достигло ушей моих врагов. Постепенно люди привыкли к мысли о том, что у меня только одна рука. С годами этот факт так прочно закрепился в их сознании, что на него перестали обращать внимания. И никто не подозревал, что потеря руки была лишь крошечной деталью большого плана, актом предосторожности, который я осуществил за много лет до того, как он принесет плоды. Теперь настал день, когда я смог поблагодарить себя за предусмотрительность. Теперь — когда на пороге своего восьмидесятилетия я стал изгоем.

В первые дни дела в колонии шли неплохо. «Завещание» Констанцы слегка подпортило мне репутацию. Но людям нужен герой, и вскоре эта потребность взяла свое. Рассеялись остатки досадных сомнений, которые они могли еще питать относительно моей пригодности на эту роль. Я потерял несколько сторонников, но добился признания толпы — вполне приемлемая сделка. Посылка Констанцы так и не была найдена, и со временем я заподозрил, что ее просто не существовало — это было психологическое оружие, направленное на мою стойкость.

Сразу после высадки наступила горячая пора. Трех месяцев, которых, я обеспечил экипажу «Сантьяго», хватило на то, чтобы создать целую сеть маленьких полевых лагерей. К тому моменту, когда остальные корабли повисли на орбите, три поселения были весьма неплохо укреплены. Последним появился Нуэва-Вальпараисо, поселение у экватора — думаю,

когда-нибудь там можно будет построить прекрасную площадку для космического подъемника. И это было лишь начало. Прекрасное начало. И мне не верилось, что когда-то эти люди — кроме горстки преданных соратников — с такой яростью ополчатся на меня.

Но это произошло.

Впереди, в густой листве джунглей, что-то мелькнуло. Свет, судя по всему, искусственный. Возможно, там были мои сторонники, которые должны были меня встретить. Во всяком случае, я на это надеялся. Теперь у меня осталось мало сторонников. Те немногие, кто еще оставался у власти, сумели освободить меня до начала судебного процесса — но они не смогли помочь мне добраться до убежища. Вполне возможно, их расстреляют за измену. Пусть так. Они пожертвовали собой, зная, что это необходимо. На меньшее я и не рассчитывал.

Поначалу было непохоже, что началась война.

«Бразилия» и «Багдад» достигли орбиты, где обнаружили пустой корпус — все, что осталось от старины «Сантьяго». Потом шли месяцы, но ничего не происходило. Оба корабля хранили ледяное молчание и наблюдали. Затем выпустили пару шаттлов — судя по траектории, челноки приземлились на севере Полуострова. Жаль, что я не сохранил на своем корабле немного антивещества — ровно столько, чтобы ненадолго запустить двигатель и поразить оба челнока огненным копьем. Но я так и не освоил тот фокус с остановкой двигателей.

Шаттлы приземлились, затем совершили несколько рейсов на орбиту и обратно, доставляя на землю спящих.

И снова потянулись долгие месяцы ожидания.

Потом начались нападения. Небольшие отряды поползли с севера, нанося удары по поселениям, которые строили колонисты «Сантьяго». Да, население планеты составляло жалкие три тысячи человек — но что с того? Этого достаточно, чтобы начать войну. Маленькую войну, поначалу незаметную, что позволяет обеим сторонам окопаться, объединиться... потом наращивать силы...

Это даже войной не назовешь.

Мои соратники все еще намерены казнить меня как военного преступника. Дело не в том, что это обеспечит им перемирие — чтобы такое произошло, нужно гораздо больше. Но они считают, что я виноват во всем. И они убьют меня — а потом снова продолжат драку.

Неблагодарные сукины дети. Они извратили все, что только можно. Они даже переименовали планету, словно в насмешку надо мной. Теперь это уже не Конец Путешествия.

Окраина Неба.

В благодарность за то, что я дал им возможность первыми высадиться на планету.

Я ненавижу это название. Я слишком хорошо понимаю, что это значит. Это признание в невольном преступлении, напоминание о том, кто привел их сюда.

Но новое имя прижилось.

Я остановился — не только для того, чтобы отдышаться. Мне никогда по-настоящему не нравились джунгли. Ходят слухи, что здесь обитают какие-то огромные ползающие твари. Правда, никто из тех, кому я мог поверить, их не видел. Значит, это просто рассказы — и ничего более.

Просто рассказы.

Похоже, я заблудился. Свет, который я только что заметил, исчез. Может быть, его просто заслонили густые заросли... или мне просто показалось. Я огляделся. Вокруг стояла тьма, и все казалось одинаковым. Небо над головой почернело; 61 Сигни-Б, самая яркая звезда на местном небосклоне — не считая Суона, — опустилась за горизонт. Скоро мрак джунглей и мрак неба сольются в единое целое.

Возможно, мне придется здесь умереть.

И вдруг далеко впереди вновь что-то мелькнуло — молочно-белый силуэт, который я поначалу принял за пятно света. Но теперь он появился ближе — он двигался ко мне. Это был человек, который шагал ко мне через заросли и светился изнутри.

Я улыбнулся, узнав знакомую фигуру. И почему я боялся? Ведь я никогда не оставался в одиночестве. Мой проводник непременно должен был появиться, чтобы показать мне путь.

— Неужели ты думал, что я тебя брошу? — проговорил Клоун. — Идем. Теперь уже недалеко.

И Клоун повел меня вперед.

На этот раз я знал, что это не игра воображения — или не совсем игра воображения. Впереди, радужной дымкой пробиваясь сквозь листву, мерцал тусклый свет. Мои союзники...

Когда я вышел к ним, Клоуна рядом уже не было. Он исчез, как пятно от вспышки на сетчатке глаза. Тогда я видел его последний раз. Но он здорово помог мне, проводив сюда. Это был единственный друг в моей жизни, настоящий друг, хотя я знал, что он — лишь плод воображения, образ из подсознания, возникающий при свете дня, рожденный воспоминаниями о наставнике, которого я помнил по детской комнате на

борту «Сантьяго».

Какая разница?

— Капитан Хаусманн! — мои соратники стояли за деревьями. — Вы добрались! Мы уже думали, что им не удалось...

— Они справились достойно, — ответил я. — Если не ошибаюсь, сейчас их уже арестовали... если не расстреляли.

— Произошло нечто странное, сэр. В последних рапортах об арестах сообщалось, что вас снова схватили.

— Теперь вы видите, что это ошибка?

Те, кто меня «схватил», тоже признали бы ошибку, будь пленник просто похож на меня — двадцать дополнительных лицевых мышц позволяли ему скопировать кого угодно. Но он вел себя так же, как я, разговаривал так же, как я. Я готовил его к этому много лет. Я добился того, что он считал меня Богом и знал лишь одно желание — самоотверженно служить мне. А если бы у пленника были две руки — мог ли осуществиться мой замысел? Конечно, нет. Но этот человек выглядел в точности как Небесный Хаусманн, и у него тоже не было руки.

Я прекрасно знал, зачем им нужно было схватить меня. Скоро состоится судебный процесс, во время которого обвиняемый, возможно, будет производить впечатление слегка помешанного — но чего можно ожидать от восьмидесятилетнего старика? У бедняги начинается старческое слабоумие. Его следует казнить — так, чтобы это послужило уроком для всех. Так, чтобы наказание не забылось со временем, хотя бы оно и граничило с бесчеловечностью. Идеальный вариант — распять преступника.

— Сюда, сэр.

В пятне света стоял гусеничный наземный вездеход. Мне помогли подняться в кабину, и машина понеслась по лесной дороге. Мы ехали сквозь ночь — кажется, несколько часов — все дальше и дальше от цивилизованного мира.

Наконец вездеход остановился на большой прогалине.

— Мы на месте? — спросил я, и они синхронно кивнули.

К этому времени я уже понял их план. Сейчас ситуация в обществе сложилась не в мою пользу. Ушли в прошлое времена героев — теперь их предпочитают называть военными преступниками. Какое-то время мои союзники укрывали меня — но не смогли помешать моему аресту. Все, что им удалось — это вызволить меня из наскоро сработанного лагеря для интернированных в Нуэва-Иквике. Теперь, когда мой двойник пойман, мне пришло время исчезнуть.

Здесь, в джунглях, у меня будет убежище, где я смогу оставаться очень долго — независимо от того, как сложится судьба моих союзников в крупных поселениях. Они построили подземную камеру, куда поместили капсулу для спящего — идеально отлаженную, с запасом энергии, которого хватит не на один десяток лет.

Мои союзники находили, что я сильно рискую — ведь они полагали, что мне действительно восемьдесят лет. Но я знал, что риск невелик. Когда мне придет время проснуться — самое большее через сто лет, — мои сторонники получат доступ к более совершенным технологиям. Думаю, оживить меня будет несложно. Я даже подозреваю, что смогу вернуть себе руку.

Все, что мне надо — это проспать определенный срок. Все это время мои соратники будут присматривать за мной — так же, как я ухаживал когда-то за спящими на «Сантьяго». Правда, их забота будет продиктована личной преданностью.

Тем временем металлический крюк на буксире вездехода зацепил скобу, спрятанную в кустарнике. Машина подала вперед, и в земле открылся замаскированный люк. Гладкие ступени вели вниз, в ярко освещенную, стерильно чистую камеру.

В сопровождении двух соратников я спустился к саркофагу. После того как неизвестный мне человек из Солнечной системы покинул эту капсулу, ее привели в порядок. Теперь она послужит мне на славу.

— Нам лучше поторопиться, — сказал один из моих людей.

Я улыбнулся, кивнул и протянул руку, чтобы он сделал мне укол.

Сон пришел быстро. Последнее, о чем я думал, прежде чем забыться окончательно — это необходимость принять после пробуждения новое имя. Такое имя, которое никто не свяжет с Небесным Хаусманном — но которое тем не менее обеспечит мне крепкую связь с прошлым. Имя, которое имеет значение только для меня.

Я вспомнил «Калеуче» — корабль-призрак, про который нам рассказывал Норквинко. Я вспомнил несчастных, обезумевших дельфинов на борту «Сантьяго»; вспомнил Слика; вспомнил, как дернулось его шершавое тело, когда я впрыснул ему яд. Если не ошибаюсь, на корабле-призраке тоже был дельфин, но сейчас я не мог вспомнить его имени — хотя Норквинко, кажется, как-то его называл. Впрочем, я узнаю, когда проснусь.

Узнаю — и возьму себе это имя.

Глава 41

Убежище оказалось почерневшим «веретеном» длиной около километра. Его поверхность не оживляла ни одна искорка — оно было пятном темноты на фоне звезд и серебристого гребня Млечного Пути. Здесь редко появлялись корабли, а те немногие, что попались нам на глаза, сами напоминали Убежище — такие же темные, без опознавательных знаков. Когда мы приблизились, ближайший конец веретена раскрылся четырьмя треугольными сегментами, словно пасть безглазого морского хищника, созданная веками эволюции. Безликий, как планктон, наш корабль проплыл внутрь.

Причальный шлюз был достаточно велик, чтобы вместить корабль размером с наш. Стыковочные скобы разомкнулись, потом транспортные туннели, похожие на внутренности концертны, открылись за ними, присоединяясь к шлюзам, расположенных по «экватору» главной сферы нашего судна.

Таннер здесь. Думаю, с того момента, как мы переступили порог Убежища, он решил убить меня и любого, кто примет слишком активное участие в нашей маленькой вендетте. Это была не та угроза, которой можно пренебречь.

Первыми на наш корабль прибыла армада «шершней». Блестящие черные сфероиды, оцетинившиеся стволами и сенсорами, обследовали нас на предмет спрятанного оружия. Разумеется, мы явились сюда с голыми руками — и не потому, что служба безопасности Йеллоустоуна проявила бдительность. Я надеялся, что Таннер тоже не вооружен, хотя не слишком рассчитывал на подобное.

От Таннера можно ожидать чего угодно.

Внешний вид роботов говорил о высочайшем уровне технологий — ни с чем подобным я не сталкивался с тех пор, как меня оживили. Исключение составляла разве что меблировка в квартире Зебры. Возможно, перевозка обычных людей не считалась сопряженной с серьезным риском, но нас могли остановить, обнаружив у кого-нибудь из нас имплантат, предположительно зараженный спорами чумы. Едва роботы закончили первый этап проверки, за нас взялись люди.

Правда, это были просто служащие, и их оружие — не слишком угрожающего вида — даже вызывало у них некоторую неловкость. Они держались с подозрительной учтивостью, и вскоре я понял почему.

Никто не попадает сюда без приглашения.

Нас встречали как почетных гостей. Впрочем, разве мы не были почетными гостями?

— Вы понимаете, что я уведомил их заранее, — сказал Квирренбах. Мы стояли в воздушном шлюзе и ждали окончания проверки документов. — Рейвич знает, что мы здесь.

— Надеюсь, вы предупредили его насчет Таннера.

— Я сделал все, что мог.

— Что вы хотите сказать?

— Я хочу сказать, что Таннер здесь — это несомненно. И Рейвич вряд ли вышвырнет его вон.

Приятная новость, нечего сказать. Я и без того был как на иголках — мои фальшивые документы могли быть недостаточным основанием для того, чтобы меня пустили в Убежище. Теперь мне показалось, что капли пота у меня на лбу застыли.

— Что за игру он ведет, черт побери?

— Рейвич должен понимать, что у них с Таннером есть общие интересы. Поэтому и пригласил его сюда.

— Он сумасшедший. Таннеру ничего не стоит его прикончить, хотя его главная цель — я. Не забывайте: моя главная задача — выполнить миссию. То есть выследить Рейвича и убить его. Чье это желание — Таннера или Кагуэллы, — я понятия не имею. Но мне не хотелось бы ставить на кон собственную жизнь.

— Говорите потише, — предупредил Квирренбах. — Здесь по два «жучка» на каждый квадратный ангстрем. Имейте в виду: вы здесь не для того, чтобы тихо пустить кое-кому кровь.

— Нет, мы здесь на экскурсии, — буркнул я.

Бронированная дверь вновь открылась, с петель посыпались чешуйки ржавчины.

В шлюз вошел какой-то третьестепенный чиновник — на этот раз без оружия и имитирующего мускулатуру бронжилета. Его лицо выражало мучительную борьбу чувств, но при этом он был нацелен на меня, точно боеголовка на источник тепла.

— Господин Хаусманн? Просите за беспокойство, но при рассмотрении вопроса о вашем допуске в Убежище возникли определенные проблемы.

— В самом деле? — отозвался я, изображая легкое удивление. Впрочем, какие могут быть претензии? Небесный Хаусманн вывел меня за пределы атмосферы Йеллоустона, а большего я от него не ожидал.

— Я уверен, что это недоразумение, — успокоил меня чиновник, каждой морщинкой на лице изображая искренность. — Мы нередко сталкиваемся с несовпадениями данных в наших досье и остальной системе. Что поделать, после недавних неприятностей это неизбежно.

Неприятности... Он имел в виду Эпидемию.

— Не сомневаюсь, все выяснится при ближайшем рассмотрении. Думаю, будет достаточно нескольких физиологических тестов. Ничего сложного...

— Что за тесты? — жестко оборвал я.

— Сканирование сетчатки... ну, и еще кое-что.

Чиновник щелкнул пальцами, подавая сигнал чему-то или кому-то невидимому. Через долю секунды в шлюзе появился еще один робот — серовато-сизая сфера, предупредительно безоружная, с эмблемой Миксмастеров.

— Я не давал разрешения на сканирование.

Нужно любой ценой избежать этой процедуры. Не нужно сканировать мои глаза, чтобы обнаружить в них нечто странное. Достаточно просто погасить свет.

Мой отказ произвел неожиданный эффект — чиновник резко побледнел, словно я дал ему пощечину.

— Но я уверен, что мы можем прийти к определенному соглашению...

— Нет, — отрезал я. — Боюсь, это маловероятно.

— Тогда нам придется...

Квирренбах протиснулся между нами.

— Позвольте, я улажу этот вопрос, — шепнул он и, повернувшись к чиновнику, звучно произнес: — Простите моего коллегу, он немного нервничает в присутствии представителя власти. Произошла досадная ошибка, это очевидно. Достаточно ли вам поручительства Арджента Рейвича?

Чиновник заволновался.

— Безусловно... будь у меня его гарантии, тем более личные...

А ему даже не потребовалось объяснять, кто такой Рейвич.

Квирренбах щелкнул пальцами в мою сторону.

— Подождите здесь, я переговорю с ним. Это займет не больше получаса.

— Вы хотите попросить Рейвича поручиться за меня?

— Ага, — совершенно серьезно ответил Квирренбах. — Какая ирония, не правда ли?

Долго ждать не пришлось.

Рейвич появился на экране в камере ожидания, где чиновники Убежища держали вновь прибывших, прежде чем принимали решение об их дальнейшей судьбе. Не могу сказать, что увидел нечто неожиданное — я уже видел это лицо. Воронофф действительно превратил себя в его точную копию. И все же в настоящем Рейвиче было нечто неповторимое — это не поддавалось описанию. Может быть, это разница между человеком, который делает что-то в ходе игры — пусть даже с полной отдачей, — и тем, чьи намерения дьявольски серьезны.

— Вот так дела, — произнес Рейвич.

Он был несколько бледен, но в этой бледности не было ничего болезненного. Стоячий воротник белоснежного мундира был единственной деталью одежды, которая попала в объектив. За спиной можно было разглядеть фреску — вязь алгебраических символов, если не ошибаюсь, часть формулы трансмиграции.

— Вы просили разрешение на вход. Я даю согласие.

— Как и Таннеру, — напомнил я. — Вы уверены, что это было разумное решение?

— Не уверен. Но результат должен получиться любопытным. С учетом того, что он тот, за кого вы его принимаете, а вы — тот, за кого он принимает вас.

— А вы не допускаете, что одному из нас придет в голову вас убить? А может быть, обоим сразу.

— Например, вам?

Восхитительно, прямо в точку. Отдавая ему должное, я сделал вид, что задумался.

— Нет, Арджент. Когда-то я действительно этого хотел. Но тогда я не знал, кем являюсь. Когда узнаешь о себе что-то новое, приоритеты иногда меняются.

— Допустим, вы Кагуэлла.

Голос у него был высокий, как у ребенка.

— Мои люди убили вашу жену. Вот еще один повод, чтобы пытаться убить меня, чего бы это ни стоило.

— Жену Кагуэллы убил Таннер. По сути, он пытался ее спасти, но это ничего не меняет.

— И все-таки, кто вы? Кагуэлла?

— Наверно, я когда-то был Кагуэллой. Теперь его не существует, — я мрачно посмотрел на экран. — И, честно говоря, сомневаюсь, что его кто-то оплакивает.

Рейвич брезгливо поджал губы.

— Кагуэлла лишил меня семьи, — сказал он. — Он продал оружие, которым были убиты все, кого я любил. За это я с радостью отправил бы его на пытку.

— Смерть Гитты причинила бы ему больше страданий, чем ножи и электроды.

— В самом деле? Он действительно так любил ее?

— Не знаю, — мне пришлось покопаться в памяти, прежде чем я смог ответить. — Этот человек был способен на многое. Я знаю лишь одно: Таннер любил ее не меньше, чем Кагуэлла.

— Итак, Гитту убили. И что почувствовал Кагуэлла?

— Ненависть.

Я снова видел камеру с белыми стенами — призрак, который постоянно маячил где-то на периферии сознания, словно кошмар, еще не рассеялся при пробуждении.

— Он возненавидел Таннера.

— Если не ошибаюсь, Таннер остался в живых?

— Только отчасти. Причем эта не та часть, которую мы считаем человеческой.

С минуту Рейвич молчал. Наш разговор явно производил на него угнетающее впечатление.

— Гитта... — проговорил он наконец. — Она единственная была ни в чем не виновата. Верно? Она единственная не заслужила того, что с ней случилось.

С этим было невозможно поспорить.

В Убежище было почти пусто и темно, как в городе, в котором устроили затемнение. Но в отличие от полумрака, царящего в Городе Бездны, этот сумрак был создан специально — к этому приложили руку группы, претендующие на статус постоянных арендаторов. У обитателей анклавов весьма своеобразные представления о том, какой должна быть среда обитания. Внутренняя часть убежища была негерметизирована, хотя здесь, возможно, сохранялись следы газов. Каждый квадратный дюйм стен занимали герметичные постройки без окон, соединенные трубопроводами, похожими на клубок внутренностей. Единственным источником освещения были тускло мерцающие трубы. Если бы не моя способность видеть в темноте, я вряд ли смог бы хоть что-то разобрать.

Однако энергия была повсюду — едва сдерживаемая, ее присутствие ощущалось на каком-то подкорковом уровне, отдаваясь вибрацией в

каждой кости. Балкон, на который мы вышли, был накрыт воздухонепроницаемым стеклянным колпаком, но я не мог избавиться от чувства, что стою в огромном темном турбинном зале, где в полную мощность работают все генераторы.

Рейвич уполномочил службу безопасности Убежища впустить меня внутрь с одним условием: и меня, и моих спутников немедленно проведут к нему. У меня зародились некоторые подозрения — слишком многое вышло из-под контроля, — но выбора у нас не было. Итак, охота заканчивалась на территории Рейвича. Который, благодаря своей ловкости, уже не был добычей.

Кому теперь досталась эта роль? Таннеру?

Или мне?

Убежище было относительно невелико, так что прогулка не успела нас утомить. Псевдогравитация создавалась ленивым вращением обитатели. Нас провели в один из соединительных туннелей — трехметровую трубу из цельного дымчатого стекла. Диафрагмы, расположенные друг за другом по всей ее длине, расширялись, пропуская нас, и закрывались у нас за спиной, позволяя нам идти вперед... и внятно чувствовать себя то ли стадом, которое куда-то гонят, то ли комком пищи в пищеводе. Труба проходила вдоль главной оси веретена. По мере того, как мы приближались к его оконечности, сила тяжести возрастала, хотя так и не достигла привычного *g*. Неосвещенные постройки Убежища нависали над трубой, словно мы двигались по каньону глубокой ночью, и мысль о том, что в них кто-то обитал, казалась абсурдной. Но дело было в другом. Люди, которые приходили в Убежище, требовали одного — полной анонимности. Они скрывались даже друг от друга.

— С Рейвича уже сняли генетическую карту? — Удивительно, почему столь очевидный вопрос не пришел мне в голову раньше? — Ведь он здесь именно для этого?

— Пока еще нет, — ответил Квирренбах. — Для оптимизации генетической картографии нужно пройти все виды физиологических тестов. Химия клеточной мембраны, нейротрансмиссионные характеристики, глиальные клеточные структуры, объем крови в мозгу... и так далее. Как вы понимаете, процесс не быстрый.

— Рейвич действительно решился на полное деструктивное сканирование?

— Почти, хотя и не совсем. Говорят, это оптимальный способ получить максимальное разрешение.

— Зато потом ему не придется беспокоиться о занозах вроде Таннера.

— Если только Таннер не последует его примеру.

Я рассмеялся и только потом понял, что Квирренбах не шутит.

— Как думаете, где сейчас Таннер? — спросила Зебра. Она приблизилась ко мне слева, щелкая каблуками по полу. Ее удлиненное отражение на стене напоминало пляшущие ножницы.

— Под присмотром Рейвича, — сказал я. — Надеюсь, Амелия там же.

— Ей действительно стоит доверять?

— По-моему, она единственная, кто никого не предал. По крайней мере, намеренно. Я уверен в одном: Таннер будет использовать ее до тех пор, пока это возможно. Когда она станет ему не нужна — боюсь, это случится очень скоро, — я не поручусь за ее жизнь.

— Вы прилетели сюда, чтобы ее спасти? — спросила Шантерель.

В какой-то момент мне захотелось ответить «да». Я мог собрать крохи самоуважения и сделать вид, что мной движут соображения гуманности, что я способен не только на жестокость. Возможно, это даже было бы правдой. Отчасти я действительно прибыл сюда ради Амелии. Но это была не самая главная причина. К тому же сейчас мне меньше всего хотелось лгать — и прежде всего самому себе.

— Я хочу завершить то, что начал Кагуэлла, — сказал я. — Не более того.

Туннель из дымчатого стекла, плавно заворачивая, вел вверх, где вращался в неосвещенную стену одной из герметичных построек, которая возвышалась в дальнем конце «веретена». Впереди путь преграждал очередной «зрачок» — на этот раз черный, блестящий и полностью непроницаемый.

Я подошел вплотную, прижался щекой к твердой металлической поверхности и прислушался.

— Рейвич? — окликнул я. — Мы пришли! Откройте!

Дверь-диафрагма открылась — еще более торжественно, чем предыдущие.

Холодный зеленый свет хлынул в разомкнувшиеся дуги и окутал нас с каким-то равнодушием. Неожиданно я осознал потрясающую вещь: ни у меня, ни у моих спутников не было оружия. Я мог умереть в любую секунду — и, думаю, никто из нас не представлял, когда именно это произойдет. Я позволил человеку, который имел все основания бояться меня, у которого не было малейшего повода мне доверять, пустить меня в свое логово. Кто из нас двоих в итоге больший глупец? Эта загадка была мне не по зубам. Сейчас мне хотелось только одного — как можно скорее

покинуть Убежище.

Дверь открылась полностью, за ней была приемная с бронзовыми стенами. С потолка свисали ярко-зеленые светильники. По барельефам, обрамляющим стенные панели, золотой вязью бежали цепочки математических символов, складывающиеся в формулы, — один из них я заметил во время разговора с Рейвичем. Каждое из этих заклинаний могло разнести мозг на единицы и нули — безразмерное число.

Несомненно, он был здесь.

Дверь-диафрагма сомкнулась у нас за спиной, а впереди уже разворачивалась другая. Нашим глазам предстало еще более просторное помещение, похожее на зал кафедрального собора. Оно утопало в золотом сиянии, и его стены словно расступались, теряясь в дымке. Я заметил, что пол Убежища слегка выпуклый — узор из чередующихся бронзовых и серебряных ромбов усиливал это впечатление.

В воздухе плавал аромат благовоний.

Свет струился из высоко расположенного витражного окна, образуя на полу у дальней стены яркое пятно. А в центре этого пятна, в причудливом кресле с высокой спинкой, сидел человек. Он сидел к нам спиной, окутанный золотистым сиянием. Трое хрупких двуногих роботов-слуг замерли в нескольких метрах от кресла — очевидно, они ожидали распоряжений. Я присмотрелся к очертаниям его головы, почти превратившейся в силуэт, и понял, хотя не видел его лица: это был Рейвич.

Недавно я встретил его в Городе Бездны, возле аквариума с бессмертной рыбиной. Как быстро я среагировал! Я выхватил пистолет, обежал вокруг резервуара, чтобы встретить его лицом к лицу и убить. Уверен, мне бы это удалось, но Воронофф на секунду опередил меня.

Теперь мне не надо было спешить.

— Пожалуйста, поверните меня лицом к гостям.

Голос скрипел, как наждак по наждаку. Казалось, человеку стоило невероятных усилий произнести эту фразу. Слова перемежались хрипом и были едва слышны.

Один из роботов шагнул вперед — бесшумно, как и полагается подобным созданиям — и развернул Рейвича лицом к нам.

Я ожидал увидеть что угодно.

Но не такое...

Рейвич был похож на мертвеца. Так мог выглядеть труп, который удалось ненадолго воскресить с помощью хитроумной аппаратуры. Это не могло называться живым существом. Оно не имело права разговаривать и кривить губы в подобие улыбки.

Это было нечто вроде Марко Ферриси, только в худшем состоянии. Все, кроме головы и кончиков пальцев, скрывалось под толстым стеганым одеялом, из-под которого тянулись медицинские фидеры. Извиваясь, они вползали в компактный модуль жизнеобеспечения, прикрепленный к подлокотнику кресла — миниатюрное подобие кирасы, с помощью которой я поддерживал жизнь в Гитте, когда вез ее в Дом Рептилий. Голова Рейвича напоминала череп, обтянутый кожей, синюшно-лиловой в огромных черных пятнах. Из пустых темных провалов, в которых должны были находиться глаза, к тому же модулю тянулись тонкие провода. На макушке чудом уцелело несколько жидких прядей — они казались упрямыми деревцами, которые каким-то чудом сопротивляются ураганным ветрам. Челюсть отвисала, во рту черным слизнем шевелился язык.

Рейвич поднял руку. Ее можно было принять за руку молодого человека, если бы не рыжеватые старческие пятна.

— Я вижу, вы взволнованы, — произнес Рейвич.

Я сообразил, что его голос исходит не из горла, а из модуля жизнеобеспечения, но звучит по-прежнему слабо. Возможно, Рейвичу действительно было слишком тяжело говорить.

— Вы это сделали, — пробормотал Квирренбах, шагнув к человеку, на которого он все еще работал. — Вы прошли скан.

— Либо это так, либо я не выспался прошлой ночью, — прошелестел ветерком голос Рейвича. — Я немного подумал и склоняюсь к первому.

— Что случилось? — вмешался я. — Какой-то сбой?

— Никаких сбоев.

— Но вы не должны были так выглядеть, — сказал Квирренбах. — Вы похожи на человека, который стоит на пороге смерти.

— Возможно, так оно и есть.

— Скан не удался? — спросила Зебра.

— Нет, Тарин. Скан полностью удался, как мне сказали. Моя нейронная структура была воспроизведена безупречно.

— Вы слишком поторопились, — предположил Квирренбах. — Я угадал? Вы не могли дождаться, пока будут сделаны все анализы. И в результате...

Рейвич вяло кивнул.

— У людей вроде нас с Таннером — и вас тоже, — он указал глазами на меня, — нет медишнов. На Окраине Неба не найдется никого, у кого они есть — может быть, у десятка человек... кому по карману обращаться к ультра. Их нет даже у тех, кто обеспечивает себе долгую жизнь каким-нибудь другим способом.

— У нас были другие заботы, — сказал я.

— Конечно. Потому-то мы и отказались от подобной роскоши. Беда в том, что медишны были мне нужны. Чтобы защитить клетки от последствий сканирования.

— По старинке? — подхватил я. — Жестко и быстро?

— Это лучший способ... если верить теоретикам. Все остальное — самообман. Истина проста: если вы хотите поместить в машину собственную душу, а не ее туманный оттиск — вы должны умереть. Или, как минимум, получить травму... несовместимую с жизнью.

— Так почему вы не защитились медишнами? — спросил Квирренбах.

— Не хватило времени. Медишны должны тщательно подгоняться и вводиться в тело постепенно. Иначе — тотальный токсический шок. Вы умрете прежде, чем медишны смогут вам помочь.

— Если вы пользовались оборудованием Силвеста, — осторожно произнес я, вспоминая рассказы об экспериментах этого ученого, — вы не успели бы даже вздохнуть.

— Это была усовершенствованная техника, разработанная на базе трудов Силвеста. Но вы правы. Несмотря на все технические ухищрения, я должен был умереть. Но получилось иначе. Мне ввели достаточно медишнов — разных медишнов, — чтобы я остался жив после сканирования — хотя бы на какое-то время... — он слабым жестом указал на модуль и роботов. — Все это предоставлено Убежищем. Они пытаются остановить распад клеток, ввести мне дополнительно более сложные типы медишнов. Но я подозреваю, что они просто исполняют свой долг.

— Вы уверены, что умрете? — спросил я.

— Я чувствую это всеми своими костями.

Что же ему пришлось пережить... Мучительная боль в момент нейронного захвата — когда ты тонешь в сиянии ярчайшей вспышки, которая проникает тебе под кожу, в кости, в мозг, превращая тебя — на один-единственный невыносимый миг — в скульптурную копию из дымчатого стекла.

Быстрые вдумчивые лучи скана, сфокусированные до клеточного разрешения, проходят сквозь тебя со скоростью, чуть опережающей скорость синаптических импульсов, обгоняя послания подкорки — вести о хаосе, который поглощает твой мозг. Лучи достигают ствола мозга — но он еще не получил информации о разрушении, которому подверглись слои, расположенные выше. Благодаря этому незначительному запаздыванию общий снимок мозга кажется совершенно нормальным — не считая легкой расплывчатости, вызванной конечным пространственно-временным

разрешением процесса. Сканирование заканчивается раньше, чем ты почувствуешь его начало. Когда разум начинает терять равновесие и нервная система рушится в кому, это уже не имеет значения.

К этому времени он уже в плену.

Впрочем, дело даже не в полученных повреждениях. Медишны могут восстановить ткань из ничего — им достаточно следов, оставшихся на месте разрушенных клеток. Представьте себе здание, которое обстреливает артиллерия. Стены рушатся, во все стороны летят обломки — но команда фанатиков-строителей, засевшая внутри, успевает заделать пробоины прежде, чем взорвется следующий снаряд...

Рейвич не пошел этим путем.

Он предпочел умереть. Он предпочел перетерпеть мучения, чтобы подвергнуть атаке каждую клетку своего мозга и прилегающих тканей — потому что знал: чем бы это ни кончилось для его тела, он сохранит свою сущность. Она будет поглощена, чтобы обрести бессмертие, и в конце концов превращена в запись, которую не сможет уничтожить такое заурядное происшествие, как гибель на войне или выстрел из-за угла.

Отчасти он добился желаемого.

Но это была не та его частица, которую мы искали.

— Значит, вы пошли на смерть, — сказал я. — Вы знали, что это неминуемо. Вы должны были знать это еще до сканирования. Но почему вы прошли сканирование и остались живы?

— Я умер, — отозвался Рейвич. — Согласно множеству медицинских критериев, удовлетворяющих правовые инстанции в других системах, я мертв. Но я также знал, что машины Убежища смогут вернуть меня к жизни, хотя бы на время.

— Вы могли бы подождать, — снова подал голос Квирренбах. — Еще несколько дней — и медишны могли бы полностью справиться с этой задачей.

Костлявые плечи Рейвича дрогнули под стеганым одеялом.

— Но тогда мне пришлось бы отказаться от такого точного сканирования. Иначе у медишнов не было бы возможности действовать. Тогда это был бы не я...

— Полагаю, визит Таннера здесь ни при чем? — спросил я.

Кажется, Рейвича это позабавило. Он даже заставил себя на мгновение улыбнуться. Скоро нам предстоит увидеть на его лице более естественную улыбку — хотя тогда у него уже не будет губ. Долго ему не продержаться.

— Таннер весьма облегчил мне выбор, — сказал он. — Но что касается прочего... Тут мне нечего поставить ему в заслугу.

— Где он сейчас? — спросила Шантерель.

— Здесь, — произнесло иссохшее существо в кресле. — Он здесь, в Убежище, уже больше суток. Но мы еще не встречались.

Я был потрясен.

— Не встречались? В таком случае — что он затевает, черт возьми? А женщина, которая с ним прилетела?

— Таннер недооценил влияние, которое я здесь имею, — сказал Рейвич. — Не только здесь, в Убежище, но и в пределах Йеллоустоуна. Кажется, вы тоже?

— Я здесь ни при чем. Давайте поговорим о Таннере. Это куда интереснее.

Пальцы Рейвича ласкали кромку одеяла. Одна рука по-прежнему пряталась под ним — если только она вообще была. Я попытался сравнить этого живого мертвеца с молодым аристократом, за которым гнался все это время. Ничего общего. Машина отняла у Рейвича даже акцент Окраины Неба.

— Таннер прилетел в Убежище, чтобы убить меня, — сказал он. — Но у него есть более важная задача. Вытащить вас на свет.

— Думаете, мне это неизвестно?

— Ну... откровенно говоря, я был слегка удивлен, когда вы здесь появились.

— Нам с Таннером надо кое-что закончить.

— А именно?

— Я не могу допустить, чтобы он убил вас — даже случайно. Вы этого не заслужили. Вы хотели отомстить. Это глупый поступок — но не бесчестный.

Голова сидящего в кресле качнулась — на этот раз это был кивок. Рейвич признавал справедливость моих слов.

— Если бы Кагуэлла не попытался поймать мой отряд в ловушку, Гитта осталась бы жива. Он заслужил худшей судьбы, чем ему досталась.

Пустые глазницы уставились на меня, словно какие-то рефлексы заставляли его «смотреть» в направлении собеседника. Правда, я подозреваю, что в кресле была встроена какая-нибудь камера, которая передавала ему в мозг зрительные образы.

— Как я понимаю, я говорю сейчас с Кагуэллой, — проговорил Рейвич. — Или вы не тот, за кого себя выдаете?

— Я ни за кого себя не выдаю. Я просто не Кагуэлла. Уже не он. Кагуэлла умер в тот день, когда украл память Таннера. Остался... кто-то другой. Кто-то, кого раньше не было.

Одна из бровей над пустой глазницей чуть качнулась.

— Кто-то лучший?

— Помню, Гитта задала мне один вопрос. Как долго нужно прожить и сколько добра сделать, чтобы искупить одно злодеяние, совершенное в молодые годы? Тогда вопрос показался мне странным, но теперь я понимаю. Думаю, она знала. Она знала, кем был Кагуэлла и что он сделал. Что поделать, я даже сейчас не знаю, как ответить на этот вопрос. Но думаю, что когда-нибудь узнаю.

Мои слова не тронули Рейвича.

— Значит, дело в этом? Из-за этого вы ищете Таннера?

— Нет. С ним женщина — ее зовут Амелия. Она из ордена Нищенствующих, кем бы ни представлялась. Полагаю, что Таннер убьет ее, как только она будет ему не нужна.

— Вы прибыли, чтобы спасти ее, рискуя собой? Как благородно.

— Благородство здесь ни при чем. Это... просто человечность, — эти слова казались мне совершенно чуждыми, но я не постыдился их произнести. — Вам не кажется, что этому месту не хватает человечности?

— Вы убьете человека, чьими воспоминаниями завладели? Вам не кажется, что это похоже на самоубийство?

— Я буду решать этические проблемы, когда подотру кровь с пола.

— Ваше здравомыслие восхитительно, — сказал Рейвич. — Кажется, назревают весьма интересные события. Более любопытные, чем я ожидал.

Я насторожился.

— Что вы хотите сказать?

— Кажется, я сказал вам, что Таннер уже здесь? Прямо здесь — вот что я имел в виду. Я позволил ему развлекаться в свое удовольствие, пока вы не появитесь.

За спиной Рейвича в золотой дымке появился черный прямоугольник. Из него вышел человек, как две капли воды похожий на меня.

Глава 42

Во мне снова проснулся инстинкт солдата. Рука привычно ощутила рукоятку пистолета... несуществующего пистолета. В любом случае, я не смогу спокойно убить Таннера Мирабеля. Это было бы все равно что пристрелить самого себя.

За ним из темноты в золотое пятно света вышла сестра Амелия из ордена Нищенствующих. На ней уже не было привычной мне одежды — мантию сменило неброское платье, но эту женщину я не спутал бы ни с кем. Впрочем, кулон-снежинка по-прежнему висел у нее на шее.

Таннер подошел к Рейвичу и встал рядом с его креслом. В темном пальто, почти достигавшем пола, он показался мне очень рослым — на дюйм выше меня — и держался чуть иначе. Та вызывающая самоуверенность, которая проскальзывала в его движениях, свойственна нам обоим — и не только она. Сходство было поразительным. Нет, мы не выглядели близнецами — скорее братьями или одним и тем же человеком, на лицо которого по-разному падает свет. Игра теней может удивительно менять внешность. Но я никогда не замечал у себя жестокого выражения, которое видел на лице Таннера — возможно, мне просто не довелось в нужный момент посмотреться в зеркало.

Первой дар речи обрела Амелия:

— Что происходит? Я не понимаю.

— Хороший вопрос, — отозвался Таннер. Его рука, затаенная в перчатку, опустилась на высокую резную спинку кресла. — Просто замечательный вопрос. — Он склонился, словно разглядывая безглазое лицо человека, которого собирался убить. — Если хотите ей ответить — валяйте, красавчик. Смелее.

— Значит, вы понимаете, кто я такой? — спросил Рейвич.

— Ага. Очевидно, вы предпочли быстрый грязный скан. Позвольте мне догадаться. Тотальные повреждения нервной системы, клеточных структур, генетических механизмов. Эти живодеры, наверно, напичкали вас медишнами — но это все равно что подпирать падающее здание соломинками для коктейля. Судя по вашему виду, вам осталось несколько часов, а может, и того меньше. Я прав?

— Несомненно, — отозвался Рейвич. — Надеюсь, это вас немного утешит.

— Да неужели? — Таннер провел кончиками пальцев по голове

Рейвича, словно ощупывая старинный глобус.

— Вы опоздали.

— Это можно исправить.

— Прекрасно. Но какой в этом смысл? Можете стереть это тело в порошок — я только поблагодарю вас, испуская последний вздох. Вся моя сущность, все, что я знал и чувствовал, сохранены навечно.

Таннер отступил на шаг.

— Значит, скан был успешным? — деловито спросил он.

— Вполне. Пока мы тут беседуем, я нахожусь где-то в распределенной архитектуре процессоров — это целая сеть, которой располагает Убежище. Мои дубликаты уже отправлены на пять других обителей, названия которых неизвестны даже мне. Можете взорвать Убежище ядерной бомбой — это ничего не изменит.

Значит, час назад я беседовал со сканом Рейвича. Чертовы конспираторы... Все это время они играли в паре. Рейвич абсолютно прав. Что бы ни предпринял Таннер — все будет бессмысленно. И, подозреваю, это ему уже безразлично. Он добился своей главной цели — заманил меня сюда.

— Вы умрете, — сказал Таннер. — Думаете, я поверю, что для вас это ничего не значит?

— Я не знаю, чему вы верите, и не хочу знать. Откровенно говоря, Таннер, мне это совершенно не интересно.

— Кто вы такие? — снова спросила Амелия, и на лице ее появилась тревога. Похоже, до сих пор он поддерживал в ней доверие, скрывая истинную цель своей миссии. — Почему вы говорите, что должны его убить?

— Потому что мы убийцы, — сказал я. — Мы оба лгали вам. Разница между нами в том, что я никогда не собирался убивать вас.

Таннер шагнул к ней, но недостаточно быстро — он не хотел оставлять Рейвича. Амелия, уже не на шутку встревоженная, подбежала ко мне, щелкая каблучками по двухцветной мозаике пола.

— Пожалуйста, объясните мне, что здесь происходит!

— Некогда, — сказал я. — Просто поверьте нам. Сознаюсь, я обманул вас, мне очень жаль. Но тогда я не был самим собой.

— Можете ему поверить, — проговорила Шантерель. — Он прилетел сюда с риском для жизни — прежде всего, чтобы спасти вас.

— Она говорит правду, — подтвердила Зебра.

Я смотрел в глаза Таннеру. Он все еще стоял позади кресла Рейвича. Роботы неподвижно стояли на прежнем месте, словно демонстрируя

безразличие к происходящему.

— Вы остались один, Таннер, — произнес я. — Думаю, ваши козыри вышли. — Я обернулся к остальным: — Мы можем покончить с ним, если вы мне подыграете. У меня все его воспоминания. Я предвижу каждый его ход.

Квирренбах и Зебра встали у меня по бокам. Шантерель чуть сзади, а Амелия отступила в тыл.

— Осторожно, — шепнул я. — В отличие от нас, он мог протащить в Убежище оружие.

Я сделал два шага к трону Рейвича.

И тут под стеганым одеялом что-то шевельнулось. Рука, до сих пор скрытая тканью, метнулась наружу, сжимая крошечный, осыпанный драгоценностями пистолет. Рейвич с поразительной быстротой вскинул свое оружие, словно его на миг покинула немощь, и трижды выстрелил. Пули пролетели мимо меня, оставив серебристые мазки на моей сетчатке.

Квирренбах, Зебра и Шантерель упали на пол.

— Уберите их, — каркнул Рейвич.

Роботы-слуги ожили и молчаливо, как призраки, скользнули мимо меня. Опустившись на колени, они подняли тела и скрылись с ними в темноте — наверно, так лесные духи уносят свои жертвы.

— Ты дерьмо, — проговорил я.

— Они живы, — успокоил Рейвич, возвращая руку под одеяло. — Это просто снотворное.

— Зачем ты это сделал?

— Я то же хотел спросить, — сказал Таннер.

— Они нарушали симметрию. Теперь вы остались вдвоем, не так ли? Идеальное завершение вашей Игры, — он склонил свою лысую голову в мою сторону. — Признайтесь, простота — лучшая красота.

— Что вам нужно? — осведомился Таннер.

— Я уже получил все, что хотел. Вы двое, в одном зале.

— Похоже, вы от меня кое-что скрыли? — сказал я.

— Ну, скажем... данные, которые я добыл перед тем, как покинуть Окраину Неба. Весьма любопытно.

Рейвич снова высунул из-под одеяла пистолет, на этот раз целясь в Таннера. Точность прицела оставляла желать лучшего, но жест произвел должный эффект: Таннер попятился. Теперь мы стояли на равном расстоянии от кресла.

— Почему бы вам не поделиться своими воспоминаниями? — продолжал он. — А я заполню пробелы, — он кивнул Таннеру. — Начнем с

вас.

— С чего мне начать?

— Можете начать с гибели жены Кагуэллы, поскольку это ваша вина.

Почему-то мне вдруг захотелось защитить Таннера.

— Он убил ее не нарочно, сволочь. Он пытался спасти ей жизнь.

— Ну и что? — презрительно фыркнул Таннер. — Я сделал то, что должен был сделать.

— Но, к несчастью, вы промахнулись, — подсказал Рейвич.

Казалось, Таннер не слышал, он продолжал вспоминать вслух:

— Может быть, я промахнулся, а может, и нет. Быть может, я сам решил убить ее — она никогда не стала бы моей.

— Нет, — вмешался я. — Это было совсем не так. Ты пытался спасти ее...

Будь я проклят, если действительно это знал.

— В общем, я понял, что Гитте конец, — продолжал Таннер. — Однако Кагуэллу можно было спасти. Он был ранен не слишком тяжело. Поэтому я подключил их обоих к системам жизнеобеспечения и отвез в Дом Рептилий.

Я невольно кивнул, вспоминая этот адски долгий путь через джунгли, когда мне приходилось справляться с болью в культе. Хотя на самом деле это был не я... Это был Таннер, и я знал об этом только из его воспоминаний...

— Когда я вернулся, люди Кагуэллы, которые оставались в Доме, встретили меня и забрали тела. Они сделали для Гитты все, что можно, хотя и понимали, что это бессмысленно. Кагуэлла пробыл несколько дней в коме, но в конце концов выкарабкался. Впрочем, он почти ничего не помнил.

Я вспомнил, как проснулся после долгого сна без сновидений, задыхаясь от страха. Я понимал только одно — что-то пронзило меня насквозь. Больше я ничего не помнил. Я позвал Таннера. Мне сказали, что он ранен, но жив. Про Гитту мне никто ничего не сказал.

— Таннер пришел навестить меня, — сказал я, перехватывая инициативу. — Я увидел, что он потерял ступню, и понял, что с нами случилось нечто ужасное. Но я не помнил почти ничего, кроме того, как мы отправились на север, чтобы устроить засаду на отряд Рейвича.

— Ты попросил привести Гиту. Ты помнил, что она была с нами.

Обрывки давно забытого разговора начали всплывать в памяти, словно высвобождаясь из паутинного кокона.

— И ты рассказал мне все. Ты мог бы солгать — придумать что-нибудь

в свою защиту, сказать, что ее убил боец Рейвича — но ты не солгал. Ты рассказал все, как было на самом деле.

— Какой мне был смысл лгать? — сказал Таннер. — Ты все равно вспомнил бы все.

— Но ты должен был знать.

— Что именно? — вставил Рейвич.

— Что я убью его за это, — ответил я ему.

— А-а, — протянул Рейвич, и из динамика модуля послышался мягкий бесстрастный смешок. — Теперь мы почти добрались до сути проблемы.

— Я не думал, что ты убьешь меня, — сказал Таннер. — Думал, ты простишь меня. Мне даже казалось, что мне не понадобится твое прощение.

— Наверно, ты знал меня хуже, чем тебе это казалось.

— Возможно.

Рейвич похлопал свободной рукой по подлокотнику кресла, пощелкивая почернелыми ногтями по резному металлу.

— Значит, вы приказали его убить, — произнес он, обратив ко мне безглазое лицо. — И выбрали способ, который мог заодно удовлетворить вашу основную страсть.

— Я не очень хорошо это помню, — сказал я.

И это была почти правда.

Я помнил, как смотрел сверху вниз на Таннера, который ползал в белой камере без потолка. Я помнил, как он понемногу осознавал происходящее, начинал чувствовать опасность и то, что он здесь не один. Что в этом замкнутом объеме есть кто-то еще.

— Расскажите о том, что вы помните, — попросил Рейвич, обращаясь к Таннеру.

— Я помню, как эта тварь сожрала меня заживо. Поверьте, такое не скоро забудешь.

Он говорил ровным, почти невыразительным голосом, чем-то похожим на синтезированный голос Рейвича.

И я вспомнил.

Гамадриада издохла почти мгновенно. Ее убили вещества, которые находятся в организме каждого человека и несовместимы с ее метаболизмом — эта несовместимость оказалась фатальной. Змея дернулась и свернулась, точно пустой пожарный шланг.

— Мы распорили ей брюхо, — сказал я. — Извлекли Таннера из ее глотки. Он не дышал, но его сердце еще билось.

— Вы могли прикончить его на месте, — сказал Рейвич. — Кинжал в

сердце — и делу конец. Но вам нужно было кое-что у него получить, верно?

— Мне нужна была его личность. И прежде всего — его память. Поэтому мне пришлось надеть на него «кирасу» и поддержать в нем жизнь, пока готовили трал.

— Для чего? — поинтересовался Рейвич.

— Чтобы выследить вас, Рейвич. Я уже знал, что вы покинули планету, что вскоре вы будете на борту субсветовика рейсом до Йеллоустоуна. Я наказал Таннера. Теперь мне нужно было сделать то же с вами — в память о Гитте. Но для этого мне нужно было стать Таннером.

— На этой планете вы могли быть кем угодно.

— Мне были нужны его навыки, — я перевел дыхание. — Это не должно было остаться навсегда. Я подавлял свою настоящую личность, пока не оказался на борту корабля. Воспоминания Таннера должны были постепенно рассеяться, оставив после себя отдельные фрагменты. Они сохранились до сих пор, но уже не путаются с моими.

— А другие ваши секреты?

— Вы о глазах? Да, такое скрыть непросто. Впрочем, эксперимент удался. Но теперь генетические изменения уже восстановились. Возможно, так и было задумано.

— Кое-что вы все-таки забыли.

Рейвич улыбнулся. Зрелище было омерзительное.

— Было кое-что. Не только глаза.

— А вы откуда знаете?

Он поднял руку и пощелкал себя по останкам зубов — нелепый, многозначительный жест.

— Вы забываете, что это я убедил ультра предать вас. После этого несложно было узнать все остальное. Все, что они с вами сделали, — он снова улыбнулся. — Знаете ли, всегда полезно знать, с кем имеешь дело. И кто на что способен.

— И теперь вы знаете?

— Думаю, такой человек, как вы, Кагуэлла, способен сделать сюрприз даже самому себе. Впрочем... кажется, вы уверяли, что вы — не Кагуэлла.

— Я ненавижу Кагуэлла не меньше вашего. Я посмотрел на некоторые вещи глазами Таннера и знаю, что он с ним сделал.

— Значит, вы сочувствуете Таннеру?

Я покачал головой.

— Таннер, которого я знал, умер в бассейне с гамадриадой. Он выжил — но это ничего не значит. Это не Таннер. Это чудовище, созданное

Кагуэллой.

Таннер усмехнулся.

— Надеешься меня прикончить?

— Иначе меня бы здесь не было.

Он снова шагнул к креслу. Он намерен убить Рейвича, я это знал. Но Рейвич оказался проворнее. Прежде чем Таннер успел сделать еще шаг, пистолет снова появился у него в руке.

— Ну-ну, — проговорил Рейвич. — Какой вам резон выяснять отношения, когда рядом нет зрителей?

Я вспомнил об Амелии, которая стояла где-то среди теней. Интересно, что она обо всем этом думает?

Таннер отступил, поднимая руки в перчатках. Он был безоружен.

— Хочешь знать, как мне удалось выбраться? — спросил он меня.

— Я думал об этом.

— Тебе не стоило оставлять меня в живых — даже если я держался только за счет «кирасы», — он сочувственно покачал головой. — Ни в коем случае — особенно после этой истории с коброй. Ты зря это сделал. Поручил своему человеку прикончить меня, а сам дал деру из Дома Рептилий...

Он говорил правду, хотя лишь его рассказ заставил мои воспоминания принимать ясную форму.

— Я действительно отправился на юг, — подтвердил я. — К лагерю, занятому перебежчиками Северной Коалиции. У них были хирурги. Я знал, что они смогут нейтрализовать работу ультра, замаскировать мои гены и сделать из меня двойника Таннера. Я собирался еще раз заглянуть в Дом Рептилий до того, как покинуть планету.

— Но такой возможности не представилось, — сказал Рейвич. — Бойцы СК добрались до Дома Рептилий, пока вы с Дитерлингом были в отлучке. Они убили почти всех ваших людей — кроме Таннера, к которому относились неприязненно, но с уважением. Они привели его в сознание...

— Большая ошибка, — заметил Таннер. — Даже без ноги я смог отобрать у них оружие и перебить всех.

Этого я не помнил — даже смутно. Ничего удивительного: эти события произошли после того, как Таннера протралили. После того, как я завладел его памятью.

— И что было дальше? — спросил я.

— У меня был месяц, чтобы попасть на борт субсветовика прежде, чем он уйдет с орбиты. — Таннер низко присел и почесал лодыжку под поллой пальто. — Времени было навалом. Я вернул себе ногу и последовал за

тобой. К твоему сведению, это я убил Дитерлинга. Теперь понимаешь, почему он меня к себе подпустил? Я подошел к нему, когда он был в машине, и прикончил.

Он проиллюстрировал свои слова лаконичным жестом.

Классический обманный финт.

Таннер плавно и гибко выпрямился. Нож вылетел у него из руки и, описав безупречную дугу, пересек зал. Прицел был идеальным — он даже сделал поправку на инерцию с учетом медленного вращения Убежища.

Нож вошел в затылок Рейвича.

Из динамиков модуля донеслось что-то похожее на стон — противоестественно ровный звук, который продолжался даже после того, как голова Рейвича безжизненно упала на грудь. Пистолет выскользнул из его руки и со стуком упал на пол.

Я бросился к креслу. Возможно, это последний шанс лишить Таннера преимущества.

Но он опередил меня. Я отлетел в сторону и рухнул спиной на пол, звучно выдохнув весь воздух, который был у меня в легких. Таннер наугад пнул пистолет, и тот, крутясь, скользнул в сумерки между золотистым пятном света и окружающей тенью.

Таннер потянулся и выдернул нож из черепа Рейвича. Мономолекулярное лезвие блеснуло призматическими узорами, похожими на капли масла на воде.

Он не рискнет снова метнуть нож. Если он промахнется, то останется безоружным...

— Тебе конец, Кагуэлла. И нашей истории тоже.

Его рука в перчатке небрежно поигрывала ножом. Другая потянулась в сторону Рейвича, описала полукруг, и Таннер выдернул из его глазниц оптические фидеры. За каждым проводком тянулись липкие волокна густеющей крови.

— Твоя история закончилась давно, — я шагнул вперед, приближаясь на расстояние атаки. Нож со свистом рассек воздух. Лезвие превратилось в смертоносную серебряную дугу. Движения были столь четкими, что оно двигалось абсолютно бесшумно.

— И что тебе это дает? — Таннер вытолкнул Рейвича из кресла, и хрупкое тело, укутанное в плед, свалилось на пол, точно мешок с сухими дровами.

— Не знаю, — сказал я. — Но мы с тобой слишком разные.

Я пытался поймать момент, чтобы уйти от его ножа, который кромсал воздух, пытался сосредоточиться на воспоминаниях Таннера, которые

могли помочь мне — то, что он знал о технике ближнего боя.

Бесполезно. Мне не удалось перехватить инициативу. Его преимущество заключалось в другом: ему не требовалось усилий, чтобы вызвать эти навыки. Они приходили сами, так как давно превратились в рефлекс.

Наконец я сделал выпад, надеясь выкрутить ему свободную руку, чтобы он потерял равновесие прежде, чем нож достигнет цели.

Но я не рассчитал.

Собственно удара я не почувствовал — только холод, когда лезвие полоснуло по коже. Я не рискнул опустить глаза, но боковым зрением увидел, что нож рассек одежду у меня на груди и мышцы — не настолько глубоко, чтобы рана оказалась смертельной. Лезвие даже не достигло ребер — мне здорово повезло. Но в следующий раз он прикончит меня — в этом можно не сомневаться.

— Таннер!

Это был не мой голос. Это кричала Амелия, которая стояла среди теней, почти неразличимая в темноте. Я видел ее — она пыталась привлечь мое внимание.

Ну конечно. Для нее я по-прежнему был Таннером. Это было единственное имя, которым она могла меня называть.

Пистолет Рейвича был у нее.

— Бросай! — крикнул я.

Она послушалась. Пистолет упал и еще несколько метров скользил по полу. Драгоценная пыль, покрывавшая рукоятку, брызнула в разные стороны.

Увернувшись от Таннера, я бросился к пистолету.

Я упал на колени, по инерции скользнул вперед, и рукоятка легла мне в руку.

Нож пролетел по воздуху и вонзился мне в ладонь. Вскрикнув от боли, я выронил пистолет и увидел конец лезвия, который торчал из моей ладони, словно парус яхты.

Таннер уже бежал ко мне, эхо его шагов терялось в глухом мраке помещения. У меня в глазах стояли слезы, но я перехватил пистолет левой рукой и попытался прицелиться.

Я выстрелил, отдача мягко толкнула в ладонь. Пуля прошла в паре дюймов от его головы, оставив в воздухе туманный след. Поймав цель, я снова нажал на спуск.

Выстрела не последовало.

Таннер налетел на меня, точно таран, и ударом ноги отбросил в

сторону бесполезное оружие. Он повалил меня, придавив коленями, точно уже победил, и сцепился со мной, в то время как я пытался ударить его ножом, который по-прежнему торчал у меня из ладони.

Наконец он поймал мою руку и на миг улыбнулся. Он выиграл. И он знал это. Ему оставалось лишь освободить нож и прикончить меня.

Краем глаза я снова увидел труп Рейвича. Его челюсть отвисла, остатки зубов поблескивали в золотистом свете.

Я вспомнил, как он постукивал ногтем по зубам.

И еще кое о чем. О приобретении, которое Кагуэлла сделал у хирургов-ультра — более изощренном, чем ночное зрение, и тоже весьма полезном на охоте. Об этом приобретении я ни разу не говорил Таннеру Мирабелю.

Что толку охотиться ночью, если не можешь убить добычу сам?

Я широко распахнул рот — шире, чем позволяла обычная человеческая анатомия. И почувствовал, как глубоко в небном своде напрягся неизвестный мне ранее мускул. Потом в челюсти что-то безболезненно хрустнуло.

Уцелевшей рукой я обхватил голову Таннера и повернул ее лицом к себе — прежде чем он успел извлечь нож. Он думал, что это ему поможет!

Он заглянул мне в рот и увидел то, что там было.

— Ты покойник, — сказал я. — Как видишь, я позаимствовал у змей не только зрение.

Я чувствовал, как набухают ядовитые железы, подавая яд в тончайшие каналы, просверленные в моих искусственных клыках.

Я прижал к себе Таннера — так последний раз перед долгой разлукой обнимают брата.

И глубоко прокусил ему шею.

Эпилог

Я долго стоял и смотрел в окно.

Думаю, женщине, которая сидела у меня в кабинете, показалось, что я забыл о ее присутствии. В высоком окне — от пола до потолка — отражалось ее лицо. Она вопросительно смотрела на меня, ожидая ответа на свой вопрос. Я не забыл ни о ней, ни о вопросе, который она задала. Просто любопытно: каким образом все то, что когда-то казалось бесконечно чужим, теперь выглядит таким привычным.

Город не слишком изменился с тех пор, как я прибыл сюда.

Что ж, так и должно быть.

Дождь, падающий с Москитной Сетки, хлестал по стеклам тугими косыми струями. Говорят, в Городе Бездны дождь не прекращается. Вполне возможно, если не обращать внимания на нюансы. Бывает, он сыплется прозрачной нежной моросью, которая больше похожа на туман — холодный, чистый, как в высокогорье. А в другое время, когда вокруг Бездны открываются паровые дамбы, вызывая изменения давления по всему городу, он хлещет кислотными плетями, точно дефолиант.

— Господин Мирабель... — произнесла женщина.

Я отвернулся от окна.

— Извините. Захватывающий вид... На чем мы остановились?

— Вы рассказали мне о том, как Небесному Хаусманну удалось...

К этому времени она успела прослушать основную часть моей истории, которой мне хотелось поделиться со всеми и каждым. Я верил, что Небесный покинул свое убежище и начал новую жизнь под именем Кагуэллы. Наверное, это странно — то, что я рассказываю об этих вещах. Тем более странно, что я рассказываю об этом человеку, который пришел устраиваться ко мне на службу. Но, во-первых, она мне понравилась, а во-вторых, выказала редкое желание выслушать меня. Мы прикончили несколько порций писко — она тоже была родом с Окраины Неба. Словом, время пролетело незаметно.

— Ладно, — перебил я ее. — Насколько вы готовы мне поверить?

— Не знаю, господин Мирабель. Можно спросить: каким образом вам удалось все это выяснить?

— Я встретил Гитту. И то, что она мне рассказала, подтверждало слова Констанцы.

— Вы считаете, Гитта поняла раньше всех, кем был Кагуэлла?

— Да. Вполне вероятно, что она наткнулась на «завещание» Констанцы и вышла на Кагуэллу. Хотя с тех пор, как Небесного якобы казнили, прошло не менее двухсот лет.

— Она нашла его. А что было дальше?

— Она ожидала встретить чудовище, но получила нечто иное. Он был не тем человеком, которого знала Констанца. Наверное, Гитта пыталась возненавидеть его, но не смогла.

— Как вы думаете, как ей удалось его найти?

— Думаю, из-за его имени. Он взял его из легенды о «Калеуче». Кагуэлла — это дельфин, спутник корабля-призрака. Это имя связывало Небесного с прошлым.

— Что ж, весьма любопытная гипотеза.

Я пожал плечами.

— Возможно. Но не более того. Поживете здесь подольше — услышите и не такое.

Она прибыла на Йеллоустоун недавно. Она была солдатом, как я — но попала сюда не ради выполнения миссии, а из-за ошибки чиновников.

— Как давно вы здесь, господин Мирабель?

— Шесть лет.

Я снова посмотрел в окно. Действительно, Город не слишком изменился, с тех пор как я покинул Убежище. Заросли Кэнопи напоминали поперечный срез легкого — или моток спутанной черной пряжи на фоне буровой Москитной Сетки. Ходят разговоры, что в следующем году это место расчистят.

— Шесть лет — большой срок.

— Только не для меня.

Эти слова заставили меня вспомнить, как я пришел в себя в Убежище. Тогда я сам не заметил, как соскользнул за порог сознания — рана, которую нанес мне Таннер, вызвала большую потерю крови. Моя одежда была распорота, на рану нанесен слой бирюзовой целебной мази. Я лежал на кушетке, и за мной ухаживал один из тощих роботов-слуг.

Я был весь в синяках, и каждый вздох отзывался болью. Мой рот почему-то казался мне чужим.

— Таннер?

Это был голос Амелии. Она сидела рядом и сейчас склонилась надо мной. Я видел ее ангельское лицо — все как в тот день, когда меня оживили в обители Нищенствующих.

— Это не мое имя, — сказал я и вздрогнул: мой голос звучал

абсолютно нормально, разве что был чуть хриплым от усталости. Мне казалось, что мои губы не приспособлены для столь тонких действий, как человеческая речь.

— Я знаю, — сказала Амелия. — Но это единственное имя, которое я знаю. Так что пока оставим как есть.

Я был слишком слаб, чтобы спорить, и даже не уверен, что мне этого хотелось.

— Вы спасли меня, — сказал я. — И я вам многим обязан.

— Если не ошибаюсь, вы сами себя спасли, — возразила она.

Комната, где мы находились, была гораздо меньше того зала, в котором погиб Рейвич.

Но ее освещал тот же золотисто-осенний свет, на стенах были такие же барельефы в виде математических формул — впрочем, как и повсюду в Убежище. Свет играл на кулоне в форме снежинки на шее Амелии.

— Что с вами случилось, Таннер? Что превратило вас в человека, способного на столь жестокое убийство?

Это могло показаться упреком — если бы упрек звучал в ее голосе. Но я понял, что она не винит меня. Кажется, Амелия признала: вовсе не обязательно я должен нести ответственность за ужасы из моего прошлого. В той же мере человек виновен в злодеяниях, которые совершил во сне.

— Я играл роль человека, который любил охоту, — сказал я.

— Тот, о ком вы говорили? Кагуэлла?

Я кивнул.

— Помимо всего прочего, ему модифицировали сетчатку глаза, используя гены змеи. Он хотел охотиться в темноте, при этом быть на равных с добычей. Я думал, что этим все ограничилось. Но я ошибался.

— Но вы этого не знали?

— До определенного момента — не знал. В отличие от Рейвича. Ему было известно про ядовитые железы Кагуэллы и способ, которым можно было доставить яд по назначению. Наверно, ему об этом сказали ультра.

— И он пытался дать вам подсказку?

Я качнул головой, не отрывая ее от подушки.

— Может быть, ему хотелось, чтобы один из нас пережил другого. Надеюсь, он сделал правильный выбор.

— А ты сомневаешься? — спросила Зебра.

Я с трудом оглянулся — и увидел, что она стоит по другую сторону постели.

— Значит, Рейвич сказал правду, — пробормотал я. — Когда стрелял. Вас просто усыпили.

— Он был не самым скверным человеком, — сказала Зебра. — Не хотел, чтобы кому-то причинили боль — кроме человека, который лишил его семьи.

— Но я все еще жив. Значит, он проиграл?

Зебра медленно покачала головой. Она вся сияла в потоках золотистого света. И я понял, что мучительно желаю ее, хотя мы не раз предавали друг друга в прошлом — и еще неизвестно, что ждет нас в будущем.

— Думаю, он получил то, что хотел. Во всяком случае, почти все.

Похоже, она чего-то не договаривала.

— О чем ты?

— Кажется, тебе не успели об этом сказать, — ответила Зебра. — Но Рейвич солгал нам.

— Солгал?

— То, что он говорил о своем скане, — она поглядела на потолок, и на ее лице заплясали золотистые зайчики. Я заметил остатки прежней «раскраски» — уже совсем бледные.

— Сканирование прошло неудачно. Они слишком поторопились. Сканер не успел сделать запись.

Я старательно изобразил скептическую гримасу, но понимал, что Зебра говорит правду.

— Скан не мог быть неудачным. Я же говорил с ним — это было явно после сканирования.

— Тебе только казалось, что ты говорил с ним. Думаю, это была бета-копия — пародия на Рейвича. Она копировала его привычки, поэтому ты и подумал, что скан был успешным.

— Но зачем? Зачем весь этот спектакль?

— Думаю, ради Таннера, — сказала она. — Рейвич хотел внушить Таннеру мысль о том, что все его усилия бесполезны. Что, даже уничтожив его физически, он ничего не добьется.

— Оказывается, это было не совсем так, — сказал я.

— Как сказать. Конечно, Рейвич умер бы в любом случае — чуть раньше или чуть позже. Правда, убил его все-таки Таннер.

— И Рейвич знал об этом? Все это время, пока мы были с ним, он знал, что умрет, что сканирование не удалось.

— Получается, он выиграл? — произнесла Зебра. — Или наоборот, потерял все?

Я взял ее за руку и пожал ее.

— Теперь все это не имеет значения. Таннер, Кагуэлла, Рейвич — все

они мертвы.

— Все до одного?

— Все, кто действительно что-то значил.

После этого я целую вечность всматривался в золотистый свет, который исходил непонятно откуда — пока Зебра и Амелия не оставили меня одного. Я устал. Это была беспредельная усталость, которая не проходит, даже если выспишься. Но я все-таки уснул. И снова увидел сны. Не знаю, что я надеялся увидеть — но мне снова снилась камера с белыми стенами. И меня вновь охватил первобытный ужас от происходящего. От того, что происходило в этом месте, со мной, и от наказания, которому я подверг сам себя.

Позже — гораздо позже — я вернулся в Город Бездны. Это было долгое путешествие. По дороге нам пришлось сделать остановку в обители Нищенствующих, где сестра Амелия возвратилась к своим обязанностям. Она с удивительной стойкостью перенесла испытания, но, когда я предложил ей помощь — правда, не представляю, чем мог ей помочь, — Амелия отказалась и лишь попросила по возможности сделать ордену пожертвования.

Я пообещал, что так и сделаю. Позже я выполнил это обещание.

По прибытии в Кэнопи мы — Квирренбах, Зебра и я — договорились о встрече с человеком, который прыгал в Бездну.

— Дело касается Игры, — сказал я ему. — Мы предлагаем внести в нее значительные изменения.

Воронофф зевнул.

— С чего вы решили, что меня это заинтересует?

— Просто выслушайте нас, — сказал Квирренбах и приступил к изложению общей идеи.

План был разработан нашей тройкой во время пребывания в Убежище. Он был довольно запутанным, и мы не сразу сумели донести его до собеседника. Однако постепенно Воронофф начал проявлять признаки любопытства.

Он выслушал все до конца.

И сказал, что идея ему понравилась. И что ее даже можно осуществить на практике.

Мы предложили новую форму Игры под условным названием Театр Теней. В основе лежала все та же Игра, которая появилась в Городе после Эпидемии. Но ее правила коренным образом менялись. Главное, отныне она должна была проводиться на законных основаниях. Мы вывели Игру из

подполья, установили правило спонсорства и обеспечили гарантированное внимание средств массовой информации любому, кто пожелал бы пережить захватывающие ощущения во время охоты на человека. Отныне игроками будут не только богатые молокососы, которые ищут острых ощущений на одну ночь. Наши клиенты будут прекрасно вышколенными экспертами, охотниками-убийцами. Мы сделаем их настоящими профессионалами и создадим им имидж экстраординарных личностей. Это будет своего рода культ, находящий выражение в Игре, которая будет возведена в ранг высокого искусства. Разумеется, первые кандидаты будут набраны из числа нынешних игроков. Шантерель Саммартини уже предложила свои услуги в качестве тренера, и я не сомневался в том, что она идеально подходит на эту роль.

Но изменения касались не только охотников.

Никаких жертв. Роль добычи будут исполнять добровольцы. Звучит дико — но Воронофф пришел в восторг.

Отныне наградой для уцелевших будет их собственная жизнь. Но не только — вместе с выигрышем придет высочайший престиж. Мы наберем столько добровольцев, сколько понадобится — в Кэнопи, где множество богатых послесмертных изнывают от скуки. В обновленной форме Игра обеспечит им возможность привнести в свою жизнь элемент подконтрольного риска. Вступая в Игру, каждый подписывает с нами контракт, где подробно оговариваются условия состязания: продолжительность, разрешенная площадь территории, типы оружия, которым может пользоваться убийца. От добровольца требуется лишь одно — остаться в живых до истечения срока контракта. Они прославятся, им будут завидовать. За ними последуют другие, жаждущие еще больших успехов — увеличивая сроки контрактов, выбирая более жесткие условия.

Разумеется, мы не собирались отказываться от имплантатов. Но это будут совсем иные устройства — непохожие на то, которое вживил мне Уэверли, а затем любезно удалила Доминика. Охотнику и добыче предоставят парный комплект имплантантов, которые смогут получать и принимать сигналы только в пределах определенной зоны — опять же, оговоренной условиями контракта. Обе стороны будут знать, когда это случится — зуммер в черепе или что-нибудь подобное. И только в последний час погони — не раньше — репортеры смогут появиться неподалеку, чтобы стать свидетелями развязки — какой бы она ни оказалась.

Понятно, что Воронофф принял участие в этом проекте — в качестве первого клиента...

Мы назвали нашу компанию «Пункт Омега». Вскоре появились и другие — мы были только рады конкуренции. За какой-то год нам удалось стереть воспоминания о старой охоте. Впрочем, она не была той частью городской истории, которую кто-либо мечтал увековечить. Так что все произошло закономерно.

Вначале мы намеренно позволяли уцелеть большинству клиентов — разумеется, насколько позволял контракт. Убийцы теряли след в самый неподходящий момент, или оружие, в котором по условию был лишь один заряд, давало осечку. В итоге список желающих постоянно пополнялся, и наша компания приобретала известность.

Позже послабления прекратились. Теперь игра стала более реалистичной, и добыче приходилось по-настоящему сражаться, чтобы продержаться до конца срока.

Большинству это удавалось. Шансы быть убитым во время «Театра Теней» составляют около тридцати процентов — этого достаточно, чтобы не отпугивать потенциальных участников и в то же время обеспечить привлекательный уровень риска.

«Пункт Омега» процветал. Прошло лишь два года с тех пор, как я прибыл в Город Бездны, но уже входил в сотню самых богатых людей системы Йеллоустоуна. Но я так и не забыл о клятве, которую дал во время долгого пути в Убежище.

Тогда я поклялся, что изменю здесь все.

«Театр Теней» уже положил начало этому процессу, но этого было недостаточно. Я должен был изменить этот Город полностью. Я должен был уничтожить систему, существование которой обеспечило мне процветание. Я должен был разрушить отношения между Малчем и Кэнопи, которые считались естественными, как воздух.

Для начала я стал набирать охотников из Малча. Я ничем не рисковал: обитатели Малча ничуть не хуже подходили для этого, чем жители Кэнопи — и ничуть не хуже воспринимали методы обучения, которые я использовал.

Игра принесла мне богатство — и не только мне. Я позволил своим лучшим игрокам получить такое состояние, о каком они даже не мечтали. Но проследил, чтобы часть этих средств просочилась обратно в Малч.

Это только первый шаг. Понадобятся годы, а может, и десятилетия, прежде чем в иерархии Города Бездны произойдут заметные изменения. Но я знал, что это случится. Я дал себе слово и не собирался его нарушать. Я слишком часто делал это в прошлом.

Через некоторое время я снова начал звать себя Таннером. Я знал, что это обман. Я не имел права на это имя, я украл воспоминания, а затем и жизнь у человека, который на самом деле был Таннером Мирабелем.

Но разве теперь это имело значение? Я могу считать себя хранителем его памяти, всего, чем он был. Он не был хорошим человеком — в обычном понимании. Он был жестким и жестоким, он подходил и к научной проблеме, и к убийству с холодноватым любопытством геометра. Однако он не был негодяем. И даже в тот момент, который перечеркнул всю его жизнь — когда он выстрелил в Гитту, — он пытался сделать доброе дело.

То, что случилось с ним впоследствии, то, что превратило его в чудовище — уже не имеет значения. Эти события не могут очернить то, чем Таннер был прежде.

Пожалуй, это имя не хуже любого другого. И не думаю, что когда-нибудь оно покажется мне чужим.

Так что я не буду с этим бороться.

Кажется, я опять отвлекся. У меня в кабинете сидит женщина, которая все еще ждет моего решения.

— Так вы принимаете меня или нет?

Да, возможно, она получит работу, но для начала я хочу увидеть других соискателей. Поднявшись с кресла, я пожал ее маленькую, смертельно опасную руку.

— Несомненно, вы в числе основных кандидатов. Даже если это место вам не достанется, я вижу смысл не упускать вас из виду.

— Почему?

Я подумал о Гедеоне. Все эти годы он оставался пленником. Я обещал, что снова спущусь в Бездну — хотя бы чтобы убить его, — но так и не нашел времени. Он еще жив, поскольку Горючее Грез по-прежнему поступает в Город — правда, в ничтожных количествах, что постоянно создает дефицит. И по-прежнему остаются извращенцы, которые покупают страдания Гедеона, очищенные и переработанные, превращенные в нечто доступное их восприятию. Думаю, ему осталось недолго, так что мое обещание скоро потеряет смысл.

— Я задумал небольшую экспедицию.

— И когда это будет?

— Примерно через месяц. Может быть, месяца через три-четыре.

Она улыбнулась.

— Я профессионал, господин Мирабель. Смотрите, чтобы меня за это время не переманили.

Я пожал плечами.

— Все может быть.

Мы снова обменялись рукопожатием, и она направилась к двери. Я поглядел в окно. Уже смеркалось, в Кэнопи загорались огни. Фуникулеры, похожие на крошечных светляков, плыли в вековом коричневом полумраке. Далеко внизу, точно долина, усеянная кострами палаточных лагерей, расстился Малч. Пламя очагов в домах и ночных лавочках отбрасывало мрачные багровые блики на полог Москитной Сетки. Я подумал о миллионах людей, которые научились считать этот Город своим домом даже после того, как Эпидемия изменила его до неузнаваемости. С тех пор прошло целых тринадцать лет. За это время там, внизу, выросло новое поколение. Они почти не помнят, каким некогда было это место.

— Господин Мирабель? — окликнула женщина, задержавшись на пороге. — Можно один вопрос?

Я вежливо улыбнулся.

— Да?

— Вы пробыли здесь дольше меня. Был ли хоть один миг, когда этот Город вам нравился?

— Не знаю, — я пожал плечами. — Но одно я могу сказать точно.

— Что именно?

— Жизнь — это то, чем мы сами ее делаем.

Содержание

[Аластер Рейнольдс Город бездны](#)

[Глава 1](#)

[Глава 2](#)

[Глава 3](#)

[Глава 4](#)

[Глава 5](#)

[Глава 6](#)

[Глава 7](#)

[Глава 8](#)

[Глава 9](#)

[Глава 10](#)

[Глава 11](#)

[Глава 12](#)

[Глава 13](#)

[Глава 14](#)

[Глава 15](#)

[Глава 16](#)

[Глава 17](#)

[Глава 18](#)

[Глава 19](#)

[Глава 20](#)

[Глава 21](#)

[Глава 22](#)

[Глава 23](#)

[Глава 24](#)

[Глава 25](#)

[Глава 26](#)

[Глава 27](#)

[Глава 28](#)

[Глава 29](#)

[Глава 30](#)

[Глава 31](#)

[Глава 32](#)

[Глава 33](#)

[Глава 34](#)

[Глава 35](#)

[Глава 36](#)

[Глава 37](#)

[Глава 38](#)

[Глава 39](#)

[Глава 40](#)

[Глава 41](#)

[Глава 42](#)

[Эпилог](#)